

Л. Н.
ГУМИЛЕВ

ЭТНОСФЕРА

ИСТОРИЯ ЛЮДЕЙ И ИСТОРИЯ ПРИРОДЫ

Санкт-Петербург

СЗКЭО

«КРИСТАЛЛ»

Москва

«ОНИКС»

2003

ББК 63.3 (5)

Г 94

Художественное оформление серии
И. Г. Мосина

Текст воспроизводится по изданию:
Л.Н. Гумилев. Этносфера:
История людей и история природы. М.: Экспрос, 1993.

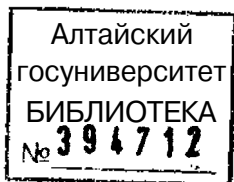
Гумилев Лев Николаевич

Г 94 Этносфера: история людей и история природы.—
СПб.: ООО «Издательский Дом „Кристалл”», 2003.
— 576 с. Серия «Вехи истории»

Вновь к читателю приходят уникальные произведения выдающегося русского историка, географа и этнолога Л.Н. Гумилева, печатавшиеся на протяжении почти 30 лет в специализированных малотиражных изданиях и составившие основу главного теоретического труда ученого — теории этногенеза.

Своеобразие данного сборника заключается в том, что наряду с теоретическими статьями в него были включены также научно-популярные произведения, в которых рассматриваются такие сложные и малоизученные явления в этногенезе, как антисистемы и этнические химеры.

Книгу дополняет *Словарь терминов и понятий по теории этногенеза Л.Н. Гумилева*, составленный одним из учеников автора — В.А. Мичуриным.

© Н.В. Гумилева, 2003

© СЗКЭО, 2003

© ООО «Издательский Дом
„Кристалл”», 2003

ISBN 5-306-00311-7

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Впервые статьи Льва Николаевича Гумилева выходят отдельной книгой. В ней собраны лишь те работы, которые посвящены теории этногенеза и отдельным ее аспектам.

В основу первой части легли статьи из цикла «Ландшафт и этнос», печатавшиеся на протяжении почти 10 лет (с 1964 по 1973 годы) в «Вестнике Ленинградского университета». Между собой мы называли этот цикл «сонатой», с ней было связано немало горьких и радостных страниц жизни Л.Н. Кстати, почти все представленные в этой книге статьи Л.Н. так или иначе использованы в его второй докторской диссертации и монографиях, вышедших гораздо позже.

А зачем же все-таки Лев Николаевич решил вторично защищать докторскую, на сей раз по географии? Ему было необходимо гласное обсуждение. Дело в том, что он трудился над книгой «Этногенез и биосфера Земли», писал и печатал статьи по этой теме, создал солидные рукописные заделы. Пошли слухи, что Л.Н. сочинил какую-то антимарксистскую работу. В наше отсутствие рукописи из его домашнего письменного стола исчезали. Потом, правда, те же невидимки их возвращали, но не всегда в нужное место. Поэтому Лев, когда мы с ним уезжали из Питера, оставлял в ящике стола записку на лагерном жаргоне: «Начальник! Шмоная, клади на место и книг не кради. Л. Гумилев». В этой ситуации нужно было срочно «обнародовать» книгу. Правда, он сомневался, разрешат ли ему это сделать.

Как ни смешно, к решительным шагам подтолкнула

его я

¹ Данное предисловие было написано к первому изданию: Л. Н. Гумилев. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экспрос, 1993.— Примеч. ред.

— Знаешь, Лёв, что-то стало скучно,— сказала я.— Что бы, это нам придумать, как бы оживиться, все-то одни огорчения.

А он мне и брякнул:

— Хочешь, я вторую докторскую защищу?

— Хочу,— сказала я.

И тут на меня навалилась тяжелая работа. Машинистка, которая всегда перепечатывала его рукописи, отказала, другой не нашлось. Пришлось мне осваивать новое ремесло. За семьдесят рублей мы купили допотопную машинку «Континенталь». Ей сто лет, зато вся железная! И вот я двумя пальцами начала «грохать» диссертацию.

В университете очень доброжелательно отнеслись к затее Л.Н. Сергей Борисович Лавров, Борис Николаевич Семевский, сотрудники кафедры быстро организовали оформление документов. Оппоненты были приглашены из Москвы — доктор географических наук Э.М. Мурзаев, доктор биологических наук Ю.П. Алтухов и доктор географических наук А.М. Архангельский.

И вот в мае 1974 г. состоялась защита. Это был замечательно интересный спектакль в большом зале Смольного (там в ту пору помещался географический факультет). Публики собралось огромное множество. Лёв вышел на кафедру и воскликнул: «Шнагу мне!» Ему подали палку-указку. Он выступил прекрасно. Из 21 члена Ученого Совета 19 проголосовали «за». Очень лестной для Льва была речь этнографа Ю.А. Маретина, чьи выступления всегда были яркими и дельными. (Как ни печально, с работы его выгнали.) Но ВАК отказал Л.Н. в присуждении степени доктора географических наук — «за хорошее знание истории» (!).

А спустя годы в издательстве «Наука» печатается книга «География этноса в исторический период». А в 1990 г. Университет присуждает Л.Н. первую премию за «Этногенез и биосферу Земли». Лёв счастлив! Что до членов ВАКа — Бог им судья.

В сборнике печатается многострадальный очерк «Зигзаг истории». Этот очерк об антисистемах и этнических химерах был заказан Л.Н. издательством «Мо-

лодая Гвардия» в 1976 г. Держали, держали, тянули время — и не напечатали. Отказ Л.Н. получил только в 1979 г.— за подписями Ю. Лощица и Ю. Селезнева, которые тогда ведали серией «Жизнь замечательных людей». Видимо, запрет наложило какое-то высокое начальство. Впоследствии фрагменты этого очерка вошли в книги «Этногенез и биосфера Земли» и «Древняя Русь и Великая степь».

Завершается сборник «Апокрифом», который, по моему мнению, замечателен.

Н. Гумилева

25 апреля 1993 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

БИОГРАФИЯ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ, ИЛИ АВТОНЕКРОЛОГ

Проблема жанра

Как известно, научные теории создает тот или иной человек. Кибернетики придумали даже для этого название — «черный ящик». В этот «ящик» вводится хаотическая информация, а потом из него выходит стройная версия, называемая в зависимости от ее убедительности гипотезой, концепцией или теорией. Автору посчастливилось добраться до третьей фазы совершенства, выше которой лежит только истина, то есть суждение, заведомо неопровержимое и не нуждающееся в дополнениях.

К счастью, истины встречаются только в спекулятивной (умопостигаемой) науке — математике, которая оперирует не явлениями природы, а числами — созданиями нашего мозга. В природоведении же, как и в истории, мы находим только феномены, явления отнюдь не рациональные, но требующие понимания еще в большей степени, нежели извлечение квадратного корня из шестизначного числа.

Поясняю парадокс. Автор за 75 лет своей жизни работал и в геологии, и в археологии, и в географии, но во всех этих науках встречал только феномен (явление), который можно описать словами, а измерить — либо простыми цифрами, либо понятиями «больше — меньше», «дальше — ближе», «древнее — новее». К этому естественнонаучному подходу автор привык настолько, что даже историю, казалось бы, вполне гуманитарную науку, он стал изучать, руководствуясь натуралистскими принципами. За это он имел много неприятностей и обид, но теория этногенеза была создана и даже приписана академику Ю.В.

Бромлею, цитировавшему положения автора без отсылочных сносок [130].

Поскольку нет и не может быть научной идеи без личности автора, ибо для мысли нужна голова, а она у человека всегда одна, то очевидно, что у каждого ученого, как человека, есть личная жизнь: школьные годы, тяжелые экспедиции, семейные осложнения, служебные неприятности, да и болезни. Но вместе с этим у него есть бескорыстный интерес к предмету исследования, частным сюжетам и эмпирическим обобщениям. Желание понять три вещи: «как?», «что?» и «что к чему?» представляется ему самоцелью. Если же оный товарищ занимается научной работой не для радости познания, то ему незачем тратить силы на изучение своего предмета. Пусть становится директором института. Это пойдет на пользу и ему, и науке.

Но коль скоро так, то личная биография автора никак не отражает его интеллектуальной жизни. Первую биографию мы все пишем для отдела кадров, а последнюю, некролог, обычно пишут знакомые или просто сослуживцы. Как правило, они выполняют эту работу халтурно, а жаль, ибо она куда ценнее жизнеописания, в котором львиная доля уделена житейским дразгам, а не глубинным творческим процессам.

Но можно ли судить за это биографов: они и рады были бы проникнуть в «тайны мастерства», да не умеют. Тайну может раскрыть только сам автор, но тогда это будет уже не автобиография, а автонекролог, очерк создания и развития научной идеи, той нити Ариадны, с помощью которой иногда удается выбраться из лабиринта несообразностей и создать непротиворечивую версию, называемую научной теорией.

Жизнь и мысль

Детские годы всегда заняты освоением многоцветного, разнообразного мира, в котором важно и интересно все: природа, люди и, главное, язык, изучение коего — «условие, без которого нельзя». Только с шести-семи лет человек может начать выбирать интересное и отталкивать скучное. Интересным для автора оказались история и гео-

графия, но не математика и изучение языков. Почему это было так — сказать трудно, да и не нужно, ибо это относится к психофизиологии и генетической памяти, а речь идет не о них.

Школьные годы — это жестокое испытание. В школе учат разным предметам. Многие из них не вызывают никакого интереса, но тем не менее необходимы, ибо без широкого восприятия мира развитие ума и чувства невозможно. Если дети не выучили физику, то потом они не поймут, что такое энергия и энтропия; без зоологии и ботаники они пойдут завоевывать природу, а это самый мучительный способ видового самоубийства. Вез знания языков и литературы теряются связи с окружающим миром людей, а без истории — с наследием прошлого. Но в двадцатых годах история была изъята из школьных программ, а география сведена до минимума. То и другое на пользу делу не пошло.

К счастью, тогда в маленьком городе Бежецке была библиотека, полная сочинений Майн Рида, Купера, Жюль Верна, Уэллса, Джека Лондона и многих других увлекательных авторов, дающих обильную информацию, усваиваемую без труда, но с удовольствием. Там были хроники Шекспира, исторические романы Дюма, Конан Дойла, Вальтера Скотта, Стивенсона. Чтение накапливало первичный фактический материал и будило мысль.

А мысль начала предъявлять жестокие требования. Зачем Александр Македонский пошел на Индию? Почему Пунические войны сделали Рим «вечным городом», а коль скоро так, то из-за чего готы и вандалы легко его разрушили? В школе тогда ничего не говорили ни о крестовых походах, ни о Столетней войне между Францией и Англией, ни о Реформации и Тридцатилетней войне, опустошившей Германию, а об открытии Америки и колониальных захватах можно было узнать только из беллетристики, так как не все учителя сами об этом имели представление.

Проще всего было не заниматься такими вопросами. Так и поступало большинство моих сверстников. Можно было кататься на лыжах, плавать в уютной реке Мологе и ходить в кино. Это поощрялось, а излишний интерес к ис-

тории вызывал насмешки. Но было нечто более сильное, чем провинциальная очарованность. Это нечто находилось в старых учебниках, где события были изложены систематически, что позволяло их запоминать и сопоставлять. Тогда всемирная история и глобальная география превращались из калейдоскопа занятных новелл в стройную картину окружающего нас мира. Это дало уму некоторое удовлетворение.

Однако оно было неполным. В начале XX века гимназическая история ограничивалась Древним Востоком, античной и средневековой Европой и Россией, причем изложение сводилось к перечислению событий в хронологической последовательности. Китай, Индия, Африка, доколумбовская Америка и, главное, великая степь Евразийского континента были тогда *Terra incognita*. Они требовали изучения.

И тут на выручку пришел дух эпохи. В тридцатые годы начались экспедиции, куда охотно нанимали молодежь. Автору открылись гольцы и тайга Хамар-Дабана над простором Байкала; ущелья по Вахшу и таджикские кишлаки, где люди говорили на языке Фирдоуси, палеолитические пещеры Крыма; степи вокруг хазарского города Саркела и, наконец, таймырская тундра. Книжные образы перестали быть тeneвыми контурами. Они обрели формы и краски.

Тогда на историческом факультете университета еще требовалось знание всеобщей истории. К сожалению, после войны всеобщая история в объеме крайне сократилась, а ее место заняла узкая специализация. Но в те годы можно было представить себе стереоскопический облик планеты, углубившись по шкале времени на 5000 лет. История Средней Азии и Китая излагалась на факультативных курсах. Только по кочевому миру еще не было специалистов. Пришлось заняться этим самому.

И тут оказалось, что любимые друзья детства: сиу, семинолы, навахи, команчи и пауни — аналог наших хуннов, куманов, тюрок, уйгуров и монголов. Степные народы Евразии защищали свою страну от многочисленных безжалостных китайцев так же, как индейцы сопротивлялись вторжению скваттеров и трапперов, поддержанных

правительственными войсками США. Так была поставлена первая научная проблема: каково соотношение двух разных культурных целостностей? Эта проблема получила решение в «Степной трилогии» (хунны, тюрки, монголы), опубликованной много лет спустя [64, 86, 93, 98, 111].

Не только ландшафты, но и люди привлекали внимание автора. На великих сибирских стройках ему удалось познакомиться с представителями разных народов, общаться с ними и понять многое, ранее ему недоступное.

Благодаря знанию таджикского языка автор подружился с персом, таджиками и даже с ученым эфталитом — памирцем, получившим двойное образование: он прошел обучение у исмаилитского «пира» — старца, а потом курс в Сталинабадском педагогическом институте. Эти беседы позволили автору найти путь к решению эфталитской проблемы, отличающемуся от прежних гипотез радикально [61, 79].

Общение с казахами, татарами, узбеками показало, что дружить с этими народами просто. Надо лишь быть с ними искренне доброжелательными и уважать своеобразие их обычаев; ведь сами они свой стиль поведения никому не навязывали. Однако любая попытка обмануть их доверие вела бы к разрыву. Они ощущали хитрость как бы чутьем. Китайцы требовали безусловного уважения своей культуры, но за интерес к ней платили доброжелательностью. При этом они были так убеждены в своей правоте и своем интеллектуальном превосходстве, что не принимали спора даже на научную тему. Этим они были похожи на немцев и англичан. Грузинский еврей, раввин и математик, объяснил мне философский смысл Каббалы, открытый для иноверцев, а буддийский лама — кореец рассказал о гималайских старцах увлекательную легенду, из которой тоже вылупилась научная статья [87].

Описанный способ изучения этнографии отнюдь не традиционен, но подсказан жизнью, точнее биографией автора, не имевшего многих возможностей, которые есть у научных сотрудников АН. Так и пришлось автору стать не научным работником, а ученым.

Конечно, работа в научном институте имеет свои преимущества в легкости организации экспедиций и публи-

каций, но зато там есть некоторые ограничения, например, обязательная узкая специализация, неизбежно сужающая поле зрения исследователя. Здесь же подбор информации определялся случайностью, но восполнялся широтой наблюдений, позволявшей использовать сравнительный метод.

Кроме того, информаторы автора были люди весьма образованные, каждый в своей культуре, вследствие чего их рассказы были более содержательны и полноценны. С ними можно было свободно беседовать по-русски; специальные термины они умели истолковать, а не просто перевести. Ведь часто при буквальном переводе теряются нюансы смысла и возникают неточности, весьма досадные. Поэтому можно смело утверждать, что подготовка автора была иной, чем тривиальная, но не хуже ее. Именно она позволила поставить вопросы, о которых пойдет речь ниже.

Неудовлетворенность

Решение одной, даже очень сложной задачи бывает иногда отрадно, но всегда бесперспективно. Полных аналогий в истории не бывает, поэтому новую задачу надо решать заново. Да и в уже проделанном исследовании достаточно сменить угол зрения (аспект), или добавить новый материал, или изменить степень приближения (взять вместо очков микроскоп), чтобы потребовались новые усилия, сулящие столь же неполные результаты. Таков лимит традиционной методики.

Кроме того, желательно обезопасить свой труд от обывательского представления, будто в любой борьбе одни — хорошие, а другие — плохие, а задача ученого — угодить читателю, объяснив ему, кто каков, или, что то же, — кто прогрессивен, а кто отстал и, следовательно, не заслуживает сочувствия.

Вот наглядный пример. В 1945 году, после взятия Берлина, я встретился и разговорился с немецким физиком моего возраста. Он считал, что славяне захватили исконно немецкую землю, на что я возразил, что здесь древняя славянская земля, а Бранденбург — это Бранный Бор лю-

тичей, завоеванных немцами. Он вскричал: «Sie waren primitiv!» и остался при своем мнении. Будь он начитаннее, он бы упомянул, что лютичи в V веке вытеснили с берегов Эльбы германских ругов. Но разве в этом суть? Все народы когда-то откуда-то пришли, кто-то кого-то победил — таков диалектический закон отрицания отрицания, примешивать к коему личные симпатии и антипатии неправомерно. Постоянная изменчивость во времени и пространстве — закономерность природы. Следовательно, ее нужно изучать, как мы изучаем циклоническую деятельность или землетрясения, независимо от того, нравятся они нам или нет.

В естественных науках оценки неуместны, а классификация необходима. Так, зоологи зачисляют в один класс наземных, морских (киты) и воздушных (летучие мыши) животных, как млекопитающих, ибо всех их сближает один, но правильно избранный признак. Такой систематизации поддаются и народности — этносы, принадлежащие к одному виду, но похожие друг на друга более или менее. Именно эти степени несхожести оказались крайне важными для этнической диагностики. Немцы не французы, но ближе к ним, чем к казахам или монголам. Хунны перемешивались с сибирскими и волжскими уграми, но не с китайцами, причем и там и тут язык значения не имел. Разговорную речь для базара выучить легко.

Иными словами, отдельные этносы не изолированы друг от друга, но образуют как бы этнические «галактики», в которых общение, даже для отдельных особей, гораздо легче, нежели с обитателями соседней «галактики» или иной суперэтнической целостности. В этом случае люди желают «жить в мире, но порознь».

Это наблюдение имело в условиях тесного этнического контакта важное практическое значение. Оказалось, что недостаточно самому не замечать этнических различий, но надо, чтобы и партнер не замечал их, а этого, как правило, не бывает, несмотря на то, что люди одинаково одеты, питаются в тех же столовых и спят в одинаковых жилищах. А в таких условиях только хорошие отношения между соседями обеспечивают необходимое для жизни благополучие. Но было ли так всегда и везде?

В 1938—1939 годах автор, имея много незанятого времени, стал продумывать исторические процессы разных государств и больших культурных целостностей, как, например, античность, включающую Элладу и Римскую империю; Византию вместе с окружающими христианскими народами: грузинами, армянами, болгарами, сербами, — но без Руси, представлявшей самостоятельную целостность; мусульманский мир, где общность была культурной, а не религиозной, и христианский мир — средневековый термин для романо-германской целостности Западной Европы. Китай, Япония и Индия были оставлены на потом, чтобы вернуться к ним тогда, когда характер развития, точнее становления, будет описан.

Так на месте микроскопа был установлен телескоп, а объектом наблюдения вместо молекул стали «галактики». Аналогичный подход, правда, с другими критериями, применил А. Тойнби в своем капитальном труде «Изучение истории», но тогда я о его работе еще не слышал. Так или иначе, мы пришли к близким обобщениям независимо друг от друга, хотя объяснения наблюдаемых явлений у нас диаметрально противоположны.

Оказалось, что если мерить интенсивность исторических процессов кучностью событий, то сначала наблюдается резкий взлет — около 300 лет, затем чередование подъемов и депрессий — тоже лет 300, потом ослабление жизнедеятельности, ведущее к успокоению, которое А. Тойнби назвал *breakdown*, и, наконец, медленный упадок, прерываемый новым взлетом. И сколько бы это наблюдение ни проверялось — так было везде на длинных отрезках времени. И тут встает вопрос: почему?

На что это явление похоже? На движение шарика, который, получив внезапный толчок, катится, сначала набирая скорость, а потом теряя ее от сопротивления среды; на взболтанную жидкость, где волнение постепенно стихает; на струну, после щипка колеблющуюся и останавливающуюся. И права была китайская царица из династии Чэн, плененная и выданная за тюркского хана в VI веке, когда написала мудрые и трогательные стихи (перевод мой):

*Предшествуют слава и почесть беде,
Ведь мира законы — трава на воде.
Во времени блеск и величье умрут,
Сравняются, сгладившись, башня и пруд.
Пусть ныне богатство и роскошь у нас,
Недолг всегда безмятежности час.
Не век опьяняет нас чаша вина,
Звенит и смолкает на лютне струна...*

Не странно ли, что китайка VI века мыслила категориями диалектики, а европейские филистеры XX века признают только линейную эволюцию, которую они называют прогрессом и считают нарастающей по ходу времени. Конечно, не следует отрицать прогресс в социальном развитии человечества, но ведь люди, принадлежащие к любой формации, остаются организмами, входящими в биосферу планеты Земля, телами, подверженными гравитации (земному притяжению), электромагнитным полям и термодинамике.

Итак, наша задача весьма упростилась. Нам надо найти ту форму движения материи, в которой наряду с социальной и независимо от нее живут люди уже больше 50 тысяч лет и которая, будучи природной, является формой существования вида *Homo sapiens*.

Этнос

Не каждое обобщение плодотворно для науки. Так, общеизвестно понятие «человечество», что, по сути дела, означает противопоставление вида *Homo sapiens* всем прочим животным. Однако при этом упускаются из вида вариации в главном — соотношении людей с окружающей средой. Есть люди хищники — охотники, есть ихтиофаги — рыболовы, есть пожиратели растений, а бывают и каннибалы. Некоторые — скотоводы — приручают животных и живут с ними в симбиозе, другие возделывают растения, третьи обрабатывают металлы. Короче, у человеческих коллективов есть жесткая связь с кормящим ландшафтом. Это и есть Родина.

Но к использованию ресурсов ландшафта надо приспособиться, а для этого требуется время, и немалое. Адапта-

ция идет поколениями; не внуки, а правнуки первых пришельцев в новую страну, с непривычными для прадедов природными условиями, усваивают набор традиций, необходимых для благополучного существования. Тогда Родина превращается в Отечество. Так было даже в палеолите.

Но это еще не все. Не только подражание предкам формирует склад человеческого коллектива. В нем всегда есть люди творческие, генерирующие мифы или научные идеи, рапсодии и музыкальные напевы, фрески, пусть даже в пещерах, узоры на женских платьях, ритуальные пляски и портреты. Изобретатели и художники никогда не бывают «героями», ведущими «толпу». Они обычно так поглощены своим делом, что у них не остается сил на общественную деятельность, которая тоже является достоянием профессионалов. Более того, мыслители и поэты воспринимаются современниками как «чудаки», однако их вклад в жизнь коллектива не пропадает бесследно, а придает ему специфический облик, отличающий его от соседних племен, где есть свои «чудаки». Сочетание этих трех координат образует «этнос», характеризующийся оригинальным стереотипом поведения и неповторимой внутренней структурой.

Именно способность к неоднократной адаптации в самых разнообразных ландшафтах и климатах, повышенная пластичность позволили человечеству как виду распространиться по всей поверхности Земли, за исключением Антарктиды, где жить можно только за счет подвоза пищи. Не только в палеолите, но и в историческом периоде этнос — форма вида *Homo sapiens*. Поэтому обобщение всех особей этого вида в понятие «антропосфера», хотя логически возможно, но не плодотворно. Антропосфера мозаична, и правильнее называть ее «этносферой».

Очень может быть, что другие крупные млекопитающие тоже делятся на стаи или стада, но мы обычно пренебрегаем такими психологическими нюансами, как не имеющими практического значения. Однако в отношении людей это недопустимо; ошибка вывода будет за пределами законного допущения. Дело в том, что отличительной чертой этноса является деление мира надвое: «мы» и «не мы»,

или все ллины и «варвары», иудеи и необрезанные, «люди Среднего государства» (китайцы) и «дикари» — на сопоре «ху», на юге «манн». Когда в историческое время возникали новые отношения, то те, кого мы называем «византийцы» (условный этноним), сами себя называли «христианами», противопоставляя себя «язычникам», а когда Мухаммед в 623 году создал свою общину, то ее члены стали называть себя «мусульмане» и распространили это название на всех к ним примкнувших (ансары). Слова же «арабы» в VII веке никто не знал — оно появилось позднее, для обозначения определенной части мусульман. До Мухаммеда жители Аравийского полуострова носили свои племенные названия и противопоставляли себя друг другу.

Такое словоупотребление было практически необходимо. Этносы иногда дружат, иногда враждуют; этноним помогал отличать друзей от врагов.

Но самое интересное, что ни один этнос не вечен. Древние шумеры, хетты, филистимляне, дарданы, этруски и венеты уступили свое место парфянам, эллинам, латинам и римлянам, которые выделились из латинов и других италиков. Но и этих сменили итальянцы, испанцы, французы, греки (этнос славяно-албанского происхождения), турки, таджики, узбеки и казахи.

Полного вымирания заведомо не было. Антропологи находят шумерийский тип на Ближнем Востоке, хотя его носители даже не слышали слова «шумер». Филистимляне были уничтожены евреями, но оставили название страны — Палестина. Потомков древних эллинов и римлян нет, но их искусство, литература и наука оплодотворяют умы людей поныне. Генетическая память пронзает столетия, всплывает в сознании в виде образов, порождающих эмоции, пример чему — стихи Н.С. Гумилева:

*...И тупя проснулся и вскрикнул: «Что, если
Страна эта истинно родина мне?
Не здесь ли любил я? и умер не здесь ли?
В зеленой и солнечной этой стране?»
И понял, что я заблудился навеки
В пустых переходах пространств и времен,
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.*

Новая наука

Смутные воспоминания о непережитых событиях возникают у людей с тонкой нервной организацией довольно часто. Бывало такое и в древности. Для объяснения этого феномена была изобретена теория переселения душ, распространенная в Китае, Индии и у древних кельтов. Практичные римляне не придавали сумеречным эмоциям значения; они попросту игнорировали их. У них была концепция мрачного Орка — обиталища мертвых.

Поскольку западноевропейская наука унаследовала строй римской мысли, то теория линейной эволюции стала ее основой. Византийская диалектика была отброшена как суеверие, мешающее прогрессу. Во главу угла было поставлено сознание, а ведь генетическая память лежит в сфере ощущений и, следовательно, выпадает из науки.

Но диалектика победила. Генетическая память, иногда выплывающая из глубин подсознания и вызывающая неясные образы, получила научное обоснование. Н.В. Тимофеев-Ресовский называл это явление «аварийным геном».

Пусть этот ген выскакивает наружу крайне редко и не по заказу, но он переносит фрагменты информации, объединяющие человечество, которое в каждую отдельную эпоху, и даже за 50 тысяч лет известной нам истории, представляется как мозаика этносов. Именно наличие генетической памяти объединяет антропосферу. В противном случае человечество распалось бы на несколько видов, и восторжествовала бы расовая теория. Как найти выход?

Исчезновение этносов — факт столь же достоверный, как и факт их возникновения, но вымирание (депопуляция) — случай крайне редкий. Обычно происходит рекомбинация элементов, как в колоде карт при перемешивании. Можно разложить карты по мастям, или по значениям — от туза до шестерки, или еще как-нибудь, но определяющим будет характер их сочетания, ибо именно сочетание создает системную целостность, столь же реальную, как и сами элементы — люди, семьи, роды, постоянно взаимодействующие друг с другом.

Однако люди обитают на планете с крайне разнообразными географическими и климатическими условиями — ландшафтами. Очевидно, ландшафты тоже входят в повседневную жизнь этносов как элементы. Леса, степи, горы, речные долины кормят не только животных, приспособившихся к ним, но и людей, какое бы хозяйство они ни вели. Тут физическая география смыкается с историей, ибо изменения ландшафтов столь же закономерны, сколь и старение этносов. В эпоху ледникового периода — 12—20 тысяч лет назад — Сибирь, примыкавшая к закраине ледника, была цветущей степью, над которой сияло вечно голубое небо, никогда не закрывавшееся тучами. Было так потому, что над ледником всегда стоит антициклон и ветры, несущие влагу с океанов, обтекают его с южной стороны. Приледниковая степь не была пустыней, ибо ее орошали пресные воды — ручьи, стекавшие с ледника и образующие озера, окаймленные зарослями и полные рыбы, а следовательно, и водоплавающей птицы.

В степи осадков было мало, но снег выпадал, а растения сухих степей, пропитанные солнцем, калорийнее влаголюбивых, и стада мамонтов, быков, лошадей и газелей (сайги) паслись, давая, в свою очередь, пищу хищникам, среди которых первое место занимал человек.

Но ледник стоял. Циклоны понесли массы влаги через Сибирь, северную Россию и Скандинавию. На месте степи выросла тайга, а травоядные животные отошли на юг, где еще сохранялись сухие степи. За ними ушли хищники и большая часть людей, а оставшиеся ютились по берегам великих рек, питаясь рыбой и водоплавающей птицей. Лишь много веков спустя предки эвенков вернулись на север, так как сумели приручить северного оленя, приспособившегося к суровым условиям тайги. Их жизнь — это симбиоз человека и оленя.

Подобные изменения природной среды, хотя меньшего масштаба, происходят и в наше время; увлажненность отдельных зон меняется раза два — три в тысячелетие. Так можно ли выпускать это из поля зрения? Если же принять ее во внимание, то наука, решающая описанную проблему, будет не просто историей, этнографией или археологией, а синтезом этих наук с географией. В отличие

от географического детерминизма Ш.Л. Монтескье и географического нигилизма А. Тойнби здесь решающим моментом является динамика ландшафтов; как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга [175].

Отмеченное сочетание истории (науки о событиях в их связи и последовательности) и археологии (науки о памятниках) с палеогеографией (наукой об изменениях поверхности Земли) требует новых подходов и способов исследования. По сути дела, это уже не этнография — описание особенностей быта и культуры, а естественная наука о происхождении и сменах этнических целостностей, комбинациях элементов в разнообразном пространстве и необратимом времени. Для новой науки требуется и новое название, и самым удачным будет термин «этнология», хотя и употреблявшийся неоднократно, но без точного определения и смыслового наполнения, так как в прошлые века для постановки и решения этой проблемы не было подходящего инструмента. Но в середине XX века был открыт «системный подход», оцененный советскими философами и теоретиками науки как достижение настолько перспективное, что оно достойно названия великого. Принцип его прост, и студенты осваивают его легко.

Системный подход

Категория «этнос» была известна всегда, но понять ее удалось только в XX веке. Раньше предполагалось, что этнос объединен сходством его членов — например, общим языком, общей религией, единой властью, — однако действительность опровергла эти домыслы.

Французы — этнос, но говорят на четырех языках: французском, провансальском, бретонском и гасконском, а спасительница Франции Жанна д'Арк произносила свою фамилию с немецким акцентом «Тарк». Есть французы католики, гугеноты, атеисты, но теперь это им не мешает. А те французы, которые уехали в Канаду в XVII веке, этнической принадлежности не потеряли и англичанами не стали.

Применение понятия «сходство» ведет к абсурду. Несходны мужчины и женщины, старики и дети, ремесленники и крестьяне, гении и тупицы, но этнической стройности это не нарушает. Очевидно, дело в чем-то другом.

В 1937 году биолог Л. фон Берталанфи на философском семинаре в Чикаго, пытаясь сформулировать понятие «вид», предложил рассматривать его как «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии», и назвал «системой открытого типа». Его тогда никто не понял и не поддержал. Бедный ученый сложил бумаги в ящик стола, отправился на войну, к счастью, уцелел и, возвратившись, застал совсем иной интеллектуальный климат: интерес к моделированию и кибернетике. Системный подход стал известен советским ученым с 1969 года благодаря философам Э.Г. Юдину и В.Н. Садовскому и биологу А.А. Малиновскому и ныне применяется во многих областях науки. Системный подход позволяет дать строгое определение понятию этноса. Попробуем объяснить наглядно. Но для этого надо учесть еще один фактор: комплиментарность, либо положительную — симпатию, либо отрицательную — антипатию.

Общеизвестный пример системы — семья, живущая в одном доме. Элементы ее: муж, жена, теща, сын, дочь, дом, сарай, колодец, кошка. Пока люди любят друг друга, система устойчива; если они ненавидят друг друга, как в романах Агаты Кристи, — система держится, пусть на отрицательной комплиментарности. Но если супруги разведутся, дети уедут учиться, теща разругается с зятем, сарай без ремонта развалится, колодец зацветет, кошка заведет котят на чердаке, — то это будет уже не система, а просто заселенный участок. И наоборот, пусть умрет теща, сбежит кошка, но будет писать любящий сын и приезжать на именины дочка, — система сохранится, несмотря на перестройку элементов. Это значит, что реально существующим фактором системы являются не предметы, а связи между ними, хотя они не имеют ни массы, ни веса, ни температуры.

Это простой случай; при усложнении системы расширяются и образуют субэтносы — группы людей, связанных положительной комплиментарностью внутри себя и отри-

цательной относительно соседей. Группа объединенных субэтнотосов образует этнос, интеграция этносов — суперэтнос, то есть группу этносов, возникших в одном регионе и противопоставляющих себя другим суперэтносам. Так, романо-германская католическая Европа — *Chrétienté* — объявила в XIII веке своим противником православные страны — Византию, Болгарию и Россию — и начала против православия крестовый поход. И тут и там вера была одна, но суперэтносы разные. Чтобы оправдать свое поведение, крестоносцы четвертого похода (1204 г.) говорили, что православные такие еретики, что от них самого Бога тошнит. Значит, они воевали не за веру, а вследствие отрицательной комплиментарности двух суперэтнических систем. Это уже не только социальное, то есть разумное, действие, на взрыв неуправляемых эмоций, то есть явление природы.

Любопытно, что автор наметил основы такого подхода еще в студенческие годы, но не мог ни точно сформулировать их, ни тем более обосновать. Часто научная идея, даже правильная, гнездится где-то в подсознании, и лучше там ее задержать до тех пор, пока она не выкристаллизуется в стройную логическую версию, не противоречащую ни одному из известных фактов.

При обобщении процессов глобальной истории закономерность системного подхода очевидна. Мусульмане ведут джихад — священную войну против христиан, но при этом режут друг друга. Однако характеры столкновений на суперэтническом и субэтническом уровнях несоизмеримы. Англичане воевали с французами, но в Африке, столкнувшись с зулу или ашанти, ощущали свое единство и спасали друг друга. Даже древние греки вели себя так же: воюя с персами, афиняне и спартанцы отпускали пленных персов за выкуп, но «за измену общеэллинскому делу» казнили фиванцев, служивших Ксерксу и Мардонию. А ведь социальные структуры у спартанцев и афинян были противоположны, экономические интересы взаимно-исключали общую выгоду. Что же их объединяло в борьбе с персами? Только принадлежность к единой этнической системе, которая, как ныне доказано, — объективная реальность, существующая вне нас и помимо нас.

«Но ведь это биологизм!» Так кричат те, кто не задумывается над сущностью явлений природы. Нет, это монизм; это сопричастность людей к биосфере — праматери жизни на планете Земля. Это — дополнение к социальной эволюции, а не замещение ее, ибо прогресс — процесс развития социума, а этнос может быть сопоставлен с мелкими таксономическими единицами внутри вида *Homo sapiens*, рода *Hominides*, отряда *Primates*, семейства *Mammalia* (млекопитающих) и класса *Animalia* (животных). Мы порождение земной биосферы в той же степени, в какой и носители социального прогресса.

Естественники приняли системный подход с радостью, а гуманитарии его игнорировали. И это не случайно: филологи и историки черпают первичное знание из письменных источников, а в оных о системных связях нет ни слова. С их точки зрения, системы — выдумка, к тому же бесполезная:

А как же быть с этносами? Очень просто: надо различать их по названиям; узнать же эти названия следует у них самих, как в паспортном столе милиции. Нет, это не шутка, а, увы, научная установка, бытующая поныне. На одной кандидатской защите оппонент назвал единым этносом эквадорцев, хотя в Эквадоре живут белые креолы, метисы, индейцы кечуа и индейцы Амазонии. По его мнению, народы, живущие в одном государстве, — один этнос. Я спросил его: «А как назывался этнос Австро-Венгрии, где большинство составляли славяне? Австро-венгры?» Он обиделся и не ответил. Такому доктору географических наук системный подход, конечно, не нужен.

Равным образом не нужен системный подход тем историкам, которые ищут предка изучаемого этноса. Эти историки считают французов потомками кельтов (галлов), а русских — потомками скотов (скифов). При этом они забывают, что и те и другие смешивались с соседями, меняли культуры и языки и, наконец, что монолитный этнос равноценен расе, особенно если у него был один предок, а не сочетание древних этнических субстратов. Такая патологическая склонность к партеногенезу весьма распространилась в XIX веке среди полуобразованных людей и породила шовинизм как карикатуру на патриотизм.

Итак, системный подход имеет не только теоретическое, но и практическое значение, ибо благодаря ему можно избегать ошибок как в личной жизни, так и в межетнических взаимоотношениях.

Начала и концы

Уже упоминалось, что этнические системы не вечны. Они развиваются согласно законам необратимой энтропии и теряют первоначальный импульс, породивший их, так же, как затухает любое движение от сопротивления окружающей среды. Так, это понятно. Но откуда взялся первоначальный толчок и какова природа той энергии, которая инициирует деяния людей, побуждает их идти на гибель или добиваться победы, воспользоваться плодами которой они не успевают? Ведь это не электричество, не теплота, не гравитация. А что же?

Великий ученый XX века В.И. Вернадский, читая в 1908 году заметку во французской газете о перелете саранчи из Африки в Аравию, обратил внимание на то, что масса скопища насекомых была больше, чем запасы всех месторождений меди, цинка и олова на всей Земле. Он был гений и потому задумался о том, какова энергия, которая подняла этих насекомых и бросила их из цветущих долин Эфиопии в Аравийскую пустыню, на верную смерть.

Дальнейший ход его исследования можно опустить; важен вывод. Во всех живых организмах находится биохимическая энергия живого вещества биосферы, совсем не мистическая энергия, а обыкновенная, аналогичная электромагнитной, тепловой, гравитационной и механической; в последней форме она и проявилась. Большей частью биохимическая энергия живого вещества находится в гомеостазе — неустойчивом равновесии, но иногда наблюдаются ее флуктуации — резкие подъемы и спады. Тогда саранча летит навстречу гибели, муравьи ползут, уничтожая все на своем пути, и тоже гибнут; крысы-пасюки из глубин Азии достигают берегов Атлантического океана и несут с собой легионы чумных бактерий; лемминги тол-

пами бросаются в волны Полярного моря, газели — в пустыню Калахари; а люди... Но об этом-то и пойдет речь.

Чем сложнее организм, тем больше факторов определяет усложнение его системных целостностей и тем многообразнее их проявления в видимой истории. О людях мы знаем больше, чем о насекомых и грызунах. Там можно наблюдать только кульминации вспышек, но начала их, а также концы, когда импульс затухает и движение переходит в гомеостаз, причем популяция вымирает, описать очень трудно. Зато людям известна не только относительная хронология, показывающая, что было раньше, а что позже, но и абсолютная — в каком году то или иное произошло. Поэтому обнаружить и уточнить закономерности биосферы целесообразно путем их сопоставления с этнической историей человечества, где тоже есть «начала» — вспышки этногенеза и «концы» — распады этнических систем.

Любопытно, что наличие «начал» отмечали еще эллины и римляне, хотя прекрасно знали, что у них были предки: ахейцы, ходившие разрушать Трою, и латины, прибывшие из поверженной Трои в Италию под предводительством Энея. Тем не менее греки считали «началом» первую олимпиаду в 776 году до н.э., а римляне — основание Рима в 753 году до н.э. Пусть эти даты не точны, но в середине VIII века до н.э. действительно сложились два этноса-ровесника: эллины и римляне. А конец римского этноса наступил в V веке н.э., фактически с упразднением культа Весты, а официально — с отречением последнего императора Ромула Августа в 476 году. Социальный институт пережил создавший его этнос.

Византийский этнос называл себя «ромей», то есть римляне, хотя на самом деле он был могильщиком Рима, так как происходил от полиэтнических христианских общин Сирии, Египта и Малой Азии. Первая достоверная дата его — 155 год, диспут Юстина Философа с языческими философами. Конец — падение Константинополя в 1453 году. Но следует отметить, что начальным датам всегда предшествует инкубационный период продолжительностью около 150—160 лет, то есть шесть — семь поколений. Это наводит на размышления.

Мусульмане начинают свою историю с бегства Мухаммеда из Мекки в Медину — 622 год (хиджра), но этому предшествовала эпоха энергетического взлета, выразившегося в ожесточении племенных войн и появлении плеяды поэтов. Это показывает, что фактический взрыв энергии был на рубеже V—VI веков. Уточнить дату трудно да и не нужно.

Создание современной западноевропейской этнокультурной целостности высчитано в сороковых годах прошлого века Огюстеном Тьерри — это 841 год. Тьерри доказал, что именно тогда проявили себя французы, которых до этого не было, а была механическая смесь салических франков и галлоримлян. Тогда же слились в этнос немцев племена саксов, рипуарских франков, тюрингов, швабов, фризов. В те же годы потомки вестготов, аланов, лузитанов и свевов объявили себя испанцами и начали Реконкисту — отвоевание Пиренейского полуострова у арабов. А ладьи викингов бороздили волны морей уже полвека, отмечая инкубационный период этногенеза. Остров Британия и полуостров Италия несколько отстали в этническом преобразении, но были втянуты в него путем завоевания англосаксами, норманнами и швабами.

Позднее эта система, набухшая энергией, распространилась на Америку, являющуюся заокеанским продолжением Западной Европы, Австралию и Южную Африку, подчинила Индию и другие тропические страны, насадила свой стереотип поведения даже в Японии, но Россия, Турция и Китай устояли.

Очевидно, все этносы прошли фазы подъема, перегрева, надлома и инерции, только каждый этнос по-своему. Те же этносы, которые европейцы считают «примитивными» и «отсталыми», потому что ныне они пребывают в гомеостазе, некогда имели своих героев и гениев, но неумолимый Хронос состарил их. От былых живых культур у них сохранились обрывки преданий и трудовые навыки; это «старички», а не «дети».

Описанная закономерность противоречит принятой на Западе теории неуклонного прогресса, но вполне отвечает принципу диалектического материализма. Еще Энгельс использовал для наглядности пример зерна, дающего колос с обилием зерен, а русский поэт XX века В. Ходасевич

интерпретировал этот пример в отношении исторических закономерностей во времени:

*И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год,—
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.*

К явлениям этногенеза применимы и другие законы диалектики. Переход количества в качество наблюдается при взрывах и становлении этносов (негэнтропии); в последующей этнической истории (энтропии) он только меняет знак. Если непосредственно после толчка или взрыва энергия расширяет свой ареал, усложняет систему, создавая дополнительные звенья и блоки,— сословия, секты, торговые компании и т.п., то с определенного момента процесс идет в обратном направлении: количество подсистем уменьшается, энергетический баланс системы снижается, и система упрощается настолько, что у нее остается либо один элемент-реликт, либо и он рассасывается между отдельными системами. Мозаичность этносистемы объяснима через закон единства и борьбы противоположностей, а неизбежная смена одних этносов другими — через закон отрицания отрицания.

Как известно, диалектический материализм изучает наиболее общие законы развития природы, общества и мышления. Применение диалектического материализма к изучению развития общества сформировало исторический материализм. Однако этнос — это феномен биосферы, и все попытки истолковать его через социальные законы развития общества приводили к абсурду. Ограничимся одним наглядным примером. Известно, что национально-освободительные движения несопоставимы однозначно с социальными конфликтами в рамках какой-либо страны. Здесь спорить не о чем.

Действительно, если бы принадлежность к этносу определялась только отметкой в документе, то не нужен был бы Институт этнографии АН СССР, а достаточно было бы паспортного стола и заполнения формы № 1. Однако вряд ли кто-либо с этим согласится. Для объяснения природных феноменов надо искать природные причины.

Сомнения и недоумения

Неоднократно доводилось слышать вопросы: «Каким образом мы, люди, можем узнать о такой форме энергии, как биохимическая энергия живого вещества биосферы? Большая часть форм энергии воспринимается органами чувств: свет (движение фотонов) — зрением; звук (колебание атмосферы) — слухом; тепло (движение молекул) — осязанием; электромагнетизм — несложными приборами. А как признать достоверным существование особой биохимической энергии, находящейся в телах людей и при этом сопоставимой с прочими формами энергии через энергетический коэффициент? Вот если бы тут была еще и душа — все было бы ясно, ибо к мистике мы привыкли». Да, действительно, все виды энергии воспринимаются не непосредственно, а через наблюдаемый эффект, но для получения эффекта необходима структура из многих элементов. Никто не видел единичного фотона, никого не обожгла одна молекула, невозможно слушать музыку ниже слухового предела, а катионы и анионы были не наблюдаемы, а высчитаны. Так и биохимическая энергия была обнаружена В.И. Вернадским в огромном скоплении саранчи; изучая же отдельное насекомое, он не увидел бы ничего. Вот почему для поставленной нами цели нужна была история, как фиксация биохимических процессов в человечестве на популяционном уровне и за достаточно долгие сроки. Мимолетный взгляд дал Платону право определить человека как «двуногое без перьев». Над этим определением хохотали еще афиняне.

В наше время всем известно, что каждый человек — член этноса, этнос же входит в биоценоз своего географического региона, являющегося фрагментом биосферы планеты Земля. Земля, в свою очередь, входит в состав Солнечной системы — участка Галактики и Метагалактики.

Таким образом, все мы сопричастны Вселенной, но путем иерархической совместимости макромира с микромиром, от которого людей отделяют клетки их тела, молекулы, атомы и субатомные частицы. Любая научная задача

может быть корректно поставлена и решена только на своем уровне.

Но как же удалось увидеть эффект биохимической энергии живого вещества людей, которые так разнообразны и зависимы не только от природы, но и от культурного и социального развития? Это открытие пришло к автору весьма неожиданно — при изучении свойств исторического времени.

Линейная и циклическая системы отсчета времени употребляются ныне для календарей. Такое время не зависит от природных явлений и тем более от деятельности человека. Но время, в которое мы живем и которое ощущаем, измеряется числом событий. В отличие от календарного оно неоднородно. В нем есть свои горы и пропасти, трясины и равнины; по равнинам так приятно идти!

И это время как раз показывает неравномерность распространения энергии живого вещества на Земле. Ведь если бы этой неравномерности не было, то люди бы довольствовались простым насыщением и размножением, то есть самосохранением индивидуально и в потомстве. Так подсказывает инстинкт.

Но не все люди шкурники! Некоторые обретают стремление с обратным знаком, стремление к «идеалу», под которым понимается далекий прогноз. Они стремятся либо к победе над врагом, либо к открытию новых стран, либо к почестям от своих сограждан, либо к накоплению... безразлично чего: денег, знаний, воспоминаний, либо к власти, обладание коей всегда влечет за собой беспокойство и огорчения.

Эти люди могут быть добрыми и злыми, умными и глупыми, нежными или грубыми. Это не важно; главное, что они готовы жертвовать собой и другими людьми ради своих целей, которые часто бывают иллюзорны. Это качество, по сути,— антиинстинкт; я назвал его новым термином — пассионарность (от латинского *passio* — страсть).

Пассионарность

Это слово вместе с его внутренним смыслом и многообещающим содержанием в марте 1939 года проникло в

мозг автора как удар молнии. Откуда оно взялось — неизвестно, но для чего оно, как им пользоваться и что оно может дать для исторических работ, было вполне понятно: история любого этноса укладывалась в колыбель описанной схемы (толчок — подъем — перегрев — упадок — затухание), а отдельные зигзаги учитывались пропорционально их значению. Оказалось, что любая живая система, будь то этнос или организм, развивается единообразно. Внезапно в ней появляется некоторое количество людей, наделенных пассионарностью, — пассионарии.

Историческое время от вспышки до затухания совпадало с фазами этногенеза и отвечало им полностью. Это были как бы «возрасты этноса», определяемые процентом пассионариев в этнической популяции. Растет их число до определенного предела — система усиливается; выше этого предела — пассионарность уничтожает сама себя и снижается, так как пассионарии истребляют друг друга; ниже идет спад пассионарности с выбросом свободной энергии, порождающей искусство, роскошь, интриги и социальные идеи. После энергетического надлома наступает длинный период инерции, когда упорядочивается хозяйство, расширяется образованность и царит законность. Но неубывающая энтропия ведет этнос к распаду.

Непонятно было лишь, как возникают сами пассионарии и чем они отличаются от своих соплеменников. Друг биолог, тоже студент, подсказал слово: «мутация». А ведь и верно! Только это микромутация, меняющая что-то в гормональной системе организма и тем самым создающая новый поведенческий признак. Человек остается самим собой, но ведет себя по-другому.

Мутация никогда не захватывает всей популяции. Мутируют отдельные особи, и по-разному. Явные уроды быстро устраняются естественным отбором, а для устранения мутантов-пассионариев необходимо около 1200 лет, причем они ухитряются оставить после себя следы своих деяний: здания, поэмы, картины, рассказы о своих подвигах, технические изобретения и моральные нормы. Впрочем, моральные нормы забываются в первую очередь.

Если бы автор не осознал все это еще в 1939 году, ему в голову не пришло бы искать объяснения исторических

событий в концепциях Берталанфи и Вернадского, казалось бы, не касающихся истории.

Благодаря соединению геобиохимии и системологии с исторической географией становится понятной причинная связь между биохимической энергией живого вещества биосферы и отдельными системами — от микроорганизма до суперэтноса. Системы работают на биохимической энергии, поглощая (поглощая) ее из окружающей среды и выходя в виде работы (в физическом смысле). Оптимальное состояние, или гармоничность, системы, будь то один человек или многолюдный этнос, — это когда количества энергии, идущей на нужды самого организма и на пассионарность, равны. Тогда они уравнивают друг друга, и система крепка.

Если мутант поглощает больше энергии, он должен ее истратить, а путь к этому только один — деяния. Тогда испанские идады едут в Америку или на Филиппины, завоевывают целые страны, обретают богатства, на 80 процентов гибнут, а выжившие возвращаются измотанными до предела или больными. Но ведь едут только Дон Кихоты, а Санчо Пансы сидят с женой дома. Так, Испания, в XVI веке претендовавшая на роль мирового гегемона, к 1700 году стала предметом раздела между европейскими державами, и началась война за испанское наследство.

Однако этносы способны к регенерации. Тот же испанский этнос отразил армию Наполеона. Это был подвиг, равный освоению Америки. Как он мог совершиться? Только потому, что пассионарность — наследственный признак, видимо, рецессивный, так как он передается, минуя детей и внуков, к правнукам и праправнукам. Поэтому этнические системы существуют долго.

Пример Испании не исключение. Куда не взглянешь — тот же самый процесс. Ехидные студенты решили проверить теорию на совсем новом для автора материале: Японии и Эфиопии. И получилось то же самое: взлет, то есть мутация, подъем, то есть усложнение, спад, связанный с развитием культуры, инерция — установление цивилизации, упадок, смешение с соседями и очередной взлет. Что это закон природы — сомнений уже нет!

Но обязателен ли упадок? Да! Потому что наряду с пассионариями при мутации появляются субпассионарии — особи, поглощающие меньше энергии, чем требуется для уравнивания потребностей инстинкта. Им все трудно, а желания их примитивны: поесть, выпить, поразвлечься с такой же женщиной. Таковы неаполитанские лаццарони, бродяги, описанные М. Горьким, подонки капиталистических городов, вымирающие племена Андаманских островов, которым лень наловить рыбы, нарвать в лесу плодов для любимых детей. Они лежат на берегу океана в ожидании парохода, а потом просят у приезжих туристов табаку, курят... и счастливы.

Субпассионарии существуют повсеместно, но очень различны. Близкие к оптимуму составляют кадры преступников и проституток. Те, кто слабее, становятся алкоголиками и наркоманами, а еще ниже стоят дебилы и кретины, у которых не хватает энергии даже на то, чтобы мечтать. Эти особи за пределами нормы.

Субпассионарии отнюдь не так безобидны, как может показаться. Для них характерна безответственность и импульсивность. Им нельзя ничего доверить, ибо ради минутного наслаждения они способны погубить любое дело, даже государственное или общественное. Ради сегодняшней выгоды они уничтожают кормящие ландшафты, обрекая на голод своих потомков. Будущее их не пугает, потому что они просто не в состоянии его вообразить. А тех, кто пытается их вразумить, они убивают. Этот процесс особенно отчетливо виден в истории Римской империи III—IV веков. Не рабы, и не варвары, и не христиане погубили Рим, а любители цирковых зрелищ, бездельники, которых кормили даром. Ведь именно ради них истребляли население провинций и природу собственной страны — Италии, где дубравы не восстановились доселе, а склоны Апеннин заросли колючим кустарником.

Практическое значение теории

Нарисованная здесь картина выглядит мрачновато, но задача науки не в том, чтобы утешать людей и тем вводить их в заблуждение. Так, правда, случалось неоднократно.

кратно, но то были своего рода «академические приписки». Ученый обязан отобразить картину реального мира, сколь бы сложной и даже горестной она ни была. Преодолеть трудности можно только тогда, когда о них знаешь.

Но, можно возразить автору, зачем знать то, чего нельзя ни изменить, ни исправить? Что же, автор не верит во всемогущество человечества? Да, изменение законов Природы вне людских возможностей хотя бы потому, что сами люди — часть Природы. Но знание законов Природы очень полезно, ибо позволяет избежать многих бед.

Люди не любят землетрясений, предотвратить их не могут, особенно когда вулкан образуется под водами Тихого океана. Зато сейсмография предупреждает о начале бедствия, и это позволяет своевременно эвакуировать обитателей морских берегов в горы и предохранить от губительного цунами. Метеорология также предупреждает о засухах и наводнениях, а ведь они, как и этногенез, возбуждаемый мутациями, за пределами активности людей.

То же самое относится к этногенезу. Даже если люди не могут ничего поделать с этим статистическим потоком вероятностей, то они могут не делать чего-то очень важного — не поворачивать северные реки, не поощрять курение подростков, не выставлять студентам в институтах пятерки за двоечный ответ. А для того чтобы избежать ошибок, знание истории и этнологии необходимо.

Теперь закономерно спросить автора: почему он, владея такими нужными людям понятиями, как «этногенез» и «пассионарность», тридцать лет не публиковал своих открытий? Использовал ли он свои знания или молчал, чтобы избежать столкновений с коллегами?

Автор свои мысли использовал эгоистично: он написал кандидатскую и докторскую диссертации по историческим наукам (истории древних тюрков), решив «алгебраически» очень трудные задачи, а потом перевел их на тривиальный «арифметический» язык, чтобы не шокировать членов ученого совета истфака. Если бы они знали, что есть способ писать научные работы легко и убедительно, то не голосовали бы за автора единодушно.

Публиковать новую методику следует только тогда, когда каждый тезис может быть убедительно аргументиро-

ван. Интуиция автора никого не убеждает, если же ему удастся решить частную задачу, то это будет отнесено на долю случая. А ведь мы работаем для людей и должны считаться с возможностями и привычками своих коллег.

Пассионарная теория этногенеза была весьма благожелательно встречена географами, геологами, зоологами, ботаниками и философами, но не вызвала интереса у историков-источниковедов, филологов и востоковедов. А жаль. Она и у них нашла бы применение.

И, наконец, замечание, относящееся не к теории, а к некрологу. Если ученый изучает предмет бескорыстно, не ставя предвзятой цели, то его открытия могут быть использованы в практической деятельности. Если же он хочет добиться какой-нибудь выгоды для себя, шансы на успех ничтожны. Такова диалектика творчества — один из разделов диалектики природы.

Перед лицом науки

В Александрийский век античной культуры (I—III века) говорили: «Эллины ищут знания, а иудеи — чуда». В наше время все поиски истины присвоили себе люди, служащие в научных институтах. Однако способы работы и цели научных сотрудников и ученых различны и вызывают к себе различное отношение современников.

Первый и основной способ можно назвать «седалищным». Это составление справочников, словарей, пособий. В гуманитарных науках это подготовка текстов к печати и библиография; в археологии — описание коллекций и в лучшем случае выполнение картосхем, каталогов и статистическая обработка собранных материалов. Работа эта пользуется заслуженным уважением, обеспечивает приличную зарплату и не приносит авторам ни беспокойства, ни известности.

Второй способ можно назвать «мотыльковым». Научный сотрудник много читает, а затем излагает чужие мысли своими словами. У него много читателей, неплохие гонорары и красивая жизнь. По сути, это разновидность литературы, причем изящной, и поскольку популяриза-

ция науки нужна, то такие авторы обретают симпатии читателей и коллег. Но жизнь их сочинений мимолетна.

Третий способ — накопление знаний, создание монографий. Но если авторы ограничиваются публикацией накопленных сведений, их труды не находят читателей. Удержать интерес к своей работе можно, только открыв себе вену и переливая горячую кровь в строки; чем больше ее перетечет, тем легче читается книга и тем больше она приковывает к себе внимания. Зато результаты будут плачевны, ибо коллеги не простят автора. «Ишь ты, его читают, а меня нет!» Большие неприятности по службе обеспечены.

Однако такие книги живут долго. Часто они переживают авторов, а те, исполнив роль доноров, умирают спокойно, с сознанием исполненного долга. Их вспоминают с уважением.

Все три способа были испробованы автором, и лишь после этого он прибег к четвертому. Хуже всего тем, у кого научное озарение охватывает сердце и мозг пламенем постижения истины. То, что было погружено во тьму, вдруг прояснилось; то, что было перемешано и перепутано, — становится на свои места. Собственные ошибки, бывшие привычными, устоявшимися мнениями, отваливаются как шелуха, но... рассказать об этом никому нельзя, потому что даже друзья предпочитают воспринятые с детства представления необходимости передумать заново, пусть не все, но многое. Да и сам первооткрыватель начинает не верить себе. Огонь в сердце, обжигающий мозг, его пугает. Он проверяет себя и свою мысль, и ему становится легче, потому что горение превращается в тление, но душа продолжает преображаться неуклонно. Наконец наступает момент, когда он не может молчать. Он рассказывает, но не находит тех огненных слов, которые бы донесли смысл его открытия до собеседников. Он знает: надо заставить их думать, и когда это удастся, когда пламя мысли передано другим, он обретает счастье.

Но зачем оно ему? У него в душе уже все сгорело. Единственное, что ему осталось, — это повторять уже известное. Поистине подлинное научное открытие, доведенное до людей, ради которых ученые живут и трудятся, —

это способ самопогашения души и сердца. И хорошо, если первооткрыватель после свершения покинет мир. Он останется в памяти близких, в истории Науки. Вот почему это изложение открытия так названо: автонекролог.

Часть первая

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНОСФЕРА

О ТЕРМИНЕ «ЭТНОС»¹

*Доложено на заседании
Отделения этнографии 17 февраля 1966 г.*

1. Человечество, как биологическая форма,— это единый вид с огромным количеством вариаций, распространившийся в послеледниковую эпоху по всей поверхности земного шара. Густота распространения вида различна, но, за исключением полярных льдов, вся земля — обиталище человека.

Корабли бороздят просторы океанов с глубокой древности; в тропических лесах живут племена пигмеев, приспособившихся к пессимальным условиям существования, в пустынях археологи находят следы древних поселений или охотничьих стоянок, а пространства льдов ныне осваиваются научными экспедициями.

Иными словами, за период своего существования вид *Homo sapiens* неоднократно и постоянно модифицировал свое распространение на поверхности земли, но, подобно любому другому виду, стремился освоить возможно большее пространство с возможно большей плотностью населения [46, стр. 24—31]. Однако что-то ему мешало и ограничивало его возможности.

В отличие от большинства млекопитающих *Homo sapiens* нельзя назвать ни стадным, ни индивидуальным животным. Человек существует в коллективе, который, в зависимости от угла зрения, рассматривается то как общество, то как народность. Вернее сказать, каждый человек

¹ Доклады Географического общества СССР. 1967, вып. 3, стр. 3—17.

является одновременно и членом общества и представителем народности, но оба эти понятия несоизмеримы и лежат в разных плоскостях, как, например, длина и вес или степень нагрева и энергетический заряд.

Общественное развитие человечества хорошо изучено, и закономерности его сформулированы историческим материализмом. Спонтанное развитие общественных форм по спирали, через общественно-экономические формации, присуще только человеку, находящемуся в коллективе, и никак не связано с его биологической структурой. Этот вопрос настолько ясен, что нет смысла на нем останавливаться.

Зато вопрос о народностях, которые мы будем именовать, во избежание терминологической путаницы, этносами, полон нелепостей и крайне запутан. Несомненно одно: вне этноса нет ни одного человека на земле. Каждый человек на вопрос: «Кто ты?» — ответит: «русский», «француз», «перс», «масаи» и т.д., не задумавшись ни на минуту. Следовательно, этническая принадлежность в сознании — явление всеобщее. Но это еще не все.

2. Этническая принадлежность — не ярлык, а релятивное понятие. Называя себя тем или другим этническим именем, индивидуум учитывает место, время и собеседника, отнюдь не давая себе в этом отчета. Так, карел из Калининской области в своей деревне называет себя карелом, а прибыв в Ленинград — русским, и это без тени лжи. Просто в деревне противопоставление русских карелам имеет значение, а в городе не имеет, так как различия в быте и культуре столь ничтожны, что скрадываются. Сложнее с татарами. Религиозное различие углубило этнографическое несходство их с русскими, и для того, чтобы казанский татарин объявил себя русским, ему нужно попасть в Западную Европу или Китай. Там, на фоне совершенно иной культуры, он назовет себя русским, прибавив, что, собственно говоря, он татарин. А в Новой Гвинее он же назовет себя европейцем, что будет правильно относительно папуасов, и пояснит, что он не из племени голландцев или англичан, а из другого, и этим вполне удовлетворит своего собеседника.

Поясним на реальных примерах. Во Франции живут кельты-бретонцы и иберы-гасконцы. В лесах Вандеи и на склонах Пиренеев они одеваются в свои костюмы, говорят на своем языке и на своей родине четко отличают себя от французов. Но можно ли сказать про маршалов Франции Мюрата или Ланна, что они баски, а не французы? Или про д'Артаньяна как исторического персонажа, так и героя романа? Можно ли не считать французами бретонского дворянина Шатобриана и Жюль де Ретца, соратника Жанны д'Арк? Разве ирландец Оскар Уайльд не английский писатель? Знаменитый ориенталист Чокан Валиханов сам говорил о себе, что он считает себя в равной мере русским и казахом. Таким примерам несть числа, но все они указывают, что этническая принадлежность, обнаруживаемая в сознании людей, не есть продукт самого сознания. Очевидно, она отражает какую-то сторону природы человека, гораздо более глубокую, биологическую, лежащую на грани физиологии, внешнюю по отношению к сознанию и психологии, под которой мы понимаем форму высшей нервной деятельности. Этот первичный гипотетический вывод требует пояснений и проверки на материале.

3. Условимся о термине. Это тем более необходимо, что понятие «этнос», с одной стороны, до сих пор не дефинировано, с другой, дефиниция этого понятия является не только исходным пунктом, но и целью исследования. В самом деле, определить понятие — значит установить все его сходства и различия со всеми прочими понятиями. А для исследования сходства и разницы мы должны иметь перед глазами предмет исследования. Получается как бы порочный круг, но это на самом деле диалектический путь науки: сначала условимся о значении употребляемого нами слова-термина, а затем путем анализа раскроем его содержание. Противоречия здесь нет.

В специальной работе [72, стр. 74—77] мы предложили предварительное значение термина: этнос — коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Нет ни одного реально-го признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обы-

чаи, материальная культура, идеология иногда **являются** определяющими моментами, а иногда нет. Вынести за скобку мы можем только одно — признание каждой особи: «мы такие-то, а все прочие — другие». Поскольку это явление повсеместно, то, следовательно, оно отражает некую физическую или биологическую реальность, которая и является для нас искомой величиной. Раскрыть эту величину можно только путем анализа возникновения и исчезновения этносов и установления принципиальных различий этносов между собою, а также характера этнической преемственности. Совокупность этих трех проблем мы называем этногенезом.

4. Что нам точно известно об этносах? Очень много и очень мало. Мы не имеем оснований утверждать, что этнос, как явление, имел место в нижнем палеолите. За высокими надбровными дугами, внутри огромной черепной коробки неандертальца, видимо, гнездились мысли и чувства. Но о том, каковы они были, мы пока не имеем права даже догадываться, если хотим остаться на платформе научной достоверности.

О людях эпохи верхнего палеолита мы знаем больше. Они великолепно умели охотиться, делали копья и дротики, одевались в одежду из звериных шкур и рисовали не хуже парижских импрессионистов. По-видимому, форма их коллективного бытия походила на те, которые известны нам, но это только предположение, на котором нельзя строить даже научной гипотезы. Не исключено, что в древние эпохи были какие-нибудь особенности, до нашего времени не дожившие.

Зато народы позднего неолита и бронзы (III—II тыс. до н.э.) мы можем считать подобными историческим с большой долей вероятности. К сожалению, наши знания об этнических различиях в это время отрывочны и скудны настолько, что, базируясь на них, мы рискуем не отличить закономерности, которая нас в данный момент интересует, от локальных особенностей и, приняв частное за общее или наоборот, впасть в ошибку.

Достоверный материал для анализа дает нам так называемая историческая эпоха, когда письменные источники освещают историю этносов и их взаимоотношений.

Поскольку мы стоим на философской платформе монизма, понимая под этим, что законы природы едины и вечны, мы вправе, изучив этот раздел темы, применить полученные наблюдения к более ранним эпохам и восполнить пробелы наших знаний, возникающие на первой стадии изучения. Таким образом, мы избежим аберрации дальности, одной из наиболее частых ошибок исторической критики.

Целесообразно ограничить поле нашего исследования XIX веком, потому что для установления закономерности нам нужны только законченные процессы. Говорить о незаконченных процессах можно лишь в порядке прогнозирования, а для последнего нужно иметь в руках формулу закономерности, ту самую, которую мы ищем. Кроме того, при исследовании явлений XX в. возможна аберрация близости, при которой явления теряют масштабность, как и при аберрации дальности. Нет необходимости ставить под угрозу исследование, привлекая материал не открытосталлизовавшийся и не получивший твердого научного истолкования. Поэтому мы ограничимся для постановки проблемы эпохой в 3000 лет, с XII в. до н.э. по XIX в. н.э., как наиболее полно изученной.

5. Мы исследуем наш обильный материал путем синхронистической методики, основываясь на сопоставлении сведений, достоверность которых не вызывает сомнений. Новое, что мы собираемся внести, будет сочетание фактов в предлагаемом нами аспекте. Это необходимо, потому что калейдоскоп дат в хронологических таблицах, приложенных к «Всемирной истории», не дает читателю никакого представления о том, что происходило с народами на протяжении их исторической жизни.

Предлагаемая методика характерна не столько для гуманитарных, сколько для естественных наук, где установление связей между фактами, на основании статистической вероятности и внутренней логики явлений, является единственным путем для построения эмпирического обобщения, которое считается столь же достоверным, как и наблюденный факт [46, стр. 19].

Эмпирическое обобщение не является ни гипотезой, ни популяризацией, хотя оно строится не на первичном ма-

териале (опыте, наблюдении, чтении первоисточника), а на уже собранных и проверенных фактах. Сведение материала в систему и построение концепций есть средняя стадия осмысления проблемы, предшествующая философскому обобщению. Для наших целей нужна именно эта средняя ступень. .

6. Подобно тому как движение Земли является составляющей из многих закономерных движений (вращение вокруг оси, вращение вокруг Солнца, смещение полюса, перемещение со всей планетной системой по Галактике и многие другие), так и человечество, антропосфера, развиваясь, испытывает не одно, а ряд воздействий, изучаемых отдельными науками. Спонтанное движение, отраженное в общественном развитии, изучается историческим материализмом; физиология человека — область биологии; соотношение человека с ландшафтом — историческая география — находится в сфере географических наук; изучение войн, законов и учреждений — история политическая, а мнений и мыслей — история культуры; изучение языков — лингвистика, а творчества — филология и т.д. Где же помещается наша проблема?

Начнем с того, что этнос, как, например, язык, явление не социальное, потому что оно характерно для всех формаций. Влияние спонтанного общественного развития на становление этносов — экзогенно. Для того, чтобы оказать воздействие на формирование или разложение этносов, линия общественного развития трансформируется через призму истории, как политической, так и культурной. Поэтому можно сказать, что проблема этногенеза лежит на грани исторической науки там, где она из гуманитарной плавно переходит в естественную.

Поскольку все явления этногенеза происходят на поверхности земли в тех или иных географических условиях, то неизбежно возникает вопрос о роли ландшафта, как фактора, определяющего экономические возможности человеческих коллективов — этносов [68, стр. 70—88; 140, стр. 412—416]. Но сочетания истории с географией для нашей проблемы недостаточно, потому что речь идет о живых организмах, которые, как известно, всегда находятся в состоянии либо эволюции, либо **инволюции** и

взаимодействуют с другими живыми организмами, образуя сообщества — биоценозы.

Таким образом, следует поместить нашу проблему на стыке трех наук: истории, географии — ландшафтоведения и биологии — экологии и генетики. А коль скоро так, то можно дать второе приближение определения термина этнос: этнос — специфическая форма существования вида *Homo sapiens*, а этногенез — локальный вариант внутривидовой эволюции, определяющийся сочетанием исторического и хориномического (ландшафтного) факторов.

Может показаться экстравагантным аспект, в котором человечество предстает как антропофауна, но начало этому типу исследований положили Дарвин и Энгельс. Последний даже определил, что стимулом развития цивилизации были не столько идеи или глубокие политические соображения, сколько алчность [176, стр. 176] — эмоция, коренящаяся в сфере подсознания, функция высшей нервной деятельности, лежащей на грани психологии и физиологии. Следуя научной традиции, мы обращаем внимание на ту сторону человеческой деятельности, которая выпадала из поля зрения большинства наших предшественников.

7. При изучении общих закономерностей этнологии прежде всего надлежит усвоить, что реальный этнос и этноним, т.е. этническое наименование, не одно и то же. Часто мы встречаем несколько разных этносов, носящих одно и то же имя, или, наоборот, один этнос может называться по-разному. Так, слово «римляне» (**Romani**) — первоначально означало граждан полиса Рима, но отнюдь не соседей италиков или даже не латинян, обитавших в других городах Лациума. В эпоху Римской империи I—II вв. количество римлян возросло за счет включения в их число почти всех италиков и многих жителей провинции, отнюдь не латинского происхождения. После эдикта Каракаллы 212 г. римлянами были названы все свободные жители муниципий на территории Римской империи, в том числе: греки, каппадокийцы, евреи, берберы, галлы, иллирийцы, германцы и др. Понятие «римлянин» как бы потеряло этническое значение, но этого на самом деле не было: оно просто его изменило. Общим моментом вместо

единства происхождения и языка стало единство даже не культуры, а исторической судьбы. В таком виде данный этнос просуществовал три века — срок изрядный — и не распался. Наоборот, он трансформировался в IV—V вв. вследствие принятия христианства как государственной религии, которая стала после первых четырех соборов определяющим принципом. Те, кто признавал оные соборы, санкционированные государственной властью, были своими, римлянами, а кто не признавал — становился врагом. На этом принципе сформировался новый этнос, который мы условно называем «византийцами», но они-то сами называли себя «ромеями» (*Romaïoi*), т.е. «римлянами», хотя говорили они по-гречески. Постепенно в число ромеев вошло множество славян, армян, сирийцев, но название «римлян» они удержали до 1453 г., до падения Константинополя. Ромеи считали «римлянами» именно себя, а не население Италии, где феодалами стали лангобарды, горожанами — сирийские семиты, а крестьянами — бывшие колонны из военнопленных всех народов, когда-либо побежденных римлянами империи. Зато флорентинцы, генуэзцы, венецианцы и другие жители Италии считали «римлянами» себя, а не греков и на этом основании утверждали приоритет Рима, в котором от античного города оставались только руины.

Третья ветвь этнонима «римляне» возникла на Дунае, где после римского завоевания Дакии было место ссылки. Здесь отбывали наказание за восстания против римского господства фригийцы, каппадокийцы, фракийцы, галаты, сирийцы, греки, иллирийцы, короче говоря, все восточные подданные Римской империи. Чтобы понимать друг друга, они объяснялись на общеизвестном латинском языке. Когда римские легионы ушли из Дакии, потомки ссыльно-поселенцев остались и образовали этнос, который в XIX в. принял название «румыны», т.е. «римляне».

Если можно еще усматривать историческую преемственность между «римлянами» эпохи Республики и «римскими гражданами» эпохи поздней Империи, хотя бы как постепенное расширение понятия, функционально связанного с распространением культуры, то у византийцев и римлян нет даже такой связи. Отсюда вытекает, что слово

меняет смысл и содержание и не может служить опознавательным признаком этноса. Очевидно, надо учитывать еще и контекст, в котором это слово несет смысловую нагрузку, а тем самым эпоху, потому что с течением времени значение слов меняется. Это еще более показательно при разборе этнонимов «тюрк», «татар» и «монгол» — пример, мимо которого нельзя пройти.

В VI в. тюрками называли небольшой народ, обитавший на восточных склонах Алтая и Хангая. Путем нескольких удачных войн тюркам удалось подчинить себе все степи от Хингана до Азовского моря, и подданные Великого каганата, сохранив для внутреннего употребления собственные этнонимы, стали называться также тюрками, поскольку они подчинялись тюркскому хану. Когда арабы покорили Согдиану и столкнулись с кочевниками, то они всех их стали называть тюрками, в том числе угров — мадьяр. Европейские ученые в XVIII в. называли всех кочевников «*les tartars*», а в XIX в., когда вошла в моду лингвистическая классификация, присвоили название тюрков определенной группе языков. Таким образом, в разряд тюрков попали многие народы, которые в древности в их состав не входили, например якуты, чуваш и гибридный народ — турки-османы.

Последние образовались на глазах историков путем смешения небольшой орды туркмен, пришедших в Малую Азию с Эртогрулом, газиев — добровольных борцов за ислам (аналог крестоносцев), славянских юношей, забираемых в янычары, греков, итальянцев, арабов, киприотов и т.п., поступавших на флот, ренегатов-французов и немцев, искавших карьеру и фортуны, и огромного количества грузинок, украинок и полек, продаваемых татарами на невольничьих базарах. Тюркским был только язык, ставший государственным, потому что он был принят в армии. И эта мешанина слилась в монолитный народ, присвоивший себе название «тюрк» в память тех степных богатей, которые 1000 лет назад стяжали себе славу на равнинах Центральной Азии. Опять этноним отражает не истинное положение дел, а традиции и претензии.

Модификация же этнонима «татар» является примером прямого камуфляжа. До XII в. это было этническое назва-

ние группы из 30 крупных родов, обитавших на берегах Керулена. В XII в. эта народность усилилась, и китайские географы стали употреблять его как название всех центральноазиатских кочевников: тюркоязычных, монголоязычных и **тунгусоязычных**, в том числе монголов. Когда же Чингисхан в 1206 г. объявил официальным названием своих подданных имя «монгол», то соседи по привычке некоторое время продолжали называть монголов татарами. В таком виде слово «татар», как синоним слова «монгол», попало в Восточную Европу и привилось в Поволжье, где местное население в знак лояльности хану Золотой Орды стало называть себя татарами. Зато потомки первоначальных носителей этого имени стали именовать себя монголами. С этого времени возникла современная научная терминология, когда татарский антропологический тип стали называть «монголоидным», а язык поволжских тюрков-кипчаков — татарским языком. Иными словами говоря, мы даже в науке употребляем заведомо закамуфлированную терминологию.

Приведенных примеров достаточно, чтобы констатировать, что этническое название или даже самоназвание и явление этноса как устойчивого коллектива особой вида *Homo sapiens* отнюдь не покрывают друг друга. Поэтому филологическая методика, исследующая слова, для этнологии неприменима, и нам надлежит обратиться к истории, дабы проверить, насколько эта дисциплина может помочь при постановке и решении нашей проблемы.

8. История — наука о событиях в их связи и последовательности. Эталон, которым пользуется историческая наука, является общественный институт, коим может быть государство, племенной союз, религиозная секта, торговая компания (например, Ост-Индская), политическая партия и т.д., словом любое учреждение в любых веках и у любых народов. Иногда институт государства и этнос совпадают, и тогда мы наблюдаем в ряде случаев нации современного типа. Но это частный случай, характерный для XIX—XX вв., а в древности такие совпадения были редкими. Случается, что религиозная секта объединяет единомышленников, которые, как, например, сикхи в Индии, сливаются в этнос, и тогда происхождение осо-

бей, инкорпорированных общиной, не принимается во внимание. Но часто такие общины, обладающие всеми качествами этноса, неустойчивы и дробятся, как это было с мусульманской общиной эпохи халифата (VII—X вв.).

Конечно, общность исторической судьбы способствует образованию и сохранению этноса, но и историческая судьба может быть одной у двух-трех народностей и разной для двух половин одной народности. Например, англосаксы и уэльские кельты объединены с XIII в., однако они не слились в один этнос, что, впрочем, не мешает им жить в мире, а у армян восточных, подчиненных еще в III в. Ирану, и западных, связанных с этого же времени с Византией, судьбы были различны, но этническое единство не нарушилось. В XVI—XVII вв. французские гугеноты и католики весьма различались по своим историческим судьбам, да и по характеру культуры как до издания Нантского эдикта, так и после отмены его. Однако этническая целостность Франции оставалась неизменной, несмотря на кровопролитные войны и драгонады.

Следовательно, этническое становление лежит глубже, чем явления исторического процесса. История может помочь этнологии, но не заменяет ее.

9. Многие этносы делятся на племена и роды. Можно ли считать это деление обязательной принадлежностью этноса, или хотя бы первичной стадией его образования, или, наконец, формой коллектива, предшествовавшей появлению самого этноса? Имеющийся в нашем распоряжении достоверный материал позволяет ответить — нет!

Прежде всего, далеко не все современные народы имеют или имели когда-либо за все время своего существования родовое или племенное деление. Такового нет и не было у испанцев, французов, итальянцев, румын, англичан, турок-османов, великороссов, украинцев, сикхов, греков (не эллинов) и многих других. Зато клановая или родовая система существует у кельтов, казахов, монголов, тунгусов, арабов, курдов и ряда других народов. Считать клановую систему более ранней стадией трудно, так как византийцы или сасанидские персы, народы, образовавшиеся на 1000 лет раньше, чем монголы, и на 1200 лет раньше, чем казахи, великолепно обходились без родов и

фратрий. Конечно, можно предположить, что в древности система родов была повсеместной, но даже если это так, то к историческому периоду, когда народы (этноты) возникали на глазах историка, такое допущение не имеет отношения.

То, что господствующими во всем человечестве формами за все время существования вида Номо были разные формы семьи: групповой брак, семья пуналуа, парный брак, моногамная семья [176, стр. 77], — и общественные системы — формации, достаточно обосновано и доказано, но к нашей проблеме не имеет непосредственного отношения, так как этническая целостность не совпадает ни с семейной ячейкой, ни с уровнем производства и культуры. Поэтому в нашем исследовании мы должны искать другие критерии и другие опознавательные признаки.

Вместе с тем необходимо отметить, что у народов с родо-племенным устройством деление на кланы (у кельтов), фратрии, кости («сеок» у алтайцев) и племенные объединения (джус у казахов) и т.п., эти внутриэтнические единицы необходимы для поддержания самого этнического единства. Путем разделения на группы регулируются отношения как отдельных особей к этносу в целом, так и родовых или семейных коллективов между собою. Между прочим, только этим способом вводится и сохраняется экзогамия, предотвращающая кровосмесительные браки. Представители родов выражают волю своих соплеменников на народных собраниях и создают устойчивые союзы родов для ведения внешних войн, как оборонительных, так и наступательных. В Шотландии, например, клановая система выдержала набеги викингов в X в., нападения феодалов в XII—XV вв., войну с английской буржуазией в XVII—XVIII вв., и только капиталистические отношения смогли ее разрушить. А там, где клановая система была менее выражена, например у полабских славян, немецкие и датские рыцари расправились с ними за два века (XI—XII вв.), несмотря на бесспорную воинственность и завидное мужество бодричей, лютичей и жителей острова Руги. Деление этноса на племена несет функцию скелета, на который можно наращивать мышцы и тем самым набирать силу для борьбы с окружающей средой.

10. Но как же восполняется отсутствие родо-племенных групп у народов вполне развитых, находящихся на стадии классового общества? Классовая структура общества и классовая борьба — факт, установленный и не подлежащий пересмотру. Следовательно, деление на классы не может быть функционально аналогично делению на племена. И действительно, параллельно делению общества на классы мы обнаруживаем деление этносов на группы, отнюдь не совпадающие с классовыми. Условно их можно назвать консорциями, но это слово соответствует понятию лишь в первом приближении.

Например, в феодальной Европе внутри одного этноса, скажем французского, господствующий класс состоял из разных консорций: 1) феодалов в прямом смысле слова, то есть держателей ленов, связанных с короной вассальной присягой; 2) рыцарей, объединенных в ордена; 3) нотаблей, составляющих аппарат королевской власти (*pobless de robe*); 4) высшего духовенства; 5) ученых, например, профессоров Сорбонны; 6) городского патрициата, который сам делился по территориальному признаку, и т.д. Можно по принятой степени приближения выделить больше или меньше групп, но при этом надо обязательно учитывать еще их принадлежность к партиям, например, арманьякской и бургундской в начале XV в. А по отношению к народным массам такое разделение применимо в еще большей степени, так как каждая феодальная провинция носила тогда ярко выраженный индивидуальный характер.

В буржуазном обществе мы наблюдаем уже не те консорции, но принцип остается неизменным. Внутри этносов и помимо классов есть для каждой особи люди «своего» и не своего круга.

То, что «консорции», как мы их условно называли, неизмеримо менее стойки и длительны, чем родо-племенные группировки, бесспорно, но ведь и последние не вечны. Значит, разница между теми и другими не принципиальна. Сходство же их в том, что они несут одинаковую функциональную нагрузку, поддерживая единство этноса путем внутреннего разделения.

И самое важное и любопытное — это то, что при возникновении «консорции» отличаются друг от друга лишь нюансами психологии, но со временем различия углубляются и кристаллизуются, переходя в обычаи и обряды, т.е. в явления, изучаемые этнографами. Например, старославянский поцелуйный обряд трансформировался в России в целование руки замужним дамам и сохранился у помещного дворянства, но исчез из быта других слоев населения.

А.М. Горький, наблюдавший в крупных городах Поволжья быт мещан и интеллигентов-разночинцев, констатирует такие глубокие различия, что предлагает рассматривать эти недавно сложившиеся группы населения как «разные племена» [53, стр. 81]. В том смысле слова, в котором он его употребляет, т.е. как различия в быте, нравах, представлениях, он прав, и наблюдение его плодотворно. В наше время эти различия почти стерлись. Они были характерны для короткого периода около 80 лет, но мы уже говорили, что продолжительность явления не влияет на принципиальную сторону дела.

Еще характернее другой пример — старообрядцы. Как известно, это небольшая часть великороссов, не принявших в шестидесятых годах XVII в. некоторых реформ церковного обряда. Тогда они еще ничем не выделялись среди прочего населения. Во втором поколении, при Петре I, они составляли определенную изолированную группу населения. К концу XVIII в. у них появились, а отчасти сохранились, обычаи, обряды, одежды, резко отличные от тех, которые стали общепринятыми. Екатерина II прекратила гонения на старообрядцев, но это не повело к обратному слиянию их с основной массой этноса. В новообразовавшуюся внутриэтническую целостность входили и купцы-миллионеры, и казаки, и полунищие крестьяне из Заволжья. Эта **единица**, сначала объединенная общностью судьбы — *consortia*, постепенно превратилась в единицу, объединенную общностью быта — *convixia*, и лишь в XX в. постепенно **стала** рассасываться, так как повод для ее возникновения давно перестал существовать, а оставалась только инерция.

Примеры, приведенные нами, яркие, но редки. Чаше функции внутриэтнических группировок принимают на себя естественно образующиеся территориальные объединения — землячества. Наличие таких делений, как и при родовом строе — существование фратрий, не подрывает этнического единства.

Теперь мы можем сделать вывод: внутриэтническое дробление есть условие, поддерживающее целостность этноса и придающее ему устойчивость; оно характерно для любых эпох и стадий развития.

11. Итак, ни одна из гуманитарных наук не дает ответа на существо проблемы этнологии и этногенеза и даже не позволяет создать терминологию, которая была бы точна и общепонятна. Поэтому попробуем обратиться к естественным наукам — географии и примыкающим к ней разделам биологии.

Мы уже говорили, что целесообразно рассматривать человечество как вид *Homo sapiens*. Но тогда все закономерности развития любого вида млекопитающих применимы к людям, разумеется, за исключением специфических особенностей, что в высшем аспекте не существенно. Всем видам животных свойственны инстинкт продолжения вида (размножение), стремление распространить свое потомство на наибольшую возможную площадь, пригодную для жизни (ареал), и способность приспособления к среде (адаптация). В отношении этих общих черт люди не являются исключением.

Однако распространение любого животного вида ограничено тем, что каждый вид входит в биоценоз — закономерный комплекс форм, исторически, экологически и физиологически связанных в одно целое общностью условий существования [140, стр. 359]. Каждый биоценоз связан с участком земной поверхности, который он занимает и к которому он приспособлен. Такой участок называется биохор. Поскольку биоценоз — связанная система и изменение в ней какого-нибудь одного звена ведет к изменению и остальных звеньев, то в этом отношении налицо полная аналогия с географическим ландшафтом [140, стр. 359]. А так как **каждый** биохор связан с определенным ландшафтом, то целесообразно принять термин, предложенный

академиком В.Н. Сукачевым,— геобиоценоз, совмещающий биологические и географические особенности данного бйохора. Геобиоценозы динамичны. Они меняются вследствие сложного переплетения экзогенных импульсов. Смена геобиоценозов носит название сукцессии [140, стр. 362].

При возникновении биоценоз складывается из животных и растительных форм, примеряющихся к условиям заселяемого ими ландшафта. В результате приспособления возникает новый адаптивный тип сообществ, приобретающий новые особенности структуры поведения.

Таким образом, любой животный вид модифицируется под воздействием адаптации. Степень модификации определяется разнообразием географических условий заселяемого видом ареала. Но чаще всего возможности изменения ограничены, так как вид, успевший накопить ряд определенных признаков, не может произвольно избавиться от них, согласно закону о необратимости эволюции. Поэтому большинство видов животных имеет ограниченные ареалы. Человек же, как мы уже отметили, распространен по всей земной поверхности. В этом одно из важнейших отличий вида *Homo sapiens* от прочих видов млекопитающих.

Но потребность в адаптации у людей осталась и проявляется особенно сильно именно вследствие широкого распространения вида как целого. Замечено, что отдельные этносы при своем возникновении связаны с определенными ландшафтными условиями — биохорами. Следовательно, исходя из сказанного, мы можем охарактеризовать этнос как биологическую единицу, таксономически стоящую ниже вида, как *populatio*, а само этническое деление человечества как один из способов адаптации в ландшафтах не столько в структуре, сколько в поведении. Путем применения естественных наук отыскана дефиниция, которую мы бесплодно искали в науках гуманитарных. Эта важная проблема будет освещена специально в особом докладе.

Но тут сразу же возникает сомнение: а как же люди столько веков без высокоразвитых наук оперировали таким сложным понятием, как «этнос», и не путались в

практическом применении его? И почему путаница возникла, как только в XIX в. появилась наука этнография? И не значит ли это, что научное осмысление этнических явлений не нужно или вредно?

Мы наблюдаем в природе множество явлений, которые либо не поддаются определениям, либо определения бывают тавтологиями. Например, как определить такое явление, как «время»? А считать его мы умеем достаточно точно. Понятие «сила» определяется в физике как «причина, вызывающая ускорение», но ведь это тавтология. В физиологии наблюдается явление «клинической смерти», которая по существу еще жизнь, и т.д. Очевидно, мы, люди, знаем гораздо больше, чем можем назвать словами, и только в спекулятивной философии «знание» и «название» совпадают, но ведь спекулятивная философия не ставит своей целью изучение реального мира.

Этнические различия реальны и воспринимаются людьми безотчетно. При простых этнических сочетаниях не возникает нужды в осмыслении явления, которое и без того всем понятно. Но по мере накопления материала и усиления связей между народами всего земного шара потребность в осмыслении усилилась и возникла необходимость в систематизации знаний. Наука XIX в., стоявшая на позициях спекулятивной философии идеализма и его варианта — вульгарного материализма, не справилась с поставленной задачей. Главным препятствием тому было резкое отграничение всего, что относится к человечеству, от того, что касается остальной природы, как живой, так и мертвой. Исключение было сделано только для медицины, и то потому, что сами философы предпочитали быть вылеченными от болезней.

Как мы показали выше, граница между специфически человеческой и натурально-фаунистической сферами существует, но проходит она не там, где ее помещали философы и социологи XIX в. В частности, этнические явления лежат в сфере природы и поэтому осмысление их возможно лишь путем применения той самой методики, которая дала такие блестящие результаты в физической географии, зоологии и учении о наследственности. Сочетание этих наук с историей полагает начало новой науке — эт-

нологии, практическое значение которой **очевидно** и неоспоримо.

12. Однако, проведя границу между этнологией и гуманитарными науками, мы обязаны указать ее отличие от чисто биологической дисциплины — антропологии, науки о человеческих расах. Расы тоже рассматриваются как таксономические единицы ниже вида (*subspecies*), но здесь классификация идет по соматическим признакам, а в этнологии по характеру поведения. Расы и этносы — понятия не только не совпадающие, но исключающие друг друга, потому что каждый этнос состоит из смешения двух и более рас первого или второго порядка, а каждая раса входит в состав многих этносов. Сочетания рас первого порядка, например европеоидов и негроидов, имели место в Индии, европеоидов и монголоидов — в Средней Азии и Латинской Америке, монголоидов и негроидов — в восточной Индонезии, и это не мешало сложению этнических коллективов. В Европе, Южной Африке, Америке и Полинезии происходило смешение рас второго порядка, например во Франции смешались северная, альпийская и средиземноморская европеоидные расы, в Германии — северная и альпийская, на Балканах — динарская и средиземноморская, а в Европейской России насчитывается пять расовых компонентов второго порядка, не говоря о пришлых монголоидных элементах.

Зато чистой в расовом отношении народности нет нигде. Даже скандинавы не избежали смешения, хотя оно произошло в II тыс. до н.э., когда арийские племена проникли в Европу и смешались с неолитическими племенами Прибалтики. В образовании племен Новой Гвинеи участвовали папуасы и меланезийцы, резко отличные друг от друга, и даже на острове Пасхи обнаружены два расовых компонента: короткоухие и длинноухие, по соматическим и -психическим признакам не идентичные. Расовая теория к этнологии неприменима.

Следовательно, этносы отличаются друг от друга чем-то другим, хотя и не менее значительным.

Вспомним, что каждый этнос с момента возникновения делится на составные части: либо роды и фратрии, либо племена, либо «консорции», сочетание которых практиче-

ски неповторимо. Это значит, что каждый этнос имеет оригинальную структуру, которая воспринимается людьми как этническая **целостность**. В тех же случаях, когда структура стирается и этнос находится на грани ассимиляции другими этносами, остается инерция, т.е. традиция. До тех пор пока инерция не иссякнет, люди, принадлежавшие к данному этносу, будут относить себя к нему. И тут не имеет значения, говорят ли эти люди на языке своих предков, соблюдают ли они их обряды, чтят ли свои древние памятники, живут ли на земле, породившей их структуру. В чем кроется механизм сложения, устойчивости, изменчивости и исчезновения этнических коллективов — это основная проблема этнологии, о которой следует говорить особо. Пока же отметим, что этническая структура всегда возникает в определенных и неповторимых географических условиях, в том или ином ландшафте. Поэтому, определив расу как подвид в аспекте биологии, мы вправе отнести понятие «этнос» к разряду географических наук, в ту область, где они смыкаются с историческими.

ЭТНОС КАК ЯВЛЕНИЕ¹

*Доложено на заседании
Отделения этнографии 19 мая 1966 г.*

1. Тезис: человек — млекопитающее животное; человечество — один из видов отряда приматов (гоминид); закономерности развития человечества не отличаются принципиально от закономерностей развития любого другого вида — в середине XIX в. был лозунгом того материализма, который мы теперь называем механическим или вульгарным.

Не то чтобы этот тезис был полностью неверным. Человек, действительно, несет в себе зоологическую природу, и многое в его жизни и поведении объясняется натуральными инстинктами и физиологическими потребностями, не меняющимися за все время существования вида Номо

¹ Доклады Географического общества СССР, 1967, вып.3, стр. 90—107.

sapiens [237]. Но нельзя переносить биологические законы в сферу социальной жизни непосредственно. Поэтому Маркс и Энгельс признали, что теория биологической эволюции имеет величайшее значение не только в области чисто биологических вопросов, но и как основание и дополнение к теории исторического материализма и лежащей в его основе философии. В то же время они понимали, насколько важно избежать ошибки Геккеля, Герберта Спесера и др., отождествлявших процессы и законы биологической и социальной эволюции, так как последние являются эпифеноменами по отношению к первым и протекают по собственным законам, зависящим от специфических особенностей, приобретенных самим человеком. Таким образом, хотя понимание биологической эволюции и необходимо для правильного направления человеческой деятельности, оно само по себе еще не дает нам разрешения социальных проблем, но служит известным основанием для их рассмотрения [180, стр. VIII].

Можно считать установленным, что человечество, со всеми его взаимосвязями, явление не простое, а сложное. Люди, и каждый человек в отдельности, являются и физическими телами, подвластными силе тяжести; и организмами, вмещающими в себе бактерии и других микробов; и млекопитающими животными с определенной продолжительностью жизни; и членами обществ, развивающихся в силу собственной закономерности; и, наконец, представителями этнических сообществ: племен, народностей, наций и т.п. Наблюдаемые простым глазом явления, касающиеся человечества в целом, не что иное, как составляющая, где участвуют факторы не только все перечисленные, но и многие другие.

Для того чтобы от обывательского восприятия перейти к научному анализу, надлежит расчленить все факторы и рассмотреть каждый в отдельности. Совершенно правильно отметил С.В. Калесник: «Для того, чтобы изучать взаимодействие, нет необходимости путать разные вещи» [142, стр. 249]. Их скорее необходимо разделять. И вот, отграничив этногенез от социального развития, мы должны проделать ту же работу для размежевания зоологии и этнологии.

Ю.К. Ефремов определяет антропосферу как «совокупность человеческих организмов» или «биомассу в 150 млн. тонн живого веса». При этом он учитывает ее организованность и включает в антропосферу производительные силы и производственные отношения [126, стр. 50]. Так вот посмотрим, что здесь от биологии, а что специфически присуще человеку.

Напомним, что этносом мы называем коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам и имеющий оригинальную внутреннюю структуру. Это определение предварительное, для раскрытия которого нужно дать общее описание свойств, присущих этносу, как таковому, а также положить основу для этнической классификации. Но что значит описать? Только одно: сравнить изучаемый предмет с другим, уже известным, и отметить их сходство и различие.

С чем сравнить этнос? Очевидно, с явлениями, изучаемыми сопредельными науками: с общественными формациями, которыми занимается социология, с популяциями вида, которые исследуются биологией, и ландшафтами, составляющими предмет физической географии, а вернее, зоогеографии.

По принятой Аристотелем зоологической систематике, этнос — мельчайшая таксономическая единица, определяемая не столько по признакам соматическому или физиологическому, сколько по поведению. Иными словами, представители одного и того же этноса в определенных критических условиях реагируют сходно, а члены иных этносов по-иному. Собственно, только в этом и проявляется «психический склад», считающийся одним из признаков нации. Разумеется, здесь должны приниматься во внимание только статистические средние из достаточно больших чисел, с уклонениями во все стороны. Однако, поскольку мы почти всегда имеем дело либо с народами многочисленными, пусть недостаточно обособленными, либо с народностями, четко отграниченными от соседей, пусть даже численно малыми, то отмеченная неопределенность является величиной, которой должно пренебречь. Этнос, как и вид, по определению Аристотеля, «это не сводимая ни на что другое особенность, делающая

предмет тем, что он есть» [29, стр. 268]. Именно поэтому этнос не является ни спекулятивной категорией, ни философским обобщением тех или иных черт. Он ощущается нами непосредственно, как свет, тепло, электрический разряд, и, следовательно, должен изучаться как одно из явлений природы, биосферы, а не как гуманитарная концепция, возникающая в мозгу наблюдателя.

В отличие от социальных таксономических единиц, как принятых в историческом материализме — формации, так и в буржуазной западноевропейской социологии — цивилизации, этносы при возникновении связаны с определенными ландшафтными районами. Для общественного развития наличие этносов является только фоном, правда необходимым, потому что если нет людей, то нет и закономерностей общественного развития, а люди до сих пор не существовали вне этносов.

Это последнее положение может вызвать возражения, потому что рабы в древнем мире или интернациональные авантюристы, космополиты, сами затруднялись определить, к какому народу их следует причислить.

Для прояснения проблемы следует отметить, что очень редкие этносы, реликтовые племена, существуют изолированно, но там проблема внеэтнического существования отдельных особей не возникает. Их там просто не бывает и быть не может, потому что изгнанник, лишенный поддержки коллектива, обречен на гибель.

Сложнее с особями, не помнящими родства, например, с рабами, зачатыми в лупанариях. По происхождению и правовому положению они не были римлянами. Это значит, что они не входили в официальное римское общество, но поскольку последнее без них не могло существовать, то мы имеем право причислить рабов к римскому этносу, в смысле современном, а не древнеримском, где рабов называли говорящими орудиями.

Затем, при образовании этносов всегда возникает несколько новых коллективов, образующих более или менее крепкую конструкцию. А в промежутках между отдельными этносами часто обретаются промежуточные особи, но они не выходят за пределы своей системы. Так, в XVI в. кондотьер мог служить Валуа, Габсбургу, Тюдору или Ме-

дичи, не становясь ни французом, ни испанцем, ни англичанином, ни тосканцем и даже не задаваясь вопросом, кто же он по этносу. Но, поступая на службу к турецкому султану, он становился турком, т.е. менял этнос. Это было настолько распространено, что даже существовал специальный термин — ренегат.

Что же менялось в ренегате? Ясно, что не физиология, не анатомия, не генофонд. Менялся стереотип поведения, без него ренегат не мог быть инкорпорирован новым коллективом. В единой системе этносов, например в романо-германской Европе, называвшейся в XVI в. «христианским миром» (хотя в него не включались православные народы), стереотип поведения разнился мало, и этой величиной можно было пренебречь. Но в системе, условно именовавшейся «мусульманскими народами», он был настолько иным, что переход отмечался специально и был связан с юридическим актом — сменой исповедования веры. Совсем не играло роли то, что по большей части ренегат вообще не имел религиозных мнений. Важно было отметить, что он порвал с прошлым и включился в новый коллектив, иными словами, совершил акт приспособления к новой среде. А пластичность характерна для многих видов животных и описана М.Е. Лобашевым, который сформулировал следующие выводы, применимые и к нашему материалу:

«Процессы индивидуального приспособления у всех животных осуществляются с помощью механизма условного рефлекса.

1) Приобретение в онтогенезе условных связей с реальной действительностью обеспечивает животному анализ и синтез факторов внешней среды и активный выбор оптимальных условий для своего существования по данным сигналов.

2) Своевременная информация через сигналы о приближающихся событиях обеспечивает животному возможность осуществить профилактические адаптивные реакции и подготовить адекватным образом функциональное состояние организма.

3) Функциональная преемственность наблюдается: между поколениями — родителями и потомством, членами

сообщества или стада, а для человека — преемственность цивилизации» [171, стр. 4—5].

Отсюда «поведение как приспособление **целого** организма является высшей формой активной адаптации». Один и тот же вид животного может дать особи светлюбивые и темнолюбивые, холоднолюбивые и теплолюбивые, что отвечает хрономическому принципу номогенеза [171, стр. 5; 29, стр. 180].

Условнорефлекторная (сигнальная) преемственность между поколениями осуществляется через контакт новорожденного 1) с родителями и 2) членами сообщества [171, стр. 8], что в применении к человеку называется традицией, которая не что иное, как стереотип поведения, передающийся путем сигнальной наследственности.

«Сигнальная наследственность для понимания развития человека и его цивилизации приобретает особое значение, так как ее положения полностью опровергают наличие расовых различий духовных свойств человека. Речь — "сигнал сигналов" — создает условия для возрастания роли сигнальной или условной наследственности, обеспечивающей преемственность опыта между поколениями на основе физиологического механизма временной связи» [171, стр. 10].

Теперь переведем выводы генетика на язык этнолога. «Условные связи с действительностью, приобретаемые в онтогенезе», — это воспитание ребенка и обучение его тому, чем он будет всю жизнь кормиться и защищаться от врагов. В Полинезии учат плавать, в Сибири — ходить на лыжах, в древней Монголии — стрелять из лука и ездить верхом, в Европе — грамоте, чтобы человек читал газеты и принимал «профилактические меры» для избавления себя от неприятностей. Поведение, т.е. способность приспособить организм к новым условиям, рассматривается как результат биологического признака — способности к изменчивости. Но последняя не безгранична, и потому мы наблюдаем вымирание новых видов или, в нашем случае, **этносов**.

Появление же новых этносов, в данном аспекте, означает, что в силу способности к изменчивости изменился стереотип поведения, и, значит, возникла новая традиция

или сигнальная наследственность, иными словами, новая культура, не частностями, а коренным образом отличающаяся от прежней. Тем же самым определяется переход особи из одного этнического коллектива в другой, достаточно далекий, т.е. явление ренегатства или инкорпорирование «чужака» (при родовом строе).

Отсюда же вытекает, что нет людей вне этноса. Человек может не знать своего происхождения, забыть родной язык, не иметь никаких религиозных или атеистических представлений, но без поведения в коллективе он жить не может. А поскольку именно характером поведения определяется этническая принадлежность, то все люди сопричастны этносфере. Поэтому биологический подход, как и географический, позволяет рассмотреть этнос как явление глобальное, имеющее собственные закономерности становления, т.е. появления, видоизменения и исчезновения. Рассмотрению этих свойств этноса, как такового, будут посвящены следующие разделы.

2. Одним из наиболее важных свойств вида *Homo sapiens* является его приспособленность к различным природным условиям. Иначе этот вид не мог бы распространиться так широко по поверхности Земли. Однако изучение миграций показывает, что в подавляющем большинстве случаев способность к адаптации весьма ограничена.

При миграциях народы стремятся выбрать географические условия ландшафта, как можно более напоминающие родину. Так, англичане не заселили ни Индию, ни тропическую Африку, ни Малакку и Саравак, оставаясь там на положении колониальных чиновников, непосредственно не связанных с природой этих стран. Зато они наводнили страны умеренного пояса: Северную Америку, Южную Африку, Австралию и Новую Зеландию. Русские крестьяне расселились по лесостепной полосе Сибири, а казаки — по долинам сибирских рек, турки — по водораздельным степям, арабы осваивали оазисы среди пустынь, эллины — берега Средиземного моря и т.д. При этом этническая инерция была настолько сильна, что, даже меняя ареал, народы сохраняли свойственный им облик.

Евреи в Салониках живут эндогамной группой свыше 400 лет после своего изгнания из Испании, но до сих пор, по данным 1918 г., они скорее похожи на арабов, чем на своих соседей, греков. Точно так же немцы из Венгрии походят на своих соседей, соплеменников из Германии, а **цыгане** — на индусов. Отбор изменяет соотношение признаков медленно, а мутации, как известно, редки. Поэтому любая народность находится почти в состоянии равновесия.

Но не следует думать, что изменение условий существования не влияет на этносы никогда. Иной раз оно влияет настолько сильно, что образуются **новые признаки** и создаются новые этнические варианты, более или менее устойчивые [29, стр. 245]. Нам надлежит разобраться в том, как происходят эти процессы и почему они дают разные результаты.

Поскольку речь идет о «поведении» особей, входящих в разные этносы, то самое простое обратить внимание на то, как они воздействуют на те или иные природные ландшафты, в которые их забрасывает историческая судьба. Иными словами, нам надлежит проследить характер и вариации антропогенного фактора ландшафтообразования с учетом уже отмеченного нами деления человечества на этнические коллективы.

СВ. Калесник отметил, что на «земном шаре к настоящему времени почти не осталось ландшафтов, не затронутых воздействием человеческого общества» [140, стр. 424—425]. Вместе с тем он указал на то, что существуют «различия в целях, степени и характере воздействия человека на его природное окружение» [140, стр. 410], и этим открыл перспективы для дальнейшей разработки темы.

Дело не в том, насколько велики изменения, произведенные человеком, и даже не в том, благотворительны они по своим последствиям или губительны, а в том, когда, как и почему они происходят.

3. Бесспорно, что ландшафт и рельеф промышленных районов и областей с искусственным орошением изменен больше, чем в степи, тайге, тропическом лесу и пустыне, но если мы попытаемся найти здесь социальную закономерность, то столкнемся с непреодолимыми затруднения-

ми. Земледельческая культура майя в Юкатане была создана в V в. до н.э. при господстве родового строя, пришла в упадок при зарождении классовых отношений и не была восстановлена при **владычестве** Испании, несмотря на внесение европейской техники и покровительство крещеным индейцам. Хозяйство Египта в период феодализма медленно, но неуклонно приходило в упадок, а в Европе в то же время и при тех же социальных взаимоотношениях имел место небывалый подъем земледелия и ремесла, не говоря о торговле. В плане нашего исследования это означает, что ландшафт в Египте в это время был стабильным, несмотря на напряженность политической борьбы, а в Европе преобразался радикально. Внесение же антропогенных моментов в рельеф Египта в XIX в. — прорытие Суэцкого канала — связано с проникновением туда европейских народов, французов и англичан, а не деятельностью аборигенов — феллахов.

В Англии XVIII в., по Томасу Мору, «овцы съели людей» при начинающемся капитализме, а в Монголии XIII—XIV вв. овцы съели тунгусов-охотников, живших на южных склонах Саян, Хамар-дабана и на севере Большого **Хингана**, хотя там даже феодализм был неразвитым. Монгольские овцы съедали траву и выпивали в мелких источниках воду, служившие пищей и питьем для диких копытных [57]. Число последних уменьшалось, а вместе с тем охотничьи племена лишались привычной пищи, **слабели**, попадали в зависимость к степнякам-скотоводам и **исчезали** с этнографической карты Азии. Еще примеры: Азорские острова превращены в голые утесы не испанскими феодалами, которые свирепствовали в Мексике и Нидерландах, а козами; последних же высадили там астурийцы и баски, у которых еще не исчез родовой строй. Бизонов в Америке уничтожили члены капиталистического общества, а птицу-моа в Новой Зеландии — полинезийцы, не знавшие еще классового расслоения; они же акклиматизировали на своих островах американский картофель, а в России для той же цели понадобилась **вся** военно-бюрократическая **машина** императрицы Екатерины II. Отсюда следует, что закономерность лежит в другой области.

4. Поставим вопрос по-иному: не как влияет на природу человечество, а как влияют на неё разные народы на разных стадиях своего развития? Этим мы вводим господствующее звено, которого до сих пор и не хватало. Тогда возникает новая опасность: если каждый народ, да еще в каждую эпоху своего существования, влияет на природу по-особому, то обозреть этот калейдоскоп невозможно и, отказавшись от заведомо неверных выводов, мы рискуем лишиться возможности сделать какие бы то ни было обобщения, а следовательно, и осмыслить исследуемое явление.

Но тут приходят на помощь обычные в естественных науках классификация и систематизация наблюдаемых фактов, что в гуманитарных науках не получило еще должного применения. Поэтому, говоря о народностях (этносах) в их отношении к ландшафту, мы остаемся на фундаменте географического народоведения, не переходя в область гуманитарной этнографии.

Отказавшись от основ этнической классификации, принятой в гуманитарных науках, — расовой, общественной, материальной культуры, религии и т.п., — мы должны выбрать исходный принцип и аспект, лежащие в географической науке. Таковым может быть явление биоценоза, под которым понимается «закономерный комплекс форм, исторически, экологически и физиологически связанных в одно целое общностью существования» [140, стр. 359]. Следовательно, люди также входят в биоценозы населяемых ими биохоров.

Биоценоз — образование устойчивое, формы, его составляющие, связаны воедино «цепью питания», то есть одни виды питаются другими. «Цепь питания» обычно заканчивается крупным хищником или человеком. Характерной особенностью биоценозов является постоянная соразмерность между числом особей во всех формах, составляющих комплекс. Например, количество волков на данном участке зависит от количества зайцев и грызунов, а последние лимитируются количеством травы и воды. Соотношение это обычно колеблется в пределах допуска и нарушается редко и ненадолго.

Казалось бы, эта картина не имеет отношения к человеку, однако это не всегда так. Есть огромное количество этнических единиц, пусть численно ничтожных, входящих в состав биоценозов на тех или иных биоценозах. По сравнению с этими мелкими народностями, или иногда просто племенами, современные и исторические цивилизованные этносы — левиафаны, но их мало, и они, как показывает история, не вечны. Вот на этой основе мы и построили нашу первичную классификацию: 1) этносы, входящие в биоценоз, вписывающиеся в ландшафт и ограниченные тем самым в своем размножении; этот способ существования присущ многим видам животных, как бы остановившимся в своем развитии. Лишайники, т.е. симбиоз водоросли с грибом, — существуют с кембрия, тараканы и стрекозы — с карбона, крокодилы — с триасового, а муравьи и термиты — с мелового периода [47, стр. 269, 285]. В зоологии эти виды называются персистентами, и нет никаких оснований не применить этот термин к этносам, застывшим на определенной точке развития. 2) этносы, интенсивно размножающиеся, расселяющиеся за границы своего биоценоза и изменяющие свой первичный биоценоз. Второе состояние в аспекте физической географии называется сукцессией [140, стр. 362].

Этносы, составляющие первую группу, консервативны и в отношении к природе, и в ряде других закономерностей. Приведем несколько примеров.

5. Большинство североамериканских индейцев Канады и области прерий жили до прихода европейцев в составе биоценозов Северной Америки. Количество людей в племенах определялось количеством оленей и бизонов, и для ограничения естественного прироста нормой общежития были истребительные межплеменные войны. Целью этих войн был не захват территорий, покорение соседей, экспроприация их имущества, политическое преобладание... Нет! Цель была только убийство ради убийства. Корни этого порядка уходят в глубокую древность, и биологическое назначение его ясно. Поскольку количество добычи не беспредельно, то важно обеспечить себе и своему потомству фактическую возможность убивать животных, а значит избавиться от соперника. Это не были войны в

нашем смысле, это была внутривидовая борьба, поддерживавшая определенный биоценоз. При таком подходе к природе, естественно, не могло быть и речи о внесении в нее каких-либо изменений, которые рассматривались как нежелательная порча природы, находящейся, по мнению индейцев, в зените совершенства.

Точно так же вели себя земледельческие племена, так называемые индейцы пуэбло, с той лишь разницей, что мясо диких зверей у них заменил маис. Они не расширяли своих полей, не пытались использовать речную воду для орошения, не совершенствовали свою технику. Они предпочитали ограничить прирост населения, предоставляя болезням уносить слабых детей и тщательно воспитывая крепких, которые потом гибли в стычках с навахами и апахами. Вот и способ хозяйствования иной, а отношение к природе то же самое. Остается только непонятным, почему навахи не переняли у индейцев пуэбло навыков земледелия, а те не заимствовали у соседей тактику сокрушительных набегов, хотя выгода от таких заимствований была бы несомненной.

Впрочем, двоюродные братья апахов и навахов, ацтеки, принадлежащие к той же группе нагуа, с XI в. по XIV в. переселились на Мексиканское нагорье и весьма интенсивно изменили его ландшафт и рельеф. Они строили теокалли (вариация рельефа), соорудили акведуки и искусственные озера (техногенная гидрология), сеяли маис, табак, помидоры, картофель и много других полезных растений (флористическая вариация) и разводили кошениль — насекомое, дававшее прекрасный краситель темно-малинового цвета (фаунистическая вариация). Короче говоря, ацтеки изменяли природу, в то время когда апахи и навахи ее охраняли.

Можно было бы предположить, что тут решающую роль играл жаркий климат южной Мексики, хотя он не так уж отличается от климата берегов Рио-Гранде. Однако в самом центре северной Америки, в долине Огайо, обнаружены грандиозные земляные сооружения — валы, назначение которых было неизвестно самим индейцам [185, стр. 146—163]. Очевидно, некогда там тоже жил народ, изменявший природу, и климатические условия ему не меша-

ли, как не мешают они американцам англосаксонского происхождения.

Наряду с этим отметим, что одно из индейских племен — тлинкиты, — а также алеуты практиковали рабовладение и работорговлю в широких размерах. Рабы составляли до трети населения северо-западной Америки, и некоторые тлинкитские богачи имели до 30—40 рабов. Рабов систематически продавали и покупали, использовали для грязной работы и жертвоприношений при похоронах и обряде инициации; рабыни служили хозяевам наложницами [193, стр. 238—239]. Но при всем этом тлинкиты были типичным охотничьим племенем, то есть, по нашей классификации, относились к разряду консервативных, статических этносов.

Аналогичное положение было в северной Сибири. Народы угорской, тунгусской и палеоазиатской групп по характеру быта и хозяйства являлись как бы фрагментом ландшафта, завершающей составной частью биоценозов. Точнее сказать, они «вписывались» в ландшафт. Некоторое исключение составляли якуты, которые при своем продвижении на север принесли с собой навыки скотоводства, привезли лошадей и коров, организовали сенокосы и тем самым внесли изменения в ландшафт и биоценоз долины Лены. Однако эта антропогенная сукцессия повела лишь к образованию нового биоценоза, который затем поддерживался в стабильном состоянии до прихода русских землепроходцев.

Совершенно иную картину представляет евразийская степь. Казалось бы, здесь, где основой жизни было экстенсивное кочевое скотоводство, изменение природы не должно было бы иметь места. А на самом деле степь покрыта курганами, изменившими ее рельеф, стадами домашних животных, которые вытеснили диких копытных, и с самой глубокой древности в степях, пусть не надолго, возникали поля проса. Примитивное земледелие практиковали хунны, тюрки и уйгуры. Здесь видно постоянно возникающее стремление к бережному преобразованию природы. Конечно, в количественном отношении, по сравнению с Китаем, Европой, Египтом и Ираном, оно ничтожно и даже принципиально отличается от воздействия

на **природу** земледельческих народов тем, что кочевники пытались улучшить существующий ландшафт, а не преобразовать его коренным образом, но все-таки мы должны отнести евразийских кочевников к второму разряду нашей классификации, так же как мы отнесли туда ацтеков, но не тлинкитов. Как бы парадоксальны ни представлялись, на первый взгляд, эти выводы, но, чтобы получить научный результат исследования, мы должны выдержать наш принцип классификации строго последовательно.

Рассмотрение племен и народностей тропического пояса не принесет нам ничего принципиально нового в сравнении с уже известным материалом, и потому целесообразно обратиться к классическим примерам преобразования природы: Египту, Месопотамии и Китаю. Европу мы пока оставим в стороне, потому что нашей задачей является поиск закономерности, а ее можно подметить только на законченных процессах.

6. Согласно исследованиям Брукса, во время вюрмского оледенения атлантические циклоны проходили через северную Сахару, Ливан, Месопотамию, Иран и достигали Индии [52, стр. 44]. Тогда Сахара представляла собой цветущую степь, пересеченную многоводными реками, полную диких животных: слонов, гиппопотамов, газелей, диких быков, пантер, львов и медведей. Изображения этих животных, до сих пор украшающие скалы Сахары и даже Аравии, выполнены представителями современного человека вида *Homo sapiens* [52, стр. 47]. Постепенное усыхание Сахары в конце IV тыс. до н.э. [147, стр. 99; 137, стр. 99; 256, стр. 20], связанное с перемещением направления циклонов на север, повело к тому, что древние обитатели Сахары обратили внимание на болотистую долину Нила, где среди дикорастущих трав по краям долины произрастали предки пшеницы и ячменя [52, стр. 67]. Неолитические племена освоили земледелие, а в эпоху освоения меди предки египтян приступили к систематической обработке земель в пойме Нила [52, стр. 93]. Процесс закончился объединением Египта под властью фараонов. Эта власть базировалась на огромных ресурсах уже преобразованного ландшафта, который впоследствии принципиальных изменений не претерпевал, за исключением,

конечно, архитектурных сооружений: каналов, плотин, пирамид и храмов, являвшихся, с нашей точки зрения, антропогенными формами рельефа. Однако изменения меньшего масштаба, например, создание знаменитого Фаюмского оазиса при XII династии, имели место до XXI династии, после чего Египет стал ареной иноземных вторжений. Нубийцы, ливийцы, ассирийцы, персы, македоняне, римляне черпали богатства Египта, а сами египтяне превратились в феллахов, упорно поддерживающих биоценоз, созданный их предками.

Сходную картину можно наблюдать в Месопотамии, несмотря на некоторое количество физико-географических отличий. Земли, образовавшиеся из наносов Тигра и Евфрата на окраине Персидского залива, были плодородны, протоки и лагуны изобиловали рыбой и водяной птицей, финиковые пальмы росли в диком виде. Но освоение этого первобытного Эдема требовало напряженной работы. Пахотные земли приходилось создавать, «отделяя воду от суши». Болота надо было осушать, пустыню орошать, а реки ограждать дамбами [52, стр. 179—180]. Эти работы были произведены простыми земледельцами-скотоводами, не имевшими других средств к существованию. Эти люди еще не знали письменности, не строили городов, не имели практически существенного классового разделения [52, стр. 191—192], но они видоизменили ландшафт настолько основательно, что последующие поколения пользовались трудами их рук.

Не следует думать, что примитивные народы имеют преимущество перед цивилизованными в деле преобразования природы. В долине Инда в III тыс. до н.э. существовала доарийская цивилизация [52, стр. 281], похожая на древне-египетскую и шумерийскую. Однако в Индии строители городов Мохенджо-даро и Хараппы были разделены на классы, возможно связанные с расовой принадлежностью. В самом низу социальной лестницы находился примитивный австралоидный тип аборигенов южной Индии; выше — длинноголовый средиземноморский тип, близкий к шумерийцам; наверху — брахмический альпийский тип [52, стр. 265]. Вот пример того, что и народность, находящаяся на стадии классового об-

щества, способна производить переустройство своей местности, но еще более показательна история мелиорации в Китае, о чем нужно сказать подробнее.

7. В III тыс. до н.э. территория Китая была мало похожа на то, что она представляет ныне: девственные леса и болота, питавшиеся реками, разливающимися в половодье, обширные озера, топкие солонцы и только на возвышенных плоскогорьях луга и степи. На востоке между низовьями рек в дельтовых равнинах тянулась цепь зыбких почв, а реки И и Хуай пропадали в заболоченной долине нижнего течения Янцзы.

«Буйная растительность одевала весь бассейн р. Вэй-хэ; там поднимались величественные дубы, всюду виднелись группы кипарисов и сосен. В лесах кишели тигры, ирбисы, желтые леопарды, медведи, буйволы и кабаны; вечно были шакалы и волки» [58, стр. 29—30]. Но главными врагами людей здесь были реки. В сухое время года они сильно мелели, но стоило пройти дождям в горах, как они вздувались и выходили из берегов. Разлившись, они теряли скорость течения и откладывали наносы, причем в Хуанхэ во время паводка содержится до 46 % ила и песка [189, стр. 6]. Примитивным земледельцам приходилось сооружать дамбы, чтобы спасти себя и свои поля от наводнений; и все же дамбы прорывались в среднем один раз в 2,5 года [129]. Часть древних насельников Китая отступала от свирепых вод в горы и продолжала заниматься охотой — от них там и следа сейчас не осталось; другие — «сто черноголовых семейств», пришедшие в Шаньси с запада, — бросились на борьбу с рекой — это были предки китайцев. Им пришлось отказаться от прежней дикой воли и привить себе дисциплину, жесткую организацию и принять деспотические формы правления, но зато побежденная природа щедро вознаградила их, предоставив возможности интенсивного размножения и средства для создания оригинальной культуры [266, стр. 275—278].

Те же, кто отступил от трудностей земляных работ и угрозы водной стихии в горы, стали предками жунов, ди и кянов — тибетцев. Они довольствовались теми плодами природы, которые она им уделяла добровольно, и поэтому у них не возникало потребности в организации. Род заня-

тий, строй жизни и, наконец, идеология их были резко отличны от китайских, и с каждым поколением оба народа отдалялись друг от друга. Кончилась эта рознь непримиримой враждой, определившей направление истории раннего Китая и его соседей.

Теперь наложим факты антропогенного изменения ландшафта на хронологическую канву. Первый легендарный этап борьбы с природой имел место около 2220 г. до н.э., когда мифический предок первой китайской династии Юй провел работы по регулированию русла Хуанхэ, после чего центральная часть северного Китая (Шаньси и часть Шэньси) превратилась в земледельческую страну. Река вела себя спокойно до 602 г. до н.э., т. е. в течение шестнадцати веков [189, стр. 11]. Исторически — это монолитная эпоха древнекитайской культуры, включающая три династии: Ся, Шан-Инь и Чжоу, при которых Китай представлял собой конфедерацию многочисленных княжеств, связанных друг с другом высшим, по тому времени, достижением культуры — иероглифической письменностью [62, стр. 648—649]. В течение всего этого периода созданный Юем искусственный ландшафт только поддерживался, но когда с 722 г. до н.э. наступила эпоха «Весны и Осени» (условное название эпохи, происходящее от заглавия хроники, в которой она описана), все пошло по-иному. Конфедерация княжеств, представлявшая единое целое под председательством вана (царя), распалась на 124 самостоятельных государства, которые начали усердно поглощать друг друга. Тогда перешли в контрнаступление и горные жуны, и воды Хуанхэ. В результате плохого содержания дамб в 602 г. до н.э. произошло первое зарегистрированное изменение течения р. Хуанхэ [189, стр. 19], и с тех пор основная работа на реке до XVIII в. заключалась в поддержании дамб и заделке прорывов [189, стр. 22—23]. В аспекте, принятом нами, это явление должно рассматриваться как поддержание существующего ландшафта, т.е. мы приходим к парадоксальному выводу, что следует зачислить китайцев в тот же разряд этносов, что и алгонкинов или эвенков. Однако проверим наш первоначальный вывод.

В IV в. до н.э. железо превратилось в настолько общедоступный товар, что из него стали делать не только мечи, но и лопаты [62, стр. 652]. Благодаря техническому усовершенствованию в III в. были созданы оросительные системы, из которых наиболее важной была система Вэйбэй, орошавшая 162 тыс. га полей [189, стр. 51] в северном Шэньси. Благодаря этой ирригационной системе «провинция Шэньси стала плодоносной и не знающей неурожайных годов. Тогда Цинь Ши-хуанди сделался богатым и могущественным и смог подчинить своей власти прочих князей» [189, стр. 52]. Это было знаменитое объединение Китая, закончившееся массовой резней побежденных, закабалением уцелевших, построением Великой стены и истреблением не только ученых и всех книг, кроме технической литературы (под таковыми понимались книги по гаданию, медицине и агрономии), но и всех читателей исторических и философских трактатов, а также любителей поэзии.

И вот тут мы можем поставить вопрос: было ли связано целенаправленное изменение ландшафта с грандиозным человекоубийством, или они просто совпали по времени, или оба эти явления восходят к одной общей причине? Для решения проблемы проследим историю Китая и историю оросительной сети Вэйбэй дальше.

Народное восстание 206 г. до н.э. ликвидировало режим империи Цинь, и при династии Хань столь больших кровопролитий не происходило. Страна богатела, ибо к прежней житнице в Шаньси на берегах Хуанхэ прибавилась новая — на берегах рек Вэй и Цзин, но тут сказала свое слово природа. Вода для оросительной сети поступала из р. Цзин, которая была преграждена плотиной, однако река углубила свое русло и оставила водоприемник на сухом месте. Пришлось прорыть новый канал и построить плотину выше по течению, и в последующие века это повторялось десять раз, что потребовало огромного вложения труда, и все-таки в XVII в. система Вэйбэй была фактически заброшена [189, стр. 52—55].

На протяжении истекших двух тысяч лет развернулась средняя история Китая — его императорский период. В плане этнологии китайцы этого периода относятся к древ-

ним китайцам, как итальянцы к римлянам или французы к галлам. Иными словами, на берегах Хуанхэ создался этнографически новый народ, который мы называем тем же словом, что и старый. Но не надо переносить дефекты нашей терминологии на предмет исследования, тем более что слово «китайцы» — условный термин, появившийся в XII в. вследствие развития караванной торговли, и означал он тогда монголоязычное племя, с которым имели дело итальянские и русские купцы. От этого племени название «Китай» перешло на их соседей, называвших себя просто «жители Средней равнины». Для нашего анализа это важно потому, что общеизвестное слово «Китай», таксономически соответствует таким понятиям, как «Европа» или «Левант» (Ближний Восток), а не таким, как «Франция» или «Болгария». Так вот, с эпохи объединения Китая императором Цинь Ши-хуанди до потери Китаем самостоятельности на территории между Хуанхэ и Янцзы возникли, сформировались и потеряли силу два больших этноса, условно именуемые северо-китайский и южно-китайский. Второй также связан с изменением ландшафта, ибо когда древние китайцы (из коих образовались оба средневековых этноса) широкой струей вливались в долину Янцзы, то они на месте джунглей устроили рисовые поля. Северные же китайцы на месте сухих степей создали орошенные пашни, и до тех пор, пока у них хватало энергии на поддержание оросительной системы, они утверждали себя как самостоятельный народ и отражали, хоть и не всегда удачно, иноземцев. Но в XVII в. ирригация перестала существовать, и в том же веке маньчжуры покорили Китай. Покорению предшествовало грандиозное крестьянское восстание, расшатавшее мощь империи Мин, но поднять крестьян на жестокую войну можно лишь тогда, когда сельское хозяйство в упадке. Действительно, потеря богатейших северозападных пашен, занесенных песком, после того как были заилены каналы, ослабила сопротивляемость Китая и превратила империю Мин из агрессора в жертву.

8. Теперь мы можем ответить на поставленные вопросы. Эпохи, в которые земледельческие народы создают искусственные ландшафты, относительно кратковремен-

ны. Совпадение их по времени с жестокими войнами не случайно, но, разумеется, мелиорация земель не является поводом к кровопролитию. Утверждать такое — значило бы идти в направлении географического детерминизма дальше самого Монтескье. Однако в обоих параллельно протекающих явлениях есть черточка, которая является общей — способность этнического коллектива производить экстраординарные усилия. На что эти усилия направлены — другое дело; цель в нашем аспекте не учитывается. Важно лишь, что когда способность к сверхнапряжению слабеет, то созданный ландшафт только поддерживается, а когда эта способность исчезает — восстанавливается этно-ландшафтное равновесие, т.е. биоценоз данного биоохра. Это бывает всегда и везде, независимо от масштабов произведенных перемен и от характера деятельности — созидательного или хищнического. А если так, то мы натолкнулись на новое, до сих пор не учтенное явление: изменение природы не результат постоянного воздействия народов на нее, а следствие кратковременных состояний в развитии самих народов, т.е. процессов творческих, тех же самых, которые являются стимулом этногенеза.

9. Проверим наш вывод на материале древней Европы. На рубеже II и I тыс. до н.э. Западную Европу захватили и населили воинственные народы, умевшие ковать железо: кельты, латины, ахейцы и др. Они создали множество мелких земледельческих общин и, обработав девственную почву, видоизменили ландшафт. Почти тысячу лет в Европе не возникало больших государств, потому что каждое племя умело постоять за себя и завоевание было делом трудным и невыгодным: племена скорее давали себя перебить, чем соглашались подчиниться. Достаточно вспомнить, что ни Спарта, ни Афины не могли добиться власти над Элладой, а латинские и самнитские войны Рима проходили более тяжело, чем все последующие завоевания. В первую половину I тыс. парцеллярное земледелие с интенсивной обработкой участков было институтом, поддерживавшим созданный культурный ландшафт. В конце I тыс. отношение к природе становится хищническим и одновременно возникает возможность завоеваний. Принято думать, что Рим покорила Средиземноморье и Западную

Европу потому, что он почему-то усилился. Но ведь тот же результат должен получиться и в том случае, если бы сила Рима осталась прежней, а народы вокруг него ослабели. Да так оно и было, а параллельно с экспансией Рима шло превращение полей сначала в пастбища, потом в пустыри, и наконец к V—VI вв. восстановились естественные ландшафты: леса и заросли кустарников. Тогда сократилась численность населения, и Римская империя пришла в упадок. Весь цикл преобразования ландшафта и этногенеза от сложения этносов до полной их нивелляции занял около 1500 лет.

Новый подъем деятельности человека и одновременно образования средневековых наций произошел в IX—X вв. и до сих пор не закончен. Возможно, что для объяснения особенностей этого периода следует внести дополнительные коррективы в связи с небывалым развитием науки, но этот вопрос следует изучить особо, ибо сейчас нас интересует правило, а не исключения из него.

А теперь вернемся к индейцам и народам Сибири, потому что мы наконец можем ответить на поставленный выше вопрос: почему охотники и земледельцы существуют рядом, не заимствуя друг у друга полезных навыков труда и быта? Ответ напрашивается сам: очевидно, некогда предки тех и других пережили периоды освоения ландшафта и видоизменили его по-разному: потомки же, сохраняя созданный предками статус, влачат на себе наследие прошлых эпох в виде традиции, которую не умеют и не хотят сломать. И даже когда нашествие англосаксов грозило индейцам физическим истреблением, они мужественно отстаивали именно свой образ жизни, хотя, отбросив его, они имели все шансы смешаться с колонистами и не погибнуть. Этническая традиция оказалась сильнее даже инстинкта самосохранения.

С другой стороны, ацтеки и другие индейцы Мексики, находившиеся в состоянии, которое мы выше охарактеризовали, как творческое, не только пережили ужасный разгром, но нашли в себе силы, чтобы, ассимилировав часть завоевателей, создать новую народность, свергнуть испанское господство и основать республику Мексику, где индейский элемент играет первую роль. Конечно, соратники

Хуареца не были копией сподвижников **Монтесумы**, но еще меньше походили они на солдат Кортеса. Мексиканцы — молодой народ, этногенез которого проходил на глазах историков.

Несколько иначе шло сложение народов Колумбии и Венесуэлы, освободившихся от испанского господства тоже в начале XIX в. Там большинство руководителей повстанческого движения были не индейцы, а негры или мулаты. Сам **генерал Боливар** в 1819 г. высказался по этому поводу так: «Наш народ нельзя сравнить с европейцами или североамериканцами. Наше население скорее смесь африканцев и американцев, чем выходцев из Европы, ибо сами испанцы по своему характеру, инстинктам и африканской крови, которая течет в их жилах, вряд ли могут быть причислены к европейцам. Невозможно определить, к какой человеческой семье мы принадлежим. Большинство индейского населения было **перебито**, европеец смешался с американцем и африканцем, а последний с индейцем и европейцем. Рожденные одной и той же матерью, наши отцы, разные по происхождению и крови, являются иностранцами, и все отличаются друг от друга цветом кожи...» [166, стр. 96]. А этот народ, сложившийся в Венесуэле в XVII—XVIII вв., весьма сильно изменил характер ландшафта путем разведения культурных растений и акклиматизации чуждых Америке животных — лошадей и коров. По-разному протекали процессы этногенеза и в других областях Латинской Америки. Иногда решающую роль играла природа, иногда — состав исходных популяций, иногда — наличие разных культурных традиций, но именно явление объективно протекавшего процесса этногенеза обусловило крушение грандиозного плана генерала Боливара — создания единой латиноамериканской империи. Воплощение замысла философской мысли разбилось об историко-природную реальность, каковой и является этногенез.

10. Суммируя все наблюдения, приведенные выше, можно сказать, что этногенез, т.е. творческое преобразование этнических коллективов и сопутствующее ему антропогенное видоизменение ландшафтов, происходят на поверхности земли то тут, то там, своего рода толчками,

после чего следуют периоды затухающей инерции, переходящие в устойчивое состояние равновесия между этносами и окружающей географической средой.

И вот мы подошли к цели нашего исследования — реальному принципу классификации антропогенных факторов ландшафтообразования. Оказывается, он лежит не на поверхности явления, среди необозримого этнографического многообразия, а в глубине, разделяя состояния этноса: творческое, т.е. динамическое, инертное, или историческое, и стабильное, т.е. персистентное, при котором этнос входит в биоценоз. Эти состояния различаются между собой только способностью к сверхнапряжениям, причем в третьем варианте она близка к нулю.

А теперь переведем наше обобщение на язык смежных научных дисциплин, причастных к исследуемой проблеме.

В плане диалектического материализма момент творческой динамики этноса соответствует скачку при переходе количества в качество.

В плане зоогеографии — это антропогенная сукцессия, затухающая вследствие сопротивления среды.

В плане геоморфологии — это тектонические микроизменения, где этносы приравниваются к прочим природным факторам. Развалины городов можно рассматривать как метаморфизованный антропогенный рельеф.

В плане генетики — это микромутация, появление нового признака, который в процессе эволюции утрачивается. Передача его от поколения к поколению происходит не столько передачей генотипа, сколько посредством «сигнальной наследственности» [171], видоизменение которой легко увязывается с фактором отрицательного отбора.

В плане истории культуры — это возникновение и утрата традиции; явление зафиксированное, но не объясненное.

Итак, с одной стороны, мы нащупали глобальную закономерность, проявления которой неоднократно фиксировались представителями смежных областей знания, с другой — нашли место этнологии в классификации географических дисциплин. Она располагается на стыке многих наук, как специальная область эмпириосинтеза.

ЭТНОС И КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ¹

*Доложено на совместном заседании
Отделения этнографии и палеогеографии
7 апреля 1967 г.*

1. В предыдущих докладах [80, 82] мы установили, что подлинное содержание этнического становления не лежит на поверхности явлений. Наблюдению доступны не сущности этнических различий, хотя они ощущаются интуитивно, а их результаты, подобно тому как в оптике мы видим цвета, а не колебания фотонов. Поэтому, приступая к анализу фактов, наблюдаемых непосредственно, мы должны иметь в перспективе необходимость разгадать их основу, скрытую под покрывалом Изиды. Для достижения этой цели надлежит установить какой-либо условный критерий классификации этносов и этнических состояний. Этот критерий не обязательно должен отражать существенные моменты, интересующие нас. Скорее наоборот, пусть он отличает какую-нибудь деталь этнического бытия, но он должен быть универсальным, и фиксируемые им особенности должны быть соизмеримы. Это значит, что явление, исследуемое нами и принятое за критерий этнической систематики, должно в равной мере относиться к египтянам XX в. до н.э. и англичанам XX в. н.э., к датчанам и папуасам, этрускам древней Тосканы, флорентийцам — современникам Данте и итальянцам, подчинившимся Савойскому дому. Только тогда, когда мы получим определенную шкалу, градуированную любым условным способом, но в одном масштабе, мы сможем получить систему классификации, без которой никакая наука не может существовать. Бытующие ныне принципы классификации — лингвистический и социологический — не подходят для поставленной нами цели и нашего аспекта именно потому, что они отвечают на иные вопросы, к тому же не всегда удачно. Так, последовательное применение классификации народов по языкам заставило С. Брука в

¹ Доклады Географического общества СССР, 1970, вып. 15, стр. 143—157.

тome V «Краткой географической энциклопедии» [1-61, стр. 270 и 276, прим. 4] отнести евреев к индоевропейцам на том основании, что большая часть их ныне говорит на индоевропейских языках. Но ведь тогда в эту группу следует включить и американских **негров**, говорящих по-английски в Соединенных Штатах и на Ямайке, по-французски на Гаити, по-испански — на Кубе и по-португальски — в Бразилии. Приходится признать, что лингвистическая и этническая классификация лежат в разных плоскостях и не подменяют друг друга.

Социологический аспект учитывает прежде всего стадию развития. С.А. Токарев и Б.В. Андрианов [8, стр. 102; 226, стр. 52—53] высказали мнение, что для доклассового общества «этнос» — это племя, для рабовладельческой формации — «демос», для феодальной — народность, а для капиталистической — нация. Но это невозможно уложить в рамки этнографии. Смена социально-экономических формаций не обязательно совпадает с вехами этногенеза, и сам С.А. Токарев четко отметил разницу между понятиями «общество» и «народ» [226 а), стр. 141]. Например, во Франции переход от феодализма к капитализму совершился за несколько месяцев 1789—91 гг., и весьма изменилась расстановка социальных сил, но этническая сущность французских крестьян в Севеннах, Арденнах, Ландах, Оверни осталась прежней. Конечно, Великая французская революция в социальном плане подготавливалась весь XVIII в., но капиталистические махинации Джона Лоу, ост-индских и канадских негоциантов влияли лишь на круги, связанные с двором и морской торговлей и, по словам очевидца — английского писателя Стерна, не задевали большинства населения Франции от Бретани до Прованса. Не менее показательна картина несходства социальных и этнических ритмов развития в России. От первой Отечественной войны до конца второй (1812—1945 гг.) русское общество перешло от феодальной формации, через краткое и бурное развитие капитализма, к социализму, но этническое единство русского народа осталось мощным фактором его истории, наряду с грандиозными социальными преобразованиями. При историческом синтезе необходимо учитывать обе стороны явления, но при

анализе они неизбежно **расчлняются**, **благодаря** чему появляется возможность уяснить себе ход событий **всесторонне**. **Обществоведение** и **народоведение** — разные **дисциплины** как по предмету, так и по методу, ибо в первом случае имеет место гуманитарная, а во втором — естественная наука. Иногда природные и общественные **изменения** бывают синхронны, но это нельзя считать правилом.

2. Одним из индикаторов определения состояния **народа**, весьма удобным для классификации, является отношение этнического сознания (каждого данного народа) к категории времени. На первый взгляд это кажется парадоксом, так как мы привыкли к ньютоновскому времени, протяженности, от которой берутся все отсчеты. Мы знаем и об эйнштейновском времени, изменяющемся в зависимости от скорости. Однако сравнительная этнография показывает, что линейное время с условной точкой начала отсчета — это одно из достижений средиземноморской цивилизации, а отнюдь не общедоступная истина.

Автору этого сочинения довелось наблюдать чукчей, которые не могли ответить на вопрос, сколько им лет, так как считали подобный счет бессмысленным. Их даже мало интересовала смена времен года. Они отмечали только день и ночь, а у себя на родине различали сезоны охоты. Разумеется, они помнили крупные события, например убийство медведя или приезд торговца с товарами, но отсчитывали их относительно друг друга: одно раньше другого, а насколько — не имеет значения. Ту же закономерность наблюдала Т.А. Крюкова во время этнографических работ в поле со старыми женщинами (народы — марийцы, чувашы, удмурты, коми) при приобретении у них вещей. Хронология этих вещей устанавливалась по поколениям. При вопросе собирателя-этнографа, когда изготовлена вещь, они начинали вспоминать мать, бабушку, мать бабушки, мать матери бабушки и т.д. Дополнительные вопросы о том, сколько же лет было бабушке или прабабушке, не вносили ясности, так как эти старые женщины не могли на них ответить. Корректировалось это обычно лишь событиями в их жизни: голод, мор, война, урожай. У чувашей в обозначении лет применялись такие названия, как «год кленовых листьев», «год лебеды», по названию

тех суррогатов, которые они употребляли в пищу в качестве примесей к хлебу. Иногда эти события ограничивались семейным кругом: «когда Мишку в солдаты отдали», «когда сестра замуж пошла», «когда дом ставили» и т.п. Отсчет лет для них был непонятен, но это происходило не от отсутствия памяти. Время изготовления вещи и отношение ее к событиям их жизни — четкое. У народов же, подвергшихся влиянию мусульманской или русской культуры, в частности у татар и мордвы, такое отношение к времени не наблюдалось. Итак, народы этой системы восприятия игнорировали время как таковое. Реальны в их жизни, для их сознания были только конкретные события, а время, что ни говори, — абстракция.

Более совершенная система счета времени описана у древних кочевников Центральной Азии. Согласно китайским хроникам, древние тюрки в VI в. отмечали смену времен года «только по зелени травы». Однако это не мешало им пировать на весеннем и осеннем праздниках и совершать торжественные похороны, причем, согласно их обычаю, «умершего весной и летом хоронили, когда лист на растениях начнет желтеть и опадать; умершего же осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают разворачиваться» [35, стр. 230—231]. Как известно, весны и осени бывают ранними и поздними; поэтому ботаника может быть весьма условным мерилom времени.

Казалось бы, при такой системе счета человек полностью зависит от фенологии, но тюрки умели высчитывать дни своих ежегодных праздников. Фенологическое восприятие времени позволяло иметь довольно точный календарь, в котором было 12 месяцев [178, стр. 142]. И у других народов фенологическое отношение к категории времени встречается довольно часто. Но этот счет остается неразвитым и служит элементарным потребностям земледельца, скотовода и охотника, т.е. людям, непосредственно связанным с природой. Здесь единицей измерения служит уже не событие, а год.

3. Дальнейшее развитие система счета времени получила в известном двенадцатилетнем цикле. Годы получили названия животных: мыши, коровы, тигра, зайца, змеи, дракона, лошади, овцы, обезьяны, птицы, собаки,

свиньи. По окончании цикла годы повторялись, и этим путем исчислялись даты событий индивидуальной жизни кочевника. В Китае и Тибете этот цикл был усовершенствован путем добавления пяти названий стихий: дерева, металла, воды, земли и огня. Каждый год получал уже двойное название, например: «год дерева и лошади» или «года огня и дракона», так что цикл стал шестидесятилетним. Но как тот, так и другой были удобны скорее для повседневной жизни, а при составлении истории им пользовались в целях популяризации [272, стр. 39].

В Европе и на Ближнем Востоке циклическое восприятие времени живет и процветает до сих пор. Это — неделя, где дни носят названия планет или просто числительных (у славян и персов). Удобство этой системы очевидно, но сфера применения ее ограничена, а потому мы начинаем встречаться с применением линейной системы отсчета.

4. Вернемся к древним тюркам. Пока они были степным племенем, и их память ограничивалась жизнью одного — двух поколений, двенадцатилетнего цикла им хватало. Но когда они оказались во главе державы, простиравшейся от Желтого моря до Черного, и соперниками могучего Китая, славного Ирана и блестящей Византийской империи, то им потребовалась история, т.е. кодификация событий и объяснение их взаимосвязей. Тут пришла на выручку наипростейшая форма отсчета — «живая хронология». В знаменитом памятнике — стеле на могиле Кюль-тегина, где перечислены его подвиги, события датируются годами жизни витязя, а для привязки к циклической хронологии указана дата смерти — год овцы, — и подчеркнуто, что герою было сорок семь лет [175, стр. 43]. Для тюрков VIII в. этого было достаточно.

5. Следующий шаг по усовершенствованию хронологии сделали древние народы Средиземноморского бассейна. Они приспособили живую хронологию для целей составления истории, в которой при образовании крупных государств возникла острая необходимость. Годы носили названия лиц: царей, архонтов, консулов, но совокупность их образовала ряд, который отвечал требованиям, предъявляемым линейной хронологии (см. ниже). Это означало,

что время еще не воспринималось как абстрактная протяженность, но практическим целям такая система соответствовала. Приведем несколько примеров.

Новый Вавилон — датировки по годам царствования:

«21-й год Навуходоносора, царя Вавилона»,
«год начала царствования Амель-Мардука, царя Вавилона».

Год начала царствования (0 г.) — первый неполный год, когда царь вступал на престол после смерти предшественника, за ним следовал после праздника Нового года 1-й год этого царя.

Ассирия — датировка по эпонимам — «лимму», например: «10 нисану лимму Шамаш-ах-иддина, наместник Гаргамиша». Каждый новый ассирийский царь в 1-й полный год своего царствования был лимму (эпонимом).

Евреи употребляли вавилонский календарь (Нового Вавилона), но с вариантами: 1) в определенные периоды они признавали 0 г., а в другие периоды не признавали; 2) гражданский новый год начинался с 1 нисана (1-го месяца), а царский год — с 10 тишири — (7-го месяца). Со времени плена (597/96 г. до н.э.) употреблялся гражданский календарь.

Афины — летосчисление велось по архонтам-эпонимам (ассирийская система): «в архонтство Антидота»; календарь — лунный. Аналогичным образом считали время другие эллинские полисы, т.е. каждый имел собственную хронологию, что весьма точно характеризует Древнюю Грецию как страну многообразия и контрастов. С одной стороны — блестящие Афины, втягивавшие в себя все интеллектуальные силы страны, богатый Коринф, который впитывал в себя все свободные деньги, и Спарта — сборище воинов-гимнастов; с другой — горы, покрытые кустарником, и козы с полудикими пастухами в Этолии, Акарнании, Аркадии или крестьянские участки, обрабатываемые косными крестьянами, в Фессалии и Беотии, и, наконец, разбойничий Эпир. Этническое единство эллинов было несомненно для них самих, но общность — не трафарет, и это отразилось на избранном нами индикаторе — восприятии и отсчете времени.

Рим — летосчисление велось по именам консулов: «в консульстве Юлия и Кальпурния» (ассирийская система); со времени Юлия Цезаря введен юлианский солнечный календарь (египетский).

Таким образом, оказалось, что «живую хронологию» можно приспособить для длинных отрезков времени, хотя эта система слишком громоздка, чтобы быть удобной. Родившись в системах самоизолирующихся племен, «живая хронология» стала претерпевать изменения, как только наступила эпоха этнической интеграции. Но в Китае таковая настала на несколько веков раньше, чем в Средиземноморье.

6. Следующий шаг к усовершенствованию хронологии сделали древние китайцы. Они ввели «периоды» — отрезки времени, начало которых определялось императорским эдиктом. Обычно «период» объявлялся в начале правления императора. Периоду давалось пышное название, вроде «Великое благоденствие» или «Глубокий мир», но если дела правительства шли плохо, то, даже посередине царствования, период заменялся новым и счет годов шел опять с первого. Эта система находила оправдание в воззрениях древних китайцев, деливших дни и годы на счастливые и несчастливые. «Период», начатый в неудачно выбранный день, должен был быть несчастливым, а если начать новый и день выбрать более осмотрительно, то, по их мнению, все должно было измениться. Таким образом, хронология зависела от квалифицированности гадальщика [62, стр. 644].

Для того чтобы определить дату того или иного события, нужно было иметь список всех «периодов» и отсчитать указанный год от начала данного «периода», учитывая при этом имя императора, потому что названия периодов часто повторялись. Эта громоздкая система крайне неуклюжа, но является новым вариантом отношения ко времени — переходом к единому летосчислению. Китайцев отнюдь не смущало, что за основу мировой хронологии была принята смена их собственных правителей; ведь они искренне считали только свою страну «Срединной империей», а прочие — варварской периферией. Исходя из этой, вполне этнической, особенности своего мироощуще-

ния, они и создали линейную систему отсчета, просуществовавшую до XX в. Впрочем, стоит ли иронизировать по адресу Дальнего Востока, ибо в античном Средиземноморье первые известные нам линейные системы отсчета были тоже весьма несовершенны.

Победа Александра Македонского при Херонее и последовавшее подчинение большей части Эллады македонскому царю повлекло за собой экономическую, лингвистическую, культурную, а следовательно, и этническую интеграцию эллинов, что в интересующем нас аспекте означало ослабление племенных особенностей отдельных районов и возрастание роли создавшейся в эллинистическое время античной интеллигенции. В III в. до н.э. историк Тимей для датирования исторических событий ввел линейную систему отсчета времени по олимпиадам, начав ее с 1 июля 776 г. до н.э. Эта система, оставшаяся достоянием историков и писателей, просуществовала до 394 г. н.э., когда олимпийские игры были запрещены императором Феодосией, «как языческая мерзость, противная духу христианства». Для новорожденного этноса, который мы условно именуем «византийским», все эллинские традиции были одиозны; но потребность в линейном исчислении оставалась, и тогда вошла в употребление эра «от сотворения мира», исчисляющая начало событий от 1 сентября 5508 г. до н.э. Эта эра была очень удобна для отсчета и вполне отвечала потребностям этноса, возникшего путем интеграции многочисленных этнических субстратов, вошедших в орбиту восточнохристианской (византийской) культуры, за некоторыми существенными исключениями, которые мы и отметим.

Семитские племена, населявшие Сирию и Месопотамию, до VI в. до н.э. отнюдь не составляли единого этноса, несмотря на то, что процесс культурной нивелляции проходил на Ближнем Востоке довольно интенсивно. Но под властью Ахеменидов и Селевкидов произошла этническая интеграция, подобная той, которая имела место в Элладе. Хананеи, идумеи, моавитяне, халдеи и другие племена слились в новый этнос, противопоставивший себя грекам, иранцам и иудеям. Этот этнос получил название «сирийцы», столь же условное, как и «византийцы». И тогда же

вошла в употребление так называемая «Селевкидская эра», причем исходной точкой отсчета был признан 312 г. до н.э. Эта дата была связана с успехом Селевка Никатора и его водворением в Вавилоне. Было бы естественно, если бы она сменилась при последующих царях, но для новых условий полиэтнического государства и этнической интеграции единая точка отсчета оказалась столь удачной, что ее приняли на территории Сирии [149, стр. 209—211], а затем сирийцы и центральноазиатские несториане пронесли ее вплоть до конца XIV в. Здесь ревностных христиан не смутило языческое происхождение начальной точки отсчета, потому что в общем-то все равно откуда вести счет годам. Но линейный счет времени преследует цели не только исторической науки, а деловой жизни и политики. Поэтому арабы ввели свою эру от хиджры (бегство Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г.), персы — Яздигердову эру, имевшую целью начать новый счет после арабского разгрома [149, стр. 216—218], а итальянский монах Дионисий Малый, работавший над исчислением пасхалий, в 532 г. н.э. предложил принять за нулевую точку отсчета дату рождения Христова, высчитав, что оно имело место в 754 г. после основания Рима. Принятие этой точки за исходную вытекало из философии Косьмы Индикоплавта, согласно которому Вселенная разделяется на два мира — земной и небесный, а история человечества на два периода: один, начинающийся с Адама, другой — с Христа. Эта концепция была направлена против древнеримской, языческой, и, отчасти, иудейской традиций, согласно которым в момент рождения Христа не произошло ничего особенного. Постепенно новая эра возобладала во всей католической Европе, хотя и встречала сопротивление всюду, даже в Кастилии. Некоторая самостоятельность испанской церкви сохранялась до XII в., и, несмотря на религиозный подъем и разгар реконкисты, Испания имела свою эру: 38 г. до н.э. — установление римской провинциальной системы среди покоренных иберийских и лузитанских племен Октавианом Августом. Испанские каноники, разумеется, не знали происхождения этой традиции, но отстаивали ее, т.к. привыкли к ней. Только с 1431 г. все акты, рассылаемые папой, стали датироваться

по современной христианской эре, но еще долго к официальной дате приписывалась привычная византийская дата от «сотворения мира». Причин, объясняющих задержку новой хронологии, можно найти много, и все они будут в какой-то мере основательны, но одна из них, интересующая нас, связана с этнической историей Европы.

В 284 г. н.э. начальник римской дворцовой стражи Диоклетиан захватил престол и закончил превращение бывшего римского полиса в деспотию восточного типа. Тогда же закончился процесс этнической интеграции некогда разнородного населения Италии и провинций Римского мира (*Pax Romana*). Согласно приведенным выше наблюдениям (Эллада, Сирия), должна была возникнуть потребность в линейной системе отсчета, и она возникла — была установлена «эра Диоклетиана», замененная Дионисием Малым на христианскую эру. Но Великое переселение народов смешало всю этническую карту Европы. Сначала образовалось несколько варварских королевств, потом, после кратковременного объединения их при Каролингах, создано свыше десятка новых этносов, как, например, только в современной Франции: французы, бургундцы, бретонцы, провансальцы, аквитаны, гасконцы. Феодальная революция X в. закрепила этническую раздробленность Западной Европы, и этническая интеграция сделалась ощутимой лишь в конце XIV в., а с XV в. единая линейная хронология стала общепризнанной для всех стран, входивших в европейскую супер-этническую общность. С 1 января 1700 г. она была введена в России указом Петра I, а ныне распространилась на всю ойкумену. Напрашивается вывод, что восприятие времени связано с этнической историей не случайно, а функционально.

7. Наш обзор был бы неполон, если бы мы опустили две оригинальные системы отсчета, нашедшие себе применение в сфере науки. Ведь ученые тоже являются членами этносов, и исключать их из рассмотрения несправедливо.

Восприятие времени как прерывистой (дискретной) субстанции возможно при условии, что внимание будет сосредоточено не на самом времени, а на его наполнении. Примитивным примером будет жизнь человека от рождения до смерти. При субъективном подходе, т.е. когда вос-

принимающий имеет в виду **себя**, это очень распространенное явление; но и тогда, когда **наблюдается** окружающий мир, констатация законченных процессов дает очень много для понимания явлений. При этом в поле зрения воспринимающего будет мозаика процессов протяженных, часто синхронных, но всегда имеющих начало и конец, Переводя наше обобщение на привычный язык естествознания, мы можем назвать такой неделимый отрезок квантом времени, подобно тому как приняты в физике кванты энергии и пространства, под которыми понимаются единицы дискретного процесса. Эта система восприятия времени стихийно применялась в исторической науке с того момента, как на месте хроник, с их линейным ощущением времени, возникли исторические исследования. Квантом восприятия истории является так называемая «эпоха», под которой понимается не произвольно взятый отрезок времени, а некая целостность исторического бытия, воспринимаемая исследователем как объективная реальность. Эпоха начинается каким-то событием, резко отграничивающим ее от предыдущей эпохи, и таким же образом кончается, несмотря на то, что сами начальные и конечные события имеют иногда значительную протяженность во времени. При этой цене деления объектом изучения становится не **безличное** время, а индивидуальный облик того или иного явления. Например, все научились употреблять термины «Ренессанс», «Реформация», «эпоха крестовых походов» и т.п. в определенном значении, хотя возрождение античного искусства достигло апогея после раскопок в Помпеях, протестантские секты возникают даже в XX в. и крестовыми походами были войны Владислава Ягеллона и Яна Собесского против турок. Несмотря на все это, терминологической путаницы не возникает, ибо историческое время отличается от астрономического. Принцип квантования истории впервые сформулировал китайский историк I в. до н.э. Сыма Цянь, писавший: «Путь правления трех царей древности подобен движению по кругу: конец и вновь — начало» [226, стр. 28]. На этом принципе средневековые китайские историки создали построение истории Срединного государства, где долгие династии, например Хань, разделены на

две эпохи, а эфемерные — объединены в группы, например «Три царства» или «Пять варварских государств». Построение весьма удачное [62]. На крайнем западе к аналогичному восприятию исторического времени пришел в XIV в. Ибн Халдун, а вслед за ним Джанбатисто Вико, К.Н. Леонтьев, О. Шпентглер и многие другие. Особенного внимания заслуживает «двадцать одна цивилизация» А. Тойнби — попытка классификации исторических явлений. Но эта проблема столь существенна, что ей следует посвятить специальный разбор, а пока не стоит отвлекаться от анализа.

Наконец, эйнштейновская трактовка времени как явления относительного к скорости света, хотя и не употребляется широко, но тоже имеет свою аналогию в этнографическом материале. Фольклор сохранил для нас осколки некогда разработанных и последовательных идеологических систем. Но как по черепку археолог восстанавливает форму сосуда, как Кювье по одному зубу мог нарисовать скелет ископаемого животного, так по редким, отрывочным элементам современных сказок можно усмотреть, что время и в древности рассматривалось как величина относительная.

Например, известен сюжет, в котором два друга поклялись позвать один другого на свадьбу, но один умер, и второй, проезжая мимо кладбища, остановил свадебный поезд, пришел на могилу и позвал умершего друга. Тот вышел, пригласил живого к себе в могилу, и там друзья выпили три чарки водки. Когда же жених вышел наружу, то оказалось, что прошло 30 лет, потому что в могиле время шло быстрее. Есть и другой сюжет, где герой, разматывая нити волшебного клубка, ускоряет течение своей жизни. Иными словами, относительность времени, как факт, в сознании людей бытовала, рассматриваясь как явление чудесное и потому редкое.

С этой точки зрения находят объяснения факты, описанные в письменных источниках, например в исторических главах Библии. То, что Иисус Навин во время боя евреев с обитателями Палестины — хананеями — остановил солнце, критиками воспринималось как ничем не оправданная выдумка создателя легенды. Но еще в III в.

(Ориген и его школа) указывалось, что в тексте Библии есть образные и метафорические выражения, которые нельзя понимать буквально. Здесь мы видим такой пример, который имеет свой смысл; за короткое время боя было совершено столько подвигов, что в обычное время этого не могло бы произойти. Значит, время остановилось, а так как время исчислялось по Солнцу, то, метафорически, остановилось Солнце, а это чудо, с точки зрения древних, и в том и в другом случае.

Мифические и сказочные сюжеты — отнюдь не произведение большой фантазии. Они воссоздают уровень знаний и способ выражения своего времени. Объяснения часто бывают фантастическими, но ведь и мы здесь говорим об этническом сознании, а не об отраженной в нем реальной истории.

Однако не только в фольклоре и мифах встречается отношение к времени как к явлению, зависящему от приложения силы. Эта идея в гипертрофированной форме встречается в буддийской философии махаяны. Согласно теории раннего буддизма — хинаяны, человек, достигший совершенства, — будда, — выходил из «круга перевоплощений», т.е. времени, и пребывал в Нирване, где понятия времени нет. Но если «совершенный» желал остаться в мире, дабы помогать другим живым существам, то он именовался «бодисатва» и не только не терял способности к активности, но приобретал ее в огромной степени, преодолевая законы времени, пространства и причинности. Махаяническое учение обосновывало возможность такой сверхмощи тем, что мир на самом деле — иллюзия; следовательно, время тоже иллюзорно, и, значит, при достаточном приложении духовной силы с ним можно делать все, что угодно, например ходить в прошлое и будущее, как по коридору своей квартиры, или одновременно находиться в двух местах.

Собственно говоря, описанная концепция — это некоторая вульгаризация чрезвычайно сложного учения Нагарджуны (II в. н.э.) [238, стр. 130—133], но ведь нас интересует не философская сторона проблемы, а ее преломление в этническом сознании буддистов: тибетцев и монголов. Для них же бодисатва — сверхсильное суще-

ство, господствующее над **временем**, и эта черточка, только она одна, роднит буддийское восприятие времени с относительным временем **Эйнштейна**.

И тем не менее совпадение восприятия времени в древних мифах, старых сказках, буддийских легендах и современной математической физике не может быть случайным. Очевидно, оно свойственно либо какой-то одной стороне человеческой психики, либо какому-то свойству самого времени. Попробуем разобраться в этом **немало**-важном вопросе.

Если счет времени зависит от скорости тела, где, по Эйнштейну, есть лимит — скорость света, то ведь скорость тела зависит от импульса силы, т.е. приложения энергии. При силовом импульсе, в зависимости от вектора, может возникнуть либо ускорение, либо замедление естественно-го хода событий, т.е. в мире появляется новый «момент», а создание нового называется «творчеством». С явлением «творчества» люди сталкивались на протяжении всего своего существования, хотя, разумеется, не в любой момент и то в большей, то в меньшей степени. В древности творческие акты считали волшебством, потому что не видели объяснений факта в окружающей действительности. Да и сейчас творческий момент даже в жизни ученого, посвятившего науке всю жизнь, — редкий праздник, а остальное время — будни доработок и разработок.

Итак, даже эйнштейновское восприятие времени фигурирует в этнографической классификации как способ отсчета при изучении творческих процессов. А таковыми являются не только акты индивидуальные — сочинение поэм, сооружение **монументов**, научные открытия и философские обобщения, но также появление новых народов, создание новых форм общежития, миграции и смена общественного мировоззрения. Эти явления, несомненно, имеют свою причину, которая в плане социологическом разработана философией исторического материализма, в плане биологическом — теорией эволюции, а в плане этническом — еще не получила исчерпывающего объяснения.

Не вдаваясь в выяснение причин явления, пока отметим, что характер измерения времени оказался **пригод-**

ным индикатором для того, чтобы сделать первый вывод: развитие народов, создающих культуры и цивилизации, связано с творческими процессами, а оскудение творчества обрекает этносы (племена и народы) на повторение младшим поколением старшего, что и отражено в восприятии времени как завершенного цикла.

8. Сделанный обзор основных вариантов отношения разных народов к универсальной категории времени не только не дает нам права рассматривать эти варианты как ступени на лестнице эволюции, но, наоборот, позволяет сделать противоположное заключение. Люди считают время так, как им это нужно, и не применяют иные системы отсчета не потому, что не умеют, а потому, что не видят в этом практического смысла. Так, тюрки ввели линейную хронологию, как только она им понадобилась, а нужда в новой системе отсчета возникла тогда, когда из общей аморфной массы родовичей выделилась инициативная группа тарханов и бойла, которые сумели приспособить систему соседей к потребностям своего народа [86, стр. 342]. Но как только каганат пал, тюрки вернулись к циклическому счету времени, и это было не регрессом, а всего лишь адаптацией. Употребляя отсчет времени по месяцам и неделям, мы пользуемся циклической хронологией, а не линейной или квантовой. Для физика-теоретика время может быть либо ньютоновским, линейным, либо эйнштейновским, относительным, а историк, произносящий слова «Siècle de Lois XIV», или «Викторианская эпоха», или «век Перикла», имеет в виду определенные кванты развития, которые переводятся на линейное время путем простого пересчета.

Итак, сравнительная этнография не приближает нас к ответу на вопрос вопросов, что есть время, но определяет характер той или иной системы отношения к нему, благодаря чему легко классифицировать описанные системы. Конечно, эти системы не то же самое, что этносы или даже этнические группы, которые мы хотим изучить. Для того чтобы получить желаемый результат, необходимо провести дополнительный анализ, он несложен и плодотворен.

Для начала сведем наши наблюдения в таблицу.

Характер отсчета	Назначение отсчета	Кем употребляется
1. Отсчета времени нет	Нет потребности	Людьми, с точки зрения педагогики, недоразвитыми (дебилы)
2. Фенологический календарь	Для приспособления коллектива к явлениям природы	Людьми, зависящими от природы непосредственно
3. Циклический календарь	Для фиксации повседневных событий	Людьми с родовым сознанием
4. «Живая хронология»	Для фиксации исторических событий в пределах одного поколения	Переходная форма от стабильного сознания к динамическому П491
5. Линейный отсчет	Для политических и деловых целей	Людьми дела — практиками в развивающемся этносе
6. Квантование времени	Для анализа и синтеза исторических явлений	Учеными-теоретиками
7. Релятивное время	Для исследования космоса и творческих процессов	Практически применяется очень редко

Применив полученные данные к системе, разработанной нами на основании анализа отношения этноса к ландшафту, мы можем констатировать, что у народов, находящихся в динамическом состоянии [82], обычно именуемых «цивилизованными», присутствуют все перечисленные категории отношения к времени. В любой цивилизованной стране имеются и ученые, исследующие зависимость времени от скорости, и деловые люди, для которых характерно преимущественно линейное восприятие времени, и крестьяне, наблюдающие явления природы, от которых зависят урожаи, и даже неполноценные психически люди, существующие за счет тех или иных

форм благотворительности. Так было и в древнем Риме, Багдаде, Египте, и, вероятно, даже в Хараппе.

Но как только мы переходим к рассмотрению народов «варварских» и «диких», то обнаруживаем градацию по убывающей кривой. Есть примеры народов, где науки не развиваются, а только заимствуются и применяются; эти обходятся без квантования времени, например европейские колонисты XVIII в. в Америке и Южной Африке. Есть племена, обходящиеся циклическим календарем, таких много во Внутренней Азии. О фенологическом восприятии мы говорили выше — оно распространено по всей ойкумене. Наконец, встречаются племенные группы без отсчета времени, поскольку климатические условия их ареалов стабильны: бушмены в Калахари, некоторые племена Австралии и Новой Гвинеи, обитатели Огненной Земли и т.п.

Иными словами, динамичность состояния этноса определяется степенью разнообразия психических складов групп людей, входящих в тот или иной этнос. А для определения степени разнообразия психических складов отношение к категории времени служит индикатором, и с этой точки зрения мы можем заключить, что не та или иная система отсчета времени характеризует стадию развития этноса, а разнообразие их. В самом деле, если этносы, пользующиеся только фенологической системой, все-таки существуют как персистенты, то народ, состоящий исключительно из ученых историков и математиков, воспринимающих время в релятивной системе, был бы просто нежизнеспособен. Если бы он даже возник, то ему пришлось бы либо освоить низшие таксономические системы, хотя бы для добывания пищи и обороны от соседей, либо жить за чужой счет, питаясь подаением, как буддийские или францисканские монахи. Но даже такие субэтнические группы не размножаются естественным путем, а пополняются путем инкорпорирования людей со стороны. Включенные в полноценный этнос, они играют роль катализатора процессов этногенеза.

Оба лимита, нижний и верхний, практически, в реальном становлении этносов наблюдаются мало, так как подавляющее большинство явлений лежит между ними. По

сути дела, мы называем «статическими» или «застойными» этносы, где смена состояний происходит редко, а «динамическими» или «культурными» — где более часто. Переход между ними столь плавен, что иногда трудно решить, к какому состоянию следует отнести тот или иной этнос, к тому же приходится учитывать, что один и тот же этнос то развивается более или менее интенсивно, то замирает в тягостном покое. Последнее состояние мы называем персистентным. Смысл предлагаемой классификации в том, чтобы на объективном материале рассмотреть разницу между категориями этносов и объединить их в обозримые и доступные для анализа группы. Мы должны найти соизмеримость для самых разных этносов, находящихся на любой стадии социального развития или материальной культуры. В предельном разнообразии, наблюдаемом этнографами, очевидно, скрыта строгая закономерность, которую обязаны обнаружить этнологи, проникающие за поверхность явлений, в их сущность.

9. Приведенные выше наблюдения позволяют сделать вывод, что этносам, находящимся в развитии, присущи не только приобретения, выражающиеся в усложнении восприятия времени, но и утраты, влекущие за собой упрощение этого восприятия. Поскольку мы имеем дело не с индивидуальностями, а с относительно большими количествами людей, то можно отнести отмеченные нами колебания этнической среды к вариациям стереотипа поведения, являющегося основным признаком объективного определения этноса. А из этого вытекает вывод, что степень разнообразия не случайна, а характеризует возраст этноса, при начале этногенетического процесса идет усложнение, при затухании — упрощение.

Следовательно, мы уловили глобальную закономерность, позволяющую нам не просто констатировать различия между племенами или народами, но построить классификацию этносов с учетом процесса их образующего и, затем, испепеляющего. Поскольку совпадения между общественным развитием, например переходы от рабовладельчества к феодализму, совпадают с этническим становлением далеко не всегда и не везде, можно видеть в описанном явлении природную закономерность этносфе-

ры как одной из оболочек Земли. И особенно ценно, что причину явления мы можем искать не в идеалистических категориях развития сознания или самосознания, а в естественных импульсах, определяющих стереотип поведения устойчивых коллективов особей, т.е. этносов, проходящих закономерные фазы индивидуального развития. Это значит, что, наконец нашупана та область биологии, которая может быть сомкнута с этнографией и даст возможность уловить ритмы этнической истории человечества, науки географической как по предмету, так и по методу.

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНОСФЕРА¹

Что такое этнос?

Есть много явлений природы, которые человек наблюдал веками, прежде чем задумался над их сущностью. Таковы физические феномены: свет, теплота, электрические разряды (молнии); химические: брожение, окисление; биологические: жизнь, смерть, наследственность, и многие другие. Сейчас развитие естественных наук позволило либо решить, либо подойти к решению проблем, связанных со многими явлениями, ранее только наблюдавшимися; проблема же, затронутая нами, до сих пор тонет в тумане.

В самом деле, допустим, в трамвай входят русский, немец, татарин и армянин, все принадлежащие к одной расе I порядка (европеоидной), одинаково одетые, пообедавшие в одной столовой и едущие в один институт с одной и той же газетой под мышкой. Есть между ними различие или нет? Как для других людей, так и для них самих очевидно, что они не идентичны, даже за вычетом индивидуальных особенностей. Но в чем заключается разница, сказать нелегко. Об этом-то и пойдет речь в нашей статье.

Приведенный пример хотя и нагляден, но может создать впечатление, что проблема мизерна и не заслужива-

¹ «Природа», 1970, №1, стр. 46—55; №2, стр. 43—50.

ет внимания. Однако если мы переведем ее на канву всеобщей истории и глобальной географии, то обнаружим, наряду со спонтанным общественным развитием по спирали, локальные ритмы какого-то иного происхождения. На фоне мирового общественного процесса возникают то вспышки повышенной активности, то периоды застоя, иногда приводящие к полному исчезновению определенных групп населения. Так, в древности совсем рядом жили финикийцы, филистимляне и евреи, а почему-то уцелели только последние. Или еще: в Римской империи V в., при смене рабовладельческой формации на феодальную, в западной половине этнический состав населения изменился, а в восточной, наоборот, сохранился еще на тысячу лет. Социальное развитие и процесс этногенеза в данном случае не совпали. А когда феодализм в Европе сменился капитализмом, большая часть существовавших народов стала, по принятой ныне терминологии, нациями, оставаясь на своих местах. Просмотрев всю мировую историю, мы заметим, что совпадение смены формаций и появления новых народов — исключение, тогда как в пределах одной формации постоянно возникают народы, очень непохожие друг на друга. Возьмем для примера XIII в., когда феодализм процветал от Атлантики до Тихого океана. Разве похожи были французские бароны на свободных крестьян Скандинавии, на рабов-воинов — мамлюков Египта, на буйное население русских вечевых городов, на китайских землевладельцев империи Сун? Сходным у всех у них был способ производства, но в остальном между ними было мало общего. Язык, религия, искусство, образование — все было непохоже друг на друга, но в этом разнообразии не было беспорядка: каждый стиль жизни был достоянием определенного народа.

Бывает и так, что один народ переживает несколько формаций. Например, русский этнос, сложившийся в эпоху феодализма, пережил не только его, но и капитализм, вступив в следующую формацию — социализм. Соотношения этносов менялись с течением веков: одни из них исчезали, другие появлялись, и этот процесс в советской науке принято называть этногенезом. В мировой истории ритмы этногенеза сопряжены с пульсом социального раз-

вития, но сопряжение не равнозначно совпадению, а тем более единству. Всемирный исторический процесс един, но факторы его различны, и наша задача заключается в том, чтобы выделить феномены, непосредственно присущие этногенезу, и, тем самым, уяснить себе, что такое этнос и какова его роль в жизни человечества.

Условимся о значении терминов. Греческое слово «этнос» имеет в словаре много значений, из которых мы выбрали одно: «вид, порода», подразумевается — людей. Для нашей постановки темы не имеет смысла выделять такие понятия, как племя или нация, потому что нас интересует тот член, который можно вынести за скобки; иными словами — то общее, что имеется и среди англичан и среди масаев, и у древних греков и у современных цыган. Это свойство вида *Homo sapiens* группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и «своих» (иногда близких, а часто довольно далеких) всему остальному миру [72]. Это выделение характерно для всех эпох и стран: эллины и варвары; китайцы (люди Срединного государства) и ху (варварская периферия); арабы-мусульмане во времена первых халифов и «неверные»; европейцы-католики в средние века и нечестивые (в том числе греки и русские); «православные» (в ту же эпоху) и «нехристи», включая католиков; туареги и нетуареги; цыгане и все остальные и т.д. Явление такого противопоставления универсально, что указывает на его глубокую подоснову, сущность которой нам предстоит вскрыть. Это поможет построить этническую историю человечества, как уже построены социальная, культурная, политическая, религиозная и многие другие. Разработка же этнической истории имеет немалое практическое значение, так как на примере минувшего помогает вернее разобраться в стихийном развитии антропосферы [245], а также в межэтнических коллизиях, которые возникают и, вероятно, еще долго будут возникать. Поэтому наша задача заключается прежде всего в том, чтобы уловить принцип и механизм процесса [80].

Попробуем раскрыть природу зримого проявления национальных этносов — противопоставления себя всем остальным: «мы» и «не мы». Что рождает и питает это противопоставление?

Не единство языка, ибо есть много двуязычных и трехязычных этносов и, наоборот, разных этносов, говорящих на одном языке. Так, французы говорят на четырех языках: французском, кельтском (бретонцы), баскском и провансальском, причем это не мешает их этническому единству. Известно, что наполеоновский маршал Мюрат или исторический д'Артаньян были гасконцами, а поэт Шатобриан — кельтом. С другой стороны, мексиканцы или боливийцы говорят по-испански, но они не испанцы, янки говорят по-английски, но они не англичане. На арабском языке говорит несколько разных народов.

*Этническая карта державы Ахеменидов.
Показаны районы расселения народов,
изображенных на рельефах дворца в Персеполе.*

Итак, хотя в известных случаях язык может служить индикатором этнической общности, не он ее причина. То же самое можно сказать про культуру, идеологию, экономические связи и даже про общность происхождения, которая никогда не бывает монолитной. Каждый этнос когда-то возник из сочетания двух и более составляющих компонентов, которые, сливаясь, образуют целостность, но с определенной внутренней структурой.

Этнографические и языковые особенности не мешали вандейским кельтам сражаться во времена французской революции за бурбонские лилии, причем вместе выступали полудикие бретонцы и вполне просвещенные обитате-

Вавилонянин

Араб

Эламит

ли низовий Луары. Гасконские бароны добивались маршальских жезлов в армии французских королей, и тем в голову не приходило, что они используют услуги иноплеменников: очевидно, этнические связи мощнее языковых.

Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю, практически неповторимую структуру и стереотип поведения. У живущих, вернее, развивающихся этносов то и другое находится в динамическом состоянии, т.е. меняется от поколения к поколению, у реликтовых — стабилизировано в том смысле, что новое поколение воспроизводит жизненный цикл предшествовавшего, но об этой стороне дела речь пойдет ниже, а пока уточним смысл предложенных понятий.

Внутренняя структура этноса — это строго определенная норма отношений между коллективом и индивидом и индивидов между собой. Эта норма негласно существует во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в данном этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития. Поэтому для членов этноса она не тягостна, так как она для них незаметна. И наоборот, соприкасаясь с иной нормой поведения в другом этносе, каждый член первого этноса удивляется, теряется и пытается рассказать своим сопле-

Ливиец

Скиф

Фракиец

менникам о чудачествах другого народа.

На рисунках Н. Симоновской, созданных на основе изображений рельефов дворца в Персеполе (V в. до н.э.), отчетливо видны этнические различия народов державы Ахеменидов.

Древний афинянин, побывав в Ольвии, с негодованием рассказывал, что скифы не имеют домов, а во время своих праздников напиваются до бесчувствия. Скифы же, наблюдая вакхические пляски греков, чувствовали такое омерзение, что однажды, увидев своего царя, гостившего в Ольвии, в венке и с тирсом¹ в руках в процессии ликующих эллинов, убили его. Иудеи ненавидели римлян за то, что те ели свинину, а римляне считали противостественным обычай обрезания. Рыцари, захватившие Палестину, возмущались арабским обычаем многоженства, а арабы считали проявлением бесстыдства незакрытые лица французских дам.

Подобных примеров можно привести любое количество, в том числе и в отношении комплексных нормативов поведения, поддерживающих внутриэтническую структуру. В аспекте гуманитарных наук описанное явление известно как традиция и модификация социальных взаимоотношений, а в плане наук естественных оно столь же закономерно трак-

¹ Тирс — жезл Диониса и его спутников, увитый плющом и виноградными листьями, с сосновой шишкой на верхнем конце.

туется, как стереотип поведения, варьирующий в локальных зонах и внутривидовых популяциях. Второй аспект хотя и непривычен, но, как мы увидим ниже, плодотворен.

Казалось бы, традиция ни в коем случае не может быть отнесена к биологии, однако механизм взаимодействия между поколениями вскрыт проф. М.Е. Лобашевым (Ленинград) [171], именно путем изучения животных, у которых он обнаружил процессы «сигнальной наследственности», что просто-напросто другое название традиции. По М.Е. Лобашеву, индивидуальное приспособление совершается с помощью механизма условного рефлекса, что обеспечивает животному активный выбор оптимальных условий для жизни и самозащиты. Эти условные рефлексы передаются в процессе воспитания родителями детям или старшими членами стада — младшим, благодаря чему стереотип поведения является высшей формой адаптации. Это явление у человека именуется «преемственностью цивилизации», которую обеспечивает «сигнал сигналов» — речь. С точки зрения этологии, науки о поведении — навыки быта, приемы мысли, восприятие предметов искусства, обращение со старшими и отношения между полами, — все это условные рефлексы, обеспечивающие наилучшее приспособление к среде и передающиеся путем сигнальной наследственности. В сочетании с эндогамией традиция создает устойчивость этнического коллектива, в пределе превращающегося в изолят.

Этносы-изоляты возникают на глазах историка. Таковы исландцы — потомки викингов, заселивших остров в IX в. и всего за триста лет утеревших воинский дух своих предков. Потомки норвежских, датских и шведских удалцов и рабынь, захваченных в Ирландии, уже в XI в. составили небольшой, но самостоятельный этнос, хранящий традиции старины и брачующийся в пределах своего острова [221].

Это пример яркий, но ведь есть сколько угодно градаций традиционности, и если расположить все известные нам этносы по степени убывающей консервативности, то окажется, что нуля, т.е. отсутствия традиции, не достиг ни

один этнос, ибо тогда бы он просто перестал существовать, растворившись среди соседей. Это последнее, хотя и наблюдается время от времени, никогда не бывает плодом целенаправленных усилий самого этнического коллектива, потому что видовое самоубийство противно врожденному инстинкту самосохранения. И тем не менее этносы гибнут. Значит, существуют деструктивные факторы, из-за которых это происходит. К их числу относятся не только посторонние воздействия (завоевания), но и внутриэтнические процессы, о которых мы скажем ниже.

Социальные и этнические процессы различны по своей природе. Теорией исторического материализма установлено, что спонтанное общественное развитие непрерывно, глобально, в целом — прогрессивно, тогда как этническое — дискретно, волнообразно и локально. Совпадения между общественными и этническими ритмами случайны, хотя именно эти совпадения бросаются в глаза при поверхностном наблюдении, так как интерференция всегда усиливает эффект. Яркий пример этого — распад западной части Римской империи и одновременно исчезновение древнеримского этноса.

Но ведь этносы в не меньшем числе возникают. Если бы этого не происходило, естественный отбор давным-давно, еще в эпоху верхнего палеолита, сгладил бы этнические различия и свел все многообразие человечества вначале к крайне небольшому числу этносов, а затем вообще привел бы к исчезновению человечества, ибо последнее состоит из этносов, а они смертны. Возникает интересный вопрос: что же служит причиной возникновения новых этносов?

Этносы и этносфера

Взаимодействие человека с природой в разные века и в разных географических регионах, например на берегах Средиземного моря, в джунглях Мату-Гросу и в степях Украины, будет совершенно различным. Следовательно, непосредственно на человеческий организм и на любой человеческий коллектив влияет не Земля, а определенный ландшафт. С другой стороны, люди за последние не-

Согдиец

Бактриец

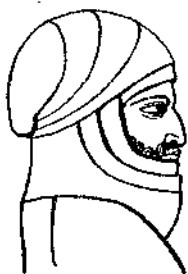
Гондхарец

сколько тысяч лет видоизменили почти всю поверхность суши, но египтяне, монголы, арауканы и шведы делали это настолько поразному, что конструктивнее рассматривать влияние на природу со стороны отдельных этносов, нежели человечества в целом. Поэтому мы будем рассматривать природу как многообразие ландшафтов, человечество как мозаику этносов, а их взаимодействие и его результаты — как этнографию и палеогеографию исторического периода [89].

Географический ландшафт воздействует на организмы принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т.д. — все это, образно говоря, накладывает особый отпечаток на организм. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть. Это положение равным образом относится и к этносам, которые непосредственно и тесно связаны с природой через свою хозяйственную деятельность. Этнос приспосабливается к определенному ландшафту в момент своего сложения. В последующее время, при переселении или расселении, этнос ищет себе область, похожую на ту, в которой данный этнос сложился. Так, угры рассе-

Индус

Арий

Парфянин

лялись преимущественно по лесам; тюрки и монголы — по степям; русские, осваивая Сибирь, заселяли прежде всего лесостепную полосу и берега рек; англичане колонизовали земли с более умеренным климатом (Канада, Новая Зеландия и т.д.), чем испанцы (Южная Америка). Исключения из правила встречаются, но только в пределах законного допуска [83].

Большинство племен и народностей древности и средневековья вписывалось в ландшафт, не пытаясь его изменить. Таковы все охотники, рыболовы, скотоводы и собиратели, а также часть земледельческих племен, не применяющих искусственного орошения. Исключение составляли народы, практиковавшие интенсивное земледелие: египтяне, шумеры, древние иранцы, индусы и китайцы, которые приспособливали ландшафт к своим потребностям.

Воздействие на природу определяется характером, а не степенью развития культуры. Древние греки и арабы вели экстенсивное хозяйство, подобно тюркам, монголам, индейцам или полинезийцам, однако культура греков не уступает египетской, а арабов — иранской, хотя египтяне и древние персы практиковали, в отличие от греков и арабов, интенсивное земледелие.

На протяжении последних пяти тысяч лет антропогенные изменения ландшафта возникали неоднократно, но с разной интенсивно-

стью и всегда в пределах определенных регионов. При сопоставлении с историей человечества устанавливается четкая связь между антропогенными изменениями природы как творческими, так и хищническими, и эпохами этногенеза (становления новых этносов), или этнических миграций. При этом стадия общественного развития, как правило, не играла существенной роли. Решала этническая, а не социальная принадлежность [91].

Связь сложившихся этносов с вмещающими их ландшафтами проявляется в приспособлении этнического коллектива и его хозяйственной деятельности к определенным условиям. С течением времени соотношение этнос/ландшафт становится оптимальным для того и другого. Это означает, что устойчивый ландшафт стабилизирует этнос, и причин для создания нового этноса не возникает. Выходит, процесс этногенеза должен прекратиться? Если же ландшафт меняется вследствие резких климатических изменений, то этнос, теряя привычные условия, нищает, численность его сокращается, и возможно либо вымирание, либо миграция в поисках привычных условий [73, 81]. Но ни в том, ни в другом случае причин для создания нового этноса нет.

Процессы этногенеза возникают без участия климатических изменений, но, исследуя исторически зафиксированные моменты начальных точек этногенетических процессов, мы констатируем, что они происходят на определенных участках поверхности Земли. Некоторые удобные для жизни территории никогда не являлись родиной народов, хотя этносы уже сложившиеся заселяют их и достигают процветания.

Одноландшафтные территории, например, сибирская тайга (исключая аazonальные речные долины), внутренняя часть Австралии, саванны, тропические леса и т.п., никогда не были местом возникновения этносов. И, наоборот, разнообразие сочетаний ландшафтов на западноевропейском полуострове Евразийского континента столь благоприятно для этногенеза, что там возникло ошибочное представление, будто происхождение новых народов — дело обычное. На самом же деле благоприятные географические условия, при которых только и может начаться

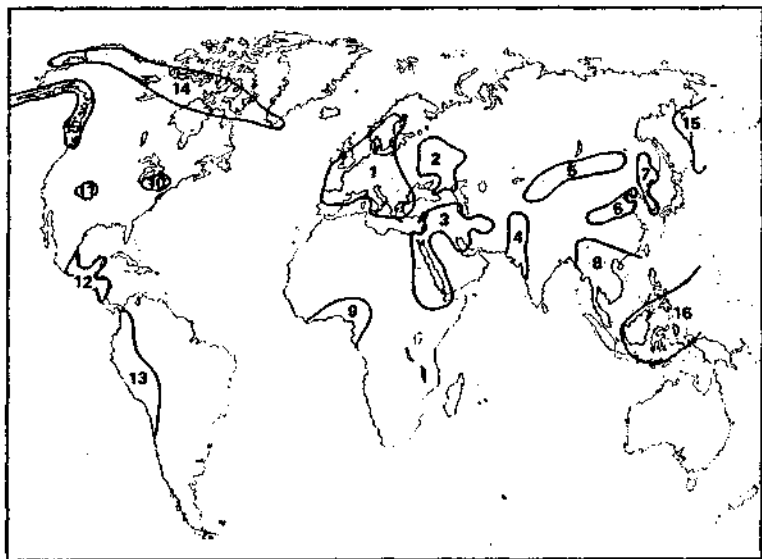
процесс, являются на поверхности земного шара скорее исключением, хотя и встречаются во всех частях света. Проверим наш тезис на конкретном материале.

Ближний Восток — сочетание моря, гор, степей, горных лесов, пустынь и речных долин. Там новые этнические комбинации возникали часто, за исключением нагорий Закавказья, где природные условия скорее подходят для возникновения изолятов. Курды, например, отстояли свою этническую самобытность и от персов, и от греков, и от римлян, и от арабов, и даже от турок-османов. Китайский народ сложился на берегах Хуанхэ в условиях сочетания речного, горного, лесного и степного ландшафтов, а однообразные джунгли южнее Янцзы китайцы освоили только в I тыс. н.э. Однако, переселившись на юг и смешавшись с местным населением, древние китайцы превратились в современный южно-китайский этнос, отличающийся и от своих предков и от северных китайцев, смешавшихся в долине Хуанхэ с хуннами.

Индия в ландшафтном отношении беднее Европы, и поэтому процессы этногенеза проходили там медленно. Два крупных народа сформировались в западной части Индии: раджпуты (около VIII в.) и сикхи (XVI—XVIII вв.). Казалось бы, что пустыни Раджастана и Синда гораздо менее благоприятны для человека, чем плодородная, покрытая в то время лесами долина Ганга. Однако в Синде отчетливо выражено сочетание пустынь и тропической растительности в долине Инда, а в Раджастане — пустынь, степей и горных лесов. Расцвета культура достигла во внутренней Индии, но образование новых народов связано с пограничными областями.

В Северной Америке бескрайние леса и прерии не создают благоприятных условий для этногенеза. Однако на изрезанной береговой линии Великих озер в XV в. возник ирокезский союз пяти племен. Это было новое этническое образование, не совпадающее с прежним, так как в состав ирокезов не вошли гуроны, родственные им по крови и языку. На берегах Тихого океана южнее Аляски, там, где скалистые острова служат лежищем моржей и тюленей, и море кормит береговых жителей, алеуты и тлинкиты создали оригинальное общество с патриархальным рабст-

вом (и далее работоторговлей), резко отличное от соседних охотничьих племен и по языку и по обычаям. И так, однородный по ландшафтам регион стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный — стимулирует изменения, ведущие к появлению новых этнических образований.

Карта территорий, где возникали новые этносы.

1. *Западная Европа:* изрезанная береговая линия, незамерзающие моря, сочетание умеренного и субтропического климатов, горные и долинные ландшафты, перемежающиеся на незначительном пространстве.

2. *Восточная Европа:* сочетание степной и лесной зон, наличие аazonальных ландшафтов речных долин на юге и ополей (больших полей) на севере.

3. *Левант, или Ближний Восток:* речные аллювиальные долины Месопотамии и Египта в соседстве с полупустынями и горными областями, при наличии вертикальной климатической поясности на высоких плоскогорьях.

4. *Северо-западная Индия:* сочетание речных долин, пустынь и нагорий, а также субтропического и тропического климатов.

Мидянин

Армянин

Лидиец

5. Центральная Азия: степная зона, граничащая с лесной и пересеченная поросшими лесом хребтами; на юге смыкается с пустыней и оазисами.

6. Китай в исходном положении этногенеза: долина Хуанхэ на рубеже сухих степей и субтропических горных лесов; будучи отвоєвана от воды, служит образцом антропогенного, искусственного ландшафта.

7. Дальний Восток сочетание горно-лесного ландшафта с повышенным (муссонным) увлажнением и сухого степного ландшафта.

8. Индокитай: страна речных долин среди горного тропического леса.

9. Западная Африка: сочетание тропического леса, сухих степей и Гвинейского залива.

10. Область Великих озер: изрезанная береговая линия при сочетании лесных и открытых участков.

11. Плавный переход отрогов Кордильер в прерии и долину Рио-Гранде, с естественным произрастанием маиса.

12. Анагуак: полупустынное нагорье смыкается с тропическим лесом.

13. Анды: горные террасы, плоскогорья и долины примыкают к тропическому лесу.

14. Заполярье: богатая пушным зверем тундра и море.

15. Приполярье: лес и изрезанная береговая линия с лежбищами морского зверя.

16. Океания: острова, покрытые тропическим лесом, и море.

Но тут возникает вопрос: является ли сочетание ландшафтов причиной этногенеза или только благоприятствует ему? Если бы причина возникновения новых народов лежала в географических условиях, то они, как

Каппадокиец

Сириец

Киликиец

постоянно действующие, вызывали бы народообразование постоянно, а этого нет. Следовательно, этногенез, хотя и обуславливается географическими условиями, но происходит по другим причинам, для вскрытия которых приходится обратиться к истории.

Оказывается, искусственные ландшафты ведут себя так же, как естественные, — в смысле воздействия на этнос. Так, иногда коллектив предпринимает титаническую работу по перестройке природы согласно тем требованиям, которые он к ней предъявляет. Эта задача бывает сложнее, чем покорение соседей, но, выполнив ее, коллектив, спаянный общим делом, превращается в этнос, живущий за счет привычного ландшафта и лишь поддерживающий его. Если же этнос приходит в упадок в результате неудачных войн или социальных кризисов, вместе с ним гибнет лишенный поддержки созданный им ландшафт. Так было в Северном Китае, в Месопотамии, в Юкатане при культуре майя и в Древнем Египте. Но эти преобразования происходили лишь тогда, когда этносы из этно-ландшафтного равновесия переходили в «динамическое состояние» [82], т.е. совершали походы на соседей, воздвигали гигантские сооружения, создавали мифы и новые традиции, а новые традиции всегда знаменуют перегруппировку людей в новые этносы.

Египтяне перестроили долину Нила в IV тыс. до н.э., затем долго поддерживали ее искусственный ландшафт, не внося принципиальных изменений. В эпоху XII династии, XIX в. до н.э., возник новый тур преобразования природы: был создан Фаюмский оазис и одновременно возник новый египетский этнос, относящийся к древнему так же, как итальянцы относятся к римлянам. Потом этносы в долине Нила почему-то не возникали, а пришельцы захватывали ее с легкостью, удивлявшей их самих.

Иногда воздействие возникающего этноса на ландшафт бывает малозаметным, потому что сводится к эксплуатации природных богатств, но тут биологическое равновесие региона нарушается. Ахейцы привели с собою в Пелопоннес коз, пожравших дотоле пышную растительность, что уже в V в. вызвало эрозию почв в Аттике [122, стр. 37]; полинезийцы истребили в Новой Зеландии птицу моа; европейские колонисты в Северной Америке развели лошадей и уничтожили бизонов и т.д. Иначе говоря, антропогенное воздействие на ландшафт можно рассматривать как адаптацию новой популяции, находящейся в динамическом состоянии, т.е. слагающуюся в этнос. А полностью сложившиеся этносы вписываются в ландшафт настолько, что не могут и не хотят приспособляться к иным природным условиям.

С этой точки зрения легко объяснимы различия между этносами, находящимися в состоянии равновесия с ландшафтом: предки того или другого реликтового этноса в свое время приспособили место обитания к своим потребностям, а затем, утратив силу инерции первоначального толчка, вошли в биоценоз населяемого ими региона. Соседний этнос сделал то же самое, но, так как полного совпадения быть не может, он сделал это несколько по-другому, в результате чего его потомки живут иным способом. Так сосуществовали в одних и тех же природных условиях племена охотников и рыболовов, земледельцев и кочевых скотоводов. Например, на юго-западе США (штат Нью-Мексико) бок о бок жили индейские племена земледельцев пуэбло и охотников навахов (группа нагуа). В этом районе Кордильеры спускаются в прерию отрогами, и на стыке гор, горных лесов и прерий образовались, очевидно

в разное время, два народа. Их различия — результат разновременности возникновения и разной исторической судьбы. Вот почему названия «дикость» или «примитив» к ним неприменимы [85, стр. 110]. Здесь имеет место проста этническая стабилизация.

Итак, общий признак для динамического состояния любого этноса — способность возникшей популяции к так называемым «сверхнапряжениям» (*tour de force*), которые проявляются либо в преобразовании природы, либо в миграциях, тоже связанных с изменением ландшафта на вновь освоенных территориях, либо в повышенной интеллектуальной, военной, организационно-государственной, торговой и т.п. деятельности. Почти все известные нам этносы сгруппированы в своеобразные конструкции — «культуры», или «суперэтнические целостности». Первоначально этнос занимает район, в котором он появился и соседствует, не всегда мирно, со своими «сверстниками». Затем, набрав силу, он мигрирует, оставив на родине часть своего состава. При этом он обязательно теряет изрядную долю первоначального запаса энергии. Некоторые этнические группы гибнут, а другие, попав в изоляцию от мощных соседей, превращаются в изолированные, реликтовые этносы, у которых нет ни прироста населения, ни саморазвития общественного бытия, а модификации происходят только при воздействии соседей.

Следовательно, этногенез можно понять как множество процессов этногенезов в тех или иных регионах¹. Ритмичности в описанном феномене нет. Это указывает, что здесь наблюдается не явление саморазвития, а влияние экзогенных факторов, своего рода толчков, после которых инерция постепенно затухает. Для спонтанного общественного развития по спирали этносфера и этногенез являются фоном. Причину же, вызывающую образование этносов, можно обнаружить, только проанализировав историю человечества в этническом аспекте.

¹ «Этническое деление вида *Homo sapiens* — один из способов адаптации в ландшафте, не столько в структуре, сколько в поведении» [140, стр. 361].

Четыре фазы этногенеза

Оглядываясь на историю, мы не можем не отметить, что из народов, процветавших 5 тыс. лет тому назад, не осталось ни одного; из тех, кто творил великие дела за 2 тыс. лет до нас, уцелели лишь жалкие осколки немногих; те же, кто существовал в X в., по большей части еще живут, хотя и весьма изменившись. Надо думать, что и в дальнейшем этносы будут появляться и исчезать. Как и почему это происходит — центральная проблема этногенеза.

Наша задача сводится к тому, чтобы уловить механизм становления этноса и проследить его эволюцию, вплоть до полного исчезновения или перехода в стабильные реликтовые формы. Это можно сделать, изучая только законченные процессы, т.е. обратившись к истории, например к этногенезу римского народа, византийцев, древних турок. Отметим, что и у других народов закономерность процесса этногенеза была принципиально такой же, разумеется, с учетом локальных особенностей. Но проанализировать всю этническую историю в статье невозможно, да и не нужно. Достаточно нескольких примеров.

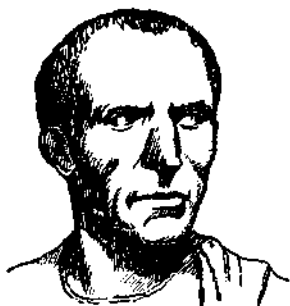
Согласно преданию, Рим был основан в 754 г. до н.э. группой беглецов из разных племен, объединившихся для совместной жизни на Семи холмах. Первый период, до 510 г. до н.э., это поселение находилось, по-видимому, под верховной властью этрусских царей, а после составляло самостоятельную республику (полис). Поэтому целесообразно принимать за исходную дату этногенеза именно 510 г. до н.э., когда интересующий нас этнический коллектив впервые заявил о своем самостоятельном существовании и самоопределился. Вначале он состоял из двух этнических компонентов — патрициев (латинян) и плебеев (этрусков), с течением времени образовавших три сословия: патрицианско-плебейский нобилитет, плебейское всадничество (богатые люди) и римский народ, состоявший из обедневших патрициев и плебеев. Новый этнос рядом удачных войн подчинил себе сначала окрестные города Лациума, а затем всю Среднюю Италию, часть населения которой была истреблена, а часть превращена в «союзников», т.е. в

неравноправных членов сложившегося римского этноса (III в. до н.э.). Назовем этот период фазой исторического становления.

Следующий период ознаменовался завоеваниями, продолжавшимися до середины II в. до н.э., когда Рим сокрушил своих соперников: Карфаген, Македонию и греческие государства. Этот период можно назвать начальной фазой исторического существования. Кризис этой фазы наступил в 133—121 гг. до н.э., когда погибли братья Гракхи. В 90—88 гг. до н.э. вспыхнуло восстание среди «союзников», требовавших уравниения в правах с собственно римскими гражданами, но оно было подавлено, и тогда же, в 88 г. до н.э., началась гражданская война в самом Риме между Марием и Суллой, продолжавшаяся и после их смерти — вплоть до полного умиротворения империи и сопредельных стран Августом в 31 г. до н.э. (битва при Акциуме).

Август провозгласил «золотую посредственность» как лозунг политической стабилизации, укрепление военной мощи и обращение в прошлое за поучительными примерами. Эта система, несмотря на несколько пароксизмов, на короткое время прерывавших спокойное течение жизни, сохранялась до смерти Марка Аврелия (180 г. н.э.). Это конечная фаза исторического существования.

Следующим периодом развития римского этноса следует считать его ослабление и растворение среди завоеванных народов («провинциалов»). В 192 г. был убит самодур император Коммод и после кратковременной гражданской войны власть досталась полководцу Септимию Северу, опиравшемуся уже не на римские войска, а на легионы, укомплектованные фракийцами и иллирийцами. Остатки собственно римского народа-войска — преторианская гвардия — были распущены, и власть перешла к солдатским императорам, опиравшимся на легионы тех или иных провинций. Однако это не следует считать концом римского этноса, который продолжал существовать, ассимилировав через распространение языка и культуры население провинций (романизация). Стереотип поведения и структура оставались прежними — римскими. Так постепенно римский этнос превратился в романскую суперэт-

*Римлянин эпохи начала
фазы исторического
существования*

*Римлянин эпохи конца
фазы исторического
существования*

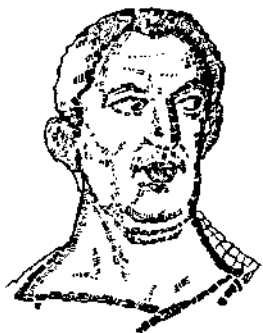

Римлянин эпохи упадка

ническую целостность. Римляне стали сливаться с провинциалами. Это, по существу, фаза исторического упадка этноса. Только две группы населения не поддались романизации — иудеи и христиане. Последние составляли внутри империи общность, которую современники приравнивали к этнической, так как христиане противопоставляли себя всем другим, имели особый стереотип поведения и внутреннюю структуру общины. Во II—III вв. количество их чрезвычайно возросло за счет инкорпорации в общину (обращение в христианскую веру), и в 313 г. император Константин принужден был ради спасения жизни и сохранения власти опереться на христиан и Миланским эдиктом даровал им веротерпимость.

Возрастное состояние этноса довольно отчетливо проявляется в физиогномике. На рисунках, выполненных худ. Н. Симоновской по античным скульптурам, изображены римляне трех фаз этногенеза. Первый — человек волевой, с чувством долга; второй — эмоциональный, неустойчивый, не заслуживающий доверия; третий — тупой, жестокий, упрямый.

На фоне этой исторической канвы мы можем выделить несколько периодов, как бы возрастов этноса. В период завоевания Италии римляне горди-

Византиец эпохи исторического становления (VI в.). Мозаичный портрет апостола Варфоломея в Равенне.

лись тем, что их консулы и даже диктаторы, исполнив общественную обязанность, возвращались к частной жизни и лично обрабатывали свой участок земли. Каждый мужчина-римлянин был воином, не получавшим за это никакой платы от государства. Общественные обязанности рассматривались как долг каждого римского гражданина, в связи с чем существовала крепкая патриархальная семья и «простота нравов», диктуемая обычаями. Именно эта общественная слаженность и монолитность создали мощь римского этноса и специфику римской культуры.

Византиец эпохи исторического существования (XI в.). Константин IX Мономах. Мозаика в Святой Софии (Стамбул).

Па рисунках худ. Н. Симоновской, созданных по памятникам средневекового искусства, видно, как византийский этнос постепенно утрачивал пассионарность. В VI в. индивидуальность апостола трактуется как об-

Византиец эпохи исторического упадка (около 1400 г.). Константин Комнин. Миниатюра Оксфордской рукописи.

раз волевого, энергичного человека, с огромным и живым интеллектом. В XI в. запечатлен тип унылого деспота, целеустремленного и способного на любые поступки, вплоть до аморальных; в XV в. перед нами — добрый, спокойный, весьма пристойный, но вполне безвольный человек, до того скованный узами обычаев, что трудно представить его сражающимся с врагом. Именно такие византийцы и позволили победить себя сперва крестоносцам, а потом туркам.

После блестящих побед над греками, карфагенянами и македонцами резко возросло богатство страны, распределяемое весьма неравномерно. Среди нобилитета и всадничества возникло увлечение греческой культурой, на греческой основе развилась своя литература. Но в то же время большинство римского народа беднело, не успевая из-за постоянной военной службы обрабатывать свои земельные участки, и превращалось в «пролетариев». Так назывались в Риме люди, не имевшие имущества. Сначала их невозможно было обязать выполнять никакие общественные функции, так как они не имели средств для пропитания. Но Марий провел закон о привлечении этих людей к несению военной службы и об уплате им жалованья, что привело к созданию профессиональной армии. В дальнейшем эта армия стала мощной силой, под руководством Цезаря захватившей власть и превратившей республику в империю. Столкновения политических партий на время приостановили культурное развитие страны, ибо вся энергия римских граждан была устремлена на участие в кровопролитных гражданских и внешних войнах. Когда же гражданские войны утихли, начался золотой век римской культуры, техники военной и гражданской, короче говоря, того, что мы привыкли называть цивилизацией. Но в III—IV вв., во время солдатских мятежей, империя начала разваливаться, что и знаменовало упадок римского этноса, хотя созданная этим этносом суперэтническая культура надолго пережила его самостоятельное реальное существование. Умирание шло как путем физического вырождения основных носителей изначальных традиций, так и путем их поглощения христианскими общинами, закончившегося к концу IV в., при императоре Феодосии. Часть населения, оставшаяся после

исчезновения римской этнической традиции, вошла в зародившуюся перед этим и находившуюся на подъеме новую этническую традицию, которую мы, в согласии с установившейся терминологией, называем «византийской». Сами византийцы не ставили проблемы этногенеза и именовали себя римлянами, подчеркивая этим непрерывность государственной традиции. Но, как показано выше, их отличие от языческих предков было радикальным и коренилось в измененном стереотипе поведения, что и позволяет нам рассматривать восточноримских христиан как самостоятельный этнос со всеми его функциями. Фаза этнического становления «византийцев» приходится на III в., когда христиане заполняли рынки, курии, муниципии, армию, оставив язычникам только храмы. Несмотря на жестокое гонение, христианская община разрослась до пределов Римской империи, а затем перелестнула ее границы: в христианство обратились Абиссиния, Армения и Ирландия. Однако этнические особенности народов, ставших христианами, настолько разнились друг от друга, что уже к VII в. можно говорить о византийской суперэтнической культуре, но не о едином этносе, каким оставалось население Малой Азии и южной части Балканского полуострова.

Описанная эпоха напоминает первый период римской истории, до начала гражданских войн. Следующим периодом, прошедшим для Византии весьма болезненно, было иконоборчество, т.е. вмешательство светской власти в духовную жизнь членов православной церкви. Попытка не удалась. Несколько сот беззащитных монахов сумели противостоять мощной военной машине Исаурийских императоров. Вслед за тем наступил спокойный, во внутреннем отношении, период Македонской династии, подобный периоду римской цивилизации от Августа до Марка Аврелия. В это время были крещены славяне, частично венгры и половцы, а несториане (те же византийцы по культуре) обратили в христианство большую часть центральноазиатских кочевников, за исключением монголов [84]. Это, бесспорно, фаза исторического существования.

Но к концу XI в. сила и энергия византийского этноса ослабели: Византийская империя потеряла Малую Азию,

Сербию и подверглась нападениям норманнов, разоривших Эпир и Македонию. Энергичные императоры династии Комненов использовали силы крестоносцев для войны с мусульманами, чем на время задержали падение империи. Но в конце XII в. возник конфликт между греками и «франками» (т.е. западноевропейцами), захватившими в 1204 г. Константинополь, Македонию и Грецию.

Очень важно отметить, что количество крестоносцев, осаждавших город с населением в несколько сот тысяч, было около 22—25 тыс. человек, но против них сражалась только наемная варяжская дружина, а горожане позволяли себя беспрепятственно убивать и грабить. Живые силы византийского этноса сохранились только на окраинах империи — в Малой Азии и Эпире. Впрочем, их оказалось достаточно, чтобы за полвека очистить свою страну от крестоносцев и положить начало последней византийской династии — Палеологов. По существу, время правления Палеологов (1261—1453) было медленной агонией византийского государства и этноса, т.е. фазой исторического упадка. И тогда произошел глубокий раскол в дотоле монолитной структуре Византии: часть населения во главе с императорами стала на путь «европеизации», компромисса с католичеством, приняла унию. Другая часть образовала секту зилотов, антицерковного направления, и только небольшая группа ревнителей православия во главе с Иоанном Кантакузеном и афонскими монахами боролась за сохранение традиций, но осталась в меньшинстве [201]. Последние ее сторонники эмигрировали в Россию в XIV—XV вв. Униатская же партия потеряла свои связи с народом, и падение Константинополя было предreshено. После рокового 1453 г. остатки византийцев (фанариоты), как исторический реликт, владели свое существование несколько столетий под властью турецких султанов.

Наконец, этногенез древних тюрков интересен тем, что он был оборван посторонним вмешательством. В 439 г. небольшая группа монголоязычных кочевников Ашина была вытеснена из предгорий Алашаня и Наньшаня на север — в Монгольский Алтай. Там она смешалась с местным тюркоязычным населением, в результате чего создавался небольшой народ, называвший себя «тюрк» или

«тюркют». В середине VI в. тюрки захватили почти всю евразийскую степь от Черного моря до Желтого и Среднюю Азию до Амударьи. Это была их фаза исторического становления. Однако соседство с могущественным, богатым и агрессивным Китаем вызвало ряд конфликтов, закончившихся в 630 г. разгромом Восточнотюркского каганата и подчинением тюрков китайскому императору. Западный каганат сохранил самостоятельность до 658 г., когда его восточная половина была также оккупирована китайскими войсками, а западная составила самостоятельный Хазарский каганат. В 680 г. восточные тюрки восстали против Китая и до 745 г. отстаивали свою независимость. Поражение, нанесенное им коалицией, составленной из Китая, карлуков, уйгуров и басмалов, прекратило фазу исторического существования древнетюркского этноса, так как те тюрки, которые не были убиты в степи, растворились среди конгломерата народов Центральной Азии. Только небольшая группа, укрывшаяся на Алтае, просуществовала как реликт до XVII в., когда ее покорил боярский сын Петр Сабанский. К нашему времени это племя — телесы — слилось с окружающими их теленгитами.

Ясно, что относительная длительность разных фаз этногенеза может быть весьма различной. Фаза исторического становления непродолжительна; процесс идет весьма интенсивно. Фаза исторического существования у большинства этносов длиннее предыдущей, ибо именно в этом периоде складывается комплексное своеобразие этноса, заканчивается его экспансия и создаются условия для формирования суперэтнических культурных образований. Фаза исторического упадка может особенно сильно варьировать по своей протяженности, так как она зависит как от интенсивности внутренних процессов разложения этноса, так и от исторической судьбы, определяемой степенью развития материального базиса, накопленного за предшествовавший период, физико-географическими условиями ареала, и состоянием смежных этносов. Наконец, фаза исторических реликтов уже целиком зависит от историко-географических особенностей данной территории.

Пассионарность

Формирование нового этноса всегда начинается одной особенностью: непреодолимым внутренним стремлением небольшого числа людей к крайне активной целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения (этнического или природного), причем достижение этой цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни. Это, безусловно, отклонение от видовой нормы поведения, потому что описанный импульс противоречит инстинкту самосохранения. Этот импульс может быть связан как с повышенными способностями (талант), так и со средними, и это показывает его самостоятельность среди прочих импульсов поведения, уже описанных в психологии. Этот же признак лежит в основе этики, где интересы коллектива, пусть даже дурно понятые, преобладают над жадой жизни и заботой о собственном потомстве. Особи, обладающие этим признаком, совершают (и не могут не совершать) поступки, которые, суммируясь, ломают инерцию традиции и дают толчок созданию новых этносов.

И самое курьезное, что эффект, порождаемый этим признаком, видели и видят все люди; больше того, даже сама эта особенность известна как «страсть», но в обывательском словоупотреблении так стали называть любое сильное желание, а иронически — просто любое, даже слабое влечение. Поэтому для целей научного анализа мы предложим новый термин — пассионарность (от лат. *passio*), исключив из содержания его животные инстинкты и капризы, служащие симптомами разболтанной психики, а равно душевные болезни, потому что хотя пассионарность, конечно, отклонение от видовой нормы, но отнюдь не патологическое.

Собственно говоря, пассионарность имеют почти все люди, но в чрезвычайно разных дозах. Она проявляется в различных качествах: властолюбии, гордости, тщеславии, алчности, зависти и т.п., которые с равной легкостью порождают подвиги и преступления, созидание и разрушение, благо и зло, но не оставляют места равнодушию. Об-

щим моментом является именно тот, который важен для нашей проблемы: способность и стремление к изменению окружения. Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака — пассионарии — не могут рассчитать последствия своих поступков и, даже предвидя гибель, удержаться от их свершения. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность находится не в сознании людей, а в подсознании.

Ярким примером пассионария может служить Наполеон I. После египетского похода он стал богатым настолько, что мог прожить остаток жизни без труда. Обыватель так бы и поступил. Наполеон же принял на себя нагрузку непомерной тяжести, с огромным риском и печальным концом. Модусом его пассионарности было властолюбие. Его тщеславные маршалы ограничивались стремлением к почестям.

Парижские буржуа, потребовавшие в 1814 г. сдачи города русским, кричали: «Мы хотим не воевать, а торговать!». Это алчность, но не очень сильная, потому что инстинкт самосохранения ее ограничивал. Французские крестьяне того же времени стремились к тому, чтобы тратить силы на приобретение богатства, уже заведомо без риска для жизни, но среди них были и такие, которые ограничивались поддержанием имеющегося достатка, удовлетворяя свою гордость выигрышами у соседей в кегли или домино. Их пассионарность была так мала, что уравновешивалась инстинктом самосохранения, что создает «гармонию» психической структуры. Это — вторая, наиболее многочисленная часть населения.

У третьей группы населения активность имеет иной характер, нежели у гармоничных особей, находящихся у нулевой точки отсчета, и по существу диаметрально противоположна пассионарности. В истории эта группа, которую мы будем называть субпассионариями, наиболее ярко представлена «бродягами», иногда становящимися солдатами-наемниками. В средние века они шли в ландскнехты, в XX в. — в иностранный легион. Они не изменяют мир и не сохраняют его, а существуют за его счет. В силу своей подвижности они часто играют важную роль в судьбах этносов, совершая вместе с пассионариями завоевания

и перевороты. Но если пассионарии могут проявить себя без этих «бродяг-солдат», как можно их условно назвать, то те — ничто без пассионариев, ибо сами они не умеют поставить себе ни цели, ни организовать. Максимум, на который они способны,— это разбой или гангстеризм, жертвой которого становятся носители нулевой пассионарности, т.е. основная масса населения. Но в таком случае «бродяги» обречены: их выслеживают и уничтожают.

Есть соблазн сопоставить пассионариев с «героями, ведущими толпу», а «бродяг-солдат» назвать «ведомыми», но на самом деле механизм действия не столь прост. Испанские Габсбурги и французские Бурбоны, за исключением основателей династий, были заурядными людьми, равно как и большая часть их придворных. Но идалго и шеваље, негоцианты и корсары, миссионеры и конкистадоры, гуманисты и художники — все они создавали такое внутреннее напряжение, что политика Испании XVI и Франции XVI—XVII вв., если изобразить ее как составляющую этногенетического процесса, отражала огромную пассионарность этих этносов.

Остановимся на этом подробнее. «Бродяги-солдаты» как характерологический тип отличаются повышенной реактивностью и соответственно пониженной целеустремленностью. Их активность возникает за счет внешних раздражителей, вызывающих импульсивную реакцию, без расчета и соображений. Такой образ поведения самоубийствен, даже если он не граничит с патологией. У гармоничных людей реактивность уравнивается слабыми импульсами пассионарности, благодаря чему они соразмеряют свои поступки с заботой о себе, детях и друзьях. Пассионариями же в полном смысле слова мы называем тех людей, у которых инстинктивные импульсы самосохранения подавлены стремлением к реальной или иллюзорной цели. Деятельность их неизбежно направлена не на самосохранение или минутное самоудовлетворение, а на изменение окружения, хотя заслуга принадлежит не их воле, а их конституции. Итак, в основе трех характеристик лежит лишь разная степень выраженности одного признака — пассионарности, а не качественное деление

на «героев» и «толпу». Именно поэтому третью группу мы и называли субпассионариями.

Особенно важно не смешивать отмеченные выше характерологические типы внутри этноса: пассионариев, субпассионариев и основную массу населения с подразделениями классовыми, сословными или этнографическими. Любое из последних включает в себя все три типа, и, наоборот, каждый из типов находится в составе любого класса или сословия. Например, в эпоху расцвета феодализма далеко не все феодалы были пассионариями. Большая часть их сидела в своих замках, собирала имущество, воспитывала детей и с неохотой несла воинскую повинность сеньору, выражавшуюся в участии в войнах в течение 40 дней в год. Зато в крестовые походы добровольно устремлялись тысячи простых людей, бросая семью и родину, причем только часть из них, нанимаемая королями и герцогами за деньги, рассматривается нами как субпассионарии, искавшие «карьеру и фортуны». Многие пилигримы-фанатики были наделены высокой пассионарностью. И даже при образовании этноса инициативная группа никогда не состоит из людей одного типа. Приведем несколько примеров.

Обратимся к такому яркому периоду мировой истории, как эпоха Мухаммеда и первых халифов. Сам Мухаммед и его сподвижники Абу-Бекр и Омар, несомненно, были пассионариями, но Осман, третий халиф, по складу принадлежал к разряду «обывателей». Его потому и поставили халифом, что разбившиеся на партии мусульманские пассионарии предпочитали иметь во главе государства нейтральную фигуру. Осман провел на высокие должности своих родственников, в числе которых были и совсем неактивные люди, и субпассионарии, и пассионарные «лицемерные мусульмане», как их называли за то, что они на словах признали ислам, но в душе остались язычниками, например Моавия ибн Абу-Суфьян, сын врага Мухаммеда. Это вызвало недовольство пассионариев, сражавшихся за дело ислама, и они убили Османа.

В последовавшей внутренней войне во всех трех партиях: фанатиков-хариджитов, шиитов — сторонников Али и «лицемерных мусульман», защищавших Омейя-

дов,— опять-таки фигурировали люди всех трех типов, и все они гибли на полях сражений. Так как пассионариев было мало, то их убыль сказалась на пассионарном напряжении халифата, которое снизилось до уровня, при котором стала возможной координация управления в масштабах всего государства — от Инда до Атлантики.

А вот другой, более близкий и столь же наглядный пример. Земское ополчение, освободившее в 1613 г. Москву от поляков, включало в себя много пассионариев, но избрало на престол тихого, сугубо неактивного «Мишу Романова» за то, что он был «умом зело скуден» и поэтому помех не чинил, не был пассионарием. Да и многие бояре, сидевшие в думе «брады устава», отнюдь не были пассионариями. Зато высокой пассионарностью обладали Иван Болотников, хитрый интриган Василий Шуйский, атаманы Трубецкой и Заруцкий, Захар и Прокопий Ляпуновы, Козьма Минин, Дмитрий Пожарский, Марина Мнишек, Авраамий Палицын и Александр Лисовский. А вокруг каждого из них теснились пассионарии, не прославившие себя в веках, субпассионарии, нашедшие себе применение, и толпы сдвинутых с мест и увлеченных потоком событий представителей основной массы населения. С точки зрения истории общественных отношений «смутное время» — кризис; для истории культуры — упадок; для этнической истории — взрыв пассионарности и связанный с ним перегрев, охлажденный пролитой кровью. Пассионарность как огонь: она и греет и сжигает. Тяжко, когда ее мало, страшно, когда ее много; оптимальная точка где-то посередине, но задержаться на ней, увы, нельзя, потому что всегда идет процесс либо накала, либо охлаждения.

Итак, во всех видимых простым глазом и изучаемых историей конструкциях присутствуют все три типа людей. Без сочетания этих трех элементов конструкция разваливается, а этногенез не идет. Теперь покажем на нескольких примерах, как «выглядит» пассионарность отдельных людей.

Александр Македонский имел в своей маленькой Пелле все, что было нужно человеку: пища в избытке, женщин достаточно; охота, развлечения, беседы с Аристотелем... и все-таки он бросился на Беотию, на Персию, а

затем — на Согдиану и Индию, вопреки сопротивлению даже тех воинов и полководцев, которые вначале охотно шли за ним. Предположим, что для Македонии были нужны территориальные приобретения в Греции, ну в крайнем случае в Малой Азии и Сирии, но уж с саками и индусами у македонян никаких счетов не было, и жить в столь экзотических местах они не соглашались даже после победы, так что пришлось ставить в Бактрии гарнизоны из нанятых греков. Наоборот, раны, лишения и тоска по родине сделали македонскую армию к концу кампании малобоеспособной. Об этом прямо заявил Александру его сподвижник Кен, но для нас любопытнее речь самого царя, его доводы, которыми он соблазнял воинов продолжать поход.

Перечислив сделанные завоевания, он заявил: «Любям, которые переносят труды и опасности ради великой цели, сладостно жить в доблести и умирать, оставляя по себе бессмертную славу... Что совершили бы мы великого и прекрасного, если бы сидели в Македонии и считали, что с нас хватит жить спокойно: охранять свою землю и только отгонять от нее соседей... которые нам враждебны» (Арриан, V, 26—27).

Это программа человека, ставящего свою жажду славы выше собственного благополучия и интересов своей страны. При этом сам он пренебрегал удобствами, на деньги для собственных удовольствий был очень скуп, но благодеяния сыпал щедрой рукой. Одно качество, доведенное до крайности, отмечают у Александра и Арриан и Плутарх: честолюбие и гордость, т.е. проявление описанного нами качества пассионарности. Этого избытка энергии оказалось достаточно не только для побед, но и для того, чтобы принудить своих подданных вести войну в далекой Азии, которая им была совсем не нужна.

Конечно, многие соратники Александра: Пердикка, Клитр, Селевк, Птолемей и др.— тоже обладали пассионарностью и искренне сочувствовали делу своего царя, благодаря чему удалось увлечь в поход простых македонян и греков. Не один человек, а целая плеяда пассионарных людей смогла сломить персидскую монархию и создать на ее месте несколько эллинистических госу-

дарств. Но это и есть тот протекавший в истории процесс, породивший явление, именуемое «эллинизмом», роль которого в этногенезе Ближнего Востока несомненна.

Теперь рассмотрим несколько персон светлых, принесших себя в жертву людям. Ян Гус боролся против безобразий в католической церкви, находившейся в состоянии развала. На Констанцском соборе никто не собирався все-речь отстаивать право духовенства на пьянство, взятки и разврат, но по политическим причинам Гусу было предложено отречься от критики церкви. Если бы Гус преследовал личные цели, он подписал бы отречение и, вернувшись в Прагу, или объявил его вынужденным, или, подчинившись власти католической церкви, жил бы тихо, не вступая в борьбу. Гус предпочел идти на костер. Его пассионарное напряжение приняло форму не честолюбия или славолубия, а ревности к своей идее, вообще говоря, не оригинальной. Так же поступил протопоп Аввакум, сходными мотивами руководствовалась Жанна д'Арк. Их пассионарность была столь сильна, что они не могли лукавить даже ради спасения жизни. А искренность и непреклонность их поведения, не вызывающая сомнения ни у кого, очевидно, диктовалась особенностями психофизиологической конституции, описанной выше.

Но смогли ли они одни поднять такие мощные движения, как разгром Англии, Гуситскую войну или Раскол? Нет, если бы вокруг Жанны д'Арк не группировались такие храбрецы, как Дюнуа, Ля Гир и их сподвижники, то смерть ее была бы напрасной. Франция XV в. кипела пассионарностью, и Жанна просто наметила цель двумя словами: «La Belle France». И всем стало вдруг ясно, что надо отстаивать и за что не жаль погибнуть. А обыватели, в том числе король Карл VII, съели каштаны, вынутые для них из огня пассионариями.

Если бы в Чехии были пассионарны только Ян Гус и Иероним Пражский, то Жижка и братья Прокопы не смогли бы собрать на горе Табор тысячи людей, возмущенных предательством Констанцкого собора и гибелью праведника. Пассионариев в XV в. там было достаточно для того, чтобы увлечь целый народ на войну. Да и Аввакум был не один; самосожжения старообрядцев после его

казни показывают, что на Руси было много ему подобных. Вспомним, что там, где пассионарность этноса снизилась, как, например, в Византии, героическое поведение Константина Палеолога не могло увлечь в 1453 г. население Константинополя на оборону его стен от турок. Жители города позволяли себя убивать, но не нашли в себе мужества (которое было в избытке у их предков), чтобы поднять оружие.

Мощный пассионарный стимул, проявляющийся в алчности, толкал испанских идалго, французских и английских дворян, голландских бюргеров на конкистадорство, корсарство, флибустьерство. Не все они были субпассионарны, т.е. «бродяги-солдаты», хотя последних и было большинство. Дома многие из них имели семьи и обеспеченную жизнь. В Вест- и Ост-Индиях их ждали, кроме битв, цинга, малярия, холера. Вот цифры из письма испанского капитана, перехваченного и опубликованного англичанами: «За 20 лет на острова (Филиппинские) приехало 14 тыс. испанцев. Живы из них только тысяча. Остальные 13 тыс. умерли от болезней, погибли в сражениях или по другим причинам» [183, стр. 160]. Способ обогащения был явно невыгоден, тем более что вернувшиеся (даже не инвалидами) быстро прокучивали свои богатства. Это было психологически неизбежно, ибо после страшного напряжения наступала нервная реакция, требовавшая разрядки. И все-таки они шли, поколение за поколением, так как внутреннее напряжение пассионарности не давало им возможности сидеть на месте. В результате ими были созданы центральноамериканский и южноамериканский и филиппинский этносы.

Во всех приведенных примерах подчеркивалось, что признак пассионарности был характерен для этноса, а не только для какого-то одного человека. Внимание на отдельных личностях мы сосредоточили с той целью, чтобы наиболее выпукло обрисовать признак. В действительности процессы проходят сложнее, хотя и не до такой степени, чтобы их было трудно анализировать. Наоборот, предлагаемая концепция весьма облегчает анализ историко-географических и этнографических явлений, в чем и состоит ее практическое значение.

Природа пассионарности

До сих пор мы сосредоточивали свое внимание на психологическом моменте, который как будто не имеет отношения к явлениям природы. Однако это не так. Через психологию мы подходим к решению проблем географических, ныне поставленных во всей мировой науке.

Заметим, что вся ландшафтная оболочка Земли в разной степени переоформлена людьми, вследствие повторного создавания искусственной, вторичной сферы антропогенных ландшафтов. Антропосфера мозаична вследствие многообразия процессов деятельности тех или иных этносов, в зависимости от характера и направления динамики их исторических судеб. Следовательно, антропосферу можно считать продуктом кристаллизации законченных и протекающих процессов этногенеза; поэтому предпочтительнее называть ее этносферой, а этногенез рассматривать как один из антропогенных факторов.

Выше было отмечено, что реликтовые этносы стабильны и входят в состав биоценозов населяемых ими регионов как верхнее, завершающее звено. В биоценозах идет постоянный процесс, названный Т. Гексли конверсией. Цикл конверсии — это механизм, обеспечивающий циркуляцию энергии среди растений и животных одного местообитания, т.е. обмен веществ в данном экологическом сообществе. Для сохранения геобиоценоза необходимо, чтобы циркуляция энергии поддерживалась и усиливалась. Последнее важно как страховка против экзогенных воздействий: войн, эпидемий, стихийных бедствий. На преодоление этих трудностей уходят усилия этнического сообщества, которое в стабильном состоянии лишено агрессивности и, следовательно, не способно к активному изменению природы.

Зато при динамическом состоянии этноса ландшафтогенные процессы возникают стихийно. Ф. Осборн (США) в 1948 г. писал: «История нации (американской) за прошлый век, с точки зрения использования природных богатств, является беспримерной... Фактически это история человеческой энергии, безрассудной и бесконтрольной» [122, стр. 45]. Но то же можно сказать об этнической исто-

рии Северной Америки. Истребление индейцев, торговля неграми, захват Техаса скваттерами в 1836 г., расправа с франко-индейскими метисами в Канаде в 1886 г., деятельность золотоискателей в Калифорнии и на Аляске — все это совершалось столь же неорганизованно и бесконтрольно, как и истребление лесов ради хлопчатника в южных штатах США, уничтожение бизонов, распашка прерий (вызвавшая эрозию почв) и хищническая деятельность меховых компаний в Канаде.

Но это явление отнюдь не единично. По тому же принципу производились арабское вторжение в Восточную Африку, а голландское — в Южную. Тем же способом китайцы захватили джунгли южнее Янцзы, предки полинезийцев — острова Тихого океана, кельты — Европу (в I тысячелетии до н.э.), а арии — Индию (во II тысячелетии до н.э.) и т.д.; примерам несть числа. Следовательно, мы столкнулись с повторяющимся переходом этносов в динамическое состояние. При этом у них возрастают агрессивность и адаптивные способности, позволяющие применяться к новым условиям существования. Это и есть процессы этногенеза.

Обязательным условием возникновения и течения процесса этногенеза вплоть до затухания его, после чего относ превращается в реликт, является его пассионарность, т.е. способность к целенаправленным сверхнапряжениям. Объяснить ее мы пока можем, лишь приняв гипотезу, т.е. суждение, обобщающее отмеченные факты, но не исключающее возможности появления других, более изящных объяснений: пассионарность — это органическая способность организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы. У людей эта способность колеблется настолько сильно, что иногда ее импульсы ломают инстинкт самосохранения, как индивидуального, так и видового, вследствие чего некоторые люди, по нашей терминологии — пассионарии, совершают и не могут не совершать поступки, ведущие к изменению их окружения. Это изменение касается в равной степени природной среды и отношений внутри человеческих сообществ, т.е. этносов. Следовательно, пассионарность имеет энергетическую природу, преломляющуюся через пси-

хические особенности, стимулирующие повышенную активность носителей этого признака, создающего и разрушающего ландшафты, народы и культуры.

Академик В.И. Вернадский писал: «Все живое представляет непрерывно изменяющуюся совокупность организмов, между собою связанных и подверженных эволюционному процессу в течение геологического времени... Чем более длительно существование, если нет никаких равноценных явлений, действующих в противоположную сторону, тем ближе к нулю будет свободная энергия», т.е. «энергия живого вещества, которая проявляется в сторону, обратную энтропии. Ибо действием живого вещества создается развитие свободной энергии, способной производить работу» [47, стр. 284—285].

Итак, занятия историей, этнографией и даже психологией позволили вернуться к природоведению в полном смысле слова. Поскольку люди входят в биосферу Земли, они не могут избежать воздействия биохимических процессов, формирующих их подсознание или сферу эмоций. А эмоции не в меньшей степени, чем сознание, толкают людей на поступки, которые интегрируются в этногенные и ландшафтогенные процессы. Разница же между сознательной и эмоциональной областями поведения этнических сообществ в том, что первая подчиняется закону спонтанного общественного развития, а вторая связана с энергетическими толчками. В результате возникает пассионарное поколение, постепенно утрачивающее инерцию пассионарности из-за сопротивления среды и переходящее к реликтовому состоянию этно-ландшафтного равновесия.

ПО ПОВОДУ ПРЕДМЕТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ¹

(ЛАНДШАФТ И ЭТНОС). III

Прежде всего условимся о значении термина. Это тем более необходимо, что, как отмечает историк «исторической географии» В.К. Яцунский, за этой дисциплиной установилась репутация «науки с неопределенным содержанием» [254]. Заканчивая обзор историко-географических работ XIX—XX вв. (до 1941 г.), В.К. Яцунский приходит к выводу, что «задачей исторической географии должно быть изучение и описание географической стороны исторического процесса». В связи с этим он намечает четыре линии исследования: 1) природный ландшафт данной эпохи, т.е. историческая физическая география; 2) население с точки зрения его народности, размещения и передвижения по территории; 3) география производства и хозяйственных связей, т.е. историко-экономическая география; 4) география «политических границ, а также важнейших политических событий» [254, стр. 21].

Нетрудно заметить, что В.К. Яцунский мыслит историческую географию как вспомогательную историческую дисциплину и ставит проблемы, важные для историка, а не для географа. Собственно говоря, это правомочно, но обзор историко-географических работ, сделанный В.К. Яцунским, показывает бесплодие неоднократных попыток многих талантливых и трудолюбивых ученых добиться в этом направлении успеха. Работы по интересующей нас области походили на справочники, и это отмечается В.К. Яцунским как большой недостаток, с чем следует безоговорочно согласиться.

Причины этого печального положения указывает сам В.К. Яцунский: «Историки слабо знакомы с географией, и наоборот» [254, стр. 21]. Это еще не беда, но хуже, когда, как говорит Оберхуммер, «географ, как только он покидает область географического исследования и начинает за-

¹Вестник ЛГУ. Серия геологии и географии. 1965, № 18, стр. 112 — 120.

ниматься историей, перестает быть естествоиспытателем и сам становится историком» [254, стр. 27]. Тут удачи заведомо быть не может, как и в обратном случае, но тем самым открывается корень неудач: постановка проблемы неправильна и методика исследования не разработана. В самом деле, получить ответы на поставленные вопросы было бы крайне заманчиво, но как этого добиться? Никаких рекомендаций в статье не дается, и это заставляет нас перейти к другой работе В.К. Яцунского, содержащей описание историко-географических представлений XV—XVIII вв. Здесь В.К. Яцунский дает более совершенную дефиницию. «Историческая география,— пишет он,— изучает не географические представления людей прошлого, а конкретную географию прошлых эпох» [255, стр. 3]. Различие в определении очевидно. Если в первой работе краеугольным камнем и целью была история, то теперь она отступает перед задачами географии. К сожалению, и тут нет никаких указаний на возможную методику исследования. Но содержащийся в книге разбор теории географического детерминизма и воззрений историков эрудитской школы позволяет ознакомиться с историей вопроса и непосредственно обратиться к самой проблеме.

До сих пор проблема ставилась двояко: 1) как влияют природные условия на исторический процесс? и 2) как влияют люди на природу?

На первый вопрос прямого ответа быть не может, потому что раньше следует условиться в том, что понимать под «историческим процессом»: если развитие общества по спирали через формации, то географическая среда на спонтанное развитие влиять не может; если имеются в виду войны, договоры, государственные перевороты, то причины их надо искать непосредственно в мотивах поведения их участников, обусловленных их социальной принадлежностью, а не в климате или характере флоры. Зато миграции и процессы этногенеза, вне всякого сомнения, обусловлены элементами ландшафта и корреспондируют с колебаниями климата, но эти явления лежат на грани исторической науки и сами по себе не исчерпывают понятия «исторический процесс».

По второму вопросу можно дать вполне определенный ответ: люди влияют на природу, как, впрочем, влияют на

нее любые фаунистические формы. Но определить общий характер людского влияния невозможно, так как он очень разнится в разные эпохи и на разных территориях.

Иногда люди «вписываются» в биоценоз ландшафта, иногда приспособливают ландшафт к своим потребностям, причем то и другое не зависит от уровня культуры людского коллектива — народности, а только от характера ее развития и локальных особенностей. Закономерность тут есть, но она не прямая и не простая.

А что, если мы поставим вопрос по другому и попробуем рассматривать все человечество как некую среду, покрывающую сушу. То, что это среда не сплошная, не имеет значения. Ведь именно так поставил проблему «биосферы» В.И. Вернадский и получил огромные научные результаты. Тогда мы сможем изучать эту среду методами естественных наук. Но чтобы иметь успех, необходимо соблюсти одно условие: найти эталон изучения, соразмерный нашим исследовательским возможностям. Он должен быть применим к любой точке земного шара, где живут люди, к любой известной нам эпохе и к любому уровню цивилизации. Таким эталоном может быть только одно явление — *этнос*, или народность.

Формой существования вида *Homo sapiens* является коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам. Он более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени, что и составляет проблему этногенеза. Все такие коллективы более или менее разнятся между собой — иногда по языку, иногда по обычаям, иногда по системе идеологии, иногда по происхождению, но всегда по исторической судьбе. Следовательно, с одной стороны, этнос является производным от исторического процесса, а с другой — через добывание ниши (хозяйство) связан с биоценозом того ландшафта, в котором он образовался. Впоследствии народность может изменить это соотношение, но при этом она видоизменяется до неузнаваемости, и преемственность прослеживается лишь исторической методикой.

Прежде всего уточним понятие «этнос», которое еще не дефинировано. У нас нет ни одного реального признака для определения любой народности как таковой, хотя в

мире не было и нет человеческой особи, которая бы была внеэтнична. Все перечисленные признаки определяют народность *иногда*, а совокупность их вообще ничего не определяет. Проверим этот тезис негативным методом.

Язык

Часто разные народности говорят на одном языке. Например, англичане и ирландцы; испанцы и мексиканцы, большая часть коих — индейского происхождения; малоазиатские греки (до 1921 г.) говорили по-турецки, а македонские турки — по-гречески и т.д. Часто один народ говорит на разных языках, французы на четырех — парижском, патуа, бретонском (кельтском), гасконском (иберийском); англичане на двух — английском на юге и норвежском в Нортумберленде; китайцы на двух, не считая диалектов; бельгийцы — на французском и фламандском и т.д. Кроме того, есть сословные языки: французский — в Англии XII — XIII вв., греческий — в Парфии II—I вв. до н.э., арабский — в Персии с VII по XI в. и т.д. Поскольку целостность народности не нарушалась, надо сделать вывод, что дело не в языке.

Обычаи или культура

Большинство крупных народов имеет несколько этнографических типов, составляющих гармоничную систему, но весьма разнящихся между собой как во времени, так и в социальной среде. Возьмем хотя бы Россию допетровскую, с боярскими шапками и бородами, XVIII век — с напудренными париками и французскими камзолами, XIX век — с пышными профессорскими бородами и долгополыми сюртуками и фраками и т.д. А различие в материальной культуре и быте у аристократии, мелкого дворянства, крестьянства, купечества, духовенства, интеллигенции, рабочих в любую из перечисленных дореволюционных эпох! Но народного единства это не нарушало, а близость по быту, скажем, казаков с чеченцами и татарами, их не объединяла.

Идеология

Идеология, для старых эпох вероисповедание, тоже иногда является признаком, но не обязательным. Например, византийцем мог быть только православный христианин, и все православные считались подданными константинопольского императора и своими. Однако *de facto* это нарушилось, как только болгары затеяли войну с греками, а принявшая православие Русь и не думала подчиняться Царьграду. Тот же принцип единомыслия был провозглашен халифами, преемниками Мухаммеда, и не выдержал соперничества с живой жизнью: внутри единства ислама опять возникли народности.

С другой стороны, проповедь иногда объединяет группу людей, которая становится народностью: например, сикхи в северо-западной Индии или турки-османы. Эти последние возникли так: первый султан Эртогрул имел 50 000 туркменских всадников и, получив удел на границе с Никейской империей, начал вербовать к себе газиев, борцов за веру. К нему и его потомкам стекались курды, турки, арабы, персы, сирийцы; кроме того, турецкие султаны покупали для военной службы черкесов, грузин, обращали в ислам мальчиков из Болгарии, Сербии, Македонии (янычары), привлекали ренегатов из Франции, Германии, Италии. Женами их чаще всего становились рабыни, которых доставляли татары из Польши и Украины. Но поскольку объединяющим моментом был суннитский ислам, потомки этого скопища считались, и были на самом деле, единым народом — турками, противопоставлявшими себя шиитам — персам и азербайджанским туркменам. Вместе с этим были мусульмане-сунниты, подвластные султану, но турками себя не считавшие, — арабы и крымские татары. Для последних не сыграла роли даже языковая близость. Значит, и вероисповедание — не общий признак.

Происхождение

Нет народа, который бы не произошел от разных предков. В процессе этногенеза всегда фигурируют два или более компонентов. Скрещение разных этносов иногда дает новую устойчивую форму, а иногда ведет к вырожде-

нию. Так, смесь славян, угров, аланов и тюрок слилась в великорусскую народность, а помеси монголо-китайские, тюрко-китайские и маньчжуро-китайские, часто образовывавшиеся вдоль линии Великой китайской стены за последние 2000 лет, оказались нестойкими и исчезли.

Итак, постоянным, обязательным признаком народности является личное признание каждой особи: «мы такие-то, а все прочие люди не такие» — например, эллины и варвары, иудеи и необрезанные, китайцы и ху (все неки-тайцы). Это явление противопоставления одинаково характерно и для англичан, и для масаев, и для французов, и ирокезов. Явление это отражает какой-то физический эффект, имеет физический смысл, но для наших целей он не важен. Важно, что мы нашли эталон исторической географии. В физической географии эталоном является ландшафт, который определяет способы ведения хозяйства людей, в нем живущих. Для них данный ландшафт — тот, к которому они привыкли,— является вмещающим ландшафтом. Следовательно, мы можем дать новую дефиницию: *историческая география — наука о последнем ландшафте в динамическом состоянии, для которого этнос является индикатором.*

При таком подходе, когда для огромного количества разнообразных исторических и географических явлений подыскан общий знаменатель, можно пытаться найти ответ на те четыре вопроса, которые были поставлены В.К. Яцунским в 1941 г. [254], и на тот, который был им сформулирован в 1955 г. [255].

Определение понятия «ландшафт» удивительно напоминает предложенную нами описательную дефиницию этноса. «Ландшафт,— пишет С.В. Калесник,— реально существующий генетически однородный участок земной поверхности; он обрамлен естественными границами; обладает индивидуальными чертами, позволяющими отличить его от других ландшафтов; представляет собой не случайное, не механическое, а закономерное и внутренне взаимосвязанное сочетание компонентов и структурных особенностей; в пространстве и во времени неповторим; характеризуется территориальной целостностью; внутри себя морфологически разнороден, так как складывается из

различных территориальных комплексов низшего ранга; вместе с тем однороден, так как общий стиль сочетания разнородных компонентов и структурных особенностей сохраняется в пределах ландшафта неизменным» [141, стр. 3].

Из сочетания обеих дефиниций очевидно, что они не могут не воздействовать друг на друга, но вместе с тем было бы нелепо простираť влияние географической среды на все стороны исторического процесса, как это делали сторонники географического детерминизма: Монтескье, Боден, Бокль, Реклю и у нас — Лев Мечников. Просто следует ввести классификацию явлений и уточнить, какая именно сторона исторического процесса связана с физической географией — ландшафтоведением, а что имеет собственные закономерности, и затем не смешивать их [139].

Предложенное определение позволяет снять вопрос о влиянии географической среды на исторический процесс. В настоящем аспекте интересующие нас явления не противопоставляются среде, а являются ее компонентом. Эта часть географической среды наиболее чувствительна к любым планетарным воздействиям, и поэтому по возмущениям ее можно судить о характере и даже размерах изменений климата, степени увлажнения и т.п. с точными датировками.

Что же касается деятельности человека, то она, несомненно, имеет огромное значение для ландшафта. Во-первых, народы, практикующие интенсивное земледелие (египтяне, вавилоняне, иранцы и китайцы), весьма изменили ландшафты занятых ими территорий; во-вторых, скотоводческие народы, разводя скот и истребляя или отесняя от источников воды диких животных, влияли на фауну степей; в-третьих, охотники за крупными зверями иногда практиковали хищническое истребление животных или птиц (например, маори уничтожили птицу моа); наконец, сооружение больших городов, искусственных ландшафтов также влияло на природу их окрестностей. Но даже из краткого перечня приведенных здесь возможностей видно, что разные народы по-разному влияли на природу, и ставить вопрос в общей форме неплотодоворно.

Вместе с этим следует помнить, что мы можем наблюдать только результаты интеграции изменений природных условий плюс деятельность этносов, и для восстановления роли того и другого исследование идет путем ретроспекции, что всегда изрядно трудно, хотя и не безнадежно. Надо только отказаться от прямого цитирования исторических источников, потому что в них события всегда освещены неравномерно и даны выборочно. Надежным подспорьем может быть только канва одномасштабных фактов, сведенная в хронологическую таблицу. Такая таблица отражает историческую действительность наименее неточно.

Примером столкновения двух описанных методик исследования является знаменитый спор о направлении изменений климата в Центральной и Средней Азии. Л.С. Берг считал, что есть тенденции к увлажнению, а Г.Е. Грумм-Гржимайло — к усыханию. Оба автора широко использовали исторические данные, но по-разному: Г.Е. Грумм-Гржимайло рассматривал двухтысячелетнюю историю Азии целиком, т.е. синтетически, а Л.С. Берг анализировал каждый факт отдельно и часто воспроизводил без критики мнения и сведения древних авторов в переводах, сделанных первоклассными филологами. Например, Г.Е. Грумм-Гржимайло сообщает, что Алашаньская степь в XII в. кормила население, выставляющее армию в 150 тыс. конных латников, а ныне там обитает 10 тыс. семейств, главное богатство которых составляют верблюды, а не лошади [56, стр. 445—447]. На это Л.С. Берг возражает, что воинами Чингисхана «была уведена громадная добыча — сотни тысяч голов верблюдов, лошадей и рогатого скота. В результате, понятно, последовало запустение края. Причем же тут усыхание Центральной Азии?» [146, стр. 69]. Оно очень «причем»! Если бы после войны 1227 г. не сократилась площадь степей, то она бы стро бы заселилась вновь, сначала дикими копытными, а потом стадами тех же монголов, и к XIX в. страна не стала бы пустыней. Вспомним, что в окрестных оазисах Хами, Турфане, Куче и Джунгарских степях, не испытавших силы монгольских сабель, за счет роста каменистых пустынь также сократились площади травянистых степей [56, стр. 449].

Итак, опора на сведения исторического источника вне связи с предшествующими и последующими событиями оставляет исследователю такой простор, который может повести к любым выводам, даже неверным. Вскрыть ошибку можно, лишь повторив исследование на основе синтетической методики.

Для того чтобы избежать путаницы понятий, следует ввести первичную классификацию. Поскольку историческая судьба изучаемой народности есть продукт хозяйственных возможностей, то она тем самым связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта. И тут возможны два варианта: либо народ приспосабливается к природным условиям, либо он приспосабливает их для себя. Однако и во втором случае необходимо учесть, что приспособление ландшафта к своим потребностям совершалось народами один раз за эпоху существования каждого из них. Раз проделав титаническую работу, народность ограничивалась поддержкой созданного ею вмещающего ландшафта, не внося в созданное принципиальных изменений. Однако не учитывать второй вариант нельзя, как показывает опыт Г.Е. Грумм-Гржимайло в его полемике с Л.С. Бергом, из-за чего его плодотворная идея была поставлена под угрозу. Г.Е. Грумм-Гржимайло пренебрег предлагаемой здесь классификацией культур по принципу их взаимодействия с природой. В результате, по его мнению, оказалось, что увлажненность внутреннего Китая и Синцзяна зависела от деятельности земледельцев, сводивших леса или засыпавших колодцы из страха перед врагом [56, стр. 442, 451]. Хотя и то и другое играло некоторую роль, но до XIX в. случаи воздействия человека на природу ограничивались локальными зонами, хорошо изученными, которые просто следует выделить для особого рассмотрения, с поправкой на деятельность человека. В прочих случаях изменения ландшафта зависели от природных условий, влияния которых сказывались равно на земледельцах и кочевниках.

Было бы неверно думать, что народы, не перестраивающие природу, примитивны или малоразвиты. Древние греки и арабы жили экстенсивным хозяйством и создавали великие произведения литературы и искусства, слож-

ные формы общественного устройства и даже развивали технику, например кораблестроение. То же самое следует сказать о центральноазиатских кочевниках, культура которых принципиально отличалась от китайской или иранской. Хунны, тюрки и монголы создали свой устойчивый быт, свою технику, свою литературу и свою государственность на базе кочевого скотоводства. Постоянно соприкасаясь с китайцами, они не заимствовали у последних ни письменности, ни социальных институтов, ни нравов и обычаев. Их этнографическая самобытность определялась способом ведения хозяйства, приспособленным к кормившему их степному ландшафту. Можно сказать, что они составляли неотъемлемую часть ландшафта вместе с растительностью и животным миром. Поэтому, изучая историю евразийских кочевников, мы знакомимся с историей природных условий населяемой ими территории.

И, наконец, последнее условие для того, чтобы наше исследование оказалось успешным. Взаимодействие народности с ландшафтом наблюдается всюду, но с разной степенью отчетливости. В мягком климате Европы или сплошном массиве сибирской тайги климатические колебания менее заметны, нежели на стыке леса и степи, гумидной и аридной зон. Поэтому наиболее благодарным материалом для нас будет евразийская степь и ее кочевое население. Соотношение степных народов с соседними земледельческими в аспекте климатических изменений показано нами в специальных работах.

Поскольку нам необходимо уточнить понятие «вмещающий ландшафт», обратим внимание на весьма достопримечательное обстоятельство: культура народов восточной и западной частей Центральной Азии во все исторические эпохи различна, причем граница проходит не по водоразделу Алтая, Тарбагатая и отрогов Тяньшаня, а восточнее, примерно по середине Джунгарии, но область Хангая попадает в восточный культурный регион.

Различие восточной и западной культур сказывается буквально на всем: на этнографических особенностях, на дроблении языков на диалекты, на искусстве и на характере политического строя, что прослеживается за период 2000 лет. За это время здесь менялись расы — например,

индо-иранцы сменились тюрками-монголоидами, менялись стадии развития — родовой строй уступал место военной демократии и феодализму, уровни техники и хозяйства — несколько раз в степи возникали земледельческие поселки, но соотношение западного и восточного ареалов культур оставалось неизменным.

Анализируя материалы о характере политического устройства, необходимо указать, что для востока была характерна централизованная власть, для запада — конфедерация и децентрализация, независимо от стадии развития производительных сил и производственных отношений.

Точно такие же различия можно проследить по другим линиям. Например, дифференциация диалектов тюркского языка: на востоке звук *j* произносится как *й*, а на западе — как *дою*. Г.Е. Грумм-Гржимайло убедительно доказал, что распадение монголов на восточных и западных произошло вне зависимости от их родового состава, по причинам исключительно политическим, но он не прав, утверждая, что не было других причин, «которые бы раскололи монгольскую массу на два чуждавшихся один другого мира» [56]. Ведь у западных монголов изменился язык, вплоть до фонетики (*к* заменило *х*). Затем, если бы здесь имели место только политические причины, то описанное последовательное размежевание народов по одной и той же невидимой границе не прослеживалось бы 2000 лет. Очевидно, здесь имел место постоянно действовавший фактор, влиявший не на исторический процесс, а на характер этногенеза. Смещение линии развития, определявшегося этим влиянием, было столь незначительно, что при составлении «Всемирной истории» им законно пренебрегли, а в частных фактографических исследованиях востоковеды его не замечали. Не обратили на это внимания и географы, так как наземные условия обоих регионов отличаются друг от друга очень мало. Поэтому для объяснения установленного нами эффекта попытаемся обратиться к рассмотрению атмосферы и характера увлажнения в Восточном Казахстане и Монголии.

В зимнее время над территорией Северной Монголии устанавливается центр огромного антициклона. Благодаря ему зимой над Центральной Азией располагаются кон-

тинентальные воздушные массы, напоминающие по своим физическим качествам полярные. Зима характеризуется ясными солнечными днями, морозной, без оттепелей погодой и слабыми ветрами к окраинам антициклона.

Устойчивость антициклонического режима зимы не допускает на территорию Центральной Азии атлантические циклоны. Снег почти отсутствует: в Гоби выпавший за ночь снег исчезает с первыми лучами солнца. Только в горах Хэнтэя и Монгольского Алтая зимой происходит накопление снега. Антициклон дает возможность скоту круглый год находиться на подножном корме.

Летом Центральная Азия нагревается за счет инсоляции, и над ее пустынями и степями формируется континентальный тропический воздух. При этом полярный фронт перемещается на север Монголии. Взаимодействие двух разных по физическим свойствам воздушных масс, а именно: «полярного континентального (сибирского) и тропического континентального воздуха, приводит к образованию своеобразной циклонической деятельности, при очень слабом участии океанов». Траектории летних циклонов, по данным А.А. Каминского [146], пролегают к северу от Алтайских гор и хребта Танну-Ола.

В теплое время года, когда Центральная Азия лежит в области размытой барической депрессии [5а], центр летнего барического минимума располагается в южной части Азиатского материка, куда через Монголию устремляются воздушные потоки восточноазиатского полярного фронта, вернее, сибирского влажного таежного воздуха. С этим связано выпадение летних дождей, составляющих 80—90 % осадков [187].

Иная картина — на западе Великой степи. Для этих районов характерно почти полное отсутствие осадков летом и влияние атлантических циклонов в холодное время года, благодаря чему зимой держится снеговой покров. Вот и различие! Оно достаточно для того, чтобы определить не только род занятий — в обоих случаях скотоводство или вид его — отгонное, яйлажное, таборное [208]. Но условия создают разный акцент в хозяйственной деятельности халхассов и джунгаров. В Монголии большую часть времени скот пасется в степях; это дает возможность пасту-

хам активно общаться друг с другом. В Тяньшане и Тарбагатае летом скот выгоняют на джейляу, каждое из которых принадлежит определенному роду. Так создаются разные привычки, которые, суммируясь, отражаются сначала на племенной организации, а потом и на общественных тенденциях. Возникают два этно-психологических синдрома, которые вызывают стремление к размежеванию и дроблению этноса, ибо общественное бытие определяет сознание, в том числе и этническое.

Но если так, то подмеченная граница районов должна сказаться еще на каком-нибудь явлении природы, и действительно, именно здесь проходит граница между двумя геоботаническими провинциями — Монгольской и Джунгаро-Туранской [165, стр. 15, 66]. Да и сама граница приобретает реальный смысл, если мы учтем распределение осадков: именно в интересующей нас меридиональной полосе осадков меньше 100 мм — так же, как в долине Тарима и Алашаньской пустыне [165]. Итак, наблюдаемое нами районирование этносферы имеет физический смысл и тесно связано с явлениями атмосферы и биосферы. Принципиальное различие человеческого сознания и природных явлений учтено, и нами рассматривается только та сторона этнического бытия, которая коррелирует с ландшафтом. Предлагаемое объяснение механики процесса влияния ландшафта на этнос не имеет ничего общего с географическим детерминизмом, да, пожалуй, и с интерпретацией исторического процесса. Оно лежит в плоскости не истории, а исторической географии, т.е. не гуманитарной, а естественной науки.

ПО ПОВОДУ «ЕДИНОЙ» ГЕОГРАФИИ¹

(ЛАНДШАФТ И ЭТНОС). VI

Полемика, возникшая по поводу книги В.А. Анучина [9], не может оставить равнодушным ни одного ученого,

¹ Вестник ЛГУ. Серия геологии и географии. 1967, № 6, стр. 120—129.

любящего географию. История вопроса выросла за шесть лет настолько, что может явиться темой для скромной кандидатской диссертации по истории науки, но в данной статье рассматривать этот сюжет нецелесообразно. Плодотворнее, опираясь на заключительные звенья дискуссии, выделить те пункты, по которым автор статьи может иметь собственное мнение. Таковых очень немного.

Вполне можно согласиться с утверждением В.А. Анучина, «что господство общества над природой условно, что сами люди остаются частью природы» [11]. Однако всегда ли и во всем? Ведь есть же и специфика! Однако второе утверждение В.А. Анучина вызывает сомнения. «Развитие общества,— пишет он,— рассматривалось изолированно от развития природы, и наоборот. Между тем жизнь общества и развитие географической среды происходят сопряженно. Среда не только и не просто внешняя природа. Это особая часть внешней природы, особая форма материи, составляющая вещественное единство с обществом» [11].

В этом тезисе налицо небольшая, но крайне существенная терминологическая подмена: если бы говорилось о человечестве как одном из явлений биосферы, то спора бы не возникло, но общество — это специфическая форма коллективного бытия, свойственная только людям на определенной стадии развития, и не единственная. Согласно теории исторического материализма, общество имеет собственный ритм саморазвития по спирали или спонтанное прогрессивное развитие, одновременно подвергаясь экзогенным воздействиям. Тут неизбежно возникает вопрос: где и какой стороной человечество смыкается с природой и окружающей его географической средой и что в обществе является продуктом собственного развития?

Нельзя не согласиться с положением В.А. Анучина, что «ошибочные взгляды на географию можно преодолеть лишь при условии создания правильной концепции», но таковой, по нашему мнению, является точка зрения большинства советских географов, изложенная весьма обстоятельно С.В. Калесником и противоречащая тезису В.А. Анучина о «единой» географии и об интеграции отдельных географических дисциплин [144, стр. 209—221].

Повторять здесь положения статьи С.В. Калесника мы не будем. Вместо этого отметим, что в концепции В.А. Анучина ценным является давно ставившийся вопрос о характере взаимоотношений человечества с географической средой, а отнюдь не предлагаемое им решение этой проблемы. Сама проблема, действительно, актуальна и эвентуальна, но разве можно ограничиться для ее решения только сегодняшним днем? Чтобы ответить на вопрос, волнующий всех-географов, и не только географов, необходимо учесть весь известный нам опыт, всю сумму сведений о том, как влияли люди на природу и природа — на людей. Иными словами, привлечь историческую географию и историю.

Нужна ли для достижения поставленной цели «интеграция наук»? Нет, ибо такие работы будут обречены на неудачу. Нужны интеграция научных идей и комплекс сведений при обязательном условии, что они будут подчинены целям научного синтеза, т.е. послужат материалом для «эмпирического обобщения», которое В.И. Вернадский по степени достоверности приравнивал к реально наблюдаемому факту [46, стр. 19]. Таким путем можно получить выводы, подчас неожиданные, но достоверные, основанные на оригинальной методике, разработанной специально для нашей темы. И отправным пунктом исследования будут идеи, сформулированные С.В. Калесником, о невозможности интеграции наук [144, стр. 212] и четком разделении общества и географической среды [144, стр. 214]. Однако эти взгляды подверглись критике со стороны Ю.Г. Саушкина [213]. Игнорировать эту полемику было бы, с одной стороны, нетактично, а с другой — нецелесообразно, потому что необходимо внести в проблему ясность. Разберем возражения Ю.Г. Саушкина по пунктам.

1. Ю.Г. Саушкин произвольно использует координату времени. Он уверенно говорит о том, что будет через сотни лет, чего проверить невозможно, и совсем игнорирует то, что было в последние 3000 лет, хотя исторический материал позволяет делать весомые выводы. Например, он смело утверждает: «Пройдут десятки и сотни лет, и новая, планомерно воспроизводимая географическая среда ста-

нет в какой-то степени синтетической, искусственной, оде-той в покров из неведомых еще нам, не существующих теперь материалов» [213, стр. 82]. Если действительно так будет, то будущие географы перестроят свою методику. Ну, а вдруг все будет по-иному? Ученые изобретут синтетическую пищу, а новые научные открытия исключат необходимость в громоздкой технике. Тогда опять расцветут сады, леса и степи, столь милые сердцам людей, и не нужно будет менять методику наук, изучающих Землю. Оба предположения одинаково вероятны, возможны и другие, но ссылка на неизвестное будущее не может быть аргументом в научном споре.

Посмотрим лучше на известное нам прошлое, чтобы установить действительный характер взаимоотношений человека с географической средой.

2. Ю.Г. Саушкин пишет: «Остались ли степь — степью и пустыня — пустыней в ландшафтном понимании этих терминов? Сильнее всего изменена растительность (в степи — земледелием, в пустыне — выпасом, орошаемым земледелием), как следствие этого изменились сток, почвенный покров, процесс эрозии и вся дальнейшая «цепочка» компонентов природных комплексов» [213, стр. 80].

Да, кое-что изменилось [142, стр. 247—248], но разве подобные изменения наблюдаются только в XX в.? Антропогенные ландшафты известны в глубокой древности. Египтяне освоили заболоченную долину Нила 5000 лет тому назад; шумерийцы провели каналы, осушив между-речье Тигра и Евфрата примерно в то же время; китайцы начали строить дамбы вокруг Хуанхэ 4000 лет тому назад. Восточные иранцы научились использовать грунтовые воды для орошения на рубеже нашей эры. Полинезийцы привезли на свои острова сладкий картофель из Америки и истребили птицу моа в Новой Зеландии. Козы, разведенные эллинами, уничтожили дотоле пышную растительность Пелопоннеса, и т.д. Если уж говорить о взаимодействии человека с природой, то нужно привлекать в полной мере историческую географию, являющуюся самостоятельной дисциплиной, находящейся на стыке двух самостоятельных наук: истории и географии. Но тогда мы придем к выводам, несколько неожиданным для Ю.Г. Са-

ушкина. Влияние человека на ландшафт не всегда бывало благотворным. Случаи хищнического отношения к природе более часты, чем проявления заботы о ней. Но в обоих случаях, как только активная деятельность человеческого коллектива приостанавливалась, например, из-за войн, миграций, упадка культуры и хозяйства и т.п., естественный ландшафт быстро восстанавливался, хотя с некоторыми отличиями во флоре и фауне, а от деятельности людей оставались лишь археологические памятники. Так было в Галлии в VI в., когда римские латифундии заросли дремучими лесами; на Юкатане, где покрылись джунглями не только пашни, но и города народа майя; и в Ираке, после того как была заброшена постоянная работа по поддержанию каналов, т.е. в XIV в. Равным образом, развитие земледелия в Китае привело к уничтожению лесов в долине Хуанхэ, и к IV в. до н.э. сухие центральноазиатские ветры занесли песком мелкие речки и гумусный слой в Шэньси. Изобретение китайцами железной лопаты позволило в III в. до н.э. выкопать оросительные каналы из р.Цзинхэ, но река углубила свое русло, и каналы высохли. Борьба за воду кончилась победой ветра — работы по поддержке оросительной системы прекратились в XVII в. Зато кяризы Люкчунской впадины, построенные древними иранцами, дали жизнь многим оазисам. Закономерность здесь есть, но она не простая, а сложная.

Воздействие на природу определяется характером, а не степенью культуры. Древние греки и арабы жили экстенсивным хозяйством подобно тюркам, монголам, ирокезам или полинезийцам. Однако культура греков не уступает египетской, а арабов — иранской. Также следует рассматривать центральноазиатских кочевников, которые не заимствовали из Китая ни иероглифики, ни социальных институтов, ни обычаев. Их самобытность определялась кормившим их степным ландшафтом. Они составляли неотъемлемую часть степи вместе с растительностью и животным миром. Поэтому, изучая историю кочевников, мы знакомимся с историей природных условий Центральной Азии в большей мере, чем занимаясь историей цивилизаций земледельческих народов [73]. Примеров можно привести неограниченное количество, но это дает основа-

ние согласиться с совсем другим соображением Ю.Г. Саушкина: «Географам предстоит большая работа: количественно измерить изменения, которые вносит человек в географическую среду в разных зонах и районах» [213]. Добавим: в разные эпохи, потому что без этого мы не имеем права строить никаких прогнозов. Можно экстраполировать линию, вектор которой известен, пренебрегая возможностью некоторой ошибки, но нельзя проецировать линию из точки, беря вектор произвольно. Тогда это будет не прогноз, а предсказание, которое часто не сбывается.

3. Ю.Г. Саушкин упрекает СВ. Калесника в неправильной постановке проблемы о том, входят ли люди в природу, сиречь географическую среду. СВ. Калесник будто бы ставит вопрос: «или — или», а Ю.Г. Саушкин утверждает «и — и», называя свой подход диалектическим [213, стр. 81]. Упрек СВ. Калеснику несправедлив, а предлагаемая Ю.Г. Саушкиным постановка вопроса непродуктивна. В самом деле, в природу входят и атомы с электронами, и человеческая речь, но есть ли смысл включать в «единую» географию внутриатомную физику и литературоведение? Разделение наук, конечно, условно, но именно поэтому оно конструктивно.

Не правильнее ли спросить, «как» входят люди в природу? И тут мы подойдем к возможности ответить на вопрос, поставленный В.А. Анучиным, хотя и не путем интеграции наук, а гораздо более простым и изящным: выделением специальной дисциплины, которая для этой цели приспособлена. В чем особенности ее аспекта и методики, мы и постараемся показать.

Заметим, что даже в устойчивом ландшафте, при стабильных хозяйственных системах происходит смена общественных отношений, если меняется обстановка, окружающая данную страну. Возьмем, например, Грецию. Оливки зрели, а козы бродили по склонам гор и тогда, когда в акрополях сидели базилевсы, и тогда, когда на рынках спорили олигархи с демократами, и тогда, когда по стране проходили железной поступью македонские сариссофоры, римские легионеры, меченосцы Алариха или славяне с лесистых склонов Балкан. Но разница в эпохах очевидна, и она происходит не за счет провинциального

быта какой-нибудь Этолии или Фокиды, а за счет включения Эллады в мировую культурно-хозяйственную систему Средиземноморья и окрестных стран. Хозяйство эллинов и их потомков-греков было весьма специализированно, и они постоянно нуждались в обмене товарами с соседями, а это вовлекало их в мировую историю иставляло испытывать все перипетии общеисторического процесса. Как только натуральное хозяйство сменилось товарным, как только через Средиземное море и евразийские степи потянулись караваны трирем и верблюдов, везшие шелковую пряжу, кораллы, золото и прочие предметы роскоши; как только в Китае, Египте, Согдиане, Иране потребовались рабы, рабыни и наемные солдаты, — Греция вошла в круговорот всемирного исторического процесса. Она оставалась сама собой, но отношения между населявшими ее народами менялись, и развитие шло, несмотря на то, что козы, как в древности, паслись на зеленой траве, а оливки вызревали, как и во времена Гомера.

Что каждый индивидуум вида *Homo sapiens* входит в ту или иную общественную группу — бесспорно, но, кроме того, он является членом коллектива иного порядка — народности или этноса. Как не было, нет и, вероятно, не будет ни одного человека, который бы не находился на определенной ступени социального развития (формации), не состоял членом политического образования (племени, орды, государства, общины, разбойничьей дружины викингов и тому подобных политических объединений), так и нет человека, который бы не принадлежал к какой-либо народности (этносу). Соотношение между социальными, политическими и этническими коллективами можно уподобить соотношению между мерами длины, веса и температуры. Иными словами, эти явления параллельны, но несоизмеримы. Очевидно, что социальная закономерность — переход от низшей формации к высшей — к географии никакого отношения не имеет. Впрочем, это признал сам В.А. Анучин [10, стр. 40]. Столь же бесполезно пытаться отыскать географические причины в действиях полководцев, реформаторов и дипломатов [55, стр. 519—523]. Зато этнические коллективы — народности — целиком и полностью отвечают требова-

ниям, предъявляемым нами к поставленной проблеме. Взаимодействие людей с природой отчетливо прослеживается не только на ранних ступенях развития, но вплоть до начала XX в. Ставить более поздние хронологические границы для целей анализа, как и более ранние — межледниковых периодов, мы не считаем возможным, так как из теории исторической критики известно, что тогда возникнут aberrации близости и дальности, делающие выводы исследователя недостоверными.

Соотношение трех отмеченных линий развития легче всего показать на примере, допустим, Англии и Франции, прошлое которых известно полно и не требует специальных экскурсов в лабиринты источниковедения и дебри библиографии.

В социальном аспекте обе страны пережили все формации: родовой строй — кельты до римского завоевания; рабовладение — в составе Римской империи, хотя Британия на три века отстала от Галлии; военную демократию — во время великого переселения народов; феодализм и, наконец, капитализм, причем на этот раз отстала лет на сто Франция.

В политическом аспекте — предельное разнообразие. В первые века до н.э. — теократическая власть друидов, цементирувавшая обе страны, разобщенные на многочисленные кланы. С I по III в. — римское господство в Галлии и самостоятельная Британия. С III по V в. римская власть доходит до Твида и возникает разделение Британии и Шотландии. В эпоху великого переселения народов и в эпоху Меровингов — политическое дробление обеих стран, объединяющихся при раннефеодальных королях Карле Великом и Альфреде. Затем объединение Нормандии с Англией, а вслед за тем с Пуату, Аквитанией и Овернью — королевство Генриха Плантагенета. Сочетание, с географической точки зрения, причудливое, но оно продержалось до конца Столетней войны — около 300 лет¹. Наконец, в XVI — XVII вв. складываются Англия и Франция, знакомые нам, причем Англия включила в себя

¹ Ср. [9, стр. 213], где «границы феодальных государств» объявлены «историко-географическими рубежами», хотя на самом деле было наоборот.

земледельческий Кент, населенный англосаксами, скотоводческую Шотландию, Уэльс и Нортумберленд, населенные кельтами и скандинавами — потомками викингов, а Франция присоединила Прованс, Бретань и Гасконь, где жили народы, говорившие на своих языках, имевшие свой быт и свою систему хозяйства.

Искать объяснения очерченным изменениям в физической географии бесплодно, а вот привлечь экономическую географию можно, что, впрочем, уже давно делают все историки. Политические образования, в частном случае — государства, для устойчивости и процветания нуждались не в единообразном, а разнообразном хозяйстве, где разные экономические провинции дополняли бы друг друга. Плантагенеты крепко держались тогда, когда у них была овечья шерсть из северной Англии, хлеб из Кента и Нормандии, вино из Оверни, ткани из Тулузы. Экономические связи вели к оживленному общению, но слияния населения этих стран не возникало. Почему? Для ответа рассмотрим третий аспект — этнический.

Интересующая нас территория включает три ландшафтные зоны: субтропическую — на юге Франции, лесную — северная Франция и южная Англия и суббореальную — вересковые поля Шотландии и Нортумберленда. Каждый ландшафт заставляет людей, в него попадающих, приспосабливаться к его особенностям, и таким образом возникает общность, часто совпадающая с этнической. Например, кельты в низовьях Роны собирали виноград, попадавшие туда римские колонисты (I — IV вв.), воинственные бургунды (V в.), арабы (VII в.), каталонцы (XI в.) делали то же самое, и общность быта, определяемая общностью труда, нивелировала языки и нравы. В XII в. образовался единый народ из ныне разобщенных каталонцев, провансальцев и лигурийцев. Потребовалась истребительная Альбигойская война, чтобы разорвать это единство, но вплоть до XIX в. южные французы говорили на провансальском языке (патуа), не знали французского и считали себя отдельным от французов народом.

Норвежские рыбаки, попав в Нормандию, за два поколения превратились в земледельцев-французов, сохранив лишь антропологический тип. Те же норвежцы в долине

Твида стали овцеводами — шотландцами-лоулендерами, но они не проникли в горы северной Шотландии, где кельты — шотландцы-гайлендеры — сохранили клановый строй. Не для политических и экономических, а для этнических границ оказался решающим фактором ландшафт, включая рельеф.

Что же касается северной половины Франции, ее сердца, то здесь ландшафт, путем конвергентного развития, переработал огромное количество народов, приходивших с востока и с юго-запада. Бельги, аквитаны и кельты — в древности, латиняне и германцы — в начале н.э., франки, бургунды, аланы, бритты — в начале средневековья, английские, итальянские, испанские и голландские иммигранты эпохи Реформации и т.д. — все они слились в однородную массу французских крестьян, блестяще описанных не столько этнографами, сколько Бальзаком, Золя и другими писателями-реалистами. И.Г. Эренбург, устами своего героя — французского школьного учителя, определяет их так: «Это не люди, это злаки», чем, незаметно для себя, формулирует влияние ландшафта на этнос, в аспекте физической географии.

С этой точки зрения Париж должен рассматриваться как антропогенное урочище в лесной ландшафтной зоне с ускоренным ритмом развития, ибо современный облик этого микрорайона отличается и от средневекового домена Капетингов, и от римской Лютетии. Но ведь и непроточное озеро, мелея, быстро превращается в болото, тогда как окружающий его лес за это же время не меняется. Разница между антропогенными и гидрогенными элементами ландшафта, в аспекте естествознания, не принципиальна.

Сложнее проблема этногенеза. Племена, заселившие Францию, в моменты своего появления на территории между Рейном и Бискайским заливом были столь различны по языку, нравам, традициям, что Огюстен Тьерри предложил племенную концепцию сложения современной Франции и был прав. Но также прав был Фюстель де Куланж, усматривавший в быте французских крестьян черты институтов римской эпохи. Первый отметил характер миграций, второй — влияние ландшафта. Но как характер миграций в целом, так и степень адаптации могут

и должны рассматриваться как явления, относящиеся к географической науке, тому ее разделу, который именуется «этнология», ибо именно здесь смыкаются человечество с географической средой и влияют друг на друга.

Итак, этническая среда является индикатором изменений природных условий, причем настолько чутким, что, при надлежащем подходе, делать на этом материале палеогеографические выводы закономерно и целесообразно.

Приспособившись к условиям определенного ландшафта, народ при переселении или расселении ищет себе область, соответствующую его хозяйственным навыкам и привычкам. Так, угры расселялись по лесам, тюрки и монголы — по степям, русские, осваивая Сибирь, заселяли лесостепную полосу и берега рек; англичане колонизовали земли с умеренным климатом, а арабы и испанцы — с жарким. Исключения из правила встречаются, но только в пределах законного допуска. Характер культуры складывающейся народности определяется вмещающим ландшафтом, через его экономические возможности.

Что же касается этногенеза, то здесь обязательным условием является сочетание двух и более ландшафтов. Упомянутые нами страны Западной Европы представляют редкое сочетание микроландшафтных областей. Благодаря этому этногенез в Европе проходил часто, и поэтому создалась аберрация, что происхождение новых народов — явление обычное. На самом же деле столь благоприятные географические условия являются скорее исключением, хотя встречаются и в других частях света¹. Проверим наш тезис на конкретном материале.

В Средней Азии этногенез шел столь медленно, что почти неуловим (за пределами допуска). Это объясняется тем, что резкой границы степи и оазисов не было; их разделяла полоса пустынь, легко проходимая вооруженными грабителями с обеих сторон, но малопригодная для жизни. Уже отмечено, что народы, населяющие сплошные степи, пусть даже очень богатые, обнаруживают чрезвы-

¹ Для физико-географических районов, в которых происходят процессы этногенеза и наблюдается интенсивное историческое развитие, предложен специальный, весьма удачный термин — месторазвитие [211, стр. 30].

чайные малые возможности развития. Например, саки, печенеги, кипчаки, туркмены, за исключением той их части, которая под названием сельджуков ушла в Малую Азию и Азербайджан в XI в., и в этническом и социальном плане стабильны.

Левант, или Ближний Восток, — сочетание моря, гор, пустынь и речных долин. Там новые этнические комбинации возникали часто, за исключением нагорий Закавказья, где имеются природные условия, подходящие для изолятов. Таковы, например, курды, отстоявшие свою этническую самобытность и от персов, и от греков, и от римлян, и от арабов, и даже от турок-османов. Исключение, которое подтверждает правило.

Индия, окруженная морем и горами, может рассматриваться как полуостров, но, в отличие от Европы, она в ландшафтном отношении беднее. Ландшафты Декана типологически близки между собою, и процессы этногенеза, т.е. появления новых этносов, за историческое время там выражены слабо. Зато в северо-западной Индии сформировались два крупных народа: раджпуты [21, стр. 113—114], около VIII в., и сикхи в XVI—XVII вв. Казалось бы, что пустыни Раджастана и Синда гораздо менее благоприятны для человека, чем богатая, покрытая лесами, долина Ганга. Однако здесь отчетливо выражено сочетание пустынь и тропической растительности в долине Инда, и, хотя культура расцвела во внутренней Индии, образование новых народов связано с пограничными областями.

Равным образом довольно интенсивно шли процессы народообразования в бассейне нижней Нарбады, где джунгли северной Индии смыкаются с травянистыми равнинами Декана — Махараштра. В VI в. здесь активизировалось племя кшатриев, может быть переселившихся из Раджпутаны [21, стр. 106 — 107], а в XVII в. маратхи, отказавшись от ряда стеснений кастовой системы, образовали народ, оспаривавший господство над Индией у Великих Моголов. Отличие маратхов от общей массы индусов отмечают все историки Индии.

Страна маратхов — сочетание трех физико-географических районов: прибрежной полосы между Западными

Гхатами и морем, гористой страны восточнее Гхатов и черноземной долины, ограниченной цепями холмов [21, стр. 256]. Имеются все основания причислить эту область к той категории, которую мы называем месторазвитием, несмотря на то, что культура Бенгалии была несравненно выше.

В Северной Америке бескрайние леса и прерии не создают благоприятных условий для этногенеза. Однако и там были районы, где индейские племена складывались в народы на глазах историка. На изрезанной береговой линии Великих озер в XV в. возник ирокезский союз пяти племен. Это было новое этническое образование, не совпадающее с прежним, так как в состав ирокезов не вошли гуроны, родственные им по крови и языку.

На берегах Тихого океана южнее Аляски, там, где скалистые острова служат лежбищами моржей и тюленей, и море кормит береговых жителей, тлинкиты создали рабовладельческое общество, резко отличное от соседних охотничьих племен и по языку, и по обычаям.

Кордильеры в большей части круто обрываются в прерию, и горный ландшафт соседствует, но не сочетается со степным. Однако на юге, в штате Нью-Мехико, где имеется плавный переход между этими ландшафтами, в древности возникла культура «пуэбло», а около XII в. здесь сложилась группа нагуа, к которой принадлежали прославленные племена апахов, навахов и ацтеков. Большая часть континента, также населенная индейцами, была своего рода hinterland'ом, территорией, куда отступали или где распространялись народы, сложившиеся в месторазвитиях. Таковы, например, черноногие — народ алгонкинской группы, и многие другие племена.

Еще отчетливее видна эта закономерность на примере Южной Америки. Нагорья Андов, сочетание горного и степного ландшафтов, хранят в себе памятники культуры, созданные многими народами в разные века, а в лесах Бразилии и равнинах Аргентины, вопреки надеждам капитана Фоссета [234], никаких культур не сложилось и, как мы видим на многочисленных примерах, не могло сложиться, так как природа этих стран однообразна, что, прочем, не мешает и никогда не мешало использовать ее

богатства народам, возникшим в других местах. В Патагонию проникли горцы — арауканы; бразильские леса в XV в. пытались освоить инки, а в XIX в. там сказочно разбогатели португальцы.

Ту же закономерность мы обнаружили в Африке и Австралии, но целесообразнее сосредоточить внимание на народах, связанных с морем, чтобы отметить их локальные особенности.

Роль моря, в зависимости от характера береговой линии и уровня цивилизации береговых жителей, может быть двоякой. Море — ограничивающий элемент ландшафта, когда оно не освоено и непроходимо. Таков был Атлантический океан для американских индейцев, Индийский океан — для негров и аборигенов Австралии и далее Каспий — для печенегов. Зато, когда из моря начинают черпать пищу и осваивают навигацию, море превращается в составляющий элемент месторазвития. Так, эллины использовали Эгейское море, викинги — Северное, арабы — Красное, а русские поморы — Белое. К XIX в. почти все моря и океаны вошли в состав ойкумены, но надо учитывать, что это характерно не для всех эпох.

На протяжении исторического периода можно зафиксировать два этнокультурных ареала, где море является составной частью месторазвития: циркумполярные культуры на берегах Ледовитого океана и Полинезия, о которой написано так много, что нет необходимости повторяться. Достаточно напомнить, что, несмотря на отсутствие металла и керамики, полинезийская культура вмещала до прихода европейцев разнообразные этнические образования, которые, даже на таком изолированном участке суши, как о. Пасхи, боролись между собою и создавали свои культуры, хотя и довольно близкие по характеру.

Менее известна история циркумполярных народов. Некогда цепь сходных культур окружала Ледовитый океан, который являлся их кормильцем. В основном это были охотники на морского зверя и ихтиофаги. В начале н.э. в тундру вторглись угро-самоеды, истребившие местные племена. Затем тунгусы уничтожили восточную их часть, за исключением палеоазиатов и народа омок на Яне и

Индибирке, последних ассимилировали якуты. Движение с юга на север было одностороннее и необратимо, так как плыли на плотах по рекам и вернуться против течения не могли [194].

Самым молодым циркумполярным народом были эскимосы, распространившиеся около VI в. н.э. из Океании и в X в. отогнавшие индейцев до южной границы Канады и сбросившие викингов в Гренландии в море [207, стр. 113]. Тут опять-таки сочетание ландшафтов: кормящее море и лесотундра.

Теперь мы можем сформулировать вывод из сделанного анализа: однородный ландшафтный ареал стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный — стимулирует изменения, ведущие к появлению новых этнических образований.

Но тут возникает вопрос: является ли сочетание ландшафтов причиной этногенеза или только благоприятным условием? Если бы причина возникновения новых народов лежала в географических условиях, то они, как постоянно действующие, вызывали бы народообразование постоянно, а этого нет. Следовательно, этногенез хотя и обуславливается географическими условиями, но происходит по другим причинам, для вскрытия которых приходится обращаться к другим наукам: социологии и антропологии, объединять которые в единую географию не предлагает сам В.А. Анучин.

Разумеется, ответ на вопрос В.А. Анучина, данный в этой статье, не мог быть исчерпывающим. Новая научная дисциплина требует разработки специальной методики, разбора проблем устойчивости и изменчивости этнических сообществ, общих принципов этногенеза, механизма физико-географических и биологических воздействий на этнические сообщества, и прежде всего дефиниции самого понятия «этнос». Этим вопросам посвящены специальные исследования, проводимые в стенах Географического общества путем интерпретации накопленного, но до сих пор не систематизированного материала. Предлагаемые решения могут казаться и быть спорными, требовать поправок и уточнений, но преимущество принятого нами пути в том, что не возникает потребности в ломке уже существ-

вующей классификации наук, которая пока дает блестящие результаты.

Если же встать на путь интеграции наук, то, согласно принципам диалектики (закону отрицания отрицания), следующей степенью развития науки будет дезинтеграция, т.е. смешение и хаос, что не представляется желательным.

В заключение следует отметить, что бесспорно правильно утверждение Д.Л. Арманда: «Давайте не будем говорить жалкие слова, оплакивать гибель ныне здравствующих наук и искать причины недостатков там, где их наверняка быть не может» [15]. Уже сам факт новой постановки вопроса В.А. Анучиным и дискуссии, затронувшей такое количество теоретических и практических проблем, показывает, что творческие силы в советской географической науке огромны. Если бы дискуссии такого же размаха были возможны в филологии, археологии, историкоисковедении и историографии, то лучшего бы и желать не приходилось. А ведь и там назрели проблемы, требующие пересмотра. Для ученого, приходящего в географию из любой смежной области знаний, открываются такие широкие научные перспективы, что пессимизм В.А. Анучина и Ю.Г. Саушкина неоправдан.

ОБ АНТРОПОГЕННОМ ФАКТОРЕ ЛАНДШАФТООБРАЗОВАНИЯ¹

(ЛАНДШАФТ И ЭТНОС). VII

Вопрос о значении деятельности человека при образовании позднеголоценовых ландшафтов приобрел при обсуждении тезиса «единой» географии остроту, но не ясность. Поэтому, не входя в детали истории вопроса, попробуем подойти к проблеме с другой стороны, используя имеющийся в нашем распоряжении материал.

СВ. Калесник отметил, что «на земном шаре к настоя-

¹ Вестник ЛГУ, 1967, № 24, стр. 102 — 112.

шему времени почти не осталось ландшафтов, не затронутых воздействием человеческого общества» [140, стр. 424—425]. Вместе с тем он указал на то, что существуют «различия в целях, степени и характере воздействия человека на его природное окружение» [стр. 410], и этим открыл перспективы для дальнейшей разработки темы.

Дело не в том, насколько велики изменения, произведенные человеком, и даже не в том, благодетельны они по своим последствиям или губительны, а в том, когда, как и почему они происходят.

Бесспорно, что ландшафт и рельеф промышленных районов и областей с искусственным орошением изменен больше, чем в степи, тайге, тропическом лесу и пустыне, но если мы попытаемся найти здесь социальную закономерность, то столкнемся с непреодолимыми затруднениями. Земледельческая культура майя на Юкатане была создана в V в. до н.э. при господстве родового строя, пришла в упадок при зарождении классовых отношений и не была восстановлена при владычестве Испании, несмотря на внесение европейской техники (железных орудий) и покровительство крещеным индейцам. Хозяйство Египта в период феодализма медленно, но неуклонно приходило в упадок, а в Европе в то же время и при тех же социальных взаимоотношениях имел место небывалый подъем земледелия и ремесла, не говоря уже о торговле. В плане нашего исследования это означает, что ландшафт в Египте в это время был стабильным, а в Европе преобразался радикально. Внесение же антропогенных моментов в рельеф Египта в XIX в.— прорытие Суэцкого канала — связано с проникновением туда европейских народов — французов и англичан, а не деятельностью аборигенов-феллахов, несмотря на то, что именно они вложили туда свою физическую силу.

В Англии XVIII в. (по Томасу Мору) «овцы съели людей» при начинающемся капитализме, а в Монголии XIII—XIV вв. овцы съели тунгусов-охотников, живущих на южных склонах Саян, Хамар-Дабана и на севере Большого Хингана, хотя там даже феодализм был неразвитым. Монгольские овцы съедали траву и выпивали в мелких источниках воду, служившую пищей и питьем для диких

копытных [57]. Число последних уменьшалось, а вместе с тем охотничьи племена лишались привычной пищи, слабели, попадали в зависимость к степнякам-скотоводам и исчезали с этнографической карты Азии. Еще примеры. Азорские острова превращены в голые утесы не испанскими феодалами, которые свирепствовали в Мексике и Нидерландах, а козами; последних же высадили там астурийцы и баски, у которых еще не исчез родовой строй. Бизонов в Америке уничтожали члены капиталистического общества, а птицу моа в Новой Зеландии — полинезийцы, не знавшие еще классового расслоения; они же привезли на свои острова из Америки картофель, а в России для той же цели понадобилась вся военно-бюрократическая машина императрицы Екатерины П.

Отсюда следует, что искомая закономерность лежит в другой плоскости.

Интересная схема для классификации явлений, относящихся к соотношению человечества и географической среды, предложена Ю.К. Ефремовым. Он вводит новый термин — «социосфера», подменяющий не совсем удачный термин В.И. Вернадского «ноосфера», так как «вряд ли стоит относить к сфере разума (nous) хищническое опустошение природных богатств или обезображивание ландшафта войнами». По мысли автора, «социосфера состоит из сферы культурного ландшафта и самого человечества», а масса живого вещества, организованная в человеческие организмы, называется «антропосферой». Отношения антропосферы с внешней средой составляют предмет экологии человека. Свое понимание места человечества в природе Ю.К. Ефремов называет «биосоциальным» [126, стр. 49 — 53].

Концепция Ю.К. Ефремова несравненно тоньше и изящнее «единой» географии, пытающейся суммировать и подменить собою частные географические дисциплины [83, 125, 142]. Однако не каждое сочетание наук обязательно оказывается плодотворным, и предложенное Ю.К. Ефремовым непосредственное соединение биологии с социологией нуждается в уточнении и дополнении по двум линиям.

Во-первых, социальные закономерности изучались давно, и характер их установлен историческим материализмом: это спонтанное прогрессивное развитие по спирали. Именно потому, что это *саморазвитие*, нельзя считать его функцией экзогенных факторов, а можно только говорить о взаимодействии двух самостоятельных линий развития: социальной и натуральной.

Во-вторых, антропосфера — понятие слишком аморфное. В отличие от других млекопитающих, имеющих свои точно очерченные ареалы, человек наделен такой способностью к адаптации, что населил всю поверхность суши, исключая Антарктиду. Следовательно, единой среды и, соответственно, общей экологии для вида нет. Затем, нельзя считать, что с природой сходно взаимодействуют, скажем, все рабовладельческие или все феодальные общества. Да и сама принадлежность к той или иной формации определяется способом производства, а не характером приспособления к ландшафту. Искомое соотношение человека с природой осуществляется постоянно, но коллективами иного порядка — этносами, или народностями. Каждый этнос устанавливает своеобразные отношения с географической средой и ландшафтной сферой своего ареала и, с одной стороны, участвует в прогрессивном общественном развитии человечества, с другой — поддерживает контакт с природой. Диапазон этнических вариаций (например, от бушмена до швейцарца) настолько велик, что учитывать этническую поправку для экологии человека необходимо. Без этого анализ не будет плодотворным. А коль это так, то мы констатируем наличие самостоятельного ландшафтогенного явления, до сих пор не принимавшегося в расчет. Наша задача — показать, что без учета этого явления проблема взаимоотношений человека с природой не может быть решена.

В отличие от советской науки, в Западной Европе и Америке неоднократно делались попытки прямых сопоставлений социальных и природных явлений. Таковы, например, теория «культурных кругов» Ф. Ратцеля, биологический социологизм Герберта Спенсера, где общество уподобляется организму, и, наконец, парадоксальные выводы **Хентингтона** о непосредственном влиянии метеоро-

логических явлений на ход исторических событий. Но для иллюстрации поставленного нами тезиса достаточно проанализировать самую новую, ныне бытующую концепцию, построенную на возможно полном использовании историко-географического материала; мы имеем в виду опыт совмещения социальных и географических закономерностей, сделанный недавно знаменитым английским историком Арнольдом Тойнби, концепция которого получила широкое распространение в Западной Европе и Америке [270].

Исследуя историю народов всей ойкумены, А. Тойнби устанавливает наличие целостностей, которые он называет «обществами» или «цивилизациями». Всего цивилизаций 21, и они занимают 16 регионов; следовательно, в некоторых случаях допускается, что на одной территории возникли последовательно 2—3 цивилизации, которые в таком случае именуются «дочерними». Таковы, например, шумерийская и вавилонская цивилизации в Месопотамии, минойская, эллинская и главная ветвь ортодоксально-христианской (т.е. византийской) на Балканском полуострове, индская (древняя) и индусская (средневековая) в Индостане и т.п. Кроме того, он выделяет в особый раздел «абортивные» цивилизации, куда попадают ирландцы, скандинавы, центральноазиатские несториане и «задержанные», в числе которых почему-то оказались эскимосы, османы, кочевники Евразии, спартанцы и полинезийцы.

Все прочие общества А. Тойнби зачисляет в разряд «примитивных», не развивающихся. Согласно взглядам А. Тойнби, развитие осуществляется через мимесис, или подражание, которое является родовой особенностью всей социальной жизни. В «цивилизациях» массы подражают творческим личностям, чем обусловлены изменения общественной жизни и рост культуры, а в «примитивных» мимесис направлен в сторону подражания старшим или умершим предкам, что делает эти общества статичными. Таковы были все общества глубокой древности, до возникновения «цивилизаций». Поэтому главной проблемой истории является отыскание фактора, вызвавшего переход человеческих обществ из статического в динамическое состояние. А. Тойнби отвергает две концепции: расизм и

влияние благоприятных географических условий — и предлагает свою, оригинальную. «Человек,— пишет он — достигает цивилизации не в результате высшего биологического дарования (наследственность) или географического окружения (имеются в виду легкие условия для жизни), но в качестве *ответа* на вызов в ситуации особой трудности, которая воодушевляет его сделать беспрецедентное до сих пор усилие» [270, стр. 510]. Иными словами, талантливость рассматривается как реактивное состояние, в связи с чем одна из глав (VI) носит название «Достоинства несчастья».

Что же это за *вызовы*? Чаще всего неблагоприятные природные условия. Например, в дельте Нила было в древности болото, и предки египтян решили его осушить. На Юкатане был тропический лес, и майя стали бороться с ним. Вокруг Греции плескались лазурные волны моря, и эллины побеждали их вызов. В России *вызовом* оказались леса и морозы; очевидно, англичанину представлялось страшным и то и другое, от чего мы отнюдь не страдаем. И дальше в этом роде.

Вторая группа *вызовов* — нападения иноземцев, которые, по мнению А. Тойнби, тоже стимулируют развитие цивилизаций. И наконец, третья группа — гниение предшествовавших цивилизаций, с которыми надо бороться. Например, развал эллино-римской цивилизации вызвал к жизни и византийскую и западноевропейскую как *реакцию на безобразие*, коему предавались выродившиеся греки.

Ну с чем здесь можно согласиться? С классификацией истории на 21 цивилизацию в 16 регионах? Нет! Ведь у Л. Тойнби в один раздел попадают Византийская и Турецкая империи только потому, что они лежали на одной территории. Наследниками «Сирийской цивилизации», начавшейся до 1100 г. до н.э., т.е. в эпоху образования Иудейского царства, объявлены Ахеменидская империя и Арабский халифат, хотя между этими могучими государственными образованиями не было ничего общего, кроме территории, да и то не полностью. Зато Шумер и Вавилон числены в разные цивилизации. Короче говоря, тут произвол автора является руководящим принципом клас-

сификации. Говоря об «абортивных цивилизациях», А. Тойнби нелогично помещает туда ирландцев и несто-риан, хотя те и другие были периферией византийской (по его выражению «ортодоксально-христианской») цивилизации. Что же касается того, что цивилизация кочевников оказалась задержанной потому, что «господство над степью требует от кочевников так много энергии, что сверх этого ничего не остается» [270, стр: 167—169], то и это противоречит фактам. Кочевая культура как раз заслуживает того, чтобы быть отнесенной в разряд «абортивных», так как за 2000 лет четыре раза обрывалась под ударами соседей: китайцев, енисейских кыргызов и маньчжуров. При проверке — все наоборот.

Верно, что есть много мелких, неразвивающихся народов, но вовсе не потому, что они не способны усваивать что-либо ценное. Тунгусы и чукчи освоили спички, ружья и даже подвесные моторы. Очевидно, причина их стабильности не в направлении мимесиса, а в чем-то другом. Конечно, расизм — не научная концепция, но ничуть не логичнее построение А. Тойнби, по которому гении и герои появляются тогда, когда возникают какие-нибудь неприятности. Говоря о *вызове* иноземного нашествия, А. Тойнби приводит как пример Австрию, которая будто бы потому перегнала Баварию и другие немецкие герцогства, что на нее напали турки [Там же, стр. 119]. Как известно, турки напали сначала на Болгарию, Сербию и Венгрию, и эти три общества ответили на их вызов капитуляцией. Австрию же отстояли от турок гусары Яна Собесского, которых турки в тот момент не вызывали. Приведенный пример говорит не в пользу концепции, а против нее.

И самое для нас важное — соотношение человека с ландшафтом — концепцией А. Тойнби запутано, а не решено. Его тезис, что суровая природа стимулирует человека к активности, с одной стороны, — вариант географического детерминизма, а с другой — просто неверен, потому что тогда центр, скажем, русской цивилизации должен был бы помещаться если не на Таймыре, где условия тяжеловаты, то в степях или лесах Заволжья, а не около Киева. Затем, если море, омывающее Грецию или

Скандинавию, является *вызовом*, то почему греки давали на него *ответ* только в VIII — V вв. до н.э., а скандинавы в IX — XIII вв. н.э.? А во все остальные эпохи не было ни победоносных эллинов, ни грозных викингов, а были ловцы губок или селедки. Видимо, дело тут не только в наличии моря.

Наконец, проверим концепцию преобразования природы. Шумерийцы и аккадские семиты сделали из Двуречья Эдем, а арабы все так запустили, что там теперь опять болото. Чего же арабы не ответили на *вызов* Тигра и Евфрата? Это не объясняется и не может быть объяснено с точки зрения, принятой А. Тойнби. А ведь его концепция — пример наиболее разработанной социогеографической системы, оснащенной историческим материалом в 10 томах, обработанным в избранной автором проекции. Очевидно, в такой постановке вопроса чего-то не хватает, и действительно, начисто выпала проблема этнического своеобразия, вследствие чего слияние двух несоединимых наук породило даже не мула, хоть бесплодного, но работающего, а чудовище, явно нежизнеспособное, вроде мифического грифона. По-видимому, любые попытки двигаться этим путем не могут принести научных результатов.

Поставим вопрос по-иному: не как влияет на природу человечество, а как влияют на нее разные народы на разных стадиях своего развития? Этим мы вводим посредствующее звено, которого до сих пор не хватало. Тогда возникает новая опасность: если каждый народ, да еще в каждую эпоху своего существования влияет на природу по-особому, то обозреть этот калейдоскоп невозможно, и, отказавшись от заведомо неверных выводов, мы рискуем лишиться возможности сделать какие бы то ни было обобщения, а следовательно, и осмыслить исследуемое явление.

Но тут приходят на помощь обычные в естественных науках классификация и систематизация наблюдаемых фактов, что в гуманитарных науках не получило еще должного применения. Поэтому, говоря о **народностях** (этносах) в их отношении к ландшафту, мы остаемся на фундаменте географического народоведения, не переходя в область гуманитарной этнографии.

Отказавшись от основ этнической классификации, принятой в гуманитарных науках — расовой, общественной, материальной культуры, религии и т.п., — мы должны выбрать исходный принцип и аспект, лежащие в географической науке. Таковым может быть явление биоценоза, под которым понимается «закономерный комплекс форм, исторически, экологически и физиологически связанных в одно целое общностью условий существования» [140, стр. 359]. Следовательно, люди также входят в биоценозы населяемых ими биохоров.

Биоценоз — образование устойчивое, формы, его составляющие, связаны воедино «цепью питания», т.е. одни виды питаются другими. «Цепь питания» обычно заканчивается крупным хищником или человеком. Характерной особенностью биоценозов является постоянная соразмерность между числом особей во всех формах, составляющих комплекс. Например, количество волков на данном участке зависит от количества зайцев и грызунов, а последние лимитируются количеством травы и воды. Соотношение это обычно колеблется в пределах допуска и нарушается редко и ненадолго.

Казалось бы, эта картина не имеет отношения к человеку, однако это не всегда так. Есть огромное количество этнических единиц, пусть численно ничтожных, входящих в состав биоценозов на тех или иных биохорах. По сравнению с этими мелкими народностями, или иногда просто племенами, современные и исторические цивилизованные этносы — левиафаны, но их мало и они, как показывает история, не вечны. Вот на этой основе мы и построили нашу первичную классификацию:

1) Этносы, входящие в биоценоз, вписывающиеся в ландшафт и ограниченные тем самым в своем размножении. Этот способ существования присущ многим видам животных, как бы остановившимся в своем развитии. Лишайники, т.е. симбиоз водоросли с грибом, существуют с кембрия, тараканы и стрекозы — с карбона, крокодилы — с триасового, а муравьи и термиты — с мелового периода [47, стр. 269, 285]. В зоологии эти виды называются персистентами, и нет никаких оснований не применить

этот термин к этносам, застывшим на определенной точке развития культуры;

2) Этносы, интенсивно размножающиеся, расселяющиеся за границы своего биоценоза и изменяющие свой первичный биоценоз. Второе состояние в аспекте физической географии называется сукцессией [140, стр. 362].

Этносы, составляющие первую группу, консервативны и в отношении к природе и к ряду других закономерностей. Приведем несколько примеров.

Большинство североамериканских индейцев Канады в области прерий жили до прихода европейцев в составе биоценозов Северной Америки. Число людей в племенах определялось количеством оленей и бизонов, и для ограничения естественного прироста нормой общежития были истребительные межплеменные войны. Целью этих войн не был захват территорий, покорение соседей, экспроприация их имущества, политическое преобладание. Цель была только убийство ради убийства. Корни этого порядка уходят в глубокую древность, и биологическое назначение его ясно. Поскольку количество добычи не беспредельно, то важно обеспечить себе и своему потомству фактическую возможность убивать животных, а значит, избавиться от соперника. Это не были войны в нашем смысле, это была внутривидовая борьба, поддерживавшая определенный биоценоз. При таком подходе к природе, естественно, не могло быть и речи о внесении в нее каких-либо изменений, которые рассматривались как нежелательная порча природы, находящейся, по мнению индейцев, в зените совершенства.

Точно так же вели себя земледельческие племена, так называемые индейцы пуэбло, с той лишь разницей, что мясо диких зверей у них заменял маис. Они не расширяли своих полей, не пытались использовать речную воду для орошения, не совершенствовали свою технику. Они предпочитали ограничить прирост населения, представляя болезням уносить слабых детей, и тщательно воспитывали крепких, которые потом гибли в стычках с навахами и апахами. Вот и способ хозяйства иной, а отношение к природе то же самое! Остается только непонятным, почему навахи не перенимали у индейцев пуэбло на-

выков земледелия, а те не заимствовали у соседей тактики сокрушительных набегов.

Впрочем, двоюродные братья апахов и навахов — ацтеки, принадлежащие к той же группе нагуа, с XI по XIV в. переселились на Мексиканское нагорье и весьма интенсивно изменили его ландшафт и рельеф. Они строили теокалли (вариация рельефа), соорудили акведуки и искусственное озеро (техногенная гидрология), сеяли маис, табак, помидоры, картофель и много других полезных растений (флористическая вариация) и разводили кошениль — насекомое, дававшее прекрасный краситель темно-малинового цвета (фаунистическая вариация). Короче говоря, ацтеки изменяли природу, в то время когда апахи и навахи ее охраняли.

Можно было бы предположить, что тут решающую роль играл жаркий климат южной Мексики, хотя он не так уж отличался от климата берегов Рио-Гранде. Однако в самом центре Северной Америки, в долине Огайо, обнаружены грандиозные земляные сооружения — валы, назначение которых было неизвестно самим индейцам [126, стр. 146—163]. Очевидно, некогда там тоже жил народ, изменявший природу, и климатические условия ему не мешали, как не мешают они американцам англосаксонского происхождения.

Наряду с этим отметим, что одно из индейских племен — тлинкиты, а также алеуты практиковали рабовладение и работорговлю в широких размерах. Рабы составляли до трети населения северо-западной Америки, и некоторые тлинкитские богачи имели до 30—40 рабов. Рабов систематически продавали и покупали, использовали для грязной работы и жертвоприношений при похоронах и обряде инициации; рабыни служили хозяевам наложницами [125, стр. 238—239]. Но при всем этом тлинкиты были типичным охотничьим племенем, т.е., по нашей классификаций, относились к разряду консервативных, статических этносов.

Аналогичное положение было в северной Сибири. Народы угорской, тунгусской и палеоазиатской групп по характеру быта и хозяйства являлись как бы фрагментом ландшафта, завершающей составной частью биоценозов.

Точнее сказать, они «вписывались» в ландшафт. Некоторое исключение составляли якуты, которые при своем продвижении на север принесли с собой навыки скотоводства, привезли лошадей и коров, организовали сенокосы и тем самым внесли изменения в ландшафт и биоценоз долины Лены. Однако эта антропогенная сукцессия привела лишь к образованию нового биоценоза, который затем поддерживался в стабильном состоянии до прихода русских землепроходцев.

Совершенно иную картину представляет евразийская степь. Казалось бы, здесь, где основой жизни было экстенсивное кочевое скотоводство, изменение природы также не должно было бы иметь места. А на самом деле степь покрыта курганами, изменившими ее рельеф, стадами домашних животных, которые вытеснили диких копытных, и с самой глубокой древности в степях, пусть ненадолго, возникали поля проса. Примитивное земледелие практиковали хунны, тюрки и уйгуры. Здесь видно постоянно возникающее стремление к бережному преобразованию природы. Конечно, в количественном отношении, по сравнению с Китаем, Европой, Египтом и Ираном, оно ничтожно и даже принципиально отличается от воздействия на природу земледельческих народов тем, что кочевники пытались улучшить существующий ландшафт, а не преобразовать его коренным образом, но все-таки мы должны отнести евразийских кочевников к второму ряду нашей классификации, так же как мы отнесли туда ацтеков, но не тлинкитов, несмотря на то, что классовые отношения у последних были развиты несравненно больше. Как бы парадоксальны ни представлялись на первый взгляд эти выводы, но, чтобы получить научный результат исследования, мы должны выдержать наш принцип классификации строго последовательно.

Рассмотрение племен и народностей тропического пояса не принесет нам ничего принципиально нового в сравнении с уже известным материалом, и потому целесообразно обратиться к классическим примерам преобразования природы: Египту, Месопотамии и Китаю. Европу мы пока оставим в стороне, потому что нашей задачей является

поиск закономерности, а ее можно подметить только на законченных процессах.

Согласно исследованиям Брукса, во время вюрмского оледенения атлантические циклоны проходили через северную Сахару, Ливан, Месопотамию, Иран и достигали Индии [142, стр. 44]. Тогда Сахара представляла собой цветущую степь, пересеченную многоводными реками, полную диких животных — слонов, гиппопотамов, газелей, диких быков, пантер, львов и медведей. Изображения этих животных, до сих пор украшающие скалы Сахары и далее Аравии, выполнены представителями современного человека, вида *Homo sapiens* [142, стр. 47]. Постепенное усыхание Сахары, связанное с перемещением направления циклонов на север, привело к тому, что древние обитатели Сахары обратили внимание на болотистую долину Нила, где среди дикорастущих трав по краям долины произрастали предки пшеницы и ячменя [142, стр. 67]. Неолитические племена освоили земледелие, а в эпоху освоения меди предки египтян приступили к систематической обработке земель в пойме Нила [142, стр. 93]. Процесс закончился объединением Египта под властью фараонов. Эта власть базировалась на огромных ресурсах уже преобразованного ландшафта, который впоследствии принципиальных изменений не претерпевал, за исключением, конечно, архитектурных сооружений: каналов, плотин, пирамид и храмов, являвшихся, с нашей точки зрения, антропогенными формами рельефа. Однако изменения меньшего масштаба, например создание знаменитого фаяумского оазиса при XII династии, имели место до XXI династии, после чего Египет стал ареной иноземных вторжений. Нубийцы, ливийцы, ассирийцы, персы, македоняне, римляне черпали богатства Египта, а сами египтяне превратились в Феллахов, упорно поддерживавших биоценоз, созданный их предками.

Сходную картину можно наблюдать в Месопотамии, несмотря на некоторое количество физико-географических отличий. Земли, образовавшиеся из наносов Тигра и Евфрата на окраине Персидского залива, были плодородны, протоки и лагуны изобиловали рыбой и водяной птицей, финиковые пальмы росли в диком виде. Но освоение

этого первобытного Эдема требовало напряженной работы. Пахотные земли приходилось создавать «отделяя воду от суши». Болота надо было осушать, пустыню орошать, а реки ограждать дамбами [142, стр. 179 — 180]. Эти работы произведены предками шумерийцев, которые были простыми земледельцами-скотоводами, не имевшими других средств к существованию. Они еще не знали письменности, не строили городов, не имели практически существенного классового разделения [142, стр. 191—192], но видоизменили ландшафт настолько основательно, что последующие поколения пользовались трудами их рук.

Не следует думать, что примитивные народы имеют преимущество перед цивилизованными в деле преобразования природы. В долине Инда в III тыс. до н.э. существовала доарийская цивилизация [142, стр. 281], похожая на древнеегипетскую и шумерийскую. Однако в Индии строители городов Мохенджо-даро и Хараппы были разделены на классы, возможно связанные с расовой принадлежностью. В самом низу социальной лестницы находился примитивный «австралоидный» тип аборигенов южной Индии, выше — длинноголовый средиземноморский тип, близкий к шумерийцам, наверху — брахмичефальный альпийский тип [142, стр. 265]. Вот пример того, что и народность, находящаяся на стадии классового общества, способна производить переустройство своей местности.

Итак, во всех описанных нами явлениях есть общая черточка: способность этноса иногда производить экстраординарные усилия. На что эти усилия направлены — другое дело; цель в нашем аспекте не учитывается. Важно лишь, что когда способность к сверхнапряжению слабеет, то созданный ландшафт только поддерживается, а когда эта способность исчезает, восстанавливается этно-ландшафтное равновесие, т.е. биоценоз данного биохора. Это бывает всегда и везде, независимо от масштабов произведенных перемен и от характера деятельности, созидательного или хищнического. А если так, то мы натолкнулись на новое, до сих пор не учтенное явление: изменение природы не результат постоянного воздействия народов на нее, а следствие кратковременных состояний в разви-

тии самих народов, т.е. процессов творческих, тех же самых, которые являются стимулом этногенеза.

Проверим наш вывод на материале древней Европы. На рубеже I и II тыс. до н.э. Западную Европу захватили и населили воинственные народы, умевшие ковать железо, — кельты, латины, ахейцы и др. Они создали множество мелких земледельческих общин и, обработав девственную почву, видоизменили ландшафт. Почти тысячу лет в Европе не возникало больших государств, потому что каждое племя умело постоять за себя, и завоевание было делом трудным и невыгодным: племена скорее давали себя перебить, чем соглашались подчиниться. Достаточно вспомнить, что ни Спарта, ни Афины не могли добиться власти над Элладой, а латинские и самнитские войны Рима проходили более тяжело, чем все последующие завоевания. В первую половину I тыс. парцеллярное земледелие с интенсивной обработкой участков было институтом, поддерживающим созданный культурный ландшафт. В конце I тыс. парцеллы вытесняются латифундиями, где отношение к природе становится хищническим и одновременно возникает возможность завоеваний. Принято думать, что Рим покорил Средиземноморье и Западную Европу потому, что он почему-то усилился. Но ведь тот же результат должен получиться и в том случае, если бы сила Рима осталась прежней, а народы вокруг него ослабели. Да так оно и было, а параллельно с экспансией Рима шло превращение полей сначала в пастбища, потом в пустыни, и, наконец, к V — VI вв. восстановились естественные ландшафты — леса и заросли кустарников. Тогда сократилась численность населения, и Римская империя пришла в упадок. Весь цикл преобразования ландшафта и этногенеза от сложения этносов до полной их нивеляции занял около 1500 лет.

В данном частном случае вымирание римского народа совпало со сменой формаций, но это совпадение случайно. В восточной половине Римской империи, где социальный кризис был таким же, как и в западной, сокращение населения в V — VI вв. не имело места, потому что этнический фон был другим, и этногенез шел иным путем.

Новый подъем деятельности человека и одновременно образования средневековых наций произошел в IX — X вв. и не закончен. Возможно, что для объяснения особенностей этого периода следует внести дополнительные коррективы в связи с небывалым развитием науки, но этот вопрос следует изучить особо, ибо сейчас нас интересует правило, а не исключения из него.

Вернемся к индейцам и народам Сибири, потому что мы наконец можем ответить на поставленный выше вопрос: почему охотники и земледельцы существуют рядом, не заимствуя друг у друга полезных навыков труда и быта? Ответ напрашивается сам: очевидно, некогда предки тех и других пережили периоды освоения ландшафта и видоизменили его по-разному; потомки же, сохраняя созданный предками статус, влачат на себе наследие прошлых эпох в виде традиции, которую не умеют и не хотят сломать. И даже когда нашествие англосаксов грозило индейцам физическим истреблением, они мужественно отстаивали именно свой образ жизни, хотя, отбросив его, имели все шансы смешаться с колонистами и не погибнуть.

С другой стороны, ацтеки, находившиеся в состоянии, которое мы выше охарактеризовали как творческое, не только пережили ужасный разгром, но нашли в себе силы, чтобы ассимилировать часть завоевателей, и 300 лет спустя свергли испанское господство и основали республику Мексику, где индейский элемент играет первую роль. Конечно, соратники Хуареца не были копией подвижников Монтезумы, но еще меньше походили они на солдат Кортеса. Мексиканцы — молодой народ, этногенез которого проходил на глазах историков.

Суммируя все наблюдения, приведенные выше, можно сказать, что этногенез, т.е. творческое преобразование этнических коллективов и сопутствующее ему антропогенное видоизменение ландшафтов, происходит на поверхности Земли то тут, то там, своего рода толчками, после чего следуют периоды затухающей инерции, переходящие в устойчивое состояние равновесия между этносами и окружающей географической средой.

И вот мы подошли к цели нашего исследования — реальному принципу классификации антропогенных факторов ландшафтообразования. Оказывается, он лежит не на поверхности явления, среди необозримого этнографического многообразия, а в глубине, разделяя состояния этноса: творческое, т.е. динамическое, инертное, или историческое, и стабильное, т.е. персистентное, при котором этнос входит в биоценоз. Эти состояния различаются между собой только способностью к сверхнапряжениям, причем в третьем варианте она равна нулю.

Переведем наше обобщение на язык смежных научных дисциплин, причастных к исследуемой проблеме.

В плане социологии исторического материализма момент творческой динамики этноса соответствует моменту смены одного способа производства другим, т.е. происходит скачок при переходе количества в качество. Это явление описано исчерпывающе, и мы только обнаружили, как оно проявляется в аспекте ландшафтообразования.

В плане зоогеографии — это антропогенная сукцессия, затухающая вследствие сопротивления среды.

В плане геоморфологии — это рельефные микроизменения, где развалины городов можно рассматривать как метаморфизованный антропогенный рельеф.

В плане генетики — это микромутация, появление нового признака, который в процессе эволюции утрачивается. Передача его от поколения к поколению происходит не столько физиологическим путем, сколько посредством «сигнальной наследственности» [171], видоизменение которой легко увязывается с фактором отрицательного отбора.

В плане истории культуры — это возникновение и утрата традиции, явление зафиксированное, но необъясненное.

Итак, с одной стороны, мы обнаружили глобальную закономерность, проявления которой неоднократно фиксировались представителями смежных областей знания, с другой — нашли место этнологии в классификации географических дисциплин. Она располагается на стыке многих наук как специальная область эмпириосинтеза.

ЭТНОГЕНЕЗ В АСПЕКТЕ ГЕОГРАФИИ¹

(ЛАНДШАФТ И ЭТНОС). IX

Постановка проблемы

Согласно общепринятой теории эволюции род *Номо* появился в начале четвертичного периода в нескольких разнообразных формах гоминид, возможно следовавших одна за другой, хотя, может быть, иногда сосуществовавших. Подобно своему предполагаемому предку — австралопитеку гоминиды были крупными хищниками, не чуждыми каннибализма, и, следовательно, в биоценозах занимали верхнюю экологическую нишу. К концу последнего оледенения все ветви этого рода вымерли, за исключением только одного вида — *Номо sapiens*, т.е. современного человека. Однако последний распространился по всей суше планеты, затем, в исторический период, освоил поверхность гидросферы и произвел на Земле такие изменения, что ныне всю ландшафтную оболочку Земли справедливо называют антропогенной. За исключением полярных льдов, нет области, где не было бы археологических памятников каменного или железного веков. Мы находим палеолитические стоянки в пустынях и джунглях, неолитические — в тундре и тайге. Это указывает на былую заселенность регионов, позже оставленных человеком и вновь осваиваемых ныне с применением машинной техники. Конечно, за истекшие 17—20 тысячелетий климатические условия в разных районах Менялись, но остается фактом, что вид *Номо sapiens*, в отличие от других видов позвоночных, не ограничился определенным ареалом, а сумел приспособиться к разнообразным природным условиям, что по праву ставит его на особое место в экологии позвоночных.

Адаптация шла по двум направлениям: 1) человек приспособлялся к новым природным условиям, менял

¹ Вестник ЛГУ. 1970, №12, стр. 83—93.

свой способ хозяйства и, следовательно, вырабатывал новый стереотип поведения; 2) человек приспособлял природу для себя, создавая вторичные, антропогенные геобиоценозы, согласно отработанному стереотипу поведения. В естественных условиях оба процесса переплетаются, но для целей анализа их целесообразно рассматривать порознь.

Первоначально человек больше воздействовал на фауну. В интересной статье М.И. Будыко показано, что в степях Евразии мамонта истребили палеолитические охотники на крупных травоядных [41, стр. 28—36]. Эскимосы расправились со стеллеровой коровой в Беринговом море; полинезийцы прикончили птицу моа в Новой Зеландии; арабы и персы путем постоянных охот вывели львов в Передней Азии; американские колонисты всего за полвека (1830—1880 гг.) перебили всех бизонов и голубей [122, стр. 54—55], а австралийские — несколько видов сумчатых. В XIX—XX вв. истребление животных уже превратилось в бедствие, о котором пишут зоологи и зоогеографы столько, что нам нет необходимости останавливаться дальше на этом предмете. Отметим, однако, что хищническое обращение человека имело место при всех исторических формациях и, следовательно, вряд ли может рассматриваться как результат особенностей социального прогресса. Проверим наши соображения на другом материале.

Перенеся свои действия на флору, человек произвел еще большие деформации природы. Оседлое скотоводство, при котором большое количество скота скапливается на относительно небольшом пространстве, ведет к обеднению фитоценоза. Особенно радикально действуют козы [122, стр. 154—158]. Они весьма помогли древним римлянам и эллинам уничтожить в Средиземноморье лес из жестколистного дуба и сосны, который заменился вечнозеленым кустарником — маквисом. В Аттике этот процесс завершился уже в V веке до н.э. [122, стр. 37]. При Карле Великом $\frac{2}{5}$ лесов Франции были уничтожены, а земли распаханы. Процесс воздействия французов на природу несколько замедлился после падения Каролингов, но с XI в. возобновился и идет до сих пор [Там же, стр. 39]. Интен-

сивное земледелие вызывает более или менее усиленную эрозию почв. Для сноса 20 см почвы, например, в Америке требуется: в лесу — 174 000 лет, в прерии — 29 000 лет, при правильном севообороте — 100 лет, при монокультуре кукурузы — 15 лет [Там же, стр. 137]. Эрозия порождает обнажение коренных пород и пылевые бури, первая из которых в США 12 мая 1934 г. превратила поля и сады восточных штатов в пустыню [Там же, стр. 166]. О последствиях уничтожения китайцами лесов в бассейне Хуанхэ мы говорили в другой связи [82, стр. 101—103]. Даже тропические джунгли Бенгалии и Юкатана выросли на перетолженных почвах, заброшенных земледельцами. Теперь стены древних храмов оплетены лианами, а массивные каменные плиты пробиты насквозь прорастающими нежными травами и даже грибами. И опять то же самое: при всех формациях человек деформирует природу. Очевидно, это ему свойственно.

Однако природа умеет постоять за себя. Не только некоторые растения, разворачивающие своими стебельками каменную кладку и с милой непосредственностью взламывающие асфальтовые дороги, но и отдельные виды животных используют возможности, создаваемые цивилизацией для своего процветания. Так, истребление бизонов и замена их в биоценозе прерии овцами и лошадьми (мустангами) повели к сокращению числа больших серых волков, которые питались больными бизонами, оленями и грызунами. Поэтому уменьшилось поголовье оленей, среди которых стали свирепствовать эпидемии, и увеличилось число грызунов, разделивших с овцами корм, оставшийся после бизонов, а это, в свою очередь, создало благоприятные условия для размножения койотов, питающихся как грызунами, так и беззащитными овцами. Природа прерии восстановилась, но с упрощением структуры биоценоза.

Распространение монокультуры картофеля дало толчок размножению колорадского жука, который победным маршем прошел от Кордильер до Атлантики, пересек океан и бодро завоевал Европу. Английские торговые корабли завезли на острова Полинезии крыс и, хуже того, ко-

маров, что ограничило возможность для обитания самого человека на песчаных побережьях, где всегда дует морской ветер. А эксперименты с переселением кроликов в Австралию или коз на Мадейру столь трагичны, что хорошо известны. Но и факты регенерации природы не совпадают с переломными датами социальной истории человечества. Так есть ли между этими двумя цепочками закономерностей каузальная или же функциональная зависимость?

По-видимому, нет, ибо называть наскоки человека на ландшафт прогрессом нельзя ни в обывательском смысле (стремление к лучшему), ни в научном (развитие от низших форм к высшим). А если так, то вся ответственность за искажение природы не ложится на общественную форму движения материи. Приходится предположить, что здесь мы встречаем явление другого порядка: повышенную адаптивность и агрессивность не человека, члена общества, а вида *Homo sapiens*, одного из компонентов биосферы планеты Земля.

И тут встает первый вопрос: насколько укладывается отмеченное нами явление в рамки эволюции позвоночных, к коим принадлежит и сам *Homo sapiens*? И второй, не менее важный вопрос: продолжает ли человек, после того как он создал орудия и научился использовать огонь, оставаться в составе различных биоценозов как верхнее, завершающее звено, или он переходит в какую-то иную сферу взаимоотношений с природой, вовлекая туда же одомашненных животных и культурные растения? Это тем более существенно, что, «согласно закону необратимости эволюции, животные и растения, измененные воздействием человека до неузнаваемости, не могут вернуться к самостоятельной жизни, так как не в состоянии выдерживать конкуренцию с дикими формами» [43, стр. 300]. Таким образом, внутри биосферы будто бы создалась особая прослойка, которую теперь принято называть антропосферой. Действуют ли в ней принципы естественного отбора? Да и справедливо ли такое выделение?

Многие сторонники эволюционной теории, включая Ч. Дарвина, считают, что современный человек продолжает подвергаться такому же естественному отбору, кото-

рый прежде действовал на его предков¹; другие сомневаются в этом, приводя следующие основания: «Постепенное ослабление борьбы за существование неминуемо вело к выходу человека из состава биоценоза. Этот медленно протекавший процесс привел к тому, что естественный отбор для человека сначала ослабел, а затем совсем прекратился... Но отсутствие естественного отбора было равносильно прекращению действия одного из факторов эволюции... и биологическая эволюция человека должна была остановиться. Это произошло около 50 000 лет назад, когда оформился кроманьонец»² [43, стр. 299].

Я.Я. Рогинский и М.Г. Левин писали, что в «лице современного человека процесс биологической эволюции создал обладателя таких видовых свойств, которые привели к затуханию дальнейшей эволюции. Следовательно, можно не сомневаться в том, что эволюционное развитие человека давно остановилось» [206, стр. 314]. Но так как модификации внутри вида продолжаются, то предмет изучения при такой постановке проблемы не исчерпан. Однако для продолжения исследования необходимы новый аспект и новая методика, ибо, только описав особенности явления, можно примкнуть к той или другой точке зрения (историю полемики см.: 43, стр. 277 и сл.).

Новые данные

Через четыре года после выхода в свет монографии А.П. Быстрова Г.Ф. Дебец опубликовал работу с потря-

¹ Мы опускаем рассмотрение антидарвиновских концепций: *vis inertiae* — А. Додерлейна, ортогенез — Т. Эймера, номогенез — Л.С. Берга, аристокенез — Х. Осборна [цит. по: 43, стр. 23—33], так как механическое перенесение природных закономерностей общего характера на частный, относительно всей фауны, случай повлечет ошибки, хотя бы просто из-за несоизмерности масштабов; детали, не имеющие значения при изучении эволюции в целом, при изучении одного вида на ограниченном отрезке времени оказываются либо весьма важными, либо не имеющими никакого касательства к предмету, в нашем случае — человечеству за последние 5000 лет.

² Хронология А.П. Быстрова требует уточнения. По новым данным (радиоуглеродный анализ), кроманьонский человек в Европе имеет давность около 20 000 лет, а *Homo sapiens* в Северной Америке — около 37 000 лет [184, стр. 34].

сающим выводом. Массивные в древности кости черепа утончаются (грацилизация), причем это происходит не постепенно, а рывками и не глобально, а по широтным зонам [119]. Так, в субтропической зоне грацилизация черепа произошла в VI тыс. до н.э., а в лесной зоне умеренного климата — в I тыс. до н.э. С этими датами Г.Ф. Дебец сопоставляет даты перехода от охотничьего хозяйства к земледелию, указывая при этом, что «...возможно предположение, что переход к земледелию привел к изменениям в строении черепа» (стр. 18). Впрочем, в равной степени возможно и обратное: изменившийся человек находит для себя другое занятие. Зато вполне справедливо другое соображение Дебца: «ни сравнительная анатомия, ни этнография не дают нам права считать, что в рамках вида *Homo sapiens* грацильные формы являются более совершенными» (стр. 20).

Правильно! Однако хорошо известно, что модификация одного признака сказывается не только на анатомии человека, но и на его этологии (науке о поведении). Г.Ф. Дебец приходит к выводу, «что дело идет об изменениях, имеющих биологическую сущность» (стр. 16). Следовательно, в условиях исторического бытия в человеческих сообществах продолжают протекать биологические процессы, стимулирующие даже изменения скелета. Но тогда должны быть вариации меньшего диапазона, отражающиеся на физиологии и поведении. Их вскрыть гораздо труднее, однако предположение об их наличии, теперь имеющее прецедент, позволяет нам начать поиски фактора человеческой деятельности, действующего наряду с хорошо известным, социальным. Это должна быть внутривидовая эволюция, принявшая под воздействием общественного начала своеобразные формы.

Поиск решения

Основной материал для эволюционной теории дает палеонтология, но надо помнить, что летопись ее неполна, и вопрос о происхождении и вымирании видов до сих пор составляет предмет полемики [118]. Особенную трудность представляет неточность хронологии, причем допуск при

датировке появления или исчезновения видов превышает иногда миллионы лет. Аналогичные трудности мы встречаем и при изучении некоторых соматических подразделений вида *Homo sapiens*, а именно образования рас первого порядка: европеоидной, монголоидной и негроидной. Следовательно, чисто биологический подход к проблеме, даже при ограничении во времени, не дает нам никаких преимуществ. Кроме того, надо отметить, что расовая принадлежность никак не связана с теми повышенными способностями к адаптации, которые позволили человеку изменить лик планеты; и наконец, большие расы не являются реальными общностями, а всего лишь подразделениями научной классификации по некоторым внешним признакам: пигментации кожи, строению черепа и т.п. Самое же главное, что подавляющее большинство особей имеет в качестве предков представителей разных рас если не первого, то второго порядка, и, следовательно, реально существующие и непосредственно наблюдаемые сообщества людей всегда гетерогенны. А ведь именно они, известные нам как народности или этносы, и являются коллективными формами существования вида *Homo sapiens*, взаимодействующими с ландшафтами населенных ими регионов [83], т.е. элементарными экологическими внутривидовыми таксонами. Следовательно, этнос не умозрительное понятие, а явление природы [89], и раскрытие его содержания, т.е. исчерпывающее определение, и есть цель нашего исследования.

При таком повороте угла зрения в руки исследователей попадает богатый и точно датированный материал, собранный всемирной историей, ибо народности имеют сравнительно короткий срок существования и легко обозримы путем исторического охвата. Наша задача тем не менее осложняется тем, что к нашим услугам имеется готовая политическая, социальная, военная, культурная, экономическая история, но этнической истории человечества пока не написано. Обычно же вместо этноса (народности) изучаются либо институт государства, либо общественные отношения, либо культурные традиции. Все это имеет свою ценность, но не отвечает поставленной нами задаче. Поэтому мы ограничимся тем, что заимствуем из гумани-

тарных наук накопленный ими **фактический** материал, заново поставив проблему этногенеза.

Проблеме этноса не повезло. В XIX в. этнография справедливо считалась географической наукой, но из поля зрения этнографов выпадали так называемые «исторические», или «цивилизованные», народы, что делало этнографию однобокой и часто просто описательной дисциплиной. В первой половине XX в. маятник качнулся в другую сторону: все без исключения народности и племена стали считать историческими и общественными категориями, т.е. социология подменила этнографию. В связи с распространением урбанистической цивилизации полевая этнография свелась к поискам пережитков и раритетов и потеряла теоретическое значение. Но теперь настало время обобщить накопленный материал и поставить проблему описания феномена этноса, который, как будет показано ниже, относится к биогеографическим, а не историко-социальным явлениям.

Для решения поставленной нами задачи крайне важно не смешивать очерченные выше сообщества людей с другими формами общественного бытия, в особенности с классами и государствами. Известно, что общественная форма движения материи является развитием средств производства, причем это спонтанное развитие идет по спирали с разной скоростью, но непрерывно. Историческая наука отмечает пять формаций, через которые прошло все человечество, за исключением обществ, находящихся в состоянии временного застоя. Вне всякого сомнения, социальное развитие накладывает свой отпечаток на все другие формы движения материи, поскольку они связаны с людьми. Однако никогда никто не пытался истолковать в социальном аспекте гравитацию или электропроводимость, эпидемии или половое влечение, смерть или наследственность, ибо это область естествознания.

Новый путь

Чем же поможет в нашей работе биология? Начнем *ab ovo*. Коллективные формы общежития распространены среди многих видов наземных животных: муравейники,

стада копытных, стаи и т.п., но каждый вид имеет свой характер образования коллективов. Для вида *Homo sapiens* такой формой является этнос [80], но это ни в коем случае не значит, что он аналог муравейника или стада. Как человек отличается от прочих позвоночных, а он отличается радикально, так и этносы не похожи на коллективы других животных, т.е. там, где у гамадрилов кровно родственное объединение, там у человека — этнос, но знака равенства между тем и другим ставить нельзя. Различий между коллективами животных и этносами так много, что не стоит их перечислять. Полезнее обратиться к первичной классификации этносов, построив для начала элементарную схему. Возьмем в качестве образца простейший случай бытования этноса. Представим себе племя, имеющее общих предков, которое живет на строго очерченной территории и по быту, обычаям, религии и роду занятий четко отличается от соседей. В этой ситуации браки будут заключаться только между представителями данного этноса, так как нецелесообразно принимать в коллектив лицо, не имеющее навыков труда и быта, необходимых для поддержания семьи в достатке. Другие же навыки, связанные с иными условиями, будут заведомо неприменимы. Культурный облик изолированного этноса, без мощного вмешательства посторонних сил (завоевания), относительно стабилен, потому что каждое новое поколение стремится воспроизвести жизненный цикл предшествовавшего, что и является культурной традицией данного этноса.

Казалось бы, традиция ни в коем случае не может быть отнесена к биологии, однако механизм взаимодействия между поколениями вскрыт проф. М.Е. Лобашевым [171] именно путем изучения животных, у которых он обнаружил процессы «сигнальной наследственности», что просто-напросто — другое название традиции. Согласно концепции М.Е. Лобашева, индивидуальное приспособление совершается с помощью механизма условного рефлекса, что обеспечивает животному активный выбор оптимальных условий для жизни и самозащиты. Эти условные рефлексы передаются родителями детям или старшими членами стада — младшим, благодаря чему стереотип поведения

это история человеческой энергии, безрассудной и бесконтрольной» (цит. по 122, стр. 45). Так, но какова же она с точки зрения межэтнических конфликтов? Истребление индейцев, работорговля, расправа с франко-индейскими метисами в Канаде (1885 г.), захват Техаса, покорение золотоискателями Калифорнии и Аляски — все эти события совершались неорганизованно и бесконтрольно. Правительства США и Канады затем просто санкционировали совершавшиеся факты и извлекали из них выгоду.

Но ведь по тому же самому принципу производилось арабское проникновение в Восточную Африку, и движение голландских переселенцев в Капскую землю, а потом к Оранжевой реке. Тем же способом русские землепроходцы завоевали Сибирь, а китайцы — земли к югу от Янцзы. Не отличается от описанных явлений и эллинская колонизация Средиземноморья, и походы викингов. И нет никаких оснований думать, что иными по характеру были походы кельтов и захват северной Индии арями. Следовательно, мы натолкнулись на часто повторяющееся явление перехода этносов в динамическое состояние, причем в огромной степени возрастают их агрессивность и адаптивные способности, позволяющие им применяться к новым, дотоле непривычным условиям существования.

Однако не следует распространять отмеченную особенность *некоторых* событий истории на *все* ее явления. Это было бы столь же ошибочно, как и сведение *всех* проявлений человеческой деятельности к общественным началам. Задача научного анализа в том и состоит, чтобы сначала классифицировать, а затем систематизировать обнаруженные факты, но не считать, что полученные выводы применимы ко всем наблюдаемым явлениям. Так, нелепо сводить, скажем, Семилетнюю войну или наполеоновское завоевание Пруссии к стихийным процессам. События этого порядка прекрасно объясняются сознательными расчетами политических деятелей, диктуемыми им сферой общественного сознания, а не инстинктами. Это и является критерием классификации, столь же четким, как и психологическая классификация поступков отдельного человека на сознательные и подсознательные. Индикато-

является высшей формой адаптации. Это явление у человека именуется «преемственностью цивилизации», которую обеспечивает «сигнал сигналов — речь». В эту преемственность входят навыки быта, приемы мысли, восприятие предметов искусства, обращение со старшими и отношения между полами, обеспечивающие наилучшее приспособление к среде и передающиеся путем сигнальной наследственности. В сочетании с эндогамией, т.е. сексуальной изоляцией от соседей, стабилизирующей состав генофонда, традиция служит фактором, создающим устойчивость этнического коллектива. Но устойчивый, точнее, стабильный, этнос не является **угрозой** ни для соседей, ни для ландшафтов. Он, вместе с техникой и духовной культурой, связан с тем геобиоценозом, в котором он составляет верхнее, завершающее звено, так как входит в цикл конверсии *геобиоценоза*, под которым, по определению Гексли, понимается: «механизм, обеспечивающий циркуляцию энергии среди растений и животных одного местообитания; иначе говоря, это обмен веществ в экологическом сообществе, свойственном данному местообитанию. Для сохранения местообитания необходимо, чтобы циркуляция энергии поддерживалась и усиливалась» (пит. по: 122, стр. 350). Ничто не мешает нам включить для удобства анализа в этот цикл биологического, но, конечно, не общественного, человека [72].

Естественный прирост в стабильном этносе ограничен высокой детской смертностью, и, как правило, небольшие накопления семей к старости обычно достаточны лишь для поддержания этноса в равновесии со средой и являются некоторой страховкой против экзогенных воздействий: войн, эпидемий, стихийных бедствий. На преодоление этих постоянно возникающих трудностей и уходят нормальные усилия изолированного этнического сообщества. Оно всегда лишено агрессивности, а следовательно, не способно и к изменению природы. Очевидно, что такой этнос не может быть причиной катаклизмов, примеры которых приведены выше. А какой этнос это может и делает?

Ф. Осборн в 1948г. писал: «История нации (американской) за прошлый век, с точки зрения использования природных богатств, является беспримерной... Фактически

ром здесь является наличие свободы выбора при принятии решения, а следовательно, и морально-юридическая ответственность за свои поступки. В практической деятельности людей эти две линии поведения никогда не смешиваются. Аналогичный подход к размежеванию разнохарактерных явлений истории может быть осуществлен в научном анализе, что мы уже однажды показали на частном примере характеристики разнохарактерности передвижений кочевых народов Евразии в зависимости от степени увлажнения степной зоны [77]. Теперь мы просто отмечаем, что подобное соотношение имеет место для всего вида *Homo sapiens*.

Статика и динамика

Ранее [85] мы показали, что антропогенные сукцессии, затухающие вследствие сопротивления природной среды, являются относительно редкими, но мощными толчками, взрывами энергии, способной производить работу. Характеристика этой специфической формы энергии содержится в замечательной книге В.И. Вернадского. «Все живое,— писал он,— представляет непрерывно изменяющуюся совокупность организмов, между собою связанных и подверженных эволюционному процессу в течение геологического времени. Это динамическое равновесие, стремящееся с ходом времени перейти в статическое равновесие... Чем более длительно существование, если нет никаких равноценных явлений, действующих в противоположную сторону, тем ближе к нулю будет свободная энергия», т.е. «энергия живого вещества, которая проявляется в сторону, обратную энтропии. Ибо действием живого вещества создается развитие свободной энергии, способной производить работу» [47, стр. 284—285].

Переводя этот вывод на язык этнологии, можно констатировать, что судьба всех этносов — постепенный переход к этно-ландшафтному равновесию. Под последним понимается ситуация, при которой этнический коллектив, например племя, входит в биоценоз того или иного региона, и прирост населения, ограниченный возможностями биохора, прекращается [82].

В указанном аспекте этносы находят свое место в биохимии: персистентное состояние этноса — это тот случай, когда вся энергия, получаемая из природной среды, поглощается внутренними процессами и выход ее близок к нулю; динамическое состояние — это внезапно возникшая способность к большему захвату энергии и выдача ее за пределы этнической системы в виде работы; историческое состояние — это постепенная утрата этногенного признака (способности абсорбировать большее количество энергии и соответственно выдавать ее наружу), происходящая за счет упрощения структуры.

Но ведь каждый реликтовый этнос (персистент) только потому и существует, что он когда-то сложился и, значит, пережил динамическую и историческую фазы развития. Следовательно, он является, с одной стороны, кристаллизовавшейся формой протекшего эволюционного процесса, а с другой — субстратом для возникновения новых этносов. За время своего становления любой этнос проходит мучительную фазу перестройки не только природы захватываемых им регионов, но и собственной физиологии и этологии (поведенчества), что выражается в приспособлении своего организма к новым условиям.

Такие ломки возможны не всегда. Как мы видели, они происходят в некоторые, сравнительно редкие эпохи стихийных переселений народов, а затем на другое время устанавливается устойчивая система, фиксируемая на этнографических картах.

И вот теперь мы можем ответить на поставленный вначале вопрос: продолжает ли вид *Homo sapiens* биологическую эволюцию или, вследствие прекращения естественного отбора, приостанавливает ее? Без учета предложенной нами классификации ответить было невозможно, но мы скажем просто: да, но в весьма различной степени. Естественный отбор, как один из обязательных факторов эволюции, затухает лишь в условиях стабильного существования, гомеостаза или этно-ландшафтного равновесия. Тогда эволюция вида почти прекращается, и остается только социальный прогресс. Но в условиях энергетического толчка, в сложных и трудных условиях реадaptации и смены стереотипа поведения, естественный отбор уси-

ливается, и сформированная им популяция либо погибает, либо становится новым этносом. Таким образом, первичной классификацией этносов в плане их становления является деление их на два разряда, резко отличающихся друг от друга по ряду признаков, сведенных в таблицу.

Предлагаемая система классификации основана на принципе, отличном от принятых до сих пор — антропологического, лингвистического, социального и историко-культурного.

Признаки различия персистентного и исторического состояния этноса

Признак	Персистентное состояние	Историческое состояние
Отношение между поколениями	Новое поколение стремится повторить предшествовавшее	Новое поколение стремится быть непохожим на предшествовавшее (проблема отцов и детей)
Отношение к времени	Циклическое исчисление времени	Линейное исчисление времени
Признак	Персистентное состояние	Историческое состояние
Отношение к природе	Хозяйство приспособлено к ландшафту	Приспособление ландшафта к требованиям хозяйства
Отношение к соседям	Оборона границ, гостеприимство	Стремление к расширению территории. Завоевательные войны, инкорпорация иноплеменников
Отношение к потомству	Стремление ограничить прирост, детоубийство	Стремление к беспорядочному размножению
Отношение к религии	Генотеизм, недопущение иноземцев к своим культам	Прозелитизм и нетерпимость

Отношение к политике	Авторитет старших	Институт власти
Отношение к общественной жизни	Консервация уже сложившихся групп населения	Образование классов или новых племен
Отношение к чужим культурам	Игнорирование чужих идей и заимствование техники	Активное усвоение чужих идей: перенимание или отталкивание
Продолжительность жизненного цикла	Ограничена только посторонним воздействием стихийного или антропогенного происхождения	Не более 1500 ± 200 лет (по данным наблюдений)
Этногенез	В результате длинного эволюционного процесса исторического этноса	Вследствие мутации и появления популяции с этногоническим признаком
Взаимооценка	Нахождение в историческом состоянии рассматривается как бессмысленная, противоестественная трата сил	Нахождение в персистентном состоянии рассценивается как «дикость», «застой», «неполноценность»

Отмеченные в таблице признаки различия инвариантны для всех эпох и территорий: как в классовом обществе могут существовать персистентные этносы, так и при родовом строе происходят перегруппировки особей, благодаря чему возникают новые племенные союзы или военно-демократические объединения. Примерами первого варианта могут служить застарелые рабовладельческие отношения в Аравии среди бедуинских племен, в западной Африке — в Бенине, Дагомее и т.п., у тлинкитов северозападной Америки и у горцев Кавказа, до XIX в. имевших грузинских рабынь и рабов. Застывшие феодальные отношения наблюдались в XIX веке в западном и северо-восточном Тибете, в горном Дагестане, у якутов и у малайцев.

И наоборот, ирокезский союз, возникший в XV в. — яркий пример создания нового этноса в условиях доклассо-

вого общества. Тот же процесс имел место в родовой державе Хунну (III в. до н.э.) и военно-демократическом тюркском «Вечном эле» (VI—VIII в. н.э.). Кельты I тыс. до н.э., бесспорно, составляли этническую целостность, имея клановую систему общественных взаимоотношений. Количество примеров можно увеличить, но достаточно и приведенных.

Всякое деление материала при классификации условно, но именно потому оно конструктивно, ибо определяется задачей, поставленной систематизатором. Наша цель — установить место этнического становления в многообразии наблюдаемых явлений. И что же, оказывается, что этногенез — редкий случай на фоне общего этноландшафтного равновесия, которое не может рассматриваться как «отсталость» или «застой», происходящий от неполноценности тех или иных народов сравнительно с этносами, развивающимися быстро. Все «застойные» этносы некогда развивались, а те, которые развиваются теперь, если не исчезнут, то станут «стабильными» когда-нибудь потом.

При этой постановке вопроса можно ответить, почему этносы вымирают, и настолько часто, что из тех, которые зафиксированы при начале письменной истории (в III тыс. до н.э.), не осталось ни одного, а из тех, которые жили и действовали в начале нашей эры, — редкие единицы. Это тем более необходимо, что непрямые потомки древних римлян, эллинов, ассирийцев, видоизменившись до неузнаваемости, живут и сейчас, но уже не являются ни римлянами, ни эллинами, ни ассирийцами, ибо заимствовали от предков только генофонд, да и то частично.

Обратимся за аналогиями к палеонтологии, которая также занимается проблемой вымирания биологических таксонов, причем ведь не существенно, какова величина изучаемого объекта. Процессы вымирания должны иметь одну закономерность.

Л.Ш. Давиташвили, посвятивший этой проблеме солидное исследование [118], категорически и обоснованно отвергает абиотические причины, как физические, так и химические, а также катастрофы, в результате которых вид гибнет единовременно. Вымирание вида знаменуется

постепенным сокращением ареала и конкуренцией соседних видов, вытесняющих из биохора обреченный вид. Но остается неясным, в чем заключается эта «обреченность» для этносов. Согласно этнологии, она кроется в структуре этноса. Усложнение структуры повышает сопротивляемость враждебному окружению, упрощение снижает ее. Вот почему полноценные в физическом и интеллектуальном аспектах люди, например индейцы или полинезийцы, оказались бессильными по сравнению с колонизаторами, отнюдь не лучшими представителями своих народов.

Таким образом, наибольшую опасность как для природы, так и для этносов представляют соседи, не потерявшие в процессе развития способности к адаптации и потому расширяющие свой ареал. Без появления такого врага реликтовый этнос может существовать неограниченно долго, постепенно слабея, но не вымирая. Это инволюция, т.е. эволюция с обратным вектором.

Но не исключена и гибель этносов развивающихся, если они наталкиваются на непреодолимое сопротивление более многочисленных соседей. Такие примеры неоднократно фиксировались историей. Однако механизм процесса остается неизменным. Итак, биологическая эволюция внутри вида *Homo sapiens* сохраняется, но приобретает черты, не свойственные прочим видам животных. Филогенез преобразуется в этногенез. Согласно этому выводу, человек за последние 15 тысяч лет изменялся не столько по анатомическим и физиологическим признакам, а по поведенческим, благодаря чему он освоил всю Землю и создал технику, оставаясь самим собой. Г.Ф. Дебец писал: «Отдельные „примитивные" и „прогрессивные" признаки встречаются у всех рас, но ни одна из них не отличается „примитивным" или „прогрессивным" комплексом признаков, если заранее не считать их таковыми. Если принять в качестве критерия примитивности череп антропидной обезьяны или хотя бы неандертальца, то прото-европейский тип энеолитической эпохи Русской равнины по сумме признаков вовсе не будет более примитивным, чем тип древних славян или современных украинцев» [119, стр. 19—20].

Действительно, эволюция человечества пошла по линии расширения ареала и увеличения числа внутривидовых вариаций, т.е. этносов. Часть последних погибает, оставляя потомкам вещественные или литературные памятники, часть остается в виде реликтов, часть исчезла бесследно, но не было случая, чтобы подсознательные действия популяции с единым стереотипом поведения вели к целенаправленным изменениям собственного естества, какие бы условия такому коллективу ни создавались. Дж. Холдэн по этому поводу писал: «Естественный отбор действует на изменения, имеющие приспособительный характер, а эти изменения не идут в любом направлении. Большая их часть ведет к потере сложности строения или к редукции органов — к дегенерации» [237, стр. 82], а в нашем примере — к стабильному или персистентному состоянию этноса.

О СООТНОШЕНИИ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА СОГЛАСНО ДАННЫМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ЭТНОЛОГИИ¹

(ЛАНДШАФТ И ЭТНОС). X

В предшествующей статье [95] мы обещали раскрыть способ этнического творчества, т.е. охарактеризовать те взрывы энергии, которые изменяют ландшафты, уничтожают старые и создают новые общности людей и, постепенно затухая, уподобляются, по выражению В.И. Вернадского [45], геологическим переворотам малого масштаба.

Однако, прежде чем перейти к непосредственному описанию явления, необходимо окинуть взглядом если не историю, то хотя бы современное состояние вопроса, потому что дискуссия о соотношении природы и общества в последние годы приобрела острые формы [142, 143, 144, 215].

¹ Вестник ЛГУ, 1970, №24, стр. 39—49.

Обобщая разнообразные в деталях взгляды наших современников, можно выделить три точки зрения: 1) «единая» география сводит всю деятельность человека к природным закономерностям [200, 216]; 2) некоторые историки и этнографы считают все проявления, связанные с человечеством, социальными, делая исключение лишь для анатомии и, отчасти, физиологии [2, 8, 151, 200, 226, 239]; 3) в антропогенных процессах разделяются проявления общественной и природных (механическая, физическая, химическая и биологическая) форм движения материи [215]. Эта концепция представляется автору единственно правильной и плодотворной.

В самом деле, не только внутри больших коллективов — этносов, непосредственно влияющих на земные ландшафты [82, 85] и, следовательно, существующих не в качестве абстракции, а вполне реально, но и внутри одной человеческой особи наблюдается постоянное сопряжение всех форм движения материи. Если даже считать, что все детали поведения человека диктуются его социальным окружением, то генетический код зародыша — явление биологическое, а повышенное выделение адреналина — химическое. Но ведь и то и другое весьма влияют на характер деятельности человека.

Но равным образом неправильно распространять закономерности природы на техносферу, т.е. на создания рук человека. В отличие от прочих животных гоминиды — синантроп, палеантроп и неолантроп — научились изготавливать орудия, сначала деревянные и каменные, потом металлические и, наконец, из искусственных материалов — пластмассы. Созданные человеком орудия, одежда, дома, произведения искусства, согласно определению акад. С.В. Калесника [143], выпадают из цикла конверсии биосферы, потому что они не имеют самостоятельного развития, а могут только разрушаться. Постоянное возобновление и расширение техносферы Земли есть плод особой формы развития материи — общественной, никаким животным несвойственной. Поэтому встают два тесно связанных вопроса: где проходит граница между общественным и природным развитием внутри этноса и какую роль

в этом сочетании играет **энергетический** момент, равно важный для природы и общества?

Разобрать проблему во всех деталях в краткой статье нет возможности, да, пожалуй, и необходимости. Достаточно показать наличие в этнической целостности как таковой социальных институтов, развивающихся в общественной форме движения материи, и биологических признаков, определяющих устойчивость и изменчивость этноса как популяции. Забегая вперед, скажем, что обе эти группы явлений дополняют друг друга, но оставляют зазор, заполняемый той самой энергией, которую мы описали как ландшафтогенный и этногенный факторы [89, 95]. Эта энергия открыта и описана В.И. Вернадским [45, стр. 284] как биохимическая энергия живого вещества биосферы, способная производить работу, а способ ее воздействия на деятельность людей раскрыт нами как эффект пассионарности [99], и там же показана его роль в этнической истории человечества. Здесь мы переходим к уточнению высказанного тезиса.

Анализ взаимодействия этноса как самостоятельного явления с ландшафтом показал, что оба они связаны обратной зависимостью, но ни этнос не является постоянно действующим ландшафтообразующим фактором, ни ландшафт без постороннего воздействия не может быть причиной этногенеза. Соотношение же этнических и социальных закономерностей исключает даже обратную связь, потому что этносфера Земли для социального развития является только фоном, а не фактором. Неоднократно делались попытки усмотреть в антропосфере один из вариантов простых биологических закономерностей. Действительно, биология кое-что в этнических явлениях объясняет. Но что и все ли? Посмотрим! Сопоставление этноса с организмом неправомерно. Функции организма стоят вне социальных законов, этнос же постоянно взаимодействует с ними. Организм обязательно производит потомство и так же обязательно гибнет, тогда как есть этносы-персистенты, исчезающие лишь вследствие экстерминации (заразной болезни или прямого истребления соседями), и каждый этнос неповторим. Короче говоря, этнос — это специфическая конструкция человеческого коллекти-

ва, не идентичная ни расе, ни обществу, в историческом процессе сопрягающаяся с социальными закономерностями в многообразных вариантах, зависящих от многих посторонних причин, и образующая суперэтнические «культуры».

Польский философ (и не только романист) С. Лем в специальной работе пишет: «Культура определяется факторами физического, биологического, социального, техно-экономического характера. Если все эти детерминанты выравнены величинами, то равняется ли нулю пространство для "чисто культурной вариации" или все же остается какая-то полоса свободы? Антропологическая компаративистика показывает, что такое пространство существует и в нем проявляется уже чисто культурная изменяемость форм и смыслов» [167, стр. 51]. Однако чем же заполнена «полоса свободы»? Очевидно, действиями особей, обладающих правом и возможностью выбора решений. Пусть так, но для самих действий, являющихся в физическом смысле работой, нужна энергия, преломленная через психофизиологию особи, т.е. та самая пассионарность. Итак, если уподобить социальный и биологический аспекты сторонам монеты (орлу и решке), то пассионарность и ее проявления будут самым металлом, на котором отпечатаны те и другие фигуры.

При прямом наблюдении нам доступно лишь описание этих изображений, как очевидно, не отражающее сущности прикрываемого ими наполнения (например, процентное отношение элементов сплава, из которого отлита монета). Познание же глубинных явлений может быть достигнуто только путем «эмпирического обобщения» [46, стр. 19]. Поэтому спор о том, что важнее, орел или решка (в нашем случае «единая» география или всеобъемлющая социология), беспредметен. Больше того, он неконструктивен, так как в обоих случаях имеет место неосознанное стремление к упрощению задачи, поставленной перед учеными, т.е. некоторая профанация, при которой само исследование теряет смысл, ибо результат его будет заведомо неполон и, значит, неверен, однако для достижения понимания анализ необходим. Поэтому мы пойдем не путем отбрасывания компонентов явления, не укладываемо-

щихся в прокрустово ложе предвзятой идеи, а попытаемся уяснить место и роль каждого из них, что в конце концов приведет к цели исследования — синтезу, после чего станет ясно, что противоречие между социальным, биологическим и географическим подходами мнимо.

Возьмем простейший вариант — одну человеческую особь. Анатомия, физиология и психология в человеке переплетены тесно и так зависят друг от друга, что при нашем анализе нет нужды в расчленении этих сторон человеческого бытия. Ясно, что человек — существо социальное, ибо его личность формируется в непрестанном общении с другими людьми и предметами, созданными руками его предков (техника). Так, а сперматозоид? Это «персона» чисто биологическая. Однако связь человеческой личности с собственным зародышем несомненна, и, следовательно, само тело человека, включая высшую нервную деятельность (психику), является лабораторией, где сочетаются общественная и природные (механическая, физическая, химическая и биологическая) формы движения материи.

Но даже пройдя инкубационный период и полностью войдя в социальную среду, человеческая особь подчиняется некоторым естественным закономерностям. Периоды полового созревания и старения зависят не от ступени социального развития, а от наследственности признаков, выработанных в процессе внутривидовой эволюции. Например, у народов тропического пояса половое созревание наступает раньше, чем у северян; быстрота реакции у негроидов выше, чем у европеоидов и монголоидов; сопротивляемость некоторым болезням, например кори, у полинезийцев ниже, чем у европейцев, и т.д. К социальному развитию эти особенности не имеют никакого отношения, но на поведении людей разных стран сказываются. Происхождение этих различий, бесспорно, связано с адаптацией предков тех или иных популяций в разных географических условиях и образованиях этносов, как минувших, так и ныне живущих. Именно накопление признаков, возникших в результате длительных процессов адаптации, создает этническое многообразие при прохождении чело-

вечеством одинаковых ступеней развития — общественно-экономических формаций.

Итак, признав за этнологией самостоятельное место в системе научных дисциплин, определяемое как предметом изучения, так и своеобразным аспектом, мы должны предложить первичную таксономию для единиц, являющихся эталонами. При этом нужно учесть динамику развития, так как перед нами не стабильные величины, а процессы. Кроме того, классификация должна быть универсальна, хотя может быть предельно проста. И наконец, она должна вытекать из принятого нами постулата, т.е. отражать не случайные черты, а глубинную сущность явления. Негативный разбор аспектов, не удовлетворяющих перечисленным требованиям, был сделан нами ранее [72, 80], что до известной степени облегчает нашу задачу¹.

Каждый этнос имеет свою внутреннюю структуру, проявляющуюся в нюансах расстановки социальных групп [80, стр. 16]. Приравнивать эти группы к классам нельзя, так как этносы существуют и в доклассовом обществе. Как показал пример Советского Союза, они не исчезают и при социализме, принимая формы социалистических наций. Даже немногочисленные племена Северной Америки и Австралии делились на экзогамные тотемные группы, например кланы ворона и медведя у тлинкитов. Недифференцированные этносы встречаются, но обычно они находятся в фазе этнического упадка, что всегда связано с упрощением внутренней структуры. Но хотя социальные формы соприисутствуют в этнических процессах, ими не исчерпывается вся сложность этногенеза. Ведь тогда этнография была бы просто разделом социологии, а общества, принадлежащие к одной формации, допустим рабовладельческой, вели бы себя одинаково. Но китайская античность имеет различия не только с эллинской, но и японской, индийской или египетской. Социальная схожесть не уничтожает этнической оригинальности.

¹ Необходимость развернуть тезис, дабы предупредить недоразумения, возникающие от непонимания постановки и решения проблемы, при ограниченном объеме статьи вынуждает автора заменить историко-географические примеры отсылочными сносками. Жаль, но другого пути нет.

Попытки интерпретировать этнос как явление только и исключительно социальное делались и делаются, но при логическом, последовательном завершении приводят к заведомо абсурдному выводу, что этноса как явления вообще нет. В самом деле, без привлечения данных естественных наук этническая целостность совпадает либо с единым социальным уровнем развития, либо с духовной или материальной культурой [39]. Но приложимы ли эти мерки к этнической целостности? Мы уже показали, что этногенез как глобальное явление, всего лишь частный случай общей эволюции [95], но эта «частность» крайне важна, ибо, ставя проблему первичного возникновения этнической целостности из особей (людей) смешанного происхождения, разного уровня культуры и различных способностей, мы вправе спросить себя: а что же их влечет друг к другу? Очевидно, что принцип сознательного расчета и стремления к выгоде отсутствует, так как первое поколение пассионариев сталкивается с огромными трудностями — необходимость сломать устоявшиеся взаимоотношения, чтобы на их месте установить новые, отвечающие их запросам. Это дело всегда рискованное, и начинателям редко удается воспользоваться плодами победы. Также не подходит принцип социальной близости, потому что новый этнос уничтожает социальные институты старого. Следовательно, человеку, чтобы войти в новый этнос в момент становления, нужно деклассироваться по отношению к старому. Именно так зарождались на Семи холмах волчье племя квиритов, ставших римлянами, конфессиональные общины ранних христиан и мусульман, дружины викингов, оседавшие в Шотландии или Исландии, монголы в XIII в., да и все, кого мы знаем. Уместнее применить другой принцип — комплиментарность, — связанный с подсознательной взаимной симпатией особей. На основе этого принципа заключаются браки по любви, но нельзя ограничивать комплиментарность сферой секса, которая является лишь вариантом проявления этого принципа. В становлении первичного коллектива, зародыша этноса, главную роль играет неосознанная тяга людей определенного склада друг к другу. Такая тяга есть всегда, но когда она усиливается пассионарным

напряжением, то для возникновения этнической традиции создается необходимая предпосылка. А вслед за тем возникают социальные институты.

Итак, рождению любого социального явления предшествует зародыш, объединение некоторого числа людей, симпатичных друг другу. Начав действовать, они вступают в исторический процесс, сцементированные избранной ими целью и исторической судьбой. Во что бы ни вылилась их судьба, она *conditio sine qua non est*. Такая группа может стать разбойничьей бандой викингов, религиозной сектой мормонов, орденом тамплиеров, буддийской общиной монахов, школой импрессионистов и т.п., но общее, что можно вынести за скобки,— это подсознательное взаимовлечение, пусть даже для того, чтобы вести споры друг с другом. Поэтому эти зародышевые объединения можно назвать консорциями (*consortia*). Не каждая из них выживает; большинство рассыпается при жизни основателей, но те, которым удастся уцелеть, входят в историю общества и немедленно обрастают социальными формами, часто создавая традицию. Те немногие, чья судьба не обрывается ударами извне, доживают до естественной утраты повышенной пассионарности, но сохраняют инерцию тяги друг к другу, выражающуюся в общих привычках, мироощущении, вкусах и т.п. Эту фазу комплиментарного объединения можно назвать конвиксией (*convixia*). Она уже не имеет силы воздействия на окружение и подлежит компетенции не социологии, а этнографии, поскольку эту группу объединяет быт. В благоприятных условиях конвиксии устойчивы, но сопротивляемость среде у них стремится к нулю, и тогда они рассасываются среди окружающих консорций.

Примером такой эволюции может служить история русского старообрядчества. Начав с бурного эстетического протеста против того, что им казалось «дурным вкусом», воспринимаемым как кошунство, старообрядцы связали себя жестокой судьбой. В этой консорции оказались бояре и крестьяне, купцы и казаки, мещане и попы-вольнодумцы, но все они были равнодушны к принципам, для них дорогим. Сто лет они были консорцией, но после того, как Екатерина II отменила преследование старого обряда, на

Рогожском кладбище создалась конвиксия, тихая и неагрессивная. А еще сто лет спустя, после реформ Александра II, противопоставление «староверов» никонианам потеряло смысл, хотя по инерции существовало. Ныне же исчезло и оно, сменившись противопоставлением теистов и атеистов. Цепочка связей, которую мы называли судьбой, закончилась и началась новая.

Принцип **комплиментарности** не относится к числу социальных явлений. Он наблюдается у диких животных, а у домашних известен каждому как в позитивной (привязанность собаки или лошади к хозяину), так и в негативной форме. Как мы видели, ведущую роль этот принцип играет лишь при отсутствии общественных форм бытия коллектива, но подчиненную, он сохраняет и при наличии устойчивых социальных установлений. Это обстоятельство побуждает нас обратиться к рассмотрению второй стороны проблемы — биологической.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что этнос и раса — понятия не только не совпадающие, но и несоизмеримые. И не только потому, что гетерогенность — обязательное свойство этноса, или потому, что **число этносов** во много раз превышает число рас, но главным образом потому, что предметом расовой антропологии являются вариации физического типа человека [206, стр. 6], а этнология рассматривает характеристики стереотипов поведения у коллективов, имеющих общую судьбу, понимая под последней причинно-следственные связи исторических событий. Наблюдая социально-исторические формы проявления феномена этноса, мы используем информацию гуманитарных наук для целей естествознания.

Будучи явлением природы, этнос лишь связан с биологией позвоночных, но как явление восходит к биосфере в понимании В.И. Вернадского, т.е. к **флуктуациям** «энергии живого вещества, которая проявляется в сторону, обратную энтропии». Эта энергия, преломляясь через особенности нервной деятельности подсознания, меняет вектор метаболизма и создает психический эффект, названный нами **пассионарностью**. Вспышки пассионарности, о причинах которых говорить преждевременно, соз-

дают изменения в популяциях и ведут к образованию специфических коллективов, которые мы называем этносами. Затухание инерции первоначального толчка ведет к исчезновению этноса как целостности, причем обычно значительная часть членов бывшего этноса сохраняет жизнь, но уже в составах других этнических целостностей. Равным образом возможно и существование этноса, пережившего активное состояние развития или этногенеза, в виде персистента (пережиточной формы) или реликта. Сейчас в нашу задачу входит установление характера корреляции этногенеза (как элементарного явления, имеющего энергетическую природу) с историческими и биологическими сферами, граничащими с этногенезом. Критерием исследования для нас являются данные исторической географии, позволившие описать характер динамической связи этноса с ландшафтом и тем самым установить, что этнос не умозрительная категория, а объективная реальность с присущими ему закономерностями [89, 99].

Описанные нами четыре фазы этногенеза [99, стр. 43—46] дают представление о характере и направленности тех формообразовательных процессов, которые создали наблюдаемое многообразие этносферы Земли [95]. Механизм феномена как такового заключается в постепенной утрате пассионарного напряжения этнической целостностью. Утрата признака происходит вследствие либо естественного отбора, либо метизации и связанного с ней изменения состава генофонда. Если пассионарность есть действительно признак, то обе эти причины должны быть действительны, что мы и постараемся установить. Если же наше мнение не найдет подтверждения, то, значит, прав А. Тойнби, полагающий, что талантливость и энергия возникают сами, как только в них появляется нужда. В специальной работе мы высказали несогласие с гипотезой А. Тойнби, опираясь на несоответствие его взглядов с фактами [85]. Теперь нам остается показать, на чем основана наша концепция и насколько она согласуется с данными смежных наук.

Дж.Б.С. Холден утверждает: «Заблуждение, что естественный отбор всегда должен делать особи более приспособ-

собранными в борьбе за существование. Это правильно для редкого и разбросанного вида, вынужденного защищать себя от других видов и неорганической природы. Но как только население становится плотным, отдельные представители вида вступают в соперничество друг с другом. Результаты этой борьбы могут быть биологически благоприятными для отдельных особей, но крайне вредными для вида» [237, стр. 71]. Больше того, изменения, имеющие приспособительный характер «ведут к потере сложности строения или к редукции органов» [237, стр. 82], что ослабляет вид в борьбе за существование.

Насколько применимы эти положения к людям? Как к обществу — отнюдь, ибо общественная форма движения материи создает техногенную сферу, неспособную к природному саморазвитию, а следовательно, и к дегенерации. Творческие силы членов общества кристаллизуются в культуре, архитектуре, произведениях искусства, даже в научных трактатах, но члены этноса продолжают взаимодействовать с природой, стремиться либо к расширению ареала, либо к поддержанию гомеостатического равновесия [95] и терять признаки, т.е. способности, свойственные их предкам, как полезные, так и вредные. Это диалектическое сопряжение общественной и природных форм движения может быть прослежено в этнической истории человечества, развивающейся параллельно истории социальной, как единство противоречия. Как мы уже показали, эволюция внутри вида *Homo sapiens* не прекратилась, хотя и приняла своеобразные формы, превратившись из филогенеза в этногенез [95, стр. 84—93]. При этом осталась весьма важной роль естественного отбора как стабилизирующего фактора, удаляющего из популяции экстремальные особи и уменьшающего ее генетическое многообразие [29, стр. 41—44, 253—255; 248, стр. 238]. Устойчивость же определяется традицией, которая осуществляется путем механизма «сигнальной наследственности», особенно ярко проявляющейся у вида *Homo sapiens*, обладающего второй сигнальной системой — речью [171]. Таким образом, мы имеем основание рассматривать антропосферу Земли, включая созданную людьми технику, домашних животных и культурные растения, как нечто

целое (хотя и мозаичное из-за этнического разнообразия) в двух аспектах: социальном и природном. Стремление же подменить один из этих аспектов другим — не более чем попытка профанации, обреченная на неудачу при интерпретации фактического материала. Сосредоточим наше внимание на природной стороне этногенеза. Нами было показано, что для возникновения нового этноса необходимо мощное усилие определенного числа людей, ломающих старые стереотипы поведения и устанавливающих новый, часто ценой собственной жизни. Способность к этой целенаправленной деятельности мы назвали **пассионарностью** и интерпретировали как флуктуацию «биохимической энергии живого вещества», описанную В.И. Вернадским [99, № 2, стр. 43—50]. С точки зрения биолога, пассионарность — признак, и притом наследственный, о чем свидетельствует течение любого процесса этногенеза. Они столь схожи, что есть возможность построить схему или модель.

Для нового этноса необходимо сформироваться, а если в этот период он становится мишенью для еще сильного окружения, то легко может погибнуть, не набрав сил для сопротивления среде. Но это последнее обстоятельство относится к случайностям исторической судьбы, а не к исследуемой нами закономерности. Рождение этноса нашими методами установить невозможно, потому что единственным материалом является поведение коллектива, а оно фиксируется историей лишь тогда, когда первое поколение созреет и проявит себя. Этническая молодость связана с наибольшей деятельностью, которая не всегда оставляет следы в материальной культуре, особенно когда активность идет по пути завоевательных походов. Поэтому археологи могут зафиксировать только фазу этнического становления, когда этнос успел сложиться и приобрести характерные индивидуальные черты. Но для этнолога важен именно момент сложения, механизм взрыва пассионарности, который является обязательным для возникновения процесса этногенеза. По отношению к истории народа первый динамический период, как правило, является инкубационным. Для того чтобы коллектив с новым стереотипом поведения оказал заметное влияние на ход исторических событий, необходимо известное коли-

чество особей нового типа, и немалое. Следовательно, первичная популяция должна иметь время и возможности для интенсивного размножения. Однако, поскольку этногенетический признак всегда один и тот же, способность к сверхнапряжениям, жажда активности — то, что названо **пассионарностью**, особи нового склада совершают не только героические подвиги, но и злодеяния, и жизнь в стране, ими населенной, становится трудновыносимой. Лучший выход при избытке пассионарности — расширение ареала. В древности это были походы в соседние страны, а в наше время — освоение космоса. Излишний для поддержания системы активный элемент отбывает, благодаря чему уровень напряжения понижается до оптимума и становится возможной созидательная деятельность. Так кристаллизуется культура того или иного этноса, а чаще их группы — суперэтнической целостности.

Описанный процесс характерен не только для пассионариев, но и для всей этнической группы, включая самые пассивные особи. Их мысли, чувства, настроения и т.п. звучат в унисон с чувствами и мыслями их активных соплеменников. Вообще деление на активных и пассивных членов этноса условно, потому что переход между полюсами активности и пассивности плавен и еще потому, что без пассивных помощников пассионарии не в состоянии осуществить ни одного из своих замыслов. Этнос в этот период действует как целое.

Затем идет период утрат, который обусловлен не только внешними обстоятельствами, но и самим диалектическим развитием. Во-первых, понижение уровня напряжения **происходит** из-за постоянной гибели активных членов этноса; во-вторых, из-за упрощения этнической конструкции, вследствие чего создается кажущееся повышение активности, как правило, нетворческое. Эта вторичная активность является не следствием пассионарности (способности к сверхнапряжениям), а, наоборот, повышенной импульсивности, отсутствия моральных задержек, что правильнее назвать не признаком, а утратой признака. Особи этого склада не могли бы выжить и дать потомство, если бы в течение предшествовавшего периода не создавались особо благоприятные условия для выжи-

вания любого члена этноса. Субпассионарии не могут ни создавать, ни поддерживать достижения культуры и поэтому становятся жертвами либо соседей, либо самих себя.

Не только враждебные, но и мирные взаимоотношения между этносами отражаются на их судьбе. Речь идет о межэтнических браках, т.е. о проблеме экзогамии. Не только изолированные племена, но и большинство современных этносов-наций практически эндогамны, так как «более 90 % их членов заключает гомогенные в этническом отношении браки» [39, стр. 54—55]. Роли эндогамии разнообразны: стабилизация традиции, ибо эндогамная семья — главный источник культурной информации, генетический барьер, придающий этносу характер популяции, отграничение от соседних этносов, что в пределе создает этносы-изоляты, и, наконец, замедление убывания пассионарности, приводящее к преобладанию гармоничных особей над субпассионариями. Можно было бы считать эндогамию нормой существования этноса, но она только оптимальное условие его консервации, а процессы этногенеза связаны с пароксизмами экзогамии.

Арабы первых веков хиджры (VII—IX вв. н.э.) составляли гаремы, а если это стоило дорого, давали надоевшим женам легкий развод. Большая часть их жен и наложниц либо покупалась на невольничьих рынках, либо приводилась из побежденных стран в числе добычи. То же явление имело место в османской Турции XIV—XIX вв. и в Монголии XIII в., куда вследствие побед Чингиса и его наследников было пригнано много пленниц и пленников. Экзогамия в эти эпохи преобладала над нормальной эндогамией, не только в отношении мужчин-победителей, но и женщин победившего этноса, ибо во время долгого отсутствия воевавших мужей дамы заводили фаворитов из числа пленников или ренегатов.

Но к чему ведет экзогамия? К нарушению этнических традиций, ибо мать учит ребенка одним навыкам (в том числе языку), а отец — другим. Создается смешанный генофонд, в некоторых случаях дающий жизнеспособное потомство, а во многих — неполноценное, могущее поддерживать уровень жизни лишь за счет богатств, накопленных предками, и, наконец, размываются межэтниче-

ские барьеры, вследствие чего этносы деформируются, а иногда ассимилируются друг с другом. Но самое главное, государства и другие общественные институты, создаваемые экзогамными этносами, недолговечны.

Примем за эталон продолжительности процесса этногенеза со всеми фазами римский этнос (900 лет) и византийский (1300 лет, не считая персистентного прозябания фанариотов). И там и тут моногамная семья с учетом необходимости избегать неравных браков уравнивала инкорпорацию иноплеменников. При этом даже межэтнические браки, как правило, заключались между членами одного суперэтноса, что является в какой-то мере эндогамией. Мусульманско-арабский этнос при развитой экзогамии обессилел за 300 лет, а окончательно потерял свое государство в 1256 г., т.е. за 500 с небольшим лет.

Османский этнос возник в середине XIV в., вступил в кризис в конце XVI в. и окончательно развалился в начале XX в. Нынешняя Турция возрождена турками из глубин Малой Азии, потомками сельджуков, завоеванных Магометом II в XV в., а не османов, локализованных в городе Стамбуле и европейской Турции (Фракии) [219, стр. 266 и сл.].

Еще разительнее пример Монголии. До XII в. монголы были маленьким племенем, затерянным среди прочих кочевых племен. В середине XII в. монголы возглавили борьбу кочевников против победоносных чжурчжэней, покоривших в эти годы половину Китая. Численный перевес был у чжурчжэней, но победили монголы. Почему? Видимо, был какой-то довесок, по нашему мнению — растущая пассионарность. С 1135 по 1229 г. монголы объединили всю Великую степь, от Желтого моря до Каспийского. Это была их фаза становления. Затем начались далекие походы. С 1230 по 1260 г. были покорены Северный и Западный Китай, Передняя Азия и Восточная Европа. Количество рабов, рабынь, ремесленников, мобилизованных воинов, духовных лиц, купцов и просто авантюристов, хлынувших в Монголию, почти удвоило ее население. Наступила неизбежная панмиксия. Ее последствием были распадение Монгольского улуса на четыре части, пораже-

ния на границах, внутренние войны. Эпоха исторического существования закончилась к началу XIV в. За это время монголам удалось только завершить покорение Южного Китая, да и то потому лишь, что там было еще менее благополучно. Эпоха упадка затянулась до 1691 г., когда сейм монгольских юйонов признал нецелесообразным сохранение независимости и подчинил свой народ маньчжурскому Богдо-хану. Итак, весь динамический цикл этногенеза уложился в 556 лет, причем три четверти этого срока падают на эпоху упадка.

За этот период панмиксии изменился даже антропологический тип калхасских монголов. Появилось много узколицых с высокими носами. Былая крайняя монголоидность сохранилась на периферии Монгольской империи у бурят [55, стр. 295—312]. Еще больше изменился психический склад: появилась апатия, склонность к созерцательной жизни; короче говоря, произошло резкое снижение пассионарности, затянувшееся до XIX в.

Подъем начала XX в. следует рассматривать как начало нового цикла этногенеза, связанного с включением Монголии в орбиту советского суперэтноса.

Однако не следует думать, что гетерогенная популяция, возникающая вследствие исторических перипетий, *всегда* неполноценна. В некоторых случаях именно сильно смешанное в этническом отношении население того или иного региона вдруг сливается в новый этнос, с оригинальным стереотипом поведения. Таковы были по преданию первые римляне, первые христианские общины, из которых создался византийский этнос. Галлия, перед тем как превратиться во Францию, представляла собой поприще многих племен, как местных, так и пришлых. Раджпуты VII в., создавшие средневековую Индию, были смесью из аборигенов долины Инда и пришлых саков, кушан и эфталитов. Северокитайский этнос создался в VI в. путем слияния местного населения и пяти варварских народов, поселившихся в долине Хуанхэ. Короче говоря, новый этнос возникает из обязательного смешения нескольких этнических субстратов, но *не всегда*. Это значит, что взрыву пассионарности (или пас-сионарному толчку)

сопутствует какой-то *дополнительный фактор*, без которого процесс не может начаться. Этот вопрос настолько важен, что ему надо посвятить отдельное описание.

Таким образом, отмеченная связь пассионарности этноса с эндогамией показывает, что пассионарность лежит не в сфере общественной, а свойственна этносу как популяции¹. Значит, она признак, и притом наследуемый, что вытекает из убывания пассионарности при больших потерях от войн или эпидемий. Поскольку причиной пассионарности особи является «энергия живого вещества биосферы», то ее, как и порождаемый ею феномен этноса, следует отнести к природной форме движения материи, находящейся в зазоре между общественной и биологической сферами. Факт существования пассионарности установлен путем изучения истории и исторической географии, но для объяснения ее особенностей следует передать эстафету исследования генетикам и антропологам, задачей которых должен стать диагноз признака. Что же касается его географической обусловленности, то этому вопросу будет посвящена следующая статья.

ЭТНОС — СОСТОЯНИЕ ИЛИ ПРОЦЕСС?²

(ЛАНДШАФТ И ЭТНОС). XI

Постановка вопроса об этносе как элементе одной из оболочек Земли [82, 89, 95, 99] вызвала разнообразные отклики, из которых самым значительным следует признать концепцию проф. М.И. Артамонова, сформулировавшего свой тезис необычайно четко: «Этнос — социальная категория», «этнос не социальная организация, а аморфное состояние», «зависимость человека от природы тем меньше, чем выше его культурный уровень; это про-

¹ Употребляя биологический термин «популяция», мы не приравниваем его к этносу, но отмечаем, что в этнической диагностике соприкасается и этот аспект. Плодотворность комбинированного подхода доказана исторической антропологией [210].

² Вестник ЛГУ, 1971, №12, стр. 86—95.

писная истина» [20]. Согласиться невозможно ни с чем.

Начнем с конца. Организм человека входит в биосферу Земли и участвует в конверсии биоценоза. М.И. Артамонов не может доказать, что профессор дышит иначе, чем бушмен, или размножается неполовым путем, или нечувствителен к воздействию на кожу серной кислоты, или он может не есть или, наоборот, съесть обед на 40 человек, или что на него иначе действует земное тяготение. А ведь это все зависимость от природы того самого организма, который действует и мыслит, применяется к изменяющейся Среде и изменяет среду, приспособлявая ее к своим потребностям, объединяется в коллективы и в составе их создает государства. Мыслящая индивидуальность составляет единое целое с организмом и, значит, не выходит за пределы живой природы, которая является одной из оболочек планеты Земля.

Но вместе с тем человек отличается от прочих животных тем, что изготавливает орудия, создавая качественно иную прослойку — техносферу [215, стр. 59]. Произведения рук человека, социальные институты и идеологические системы выпадают из цикла природных изменений. Они могут лишь либо сохраняться, либо разрушаться [143, стр. 94]. В последнем случае они возвращаются в лоно природы. **Брошенный** в поле меч, перержавев, превращается в окись железа. Разрушенный замок становится холмиком. Одичавшая собака делается диким зверем динго, а лошадь — мустангом. Это смерть вещей (техносферы) и обратный захват природой похищенного у нее **материала**. История древних цивилизаций показывает, что природа хотя и терпит урон от техники [122], но в конечном счете берет свое [95].

Мы предложили решение: глобальное развитие относится к социальной форме движения материи и проявляется в техническом прогрессе, определяющем смену способов производства, демографическом взрыве, расширении ареала вплоть до Луны, хотя на ней адаптация человека невозможна, и, самое главное, в смене общественно-экономических формаций [100]. Именно этому учит исторический материализм. А стремление к адаптации отражает биохимическую форму движения материи, соприча-

стность *Homo sapiens* к биосфере [217]. Можно сказать, что не только этнический коллектив или «социальный организм» [218], а и каждый отдельный человек — лаборатория, в которой работают все формы движения материи: механическая, химическая, биологическая и общественная, — но каждая играет свою роль. Способы корреляции всех форм движения предложены акад. С.В. Калесником [140] и дают при изучении антропосферы Земли прекрасные результаты. Именно благодаря им отброшена «прописная истина», будто «зависимость человека от природы тем меньше, чем выше его культурный уровень». Это заблуждение, основанное на незнании принципов геобиоценологии и дорого стоившее человечеству. Но и оно возникло не случайно.

Теперь о понятии «состояние». Оно имеет место и в природе, и в обществе. В природе состояний четыре: твердое, жидкое, газообразное и плазменное. Переход молекулы косного вещества из одного состояния в другое происходит путем несколько большей затраты энергии — скрытая теплота плавления или парообразования, — т.е. небольшим рывком, причем процесс обратим. В живом веществе биосферы такой переход связан с гибелью организма и необратим. Это могло бы значить, что для организма есть только два состояния: жизнь и смерть, но поскольку смерть есть уничтожение организма как целостности, то называть этот момент перехода «состоянием» нелепо. Что же касается жизни организма, то это тоже не «состояние», а процесс: от рождения через акматическую фазу, при которой идет размножение, до смерти. Аналогом процесса жизни в косном веществе является кристаллизация минералов и последующая их метаморфизация в аморфные массы.

Исследуя «состояния» и «процессы», мы применяем всегда разную методику. Для «состояний» — классификацию по любому произвольно принятому принципу, удобному для обозрения явления в целом. Для «процессов», особенно связанных с эволюцией или формообразованием, необходима систематика, основанная на иерархическом принципе — соподчинении сходных, хотя и не идентичных, групп разного ранга. Такова систематика Линнея, усо-

вершенствованная Ч. Дарвином. Иерархический характер системы органического мира обусловлен ходом и характером эволюционных процессов, неотделимых от жизни и обязательных для нее. Но как только жизнь замирает, возникает «состояние», более или менее быстро разъедаемое воздействием среды, хотя бы последняя состояла из других мертвых «состояний», также подверженных необратимой деформации. Значит, для организма, в том числе человеческого, есть только один способ попасть в «состояние» — стать мумией, а для этноса — археологической культурой.

Иное дело техносфера и связанные с ней производственные отношения. Здесь «состояния» есть. Из трактора легко сделать утиль, а из утиля трактор. Надо только затратить некоторую (увы, немалую) энергию. Есть «состояния» и в социальной жизни. Ныне они именуются «гражданскими состояниями», а раньше их называли сословиями (*etat*). В переносном смысле можно назвать «состоянием» классовую принадлежность, но надо помнить, что она — продукт производственных отношений и производительных сил, т.е. тоже техносферы. Это состояние крайне неустойчиво. Воин, попавший в плен, становится рабом, а сбежав, мог превратиться в феодала. Для иерархического принципа в судьбе такого человека нет ни места, ни надобности; здесь достаточно простой фиксации.

Итак, смены социальных состояний подобны (хотя и не идентичны) сменам природных состояний: они обратимы и требуют для перехода из одного в другое вложения дополнительной энергии. Но таков ли этнос? Можно ли, сделав усилие, сменить свою этническую принадлежность?

Прежде всего, этносы появляются, проходят акматическую фазу, превращаются в реликты и исчезают. Этот процесс — этногенез — направлен по ходу времени и необратим. Для перехода из одной фазы в другую, скажем от становления к упадку, не требуется дополнительных затрат энергии, так как здесь достаточно инерции первоначального толчка [82]. Уже это одно показывает, что этнос не «состояние» (тем более гражданское), а процесс. Аберрация, питающая концепцию «состояния», связана с от-

сутствием у наблюдателя исторической перспективы. Полное затухание процесса этногенеза, без посторонних нарушений, укладывается в 1200—1500 лет [89], тогда как научный сотрудник посвящает плановой теме года два, много — три. Поэтому минувшее представляется ему калейдоскопом, без системы и закономерности, и он, зафиксировав несколько изменений в ограниченном регионе и одной эпохе, видит только скопище «состояний», не связанных друг с другом, а лишь совпадающих по месту и времени. Так, до появления геоморфологии люди не связывали наличие террас с эрозионной деятельностью текущих где-то внизу рек, а горы считали вечными, чуть ли не изначальными формами рельефа. Увы, все доказательства в науке действительны лишь при определенной степени эрудированности оппонента. Даже гелиоцентрическая система Коперника—Кеплера убедила лишь тех, кто в XVII в. достаточно знал астрономию, а открытие Г. Менделя было повторено де Фризом [173].

Вторым аргументом против концепции «состояния» является размытость границ между этносами в зонах этнических контактов. Если гражданское (т.е. социальное) состояние меняется лишней записью в личном деле, например: пожалование дворянства, разжалование в солдаты, продажа в рабство, освобождение из неволи и т.п., — то смешивание народов в долине Хуанхэ, или в Константинополе, или в Северной Америке — всегда процесс мучительный, долгий и весьма вариабельный в том смысле, что результаты метисации часто оказываются неожиданными и уж всегда неуправляемыми.

На постоянно возникающий вопрос: полезна или вредна метисация этносов? — придется дать уклончивый ответ: как когда, смотря для чего и кому как. Это значит, что проблема контакта сложна и упрощение ее обесмысливает. Но дать разумный ответ при соблюдении определенных условий можно. Первое условие — замена этнической классификации этнической систематикой. Классификация может быть проведена по любому произвольно взятому признаку: по языку, расе, религии, роду занятий (земледельцы, скотоводы, охотники), принадлежности к тому или иному государству (подданство). В любом случае это

будет условное деление, не заложенное в природе вещей. Систематика же отражает именно последнюю, исследуя как предмет человечество с техникой и domestикатами (ручными животными и культурными растениями). Крупнейшей после человечества (как аморфной антропосферы — одной из оболочек Земли) единицей является суперэтнос, т.е. группа этносов, возникшая одновременно в одном регионе и проявляющая себя в истории как мозаичная целостность [99].

Основная таксономическая единица — этнос, в принципе большая замкнутая система с динамическим стереотипом поведения и оригинальной внутренней структурой, меняющейся в зависимости от прохождения фаз этногенеза. Субэтнос — элемент структуры этноса, взаимодействующий с остальными. При упрощении системы в фазе упадка число субэтносов сокращается до одного, что знаменует персистентное (пережиточное) состояние этноса.

Еще меньше таксономические единицы: консорции (группа людей, объединенных одной исторической судьбой) и конвиксии (группа людей, объединенных однохарактерным бытом и семейными связями), входящие либо в ядро этноса, либо в один из субэтносов [80]. Консорции, под которыми понимаются нестойкие объединения разного рода: кружки, артели, секты, банды и т.п., — возникают и исчезают быстро, иногда существуя несколько месяцев. Становясь конвиксиями, они живут несколько поколений, пока их либо не разьет экзогамия [38], либо не перетасует сукцессия, т.е. резкое изменение исторического окружения. Уцелевшие вырастают в этносы.

Принадлежность к тому или иному разделу таксономии определяется не идентичностью особей, чего в природе никогда не бывает, а степенью сходства в определенном аспекте на заданном уровне. Так, например, люди — млекопитающие, хотя и не зайцы, но зайцы к людям ближе, чем крокодилы. На уровне суперэтноса, для примера возьмем XIII в., мусульмане (араб, перс, туркмен, бербер) были между собой ближе, чем к членам западнохристианского суперэтноса — «франкам», как называли всех католиков Западной Европы. С другой стороны, француз, каспиец, шотландец, швед в XIII в. были ближе между собой

относительно мусульман или православных. На уровне этноса французы были между собой ближе, чем по отношению к англичанам. Это не мешало бургундцам подерживать Генриха V и брать в плен Жанну д'Арк, хотя они понимали, что идут против своих. Но ни в коем случае не следует сводить все многообразие видимой истории к осознанию исторического единства, которое лишь *иногда* является главным фактором, определяющим поведение человека. Зато наряду с прочими оно соприсутствует *всегда*, и это дает основание отнести его не к вариациям исторического процесса, а к природе человека как вида.

Разумеется, этническая систематика отличается от социальной классификации. Лишь изредка они совпадают. Употребление той или другой зависит от аспекта исследования, т.е. угла зрения, с которого рассматриваются цепи исторических событий. Последний же отвечает задаче, поставленной перед исследователем, выбирающим также степень приближения, отвечающую его целям [97]. Поскольку сейчас нас занимают проблемы не социологические, не технологические и не психологические, отражающиеся в изящном искусстве, а тема этногенеза, то мы и разработали систематику, пригодную для ее разрешения.

Возвращаясь к проблеме этнических контактов, необходимо прежде всего ставить вопрос об уровне, на котором контакт осуществляется. Сочетание двух и более консорций или конвиксий нестойко. Оно ведет или к распаду, или к образованию стойкой формы субэтноса. Там проблема смешения трактуется как «неравный брак» с особой «не нашего круга», причем ступень социальной лестницы часто не имеет значения. Так, еще в XIX в. казаки рассматривали брак с крестьянами или дворянами как «неравный», хотя последние были богаче их и знатнее казаков. Как на это похоже отношение курдов к персам и армянам. Ниший пастух-курд не решается представить родным жену-персиянку, если не будет известно, что у нее пышная генеалогия. Так же сохраняли себя албанцы в Османской империи, баски — в Испании, шотландцы-гайлендеры — в Великобритании, патаны — в Гиндукуше. Они образовывали с другими субэтносами стойкие этнические целостности на основе симбиоза, укрепленного

эндогамией. Чем сложнее и разветвленное была такая этническая целостность, тем она была крепче и резистентнее.

Иное дело сочетание двух и более этносов в едином социальном организме. Это ксении, принужденные жить вместе, мирящиеся с фактом сосуществования, но тяготящиеся друг другом. Такова Бельгия, куда валлоны и фламандцы оказались задвинуты, как жильцы в коммунальную квартиру. Такова Канада, где англичане, французы, франко-индейские метисы, а теперь еще славяне сосуществуют, но не сливаются и не делят функций, что свойственно симбиозам. Аналогичное положение в Скандинавии кончилось отпадением Норвегии от Швеции, что пошло на пользу той и другой.

Но еще болезненнее контакт двух и более суперэтносов. Тогда часто происходит не только этническая аннигиляция, но и демографический спад, попросту сказать, вымирание от невыносимых условий существования или физическое истребление слабой стороны. Такие ситуации возникали в США — отстрел индейцев с платой за скальп, в Бразилии во время каучуковой лихорадки, в Австралии при захвате ее англичанами и в долине Желтой реки, где цивилизация Древнего Китая сталкивалась с культурой кочевников Великой Евразийской степи. На этом моменте следует остановиться подробнее.

С III в. до н.э. до конца III в. н.э. земледельческий Китай и Великая степь, населенная скотоводами-хуннами, существовали рядом [64]. Каждый этнос жил в своем ландшафте, но в совокупности с соседями входил в суперэтнические конструкции кочевой культуры и дальневосточной цивилизации. И та и другая были полиэтничны. В кочевой мир входили, кроме хуннов, сяньбийцы (древние монголы), цяны (кочевые тибетцы), малые юечжи, усунь, кыпчаки и другие племена. В Китае, кроме китайцев, жили аборигены: жуны, ди, мань, и, юе, принадлежавшие по языку к тибето-бирманской, тайской и малайской группам [131]. Продолжительность существования этих суперэтносов, связанных общей культурой, давала повод современникам рассматривать себя как «состояния», но на самом деле это были медленно текшие процессы. Объеди-

нение китайского суперэтноса в государство и обострение классовых противоречий, ставших антагонистическими в III в. до н.э., унесло свыше 60 % жителей, а распадение этой империи в III веке н.э. — свыше 80 %¹.

В конце III в. обезлюженная и обнищавшая страна была объединена династией Цзинь. В III в. население Китая исчислялось в 7,5 млн. человек вместо бывших 50 млн. Потом, к IV в., возросло до 16 млн.

В степи господствовал родовой строй, и разложение его шло столь медленно, что не причиняло большого ущерба кочевникам. Зато их угнетало усыхание степи, начавшееся в I в. и к III в. дошедшее до максимума. Сокращение пастбищных угодий заставило хуннов и сяньбийцев жаться к рекам Хуанхэ и Ляохэ и входить в контакт с китайцами. Поскольку земли лежали в запустении, правительства Цзинь допустило поселение на границе 400 тыс. кочевников и около 500 тыс. тибетцев разных племен. Китайские политики III в. считали, что этническая принадлежность — социальное состояние и численно ничтожное вкрапление нетрудно ассимилировать: князей обучить культуре, а племена превратить в податное сословие.

Расчет был дерзкий и плохой. Родовичи терпели произвол чиновников и эксплуатацию землевладельцев, но не превращались в китайцев: князья выучили иероглифику и классическую поэзию, но при удобном случае, наступившем в 304 г., вернулись к соплеменникам и возглавили восстание, ставившее целью «оружием возратить утраченные права» [35]. Ложная теория, примененная к действительности, вызвала катастрофу.

В 316 г. 40 тыс. хуннов захватили весь Северный Китай, в том числе две столицы, двух императоров и все накопленные богатства. Китайцы были загнаны на берега Янцзы, в то время окраину Китая, и были вынуждены в тропических джунглях смешиваться с племенами *мань*, что весьма преобразило их облик и психический склад. Там пошел особый процесс этногенеза, создавший впоследствии южнокитайский этнос. А оставшиеся на родине

¹ Подробности этих событий см. в нашей книге «Хунны в Китае», где впервые сделано их обобщение, достигнутое путем применения этнологического подхода.

китайцы смешались с хуннами... и тем погубили их. Уже дети победителей — хуннов и китайянок — забыли о нравах степного кочевья. Воспитанные в дворцовых павильонах, они сохранили энергию и мужество, но утратили ощущение своего, чувство локтя и императив верности. Распри подорвали их силы, а ведь до этого их отцы умели жить в согласии. Внуки превратились в избалованных куртизанов, забавлявшихся людоедством и предательством близких. Уже не было речи о наступательных войнах, даже при обороне хунны стали терпеть поражения. Наконец, в 350 г. приемный сын императора, китаец, убил своих братьев, наследников престола, и, взяв власть в свои руки, приказал перебить всех хуннов в государстве. Это было исполнено с таким рвением, что погибло много бородатых и горбоносых китайцев. Геноцид не спас узурпатора. Сяньбийцы-муюны разбили китайское войско и казнили его самого. Китайцам не помогло численное превосходство; они тоже потеряли традиции былой военной доблести вместе с национальной культурой.

Муюнов постигла судьба хуннов. Они окитаились и были побеждены степными табгачами. Те сначала консолидировали вокруг себя кочевников (смешение на уровне этнической метисации), но потом, на свою беду, завоевали Хэнань, где жило монолитное китайское население. К концу V в. они смешались с китайцами так, что их хан, приняв титул императора, запретил родной язык, табгачскую одежду и прическу, а также родовые имена. Деэтнизированная масса подданных стала жертвой авантюристов-кондотьеров, низвергших династию и обескровивших несчастную страну, которую вдобавок опустошил голод, унесший около 80 % людей [271, стр. 1428]. Так повлияло на народы смешение двух суперэтносов, но оставшиеся в живых в IV в. *внезапно* объединились в новый этнос, называвшийся тогда табгач (сяньбийское название), употреблявший китайский язык (отличавшийся от древнего) и принявший иноземную идеологию — буддизм. Это была великая эпоха Тан, положившая начало средневековому китайскому этносу, потерявшему самостоятельность только в XVII в., когда Китай завоевали маньчжуры. Но это новый цикл этногенеза, относящийся к древнему, как Византия к Риму [86].

Попробуем интерпретировать описанное явление. Если этносы — процессы, то при столкновении двух несхожих процессов возникает интерференция, нарушающая ритм обоих компонентов. Складывающиеся на уровне суперэтносов объединения химерны, а значит, нестойки перед посторонними воздействиями и недолговечны (см. таблицу). Гибель химерной системы влечет аннигиляцию ее компонентов и вымирание людей, в эту систему вовлеченных. Таков общий механизм нарушения заданной закономерности, но он имеет исключения. Именно при разболтанности первоначальных ритмов *иногда* возникает новый ритм, т.е. новый этногенетический инерционный процесс. С чем это связано — мы пока говорить не будем, потому что это слишком серьезный вопрос, чтобы решать его между делом. Да и к нашему спору он прямого отношения не имеет.

Этническая иерархия

	Порядок	Гибрид	Направление развития	Предел формообразования
I	Консорция	Нестойкие сочетания	К социальному институту	Конвиксия
II	Конвиксия	Деформированные сочетания	К территориальной общине	Субэтнос
III	Субэтнос	Симбиозы	К этническому самоутверждению	Этнос
IV	Этнос	Ксении	Создание социального организма	Консервация структуры
V	Суперэтнос	Химера	Аннигиляция	Реликт
VI	Человечество	Гипотетическое смешение с палео-антропом в мезолите на горе Кармел	Этногенез	?
VII	Гоминиды	?	Эволюция	Исчезновение

Но ясно, что для сохранения этнических традиций необходима эндогамия, потому что эндогамная семья передает ребенку отработанный стереотип поведения [38], а экзогамная семья передает ему два, взаимно погашающих друг друга.

Итак, экзогамия, отнюдь не относящаяся к «социальным состояниям» и лежащая в иной плоскости, оказывается реальным деструктивным фактором при контакте на суперэтническом уровне. И даже в тех редких случаях, когда в зоне контакта появляется новый этнос, он поглощает, т.е. уничтожает, оба прежних.

В заключение отметим, что в указанном примере, а также в подавляющем большинстве случаев расовый принцип не играет никакой роли. Речь идет не о соматических различиях, а поведенческих, ибо степняки, тибетские горцы и китайцы принадлежали к единой монголоидной расе I порядка, а при уточнении до II порядка видно, что северные китайцы по расовым признакам ближе к сяньбийцам и тибетцам, нежели к южным китайцам. Однако внешнее сходство черепных показателей, цвета глаз и волос, эпикантуса и пр. для этногенетических процессов значения не имело.

Из приведенного примера очевидна и подвергаемая сомнению М.И. Артамоновым связь этноса с ландшафтом. Хунны, заняв долину Хуанхэ, пасли там скот, китайцы заводили пашни и строили каналы, а их помеси, не имея навыков ни к скотоводству, ни к земледелию, хищнически обирали соседей и подданных, что повело к образованию залежных земель и восстановлению естественного биоценоза, хотя и обедненного за счет вырубки лесов и истребления копытных во время царских охот.

Приведем еще пример для того, чтобы показать, что перед нами не случайный вариант какого-то этнического «броуновского движения», а закономерность, которая может быть моделирована. В XIII в. в Малую Азию прикочевала небольшая орда Эртогрула (по нашей таксономии — консорция), осела около Бруссы и привлекла к себе добровольцев — газиев для борьбы с «неверными» византийцами (т.е. превратилась в субэтнос этноса иконийских сельджуков). В начале XIV в. при Османе и Урхане турки

захватили много византийских земель, быстро размножились, чему способствовала полигамия, и превратились в этнос — османов, — вскоре создавший социальный институт — огромную империю Османскую Порту. Что это этнос — бесспорно, но единого языка он не имел. Воин-тимариот в строю слушал команду по-турецки, дома беседовал с матерью по-грузински или по-гречески, на базаре торговался по-армянски, стихи читал персидские, а молился по-арабски. Но это не мешало ему быть турком, ибо он вел себя, как турок. «Состояние» это или процесс? Если бы это было «состояние», то оно бы и оставалось таковым до нашего времени, так как Турция была самой сильной державой Европы, использовала все технические изобретения, владела богатейшими землями и тем не менее постепенно стала терять силу. В XX в. османский этнос исчез, потому что современные турки — потомки не османов, а сельджуков, развитие которых было задержано после того, как они были завоеваны Магомедом II в XV в. Попробуем объяснить это явление этнической истории.

Турки в XVI в. придерживались тех же взглядов, что и ныне М.И. Артамонов, считая, что достаточно произнести формулу исповедания ислама и подчиниться султану, чтобы стать истинным турком. Иными словами, они рассматривали этническую принадлежность как «состояние», которое можно было менять произвольно. Поэтому турки охотно принимали на службу любых авантюристов, если те были специалистами в каком-либо ремесле или в военном искусстве. Последствия этого дали себя знать через 100 лет.

Упадок Высокой Порты в XVII в. привлек внимание турецких писателей-современников. По их мнению, причиной упадка были «аджем-огланы», т.е. дети ренегатов¹, причем искренность неофитов не подвергалась сомнению. Некоторые ренегаты были энергичными и полезными людьми, например француз Кеприлю и австриец Хайрэд-

¹ Название «ренегат» в те времена не имело оскорбительного оттенка, и переход на службу к врагу был явлением обыденным. Но если переход в рамках одного суперэтноса даже не считался изменой, то уход к мусульманам лишал ренегата былой этнической принадлежности. «Теперь я турок, не казак» («Запорожец за Дунаем»).

дин Барбаросса, но большинство их были подонки, искавшие теплого местечка и добывавшие синекуры через гаремы визирей, наполненные польками, хорватками, итальянками, гречанками, армянками и т.п. Эти проходимцы, не имея *ni foi, ni loi*, разжижали османский этнос, и настоящие османы были уже в XVIII в. сведены на положение этноса, угнетенного в своей собственной стране. Прилив инородцев калечил стереотип поведения, что сказалось на продажности визирей, подкупности судей, падении боеспособности войска и развале экономики. К началу XIX в. Турция стала «больным человеком».

По поводу столь странного превращения сильного народа в слабый В.Д. Смирнов в своей диссертации пишет [219, стр. 266—267]: «Неужели же кто-нибудь хоть в шутку станет утверждать, что гг. Чайковский, Лангевич и т.п. личности из славян, греков, мадьяр, итальянцев и др. приняли ислам по убеждению? Без сомнения, никто. А между тем на долю подобных-то перевертней и выпал жребий воспользоваться плодами доблестных подвигов османского племени. Не имея никакой религии, они чужды были всяких нравственных убеждений; не чувствуя никаких симпатий к народу, над которым они властвовали, они жили одною животного жизнью; гаремные интриги заменяли им настоящую, интересующую всякого истинного гражданина политику. Семейные связи не вызывались у них изуродованным состоянием организма или восполнялись гнусным пороком... Понятие о благе не шло у них дальше благополучия собственного кармана. Чувство долга ограничивалось приисканием законных предлогов, которыми бы можно было прикрыть свои беззакония, не рискуя сделаться жертвою происков других подобных им общественных деятелей. Словом сказать, будучи османами только по имени, они не были ими в действительности». Вот блестящая характеристика инородных «бродяг-солдат», обостривших и без того нараставший кризис классовых противоречий в Османской империи. Для последних превращение этнической целостности в химерную играло роль катализатора, ибо каждому понятно, что искренние лояльные чиновники ценнее, нежели лицемерные и беспринципные. И наоборот, развитие классовых

вых противоречий для этногенеза османского этноса играло роль вектора; вместе же они оказались фактором антропогенной ломки ландшафтов, так как замученные поборами крестьяне бросали свои участки, запускали ирригацию и превращали страну, некогда богатую и обильную, в пустошь. Аналогичные явления имели место и в Риме, и в Древнем Иране, и во многих других странах, но при наличии эндогамии как этнического барьера процессы шли медленнее и менее мучительно [191], а ведь для этноса не все равно, просуществует ли он триста лет или тысячу.

Итак, не только теоретические соображения, но и необходимость интерпретации фактических данных заставляет отвергнуть концепцию этноса как «состояния». Но если этнос — долго идущий процесс, то он является частью биосферы Земли, а поскольку с процессами и фазами этногенеза связано изменение ландшафтов путем использования техники, то этнологию следует причислить к географическим наукам как по предмету (этносфера — оболочка Земли), так и по методу, хотя первичный материал она черпает из истории в узком смысле слова, т.е. изучения событий в их связи и последовательности.

Думается, что причина столь неточного восприятия новой мысли лежит в том, что М.И. Артамонов незаметно для себя подменяет этнос археологической культурой [19], которая действительно «состояние», отражающее былые социальные целостности. Но если работа на стыке наук приносит большие результаты, то подмена этнологии археологией путем механического перенесения методики одной науки на другую на пользу делу не идет.

СУЩНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ¹

(ЛАНДШАФТ И ЭТНОС). XII

Кажется странным, что этнографы, историки и даже просто наблюдатели явления этноса, ни минуты не сомневаясь в его реальности, не смогли дать удовлетворительное определение понятию «этнос» как таковому. Всегда отмечались те или другие отличительные черты: язык, происхождение, культура, государственность, юридически оформленное социальное состояние, но оказывается, что все эти черты и черточки только указывали на факт этнических разграничений, но не были непременными атрибутами феномена этноса. Не будем упрекать наших предшественников. В их руках еще не было методики, необходимой для решения проблем такого рода. Так же мучительно и бесцельно метались биологи между механизмом и витализмом, причем первый объяснял наблюдаемые явления заведомо неточно, а второй вообще ничего не объяснял.

Что мы знаем об этносах, существовавших в историческое, т.е. доступное изучению, время? То, что они возникают, проходят фазы развития и исчезают. Этот повторяющийся процесс именуется этногенезом. Мы знаем также, что степени близости этносов между собою колеблются весьма значительно. На этой основе строится иерархическая систематика этносов. Скопления этносов, сходных по структуре, стереотипу поведения и генезису, мы называем суперэтносом, подразделения внутри этноса — субэтносами. Оказывается, что этнос, как атом, делим до бесконечности, ибо даже один человек не является лимитом деления. Ведь в разные возрасты человек ведет себя по-разному, следовательно, поведение его вариабельно. И, наконец, мы знаем, что этнос всегда взаимодействует с ландшафтом и техносферой. Эти связи не случайны и зависят от характера адаптации и уровня развития произ-

¹ Вестник ЛГУ, 1971, №24, стр. 97—106.

водительных сил. Итак, этнос не случайное сборище людей, а явление развития географической оболочки планеты Земля, совершающее на ней перестройки, сопоставимые с геологическими переворотами малого масштаба, о чем писал еще В.И. Вернадский [47, стр. 273].

Анализ фактического материала, проведенный нами в предшествующих статьях серии «Ландшафт и этнос», привел к выводу, что стремление к преобразованию окружения как природного, путем создания антропогенных ландшафтов, так и этнического, путем войн и миграций, происходит по сложным причинам, отнюдь не лежащим на поверхности наблюдаемых явлений. Сам факт разнообразия этнических типов и распространения человека по всей суше Земли показывает наличие особой линии эволюции *Homo sapiens*, где филогенез преобразуется в этногенез [95]. Считать эту линию развития плодом общественной формы движения материи нет оснований, хотя социальные моменты все время коррелируются с природными закономерностями [100].

На уровне, доступном этнографическому изучению, мы наблюдаем субэтноты, обычно составляющие части этносов, а в отрыве от них образующие изоляты. На уровне компетенции исторической науки мы видим этносы, растущие и гибнущие, иногда делящиеся, иногда сливающиеся воедино. Но в любом случае можно констатировать лишь перестановку уже имеющихся элементов, создающую причудливые, своеобразные коллизии, а не творческий процесс возникновения того, чего до тех пор не было. Зато на уровне суперэтносов наблюдается именно появление не существовавших ранее форм, структур, стереотипов поведения, восходящих не к исторической судьбе, моделируемой для этносов, а как новое явление, самим фактом своего существования меняющее привычную историческую картину [101].

На этом уровне этногенез обладает всеми качествами природного феномена, ибо не исторический процесс порождает его, а он сам зачинает новую цепь закономерности этнической истории, которая через много веков затухает в гомеостатическом равновесии. Эти «толчки» или «взрывы»

редки, и наиболее древние известны нам только по Средним или конечным фазам процессов этногенеза [99]. Поэтому мы ограничились описанием тех, которые можно проследить с достаточной точностью, и воздержались от попыток истолковать явление до тех пор, пока его описание не стало достаточно полным.

Но теперь мы вправе поставить вопрос: а что именно цементирует разных людей, часто непохожих друг на друга, в целостность, называемую этнической? При иной системе отсчета, социальной, эту роль выполняют производственные отношения, обладающие способностью к спонтанному развитию. Но к этническим закономерностям это неприменимо, так как они прерывисты; для этносов существует другая система отсчета, и историческая наука, исследующая события в их связи и последовательности, прекрасно описывающая возникновение и исчезновение социальных институтов, не в состоянии ответить на вопрос: почему афинянину был ближе его враг спартанец, чем мирно торгующий с ним финикиец? Она отметит лишь, что афиняне и спартанцы были эллины, т.е. единый, политически раздробленный этнос, а что такое этнос и чем связаны его члены? — история на это не отвечает [89].

Но если так и если мы знаем, что этнос — явление природы, то нам следует обратиться к естественным наукам за помощью, хотя бы в отношении методики исследования. И действительно, там мы найдем основу решения проблемы этноса. Это не что иное, как ход мысли и система обобщений, в которых нуждается этнология.

В 1937г. биолог Л. фон Берталанфи на философском семинаре Чикагского университета выдвинул «теорию открытых систем и состояний подвижного равновесия, которая по существу является расширением обычной физической химии, кинетики и термодинамики» [34, стр. 28]. Однако тогда он не был понят «и спрятал наброски в ящик стола». Лишь после войны построения моделей и обобщения стали насущной необходимостью, и тогда сложилась общая теория систем, частным случаем которой является кибернетика.

Согласно концепции Л. фон Берталанфи, «система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» [212, стр. 12]. Практический смысл применения такой абстракции в том, что первичным элементом информации является не отдельно взятый факт, а определенная совокупность фактов, обретающая особые свойства в силу наличия характерных связей, возникающих между фактами. Этот подход нашел применение во многих областях естествознания, в том числе и в биологии. Равным образом он может быть ключом к проблеме целостности этноса, ибо этнология не гуманитарная, а естественная наука.

Понятие «система» в советской науке удачно описано и раскрыто А.А. Малиновским. По его определению, «основное в системе — наличие определенных связей, меняющихся по форме и обуславливающих включение в систему то одних, то других элементов, при условии сохранения преемственности между элементами и типами связи. Система строится из единиц, группировки коих имеют самостоятельное значение: звенья, блоки, подсистемы. Каждая единица является системой низшего порядка (что обеспечивает возможность применения иерархического принципа, позволяющего вести исследование на заданном уровне). Любая система характеризуется по трем направлениям: по особенностям состава элементов, по их числу и по структуре, т.е. по типу связей, объединяющих элементы. Под элементом понимается характеристика единицы, неспособная существовать без связи с данной единицей» [174, стр. 147—150]. Этот тезис позволяет по-новому подойти к предмету.

Используя определения и подход А.А. Малиновского как своего рода алгебраическую формулу, мы можем подставить в нее нужные значения и получить если не сразу конечное решение, то непосредственное основание для такового. В самом деле, мы имеем право рассматривать этнос как особую систему из социальных и природных единиц с присущими им элементами. Но если так, то этнос — не простое скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а целостность различных по вкусам и способностям людей, продуктов их деятельности, традиций, географической среды, этнического окружения

и степени пассионарности, а также ее тенденции к увеличению или уменьшению. Последнее особенно важно, ибо «общим для всех случаев множеств является свойство элементов обладать всеми видами активности, приводящими к образованию статических или динамических структур» [202, стр. 445]. Применение этого подхода к процессам этногенеза позволяет решить проблему «историзма», так как все наблюдаемые факты укладываются в динамическую систему исторического развития, и нам только остается моделировать ту часть всемирной истории, которая непосредственно связана с нашей темой — этногенезом. Для развития общества модель будет другой.

Действительно, неоднократные попытки истолковать этнос как исключительно социальное, равно как и исключительно биологическое явление терпели неудачу потому, что вместо анализа (расчленения) предлагалось упрощение, которое неизбежно заводило исследователя в тупик. Даже в простой речи можно сказать «феодалное общество», но нельзя говорить «валлонское или гасконское общество». И наоборот, выражение «феодалный или капиталистический этнос» — бессмыслица, потому что общественные формы сменяются независимо от продолжительности существования этноса. Различие систем отсчета в социальном и этногенетическом планах находит выражение в общей теории систем. А.А. Малиновский выделяет два типа систем: корпускулярную и жесткофиксированную, — взаимодействующих разными способами [174, стр. 159—164]. Так, «в обществе развиваются типы связей, координирующие его функции (жесткая система). В виде (а в нашем случае в этносе) развитие идет за счет повышения совершенства особей, без ограничения в сроках развития и в пространстве (корпускулярная система). Следовательно, аналогии биологических и социальных уровней не обоснованы» [174, стр. 182].

Таким образом, мы можем определить реальное наличие этнической целостности как динамическое существование системы корпускулярного типа. Это замкнутая система, где первоначальный заряд энергии (пассионарности) постепенно расходуется, а энтропия непрерывно увеличивается. Поэтому живое вещество или система должна по-

стоянно удалять накапливающуюся энтропию, обмениваясь с окружающей средой энергией и энтропией. Этот обмен регулируется управляющими системами, использующими запасы информации, которые передаются по наследству [214, стр. 112]. В нашем случае роль управляющих систем играет традиция, которая равно взаимодействует с общественной и природной формами движения материи. Передача опыта потомству наблюдается у большинства теплокровных животных. Однако наличие орудий, речи и письменности выделяет человека из числа прочих млекопитающих, а этнос — форма коллективного бытия, присущая лишь человеку.

Применение теории систем позволяет приступить к пересмотру принципа концептуальных моделей глобальной истории. То, что эта задача до сих пор неоднократно ставилась и не получила удовлетворительного решения (Д.Б. Вико, О. Шпенглер, А. Тойнби) [34, стр. 65—67], не должно отвращать исследователя от продолжения попыток эмпирического обобщения, сколь бы трудны они ни были. В отличие от наших предшественников, выяснявших, как идет процесс, мы имеем возможность ответить на вопрос: что именно подвергается изменению, хотя мы будем иметь принципиально одностороннюю модель, представляющую только определенные аспекты явлений. Но ведь создание концепционных моделей лежит в основе любой исторической интерпретации, что и отличает историю (буквально — «поиск истины») от хроники или простого перечисления событий [34, стр. 68].

Нашим объектом исследований является не шпенглеровская «душа культуры» и не тойнбиское «умопостигаемое поле исследования» [270, стр. 5], а этническая система на том или ином уровне [97, стр. 92—95]. Иными словами, непосредственно наблюдаемые этносы — лишь фазы этногенетических процессов, причиной которых, согласно модели, является взрыв пассионарности, т.е. флуктуация энергии живого вещества биосферы. Явления, следующие за первоначальным толчком или взрывом, как то: расширение ареала, формообразование, затем упрощение структуры и переход к гомеостазу, — при всем разнообразии

условий сходно интерпретируются в пределах законного допуска.

Предлагаемый подход позволяет предложить решение «больного» вопроса о взаимоотношении «человека» с географической средой. Признав этнос сложной, многоступенчатой системой, мы имеем право включить в нее кроме людей орудия, которыми они добывают пищу, предметы искусства и научные воззрения, домашних животных и культурные растения. Это будет своеобразный развивающийся антропоценоз, запрограммированный так или иначе условиями, в которых произошел начальный пассионарный взрыв, включая в их число формацию социального спонтанного развития. Следовательно, этнос — не сумма особей, в него входящих, а система связей, объединяющих особи. Эти связи простираются не только в пространстве, но и во времени, но не бесконечно далеко, а ограниченном пассионарным взрывом, вследствие которого создалась данная этническая целостность. Равным образом этнос лимитирован в своем развитии, даже в оптимальных условиях территориальной изоляции, фазой гомеостаза или равновесия со средой как природной, так и этнической, т.е. соседними этносами. Поскольку гомеостатические этносы теряют резистентность, то первое же нарушение равновесия ведет к их распаду, а следовательно, и к гибели системы.

Из изложенного следует, что пассионарность нельзя рассматривать как социально-экономическое явление, ибо это противоречило бы закону сохранения энергии. Значит, она биологический признак, возникающий, как все признаки, вследствие мутаций и устраняемый естественным отбором. Поэтому следует рассматривать пассионарность как экзогенный фактор по отношению к этногенезу и эндогенный по отношению к биосфере.

История политическая, экономическая и культурная, откуда мы черпаем сведения об этногенезе, фиксирует только явления социальной действительности и поэтому нуждается в дополнении данными природоведения. Последние не лежат на поверхности, а постигаются путем анализа большого числа фактов и эмпирического обобщения. Решительный и важный шаг в этом направлении

сделал чл.-корр. АН СССР Ю.В. Бромлей, отметивший крайне важное свойство этноса — эндогамию (см. ниже).

Если считать этнос только социальным явлением, то заключение браков с иноплеменниками не может отразиться на его структуре. Если же они все-таки имеют значение, то несомненно, что наряду с социальными институтами, языком, культурой имеется определенная биологическая связь, которую нельзя ни отождествлять, ни сопоставлять с расовой. Единство людей, составляющих этнос, определяется внутренней структурой и стереотипом поведения. Если структура, формирующаяся в историческом процессе становления этноса, складывается на основе общественной формы движения материи, то стереотип поведения вырабатывается в процессе адаптации к природным условиям и передается путем «сигнальной наследственности», свойственной не только людям, но и животным, что заставляет отнести поведенческие явления к природным формам движения материи. Таким образом, этнос совмещает в себе «социальный организм» и популяцию.

Возникновение новой этнической целостности всегда связано с ломкой старых стереотипов и, следовательно, требует огромной затраты энергии. Значит, природа этноса энергетична, а биохимическая энергия, поглощаемая его представителями и выдаваемая в виде деятельности (созидательной или разрушительной), создает в психике ее носителя эффект, который мы назвали пассионарностью. Именно через высокий накал пассионарности происходит взаимодействие между общественной и природными формами движения материи, подобно тому как некоторые химические реакции идут лишь при высокой температуре и присутствии катализаторов. Импульсами пассионарности (биохимической энергии живого вещества, преломленной психонервной организацией человека) создаются и сохраняются этносы, исчезающие, как только слабеет пассионарное напряжение. И теперь можно раскрыть значение термина «этнос», которое предварительно мы только что описали. Этнос — это пассионарное поле одного ритма, ибо у другого этноса свой ритм. Именно эти ритмы мы и улавливаем ощущением «своего» и «чужого»,

но индивидуальное сознание не находит объяснения чувству и предпочитает игнорировать его. Только коллективное сознание науки и накопленный ею опыт позволяют нам понять, что за разнообразными внешними проявлениями этносов кроется глубинная сущность. То, что открыли физики в отношении электричества и света, химики — взаимодействие кислот и щелочей, пора уяснить этнологам, хотя бы во имя монизма науки.

Ритм не является природным. Он — свойство не особи, а этнического коллектива. Новорожденный имеет унаследованный от предков генотип и фенотип, но этнического ритма у него нет. Постепенно младенец входит в жизнь, и его биологическое поле начинает колебаться в унисон с полями окружающих. Это своего рода резонанс. Поэтому ясно, что для этнической принадлежности основное значение имеет воспитание на самых ранних этапах биографии особи, а не расовая принадлежность. Генотип может определить многое: темперамент, быстроту реакции, способность к абстрагированию, воображение и т.п., но не ощущение «своего» и «чужого» — отличительную черту этноса. Эта черта передается младенцу путем «сигнальной наследственности», т.е. традиции, и потому в этнических коллективах возможна инкорпорация, немыслимая в расе. Именно способностью людей резонировать на чужое этническое поле объясняются случаи приживания человека, попавшего в чужую этническую среду. Но такие случаи редки и не всегда безболезненны. Например, известный ориенталист и офицер русской армии казах Чокан Валиханов чувствовал себя, по собственному признанию, своим и в русском офицерском собрании, и в казахском ауле, но эта раздвоенность переносилась им очень тяжело. Исходя из сказанного, этническое поле находится не в телах особей, а между ними, и, следовательно, исследуя народы этнологически, мы изучаем не внешность явлений, а их сущность в пространстве и во времени. Все детали быта, обрядов, культа и т.п., описываемые этнографами, для этнологов только опознавательные знаки причины, их породившей.

Принципы «поля» и «системы» не только не противоречат, но дополняют друг друга. Первоначальный пассив-

нарный взрыв создает популяцию особей, весьма энергичных и тянущихся друг к другу. «Поле» создает причину для их объединения и дальнейшей солидарности, чаще всего не осознанной. Но даже эта первичная консорция, вступая в соприкосновение со средой, организуется в систему корпускулярного типа, чем противопоставляет себя окружению. Следующий шаг — оформление себя как социальной группы, т.е. создание жесткой системы с разделением функций ее членов, — это вступление в исторический процесс развития, запрограммированного локальными особенностями географического и этнического окружения, что при единстве модели этногенеза создает неповторимые коллизии в каждом отдельном варианте его.

Сформулированный нами тезис, по которому этнос как система имеет смысл природного явления, лишь коррелирующегося с общественными закономерностями, расходится с утверждением В.И. Козлова, что «этническая общность — социальный организм, сложившийся на определенной территории из групп людей при условии уже имевшейся у них или достигнутой ими... общности языка, общих черт культуры и быта, особенностей психического склада, а если эти группы резко отличались в расовом отношении, то и значительной метисации их» [152, стр. 56]. Иными словами, принцип системы заменен принципом сходности или похожести, по необходимости внешней, так как внутренние связи при этом подходе уловить невозможно.

По нашему мнению, цитированное определение имеет несколько недостатков, делающих его непригодным для этнической диагностики и заводящих в теоретический тупик. Но поскольку оно «считается общепринятым» [152, стр. 21] и наша попытка учесть соотношение этноса и ландшафта названа «биологизацией и этнической детерминизацией» [152, стр. 21, прим. 2], то придется внести ясность.

Прежде всего, В.И. Козлов высказывает взаимоисключающие утверждения. Указание на роль территории и особенности природной среды, обуславливающей материальную культуру малых этносов [102, стр. 44] как «условие возникновения и существования этнической общности» [152, стр. 29], показывает, что он сам связывает этносы с

географической средой. Да и трудно спорить против очевидности! Его заявление о необходимости метисации рас — такой биологизм, с которым нельзя согласиться. Например, индусы были объединены системой каст и не обращали внимание на то, кто данный брамин: ариец или дравид. И наоборот, большинство аннамитов перед образованием Вьетнама имели французскую примесь, но это не объединило их с французами.

Необходимость общности языка — домысел. Есть сколько угодно двуязычных и трехязычных этносов. Например, существование «**платдойч**» не разрушает единства немецкого народа. В Италии народ говорит на четырех языках, но итальянский этнос един. В Японии есть «женский язык», так же как у племени саджу в Бирме. И наоборот, наличие общего языка не ведет к этническому слиянию. Все дагестанцы говорят по-русски вполне свободно, но кумыки не становятся лакцами. Пресловутая общность культуры и быта чуть выше отрицается самим В.И. Козловым [152, стр. 40—41], причем его аргументация против самого себя буквально совпадает с нашей, опубликованной на четыре года раньше [72, стр. 114], но отсылочной сноски почему-то нет. Из всего сказанного вытекает, что набор признаков, претендующий на достижение объективного мерила, произволен. Думается, что и любой другой набор не решит проблемы, так как дело не в особях вида *Homo sapiens*, а в *связях* их между собой.

Еще менее целесообразен другой принцип — определение этнической принадлежности по форме № 1 паспортного стола [225]. Уже не говоря о том, что такая методика неприменима в странах, где вопрос о национальной принадлежности в анкетах отсутствует, как, разумеется, и для прошлых веков, здесь не учитывается достоверность первичного источника — личного заявления опрашиваемого. Приведу один только пример. Антрополог Ю.Г. Рычков обнаружил на побережье Охотского моря потомков землепроходцев-казаков с фамилиями: Атласов, Дежнев и т.п. Они записались эвенками, чтобы не платить подоходного налога. Поскольку эвенкийский язык они знали с детства и занимались охотой, то без специального этнографического исследования определить их этническую

принадлежность было невозможно. А потому стоит ли отказываться от тех результатов, которые может дать наука?

Отмеченные несообразности — не просто ошибки, а последовательное применение демографической методики там, где она неприменима принципиально. Демограф подсчитывает сходные категории людей: по полу, по возрастным группам, по роду занятий и т.д. Для него единица отсчета — человек, а для этнолога, применяющего системный подход, единица — характеристика связи, а объект — система связей. Разница точно такая, как между мерами длины — метрами и температуры — градусами. Основное для демографа — отыскание одинаковых людей для зачисления их в тот или иной разряд, подлежащий подсчету. Основное для этнолога — установление динамических связей между разными людьми. Простейшая система — семья состоит из мужчины и женщины и держится на их несходстве. Усложненная система — этнос или суперэтнос также держится не на сходстве входящих в него людей, но на устойчивости характера и направления закономерного, поддающегося моделированию изменения связей. В этом смысле этногенез — исторический процесс, но так же исторична любая эволюция.

Следует отметить, что наш «биологизм» — это учет бесспорных явлений: стереотипа поведения и адаптации в ландшафтных условиях. В.И. Козлов вводит в число факторов этногенеза расовую метисацию, наивно полагая, что гибриды могут стать без дополнительных факторов новым устойчивым типом. Но, согласно законам Г. Менделя, в третьем и дальнейших поколениях произойдет расщепление генотипов и возникнет широкий спектр изменений, отнюдь не соответствующий единой расе [171, стр. 125].

Исходя из системного подхода, следует считать наличие двух расовых компонентов в составе одного этноса нормальным и даже обязательным явлением, так как разнообразие элементов при постоянстве связей только укрепляет систему этнической целостности. К этногенезу расовая гибридизация отношения не имеет. Зато этническое смешение путем экзогамии, привнося новый стерео-

тип поведения, дает ощутимые последствия [101], а эндогамия стабилизирует этнос [38, стр. 84—91].

Итак, принять концепцию В.И. Козлова можно лишь путем отказа от бесспорных достижений не только этнографии, но и всех пограничных с ней наук.

При так называемом «этно-демографическом» аспекте не только систематика недостижима, но и классификация по выбранному признаку обесмысливается. Так, последовательное применение принципа лингвистического деления народов по группам дало повод С. Бруку отнести евреев к индоевропейцам, так как большинство их ныне говорит на индоевропейских языках [161, стр. 270 и 276, прим. 4]. Однако на этом же основании сюда следовало причислить американских негров, говорящих по-английски, французски, испански, португальски, и ирокезов штата Нью-Йорк, знающих английский язык с детства. Ученый обязан быть последовательным, даже если постулат приводит к абсурду, но тогда он имеет право сменить постулат. Именно это предпринято нами.

Мнения В.И. Козлова, которые он сам назвал «установленными и общепринятыми», не выдержали проверки фактами. Большой недостаток его концепции в том, что, говоря об «историзме» (странное словечко, что бы оно могло значить?), он искажает исторические факты, сам того не замечая. Например, он пишет: «Этническое самосознание в раннеклассовых обществах (имеется в виду XVI—XVII вв.) было, как правило, неотчетливым... Возникавшие идеи общности людей, говорящих на одном языке, обычно тонули в религиозных распрях... Французы-католики истребляли французов-протестантов, вынуждая тех искать помощи у протестантов Англии; в то же время немцы-католики, теснимые немцами-протестантами, заключали союзы с католиками Франции...» [152, стр. 62—63]. Все неверно! В XVI в. гугеноты держали в своих руках две трети французского королевства и опирались на немецкие, а не на английские войска. Большая часть французов были «политиками», противниками Гизов и Лиги. Они-то и посадили на престол вождя гугенотов Генриха IV Бурбона. Английские и немецкие католики ориентировались на Испанию, с которой Франция вела войну. Под-

держку гугенотам Лярошели организовали враги кальвинистов герцог Букингем и король Карл I.

Весь указанный период католическая Франция поддерживала в Тридцатилетней войне протестантскую унию, а не католическую Австрию. Мотив такой политической платформы был четко сформулирован Генрихом IV: «Я ничего не имею против того, чтобы там, где говорят по-испански, правил испанский король, а там, где по-немецки, — австрийский император. Но там, где говорят по-французски, править должен я».

Назвать это этническое самосознание «неотчетливым» можно только при недостаточном знании общедоступных учебников истории. На самом деле в XVI—XVII вв. Европа переживала период этнической интеграции. Много **мелких** этносов вошли в состав нескольких крупных, иногда растворившись в них целиком, а иногда сохранив память о своем прошлом. Примерами первого варианта служат провансальцы, ставшие французами, а второго — шотландцы и уэльсцы в Англии и бретонцы во Франции; по отношению к новым этническим целостностям они стали субэтносами, т.е. звеньями подсистем.

И наконец, неужели В.И. Козлов всерьез считает, что безграмотные гасконские бароны, полудикие севеннские горцы, удалые корсары Лярошели или ремесленники предместий Парижа и Анжера в самом деле разбирались в тонкостях трактовки Предопределения или Пресуществления? Если же они отдавали свою жизнь за мессу или Библию, то, значит, то и другое оказалось символом их самоутверждения и противопоставления друг другу, а тем самым индикатором глубинных противоречий. Эти противоречия не были классовыми, так как на обеих сторонах сражались дворяне, крестьяне и буржуазия. Но католики и гугеноты действительно разнились по стереотипу поведения, а это, как мы условились вначале, основной принцип этнической обособленности, для которой было достаточно оснований [102].

Ну а если бы гугеноты отстояли для себя кусок территории и создали там самостоятельное государство, как, скажем, швейцарцы? Вероятно, их следовало бы рассматривать как особый этнос, возникший вследствие измене-

ний исторической судьбы, потому что у них был бы особый быт, культура, психический склад и, может быть, язык, ибо вряд ли они стали бы объясняться на **париго**, а скорее выбрали бы один из местных диалектов. Это был бы процесс, аналогичный отделению американцев от англичан, и с позиции В.И. Козлова не ясно, что причина такого этногенеза — банальная дивергенция.

Мы уделили столь много внимания разбору концепции, состоящей из непримиримых противоречий и базирующейся на неверно изложенных, а подчас вымышленных фактах, только для того, чтобы оправдать свое стремление к поискам плодотворных решений этнологических проблем. Если бы все решалось просто, то не было бы нужды в анализе отдельных коллизий между «человеком» и ландшафтами Земли, не стоял бы вопрос о появлении новых этносов, которые, как мы видели [89,99], возникают большими скоплениями, составляя суперэтноты, и не возник бы вопрос о критерии этнической принадлежности и о разных последствиях при этнической (отнюдь не расовой) гибридизации. Решения этих вопросов на почве фактов пришлось искать не только в истории народов, но и в закономерностях биосферы, поскольку в нее входят и будут входить все люди. А биосфера, в свою очередь, связана с физико-химическими процессами нашей планеты, и энергия живого вещества, преломленная через человеческий организм как эффект пассионарности, формирует те неуправляемые человеком процессы, которые называются этногенезом.

ЭТНОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ¹

(ЛАНДШАФТ И ЭТНОС). XIII

Во всех исторических процессах от микрокосма (жизнь одной особи) до макрокосма (развитие человечества в це

¹ Вестник ЛГУ, 1972, № 13, стр. 70 — 80.

лом) общественная и природные формы движения соприсутствуют и взаимодействуют подчас столь причудливо, что иногда трудно уловить характер связи. Это особенно относится к мезокосму, где лежит феномен развивающегося этноса, т.е. этногенез, понимая под последним процесс становления этноса от момента возникновения до исчезновения или перехода в персистентное состояние гомеостаза. Но значит ли это, что феномен этноса — продукт случайного сочетания биогеографических и социальных факторов? Нет, этнос имеет в основе элементарную модель.

Три наших опыта построения модели в разных ракурсах дали тождественные результаты. Социально-политический анализ этногенеза позволил выделить фазы исторического становления, исторического существования и исторического упадка с последующим пережиточным или реликтовым прозябанием [99]. Аналогичное деление получилось при исследовании воздействия этноса на вмещающий ландшафт [82] и при этнографическом изучении способов отсчета времени [96]. Это дает нам право считать описанную модель верной в первом приближении, достаточном для практического применения при дальнейшем исследовании вопроса. Выраженная графически, наша модель имела бы не облик синусоиды или циклоиды, а неправильной кривой, у которой в начальных фазах идет резкий подъем до краткого перегиба, а потом длинный спад, все более плавный, либо до естественного затухания процесса, либо до насильственного его обрыва (См. рис. на стр. 311 — *Прим. ред.*). Суть модели в следующем.

В географическом аспекте этнос в момент своего возникновения — популяция, т.е. группа сходных особей, приспособившая определенный ландшафтный регион к своим потребностям и одновременно сама приспособившаяся к нему. Для поддержания достигнутого этноландшафтного равновесия необходимо, чтобы потомки повторяли деяния предков, хотя бы по отношению к окружающей их природе. В плане истории это называется традицией. Ее можно рассматривать и в социальном, и в биологическом аспектах, ибо М.Е. Лобашев открыл это же явление у животных и назвал его «сигнальной наследст-

венностью» [171]. Выбора между социальными и естественными дисциплинами делать не стоит, так как те и другие исследуют явления в разных направлениях и взаимно дополняют друг друга.

Но момент рождения, как всякий момент, краток. Появившийся на свет коллектив должен немедленно сложиться в систему, с разделением функций между членами. В противном случае он будет уничтожен соседями. Для самосохранения он быстро вырабатывает социальные институты, характер которых в каждом отдельном случае запрограммирован обстоятельствами места (географическая и этнографическая обусловленность) и времени (стадия развития человечества, т.е. тот или иной способ производства). Именно потребность в самоутверждении обуславливает быстрый рост системы, силы же для развития ее черпаются в пассионарности популяции как таковой. В этом ее отличие от общественных отношений, определяемых способом производства. Рост системы создает инерцию развития, медленно теряющуюся от сопротивления среды, вследствие чего нисходящая ветвь кривой значительно длиннее. Даже при снижении пассионарности ниже оптимума социальные институты продолжают существовать, иногда переживая создавший их этнос. Так, римское право прижилось в Западной Европе, хотя античный Рим и гордая Византия превратились в воспоминание.

Но что можно откладывать по ординате, если на абсциссе отложено время? Очевидно, ту форму энергии, которая стимулирует процессы этногенеза, т.е. пассионарность [99]. При этом надо помнить, что максимум пассионарности, равно как и минимум ее, отнюдь не благоприятствует процветанию жизни и культуры. Пассионарный перегрев ведет к жестоким кровопролитиям как внутри системы (этнической или суперэтнической), так и на границах ее, в регионе этнических контактов. И наоборот, при полной инертности и вялости населения какой-либо страны, когда уровень пассионарности приближается к нулю, теряется сопротивляемость окружению, этническому и природному, что всегда — кратчайший путь к гибели. Итак, пассионарность присутствует во всех этногенетических

процессах, и это создает возможность этнологических сопоставлений в глобальном масштабе.

Но перед нами встает другая трудность: еще не найдена мера, которой бы можно было мерить пассионарность. На основании доступного нам фактического материала мы можем только говорить о тенденции к подъему или спаду, большей или меньшей степени, но во сколько раз, мы не знаем. Однако для поставленной нами цели это препятствие преодолимо, ибо мы рассматриваем процессы, а не статические величины. Поэтому мы можем описать явления этногенеза с достаточной степенью точности, что послужит в дальнейшем базой новых уточнений. В любой науке описание феномена предшествует его измерению и интерпретации; ведь и электричество было сначала открыто как эмпирическое обобщение разнообразных явлений, внешне несхожих между собой. В отношении пассионарности мы находимся на уровне Франклина, а Кулон и Ампер уже позже нашли способы отсчетов и меры.

Однако если характеристика модели этногенеза всеми исследователями описывается единообразно, если даже нам удалось уловить энергетическую ее природу, то остается неясной причина самих исходных взрывов или пассионарных толчков. Отмеченные нами особенности — сочетание двух и более ландшафтов и двух и более этнических субстратов — легко объяснимы исходя из энергетической природы этногенеза — необходимости наличия разности потенциалов внутри возникающей системы для их дальнейшей нивеляции. Удобнее всего это просматривается на уровне суперэтнуса, так как на меньшие величины воздействуют экзогенные факторы с большим эффектом, а это обстоятельство снижает точность построения модели.

Непривычная для нас кривая проявления пассионарности равно не похожа ни на линию прогресса производительных сил — экспоненту, ни на повторяющуюся циклоиду биологического развития. Видимо, Наиболее правильно объяснить ее как инерционную, возникающую время от времени вследствие «толчков», которыми могут быть только мутации, вернее, микромутации, отражаю-

ищиеся на стереотипе поведения, но не влияющие на фенотип [240, стр. 140 — 156].

Как правило, мутация почти никогда не затрагивает всей популяции своего ареала. Мутируют только отдельные, относительно немногочисленные особи, но этого может оказаться достаточно для того, чтобы возникла новая порода, в нашем случае консорция, которая при благоприятном стечении обстоятельств вырастает в этнос. Пассионарность членов консорции — обязательное условие этого перерастания. В этом механизме состоит биологический смысл этногенеза, но он не подменяет и не исключает социального смысла.

Считать **пассионарность** социальным явлением нельзя, ибо это означало бы отрицание закона сохранения энергии. Однако популяции, охваченные пассионарным подъемом, создают социальные институты, благодаря чему становятся этносами, т.е. коллективами, противопоставляющими себя всем прочим. Так, в одном регионе могут сосуществовать два этноса, но две популяции немедленно сольются в одну.

И вот что странно: образование суперэтносов, связанное с пассионарными толчками, всегда захватывает территорию земной поверхности, вытянутую в меридиональном или широтном направлении, а иногда ось пассионарного подъема идет под углом к меридиану. Но какие бы разделяющие элементы ландшафтов ни находились на этой территории (горы, пустыни, морские заливы и т.д.), территория остается монолитной. Ландшафты и этнические субстраты определяют только то, что на охваченной взрывом пассионарности территории могут возникнуть два, три, четыре разных суперэтноса в одну и ту же эпоху. Заведомо исключен перенос признака пассионарности путем гибридизации, так как последняя непременно отразилась бы на антропологическом типе метисов. Наземные барьеры исключают также культурный обмен и заимствование путем подражания. То и другое легко было бы проследить на произведениях искусства и материальной культуры. Очевидно, мы встречаем особое явление, требующее специального описания. Напомним, что новый суперэтнос или этнос возникает из обязательного смешения

ния нескольких этнических субстратов, но *не всегда*. Это значит, что взрыву пассионарности (или пассионарному толчку) сопутствует какой-то дополнительный *фактор*, без которого процесс не может начаться. Этот фактор надо искать в явлениях природы, потому что «энергию живого вещества биосферы», как и порождаемый ею феномен этноса, следует отнести к той природной форме движения материи, которая находится в зазоре между общественной и биологической сферами. Проверим наш тезис точно выверенным материалом этнической истории, подобно тому как историческая геология черпает необходимые сведения из палеонтологии, являющейся, собственно говоря, разделом зоологии. Мосты между науками всегда приносят неплохие результаты.

Чтобы избежать распространенных ошибок историографии: aberrации дальности, когда давние события не могут быть строго датированы, и aberrации близости, когда анализируются незаконченные процессы,— мы ограничим себя периодом, достаточно изученным и вполне завершенным. Конечно, это не начало этнической истории человечества, но, уяснив характер модели на знакомом материале, мы затем сможем переносить ее в древность и в новое время как установленную глобальную закономерность. В этом смысл и значение любой науки.

Начнем с наиболее ясного — Средиземноморья в IV веке до н.э. Эллинский суперэтнос, включивший в себя Македонию, распространился на восток до Индии, на запад до Испании (Сагунт) и Галлии (Массилия), подавив соперничавшие с ним пунийский этнос (Карфаген) и Этрурию. Хотя оба последние сохранили самостоятельность, но гегемонию на море утратили. Однако отлив пассионарного элемента на окраины, наряду с пережитыми в недавнее время войнами (Пелопоннесской, Фиванской и др.), сделал Элладу менее резистентной, это видно из того, что инициативу Афин и Спарты стали перехватывать полудикие горцы Эпира, Этолии и скромные крестьяне Ахайи. Не то чтобы они набрали особую мощь, но при изоляции бывших центров пассионарности их сила оказалась достаточной для того, чтобы вступить в борьбу за гегемонию с надеждой на успех. Тот же процесс, происходивший

в Италии, вознес разбойничью республику на семи холмах, превратившихся в Вечный Город. И тут уместно привести одно важное наблюдение. Главные соперники римлян — самниты, не уступавшие им в храбрости, имели обычай поставлять своих юношей в наемные солдаты то в Карфаген, то в эллинские города: Тарент, Сиракузы и др. Естественно, что большая часть уходивших в поисках приключений и богатства гибла, а те, кто возвращались, были измотанными. Римляне, наоборот, держали свою молодежь дома, хотя она доставляла им немало хлопот. Таким образом сохраняли пассионарный фонд и воспользовались им в войнах с Пирром и Ганнибалом, что дало Риму власть над Средиземноморьем. Тем не менее этот фонд таял, что повело к реформе Мария — образованию профессиональной постоянной армии, в которой железная дисциплина давала возможность использовать субпассионариев в качестве рядовых. Структурная система римского этноса распалась на две консорции — сенат и армию. При Цезаре армия победила, и снова она победила после его гибели, под командованием Октавиана и Антония. Последующие три века армия втягивала в себя все пассионарное население Римской империи, и гражданские войны шли между военными группировками. Галльские легионы Вителлия сражались с преторианцами Огона и с сирийскими войсками Веспасиана, причем все были укомплектованы представителями разных этносов, входивших в один суперэтнос. Даже так называемая «сенатская партия» Гордианов опиралась на легионы, стоявшие в Нумидии, но не на римлян (по происхождению) и не на нумидийцев. В III в. система перестала действовать — легионы стали терпеть небывалые поражения. В 251 г. лучшие войска Рима с талантливым полководцем императором Децием во главе были наголову разбиты готами, а сам Деций убит. В 260 г. император Валериан потерпел поражение от персидского шаха Шапура I и был взят в плен. Восставшая Пальмира захватила все азиатские провинции Рима.

Что произошло? Легионы стали слабее или соседи империи сильнее? Пожалуй, то и другое сразу. Это-то для нас и важно.

Конечно, та часть римского этноса (в это время совпадавшего с античным греко-римским суперэтносом), которая входила в легионы, теряла пассионарное напряжение быстрее, чем это должно было бы быть, из-за потерь на полях битв. При каждом перевороте, которых в III в. было много, солдаты вымещали свои служебные обиды на командном составе, т.е. истребляли тех офицеров, которые поддерживали дисциплину. Это значит, что происходила экстерминация наиболее ответственных, инициативных, исполнительных и верных долгу воинов, места которых занимали беспринципные и продажные люди. В отношении морального и культурного уровня «солдатских» императоров III в. эта деградация замечена и описана, но для нашей темы важнее отметить, что она коснулась всех слоев армии, в то время втягивавшей в себя весь пассионарный элемент римского этноса (после эдикта Каракаллы — римских граждан), ибо только в армии честолюбивый юноша мог сделать карьеру, хотя и с риском для жизни.

Аврелиан и его наследники нашли выход из создавшейся ситуации путем привлечения на службу иностранцев — германцев, мавров, **языгов**, арабов и т.п. В результате к началу V века вся римская армия оказалась укомплектованной иноземцами. Это значит, что римский этнос, переставший поставлять добровольных защитников родины, потерял **пассионарность**. Структура, язык и культура империи еще по инерции держались, в то время как подлинные римляне насчитывались отдельными семьями даже в Италии, которую заселили выходцы из Сирии и потомки военнопленных рабов — колонны.

И все-таки, несмотря на трагичное положение, римская армия удерживала границу по Рейну, вал по Твиду и неплохо справлялась с нумидийцами и маврами. Тяжелее было на востоке. Готские корабли проникали в Эгейское море, Персия, располагая в 50 раз меньшими ресурсами, успешно вела войну в Месопотамии, а разгром даков и иудеев во II в. н.э. потребовал напряжения всех сил Римской империи. По сути дела, империю спасли только иллиро-фракийские части и их вожди, становившиеся императорами, от Аврелиана до Диоклетиана. К их числу принадлежал знаменитый полководец Аэций, которого

называют «последним римлянином». Но дело обстоит не столь просто.

Начиная со II в. н.э. в восточных провинциях Римской империи и на некоторых территориях, расположенных от них к северу, наблюдается подъем активности населения, начало этногенеза новых народов — готов, антов, вандалов. В пределах империи этот подъем пассионарности приобрел оригинальную доминанту — создание конфессиональных общин на смешанной этнической основе, как христианских, так и гностических и языческих (неоплатоники). Принято говорить, что христианство — религия рабов. Это верно, но при этом упускалось из виду, что рабы в подавляющем числе пополнялись военнопленными. Браки между разноплеменными рабами разрешались их хозяевами, а браки с иноверцами воспрещались руководителями христианских общин, которые мы смеем называть консорциями [80]. Таким образом, в христианских консорциях сгруппировались гибриды, обладающие, как известно, повышенной лабильностью. Обычно такие формы неустойчивы и распадаются за два-три поколения, но здесь имел место какой-то дополнительный фактор, сообщивший христианским общинам огромное пассионарное напряжение. Благодаря несравненной жертвенности, несмотря на жестокие гонения, к 313 г. христианская община, уже получившая организацию (церковь), подменила императорскую власть.

Надо думать, что видимому и зафиксированному подъему пассионарной активности (пассионарному толчку или взрыву) предшествовал некоторый инкубационный период. Зачинателями сопротивления Риму оказались не христиане и готы, а иудеи в Палестине и даки. Но тех и других физически уничтожила военная машина Римской империи. Уцелели только те даки, которые согласились романизироваться, и те иудеи, которые жили за пределами Палестины, но последние и не испытали на себе подъема пассионарности! Надо сказать, что история как наука — прибор нечуткий. Она устанавливает большие события типа войн, восстаний, создание учреждений, кодификацию законов и т.п., но мелкие нарушения стереотипа поведения, часто незаметные современникам явления или

рассматриваемые как случайные отклонения от нормы, история не фиксирует. Поэтому мы введем хронологический допуск ± 150 лет, что на результат не повлияет, но даст право рассматривать эпоху 150 — 450 гг. без излишней дифференциации, а как целостную эпоху. Этим путем мы сразу выйдем в географию.

Наложив на карту регионы, в которых отмечен подъем пассионарности, мы получим монолитную территорию, вытянутую с севера на юг, границы которой размыты. Ось исследуемого региона проходит от о. Готланд (Скандза), через устье Вислы, западную часть Малой Азии до Палестины, а южнее не прослеживается. Области, примыкающие к этой оси с запада — междуречье Вислы и Одры, Паннония, Фракия и с востока — правобережье Днепра, где жили анты, Армения, Персия (западная), также проявляли активность пассионарного типа: усиление вандалов и антов, захват Рима фрако-иллирийскими legionерами, восстание Сасанида Арташира, победившего парфян в 226 г. К этой пассионарной популяции принадлежал и Аэций, которого правильнее называть не «последним римлянином», а «первым византийцем»...

Народы, находившиеся за пределами очерченного региона, продолжали оставаться в процессе «пассионарной энтропии». Не только галло-римляне и бритты, но и франки, фризы, иберы, несмотря на храбрость, физическую силу, выносливость и т.п., не имели того дополнительного качества, которое позволило бы им защитить от врагов имущество, семью и жизнь. Так же точно вели себя на восточной окраине региона богатые и культурные аланы, позволившие завоевать себя диким и малочисленным гуннам [64].

Описанное явление было очевидно современникам событий. В 330 г. император Константин перенес столицу в маленький город Византию и превратил ее в роскошный Константинополь. Туда стекались пассионарии отовсюду. Много готов осело во Фракии под предлогом службы в войсках. Анты прорвали Дунайскую линию укреплений и заселили Балканский полуостров, включая Пелопоннес. Сирийцы распространились от долины р. По до излучины р. Хуанхэ. К VI в. создался разноплеменный и разноязыч-

ный, но монолитный этнос, который мы условно именуем византийским. Греческий язык — наследие древности — был только государственным и общепонятным, а дома все говорили на родных языках. Очень быстро этот «византийский» этнос стал суперэтносом, так как его обаянию покорились армяне и грузины, ирландцы и славяне, кираиты и онгу́ты.

Но дальнейшее нас не интересует, потому что это достояние истории. Для нас же важно отметить, что пассионарный толчок, породивший пассионарный подъем II — IV вв., произошел на пространственно монолитной территории, включавшей в себя районы совершенно несходные в социальном, экономическом, этнографическом, антропологическом и популяционно-генетическом аспектах. Случайно ли это? Проверим на других примерах.

В начале VII в. подъем пассионарности зафиксирован в Аравии. Он также имел конфессиональную доминанту и этногенетическую природу, ибо Мухаммед объявил, что мусульманин не может быть рабом, и принял в свою общину тех рабов, которые произнесли формулу ислама. Пропаганде новой веры предшествовал инкубационный период накопления пассионарности. В VI веке в Аравии появилась плеяда поэтов, и надо ли доказывать, что без порыва сочинять хорошие стихи невозможно.

На этот раз ареал пассионарного толчка был вытянут в широтном направлении. В 632 г. тибетский царь Сонцэнгабмо, борясь со своей знатью, пригласил в Тибет буддийских монахов. Это показывает высокую степень накала пассионарности, которому также предшествовал инкубационный период в VI в. [93]. В Тибете борьба тоже имела конфессиональную окраску, но не настолько густую, чтобы затушевывать социальную доминанту — соперничество царя, опиравшегося на народ, и знати, поддержанной местным жречеством. Однако напряжение этой борьбы было таково, что в конце IX века Тибет распался на составные части, а все участники борьбы погибли.

В Китае ареалом пассионарного толчка оказалась задетой только северо-западная окраина — Шэньси и Ганьсу. Отсюда вышли в степь тюркюты и уйгуры, здесь родились основатели династий Суй и Тан, а также их

соратники [9]. В этих провинциях наблюдались все необходимые условия для этногенеза: сочетание степного и горнолесного ландшафтов, гибридизация китайцев с тибетцами и степняками. Но дополнительный фактор — возбудитель пассионарности — обнаружился только в VI в. и дал начало средневековому Китаю, который самостоятельно существовал до XVII в., т.е. до маньчжурского завоевания. К степным народам судьба была более жестока. Этногенез **тюркютов** был оборван в VIII в. победой уйгуров, а уйгурский — деформирован в IX веке победой кыргызов, вытеснивших уйгуров из степи в оазисы, где остатки побежденных смешались с аборигенами, подарив им свое имя [86].

Южнее тридцатой параллели, на которой стоит Лхаса, расположена Раджпутана, находившаяся на середине прямого пути от Лхасы до Мекки. История Индии в домусульманский период освещена источниками плохо, так как индусы предпочитали заниматься философией, а не событиями земной жизни. Поэтому о появлении народа со странным именем «раджпуты» (царевичи) мы узнаем только из событий VIII в., видимо отстоящего далеко от начала процесса этногенеза. Раджпуты — это бесчисленное множество мелких племен, часть которых, пришедшая из Средней Азии, поклоняется солнцу, а другая часть, местная, почитает змея. В VII в. произошла так называемая «раджпутская революция», опрокинувшая престол династии Гупта. Буддийских монахов, сторонников Гупта, раджпуты истребили и, поделив Индию на множество независимых княжеств, установили в ней систему каст, просуществовавшую до XX века. Опять совпадают время и место пассионарного толчка, и снова остается загадочным наличие социально-экономических, культурно-этнографических и **популяционно-генетических** барьеров. Что **пассионарность** наследуемый признак — сомнений нет, но она не могла в данном случае распространяться путем панмиксии, ибо антропологические черты столь разнят арабов и тибетцев, индусов и северных китайцев, что при наличии смешанных браков у гибридов проявились бы черты обоих родителей. Однако у арабов нет следа монголоидности, а **монголоидность** тибетцев вне сомнений.

Значит, пассионарность не только передается от родителей, но и возникает в определенные эпохи на строго очерченных регионах с размытыми границами. Следовательно, это географический феномен на историческом и биологическом фоне. Проверим наш вывод на новых примерах.

Тогда же, в VIII в., когда Византия переживала жестокий внутренний перелом, выразившийся в иконоборчестве, а в Азии расцветали и расширялись суперэтноты, возникшие в VI в., — **арабо-мусульманский**, табгачский (средневековый Китай), тюркско-тибетский (их можно объединить по признакам генезиса и территории), — Западная Европа переживала глубокий упадок. Она стала объектом **экспансии**. Арабы дошли до Луары, авары простерли набеги до Рейна, финны и лопари оттеснили скандинавов на юг полуострова. Хозяйственная система, унаследованная от Рима, пришла в полный упадок, так что на территории Франции восстановился девственный лес. Последнее указывает на исключительное снижение пассионарности, так как самый консервативный класс — крестьяне снизили интенсивность обработки земли до минимума, позволявшего только что не умереть с голоду. Короли даже в то время получили прозвище «ленивых», а их дружинники соперничали в дикой разнузданности и забвении традиций верности и долга.

Некоторой попыткой навести порядок была политика первых **Каролингов**, сплотивших вокруг себя наименее деморализованные элементы страны. Результатом их усилий была империя Карла Великого, развалившаяся уже при его внуках. В этой империи все было импортным. Идеологию взяли у Византии, образование получили из Ирландии, военную технику (рыцарскую конницу) заимствовали у аваров, медицину — у арабов и евреев.

Неотвратимый упадок пассионарности влек за собой распад культуры, экономики, политической власти. Но в IX в. положение изменилось радикально. Произошли «феодалная революция» и движение викингов. С этими явлениями совпадает первая волна реконкисты в Испании. Астурийцы, дотоле державшиеся в своих горах, оттеснили арабов за Тахо. Правда, они вскоре были отбиты,

но сама попытка показывает, что у них возродилась воля к борьбе и победе.

Теперь несколько слов о викингах, о которых есть столько превратных суждений, что надо внести ясность. В IX в. в Скандинавии перенаселения не было, так как свободных фиордов и теперь много, хотя людей стало больше. Формация там была общинно-первобытная, и конунги являлись выборными племенными вождями. До IX в. скандинавы еле-еле отстояли свою родную землю от натиска лопарей, пока не вытеснили их на крайний север, в тундру. Викингами называли тех людей, которые не желали жить в племени и подчиняться его законам. Слово «викинг» носило оскорбительный оттенок, отчасти соответствующий современному «бродяга» или «разбойник». Когда юноша покидал семью и уходил в дружину викингов, его оплакивали как погибшего. И действительно, уцелеть в далеких походах и постоянных боях было нелегко. При этом викинги не обладали особой храбростью, но скрывали боязнь битвы, надеясь опьяняющими мухоморами. В опьянении они были неукротимы, но ведь другие бросались в атаку трезвыми. Иными словами, викинги были людьми несколько отличного от прочих склада. Они обладали пассионарностью. Естественно, что малопассионарные норвежцы предпочитали сидеть дома и ловить селедку. Да их в свою дружину викинги и не приняли бы. Зато скандинавские пассионарии разнесли славу своей ярости по всей Европе и вынудили ее обитателей защищаться. Однако поздние Каролинги и их свита не проявили никаких способностей к организации обороны, что вызвало законное недовольство их подданных. Тогда отдельные инициативные военачальники возглавили тех, кто хотел и мог обороняться, например Эд, граф Парижа. Население предпочло иметь энергичных правителей и отказало законным монархам в покорности. Феодалы захватили власть в Европе.

О том, что такое феодализм, написано достаточно. Нам следует лишь отметить, что люди, получавшие бенефиции и лены, ставшие в IX в. наследственными, подбирались ранними Каролингами по деловому принципу. До того как феодализм стал формацией и до того как он был

оформлен юридически, Карлу Мартеллу и Пипину Короткому требовались толковые помощники, а те работали только за плату: «*Nullum officio sine beneficio*», т.е. «нет службы без вознаграждения».

В те времена на опасные задания во время постоянных малых войн имело смысл посылать только энергичных, инициативных и смелых людей, согласных за хорошую плату рисковать жизнью. Значит, первые поколения феодалов составлялись из пассионариев. До IX в. число их было незначительно, т.е. шел инкубационный период. В X — XI вв. их было гораздо больше, чем требовалось, и постоянные войны, затеваемые ими, разоряли европейские страны не меньше, чем нашествия соседей. Избыток пассионарности стал губителен. Тогда, в уже сформировавшемся феодальном обществе, возникло стремление избавиться от лишних пассионариев путем отправки их за море. Эта первая колониальная экспансия была организована римским папой Урбаном II в 1095 г. на соборе в Клермоне как крестовый поход. Первые четыре крестовых похода снизили пассионарное напряжение романо-германского суперэтнуса, что позволило подавить сепаратистские силы на юге Франции. В XVI в. имел место аналогичный отлив пассионариев в Вест- и Ост-Индию, а в XVII в. — в Северную Америку, что принесло Западной Европе некоторое успокоение.

Но дальше идет компетенция истории, на базе которой этнолог может построить такую же модель романо-германского суперэтнуса, какую мы уже построили для ряда предшествовавших. Для этнологии рождение общественных институтов — индикатор глубинных процессов корреляции истории общества и истории природы. И здесь нам надлежит обратить внимание на еще одно явление, тесно связанное с ростом пассионарности, — на изменение этнической доминанты. В IX в. в Европе появились этносы нового типа, которые у современников получили название «нации» (от лат. *natio* — рожденный).

Это слово IX в. не совпадает с принятым в советской науке значением термина «нация» как социальная функция, т.е. «высшая форма этнической общности людей, сложившаяся на базе как буржуазных, так и социалисти-

ческих общественных отношений» [120, стр. 24] и, следовательно, относящаяся к капиталистической и социалистической формациям [226, 2]. Разумеется, средневековое понимание термина «нация» было иным.

Поэтому, читая название государства Карла Великого: «Священная Римская империя германской нации», мы должны помнить, что этот термин эквивалентен нашему термину «этнос»¹, а отнюдь, не «нация» или «народность». Но и этот термин для IX в. стал архаизмом, потому что он обозначал уже исчезнувшую суперэтническую целостность. Именно тогда сложились ныне существующие этносы: немцы и французы, а также несколько других — провансальцы, **аквитанцы**, бретонцы, влившиеся во французский этнос. Это были первые этносы, образовавшиеся одновременно с развалом государства франков. Они разорвали его железный обруч, так как процесс этногенеза шел одновременно и параллельно с ростом феодализма. Но это совпадение характерно только для Западной Европы. В других регионах аналогичные процессы этногенеза накладывались на другие социальные структуры, и формы, ими образуемые, были всегда оригинальными, что мы и отметили выше.

При распадении империи Карла Великого его внуки в 843 г., встретившись в Вердене, именовались: Карл, король французов, и Людовик, король немцев. До этого все их подданные были «римляне германской нации», т.е. германцы по рождению, юридически оформленные как римляне. Последнее было не ново. Ведь были галло-римляне, испано-римляне, иллиро-римляне и т.д., но то, что общность нового типа, совмещающая единство происхождения и языка, оказалась предпочтенной юридической форме, показывает, что появилась новая этническая доминанта, т.е. принцип, на котором люди нового склада стали объединяться в коллективы. Поэтому можно и должно рассматривать дробление западноевропейского суперэтноса не на общины, не на племена, не на полисы,

¹ Этносы — «исторические общности людей (племя, народность, нация), которые образуют своеобразные явления, не относящиеся ни к базису, ни к надстройке» (Философский словарь. М., 1963, стр. 320).

а на «Nationes» как локальный вариант этногенетического процесса [17].

И опять-таки отметим хронологическое совпадение *подъема* пассионарности в Скандинавии, западной Германии, северной Франции и северо-западной Испании, т.е. на оси, ориентированной с северо-востока на юго-запад. Никакого переноса генов пассионарности из Скандинавии в Астурию и наоборот не было, равно как и культурных заимствований. Смещение имело место во Франции, которая выдвинулась на первое место в Западной Европе. Англия и Италия находились за пределами ареала пассионарного подъема и стали его жертвами. Англию захватили **франко-норманны**, Италию — саксы, франконцы и швабы. Но импортированный заряд пассионарности воздействовал на этногенез этих стран так же, как и возникший естественным путем, только с небольшим хронологическим отставанием.

К XIII в. вся Западная Европа была охвачена мощным процессом образования этносов, равно как и подъемом культуры и государственности. Эти процессы шли параллельно, в постоянном взаимодействии. Число средневековых этносов сначала увеличивалось. Так, на территории Франции выделились бретонские кельты, гасконцы, аквитанцы, провансальцы, но нормандцы связали свою судьбу с собственно французами, можно думать, потому, что наиболее пассионарная часть населения Нормандии вместе с Вильгельмом Завоевателем переехала в Англию. Юг сопротивлялся французам отчаянно. Сначала сопротивление возглавили **манихеи-альбигойцы**, потом английские короли Плантагенеты, уроженцы **Пуатье**, потом там укоренились гугеноты и, наконец, жирондисты, противники Робеспьера. Только победа капитализма во Франции укрепила влияние Парижа на юге страны, потому что юноши шли на заработки в столицу, а девушки нанимались в горничные. Возвращаясь домой, они приносили усвоенный стереотип поведения и передавали его своим детям; остальное довершили школа в XIX в. и радио (XX в.).

Таким образом, видимое начало западноевропейского романо-германского суперэтноса можно датировать сере-

диной IX в., а инкубационный период — VIII в., когда первые проблески пассионарности еще не разрушили старых традиций, унаследованных от Византии и германских предков.

Дальнейшая этническая история Европы прослеживается путем изучения истории, что лежит за пределами поставленной в этой статье проблемы.

И наконец, можно отметить пассионарный подъем в XII в. в Монголии и Маньчжурии. Продуктами его были чжурчжэни, завоевавшие в середине XII в. Северный Китай, и монголы, политически объединенные в XIII в. Чингисханом. Этому видимому подъему предшествовал инкубационный период, занявший вторую половину XI в. [98].

В XIV в. точно такой же толчок имел место в Восточной Европе, где одновременно возникли этносы: литовско-русский, великорусский и татарский тюркоязычный (до этого «татарами» называли монголоязычное войско золотоордынских ханов). Южнее Черного моря на той же меридиональной полосе создались турки-османы [80], сунниты, и азербайджанские турки, объединенные под знаменем шиизма; но ведь мы отмечали, что новый этнос может принимать любую окраску, в том числе и конфессиональную. Однако тут полоса пассионарного взрыва не продвинулась дальше на юг и не достигла тропиков.

Объем статьи не позволяет нам остановиться на этом интересном примере, а также других, ибо число разобранных нами случаев пассионарных «толчков» не исчерпано. Но ничего принципиально отличного от приведенных примеров мы не найдем. Поэтому можно сделать выводы:

1. Время от времени на разных участках поверхности Земли возникают пассионарные популяции, которые образуют консорции, в дальнейшем либо превращающиеся в этносы, либо погибающие.
2. Один пассионарный «толчок» может породить несколько суперэтнических образований.
3. Регионы суперэтносов могут быть разделены наземными барьерами, исключаящими популяционно-генетический обмен и культурно-исторические влияния, но ареал пассионарного подъема монолитен.

4. **Пассионарность** — признак (в биологическом смысле), составляющий наполнение исторических процессов, направление которых определяется общественной формой движения материи, с которыми происходит корреляция, составляющая содержание исторической географии и этнической истории.

Что же касается объяснения столь странных особенностей появления пассионарности, то для него может быть предложена только гипотеза, тогда как изложенное здесь представляет «эмпирическое обобщение, по степени достоверности приравняваемое к наблюдаемому факту» [15, стр. 19].

ВНУТРЕННЯЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ЭТНОГЕНЕЗА¹

(ЛАНДШАФТ И ЭТНОС). XIV

Концепция, изложенная в статьях этой серии (ссылки на них см. в тексте под римскими цифрами) и развитая в журнале «Природа» [99, 102], получила от оппонентов наименование «географо-психологической» [153]. Несмотря на ироничность определения, я склонен с ним согласиться. Смысл концепции, правильно понятый рецензентом журнала «Вопросы философии» (1971, № 1, стр. 158), находится во «вскрытии связи жесткой логики событий человеческого общества с историей биосферы нашей планеты» и в «дополнении социологического аспекта этнологическим».

Под психологией ныне понимают физиологию высшей нервной деятельности, которая проявляется в поведении людей. Следовательно, этнопсихология должна заниматься надындивидуальным поведением человеческих сообществ, именуемых этносами. При этом она не теряет своей принадлежности к природным формам движения материи, не только биологической, но и физической, механической и химической. Эти формы действуют на отдельных

¹ Вестник ЛГУ, 1973, № 6, стр. 94 — 103.

людей, влияют на этносы, но в человеческом обществе никогда не могут приобретать решающего значения в становлении спонтанного прогрессивного развития. Подобно тому, как в географии мы не отождествляем природу и общество, так и в этнологии бессмысленно сводить все многообразие феномена этногенеза только к социальным или только к биологическим закономерностям, опуская при этом биохимические и биофизические процессы биосферы, имеющие не меньшее значение (XII). Хотя наличие в поведении человека биологических импульсов не подлежит сомнению [40], наша задача состояла лишь в определении их роли в этногенезе [80]. Эта проблема осложняется необходимостью исследовать разные этногенезы диахронически, дабы уловить в них моменты, сходные не по внешности, а по роли и месту в процессах, т.е. требуется сопоставлять одинаковые фазы этногенезов. Подобные исследования производились нами в планах историко-географическом [82] и сравнительно-этнографическом [96], но наши читатели требуют от нас социально-исторического критерия [123, 217]. Поэтому мы сосредоточим внимание и на этой стороне проблемы, предварительно уточнив терминологию и выводы наших исследований, предшествующих данному.

Согласно концепции, изложенной в цитированных выше статьях, этнос — явление природы, обнаруживаемое нами через ощущение (отнюдь не сознание или самосознание), облакающееся в формы социальных институтов и определяемое, в каждом отдельном случае, через те или иные индикаторы: язык, традиции, религии, материальную культуру и т.п. Этническое развитие, в отличие от социального, дискретно. Этногенез — инерционный процесс, где первоначальный заряд энергии (описанной В.И.* Вернадским) расходуется вследствие сопротивления среды, что ведет либо к этническому равновесию с ландшафтным и человеческим окружением, т.е. превращению в реликт, либо к распаду этнической целостности, причем особи, ее составлявшие, входят в состав других этносов.

Есть утверждение, что этнос — явление только социальное, и действительно, он наблюдаем лишь в тех или иных социальных формах. Но этносы были всегда, после

того как на Земле появился неолит. И способ их существования, как показывает история человечества, один и тот же: зарождение, расширение, сокращение степени активности и либо распад, либо переход к гомеостазу. Это типичный инерционный процесс системы, обменивающейся со средой информацией и энтропией. А общественные институты различны; это означает, что социальная форма движения материи и этногенез — два разных, хотя и коррелирующихся процесса (X, XII).

Мы уже отметили, что наличие этногенеза как процесса не повсеместно. Затухшие этногенезы оставляют после себя реликтовые этносы, которые при достаточной изоляции существуют сколь угодно долго, так как их системы столь мало пассионарны, что находятся в стабильном состоянии (IX).

К этому необходимо добавить, что и в развивающихся этносах большая часть особей имеет столь же слабую пассионарность, что и в реликтовых. Разница лишь в том, что в динамических системах присутствуют и действуют пассионарии, вкладывающие свою избыточную энергию в развитие своей системы. Если принять статическое состояние за нулевой уровень, то динамические будут просто его локальными возмущениями. Вместе они образуют четырехчленную конструкцию: этнический покой¹, инерция некоего толчка, потеря инерции, возвращение в состояние этнического покоя. Это движение выражается в закономерной и единообразной смене доминирующих психо-нервных конструкций (складов) при постоянном наличии нулевого, свойственного статическому состоянию. Это и есть схема этногенеза в его видимой, поведенческой форме [82, 96].

Но если мы попытаемся интерпретировать отмеченное нами явление, то будем вынуждены обратиться к описанной выше пассионарности, которая является проявлением единственной формы энергии, влияющей на характер поведения человеческих сообществ. В самом деле, **первоначаль-**

¹ Под «этническим покоем» понимается стабильное состояние этноса, где каждое поколение повторяет жизненный цикл предшествовавшего, что обычно связано с изоляцией [IX, 82, 96].

чальный толчок, нарушающий инерцию покоя, — это появление поколения, включающего некоторое количество пассионарных особей. Они самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели. Необходимость сопротивляться окружению заставляет их объединиться и действовать согласно: так возникает первичная консорция, быстро обретающая те или иные социальные формы, подсказанные уровнем общественного развития данной эпохи. Порождаемая пассионарным напряжением активность, при благоприятном стечении обстоятельств, ставит эту консорцию в наиболее выгодное положение, что способствует увеличению числа ее членов за счет интенсивного размножения. Так создается этнос как система, где соподчиненность особей является условием существования. Но та же самая пассионарность толкает людей на взаимоистребление ради преобладания в системе, и тогда пассионарное напряжение уменьшается, пока не дойдет до нуля. После этого инерция движения, коренящаяся в социальных институтах и традициях, поддерживает существование системы, но она обречена и переходит в гомеостаз (XII).

И самое интересное, что не только во время войн снижается пассионарное напряжение. Это было бы легко объяснимо гибелью особей, слишком активно жертвующих своей жизнью ради торжества своего коллектива. Но пассионарность столь же неуклонно падает во время глубокого мира, причем даже быстрее, чем в жестокие времена. И самое страшное для этноса — переход от спокойного существования к обороне от натиска другого этноса; тогда неизбежен, если не наступит гибель, надлом, никогда не проходящий безболезненно. Объяснить это явление социальными причинами или факторами невозможно, но если рассматривать повышенную пассионарность как наследуемый признак — все ясно.

Во время феодальных войн женщины ценили героев, шедших в бой, благодаря чему те, прежде чем погибнуть, успевали оставить потомство, пусть не всегда путем законных браков. Дети вырастали и продолжали совершать поступки, подсказанные их конституцией, даже не зная

своих отцов. И наоборот, в тихие эпохи идеалом становился умеренный и аккуратный семьянин, а пассионарии не находили места в жизни. Именно такую ситуацию иллюстрирует «Обрыв» И.А. Гончарова, где девушка предпочитает и революционеру, и артисту богатого и бездарного помещика. Пассионарии, ненужные, а подчас мешающие обществу, умирали без потомства. Их исчезновение из популяции проходило незамеченным, пока внешние удары не потрясали этнос, а когда это происходило — оказывалось, что утрата невосполнима. И тогда наступала фаза обскурации, т.е. агония.

Итак, мы теперь имеем право утверждать, что этнические процессы не являются разновидностью социальных, хотя и постоянно взаимодействуют с ними, что составляет многообразие исторической географии, где, как бы в фокусе, сопрягаются и те и другие.

Теперь мы можем вернуться к основной проблеме — соотношению этноса с ландшафтом, и ответить на вопрос, поставленный одним из наших читателей [164]: почему для возникновения нового этноса обязательно сочетание двух и более ландшафтов (VI), двух и более этносов, двух и более «социальных организмов»¹. Что это: ряд случайностей или закономерность?

Анализ взаимодействия этноса как самостоятельного явления с ландшафтом показал, что оба они связаны обратной зависимостью (I, II), но ни этнос не является постоянно действующим ландшафтообразующим фактором, ни ландшафт без постороннего воздействия не может быть причиной этногенеза. Соотношение же этнических и социальных закономерностей исключает даже обратную связь, потому что этносфера Земли для социального развития является только фоном, а не фактором. Неоднократно делались попытки усмотреть в антропосфере один из вариантов простых биологических закономерностей.

¹ Этот термин введен в науку Ю.И. Семеновым [218] и привился [153] несмотря на то, что это метафора. Под «организмами» им понимаются устойчивые государственно-культурные образования, переживающие формации, в которых они сложились, а не уподобление общества организму, как у Ф. Ратцеля и Г. Спенсера.

Действительно, биология кое-что в этнических явлениях объясняет. Но что и все ли? Посмотрим.

В последнее время возникли две взаимоисключающие концепции по поводу биологических закономерностей в истории общества. Одна, разделяемая многими учеными Запада, считает формообразование в антропосфере результатом естественного отбора и игнорирует разницу между человеком и животным. Вторая, встречающаяся у некоторых советских этнографов, игнорирует биологическую сторону человека и его деятельности. В 1970 — 1971 гг. в советской науке появилась третья точка зрения автора, предполагающая двойственность поведения человека [99, 102, 80] и учитывающая своеобразие его эволюции, где «филогенез преобразуется в этногенез» (IX). Аналогичные взгляды высказал антрополог В.П. Алексеев [3], привлекая в качестве аргумента выводы И.С. Кона о существовании «национальных характеров» [156].

Однако и В.П. Алексеев, и И.С. Кон, правильно констатируя факты, не пытаются уловить механизм их взаимоотношений и установить природу наблюдаемых ими различий между этносами либо сводят их к ландшафтным воздействиям [3, стр. 51]. Поэтому продолжим ход нашего рассуждения, являющегося следствием из ряда цитированных работ.

Исходя из нашего тезиса о природе этноса как системы, порождаемой взрывом *пассионарности*, мы имеем право определить этнос как явление энергетическое, поскольку все наблюдаемые нами этносы — лишь фазы этногенезов. Так как начинающийся энергетический процесс всегда преодолевает инерцию процессов предшествовавших, то естественно, что чем меньше инерция, тем легче ее нарушить неожиданным толчком.

Монотонные ландшафты с однородным этническим заполнением и объединяющей людей традицией, воплощенной в формы политических институтов, — это массивы, которые на относительно слабые толчки реагируют очень мало. Зато при сочетании ландшафтов неизбежно и сочетание разных способов хозяйства. Одни люди ловят рыбу на море, другие пасут скот в горах, третьи делают глиняные горшки в городах, четвертые возделывают ви-

ноградники в долинах. Даже если все они имеют одних предков, необходимость адаптироваться к различным условиям среды через несколько поколений сделает их малопохожими друг на друга. И эта несхожесть будет увеличиваться до тех пор, пока системные связи между ними не ослабнут, вследствие того, что одновременно идет поступательное движение общества на основе развития производительных сил и становления новых производственных отношений, что со своей стороны неизбежно влечет перестройку устаревающей общественной системы. Если же, вследствие превратностей исторической судьбы, у данного этноса возникло два-три государства или племенных союза, то устойчивость системы будет еще меньше. Итак, социальные и этнические линии развития переплетены в системе.

Такие системы весьма продуктивны в смысле экономики благодаря разделению труда и специализации; у них неплохая сопротивляемость этническому окружению, т.е. соседям, пытающимся их завоевать, потому что привычка к взаимобмену продуктами распространяется и на взаимопомощь, но внутренний, пассионарный толчок, как правило, опрокидывает их с потрясающей легкостью.

Мой оппонент В.И. Козлов отчасти прав, когда, возражая против моего тезиса, пишет, что **пассионарность** «вообще не играла никакой роли. Людям с повышенной эмоциональной активностью, заставлявшей их выступать против традиций и правил, определяющих жизнь соплеменников, не было места в обществе; их либо изгоняли из племени, либо просто убивали» [153, стр. 72]. Да, в монолитных этносах у пассионариев было мало шансов уцелеть, но в мозаичных они прекрасно играли на внутренних противоречиях и находили союзников по принципу: враги наших врагов — наши друзья. Именно таким образом Мухаммед добился торжества своей общины. Он использовал вражду жителей Ятриба (Медины) к роду курейшитов, арабов — к евреям, северных бедуинов — к южным. Будущий византийский этнос вырос из христианской общины Павла в многоэтнической Малой Азии, тогда как монолитная Иудея уничтожила у себя группу евреев-христиан. И в средневековом Китае ядром нового этноса

оказались не экономически развитые Юг и Восток, а разнообразный географически и смешанный этнически Северо-Запад, где на трупах степняков — табгачей и татабов, шадивших своих китайских подданных, сложилась в VI в. династия Суй. Примеры можно умножать, но надо сделать вывод: разнообразие ландшафтов и этносов — это условие, облегчающее пуск этногенеза, но не его причина, потому что сочетания ландшафтов постоянны, а возникновение новых этносов — явление редкое. Для того чтобы оно произошло, необходимо появление поколения с большим процентом пассионариев, а так как пассионарность — биологический признак, то значит, что время от времени происходят мутации, настолько слабые, что они не затрагивают анатомии человека, а касаются только его поведения, т.е. нервной и, возможно, гормональной деятельности (XIII).

Разбор физиологической и генетической природы признака пассионарности выходит за рамки поставленных нами задач и лежит вне нашей компетенции. Для целей этнологии достаточно установить, что пассионарные популяции время от времени появляются на различных территориях Земли, разделенных барьерами, исключаящими культурное и генетическое воздействие. Они быстро оформляются в этносы, группирующиеся в суперэтнические системы, являющиеся, таким образом, столь же реальными таксономическими единицами, как и этносы, хотя последние ощущаются нами непосредственно, тогда как суперэтносы умпостигаются (XIII).

До тех пор пока этнографы строили классификации по видимым индикаторам: языку, соматическим признакам (расам), способу ведения хозяйства, религиям, уровням и характеристам техники, пропасть между суперэтносоми и этносами казалась незаполнимой. Но как только мы переносим внимание на системные связи, то она исчезает. Место описательной этнографии занимает этническая история, фиксирующая как устойчивые взаимоотношения между разнообразными элементами суперэтнической системы, так и ее взаимодействия с соседними системами. И тогда оказывается, что то, что считалось абстракцией, существует весомо и действенно. Значит, такие термины,

как «эллинистическая культура», «мусульманский мир», «европейская цивилизация» (включающая в себя американскую, современно-австралийскую и южноафриканскую) или «кочевая евразийская культура», — не просто слова, а этнические целостности на один порядок выше тех, которые доступны этнографам-наблюдателям.

Для установления соизмеримости фаз и внутрифазовых подразделений мы должны условиться о характере сравнения этносов и суперэтнических общностей (культур) между собой. Совершенно бессмысленно сравнивать их синхронно, в любой отрезок времени (хотя бы за год) по всей ойкумене. Это связано с тем, что этносы возникают разновременно и, следовательно, начало одного этноса может совпасть с расцветом или упадком другого. Зато в принятом нами аспекте есть возможность для сравнения этносов как хронологических цепочек закономерного развития, т.е. начало сравнивать с началом, середину — с серединой, конец — с концом. Попытки таких сопоставлений имели место в истории науки, но их беда была в том, что до сих пор описывали явление, не давая ему никакого объяснения, так как не учитывали описанного нами понятия этноса как элементарной единицы и суперэтноса как регионального образования. В связи с этим мы попытаемся дать схему этнического развития от зарождения до реликтовой фазы, пользуясь однозначным мерилom: императивом коллектива по отношению к отдельной особи. Фаза становления, во время которой совершается интенсивный подъем жизнедеятельности и расширение ареала, как естественное следствие этого, требует от вновь образовавшегося коллектива предельной слаженности и предельной мобилизации сил всех его членов. Отсюда и возникает императив: «Будь тем, кем ты должен быть». Собственно говоря, этот приказ относится к характеру поведения отдельных членов коллектива. Король или хан должен вести себя как властелин, воин как воин, раб как раб. Во время этой фазы при негодности короля его низвергают, при непослушании раба его убивают, при недисциплинированности или трусости воина его изгоняют и т.д. Принцип жестокий, но всегда дающий большие результаты, выражающиеся в установлении власти над со-

седами и накоплении богатств. Этот принцип отнюдь не провозглашается в форме закона, а является молчаливо признанной нормой поведения каждого члена этого коллектива.

Накопленный избыток богатств и решение неотложных внешнеполитических задач высвобождает известное количество людей от значительной части их обязанностей, и тогда начинается усиление индивидуализма, молчаливо формулируемого коллективом в этот период как императив «Будь самим собой», т.е. будь не только трибуном, исполняющим свои обязанности, но и Гаем Гракхом, не только рыцарем, но и Пьером Байаром, не только членом боярской думы, но и Василием Шуйским, т.е. индивидуальные особенности проявляются даже больше, чем участие в общественных делах. Прежде эти люди все силы клали на служение делу, определяемому культурной доминантой. Очень характерно эта разница прослеживается в искусстве: в средние века автор произведения не ставил своего имени на картине, и не были известны зодчие, создавшие архитектурные шедевры, а в эпоху Возрождения прославились многие знаменитые и яркие личности.

Однако развитие индивидуализма ведет к столкновению между активными индивидуумами, по большей части кровавому. Внутри этноса, а часто в суперэтнической общности (культуре) возникает ожесточенное соперничество, поглощающее силы, которые до сих пор шли на решение задач внешних (например, в Европе: отражение венгров и норманнов, крестовые походы, Реконкиста). В результате количество ярких индивидуальностей уменьшается и выдвигается очередной этносоциальный императив, иногда персоной реальной, иногда идеальной: «Будь таким, как я», т.е. стремись уподобиться идеалу. Римские цезари были реальными персонами, проводившими этот принцип в жизнь. В мусульманской и византийской культурах в качестве идеальных персон выставлялись святые праведники, у монголов — Чингисхан, даже после его смерти, у англичан сложился идеальный облик джентльмена, служащий образцом поведения. Стремление подтягиваться под тот или иной трафарет является обязательным условием спокойной жизни инди-

вида в коллективе. Уклонение, небрежение, поиски самостоятельных путей молчаливо рассматриваются как крамола. Слишком свежо еще воспоминание о кровавых расправах предыдущей эпохи.

В фазе упадка даже этот императив представляется обременительным и заменяется новым, идущим от наименее энергичной, но многочисленной части этнического коллектива: «Будь таким, как мы», это значит — не старайся возвыситься над общим уровнем, откажись от идеалов вообще, слейся, хотя бы внешне, с массой. Но это ослабление структуры, ведущее в пределе к полной аморфности, делает этнос неустойчивым и лишает его «обороноспособности» как в военном, так и во всех других смыслах этого слова. Внутренние связи в коллективе ослабевают, становятся тягостными, и возникает последний императив реликтовой фазы: «Будь сам собой доволен», т.е. старайся не мешать другим. Этнос как целое рассыпается и исчезает.

А теперь можно попытаться дать модальную схему связей между описанными фазами этногенеза и типами взаимоотношений коллектива с индивидом (или индивидом с коллективом), поставить знак равенства между которыми нельзя. Фаза исторического становления, как доминантой, характеризуется императивом «Будь тем, кем ты должен быть», однако, весьма вероятно, что в зависимости от интенсивности этой фазы и длительности ее протекания в ней в той или иной мере могут уже сказываться (в разное время и в разных местах экспансии) и императивы индивидуалистический («Будь самим собой») и идеалистический («Будь таким, как я»). Фаза исторического существования характеризуется обычно в вышеприведенной последовательности всеми тремя императивами: при этом, по-видимому (на что указывает рассмотрение некоторых крупных еще не завершенных этносов), фаза исторического существования может характеризоваться способностью вторичного проявления доминанты одного из описанных трех типов взаимоотношений. В общей форме это можно выразить как сохранение этносом способности, в случае нужды (определяемой комплексом условий его внутренней и внешней среды) возрождать в качестве доминанты

тот или иной тип взаимоотношений между коллективом и индивидом. Третья фаза — фаза исторического упадка, — несомненно характеризующаяся вышеописанным типом взаимоотношений «Будь, как все, т.е. как мы», в основном может быть охарактеризована потерей только что описанной способности к «регенерации» нужного в данный момент одного из трех описанных типов взаимоотношений; это и определяет упадок этноса, его неспособность достаточно быстро и активно реагировать на чужеродные воздействия в широком смысле этого слова (будь то чужеземные завоевания, поглощение соседними более мощными этносами или «растворение» в чужой культуре). Четвертая фаза — фаза исторических реликтов — характеризуется благоприятными для них конstellляциями внешних условий; остатки населения и территорий пришедшего в упадок этноса могут в качестве «забытых» или «отдаленных» групп (сохраняющих еще основной признак этноса: «мы и не мы») сохраняться неопределенно долгое время, с отрабатанным в прошлом стереотипом поведения.

Но если так, то многие изоляты, находящиеся на ранних ступенях цивилизации, при крайне низком уровне техники являются конечными, а не начальными фазами этногенезов. Таковы, например, пигмеи тропических лесов Африки, аборигены Австралии, палеоазиатские племена Сибири, огнеземельцы. Степень адаптации к природным условиям настолько велика, что она позволяет им поддерживать существование в составе биоценоза, не прибегая к усовершенствованию орудий труда и оружия. Однако эта система взаимоотношений с природой и этническим окружением налагает ограничения на прирост населения. Это особенно было заметно в Новой Гвинее, где папуасский юноша получал право иметь ребенка не раньше, чем он принесет голову человека из соседнего племени, узнав его имя, потому что число имен строго лимитировано. Таким путем папуасы поддерживали свое равновесие с природными ресурсами населяемого ими района. Это нулевой уровень пассионарности. В прочих отношениях они не уступают динамическим народам.

Итак, пассионарность — не просто дурные наклонности, а важный биологический признак, вызывающий к

жизни новые комбинации этнических субстратов, преобразая их в новые этносы и суперэтнические системы. Теперь мы знаем, где искать его причину. Отпадают экология и сознательная деятельность отдельных людей, остается широкая область человеческого подсознания, но не индивидуального, а коллективного. Это так называемая этнопсихология, но не в статическом состоянии, а в динамике с инерционным моментом, причем продолжительность действия инерции исчисляется веками (XI).

Сопоставим добытые нами данные: географические, биологические и исторические. Пассионарный взрыв связан с протяженным регионом (XII), всегда ландшафтно разнообразным и населенным разными этносами; пассионарность — биологический признак, возникающий, видимо, в очень короткий промежуток времени и через два-три поколения меняющий расстановку этносов, часто создавая новый суперэтнос. Такое явление называется мутацией. Применимо ли оно к человеку? Сверимся с антропологией.

Я.Я. Рогинский и М.Г. Левин, отмечая малую пластичность расовых признаков сравнительно с нерасовыми, тем не менее указывают на наличие даже расовых соматических изменений, возникших помимо метисации, за исторический период [206, стр. 465—468]. Изменения признаков идут либо вследствие адаптации к новым условиям, либо вследствие мутаций. В последнем случае полезный признак подхватывается, а вредный — вытесняется естественным отбором [240, стр. 121]. Пассионарность — признак нерасовый и вредный, если не сказать — губительный, и для самого носителя и для его близких. Следовательно, вероятность его появления больше, а его закрепления — меньше, нежели у признаков полезных или нейтральных. Однако особенности пассионарности как признака таковы, что носитель его, прежде чем погибнуть, успевает рассеять свой генофонд по популяции путем случайных связей. Это делает признак блуждающим¹, что, в

¹ Именно наличие фиксируемых связей и неопознанного отцовства снимает мнение, что пассионарность присуща тому или иному классу. Если случайное сочетание обстоятельств может породить такое соответствие, то оно уже в следующем поколении будет нарушено появлением

свою очередь, задерживает его экстерминацию. Наличие же системных связей как жестких (социальных), так и корпускулярных (этнических) повышает значение признака для системы в целом, будь то «социальный организм» [218] или суперэтнос. Ведь степень воздействия этноса на природную среду и этническое окружение зависит не только от уровня техники, но и от пассионарной напряженности этноса, как целостности, проходящей ту или иную фазу этногенеза [96]. Но мало этого. Г.Ф. Дебец [119] и Н.Н. и И.А. Чебоксаровы [240] указывают, что мутации охватывают не всю ойкумену, а определенные географические регионы. «Наши предки имели коричневатую кожу, черные волосы, карие глаза, а блондины со светлыми глазами появились путем мутаций, сосредоточившихся Главным образом в Северной Европе у берегов Балтийского и Северного морей» [240, стр. 121]. Ну чем отличается эта мутация от пассионарных толчков, кроме того, что они возникают несколько чаще (XIII), так как нервная система более чутко реагирует на мутагенные импульсы, нежели сома.

Концепция мутаций объясняет все особенности этнических процессов, в том числе их неповторимость при общей схеме развития. Ведь каждый процесс начинается в своеобразных географических условиях, при наличии тех или иных традиций у исходных форм и в неповторимой исторически обусловленной расстановке сил, окружающих очаг начинающегося процесса этногенеза. Социальные моменты играют не меньшую роль, чем биологические, но, как мы уже видели, эти роли просто дополняют друг друга. Изучать этногенез в отрыве от политической и экономической истории — бесплодно, но также нелепо не учитывать географическую среду и процессы эволюционной биологии [237, стр. 82]. Направленность этногенетических процессов не телеологична, а просто детерминирована средой, но именно поэтому все этносы прошлого, настоящего и будущего были и будут непохожи друг на друга. Отсюда легко объясняется понижение способности к при-

так называемых «незаконных» детей. Это показывает еще раз, что социальные и этнические явления несоизмеримы.

способлению. Инерция первоначального толчка — мутации — и оформление новой популяции в определенных географических условиях создают движение в том или ином направлении. Отсюда — функциональная связь этноса с ландшафтом, подтвержденная многочисленными наблюдениями (IV, V). Исключением являются этносы-паразиты, живущие в отрыве от ландшафта, их породившего, за счет этносов-аборигенов, иногда образуя химерные этносы (см. XI). К этому разряду этносов относится явление колониализма, принципиально отличное от колонизации. Но это исключение, объяснимое в каждом случае историческими событиями, подтверждает правило — установленную закономерность.

В заключение необходимо уточнить, в какой степени соответствует предложенная нами концепция этногенеза теории диалектического и исторического материализма. Она соответствует ей полностью. Развитие общественных форм — спонтанно; смена общественно-экономических формаций — явление глобальное, несмотря на неравномерность развития в разных регионах; движение общественной формы материи — поступательно и прогрессивно, направление его — спираль. Следовательно, это философская теория об общих законах развития, и, значит, она на целый порядок выше, нежели антропосфера, взятая как целое, и на два порядка выше, чем этносфера — мозаика этносов во времени и пространстве. Иными словами, этнология — это частный случай применения диалектического материализма с учетом специфики темы и аспекта [97].

Первичный материал для наших соображений мы получаем из исторической географии, т.е. из огромного количества исторических и географических сведений. Без анализа этот материал нем. Пока мы сами не размежуем события глобальные и локальные, географическую среду и техносферу, живые процессы этногенеза и их кристаллизованные остатки в археологических раскопках [74, 103], до тех пор перед нами будет только бессмысленный калейдоскоп, ничего не дающий ни уму, ни сердцу. Но, проделав необходимый анализ, мы увидим интерференцию закономерностей природных и общественных, сочетание их, а не подмену одних другими. И тогда отпадет

больной вопрос о географическом детерминизме и его антитепе — географическом нигилизме [145].

Как известно, все природные закономерности вероятностны и, следовательно, подчинены закону больших чисел. Значит, чем выше порядок, тем неуклоннее воздействие закономерности на объект, и чем ниже порядок, тем более возрастает роль случайности, а тем самым и степень свободы. В первом случае лимит — галактика, во втором — атом, ибо супергалактические и субатомные явления исследуются иными способами и иначе воспринимаются нашим сознанием. А между ними лежит градация порядков явлений. И каждый порядок требует к себе внимания и подхода.

Этнология находится где-то около середины. Тип движения в этносах — колебание, развитие — инерционно и дискретно, устойчивость обеспечивается системными связями, а неповторимость и творчество — эффектом биохимической энергии живого вещества, преломленного психикой, т.е. пассионарностью.

Такова, по нашему мнению, дефиниция понятия «этнос». Это элементарное понятие, несводимое ни к социальным, ни к биологическим категориям. Этот вывод, точнее, итог исследования является эмпирическим обобщением историко-географических данных. Он не исчерпывает проблему полностью, но другие вопросы лежат в областях других наук, и наши суждения по ним не выходят из ранга гипотез.

ЭТНО-ЛАНДШАФТНЫЕ РЕГИОНЫ ЕВРАЗИИ ЗА ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД¹

В научном наследстве академика Л.С. Берга, помимо многочисленных, хорошо известных исследований, стяжавших ему заслуженную славу, есть отдельные мысли, которые не нашли воплощения в специальных трудах и в

¹ Доклады на ежегодных чтениях памяти Л.С. Берга, VIII—XIV, Л., 1968, с. 118—134.

свое время не были оценены по достоинству. Уже в начале века Л.С. Берг ставил проблемы, для разрешения которых требуется огромный фактический материал. Одной из таких проблем и посвящена эта небольшая статья.

Еще в 1922г. Л.С. Берг выдвинул следующее положение: «Географический ландшафт воздействует на организмы принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т.д.— все это накладывает особый отпечаток на организмы. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть» [29, стр. 180, 181]. Под **ландшафтом** понимается «участок земной поверхности, качественно отличный от других участков, окаймленный естественными границами и представляющий собой целостную и взаимно обусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типически выражена на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой» [140, стр. 455].

Л.С. Берг выдвинул этот тезис, имея в виду теорию эволюции всех форм органического мира. Но в таком широком применении любой тезис не только может, но и неизбежно должен встретить массу возражений. Прежде всего невозможно исключить все другие факторы, влияющие на эволюцию, например селекционизм или климатические колебания общепланетарного масштаба и т.п.

Возможны и недоразумения, к числу которых следует отнести сопоставление хрономического (от греческого «хорос» — место) принципа Л.С. Берга со спекулятивной концепцией географического детерминизма Бодена и Монтескье. Сходство здесь чисто внешнее, а разница глубокая и принципиальная, но это вскрывается лишь при детальном, добросовестном разборе обоих тезисов, а таковое можно проделать только на конкретном материале.

Отсюда явствует, что для проверки правильности тезиса нужно выбрать подходящий материал, т.е. вид, модификации которого были бы точно локализованы и датирова-

ны, и ландшафт, достаточно изученный как в пространстве, так и во времени.

Нашим требованиям отвечает, как ни странно, вид *Homo sapiens*, формой существования которого являются устойчивые коллективы, называемые этносами или народностями, под которыми мы понимаем «коллективы особей, противопоставляющие себя всем прочим коллективам» [72, стр. 13]. С одной стороны, этносы граничат со специфической формой движения — развитием человечества по спирали, а с другой, через добывание пищи, — с биоценозом того ландшафта, в котором данный этнос образовался, ибо «люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться» [34, стр. 157], а все это они получают от географической среды, именуемой природой. Судьбы вида *Homo sapiens* известны на протяжении двух тысячелетий лучше, чем судьбы любого другого вида. Поэтому для решения поставленной Л.С. Бергом проблемы мы привлекаем новый материал — историю.

Не безразличен и выбор территории. История народов доколумбовой Америки, Австралии, Африки южнее Сахары и даже Океании известна столь отрывочно, что надежным пособием для проверки любой закономерности быть не может. Более полно изучена история народов Западной Европы и Юго-Восточной Азии. Многообразие факторов, влияющих на исторический процесс, затрудняет подыскание однозначных решений для частных задач и вспомогательных исследований исторического процесса в целом с учетом географического фактора. Ландшафт прибрежных территорий лишен резких переходов, и, следовательно, все природные закономерности, наличие которых бесспорно, сглажены, поэтому здесь их гораздо труднее выявить. Наиболее подходящей областью исследования является внутренняя часть евразийского континента, четырехугольник степей, тянувшийся от уссурийских джунглей до Динарских гор, очерченный с севера зоной тайги или влажных лесов, а с юга пустыней, в которую вкраплены цепочка оазисов. История обитающих здесь народов известна с V в. до н.э.; соотношение их хозяйства, быта и организации с колебаниями степени увлажнения аридной зоны изучено специально.

Очень важно, что большую часть известного нам периода евразийские степняки жили натуральным хозяйством, т.е. были крайне тесно связаны с биоценозами населяемых ими регионов. Поэтому природные закономерности в их исторических судьбах проявлялись здесь более резко и могут быть учтены.

Утверждая это, мы ни в коей мере не забываем о роли производительных сил и связанных с ними производственных отношений. Но в ранние эпохи, когда господствовало натуральное, или простое товарное хозяйство, производительные силы общества были связаны с эксплуатацией природных богатств при довольно стабильной технике на протяжении многих веков. В этих условиях воздействие человека на природу было весьма ограниченным, главным было приспособление к ней, и, надо сказать, древние народы достигли максимальной степени адаптации к вмещающим их ландшафтам. Прирост населения в рассматриваемый период регулировался в значительной степени межплеменными войнами и детской смертностью.

Разумеется, изолированное существование таких человеческих коллективов не означало их отключения от всемирно-исторического процесса социального развития, но механизм этого явления сложен, и мы вернемся к нему специально в конце статьи.

Наша задача — проанализировать соотношение социальных и природных факторов, неотделимых друг от друга. В принятом нами аспекте целесообразно рассмотреть отношение населения с точки зрения естественной науки — исторической географии [72] — как антропофауну, что отнюдь не противоречит наличию других аспектов, при которых исследователь ставит перед собой иные задачи. Предлагаемая работа является всего лишь осуществлением задач, намеченных IV съездом Географического общества СССР в мае 1964 г. в Москве [160].

Для решения поставленной нами проблемы крайне важен выбор методики, так как гуманитары и естествоведы подходят к решению одной и той же задачи совершенно различно. Для историка-источниковеда важно прежде всего установить аутентичность источника, а затем проверить его данные путем внутренней и compara-

тивной критики. Такая методика для географа непригодна, так как авторы древних и средневековых источников никогда не интересовались проблемой, занимающей нас, и ничего по этому поводу не писали. Из их сочинений мы можем извлечь только некоторое количество фактов в хронологической последовательности и при тщательном анализе обнаружить некоторые причинные связи между событиями. Это всё!

Однако ученые-естественники никогда не получают больше, а тем не менее умеют создавать «эмпирические обобщения», по степени достоверности не отличающиеся «от научно установленного факта» [46, стр. 18, 19]. Только этим путем развиваются, и надо сказать блестяще, естественные науки в XX в.

Поэтому нам нет причины отказываться от применения этой методики к большому, уже собранному материалу, остро нуждающемуся в научном синтезе. В самом деле, полная хронологическая таблица и серия подробных исторических карт дают исследователю материал, принципиально не отличающийся от геологической или зоологической коллекции или от тщательного географического описания местности. И там и тут собранные экспонаты молчат, но, будучи сведенными в систему, позволяют установить последовательность либо отложения слоев земной коры, либо соотношения ландшафтных зон, а также (и мы на этом настаиваем) характер взаимодействия между человеком и природой. Однако при таком подходе мы в отношении исторического материала являемся естествоиспытателями и, чтобы не вносить терминологической путаницы, будем называть новую научную дисциплину не историей, а либо «этнологией», если при помощи знания явлений природы мы изучаем историю народов, либо «исторической географией», если при помощи истории мы изучаем явления природы. При такой постановке вопроса только эта научная дисциплина может нам помочь.

Теперь перейдем к разбору фактического материала, т.е. к классификации общественных систем насельников Евразии как формы существования бытовавших там этносов. Отметим, что общественные системы народов были тесно связаны с уровнем развития их производительных

сил и способом производства, т.е. с системой хозяйства населения этими народами стран. Но при этом возникает первое затруднение — с IX в. до н.э. до XVIII в. н.э. в евразийских степях бытовал один способ производства: кочевое скотоводство. Если применить к ним одну общую мерку, то мы должны полагать, что все кочевые общества были устроены единообразно и были чужды всякому прогрессу настолько, что их можно характеризовать суммарно, а детали отнести за счет племенных различий. Такое мнение действительно считалось в XIX и начале XX в. аксиомой, однако фактический материал, имеющийся в нашем распоряжении, позволяет его отвергнуть [86]. Несмотря на устойчивое соотношение между площадью пастбищ, поголовьем скота и численностью населения, в евразийских степях не было и тени единообразия общественно-политических систем, а за 3000 лет своего существования кочевая культура прошла творческую эволюцию, не менее яркую и красочную, чем страны Средиземноморья или Дальнего Востока. Однако местные условия придали истории кочевников несколько иную окраску, и наша задача состоит в том, чтобы уловить не столько элементы сходства между кочевыми и земледельческими общественными системами, сколько различия и указать на их возможные причины.

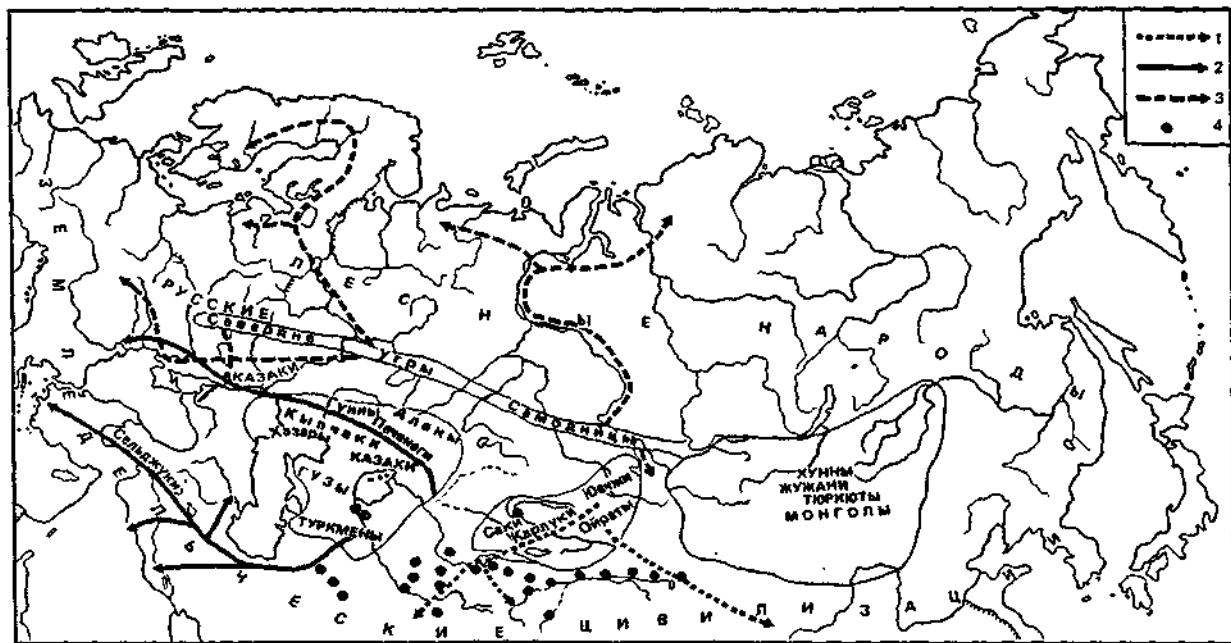
Территориальное распределение древних народов было отнюдь не беспорядочным, однако естественные границы их местообитаний определялись не рельефом (например, горными хребтами) и многоводными реками (см. рисунок).

Так хунны жили в современной Монголии, как Внутренней, так и Внешней [64], но до 93 г. н.э. не занимали западной Джунгарии, несмотря на то, что последняя увлажняется гораздо обильнее (до нее доходят атлантические циклоны [146]) и более благоприятна для обитания (таблица). В хуннское время в западной Джунгарии жили малочисленные племена, политически зависящие от хуннского шаньюя, однако хунны на их земли почему-то не посягали [35, т. I, стр. 205—207].

Синхронистическая таблица этно-ландшафтных соответствий

Дата, вв.	Восточный Казахстан и Джунгария	Монголия и Забайкалье	Арало-Каспийские степи и пустыни	Лесостепь
III—II	Четыре совместно живущих народа: юэчжи, саки, усунь и кангары (канпойцы) , причем у последних наряду со ставкой правителя отмечено 5 вассальных княжеств.	Хунну — патриархально-родовая империя с жесткой властью шаньюя (главы 24 родов) и системой чинов .	Сарматы — разрозненные племена единой культуры.	Древние угорские и самодийские племена.
I—III	Хунны, перешедшие в Среднюю Азию, образуют эфемерную державу Юебань, распадающуюся на 4 племена: чуюе, чуми, чумутунь , чубань.	Сяньби, разбив хуннов, образуют две крупные монолитные державы: Муюн и Тоба (древние монголы).	Аланы — одно из сарматских племен, захвативших гегемонию в Прикаспии.	Начало наступления угро-самодийцев на север и юг.
IV—VI	Племена теле (предки уйгуров) сначала в Джунгарии, потом в Семиречье (с 492 г.) создают конфедерации 12 племен.	Жужаньское ханство — орда, покоряющая и эксплуатирующая соседние племена.	Гунны — акациры и болгарские племена в Прикаспии; хиониты в Приаралье.	

VI—VIII	Западнотюркютский каганат — слабая ханская власть над 10 самоуправляющимися племенами и добровольно примкнувшими союзниками (хазары, согдийцы, карлуки, шато).	Восточнотюркютский каганат — централизованная держава, основанная на военной власти ханской дружины.	Создание эфемерного болгарского ханства и хазарского каганата, опирающегося на оседлое население долины Терека и дельты Волги.	
VIII—X	Карлукский племенной союз даже без ханской власти.	Уйгурское ханство со слабой светской властью, но могучей манихейской церковью.	Племенные союзы печенегов и гузов.	Активизация венгров и уход их в Европу. Создание камской Болгарии.
X—XII	Кипчакский (половецкий) племенной союз. Распадающееся найманское ханство.	Империя киданей (907 — 1115 гг.), затем керайтское ханство.	Половецкий племенной союз.	Русские удельные княжества.
XIII—XIV	Распадение монгольской империи на улусы: Золотая орда, Синяя орда, Чагатайский улус, Могулистан, Ойратский союз.	Монгольская империя, монолитная, централизованная, разгромлена китайцами около 1368 г. Ослабление монгольских Чингисидов .	Образование ногайцев и казахов — племенные союзы (джусы).	Создание Казанского и Касимовского ханств. Усиление России.

Ландшафт и этнос Евразии за исторический период. Схема этно-культурных ареалов.
 Миграции народов: 1—из Джунгарского ареала; 2—из Арало-Каспийского ареала;—
 3—из лесостепного ареала; 4—оазисы.

Та же ситуация сложилась в III—VI вв., когда воинственные жужани господствовали на бывшей хуннской территории, а склоны Алтая, Тарбагатая, Саура и Семиречья заселяли потомки оттесненных на запад хуннов — чуйские племена (чюе, чуми, чумугунь, чубань) и разрозненные племена теле — предки уйгуров [35, т. I, стр.216, 217; т. II, стр.259]. Жужани, как раньше хунны, претендовали только на политическую гегемонию, но не на пастбища джунгарских степняков.

Может показаться, что положение радикально изменилось во второй половине VI в., когда тюркюты, обитавшие до тех пор на склонах Хангая, захватили и восточную, и западную половины Великой степи, объединив их в одну державу. Однако уже второе поколение — дети завоевателей — раскололи Великий каганат на Восточный и Западный, причем граница между ними проходила по той же незримой грани — сыпучим пескам восточной Джунгарии [86, стр.103—120]. И, что самое интересное, когда в 747 г. созданся уйгурский каганат, граница прошла там же [55, стр.331]. Видимо, не случайно в XII в. здесь же проходила граница между найманами и кераитами, в XIII в. — между монгольскими повстанцами: ханами Арикбукой и Хайду, опиравшимися на местные племена, и великим ханом Хубилаем, использовавшим ресурсы покоренного Китая, а в XV—XVIII вв. — между калмыками и монголами.

Что же общего было между державами, существовавшими на территории восточных степей, и какая преемственность с этой точки зрения имела место в государствах, располагавшихся на степных территориях, примыкавших к Алтаю и Тарбагатаю? При этом будем рассматривать непосредственно общественно-политический строй как чуткий индикатор состояния этноса.

Для всех народов восточной половины степи было характерно наличие сильной централизованной власти. Только этим схожи между собой родовая империя Хунну [64, стр.71—81], орда Жужань [228], Вечный эль орхонских тюрков [86, стр.101, 102] и уйгурская теократия с матрихейской церковью, стоявшей выше хана. На западе мы наблюдаем цепь конфедераций — племенных союзов, по-

следним из которых был дурбен-ойратский союз — классический пример децентрализации.

Теперь попробуем найти объяснение этому явлению, и не на земной поверхности, а несколько выше — в атмосфере. Над территорией Северной Монголии в зимнее время находится центр антициклона и зимние осадки почти отсутствуют. Летом пустыни Центральной Азии раскаляются за счет инсоляции, фронт полярного воздуха отступает на север Монголии. В размытую таким образом барическую депрессию вторгается влажный воздух, и в эти месяцы здесь выпадает до 90% осадков в виде летних дождей [187]. В регионе Алтая и Тарбагатая наоборот: атлантические циклоны несут много влаги, выпадающей зимой в виде снега, зато лето обычно сухое настолько, что трава в степи выгорает.

Граница между обоими регионами проходит именно в восточной Джунгарии, через которую в меридиональном направлении тянется экстрааридная полоса, по климатическим условиям сходная с пустыней Такла-Макан (осадков меньше 100 мм в год [165]). Эта полоса не является стратегическим барьером. Она неширока, и сыпучие пески можно легко обойти с юга и севера — по склонам Тянь-Шаня и Монгольского Алтая, где с гор стекает ключевая вода. Однако способ пастьбы скота по сторонам от этой полосы был неодинаков. На востоке скот все время пасся в степях, и пастухи постоянно встречались друг с другом, что создало привычку общения и возможности координации в масштабах всей страны. В предгорьях Тянь-Шаня и Тарбагатая кочевники летом выгоняли скот на джейляу — горные пастбища. Подъем в горы проходил по узким долинам, каждая из них принадлежала отдельному роду, равно как и альпийские луга, на которых скот пасся летом. Так создавались навыки изолированного ведения хозяйства, что и отразилось на характере политических образований: вместо ханств здесь возникали племенные союзы [72].

Однако несмотря на различия монгольского и алтае-тяньшаньского регионов, у них есть нечто общее, крайне важное для хозяйственной жизни и политического бытия, — сочетание горного и степного ландшафтов. Горные

хребты, покрытые лесом, крайне важны для кочевого хозяйства [35, т. I, стр.94; 64, стр.95]. Древесина необходима для изготовления повозок, юрт, стрел; в горных лесах водятся орлы, маховые перья которых шли на оперение стрел. В периоды большого снегопада, когда кизяк бывает припорошен снегом, валежник дает необходимое топливо, во время выюг лес становится прекрасным укрытием. Не менее важны были и горные хребты как стратегические пункты, так как без проводников враг не мог пробраться в ущелья, где обычно прятались женщины и дети [86, стр.231]. Короче говоря, без горного леса кочевники не имели средств для создания сильных держав с каким бы то ни было политическим строем.

И с этой точки зрения мы должны выделить в особый регион Арало-Каспийскую низменность, где рельеф ровный, а увлажнение пониженное (меньше 100 мм в год). Население кочует здесь не по сезонам, как в двух первых вариантах, а круглый год, по определенному кругу — от колодца к колодцу [209]. Снеговой покров здесь настолько тонок, что позволяет держать скот исключительно на подножном корму, а весной, когда вся пустыня одевается нежно-зеленой травой (вследствие таяния снега, скопившегося за зиму), эти пастбища являются особенно ценными для каракулевых овец. Аналогичные условия наблюдаются и в Восточной Монголии, но близость описанного центральномонгольского комплекса исключила возможность создания здесь особого культурного региона.

Но несмотря на это положительное качество природных условий, прирост скота и населения в Арало-Каспийской низменности был ограничен, а плотность населения ничтожна. Это обстоятельство обусловило возникновение особых общественно-политических структур в этом регионе.

В VI в. до н.э. в Арало-Каспийской области жили **массагеты**, по-видимому, одна из ветвей саков (мае + сака + га = большая сакская орда (ставка)) [230]. По поводу их образа жизни и ныне уместно повторить слова Страбона: «В результате своих исследований историки не сообщили об этом племени ничего точного и правдоподобного» [222, книга XI, глава VI, стр.480]. Поэтому мы и обратимся к

народам, обитавшим на этой территории в более позднее время и лучше известным ученым. Во II в. до н.э. на берегах Каспийского моря жили сарматы, а во II в. н.э. это была восточная окраина союза племен, возглавленных аланами, которых около 158 г. хунны оттеснили на запад, за Волгу [64]. Хунны не остались на приаральской равнине, они предпочли Волго-Уральское междуречье и, объединившись там с утрами, образовали **новый** народ, который, по удачному предложению К.А. Иностранцева, принято называть гуннами [132].

Дальнейшая история гуннов освещена относительно неплохо, но о восточной окраине их владений нет никаких сведений. Известно лишь, что в IV в. здесь или немного южнее, в низовьях Сырдарьи, обитали хиониты [61], которые в 356—357 гг. воевали с Ираном, а в 359 г. в составе иранской армии штурмовали Амиду [6, стр.233, 248]. Об их внутреннем устройстве и образе жизни нет никаких сведений.

В середине VI в. тюркюты вторглись в Поволжье и, следовательно, оккупировали приаральские степи [86]. В истории Великого каганата о судьбе этих территорий нет ни слова и только из сообщения, относящегося к X в., известно, что здесь обитали два народа: гузы и печенеги [18, стр.350]. Не странно ли, что о приаральских степях нам ничего не известно, в то время как история Монголии, Джунгарии и Семиречья описана весьма подробно?! Это не может быть случайностью.

Виной тому особенности древней историографии. Вниманию летописцев привлекали преимущественно грандиозные, из ряда вон выходящие события. Обыденное их не интересовало. Поэтому те местности, где не возникали агрессивные державы, где не организовывались походы и где не сооружались огромные дворцы или храмы, выпадали из их поля зрения. То, что кочевники ежегодно повторяли свои маршруты от колодца к колодцу и **оттоняли** волков от стад и табунов, историки древнего мира считали настолько очевидным, что не находили нужным это фиксировать. Только Гардизи [23, стр. 120] и Константин Багрянородный [159, стр.17] оставили описание быта гузов и печенегов, в точности отвечающее нашей реконструкции

[18, стр.352, 416—418]. Поэтому не будет ошибкой экстраполировать данные историков X в. в древность, тем более что ландшафт приаральских степей за историческое время менялся только за счет соотношения пустынь и полупустынь. Соответственно этому в засушливые эпохи уменьшалась численность населения, характер же хозяйственной деятельности оставался неизменным.

В этом регионе основой общественной жизни был материнский род — огуз [157; 86, стр.61—63], управлявшийся старейшинами. Группа родов управлялась советом старейшин, причем председательство переходило от одного родового старейшины к другому по очереди. Только в далеких походах власть принадлежала военному вождю, при избрании которого учитывались не только старшинство, но и способности. Все особенности общественного устройства этого района, как мы видим, были обусловлены повседневной хозяйственной деятельностью, единственно возможной в этих природных условиях.

Из этих степей ведут свое начало многие народы-завоеватели. Основание парфянской династии Аршакидов приписывается сакам; сельджуки, захватившие в XI в. всю Переднюю Азию, были туркменами — выходцами из Приаралья; в XVI в. Шейбани-хан привел сюда же кочевых узбеков и захватил Самарканд и Бухару. Это как будто бы противоречит нашей точке зрения.

Однако на самом деле противоречия нет. Саки и сельджуки некоторое время (около полустолетия) жили на склонах Копет-Дага и в северном Хорасане, где они привыкли к совершенно иным природным условиям, после чего превращались в завоевателей. Узбеки, прежде чем одержать окончательную победу над последним Тимуридом (Бабуром), всю вторую половину XV в. локализовались между Отраром и Ташкентом и опирались на некоторые слои оседлого населения оазисов, недовольные Тимуридами. Приведенные возражения только подтверждают хорономический принцип Л.С. Берга — способность вида к адаптации и конвергентность формообразования этнических сообществ.

Хуже всего освещена в литературе история угро-самодийских племен, живших в лесостепной полосе Восточной

Европы и Западной Сибири [252] и занимавшихся наряду со скотоводством лесной охотой. Это были храбрые, воинственные люди, имевшие свои весьма устойчивые этнографические особенности, сохранившиеся в виде отдельных обычаев до нашего времени [162]. К сожалению, сведения о них очень скудны. Ясно только одно: угры и самодийцы в III—IX вв. были грозной силой [18, стр.339]. Они проникли даже в Арктику, частью подчинив, частью истребив местные племена [241, стр.186]. Каждый из так называемых угро-финских народов имеет финскую и угорскую ветви: эсты и ливы, горные и луговые марийцы, мордва эрзя и мордва мокша. Наиболее северная ветвь угров проникла в Скандинавию до широты Стокгольма, и предки шведов и норвежцев с трудом оттеснили пришельцев на крайний север полуострова. Венгры, жившие в Приуралье, были организованы в боевые единицы под командованием талантливых полководцев [18, стр.343, 348]. Все это косвенно указывает на то, что угры отнюдь не были примитивным народом, хотя описать их общественный строй невозможно без привлечения этнографических параллелей, чего мы предпочитаем не делать, так как этот скользкий путь часто ведет к фантастическим заключениям.

Однако географическая дедукция позволяет восполнить пробел исторической науки. В лесостепном ландшафте возможно ведение комбинированного натурального хозяйства, в котором сочетаются примитивное земледелие, отгонное скотоводство, охота, рыболовство и бортничество. Многосторонность хозяйства давала уграм большую независимость от климатических воздействий, чем специализированное хозяйство тюрков. Возможно, было и большее накопление продуктов, благодаря чему часть мужчин могла всецело посвятить себя подготовке к войне; в результате было одержано много побед, зафиксированных не в истории, а в этнографии.

Но для нас важно то, что угры направляли свои дружины не в степи и сплошную тайгу, а на грань леса и тундры, а также в Закарпатье и Прибалтику, где преобладали привычные для них ландшафты, тем самым подтверждая хрономический принцип Л.С. Берга, т.е. спо-

способность организмов к адаптации, определяющую возникновение конвергентных форм.

Теперь перейдем к рассмотрению оседлых народов, населявших оазисы экстрааридной зоны к югу от Восточного Тянь-Шаня и речные долины Дона, Терека и дельты Волги. Нет нужды менять методику исследования, потому что земледельцы организуют флору той территории, которая их кормит, а кочевники — фауну, но это скорее сходство, чем разница. Человеческий коллектив всегда во многом зависит от вмещающего ландшафта [68].

Пустыня Такло-Макан для жизни человека непригодна, но реки, стекающие со склонов Тянь-Шаня, Куэнь-Луня и Нян-Шаня, орошают небольшие ее участки; так, в оазисах Хотана, Яркента, Кашгара, Аксу, Кучи, Карашара, а также в Люкчунской впадине — Турфанском оазисе — образовались группы народностей, сменявшие друг друга. В первые века нашей эры здесь жили европеоидные тохары и арсии. Во II в. н.э. в Хотан проникли саки, а в VI в. — эфталиты. В VIII в. в оазисах и горных долинах Тянь-Шаня стали селиться разные тюркские племена, и около 861 г. северо-восточная часть описанного региона получила название Уйгурии (не следует смешивать ее с ханством кочевых уйгуров на берегах Орхона, 747—847 гг.), а юго-западная досталась карлукам.

В XV—XVI вв. эту местность постепенно захватывали выходцы из Ферганы, и только в середине XVIII в. ее оккупировали маньчжуры, не оставившие заметных следов в культуре страны.

Несмотря на то что менялись расы первого порядка, языки, религиозные системы, письменность и т.д., признак, отмеченный нами как индикатор, был устойчив. В оазисах складывались отдельные небольшие коллективы, независимые друг от друга, потому что их разделяли пустыни. Так как через оазисы долгое время проходил караванный путь, то господство в них принадлежало купеческой аристократии. Когда же караванный путь потерял свое значение, ослабела и экономическая мощь оазисных народностей, и сила сопротивления внешним завоевателям, и самостоятельность отдельных культур. Можно усомниться, вправе ли мы рассматривать караванный

путь в качестве географического фактора. Однако следует заметить, что ведь и географические факторы не вечны, а 2000 лет для наших масштабов период вполне весомый. Кроме того, наряду с явлениями природы следует учитывать и ситуацию. В данном случае большую роль играло положение района между Дальним Востоком и средиземноморским Западом.

Еще больший интерес представляет последний регион: дельта и пойма Волги и долина Терека, потому что здесь нам удалось поставить эксперимент. Ландшафт окружающих Волгу пустынь и полупустынь резко отличен от ивовых рощ и тростниковых зарослей поймы и дельты. Согласно нашему тезису, здесь должны были обитать люди, совершенно не похожие на степных кочевников, оседлые, со своеобразным хозяйственным укладом и специфической культурой. В 1959 г. автору этих строк было поручено отыскать на Нижней Волге археологические остатки культуры хазар, которых в то время большинство ученых считало кочевниками¹. Всех удивляло только то, что за 100 лет в приволжских степях не было найдено ни одного памятника, который можно было бы приписать хазарам [18, стр.412].

Исходя из наших географических представлений, мы, вопреки всем установкам, направились сначала в пойму, а потом в дельту Волги и там обнаружили на бэровских буграх хазарские кладбища и следы поселений [66]. В долине Терека мы нашли не только хазарскую керамику, которая отмечала места хазарских поселков, но и цитадель хазарской крепости Семендера, причем локализация хазарских деревень и казачьих станиц почти совпадала [68]. Это указывало на то, что быт хазар и терских казаков был одинаков; он был подсказан особенностями ландшафта аazonального или провинциального региона. Таким образом, было сделано археологическое открытие, интересное тем, что оно подтверждает хрономический принцип Л.С. Берга.

¹ Историю вопроса см.: *Артамонов М.И.* История хазар. Изд. Гос. Эрмитажа. Л., 1962; *Рыбаков Б.А.* К вопросу о роли хазарского каганата в истории Руси. — «Советская археология», 1953, №10, стр.141.

В этой связи важно отметить еще то обстоятельство, что общественно-политический строй степняков — половцев, ногайцев и калмыков, — относящихся по нашей классификации к третьему (арало-каспийскому) типу, и обитателей дельты Волги и долины Терека — хазар, астраханских татар и казаков — резко различен. Последние (до подчинения Российской империи) сохраняли устойчивые формы военной демократии при относительно слабой центральной власти. Ханская или атаманская власть была нужна им только для военных походов, а попытка усилить ее и превратить Хазарию в централизованное государство, предпринятая иудейской общиной в IX—X вв., привела ее к гибели вследствие отсутствия поддержки народных масс.

Наибольшего расцвета военно-демократическая система достигла на Дону, долину которого следует причислять к Волго-Терскому региону, несмотря на значительные отличия природных условий. Хотя четыре надпойменных террасы Дона плавно переходят в водораздельные степи, но уже на второй террасе проявляется азональность — колки, леса, заросли ивняка и т.п. Со II в. н.э. здесь вели оседлый образ жизни сначала аланы (потом носители салтовской культуры), хазары и, наконец, казаки [74], создавшие знаменитый «казачий круп» — военно-демократический орган самоуправления. Автору этих строк в 1965 г. удалось найти на среднем Дону следы небольшого поселения, где была обнаружена керамика всех эпох — с X по XVII в., что еще раз подтверждает культурную преемственность населения долины Дона независимо от внедрения в нее инородных этнических элементов [стр.179].

Разумеется, все описанные закономерности имеют верхнюю хронологическую границу — развитие цивилизации и техники в XIX—XX вв., но это особая тема, выходящая за рамки проведенного нами исследования.

В заключение мы не можем не остановиться на вопросе, который был затронут вначале: не является ли экономический принцип Л.С. Берга вариацией географического детерминизма Бодена и Дюбо [255, стр.137—142], Монтескье (Montesquieu, 1858), Гердера (Herder, 1784—

1791) и их современного продолжателя Хентингтона (Hantington, 1915)? Действительно, элементы внешнего сходства в обеих системах имеются, но есть и огромное различие, которое позволяет ответить на этот вопрос отрицательно.

Все основатели географического детерминизма, «устанавливая зависимость народного характера от географической среды, стремятся этим путем раскрыть закономерность, присущую человеческому обществу... Основным исходным моментом во всем построении является античная идея о влиянии природы на психику человека, тем самым на национальный характер и через это на судьбы народов» [255, стр.293].

Предлагаемый подход диаметрально противоположен: устанавливается лишь обусловленность хозяйственной деятельности человека природными условиями географического региона, т.е. способность к адаптации, определяющая возникновение конвергентных форм, с чем ни один материалист не будет спорить. Затем, мы отмечаем, что характер институтов управления связан с особенностями хозяйственной деятельности и способом производства, но отнюдь не распространяем эту закономерность на все проявления деятельности человека и тем более человечества [140, стр.406—409]. Например, влиянием усиленного увлажнения или наличием пересеченного рельефа невозможно объяснить ни детали политической борьбы партий, ни смену общественных формаций, так как они являются проявлением спонтанного развития человечества в целом. Ведь в любом устойчивом ландшафте при одном и том же хозяйстве происходят смены формаций, когда меняется окружение изучаемой страны.

Для примера рассмотрим историю Греции. За исключением нескольких крупных городов, где кипела торговля и использовался рабский труд (Афины, Коринф, Мегары), занятием населения было примитивное скотоводство и земледелие. Козы паслись и оливки вызревали 3000 лет тому назад так же, как в наше время. Но в XII в. до н.э. базилевсы водили дружины разрушать Трою; в VI в. до н.э. демократы свергали власть олигархов; в IV в. до н.э. ослабевшая Эллада упала к ногам македонского царя

Александра; во II в. до н.э. она сделалась провинцией Римской республики; в V в. н.э. через Грецию прошли свирепые готы и были изгнаны на запад; в VII в. обезлюдевшую страну заселили славяне, смешавшиеся с остатками древнего населения; в XIII в. новые греки освободились от власти захватчиков-крестоносцев; в XV в. Греция подпала под власть турецкого султана; в XIX в. она освободилась и стала самостоятельным государством.

Несомненно, что различие эпох и смена формаций определяются не провинциальным бытом пастухов Аркадии или горцев Этолии, а включением Эллады в мировую систему хозяйства, подчиненную закону спонтанного развития.

То же самое произошло с евразийскими кочевниками. Их хозяйство было весьма специализировано, они постоянно нуждались в обмене товарами с оседлыми соседями, а это вовлекало их в мировую историю и заставляло испытывать все перипетии общеисторического процесса. Как только натуральное хозяйство сменилось товарным, как только через степи потянулись караваны, везшие шелковую пряжу, кораллы, золото и прочие предметы роскоши, как только в Китае, Согдиане, Иране и Византии потребовались рабы, рабыни и наемные солдаты, степь вошла в круговорот всемирного исторического процесса. Но эта проблема относится к разряду гуманитарных и общественных наук, которых мы сейчас не касаемся.

Мы рассматриваем способы приспособления отдельных коллективов вида *Homo sapiens* к определенным условиям географических ландшафтов, т.е. подходим к проблеме не как гуманитары, а как естествоиспытатели. Отмеченная нами зависимость относится не к общественным, а к **этническим** коллективам, и к ним следует применять иную шкалу и иную систему измерения, которую мы попытались отыскать. В этой географо-биологической системе сопоставлений и синтеза тезис Л.С. Берга подтверждается всем имеющимся в распоряжении науки материалом.

БИОСФЕРА И ИМПУЛЬСЫ СОЗНАНИЯ¹

География издавна включала в сферу своего изучения взаимоотношения людей с природной средой, и каждая эпоха, начиная с античности, давала посильные объяснения разнообразию ландшафтов, как девственных, так и преобразованных человеком. В XX в. эта проблема приобрела еще бóльшую актуальность в связи с необходимостью охраны природы. Поэтому вопрос о механизме взаимодействия социосферы и техносферы с природной средой оказался особенно важным [82].

Но что же такое сам этнос? Это тот или иной коллектив людей (динамическая система), противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам («мы» и «не мы»), имеющий свою особую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения; то и другое подвижно, т.е. является одной из фаз этногенеза, процесса возникновения и исчезновения этнических систем в историческом времени. «Историю... можно разделить на историю природы и историю людей, — писал К. Маркс. — Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» [176]. Именно этносы являются феноменами, в коих осуществляется взаимодействие природной среды с производственной деятельностью, со всей материальной и духовной культурой людей. Поэтому очевидно, что в процессе этногенеза соприисутствуют социальные и биологические компоненты, проявляющиеся в самой этнической истории. Задача лишь в том, чтобы установить характер этого взаимодействия. Важную роль здесь может, на наш взгляд, сыграть предложенный нами ранее такой этногенный признак, как пассионарность — способность людей к повышенной активности, кроющийся в их психологии, но генерирующий антропогенные ландшафты, ставшие ныне объектом изучения географии.

Сделать это не так просто, так как приходится изучать все многообразие жизнедеятельности людей, не только их

¹ «Природа», 1978, № 12, стр.97—105.

язык или культуру [154], но и способ общественного производства, потребления, формы повседневного общения и т.д.

Вряд ли можно изучать этнографию, скажем, эскимосов, ограничившись лишь грамматическими формами глагола или их представлениями о злобных духах моря и тундры и игнорируя их способ охоты на морского зверя. Вряд ли можно описать индийцев, не упомянув, как они обрабатывают рисовые поля, зато подробно изложив теорию кармы и перевоплощения душ. Характер трудовых процессов, потребление, войны, создание государства или падение его — такие же объекты этнографического исследования, как свадебные обряды или ритуальные церемонии. А изучение народов на определенных стадиях их развития в процессе сравнения и противопоставления каждого из них соседям немыслимо без учета географической среды.

Естественно, географическая среда не определяет движения общественных явлений. Однако она оказывает существенное влияние на жизнь людей, ибо способствует замедлению или ускорению развития отдельных этнических общностей.

Во всех исторических процессах от микрокосма (жизнь одной особи) до макрокосма (развитие человечества в целом) общественная и природные формы движения материи соприсутствуют и взаимодействуют подчас столь причудливо, что иногда трудно уловить характер связи. Это особенно относится к мезокосму, в котором обнаруживается феномен, представляющий собой процесс становления этноса от момента возникновения до исчезновения или перехода в состояние гомеостаза, т.е. этногенез. Однако это не значит, что этнос — продукт случайного сочетания биогеографических и социальных факторов, поскольку этнос имеет в своей основе элементарную схему: подъем, расцвет, инерционную фазу и распад.

Этногенез можно рассматривать в разных ракурсах. Социально-политический аспект позволяет вычлнить фазы исторического становления, исторического существования и исторического упадка с последующим пережиточным или реликтовым прозябанием [107]. Аналогичное

деление получается при исследовании воздействия этноса на окружающий его ландшафт [85] и при этнографическом изучении способов отсчета времени [96]. Выраженная графически (если отложить на абсциссе время), кривая этнического развития являла бы собой не плавную синусоиду или циклоиду, а неправильную кривую, резко поднимающуюся в начальных фазах до краткого перегиба (см. рис. на стр.311). Затем идет длинный плавный спад, который прекращается, когда процесс либо естественно затухает, либо насильственно обрывается.

В географическом аспекте этнос в момент возникновения представляет собой группу сходных особей, которая приспособила определенный ландшафтный регион к своим потребностям и одновременно сама приспособилась к нему. Для поддержания достигнутого этно-ландшафтного равновесия необходимо, чтобы потомки повторяли деяния предков, хотя бы по отношению к окружающей их природе. В исторической науке это называется традицией. Ее можно рассматривать и в социальном аспекте, как нечто застойное, консервативное, и в биологическом. Генетик М.Е. Лобашев, например, открыл это же явление у животных и назвал его «сигнальной наследственностью» [171].

Но момент рождения краток. Появившийся на свет коллектив должен немедленно сложиться в систему с разделением функций между членами. Иначе его уничтожат соседи. Для самосохранения он быстро вырабатывает социальные институты, характер которых в каждом отдельном случае обусловлен обстоятельствами места (географическая и этнографическая среда) и временем (стадия развития человечества). Именно потребность в самоутверждении обеспечивает быстрый рост системы. Силы же для развития ее черпаются в повышенной активности, или пассионарности, популяции. Рост системы создает инерцию развития, медленно теряющуюся от сопротивления среды, вследствие чего нисходящая ветвь кривой значительно длиннее. Даже при снижении жизнедеятельности этноса ниже оптимума социальные институты продолжают существовать, иногда переживая создавший их этнос. Так, римское право прижилось в Западной Ев-

ропе, хотя античный Рим и гордая Византия превратились в воспоминание.

Но если на абсциссе отложено время, то на ординате — та форма энергии, которая стимулирует процессы этногенеза, т.е. **пассионарность**. При этом надо помнить, что максимум пассионарности, равно как и минимум ее, отнюдь не благоприятствует процветанию жизни и культуры. Пассионарный «перегрев» ведет к жестоким кровопролитиям как внутри этнической или суперэтнической системы, так и на границах ее, в регионах контактов одних народов с другими, часто при полной инертности и вялости массы населения. Когда уровень пассионарности приближается к нулю, теряется сопротивляемость окружению, этническому и природному, что всегда является кратчайшим путем к гибели. Пассионарность присутствует во всех этногенетических процессах, и это создает возможность этнологических сопоставлений в глобальном масштабе. Такая непривычная для нас кривая проявления пассионарности, равно не похожая ни на линию прогресса производительных сил — экспоненту, ни на повторяющуюся циклоидную кривую биологического развития, видимо, получается в результате инерции, возникающей время от времени вследствие «толчков» — мутаций, вернее, микромутаций, отражающихся на стереотипе поведения, но не влияющих на фенотип.

Как правило, мутация почти никогда не затрагивает всей популяции в определенном ареале. Мутируют только отдельные относительно немногочисленные особи, но этого может оказаться достаточно для того, чтобы возник новый тип людей, в нашем случае консорция, которая при благоприятном стечении обстоятельств вырастает в этнос. Пассионарность членов консорции — обязательное условие такого перерастания. В этом механизме — биологический смысл этногенеза, но он не подменяет и не исключает социального смысла [83].

Как известно, деятельность человека на поверхности планеты, по размерам приравниваемая к геологическим переворотам малого масштаба, была не всегда благотворна. Антропогенные воздействия иной раз превращали бота в Эдем, а другой раз — райские места в пустыни. И в

обоих случаях для таких работ требовалась не та энергия, которая необходима для метаболизма и размножения с обязательным воспитанием потомства, а избыточная, не сохраняющая особь или популяцию, а толкающая на самопожертвование, которое почему-то иногда предпочитается самосохранению. Однако как бы редко ни наблюдалось это явление, только оно ведет к изменению лика Земли, а ныне даже состава атмосферы. Вот почему **пассионарность** можно причислить к природным факторам биосферы, которая, как известно, весьма лабильна, что усиливает ее воздействия на людей, не успевающих реадаптироваться. А люди, в свою очередь, воздействуют на беззащитные биоценозы с помощью техники, созданной при становлении человека и накапливающейся в течение тысячелетий. Таков импульс пассионарности.

Направление воздействий определяется не слепой гео-биохимической энергией, описанной В.И. Вернадским, а уровнем социального развития, которое бывает либо прогрессивным, либо застойным. Любой общественный строй характеризуется тем или иным способом производства, причем смена его касается всей ойкумены и часто происходит внутри одного и того же этноса, тогда как этносы оригинальны и неповторимы. Следовательно, для сравнения их друг с другом необходим иной инвариант и другая шкала.

подавляющее число поступков, совершаемых людьми, несомненно, диктуется инстинктом самосохранения — либо личного, либо видового. Последнее проявляется в стремлении к размножению и воспитанию потомства.

Однако пассионарность имеет обратный вектор, ибо заставляет людей жертвовать собой и своим потомством, которое либо не рождается, либо находится в полном небрежении из-за иллюзорных вожделений: честолюбия, тщеславия, гордости, алчности, ревности и прочих страстей. Следовательно, мы можем рассматривать пассионарность как «антиинстинкт», т.е. импульс, имеющий знак, противоположный инстинкту самосохранения. А поскольку нет и не может быть этноса, не связанного с пер-

вичным взрывом пассионарности, то она является соизмеримой для всех этносов величиной.

Следовательно, все этносы мы можем классифицировать по степени возрастания и падения пассионарного напряжения этнического поля. Наличие флуктуации несколько осложняет этот принцип, но не слишком, потому что схема — быстрый подъем пассионарности и медленная ее утрата — действительна для всех известных нам этносов. Это не может быть случайностью. Потому пусковой момент этногенеза мы можем считать подобием толчка, сообщившего этнической системе инерцию, утрачиваемую при сопротивлении среды.

Как инстинктивные, так и пассионарные импульсы лежат в эмоциональной сфере. Но ведь психическая деятельность охватывает и сознание. Значит, в области сознания следует отыскать такое деление импульсов, которое можно было бы сопоставить с описанным выше. Иными словами, оно должно быть разбито на импульсы, направленные либо на сохранение жизни, либо на ее пожертвование во имя иллюзии. Для удобства отсчета обозначим жизнеутверждающие импульсы знаком плюс, а импульсы «жертвенные» — знаком минус. Тогда эти параметры можно развернуть в плоскостную проекцию, похожую на привычную систему декартовых координат, причем отметим, что положительные — не значит «хорошие» или «полезные», а отрицательные — «плохие»; так, в физике катионы и анионы, а в химии кислоты и щелочи не имеют качественных оценок.

(Вообще надо отметить, что только внутри общественного развития есть смысл противопоставлять прогресс застою и регрессу. Поиски осмысленной цели в дискретных процессах природы — неуместная телеология. Как горообразование в геологии ничем не «лучше» денудации, а зачатие и рождение — такие же акты жизни организма, как смерть, так и в этнических процессах отсутствует критерий лучшего. Однако это не значит, что в этногенезе нет системы, движения и даже развития, но главным определяющим его признаком, как в любом колебательном движении, является ритм и большая или меньшая напряженность.)

Положительным импульсом сознания будет только безудержный эгоизм, требующий рассудка и воли для осуществления себя как цели. Под рассудком мы условимся понимать способность выбирать реакции при условиях, это допускающих, а под волей — способность совершать поступки согласно выбору. Следовательно, все чувственно-рефлекторные действия особей из этого разряда исключаются, равно как и поступки, совершенные по принуждению других людей или достаточно весомых обстоятельств. Но ведь внутреннее давление, диктуемое либо инстинктом, либо пассионарностью, также детерминирует поведение. Значит, и его надо исключить наряду с давлением этнического поля и традиций. Для «свободных» или «эгоистичных» импульсов остается небольшая, но строго очерченная область — та, где человек несет за свои поступки моральную и юридическую ответственность.

Тут мы опять сталкиваемся с невозможностью дать дефиницию, практически ненужную. Коллективный опыт человечества четко отличает вынужденные поступки от преступлений. Убийство при самозащите отличается от убийства с целью грабежа или мести, обольщение — от изнасилования и т.д. В середине XIX в. делались попытки отождествить такие поступки, но это было беспочвенное резонерство. В наше время очевидно, что, сколь бы ни была разумна забота человека о себе, это не дает ему основания сознательно нарушать права соседей или коллектива.

«Разумному эгоизму» противостоит группа импульсов с обратным знаком. Она всем хорошо известна, как, впрочем, и пассионарность, но также никогда не выделялась в единый разряд. У всех людей имеется странное влечение к истине (стремление составить о предмете адекватное представление), к красоте (тому, что нравится без предвзятости) и к справедливости (соответствие морали и нравственности). Это влечение сильно варьирует в силе импульса и чаще всего ограничивается постоянно действующим «разумным эгоизмом». Но в ряде случаев оно ока-зывается более мощным и приводит особь к гибели не менее неуклонно, чем пассионарность. Оно как бы является аналогом пассионарности в сфере сознания и, следова-

гельно, имеет тот же знак. Назовем его аттрактивностью (от лат. *attractio* — влечение).

Природа аттрактивности неясна, как, впрочем, и природа сознания, но соотношение ее с инстинктивными импульсами самосохранения и с пассионарностью такое же, как соотношение двигателя и руля. Равным образом соотносится с ними «разумный эгоизм» — антипод аттрактивности.

Но нужно ли такое сложное построение и для чего?

В биологической природе инстинктивных импульсов можно не сомневаться. Как желание долго жить, так и тяга к воссозданию себя через потомство — биологический признак, свойственный человеку как виду. Но если так, то его величина, в смысле воздействия на поступки особи, в хронологических рамках определенного исторического периода должна быть стабильна. Это значит, что тяга к жизни у всех живущих, живших и тех людей, которые еще только будут жить, в каждом отдельном случае одна и та же. На первый взгляд это противоречит наблюдаемой действительности.

В самом деле, есть сколько угодно людей, не ценящих жизнь: разве мало случаев самоубийства; бывает, что родители бросают детей на произвол судьбы, а иной раз и убивают. И это наряду с дезертирами, уклоняющимися от войны; с теми, кто ради спасения жизни терпит оскорбления; родителями, отдающими жизнь за детей, часто недостойных и неблагодарных. Огромный разброс данных! Кажется, что системы в сумме наблюдаемых явлений нет.

Не напоминает ли все это представление древних о том, что тяжелые тела падают быстрее легких? Такие взгляды держались не одно столетие. Ведь только в XVII в. опыт Галилея показал, что сила тяжести равно действует на пушинку и ядро, а разница в скорости падения зависит от постороннего явления — сопротивления воздушной среды. С тем же самым мы сталкиваемся и в нашей проблеме.

А что же происходит в случае, если пассионарное выражение выше инстинктивного? Тогда появляются конкистадоры и землепроходцы, поэты и ересиархи или, на-

конец, инициативные фигуры вроде Цезаря и Наполеона. Как правило, таких людей немного, но их энергия позволяет им развивать или стимулировать активную деятельность, фиксируемую везде, где есть история. Сравнительное изучение напряженности и массовости событий дает определение величины пассионарного напряжения в первом приближении.

Ту же последовательность мы наблюдаем в сознательных импульсах. «Разумный эгоизм», т.е. принцип «все для меня», в лимите имеет стабильную величину. Но он умеряется аттрактивностью, которая либо меньше единицы (за которую мы принимаем импульс себялюбия), либо равна ей, либо больше ее. В последнем случае это писатели и художники, бросающие карьеру ради искусства, ученые, подобно Дж. Бруно отстаивающие справедливость с риском для жизни, короче говоря — тип Дон Кихота в разных концентрациях. Реальное, поддающееся наблюдению поведение особи складывается из двух постоянных и двух переменных величин. Следовательно, только последние и определяют разнообразие поведенческих категорий.

Собственно говоря, все описанные импульсы подходят под принятое в физиологии определение «доминанта». Для нашей задачи необходимо выделить несколько определенных доминант, оставив без внимания остальные, например *libido* (половой инстинкт), как не имеющее для нашей темы значения. И еще важнее установить векторность избранных доминант, что позволяет уловить их взаимоотношения.

Для изучения психологии отдельной особи предлагаемая точка зрения и система отсчета дает очень мало. Поскольку уровень пассионарности является природным признаком, то соотношение величин не меняется. Что же касается аттрактивности, то она меняется под воздействием других людей: учителей, друзей, учеников, и, значит, изменчивость ее является свойством коллектива, а не особи. Зато при изучении этногенеза принцип предложенной концепции весьма удобен, хотя при настоящем уровне знаний и возможностей результаты могут быть выражены в условных соотношениях. Получение числовых данных

пока за пределами наших возможностей. Но даже то, что есть, уже весьма полезно для анализа.

Мы хорошо знаем, что все этносы проходят ряд фаз эволюции, который в идеале или в схеме единообразен. Многочисленные отклонения от схемы, например обрывы развития или смещения за счет посторонних вмешательств, легко учесть и исключить из рассмотрения основной закономерности. Столь же легко их потом учесть при синтезе, т.е. восстановлении действительной истории народа.

Как уже неоднократно отмечалось, сознательная деятельность людей играет не меньшую роль в исторических процессах, чем инстинктивно-эмоциональная, но характер их принципиально отличен. Бескорыстное стремление к истине порождает научные открытия, которые определяют возможность технических усовершенствований и тем самым создают предпосылки для роста производительных сил. Красота формирует психику и художника, и зрителя. Жажда справедливости стимулирует социальные переустройства. Короче говоря, «человеческий разум, который не является формой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие» [47], становится импульсом явления, именуемого прогрессом, и, следовательно, связан с общественной формой движения материи. Связь этих двух форм движения материи, которые соприсутствуют в каждом историческом событии, большом или малом, очевидна. Согласно В.И. Вернадскому, «эволюция видов, приводящая к созданию форм жизни, устойчивых в биосфере» (второй биохимический принцип), и, следовательно, направленное (прогрессивное) развитие — это явление планетарное [Там же]. Геохимик-философ Ю.П. Трусов уточняет это положение, утверждая, что «по отношению к породившему его органическому миру общество имеет не только черты преемственности, но и глубокие, принципиально новые черты, которые выделяют его из всего биологического мира... Эти черты связаны прежде всего с разумом, познанием мира и социально организованным трудом» [231]. Такое различие и заставляет многих ученых выделить из биосферы особую область — ноосферу, т.е. сферу разума, продуктом которой является техника в

самом широком смысле, включающем искусство, науку и литературу как кристаллизацию деятельности разума. Верно ли это?

Плоды рук человеческих имеют изначальное отличие от творений природы. Они выпадают из конверсии биоценоза, где идет постоянный обмен веществом и энергией, поддерживающий биоценозы как системные целостности. Человеческое творчество вырывает из природы частицы вещества и ввергает их в оковы форм. Камни превращаются в пирамиды или Парфенон, шерсть — в пиджаки, металл — в сабли и танки. А эти предметы сами по себе лишены саморазвития; они могут только разрушаться. На это принципиальное различие природы и техники в широком смысле обратил внимание С.В. Калесник. Однако не всё, испытавшее на себе воздействие человека, «покинуло» природу [143]. Поле пшеницы, арык, стадо коров или домашняя кошка по-прежнему остаются в ней, несмотря на воздействие человека. Итак, антропосфера занимает промежуточное положение между мертвой техносферой и живой природой. Но коль скоро так, то они находятся в оппозиции. И тут уместно ввести поправку географа Ю.К. Ефремова к оценке ноосферы, которую он назвал «социосферой» [126].

Но так ли уж разумна «сфера разума»? Ведь она заменяет живые процессы, обогатившие нашу планету запасами конденсированной энергии, укрытой в почвах и осадочных породах, в каменном угле и нефти. Былая жизнь микроорганизмов подарила нам кислородную атмосферу и озоновый слой, спасающий нас от убийственных космических излучений. Растения, покрывающие землю, — это фабрики фотосинтеза, перерабатывающие свет в живую материю. Животные — наши меньшие братья — регулируют биоценозы и сообщают им устойчивость.

А что дала нам ноосфера, далее если она действительно существует? От палеолита остались многочисленные кремневые отщепы и случайно оброненные скребки да рубила; от неолита — мусорные кучи на местах поселений. Античность представлена развалинами городов, а Средневековье — замков. Даже тогда, когда древние сооружения целиком доходят до нашего времени, как, на-

пример, пирамиды или Акрополь, это всегда инертные структуры, относительно медленно разрушающиеся. И вряд ли в наше время найдется человек, который бы предпочел видеть на месте лесов и степей груды отходов и бетонированные площадки. А ведь техника и ее продукты — это овеществление разума. Что же касается произведений гениальных поэтов или философов, то они остаются в памяти людей, не образуя никакой особой «сферы».

Короче говоря, как бы ни относиться к идее существования ноосферы, полярность техники и жизни как таковой неоспорима [114], но в наше время определилась ясная тенденция к снижению этого противоречия.

В концепции уделено так много внимания описанию пассионарности не потому, что автор придает ей значение решающего фактора. Учение о пассионарности привлечено лишь для того, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся при одностороннем изучении этногенеза. Не замена учения о примате социального развития в истории, а дополнение его бесспорными данными естественных наук — вот цель теоретического введения, необходимого для исторического синтеза¹.

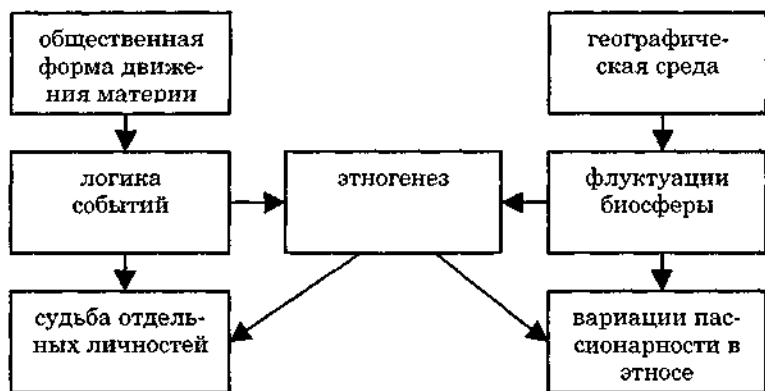
Теперь целесообразно показать соотношение между четырьмя главными группами причинных воздействий на этнические процессы. Две из них — высшего ранга, две — подчиненные. В общем виде это будет схема, но именно схема нужна для отделения случайного от закономерного, постоянно сопрягающихся в любой из исторических и географических дисциплин, ибо и те и другие изучают переменные величины, изменяющиеся во времени и воздействующие на этногенез.

Ясно, что главным фактором общественного развития является рост производительных сил, вследствие чего имеет место изменение производственных отношений, а тем самым и организации общества.

Другой фактор, определяющий не импульс, а ход процессов этногенеза, — географическая среда, игнорирование роли которой С.В. Калесник правильно назвал «географическим нигилизмом» [145]. Но и преувеличение

¹ Оценку предлагаемого подхода см.: «Вопросы философии», 1971, № 1.

значения географической среды, т.е. «географический детерминизм», не приводит к положительным результатам [135]. Это показал еще Г.В. Плеханов в полемике с А. Лабриолой, заметив, что «современных итальянцев (конца XIX в.) окружает та же естественная среда, в которой жили древние римляне, а между тем как мало похож темперамент современных нам данников Менелика на темперамент суровых покорителей Карфагена» [198, стр.254 — 255]. Можно было бы возразить, что антропогенное воздействие в течение 2300 лет изменило ландшафт Италии, но тем не менее очевидно, что не замена, буковых лесов лимонными рощами и зарослями маквиса привела итальянскую армию к поражению под Адуей.

Каузальное взаимодействие истории людей и истории природы в процессах этногенеза.

Однако эти могучие факторы в сочетании определяют лишь «общее направление» социально-исторических процессов, но не «индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия» [199]. А именно такие мелочи часто ведут к созданию или разрушению консорций, иногда к сохранению или рассеиванию субэтносов, редко, но все-таки отражаются на судьбах этносов, а в исключительных случаях могут оказать воздействие и на

становление суперэтнуса. Примеров таких исторических зигзагов, компенсирующих на длинных отрезках истории, у Г.В. Плеханова достаточно много, хотя взяты они исключительно из истории Европы. Аналогичные данные можно привести и из истории других народов.

Таким образом, можно выделить фактор низшего ранга: логику событий, где учитываются короткие цепочки причинно-следственных связей, сами по себе закономерные, но для процесса высшего ранга являющиеся случайностями. В свою очередь, эти краткие закономерности, постоянно обрываемые в ходе истории, зависят от случайностей второй степени и т.д.

Можно пренебречь этими вариациями при рассмотрении глобальных процессов, например, при сменах формаций, но для этногенеза учет их необходим. И вот тут-то выплывает роль пассионарных взрывов и флуктуации, так относящихся к становлению биосферы, как логика событий к общественной форме движения материи. Иными словами, роль пассионарности в этногенезе меньше 25%, но пренебрежение этой величиной дает заметную ошибку, смещающую результат.

До сих пор мы только описывали пассионарность как физиологический наследственный признак, связывающий личность человека с биосферой планеты. Таким образом, мы увидели, что история как наука дает возможность проследить некоторые закономерности явлений природы. Следовательно, история может быть полезна не только сама по себе, но и как вспомогательная естественнонаучная дисциплина. До сих пор она для этой цели не использовалась.

Да и сама биосфера — понятие отнюдь не биологическое, а географическое. Так называется одна из оболочек Земли, в которую входят кроме живых организмов продукты их жизнедеятельности за все геологические периоды: свободный кислород воздуха и осадочные породы литосферы, включая метаморфические. Естественно, в процессе эволюции биосфера меняется весьма значительно, что не может не сказаться на жизни людей. Например, влияние ледниковых периодов на антропогенез не вызывает сомнений. Но и флуктуации меньшего значения, на-

пример длительные засухи или наводнения, оказывают воздействие на отдельные регионы, способствуя или препятствуя процветанию хозяйства населяющих их этносов [105]. Разумеется, это не может повлиять на глобальный процесс общественного развития, величину, стоящую на порядок выше, но детали событий таким способом могут быть объяснены без внутренних противоречий и натяжек. Именно к числу подобных мелких, но существенных флуктуации относятся колебания пассионарного напряжения не отдельных людей, а этнических целостностей.

Итак, в наблюдаемой и доступной изучению истории мы видим сочетание социальных формообразующих закономерностей с энергетическими импульсами из недр биосферы. Последние выявляются лишь при соприкосновении с общественной формой движения материи, которая кристаллизует их в культурно-политические институты и памятники искусства. Это и есть постоянное взаимодействие истории природы и истории людей.

Л. Н. ГУМИЛЕВ, К. П. ИВАНОВ

ЭТНОСФЕРА И КОСМОС¹

Все, что можно зафиксировать как научными приемами, так и простым наблюдением, есть изменение в окружающем нас мире. Только процессы и эксцессы улавливаются нашим сознанием, а затем служат поводом для размышлений и объяснений. Это диалектика природы и истории, т.е. пространства и времени, а поскольку мир вокруг нас постоянно изменяется, то, естественно, он является объектом науки.

Древние люди знали о космосе, наблюдая движение звезд и планет, но считали сам факт такого перемещения вечным, что было ошибкой. Галилей, открыв пятна на Солнце, показал, что небесные тела изменчивы и, следовательно, могут быть изучаемы. Однако долгое время

¹ Материалы Второго Всесоюзного совещания по космической антропозологии. М., 1984, стр.211—220.

космос считался пустотой, которая не изменяется и, значит, не подлежит изучению. Даже сам Лавуазье, обсуждая сообщение о метеорите, упавшем во Франции, провел такое решение: «Камни с неба падать не могут, потому что на небе нет камней». Но факты были сильнее догмы. Теперь ясно, что голубое небо — атмосфера — не защищает поверхность Земли от воздействия неба черного и что пучки энергий, приходящие извне, пробивают ионосферу и другие защитные оболочки Земли, достигая поверхности планеты. Значит, поверхность Земли — наш родной дом — открыта черной бездне и ее воздействиям. Это отнюдь не мистика, а география.

В самом деле, влияние небесных тел на поверхность Земли известно давно. Фазы Луны — причины приливов океана, вариации солнечной активности — вызывают смещения путей прохождения циклонов, а тем самым меняют климатические условия на континентах. Солнечные максимумы заставляют мутировать вирусы, причиняющие нам тяжелые болезни. Эти несомненные феномены кратковременны или эпизодичны, но есть и другие, о которых речь ниже, приводящие к появлению этносов.

Для того чтобы их увидеть, нужна история человечества. Ведь у нее есть абсолютная хронология за 4000 лет и приблизительная — еще за 50 000. Но историй много. Социально-экономическая история отражает спонтанный процесс развития, не зависящий непосредственно от природных явлений. История культуры — явление вторичное, связанное с мелкими событиями той или иной эпохи. История хозяйства известна всего за 200 лет. Военная история — описательна. И только одна история — этническая, опирающаяся на раскрытие глобального природного процесса — этногенеза, в принятом нами аспекте перспективна.

Кратко об этносе

Поставим задачу так, чтобы ее можно было решить. Биосфера Земли — это одна из оболочек планеты. Люди входят в состав биосферы, но они столь разнообразны, что рассматривать их всех как целостность — антропосферу —

не конструктивно. Лесные охотники, степные пастухи, земледельцы, горожане, рыболовы южных морей и морей северных, древние эллины, средневековые рыцари, буржуа и строители каналов, бесписьменные пигмеи и ученые... все они разнообразны и все по-своему прекрасны и умны.

А по оси времени! Были филистимляне и парфяне — их нет. Не было французов и англичан — они есть, но когда-нибудь уступят место иным этносам. Как и почему это происходит? Вот предмет этнологии, учения об этногенезе или происхождении и исчезновении народов.

Указанный принцип разнообразия, характерного из всех млекопитающих только для человека, дает основание считать антропосферу мозаичной, т.е. этносферой, причем разнообразие является не только способом адаптации в ландшафтах, но результатом каких-то воздействий, меняющих людские коллективы иногда в физиологии, а чаще в поведении.

Крупные мутации нас не интересуют, они редки и всецело относятся к биологической науке — антропологии. К этногенезу (возникновению и исчезновению этносов) они не имеют отношения. Нам нужен более чуткий измерительный прибор.

Социальная психология, наоборот, слишком чутка и фиксирует, без выбора, смены настроений и эмоциональные заражения примером. Неустойчивость описываемых ею состояний психики делает ее негодной для эмпирического обобщения. А вот этногенез — это то, что нужно.

Но прежде, чем идти дальше, уточним значение термина «этнос», чем объясним его природу. Это можно сделать только путем системологии — новой научной дисциплины, вошедшей в советскую науку лишь в 1969 г. Если раньше изучались, как объект, предметы, то теперь рассматриваются связи между ними. При этом подходе находят место и биохимия, и генетика, и психология, как личная, так и коллективная, и, уж конечно, история с географией. Так попытаемся наглядно сформулировать определение понятия «этнос», хотя бы для практического применения в решении поставленной задачи.

1. Этнос — система, развивающаяся в историческом времени, имеющая начало и конец; точнее, этногенез — процесс дискретный.

2. Универсальный критерий отличия этносов между собой один — стереотип поведения — особый поведенческий язык, который передается по наследству, но не генетически, а, как показал М.Е. Лобашев, через механизм сигнальной наследственности, основанной на условном рефлексе, когда потомство путем подражания перенимает от родителей и сверстников поведенческие стереотипы, являющиеся одновременно адаптивными навыками [171].

3. Системными связями в этносе служат ощущения «своего» и «чужого», а не сознательные отношения, как в обществе. Поэтому этнос как явление не сводим ни к одной из известных социальных форм человеческого общежития (*Gesellschaft*) и, следуя К. Марксу [177], должен быть отнесен к категории природных коллективов, естественно сложившихся общностей (*Gemeinwesen*), изучаться как природный феномен в рамках диалектического материализма методами естественных наук. Ощущение реальности стереотипа порождает бытовой этноцентризм: «мы и они». Этого противопоставления достаточно, чтобы системы не пересекались между собой. Иначе говоря, нет человека вне этноса, и каждый человек принадлежит только одному этносу.

4. Системные связи в этносе, а вместе с ними и единство этноса поддерживаются геобиохимической энергией живого вещества биосферы [47], эффект которой на этническом уровне организации биосферы описан Л.Н. Гумилевым как явление пассионарности. Пассионарность — поведенческий признак, воспринимаемый сторонним наблюдателем как непреодолимое стремление к намеченной цели, пусть даже иллюзорной, но для достижения которой носители ее — пассионарии — не жалеют как собственной жизни, так и жизни своего потомства. Психологически пассионарность проявляется как импульс подсознания, противоположный инстинкту самосохранения, как индивидуального, так и видового.

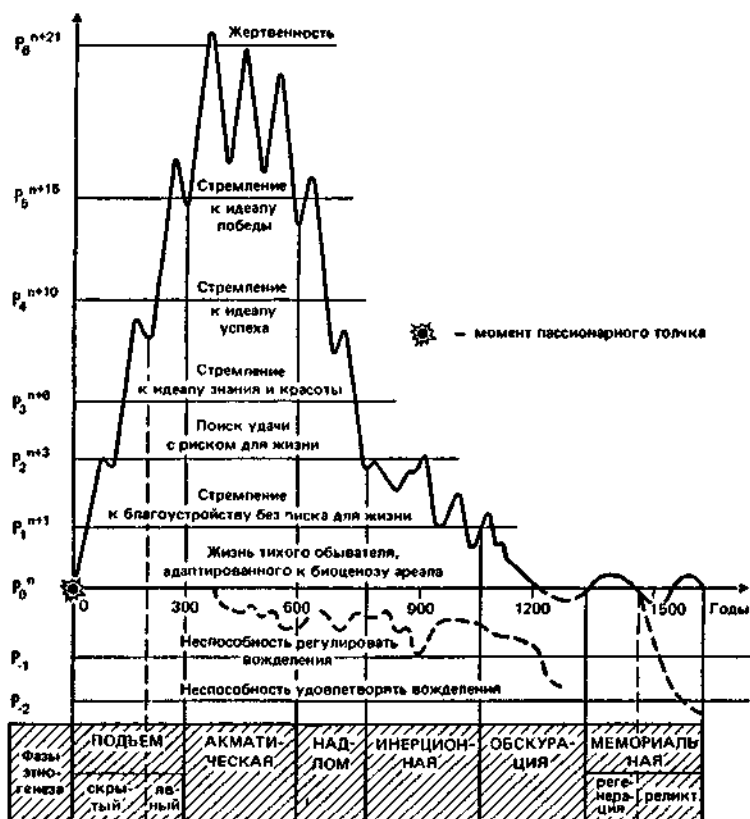
5. В зависимости от соотношения пассионарного импульса (Р) и инстинкта самосохранения (J) Л.Н. Гумиле-

вым описано три характерных поведенческих типа: а) пассионарии ($P > J$), б) гармоничные люди ($P = J$), в) субпассионарии ($P < J$).

6. Статистически в этносе преобладают гармоничные особи; доли пассионариев и субпассионариев в процентном отношении незначительны, но изменение их количеств определяет геобиохимическое состояние этноса как закрытой системы дискретного типа (по классификации А.А. Малиновского [174]). Можно ввести функцию состояния этнической системы — пассионарное напряжение (доля пассионариев в этносе), которое может быть сопоставимо однозначно с частотой событий этнической истории¹ и числом подсистем в этносе (субэтносов). Пассионарное напряжение и направление его изменения определяют фазу этногенеза или возраст этноса. На рисунке (стр.311) по оси абсцисс отложено время в годах, где исходная точка кривой соответствует моменту пассионарного толчка, послужившего причиной появления этноса. По оси ординат отложено пассионарное напряжение этнической системы в трех шкалах:

1. В качественных характеристиках от уровня P_2 (неспособность удовлетворить вожеления) до уровня P_6 (жестокость). Эти характеристики следует рассматривать как некую усредненную «физиономию» представителя этноса. Одновременно в этносе присутствуют представители всех отмеченных на рисунке типов, но господствует статистический тип, соответствующий данному уровню пассионарного напряжения. 2. В шкале — количество субэтносов (подсистем этноса). Индексы n , $n+1$, $n+3$ и т.д., где n — число субэтносов в этносе, не затронутом толчком и находящемся в гомеостазе. 3. В шкале — частота событий этнической истории (непрерывная кривая). При этом предлагаемая кривая есть обобщение 40 индивидуальных кривых этногенеза, построенных нами для различных этносов, возникших вследствие различных толчков. Пунктирной кривой отмечен качественный ход изменения плотности субпассионариев в этносе.

¹ Событие в нашем понимании — процесс разрыва системных связей. В зависимости от таксономического ранга этнической системы: конвиксия (или консорция) — субэтнос — этнос — суперэтнос — можно говорить и о масштабе события. Для построения кривой пассионарного напряжения мы выделяем события этнического масштаба: столкновения двух или более субэтносов.

Изменение пассионарного напряжения этнической системы.

7. Коротко об этногенезе. Предполагалось, что первоначальным состоянием этноса было гармоническое взаимодействие с вмещающим ландшафтом ареала, своего рода гомеостаз. Если бы это было так, то люди жили бы там, где появились, видимо, в африканской саванне, небольшими группами, минимально общаясь друг с другом. На самом же деле люди еще в палеолите освоили всю сушу

планеты, кроме Антарктиды. Они заселили и влажные леса Конго, и холодные степи Монголии, и острова Полинезии, и окраины ледника Гренландии. В постоянных столкновениях люди строили города и корабли, создавали политические и религиозные системы, творили искусство и поэзию. Почему?

Время от времени гомеостаз прерывается эксцессом — возникновением пассионарных особей. Как при всякой мутации, их сначала немного, но они очень активны. Они действуют, чем усложняют первичную простую систему, создавая в ней много подсистем (субэтнотсов), блоков (конвиксий) и звеньев (консорций). Усложненная система обретает мощь и расширяет ареал. Ныне она даже выходит в космос. Но пассионарные особи часто гибнут, чем снижается энергетический уровень системы, возвращающийся к равновесному значению. В конце этногенеза остается немного гармоничных людей, как реликт, и так они живут, пока не произойдет новый взрыв или, точнее, мутация, т.е. толчок (от *лат. muto* — толкаю).

Пассионарии появляются не случайно и не в единичных случаях, а как популяции, которые образуются в результате своеобразного явления — пассионарного толчка. Особенность таких толчков — их кратковременность (приблизительно 1—5 лет, но не меньше года) и геометрия на поверхности Земли (см. карту). За последние три тысячи лет достоверно зафиксировано пока 9 пассионарных толчков: четыре до рубежа нашей эры и пять после. Суть явления состоит в том, что в определенный момент времени (о точных датировках ниже) на узкой, шириной 200—300 км, и вытянутой полосе поверхности Земли (полосы от толчка к толчку не совпадают), имеющей геометрию, близкую к геодезической линии, возникает серия пассионарных популяций, внутри которых начинаются бурные процессы этногенеза, приводящие через 130—160 лет к появлению группы новых этнических систем, проходящих синхронно все последовательные фазы этногенеза (если процесс этногенеза не обрывается извне: стихийные бедствия, истребление и т.п.). Через 1500 лет с момента толчка

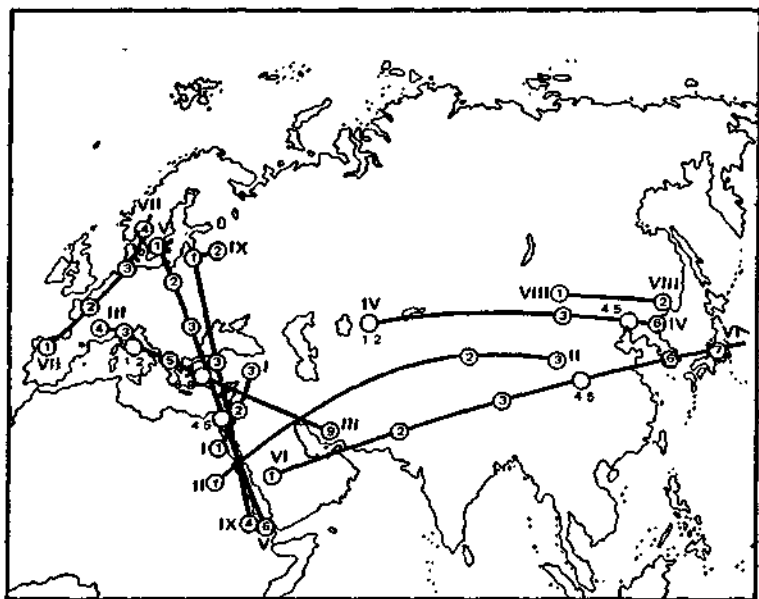
ка пассионарный признак полностью устраняется из популяции, процесс этногенеза завершается и этнос либо исчезает (как система, но не обязательно как люди), либо существует неограниченно долго в состоянии равновесия с биоценозом своего ландшафта, в гомеостазе.

ЛЕГЕНДА К КАРТЕ ПАССИОНАРНЫХ ТОЛЧКОВ

Римской цифрой указан порядковый номер толчка, в скобках — начальный момент толчка. Арабскими цифрами пронумерованы этносы, возникшие вследствие данного пассионарного толчка, причем вначале идет историческое или условное название этноса, затем в скобках название географической или этнокультурной области появления этноса, соответствующее точке на карте. В некоторых случаях вслед за этим дается краткая характеристика или важнейшие события фазы подъема.

I. (XVIII в. до н.э.) 1. Египтяне-2 (Верхний Египет). Крушение Древнего Царства. Завоевание гиксосами Египта в XVII в. Новое Царство. Столица в Фивах. (1580 г.) Смена религии. Культ Озириса. Прекращение строительства пирамид. Агрессия в Нубию и Азию. 2. Гиксосы (Иордания. Сев. Аравия). 3. Хетты (Вост. Анатолия). Образование хеттов из нескольких хатто-хурритских племен. Возвышение Хаттуссы. Расширение на Малую Азию. Взятие Вавилона.

II. (XI в. до н.э.) 1. Чжоусцы (Сев. Китай: Шэньси). Завоевание княжеством Чжоу древней империи Шан-Инь. Появление культа Неба. Прекращение человеческих жертвоприношений. Расширение ареала до моря на востоке, Янцзы на юге, пустыни на севере. 2.(?) Скифы (Центральная Азия). 3. Кушиты (Большая излучина Нила). Формирование и становление Напатского царства в X—VIII вв. до н.э. Возвышение Напаты и объединенное Египетско-Кушитское государство.

Карта-схема пассионарных толчков, обнаруженных на Евразийском континенте за исторический период

III. (VIII в. до н.э.) 1. Римляне (Центр. Италия). Появление на месте разнообразного италийского (латино-сабино-этрусского) населения римской общины-войска. Последующее расселение на Среднюю Италию, завоевание Италии, закончившееся образованием Республики в 510 г. до н.э. Смена культа, организация войска и политической системы. Появление латинского алфавита. 2. Самниты (Италия). 3. Этруски (С.-З. Италия) 4. Галлы (Южн. Франция). 5. Эллины (Сред. Греция). Упадок ахейско-микенской культуры в XI—IX вв. до н.э. Заведение письменности. Образование дорийских государств Пелопоннеса (VIII в.). Колонизация эллинами Средиземноморья. Появление греческого алфавита. Реорганизация пантеона богов. Законодательства. Полисный образ жизни. 6. Лидийцы. 7. Карийцы. 8. Киликийцы. 9. Персы (Иран). Образование мидян и персов. Дейохи и Ахемени —

основатели династий. Расширение Мидии. Раздел Ассирии. Возвышение Персиды на месте Элама, закончившееся созданием Царства Ахеменидов на Ближнем Востоке. Смена религии. Культ огня. Маги.

IV. (III в. до н.э.) 1. Сарматы (Казахстан). Вторжение в Европейскую Скифию. Истребление скифов. Появление тяжелой конницы рыцарского типа. Завоевание Ирана парфянами. Появление сословий. 2. Кушаны-согдийцы (Ср. Азия). 3. Хунны (Южная Монголия). Сложение хуннского родо-племенного союза. Столкновение с Китаем. 4. Сяньби. 5. Пуе. 6. Когуре (Южн. Маньчжурия, Северная Корея). Возвышение и падение корейского государства Уосон (III—II вв. до н.э.) Образование на месте смешанного тунгусо-маньчжуро-корейско-китайского населения племенных союзов, выросших впоследствии в первые корейские государства Когуре, Силла, Пэкче.

V. (I в. н.э.) 1. Готы (Южная Швеция). Переселение готов от Балтийского моря к Черному (II в.). Широкое заимствование античной культуры, закончившееся принятием христианства. Создание готской империи в Восточной Европе. 2. Славяне. Широкое распространение из Прикарпатья до Балтийского, Средиземного и Черного морей. 3. Даки (Современная Румыния). 4. Христиане (Малая Азия, Сирия, Палестина). Возникновение христианских общин. Разрыв с иудаизмом. Образование института Церкви. Расширение за пределы Римской империи. 5. Евреи. Обновление культа и мировоззрения. Появление Талмуда. Войны с Римом. Широкая эмиграция за пределы Палестины. 6. Аксумиты (Абиссиния). Возвышение Аксума. Широкая экспансия в Аравию, Нубию, выход к Красному морю. Позже (IV в.) принятие христианства.

VI. (VI в. н.э.) 1. Арабы-мусульмане (Центральная Аравия). Объединение племен Аравийского полуострова. Смена религии. Ислам. Расширение до Испании и Памира. 2. Раджпуты (долина Инда). Низвержение Империи гупта. Уничтожение буддийской общины в Индии. Усложнение кастовой системы при политической раздроб-

ленности. Создание религиозной философии Веданты. Троичный монотеизм: Брама, Шива, Вишну. 3. Боты (Южный Тибет). Монархический переворот с административно-политической опорой на буддистов. Расширение в Центральную Азию и Китай. 4. Табгачи. 5. Китайцы-2 (Сев. Китай: Шэньси, Шаньдун). На месте почти вымершего населения Северного Китая появились два новых этноса: китайско-тюркский (табгачи) и средневековый китайский, выросший из группы Гуаньлун. Табгачи создали империю Тан, объединив весь Китай и Центральную Азию. Распространение буддизма, индийских и тюркских нравов. Оппозиция китайских шовинистов. Гибель династии. 6. Корейцы. Война за гегемонию между королевствами Силла, Пэкче, Когуре. Сопротивление танской агрессии. Объединение Кореи под властью Силлы. Усвоение конфуцианской морали, интенсивное распространение буддизма. Формирование единого языка. 7. Ямато (японцы). Переворот Тайка. Возникновение централизованного государства во главе с монархом. Принятие конфуцианской морали как государственной этики. Широкое распространение буддизма. Экспансия на север. Прекращение строительства курганов.

VII. (VIII в. н.э.) 1. Испанцы (Астурия). Начало реконкисты, неудачно. Образование королевств: Астурия, Наварра, Леон. Графство Португалия — на базе смешения испано-римлян, готов, аланов, лузитан и др. 2. Франки (французы). 3. Саксы (немцы). Раскол Империи Карла Великого на национально-феодальные государства. Отражение викингов, арабов, венгров и славян. Раскол христианства на ортодоксальную и папистскую ветви, 4. Скандинавы (Южная Норвегия, Северная Дания). Начало движения викингов. Появление поэзии и рунической письменности. Оттеснение лопарей в тундру.

VIII. (XI в. н.э.) 1. Монголы (Монголия). Появление «людей длинной воли». Объединение племен в народ-войско. Создание законодательства — ясы и письменности. Расширение Улуса от Желтого до Черного моря 2. Чжужэнь (Маньчжурия). Образование империи Цзинь полу-

китайского типа. Агрессия на юг. Завоевание Северного Китая.

IX. (XIII в. н.э.) 1. Литовцы. Создание жесткой княжеской власти. Расширение княжества Литовского от Балтийского до Черного моря. Принятие христианства. Слияние с Польшей. 2. Великороссы. Возвышение Московского княжества. Рост служилого сословия. Широкая метисация славянского, тюркского и угорского населения Восточной Европы. 3. Турки-османы (запад Малой Азии). Консолидация беиликом Брусы активного населения мусульманского востока с добавкой пленных славянских детей (янычары) и моряков, морских бродяг Средиземноморья (флот). Султанат военного типа. Оттоманская Порта. Завоевание Балкан, Передней Азии и Северной Африки до Марокко. 4. Эфиопы (Амхара, Шоа в Эфиопии). Исчезновение древнего Аксума. Переворот Соломонидов. Экспансия эфиопского православия. Возвышение и расширение царства Эфиопия в Восточной Африке.

8. Пассионарный признак передается по наследству половым путем, о чем свидетельствует тот факт, что процессы этногенеза в местах, не затронутых пассионарным толчком, начинаются только после распространения на эти территории представителей уже пассионарных этносов. Это, в свою очередь, позволяет говорить об этногенезе как о флуктуации живого вещества человеческих организмов, а о пассионарном толчке как о микромутации на поведенческом уровне.

Мы специально заострим внимание на явлении пассионарного толчка, ибо именно оно указывает на космический характер (внешний по отношению к Земле) причины пускового момента этногенеза. Синхронность и кратковременность начал процессов этногенеза по всей длине полосы, ее узость и протяженность устраняют возможность социальной, климатической и геологической интерпретаций. Более того, геометрия линий толчков (близость к геодезическим) указывает на то, что центрально-симметричные поля Земли имеют определенное отношение к описываемому явлению, что, вероятнее всего, обу-

словлено взаимодействием этих полей с внешним космическим источником мутаций.

Поиск источников подобных мутаций не может быть плодотворным до тех пор, пока указанные пассивные толчки не описаны нами подробно, в пространстве и во времени. В этом мы и видим основную задачу настоящей работы. Но перед тем как дать надлежащее описание толчков, следует остановиться на методике определения начальных моментов процессов этногенеза и их территориальной локализации, т.е. методике выявления объективных признаков образования пассивных популяций.

Таких объективных признаков, универсальных для всех известных и подробно освещенных в истории процессов этногенеза, можно назвать восемь.

1. Появление пассивных в статистически значимых количествах в ареале толчка (но не за его пределами).

2. Смена этнического стереотипа поведения в ареале толчка.

3. Территориальное расширение новорожденных этносов из первоначального ареала.

4. Демографический взрыв населения в ареале толчка.

5. Жесткая регламентация поведения членов новорожденного этноса, контроль брачных отношений, установление охранительных мер по отношению к кормящему ландшафту.

6. Повышение активности во всех сферах жизнедеятельности: политической, военной, административной, культурной, религиозной.

7. Рост числа субэтносов (подсистем этноса), внутриэтническое деление стереотипа поведения с появлением его субэтнических вариантов.

8. Одновременность (1—2 поколения) и непрерывность (пространственная) отмеченных признаков по всей полосе пассивного толчка у этносов-ровесников, хотя часто на территории, заданной толчком, лежат непроходимые барьеры: горы, пустыни, моря. В этом случае один толчок порождает несколько этносов, но фазы их этногенезов синхронны.

Это очень важно. Этническая история неполна. Чаще всего остается неосвещенным начальный момент этноге-

неза — эпоха толчка и фаза подъема, но, имея готовую схему, несложно взять корректив по соседним этногенезам, а когда известно, где искать, — найти легко.

Кроме того, обычно пассионарный толчок даже в пограничных регионах вызывает к исторической жизни не один этнос, а несколько, образующих системную конструкцию, называемую суперэтнсом. Происходит как бы перемешивание старых этносов и рождение новых, с оригинальной культурой и обновленным стереотипом поведения. Так, в Западной Европе на месте «Римского мира» в IX в. образовался романо-германский суперэтнос, куда вошли испанцы и норвежцы, французы и немцы, англичане и итальянцы, но не кельты Ирландии, не греки, сербы и болгары и не восточные славяне, судьба которых сложилась по-иному. Это показывает, что здесь мы видим не смену социальной формации, ибо феодализм был у всех, а явление экзогенное, лежащее в сфере природы, а не культуры. Следовательно, это воздействия на биосферу мутогенного фактора, а таково только жесткое облучение, не сильное, но меняющее какую-то сторону физиологии людей.

Как известно, энергетические факторы на спонтанное социальное развитие непосредственно влиять не могут [168]. Следовательно, они влияют на природную сторону человеческого организма, живущего как все организмы, за счет биохимической энергии живого вещества биосферы, описанной В.И. Вернадским. Изменения концентрации этой энергии создают подъемы и спады пассионарности, а коль скоро так, то этногенез — функция пассионарных флуктуации, возбуждаемых экзогенными эксцессами, но откуда они берутся?

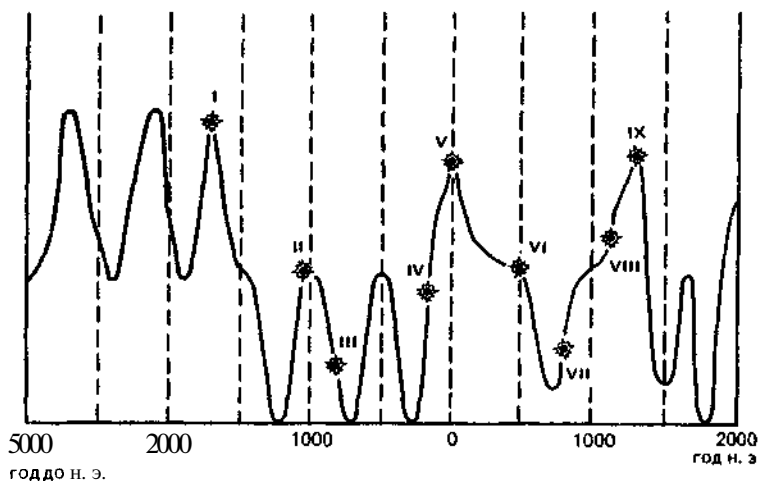
Для того чтобы создать эксцесс или, что то же, произвести толчок, нужен энергетический импульс. Земля получает энергию из трех источников: 1) от Солнца; 2) подземного радиораспада и 3) от рассеянных пучков энергий в Галактике (В.И. Вернадский). Сразу можно отбросить солярную гипотезу, ибо Солнце освещает одновременно целое полушарие, а не узкую полосу шириной в 200—300 км. Не годится и подземная, потому что полосы варьируют вне зависимости от геологического строения территорий,

по которым они проходят. Не имеет значения и уровень социального развития этносов, подвергаемых мутогенному воздействию, а наземные физико-географические условия способствуют консервации гомеостатических систем-биоценозов, в которых человек — верхнее завершающее звено. Остается неотброшенной одна гипотеза — переменное космическое облучение. Пока она не может быть строго доказана, но зато не встречает фактов, ей противоречащих.

Представим себе поверхность Земли как экран, на который падают космические лучи, большая часть их задерживается ионосферой, но некоторые достигают поверхности Земли, чаще ночью, так как ионосфера и космическая радиация нестабильны, даже в суточном цикле [124]. Будучи деформированы магнитным (или гравитационным?) полем Земли, эти космические импульсы примут облик геодезических линий, не зависящих от наземных ландшафтов. Очевидно, не все, но некоторые из них обладают мутогенными свойствами, и в облученных ареалах появляются мутанты. Уроды устраняются естественным отбором быстро, а пассионарии — медленно, потому что пассионарность — тоже нарушение нормы, но особое, устойчивое и несущее определенную нагрузку в становлении человечества как вида.

Каков характер этого излучения? Здесь мы можем строить только гипотезы. Их две. Первая — о возможной связи пассионарных толчков с многолетней вариацией солнечной активности, обнаруженной Д. Эдди [250]. Если наложить на его кривую (см. рис. на стр.321) моменты толчков, то можно заметить, что четыре толчка попадают на максимумы и лишь один на минимум. Остальные лежат на точках перегиба кривой Эдди. Есть ли в этом какая-либо закономерность, нам, этнологам, сказать трудно. Ответ за астрофизиками. Вторая гипотеза — о возможной связи со вспышками сверхновых. Но таких совпадений нам известно только два. Толчку, имевшему место в конце I в. до н.э., как будто бы соответствует недавно обнаруженная звезда, вспыхнувшая в 5 году до н.э. [257], а толчку XI в. н.э. — появление Крабовидной туманности в 1054 году [247, стр.211]. Может быть, это совпадение случайно.

Хотя окончательный ответ может быть дан лишь тогда, когда станут известны (если станут) сверхновые, вспыхивавшие в древности и средневековье.

*Связь пассионарных толчков
с многолетней вариацией солнечной активности.*

Но даже если гипотезы в будущем не подтвердятся, что .юго изменит в описании феномена этногенеза? Ничего! Просто одна из версий научного поиска сменится другой версией, а это и есть путь Науки.

В отличие от феномена этногенеза, этническая история полифакторна. На цепь событий в их связи и последовательности влияют и социальная закономерность, и географическая обусловленность, и разнохарактерные этнические контакты. Все они — явления наземные и, следовательно, для нашей темы только фон. Однако без них нельзя, ибо пассионарный толчок деформирует этносы, уже имеющие свою судьбу и внутреннюю структуру. Хотя сам толчок краток, но перестройка, т.е. латентный период нового этноса, занимает около 150 лет, после чего история обнаруживает смену цвета времени.

Так, пассионарный толчок, породивший Великое переселение народов, смену Рима Византией, образование Аксума, гибель Дакии и разгром Иудеи, имел место на ру-

беже н.э., а все перечисленные события произошли во II в. н.э., больше чем через век. Следовательно, от исторической даты надо отнимать полтора века, что в пределах законного допуска. Зато исторические начала заметны, ибо связаны с крупными событиями. Поэтому в прилагаемой легенде к карте пассионарных толчков характерные события фазы подъема не включают событий инкубационных периодов этногенеза. И все же мы можем уверенно говорить о начальных моментах толчков, ибо почти для каждого толчка в одном-двух случаях (этносов) удастся заметить примерную дату рождения первого поколения пассионарных мутантов.

Предложенная карта пассионарных толчков отражает состояние этнологии в настоящий момент (1984). Белые пространства на ней — временное явление. И глядя на них, не следует думать, что ни в Западном, ни в Южном полушариях толчков не было никогда. Конечно, они были, но когда и где конкретно проходили — этого с такой уверенностью, как для Евразии, пока сказать нельзя. Нет необходимых письменных источников. О толчках здесь мы можем говорить только с прибавкой «видимо». Видимо, ацтеки, муиски и инки появились в результате толчка, прошедшего на рубеже XI—XII вв. по линии от Аризоны до оз. Титикака. Эта линия также весьма близка к геодезической, как и остальные девять. В XIII в. н.э. началось расселение полинезийцев с островов Таити. И это движение, продолжавшееся до XVI в., бесспорно, пассионарный подъем. Такой же подъем мы наблюдаем в XIX в. у зулусов в Южной Африке. И тем не менее об этих толчках мы предпочли не говорить, фиксируя внимание только на достоверных, проверенных явлениях. При дальнейшем развитии этнологии число обнаруженных толчков, естественно, может увеличиться, может удлиниться и протяженность линий, уже найденных и отмеченных на нашей карте

Какая из гипотез о природе толчков победит, сказать трудно. Видимо, та, которая объяснит механизм мутаций. Пассионарии-мутанты, и древнеегипетские, и римские, и монгольские, были одинаково пассионарны. А значит, рекомбинация (или разрыв) фрагментов хромосомы заро-

дыша человека есть определенная, повторяющаяся от толчка к толчку химическая реакция, происходящая весьма быстро и необратимо под воздействием неизвестного пока излучения в оптической части спектра. Мы знаем сейчас, что подобные перестройки на генном уровне легко стимулируются лучом лазера, что нашло уже применение в народном хозяйстве для получения урожайных сортов сельскохозяйственных растений [133]. Думается, что характер «пассионарного» излучения должен быть близок по своей природе к подобным лучам. Испускают ли их Солнце или звезды, вспыхивающие время от времени в нашей Галактике, покажет дальнейшее развитие науки.

Часть вторая

АНТИСИСТЕМЫ В ЭТНОГЕНЕЗЕ

ПОМНИ О ВАВИЛОНЕ¹

У одного за плечами долгая нелегкая жизнь. Экспедиции, научные изыскания, работа с учениками, сталинские лагеря, военные дороги, шельмование, осуждение на молчание. У другого тоже минус превратности судьбы одного поколения. Хотя в прошлом было и клеймо внука «врага народа». Магия имен и ореол страстотерпия предков. Наши собеседники — Лев Николаевич Гумилев, доктор исторических наук, и Павел Васильевич Флоренский, доктор геолого-минералогических наук. Их соединяет бывшая Николаевская дорога, связавшая две русские столицы, и два ощущения русской государственности и народности, долгая дружба, любовь к Азии, преданность идеям В.И. Вернадского. Вавилонская башня — стержень беседы, ког орую ведет журналистка Татьяна Шутова.

ШУТОВА. Почему разрушилась Вавилонская башня? Согласно преданию, ее возводили древние жители Междуречья, стремясь в гордыне своей сравняться с Богом. Но, не сумев найти общего языка между собой, оказались под обломками рухнувшего сооружения.

ФЛОРЕНСКИЙ. Не без основания версия о том, что причиной гибели древней цивилизации Востока было то, что она не смогла найти общего языка с природой. Сведение лесов, перевыпас скота. Ирригация, первоначально возносившая цивилизации. А затем — подъем грунтовых вод, засоление, заболачивание земель. Соленые ветры разведали государства в прах и пускали народы по миру.

¹ Альманах «Истоки», 1989, вып.20, стр.359—372.

ГУМИЛЕВ. В наше время сказание о Вавилонской башне из символа перерастает в миф. Перед современным человечеством, становящимся в эпоху перехода в ноосферу единой земной цивилизацией, со всей остротой встают два вопроса: найти общий язык между народами и государствами и общий язык с природой. Нерешения задач — гибель. В первом случае, имея в виду ядерную войну, — мгновенная. Во втором, — в результате тотальной экологической катастрофы — медленная и мучительная. Поэтому для обеспечения политической, экономической и экологической безопасности народов необходимо, как писал Вернадский, «государственное объединение усилий всего человечества» с самым широким участием всех людей в деле созидания ноосферы — сферы разума. Человечества, стоящего на платформе планетарного патриотизма. Альтернатива этому — путь в некросферу — сферу смерти.

ШУТОВА. А не есть ли это тот вектор, по которому движется развитие, как мы считаем, цивилизаций, да и всей Земли? «Tout passe, tout casse, tout lasse» — «Все проходит, все стареет, все разрушается» — так переводят французы знаменитое высказывание Екклезиаста. Что думают о предмете своих наук геолог и историк?

ФЛОРЕНСКИЙ. Первоначально предметом геологии была Земля. Но, выйдя из своей колыбели, человечество устремилось за пределы Вселенной. И вот сейчас бурно развивается планетарная геология. Что касается Земли, то у нее было начало. Она зародилась миллиарды лет назад. Ее развитие можно уподобить жизни живого организма, и тогда окажется, что общий характер возрастных стадий аналогичен. Астрофизики считают, что Солнечная система в середине своего развития. Миллиард лет жизни планеты можно приравнять к десяти годам жизни человека. Так что Земля — это человек в возрасте 45 лет.

Свои «начало и конец» имеют ландшафты. Согласно теории сукцессии Клементса, они нарождаются, «растут», формируются в типы. Наступает период «клаймекса», апогея того или иного ландшафта. В краеведческом музее Душанбе есть картина «Переправа Александра Македонского через Амударью». Через бурный поток армия знаме-

нитого полководца переправляется на плотях. Странно видеть плоты, связанные из бревен 40 сантиметров в диаметре. Не за тысячи же километров тащила за собой деревья несокрушимая армия!

ШУТОВА. Возможно, деревья — аборигены? Хотя туранга такой толщины не достигает. К тому же к старости ее ствол трухлявится.

ФЛОРЕНСКИЙ. Ботаники высказывали предположение, что это могли быть чинара или карагач. Но какие плоты из тяжелых бревен? Палеоботаники на основании споро-пыльцевого анализа утверждают, что некогда там произрастали леса широколиственных пород. Значит, ландшафт за последние две с половиной тысячи лет изменился до неузнаваемости. Амударья уже можно перейти вброд...

ГУМИЛЕВ. ... впадает она уже не в Хазарское море, как раньше назывался Каспий, а в Арал. Впрочем, она меняла свое русло неоднократно в историческое время. А во времена Македонского хазар не было в помине...

ФЛОРЕНСКИЙ. Сейчас Амударья впадает даже не в Арал, который дышит на ладан, а в створ Тахиаташского, последнего перед Аралом водохранилища. Ее сестра Сырдарья до Арала не дотягивает, а многочисленными водозаборами разбирается на хлопковые плантации и тратится на полях. Сам Арал, и это ясно видно при сравнении ряда космических снимков последних десятилетий, сжимается, как шагреновая кожа. Исчезает под влиянием антропогенной деятельности особый вид ландшафта — тугаи — заросли в поймах азиатских рек. И толком сохранился лишь при слиянии Вахша и Пянджа, в заповеднике Паланг-тугай — «Тигровая балка». Заповеднике, где никогда больше не появится йолбарс — туранский тигр.

ГУМИЛЕВ. Исторический ландшафт тоже изменился. Нет больше бактрийцев и согдийцев. Потомков последних, живших в отрогах Гиссара, вскоре после войны силой согнали с гор и бросили «на хлопок», на равнину, где народ и прекратил свое существование. Исчезли другие народы, пользовавшиеся этим ландшафтом. Распалась империя

эллинов, и даже родину Александра Македонского населяют иные народы.

ШУТОВА. Меняется геологическое лицо Земли. У ландшафтов есть своя юность, зрелость, свои «на склоне лет». Изменяется историческая карта. А человек? Ведь с появлением кроманыонца *Homo sapiens* сформировался окончательно и как биологический вид вполне стабилен.

ГУМИЛЕВ. Форма существования вида относительно постоянна. Человек, как и другие живые существа, обменивается со средой веществом и энергией. Но отличается от них тем, что почти все необходимое для существования он добывает трудом. То есть взаимодействует с природой не только как биологическое, но прежде всего как социальное существо. Социальные закономерности развития человечества не отменяют действия закономерностей биологических. Чтобы ясней стали контуры механизма взаимодействия человека и природы, их следует изучать.

ШУТОВА. То есть в конечном итоге приступить к экономико-эколого-демографическому прогнозу бытования земной цивилизации, как предсказывал Вернадский. Это и есть элемент основы нового мышления, ноосферного...

ФЛОРЕНСКИЙ. Великий Вернадский объяснил нам, что человечество — тоже геологический фактор. Как вулканы, реки, моря. Люди перелопачивают столько земли, сколько передвигают ее все вулканы планеты. Курильщики всего мира «выкуривают» в атмосферу кадмия больше, чем все вулканы мира за последние несколько лет. Прелестные дамы, пользующиеся парфюмерией и холодильниками, как считается, нанесли значительный урон озоновой оболочке Земли. Сменились экономические формации, технически человечество кажется всемогущим. То, что было проклятием в древности: «Чтобы ваши реки текли вспять!» — теперь не только возможно, но и делается. Сила у нас есть. А разум? А мудрость? Лишь за последние десятилетия человек перестраивает, если не сказать разрушает, всю планету, создавая лавинную кризисную экологическую ситуацию.

ШУТОВА. Хотелось бы вычленить долговременные процессы, эволюцию ландшафтов и результаты антропо-

генной деятельности. Узнать, где процессы долговременные, а где геологически мгновенные.

ФЛОРЕНСКИЙ. С точки зрения геологии, извержение вулкана — событие малозначительное. Время nivелирует все процессы. Но даже капли за миллион лет совершают многое.

ГУМИЛЕВ. Пустыней Сахару сделало потепление климата и гигантские стада домашних животных, размножившиеся до этого. Как сейчас пустыню в Калмыкии также делают чрезмерные стада. В сочетании с Волго-Чограем.

ШУТОВА. Возможно, трагедия биосферы присуща социальной эволюции? Ускоряется техническим прогрессом? Или это злая воля отдельных людей?

ГУМИЛЕВ. Если бы процессы истребления ландшафтов не прерывались восстановительными периодами, то уже в эпоху неолита Земля стала бы пустыней. А этого нет. Уничтожение флоры и фауны равно наблюдается в первобытном обществе: маори истребили птицу моа. В феодальном: испанцы привезли коз на Мадейру и те съели всю растительность острова. Китайцы в I тысячелетии до н.э. уничтожили леса на севере Шаньси и Шэньси и открыли доступ степным ветрам, несущим песок во внутренний Китай. Первобытные охотники истребили мамонтов, а древние персы львов в Иране. Опустошение человеком растительности еще более интенсивное. При оседлом скотоводстве скопление скота ведет к обеднению фитоценоза. Козы помогли древним эллинам и римлянам уничтожить в Средиземноморье лес из жестколиственного дуба и сосны, которые заменились вечнозеленым кустарником маквисом.

ФЛОРЕНСКИЙ. И все же человечество не так всемогуще в своих добрых и не так безрассудно в своих злых проявлениях. У Земли тоже свой характер. Всем известен Узбой, русло Амударьи, который у Султанувайса (Султануиздага) поворачивал на юго-запад, пересекал Каракумы и впадал в Каспий, а потом пересох. Кого только не винили! И климат, и таяние ледников на Тянь-Шане...

ГУМИЛЕВ. Когда к туркменам прибыло посольство от Петра Великого во главе с князем Бекович-Черкасским,

то туркмены жаловались на хорезмийцев, которые якобы запрудили Узбой. Основой заключавшегося союза была военная помощь туркменам против хивинцев. И вода в Узбое. Эта часть договора была выполнена лишь в наше время Каракумским каналом имени Ленина. Он был создан не усилиями военных, а совместным трудом народов страны.

ШУТОВА. А кто же «украл» воду Узбоя?

ФЛОРЕНСКИЙ. Оказалось, что из Западной Европы через Донбасс, Астрахань, Мангышлак к Султанувайсу и далее на Бухару проходит гигантский разлом. Кроме того, зона этого разлома — кладовая полезных ископаемых. По разлому движутся блоки земной коры, как клавиши рояля. Так вот. Раньше Султанувайс поднимался быстрее, чем сейчас. И Амударья не могла прорваться в Арал. А теперь это воздымание замедлилось, и вся вода беспрепятственно пошла на север. Быть может, победы Чингисхана и стали победами потому, что они совпали с геологически благоприятной для них обстановкой.

ШУТОВА. Вот вам и история с географией. Природа творит то, что мы, люди, творить не можем: реки, горы, моря, животных. Люди могут их разрушать. Но они могут и строить, создавать машины, писать картины.

ФЛОРЕНСКИЙ. Элементы природы переходят друг в друга. Природа живет, наполняясь той энергией, которую получает от Солнца, звезд Галактики и радиационного распада в глубинах нашей планеты. Биосфера Земли побеждает мировую энтропию путем биогенной миграции атомов.

ГУМИЛЕВ. Предметы, созданные человеком, могут либо сохраняться, либо разрушаться. Пирамиды стоят долго. Эйфелева башня столько не простоит. Но не вечны ни те, ни другая.

ШУТОВА. А где граница биосферы и техносферы, если сам человек — часть природы? Очевидно, рубеж социотехносферы и биосферы проходит не только за пределами человеческих тел, но и внутри их. Значит, где-то тут мы можем нащупать реальный момент взаимодействия социального и биологического. На каком уровне своей организации человек взаимодействует с природой?

ГУМИЛЕВ. С точки зрения историка человечество нельзя рассматривать как единое целое. Следует взять иную единицу. На уровне этноса. Этносы — это явление, принадлежащее и биосфере и социосфере. И этнос следует рассматривать не как функцию социального прогресса, а как самостоятельное явление. Этносы всегда связаны с природными условиями, с ландшафтами. Потому-то они так же разнообразны, как ландшафты, ибо нет на Земле уже места, где бы не ступала нога человека. Ландшафт определяет возможности этнического коллектива при его возникновении, а новорожденный этнос изменяет ландшафт применительно к своим потребностям. Затем наступает привычка к создавшейся обстановке, становящаяся для потомков близкой и дорогой. Привязанность к ландшафту бессознательно хранится в людях. Обживая Сибирь, русские предпочитали селиться на берегах лесных рек, украинцы предпочитали степные ландшафты.

ШУТОВА. Значит, как и каждый человек, каждый коллектив подвержен воздействиям социальной и природной форм движения материи, развивается во времени — а это история, и в пространстве, а это — география.

ГУМИЛЕВ. И в первом ракурсе мы увидим общественные организации: племенные союзы, государства, политические партии, философские школы. А во втором — этносы: коллективы людей, возникающие и рассыпающиеся за исторически обозримое время, но имеющие в каждом случае оригинальную структуру, неповторимый тип поведения и своеобразный ритм развития.

ФЛОРЕНСКИЙ. Значит, ваш этнос — наш ландшафт, как говорили сваты в старое доброе время. Биосфера организуется в ландшафты, люди — в этносы. Эти два явления сосуществуют и имеют тот общий знаменатель, который позволяет естествоведнику и гуманитариям корректно беседовать друг с другом, не внося понятий одной науки и чуждых другой. Для геолога это трансгрессия и регрессия Каспия (колебания уровня его вод), а для историка — это гибель **Хазарии** и ее разгром славянами и тюрками. Для нашего современника — это афера Минводхоза с переброской северных рек в Каспий, уровень которого и так поднимается. И пусть одни говорят «ланд-

шафт», а другие «этнос», масштаб, протяженность во времени, объем вещества и площадь планеты и для естественника и для гуманитария одни и те же.

Таким образом, история антропогенных ландшафтов — это история взаимодействия техники и природы через механизм этноса. И отношение людей к окружающей среде меняется в зависимости от фазы этногенеза. Если этногенезы — природные процессы, следовательно, сами по себе они не должны создавать необратимых изменений в биосфере. А если они их создают, то, значит, здесь присутствует еще некий фактор. Это касается, например, исторических превратностей Междуречья Тигра и Евфрата. У Вас, кажется, есть еще одна версия: «*Chercher la femme*» — «Ищите женщину».

ГУМИЛЕВ. Баб-элои — «Врата Бога» — Вавилон был основан амореями в XIX в. до н.э. и завоеван ассирийцами в VII в. до н.э. Халдеи разгромили Ассирию в 612 г. до н.э. и стали хозяевами Вавилона, население которого достигало миллиона. Хозяйство Вавилонии базировалось на системе ирригации Междуречья Тигра и Евфрата, причем избыточные воды сбрасывались в море через Тигр. Это было разумно, так как в половодье реки несут много взвеси, а засорение почвы гравием и песком нецелесообразно.

Но в 582 г. до н.э. царь Навуходоносор скрепил мир с Египтом женитьбой на царевне **Нитокрис**. Вместе с ней в Вавилон прибыла ее свита из образованных египтян. Нитокрис предложила мужу, не без консультации со своими приближенными, построить новый канал и увеличить орошаемую площадь. Царь-халдей принял предложение царицы-египтянки, и был сооружен канал Паллукат, начинавшийся выше Вавилона и оросивший крупные массивы земель за пределами речных пойм.

ШУТОВА. И что же из этого вышло?

ГУМИЛЕВ. Евфрат стал течь медленнее, аллювий оседал в оросительных каналах. Это увеличило трудовые затраты на поддержание оросительной системы. Вода из Паллуката, проходившего через сухие территории, вызвала засоление почв. Земледелие перестало быть рентабельным. Вавилон пустел и в 129 г. до н.э. стал добычей

парфян. К началу новой эры от него оставалось лишь небольшое поселение, но вскоре исчезло и оно.

ШУТОВА. Неужели каприз царицы мог погубить процветающую страну? Вероятно, ее роль все же не была решающей.

ГУМИЛЕВ. Если бы царем был местный житель, он понял бы, какие губительные последствия несет непродуманная мелиорация, либо посоветовался с земляками, а среди них нашлись бы толковые люди. Но царь был халдей, войско составляли арабы, советники были евреи. Египетские же инженеры, первые в истории технократы, перенесли свои приемы мелиорации на Евфрат механически. Нил же несет в половодье плодородный ил, а пески ливийской пустыни дренируют любое количество воды. Так что в Египте опасности засоления почв нет.

ШУТОВА. Были ли попытки исправить «вавилонскую мелиорацию»?

ГУМИЛЕВ. В VII—IX веках это попытались сделать арабы. Они располагали огромными источниками дешевой рабочей силы, получая негров-рабов из Занзибара. Их заставляли собирать кристаллы соли вокруг развалин Вавилона, собирать в корзины и увозить. Идея улучшить таким образом почву была неосуществимой, так как мелкие кристаллики простому глазу не видны. А работка была жуткая! Под палящим солнцем, с руками, изъеденными солью, без надежды на отдых. Отчаявшиеся негры подняли восстание, которое длилось почти четверть века и в конечном счете привело к гибели багдадский халифат. Такова была цена второй попытки мелиорации, столь же непродуманной, как и первая.

ШУТОВА. Видимо, не следует считать, что любая мелиорация почв губительна. Она становится таковой, когда не учитываются, как мы теперь скажем, экологические последствия.

ГУМИЛЕВ. В древности это случалось тогда, когда за дело принимались люди чужие, пришлые. Им было некогда изучать, надо было действовать. И вот результат! Самым трагичным было то, что мигранты вступали с аборигенами в обратную связь. Они их поучали, вносили технические усовершенствования, годные для родных

ландшафтов мигрантов, а не для тех мест, куда они их механически переносили. И подчас губительные воздействия становились необратимыми. Но когда за дело берется этнос, составляющий часть вмещающего ландшафта, он работает в унисон с природными процессами и создает устойчивый биоценоз, в котором для растений, животных и людей имеются экологические ниши.

ШУТОВА. Спасибо вам, Лев Николаевич, за «этнологический» аспект сказания о Вавилонской башне. Он не противоречит, а раскрывает ее мифологическое и экологическое толкование. Нам важно знание этнологических процессов, как важно изучение засухи, наводнений, цунами. Предотвратить их мы не в силах, но можем предсказать и учесть. Мне на память пришла восточная притча о неотвратимости судьбы. Визирь видит в Багдаде вестника смерти Азраила и просит у шаха коня, чтобы скрыться в Смирне. А Азраил удивляется встрече, ведь через несколько часов у него свидание с визирем в Смирне.

ФЛОРЕНСКИЙ. Не стоит впадать в космический пессимизм. Что касается нашей планеты, она в расцвете лет. Если мы, человечество — мощнейшая геологическая сила, — сами не ускорим ее гибель. Любят искать причины исчезновения динозавров в космосе. Раньше ссылались на Бога. «Бог-то Бог, да сам не будь плох». Ландшафты самогибнут. Этноты стареют. Плохо это или хорошо? Лично мне динозавры симпатичны. Но на смену им, в конце концов, мы пришли. И у нас есть теперь свои «динозавры» — техногенные страходонты, шагающие экскаваторы. И бессмысленные ландшафты — «стройки века» тоже есть, которые нам же вредят. Насилие над природой и этнической средой наносит невосполнимый урон ландшафтам. В период с 1927 по 1937 год лесозаготовки на Соловецких островах выросли более чем в 50 раз. А затем Соловецкий лагерь стал отделением Беломоро-Балтийского канала. Созданный в недрах НКВД Гипроводхоз, где по сию пору директор института, руководители отделов именуются начальниками, в те годы усыпал карту страны гигантскими гидростройками, которые его патрон щедро обеспечивал дармовой рабсилой. Площадь сооруженных равнинных

водохранилищ равна десяти Ливанам, а с подтоплениями ими уничтожена территория, равная средней европейской державе. Погибла волжская пойма, некогда кормившая треть стад Европейской России. Непоправимый удар был нанесен русской деревне с ее самобытными институтами, всем ходом развития готовившимися к социализации. Раскрученный маховик никак не может остановиться. И министерства-монополисты Минэнерго и Минводхоз, игнорируя подлинные хозяйственные потребности, продолжают вязать гидроузлы на реках и рыть каналы в Поволжье и Средней Азии. Отсутствие дармовой рабсилы заменяется дармовыми бюджетными деньгами, которые зарывают в землю, как некогда людей, делая землю бесплодной.

ШУТОВА. Вот и еще один урок истории с географией. Хотя говорят, что главный урок истории — это то, что она ничему не учит.

ФЛОРЕНСКИЙ. Увы, слишком часто эта шутка звучит как правда. Так ли это? История — одна из основ цивилизации. Главная святыня народа, основа его — прошлое, предки. У земледельцев могилы предков всегда рядом — на погосте. А у кочевников? Тут ведь можно договориться до того, что было сказано в XIX веке: цивилизации кочевников примитивнее, чем земледельцев. Хотя это совершенно не так. У современных казахов есть списки предков. Каждый культурный казах (а с точки зрения национальной культуры это значит все казахи) знает свою родословную вплоть до... Адама. Да-да. Я видел такие родословные на листках бумаги, на полотнищах юрты. Любый казах знает историю своего рода и быстро находит степень родства с другим казахом. Имена предков — это история. Пушкин воспринимал историю через своих предков. Это ли не культура!

ГУМИЛЕВ. Культура человека прямо пропорциональна знанию прошлого. Я написал монографию о гибели Древнего Китая «Хунны в Китае». Тогда погибли и те и другие. Я писал о гибели Золотой Орды и Древней Руси, на месте которой появилась новая Великая Россия. История — это постоянная смена жизни через порог смерти.

ШУТОВА. Лев Николаевич, а в какой фазе этногенеза находится этнос, к которому принадлежат участники беседы?

ГУМИЛЕВ. В самой оптимистической, сами посмотрите. Вспомните Куликовскую битву, консолидацию этноса вокруг Москвы. История с географией — это очень полезно.

ШУТОВА. Таким образом, на водоразделе истории с географией покоится теория этногенеза. На водоразделе естественных и гуманитарных знаний — учение о ноосфере — наука будущего, где они соединяются в единое мировоззрение. Спасибо собеседникам, что осветили дорогу, ведущую к Храму ноосферы.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В ЭТНОГЕНЕЗЕ

Кристаллизованная пассионарность

Все, что доступно познанию, проходит через призму сознания и при фиксации воплощается в творения рук человека. Людские чувства, являющиеся частью природы внутри человеческих тел, отображены в произведениях искусства и изящной словесности. Как известно, научиться рисовать или сочинять стихи очень трудно. При наличии некоторых способностей ремеслу художника можно научиться, но этого делать не стоит, ибо без творческого озарения перешагнуть границы подражания или копирования невозможно. Однако и такого сочетания мало, так как без упорного стремления к цели, т.е. к завершению творения, ничего создать нельзя: «искусство требует жертв» от художника, а способность жертвовать собою ради иллюзии — это и есть проявление пассионарности. Но если так, то в каждом оригинальном и прекрасном творении искусства, философии или литературы содержится комбинация из трех элементов: ремесленной работы, мысли и пассионарности художника, «перелившего» часть своей энергии в свое произведение. Следовательно, если

пассионарное, напряжение коллектива фиксируется историей или археологией, науками сложными и требующими длительной подготовки, то в шедеврах искусства каждый может отличить традицию от ремесла и темы, а то, что останется, это след пассионарности мастера.

Увы, историки привыкли изучать следы, забывая о тех, кто их оставил, памятники — помимо тех, кто на них смотрел и ради кого их творил художник, философы, а не реакцию на них современников. Так создалась идея «осевого времени» К. Ясперса. Обожаемая им Эллада на самом деле была далека от его представлений.

В славный период своей истории — V—IV вв. до н.э. главными государствами (субэтносами) были Спарта, Афины, Фивы, Сиракузы; на втором месте — Коринф, Агригент и Фессалия. «Спартанцы жили дома сурово и скудно, но, вырываясь на свободу, предавались оргиям. Павзаний, правя Византием, жил как персидский сатрап и даже хотел подчинить Элладу Персии, только бы стать в ней наместником. Так же держали себя гармоисты Лизандра. Спарта не дала миру ни поэтов, ни ученых.

Фиванцы были, по уверению современников, обжоры и пьяницы, находившиеся в умственной апатии. Фессалийцы тоже были пьяницы и развратники, презиравшие умственную деятельность. Сиракузцы и агригентцы не знали воздержанности ни в чем, как сибариты, а коринфян эллинские авторы уподобляют азиатам. К кому же применима распространенная хрестоматийная характеристика эллинов? Любовь к искусству, тонкое эстетическое чувство, предпочтение изящного роскошному, воздержанность в наслаждениях, умеренность в еде. Пирь греков были веселы, но чужды пьянства и обжорства. Только к афинянам двух поколений, живших между Марафонской битвой и началом Пелопоннесской войны. Ни до, ни после этих дат!» [44, т.9, стр. XX]. И если на этом, довольно мрачном фоне жило несколько десятков талантливых людей, сочинения коих дошли до нас и пленяют наше воображение, то надо помнить, что при жизни концепции Демокрита, Платона, Горгия, Аристотеля были достоянием немногих их собеседников. В этом и разница между жизнью, исчезающей без следа, т.е. этногенезом, и культурой, заклю-

чающей природные материалы в строгие формы колонн и статуй, поэм и философских учений. Последние, переживая первых, заслоняют их собой, и подмену очень трудно открыть.

Немецкие философы приписывают глобальное значение сложным, очень тонким логическим построениям, которых большинство современников и понять-то не могло. Конечно, Аристотель — гений. Кто спорит?! А где его знали в IV в. до н.э.? В просвещенных Афинах, на родине — в Эвбее и при дворе македонского царя. Вероятно, его труды читали в Сиракузах, Таренте, может быть, даже в Ольвии, но кто?.. Небольшая кучка снобов и правдоискателей, число коих составляло, допустим, десятки людей, а скорее — единицы. А основа населения, два миллиона эллинов?! Беотийские крестьяне, этолийские разбойники, ионийские торгаши, спартанские воины, аркадские пастухи? Да им было и некогда, и незачем! А ведь свободу Эллады отстаивали они. Персию завоевали и диадохы поддерживали они. Торговлю со Скифией вели они. И природу Пелопоннеса исказили тоже они. И, представьте, не читая Аристотеля!

Зато когда покоренные греки обучали римских юных бездельников, Аристотеля они им преподали. И когда в Болонье готовили студентов-юристов для того, чтобы отстаивать права Гогенштауфенов от притязаний папского престола и самовольства городских коммун, Аристотеля изучали. И в наше время, чтобы сдать кандидатский минимум по философии, Аристотель тоже нужен, хотя он, безусловно, устарел.

Вот так и возникают исторические aberrации, из-за которых несохранившееся считается несуществующим. *Рожденное* живет и умирает, а *сделанное* переживает своих создателей, и тех, для кого оно было сделано, и их наследников, ибо косное вещество, заключенное в форму, — вневременно [47, § 135]. В нем время отделено от пространства. Оно — памятник того, что ушло; оно — след минувшей жизни. Но ведь люди живут на Земле не для того, чтобы создавать памятники для будущих археологов. Не так ли?

Последовательность

Надо отдать должное К. Ясперсу: он последователен. Его постулат о значении «осевого времени» для создания «философской веры», которая заменит доосевые религии, это постулат предвзятости, а не результаты наблюдения. Он сам это понимает, утверждая в ранней работе «Психология мировоззрений», что мировоззрения можно рассматривать как выражения разных психологических типов. При этом, разумеется, их сравнение по ценности, т.е. по степени истинности, неуместно. Различие мировоззрений исключает возможность взаимопонимания людей разных этносов или разных культурных регионов, за исключением того, что лежит в сфере рациональности: наука, экономика, право. Но вот «экзистенциальная коммуникация» адептов философской веры способна преодолеть этническую ограниченность и, добавим от себя, органичность. Так ли?

Но мало этого. К. Ясперс отлично понимает, что все культурные ценности, материальные и духовные, созданы коллективами людей, объединенных в природные системные целостности, т.е. в этносы. Человек всегда **работает** для своих близких и в своем ландшафте, на базе Опыта предков — своих, а не чужих. Поэтому-то человеческие творения разнообразны, но отнюдь не калейдоскопичны и не беспорядочны. Что же тогда можно вынести за скобки этнических типов и считать «экзистенциальной коммуникацией»? Только осознанное незнание «последних» истин, трактующих о смысле жизни. Только оно одно может объединить философов Китая, воспитанных на чтении нравоучений Конфуция, с пандитами Индии, почитающими Вишну — консервацию жизни и Шиву — изменение через смерть, с богословами Византии и естествоиспытателями Западной Европы. Позитивные системы всегда **различны** и взаимоисключающи. Обща только пустота, т.е. бездна.

Однако, согласно Ясперсу, «пустота» не ничто, а нечто трансцендентное мысли и потому лежащее за пределами любого возможного знания: мифологического, богословского или научного. С этой точки зрения любое объединение людей вокруг любой позитивной истины должно **быть**

неподлинным, даже неполноценным. Ведь вокруг любого позитивного тезиса возникают споры, а вот о кантовской трансценденции или «шуньяте» Нагарджуны (II в. н.э.) говорить нечего. Поэтому при отсутствии знания не возникает разногласий и осуществляется экзистенциальное объединение, упраздняющее разнообразие как принцип.

По существу, в плане истории мысли, экзистенциализм — это изощренный вариант философского иконоборчества и попытка ухода от христианства к иудаизму [267, S.184]. Поэтому в число предшественников Ясперса, пусть не идейных, но исторических, следует зачислить Жана Кальвина и в какой-то мере Иоанна Скота Эригену, а в число противников его учения — Пелагия и естествоиспытателей, изучающих окружающий нас мир, а также историков, как эрудитской школы, так и теоретиков, например О. Тьерри, стремившихся уловить каузальные связи и закономерности процессов, протекавших реально в реальном времени. Цели этих направлений противоположны. В отличие от естествоиспытателей и теологов, изучающих то, что есть, Ясперс хочет, «пребывая в истории, выйти за пределы всего исторического, достигнуть всеобъемлющего, что недоступно нашему мышлению, но коснуться чего мы все-таки можем — пояснить смысл истории» [263].

Но если экзистенциализм — концепция последовательная, то и мы, естественники, не уступим спекулятивной философии.

Не пытаясь открыть смысл истории, мы хотим описать феномен и, исходя из внутренней логики его развития, указать причины появления концепции, с нашей точки зрения несправедливой. И сделать это надлежит не на основе философских постулатов, которые каждый может выбирать по своему вкусу, а на почве фактов и изложенной выше схемы. Предметом спора будет проблема «осевого времени».

Нет!

Как мы уже отмечали, К. Ясперс заметил совпадение **акматических** фаз этногенеза разных пассионарных толч-

ков. Поскольку это отнюдь не начальные, исходные фазы, они всегда бросаются в глаза при поверхностном наблюдении. Отсюда выводы Ясперса, хотя и логичные, но ведущие к заблуждению.

Начальные фазы этногенеза всегда крайне своеобразны, так как формируются при неповторимом сочетании этнических субстратов и наличии различных традиций, преобразуемых новым этносом. А при акматической фазе рефлексия мятущейся персоны, негодующей на устоявшийся быт, неизбежно единообразна. Поэтому-то и есть элемент сходства у Сократа, Заратуштры, Будды (Шакья Муни) и Конфуция: все они стремились упорядочить живую, кипучую действительность внесением того или иного рассудочного начала. Только это их и сближало, потому что принципы упорядочения у всех них были разные.

К. Ясперс, уловив то и другое, вынес за скобки общее для всех деятелей акматической фазы, не принимающих жизнь, обманувшую их слишком большие надежды, — незнание чужой жизни и нелюбовь к ней, поскольку своей-то не получилось. Как будто логично, но все эти негативные философии выросли на почве отвергаемой ими жизни. Значит, они — ее порождение, неблагодарное и в пределе убийственное. Вот пройдет фаза их успеха — фаза надлома этногенеза, обеспложивающая окружающую людей природу и иссушающая их собственные души, и когда наступят сумерки — царство субпассионарных теней, выползающих из темных закоулков подсознания, то окажется, что хрустальные дворцы спекулятивной философии при таком перепаде температур трескаются и рассыпаются в осколки.

Так погибли конфуцианские школы при наступлении железных отрядов ветеранов Цинь Ши-хуанди (III в. до н.э.). Так сгорели буддисты-махаянисты в кострах, подожженных брамином Кумариллой, объяснившим храбрым раджпутам, что Бог создал мир и наделил его бессмертной душой — атманом (VIII в.). Так были уничтожены иудейские святыни огненного Яхве (VII в. до н.э.). Так был зарезан туранцами Заратуштра во взятом ими Балхе (ок. VI в. до н.э.), а его последователи разбежались от блеска победоносных щитов фаланги Александра и его гетеров (IV в.

до н.э.). Но ужаснее всего была казнь Сократа, погибшего от афинских сикофантов. «Философская вера», точнее — негативная идеология, съедает этнос, в котором она нашла приют, так же как бледная спирохета съедает организм человека и гибнет вместе с ним. Появление «философской веры» в плане этногенеза означает переход от фазы подъема к акматической фазе; торжество ее — переход к фазе надлома, а исчезновение — наступление обскурации. И коль скоро так, то «осевое время» не единственное в истории, а повторяющаяся «возрастная болезнь» всех крупных процессов этногенеза. Но тогда об общем для всего человечества «смысле» истории можно не говорить, ибо торжество трансценденции и незнания означает провал в бездну.

Но что такое «бездна», термин дважды употребленный нами как нечто само собой подразумевающееся? Читатель ведь не обязан, да и не может этого знать, ибо это отнюдь не просто.

В XVIII в. Лавуазье сформулировал закон сохранения вещества, который оказался не то что неверным, а скорее неточным. Сгорание в герметическом сосуде показало химику того времени неизменившийся вес только потому, что у него были недостаточно чуткие весы. На самом деле был потерян фотон, но уловить потерю Лавуазье не мог. Теперь физики знают, что при интенсивных термодинамических процессах идет утрата вещества, преобразующегося в световую энергию, а последняя уходит из своей системы в межгалактическую бездну. Это аннигиляция, которая не смерть, но страшнее смерти.

Так как процессы этногенеза имеют энергетическую природу, очевидно, что и на них распространяется эта закономерность. Древние мудрецы это знали. Они даже персонифицировали, как это было тогда принято, принцип аннигиляции и называли его Люцифером, т.е. «носящим свет» (правильнее будет неточный перевод — уносящий свет; куда? — в бездну!). А бездну сопоставили с адом — самым страшным из всего, что могли вообразить. И они не смешивали с «духом бездны» простых земных демонов, проявляющих себя в явлениях природы. Этим в древности приносили жертвы, с ними старались наладить хорошие

отношения. А дух бездны был враг; контакт с ним означал отречение от радостей мира, от любви к миру и полное одиночество, проистекающее из принципа отрицания. Переведем эту фантазмагорию на язык современной экзистенциальной философии... и тогда сразу станет понятен принцип «незнания» и понятна «бездна».

Мне концепция К. Ясперса не нравится. Я хочу думать иначе!

Но, может быть, понятие «бездна» — праздная фантазия древних людей и идеалистических философов? В таком случае, стоит ли о ней говорить, да еще в трактате об этногенезе? Оказывается, стоит. Современная физика тоже оперирует этим понятием, конечно, называя его по-своему — вакуум.

«Бездна» (вакуум)

Бездна — это пространство без дна, т.е. без конца, а следовательно, и без начала.

Начало и конец имеют все частицы вещества, все импульсы энергий. Значит, бездна — это «пустота».

По современным данным, около 98% вещества сосредоточено в звездах и планетах, но и пространство между ними заполнено космической пылью и пронизано потоками элементарных частиц. Но все они движутся в пустоте и благодаря самому наличию пустоты — вакуума. Если бы не было пустоты, то не могло бы быть и движения, ибо любой импульс затухал в той же точке пространства, где и начинался. А поскольку движение есть везде (даже в самом плотном веществе электроны вращаются вокруг атомного ядра), значит, вакуум пронизывает материю, так же как материя (вещество + энергия) пронизывает вакуум, скрытый и не понятый нами физический мир, который не является частью нашего реального мира.

Вакуум — это мир без истории. В каждом малом объеме пространства непрерывно рождаются пары «частица — античастица», но тут же они взаимоуничтожаются, аннигилируются, испуская кванты света, которые, в свою очередь, «проваливаются в никуда». В результате ничего нет, хотя в каждый момент в любом микрообъеме существует

многообразие частиц и квантов излучения. Возникая, оно тут же уничтожается. Оно есть, и его нет. Это явление именуют нулевыми колебаниями вакуума, а частицы, которые существуют и одновременно не существуют, называют виртуальными.

Ну, разве это не ад в понимании древних, считавших бессмертную душу частицей света? Становясь виртуальной, эта частица, по воззрениям сторонников жизнепримлющих религий, страдает. И ведь контакт материи с вакуумом происходит постоянно, ибо вакуум присутствует даже внутри атомов, где частицы вращаются вокруг ядра.

Но оказывается, если на «пустоту» воздействовать сильным электрическим полем, то виртуальные частицы могут превратиться в реальные, т.е. спастись из ада. Однако основа двуединого мира именно «пустота», а вещество, поля, излучения — только легкая рябь на ее поверхности. Но ведь без этой «ряби» вакуум не мог бы проявить себя, не мог бы получить те реальные частицы вещества и света, которые он превращает в виртуальные. Иными словами, он потерял бы даже то существование, благодаря которому его можно обнаружить, а вещество и энергия утратили бы возможность движения. Значит, разделение субстанции и пустоты — конец мира, по крайней мере такого, в котором мы живем и который мы изучаем.

И ведь вот что интересно: такая постановка проблемы была известна уже две тысячи лет тому назад, а, возможно, и еще раньше. Только в те времена обходились без физики, заменяя ее философией. Наиболее распространенные философемы начала нашей эры утверждали биполярность мира, расходясь только в одном: что считать благом, а что — злом. В наше время качественные оценки в физику вносить не принято. Так естественно сложилось деление на системы жизнеутверждающие, согласно которым материальная субстанция — благо, а «пустота», т.е. «бездна» — зло, и системы, полагающие, что материя ловит душу в свои тенета, обволакивает ее и мучает, а душа, или квант сознания, стремится вырваться на волю, т.е. из реальной частицы стать виртуальной. Оба подхода равно бездоказательны. Можно выбрать любой, по вкусу. Но тут-то и обнаруживается разница между двумя доминантами

поведения и, соответственно, в психологии, и выясняется, что популяционное поведение и популяционная психология биполярны. На одном полюсе стоит Дерсу Узала — образ, описанный В.К. Арсеньевым, на другом — изобретатель ДДТ, имени коего я не хочу знать. Но дело здесь не только в успехах химических наук.

Пассионарный человек, вооруженный техникой, даже палеолитической, мог бы уничтожить все живое вокруг себя, отнюдь не подозревая, что этим он погубит и свое потомство. Ведь примитивное дуалистическое отношение к природе — деление животных на «полезных» и «вредных» — теоретически обосновывало нарушение биоценозов, вне коих звери и растения жить не могут. Но простому древнему человеку сие известно не было, да и ныне не известно слишком многим.

Казалось бы, древние люди, не знавшие основ биоценологии, именно так и должны были бы поступать. Однако пароксизмы страстных истреблений были редки и отнюдь не повсеместны. И это естественно: человек не только социальная единица, обладающая волей и правом на выбор решения в любых ситуациях, но и органический элемент земной поверхности, связанный с биосферой неразрывно через инстинкты, позволяющие ему не погибнуть.

Социальное бытие, определяющее сознание, действительно выходит за пределы биологии вида *Homo sapiens*. Оно, и только оно дает возможность каждому отдельному человеку и каждой социальной целостности сделать выбор между устремлением к освобождению от тягот мира, т.е. к вакууму, и желанием уберечь живую природу от любых деформаций, ибо тут объект любви — реальность, существующая вне нас и помимо нас. Иначе говоря, сознательная деятельность людей может быть направлена в одну из двух имеющихся сторон, но деятельность, связанная с биологическими отправлениями, права на выбор лишена.

Деяния и явления

При детальном рассмотрении истории антропогенных ландшафтов, о чем было сказано выше, напрашивается

мысль, что наряду с *деяниями*, т.е. плодами сознательных устремлений людей, идут стихийные процессы, связанные с сопричастностью человека к биосфере, а это уже *явления* (феномены) природы, формирующие состояния вокруг людей (географическая среда) и внутри человеческих тел (физиология высшей нервной деятельности). Те и другие влияют на поведение людей в отдельности и коллективов, т.е. этносов, то через хозяйство, часто погибающее из-за засух или наводнений, то через болезни, то через космические облучения, иногда пробивающие ионосферу и достигающие поверхности Земли. Люди обычно не знают, что создает в них творческие подъемы или, наоборот, депрессии, но наука может найти их причины.

Люди ведут себя крайне непоследовательно. В отличие от других высших животных человек не только поддерживает вмещающие его ландшафты, но *иногда* наносит им непоправимый ущерб, превращая их в бросовые, мертвые земли. Делает он это во вред самому себе как виду, ибо лишает свое потомство средств к существованию. Ответить на резонный вопрос: для чего он это делает? — трудно, потому что сначала надо посмотреть, где и когда совершались такие неблагоразумные действия. Выше было указано, что этногенезы как природные процессы сами по себе для биосферы безвредны, но могут быть губительны при сочетании двух условий.

1. При смене фаз, когда этнос на время теряет присущие ему эластичность и сопротивляемость внешним воздействиям, т.е. когда этнос болен.

2. При активных межэтнических контактах (миграциях), которые сами по себе отразимы, ибо этнос в любой фазе практически неистребим. Это надо понимать в том смысле, что для истребления здорового этноса требуются столь большие затраты сил, что у соседей их, как правило, не бывает, а если их и достаточно, то трата нецелесообразна.

Вместе с побежденным этносом деформируется и вмещавший его ландшафт, ибо этнос составлял часть данного геобиоценоза, или экосистемы. Следы таких деформаций часто обнаруживают археологи и палеогеографы голоцена [41].

Уточним постановку проблемы. То, что для построения нового, допустим, дома нужно сломать старый, стоящий на том же месте, — бесспорно. Это обычная в природе и истории смена форм. При ней хорошее не всегда меняется на лучшее, но всегда на что-то реальное, отвечающее потребностям эпохи. Такова специфика развития любой этнической системы, даже в эпохи упадка, когда ненужные элементы культурной или природной окружающей среды просто не поддерживаются и приходят в ветхость.

Но когда памятник культуры (дворец, сад, картина и т.п.) или природы (лес, озеро, стадо бизонов) уничтожается и не заменяется ничем, то это уже не развитие, а его нарушение, не система, а *антисистема*. Руины или трупы не могут ни развиваться, ни сохраняться для потомства. Динамика сменяется статикой, жизнь — смертью, изменение структуры — аннигиляцией. Можно было бы думать, что вандализм тоже является функцией пассионарности и, следовательно, предопределен природой как вариант закономерности. Нет! В природе планеты процессы аннигиляции не наблюдаются. Там идет постоянное накопление, благодаря которому ныне открыты залежи каменного угля, нефти, мрамора и богатые почвы. Ведь это тело биосферы, накопленное за миллиарды лет фотосинтеза; это материализованный свет Солнца и звезд.

И пассионарные толчки, тоже явления природы, создают импульсы творческие, порождающие адаптационные синдромы, при которых этнос всегда сопрягается с привычным для него ландшафтом. Но если этническая группа, пусть даже не весь этнос, оказывается в непригодных для него условиях, он либо замыкается в свою скорлупу (изоляты), либо разрушает неприятную для него окружающую среду. Гибнут беззащитные звери, цветы, красивые горы и чистые реки. Но так расправляться может только чужеземец. Своему будет жалко.

Однако миграция сама по себе еще не антисистемна и не всегда повод для возникновения антисистемы. Этнические миграции — процессы стихийные, увлекающие людей, которым только кажется, что они едут в чужую страну по доброй воле. В Америку людей толкало их пассионарное напряжение, мешавшее довольствоваться

скромной жизнью где-нибудь в Кенте или Мекленбурге. А ведь дома они имели пищу, кров и женщину. В долине же Миссури им все это приходилось добывать с большим трудом и риском. И вряд ли жизнь в прериях или лесах Канады была легче деревенской идиллии Европы.

Значит, тут мы встречаемся с детерминированным явлением природы, за которое человек моральной ответственности не несет, даже если при этом гибнут прекрасная девственная природа и великолепная чужая культура. Грустно, конечно, но что делать?

Но если этот мигрант убивает индейского ребенка, чтобы получить премию за скальп, или доносит, что его соседка — ведьма и колдунья, после чего ее сжигают односельчане, или спалит чудную деревянную часовню в лесу, или спасет заблудившегося путника в степи — это уже его *деяния*, за которые он несет ответственность перед совестью. И разница между *явлением* и *деянием* принципиальна, ибо *деяния* можно совершить или не совершить. Они лежат в *полосе свободы*.

Казалось бы, что во всех деяниях человеком руководит расчет, сознание собственной выгоды, ради которой он имеет право приносить в жертву жизнь других людей. Так рассуждали французские просветители XVIII в. и называли свои взгляды материализмом. Но изучение истории показывает, что они заблуждались. Существует самопожертвование ради других, ради отечества — патриотизм, необъяснимое никакою выгодой и расчетом, и бессмысленное губительство предметов искусства или природных ландшафтов. Это факты, зафиксированные историей. И свершение их возможно лишь при наличии пассионарности как энергии. Но направление, в котором совершаются события, определяется чем-то другим. Вспомним, что готы, взяв Рим, ограничились контрибуцией, а вандалы, хотя и были столь же пассионарны, находились на том же культурном уровне, что и готы, и точно так же исповедовали арианство, не столько грабили, сколько бессмысленно ломали красивые здания, разбивали мраморные статуи, уничтожали мозаику, соскабливали фрески. Именно эта бессмысленность поразила современников, но и в по-

следующие века она наблюдалась то тут, то там вплоть до современной Америки.

И судьбы готов и вандалов оказались различными. Готы в Испании создали устойчивое королевство, слились с местным населением в единую политическую систему и впоследствии — в монолитный этнос — испанцев. Вандалы свирепствовали в Африке до тех пор, пока небольшой корпус войск Велизария не ликвидировал их крепостей, в которых они укрывались от гнева аборигенов. После этого вандалов не стало. Похоже на то, что две соседние системы развалились в диаметрально противоположных направлениях.

Вандализм не ограничивает поле своей деятельности памятниками искусства. Он еще более губителен, когда его объектом является незащищенная природа. Здесь нужно внести важное терминологическое уточнение.

На поверхности нашей планеты есть засушливые территории и есть «пустыни». Разница между ними весьма существенна. Зональные переносы повышенного увлажнения на время сокращают насыщенность растительностью в некоторых континентальных районах, но возвращение циклонов на прежние пути восстанавливает фитоценозы Гоби или Сахары. Наводнения смывают города, но, когда спадает вода, жизнь в речных долинах возобновляется. Иными словами, природные процессы обратимы, кроме разве что извержений вулканической лавы.

А ведь есть сколько угодно пустынь, которые не вернуться к былой жизни никаким изменением природных условий. Иногда эти пустыни сухие, как, например, долины русел южных притоков Тарима, иногда — заросшие сорняками, как амазонская или юкатанская сельва, выросшими на переотложенных почвах, полях древних индейцев. Там всегда находят фрагменты каменных орудий или керамики — следы обитания древнего человека. По сути дела, это даже не пустыни, а бедленды — принимаю английское слово, так как в русском языке эквивалентного слова нет. И таковы же отвалы горных выработок, бетонированные площадки, пирамиды.

Человек создает необратимую деструкцию ландшафта; и это то же самое, что вандализм в отношении памятников

искусства. А мы уже видели, что данный род деятельности не присущ человеку как виду, а является побочным результатом, следствием возникновения и исчезновения особого мироощущения, которое, видимо, сопутствовало процессам творческого этногенеза с самой глубокой древности.

Таким образом, оскудение природы и уничтожение шедевров культуры нельзя считать следствием борьбы за существование, а надо рассматривать как преступление по отношению к потомкам, которым придется прозябать на оскопленной планете.

То, что факты вандализма в отличие от миграции — не явления, а *деяния*, — бесспорно, но связано ли такое безобразие с *пассионарностью*? Конечно! Однако характер этой *пассионарности* отличается от того, который мы уже подробно описали. И генезис ее другой, он носит не природный, а ситуационный характер. До столкновения оба эти этноса были нормальными системами с разными уровнями *пассионарности*. При их совмещении поток *пассионарности* будет направлен от системы с более высоким уровнем к системе с более низким, и, таким образом, общий уровень будет выравниваться. Этот энергетический перепад и создает ту форму энергии, которая питает возникающую тут антисистему, т.е. системную целостность людей с негативным мироощущением.

От такого баланса страдают обе системы. Вандализм одинаково деформирует и тех, кого губят, и тех, кто губит, ибо губителям оказывается невозможно жить на развалинах и опустошенных землях. Антисистема подобна популяции бактерий или инфузорий в организме: распространяясь по внутренним органам человека или животного, бациллы приводят его к смерти... и умирают в его остывающем теле. А ведь может показаться, что антисистема — закономерное явление природы.

Нет! Человек не бацилла. Выбор характера деятельности лежит, как было уже сказано, в «полосе свободы», где человек отвечает за свои поступки. Нет закона природы, диктующего бессмысленное уничтожение шедевров, убийство животных не для того, чтобы насытиться, оскорбление беззащитных людей. Эти две взаимоисключающие

линии поведения мы в просторечье именуем добром и злом, причем никогда не путаем одного с другим. Потому что добро и зло — это не зеркальные отражения друг друга, а совершенно разные стихии. И тут уместна та система отсчета, по которой вакуум противостоит субстанции, а по терминологии древних — «бездна» — «тварному миру».

В «полосе свободы»

Однако можно ли различить «добрых» людей от «злых», и как это сделать? Ведь никто никогда не скажет о себе, что он служит мировому «злу». Да и правомочно ли считать одну позицию «злой», а обратную «доброй»? Где объективный критерий той или другой оценки? Тупик!

• Да, на персональном уровне различие невозможно, но ведь есть **популяционный** критерий — отношение к окружающей среде, т.е. к миру. И тут представители обоих направлений, искренне уверенные в своей правоте, говорят то, что считают единственно правильным и не требующим доказательств.

Первая позиция: материальный мир ужасен и не имеет права на существование, так как все живое предназначено к смерти, которая есть уничтожение. Вторая позиция: мир прекрасен, а смерть, постоянно сопутствующая жизни, просто выход из сложных, часто непереносимых ситуаций. Смерть — благо, ибо она спасает от внемирового зла, несправедливости, обиды, страдания, которые страшнее смерти. Обе позиции последовательны; можно брать любую, по желанию.

В начале нашей эры в Средиземноморье, когда мысль была раскована и свободна от предрассудков, осыпавшихся, как шелуха, при контакте эллинского, иудейского и персидского мировосприятия, люди излагали свои соображения без обиняков. В III—IV вв. н.э. эти концепции кристаллизовались в несколько систем: гностицизм, талмудический иудаизм, христианство, зороастризм. Все они заслуживают специального описания, которое мы отложим, чтобы не отвлекаться от главного — уяснения принципа биполярности. Этот принцип дошел до нашего времени и сформулирован уже в XX в, двумя философскими

системами: диалектическим материализмом, постулирующим необходимость сочетания жизни и смерти через закон отрицания отрицания, и экзистенциализмом, видящим цель бытия в растворении в конечном «Ничто». И самое любопытное, что эта контроверза прослеживается в прошлое до начала нашей эры. Гностики, буддисты-махаянисты, манихеи — вот истинные предвестники теории К. Ясперса.

Итак, гностические концепции признавали жизнь на планете Земля тяжелым бедствием, от которого необходимо избавиться. Самоубийство не выход, так как душа, или зон, или частица света, снова будет опутана материей или мраком и воплотится для нового цикла страданий. Спасение в аскезе, отказе от соблазнов мира, ослабляющих узы плоти. Можно также совмещать с аскезой пьянство и разврат, вызывающие отвращение к жизни. Важно лишь полное освобождение от материи, т.е. от биосферы.

Следовательно, биосфера, по учению гностиков, — враг человека, а с врагом, как известно, надо расправляться по возможности безжалостно. Хорошо еще, что гностики не популяризировали своих учений из презрения к черни, которая тоже часть биосферы. Они обратили внимание на собственные тела, последовательным воздержанием довели себя до освобождения от плоти и к III в. исчезли без следа, за исключением манихеев, о которых надо говорить особо.

И все же, несмотря на фантасмагоричность гностических идей, в них оказалась и конструктивная деталь: гностики открыли мир энергий, окружающий видимую природу. Как им удалось предвосхитить открытия физиков XX в. без приборов и сложной математики — объяснить не могу. Правда, они употребляли терминологию, которая нам кажется заумной, но зато их мысль была чеканной.

Если мы переведем их идеи на современную терминологию и вместо слов «зоны» и «демоны» поставим слова: «импульсы лучистой энергии» и «радиораспад», то окажется, что пытливые умы II—III вв. занимали те же проблемы, что и нас. Другое дело — оценки! Гностики ненавидели их окружающий мир и чтили умерщвляющий радиораспад. Поэтому, с нашей точки зрения, следует за-

числить авторов гностических учений в разряд губителей окружающей среды.

Существо позиции гностиков составляет стремление заменить дискретные системы (биоценоз) на жесткие, которые по логике развития превратят живое вещество в косное, косное при термической реакции разложится до молекул, молекулы распадутся до атомов, из атомов выделяются реальные частицы, которые, аннигилируясь, превратятся в виртуальные. Лимит такого развития — вакуум. И наоборот, при усложнении систем, где жизнь и смерть идут рука об руку, возникает разнообразие, которое немедленно передается в психологическую сферу, создает искусство, поэзию, науку. Но, конечно, за печали и радости бытия придется отплатить закономерной физической гибелью. Логика здесь нет, ибо правильность тезиса дана в опыте и интуитивном обобщении. Такова контрверза. Выбор пути свободен.

Этнос как система неизмеримо грандиознее человека, т.е. персоны как системы. Однако закономерность тут и там одна. Этнос может либо дожить до гомеостаза и стать верхним звеном вмещающего ландшафта, либо при столкновении с иным этносом образовать химеру и тем самым выступить в «полосу свободы». Только во втором варианте возникает поведенческий синдром, при котором появляется потребность уничтожать природу и культуру, ибо вакуум не зеркальное отражение субстанционального мира, не антимир, а мир особых свойств. Поэтому при сопряжении материального мира с вакуумом не возникает гармонии, а идет постоянная борьба противоположностей.

Эта борьба происходит на уровне энергетических импульсов, которые древние именовали «силами». В числе этих импульсов находится пассионарность. В критических коллизиях контактов на суперэтнических уровнях она, как безличная энергия, равно питает оба направления деятельности людей, имевших несчастье оказаться в химерной системе.

Механизм такого разделения настолько сложен, что объяснение его можно предложить только как гипотезу. А как иначе можно истолковать импульсы, идущие от сознания, не впадая в идеализм и противоречие с законом сохранения энергии?

Прозрение В.И. Вернадского

Наш великий ученый, разбирая второй биогеохимический принцип — учение об увеличении биогенной миграции атомов — направленности эволюции и становлении ноосферы, бросил мысль: «...Человеческий разум *не является формулой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие* (курсив мой. — Л.Г.). Отмечая это как эмпирический факт, я думаю, что дальнейшее развитие научных данных позволит нам выйти из этих, может быть, кажущихся противоречий с ...законом сохранения энергии» [47, § 200, стр.272. Примечание].

Эта как бы побочная мысль представляется более ценной и перспективной, нежели учение о ноосфере, которому она категорически противоречит. Решение пришло в виде образа, которым можно открыть экскурс.

Девочка бросает мяч в стенку; мячик отскакивает обратно. Толкнула мяч не стена, она его отразила. Этот процесс короткий, и поэтому причинно-следственная связь ясна, но если такой же процесс длится веками, сведения о которых отрывочны, а иногда запутаны, то связь между биосферным импульсом — рукой девочки и обратным движением — мяча от стены, легко может потеряться для исследователя. Ему будет казаться, что стена бросила мяч от себя, т.е. он увидит прямую связь вместо обратной.

Если же допустить, что человеческий разум, создающий философские концепции, романы, мифы, легенды и т.п., — путь не к ноосфере, а к экрану, отбрасывающему биохимические импульсы, как зеркало отбрасывает солнечный луч, превращая его в блик («зайчик»), то противоречие с законом сохранения энергии исчезает, а обратный путь биохимического импульса, зафиксированный человеческим сознанием, будет тем, что принято называть *мироощущением*, которое не следует смешивать с явлением сознания — *мировоззрением*.

Но коль скоро так, то мы уловили механизм связи духовной культуры, в том числе спекулятивной (умопостигаемой) философии с биосферой, к которой принадлежим мы сами. Правда, вывод получился неожиданным. Вакуум выступает как ограничитель энергетических импуль-

сов живого вещества; именно он является препятствием для совершенствования, и не кто иной, как он, вносит в биосферу Земли искажения, нанося ей удары за счет смещения направления импульсов, поступивших от нее же. Продолжая аналогию, можно сказать: первоначальное явление природы, отброшенное от экрана-ограничителя — вакуума, превращается в *деяние*, обусловленное свободной волей человека. А последствия деяний непредсказуемы; они могут быть благотельны и губительны, тогда как результаты явлений всегда нейтральны: они лежат вне сферы добра и зла, прогресса и регресса, пользы и вреда для порождающей их биосферы. Ей любые процессы безразличны, кроме тех, которые идут от разума.

Итак, мы нашли ответ, поставленный В.И. Вернадским, и вернулись к первому биохимическому принципу: «Биогенная миграция атомов химических элементов в биосфере всегда стремится к максимальному своему проявлению» [47, стр.283]. Этого одного необходимо и достаточно для того, чтобы объяснить все процессы биосферы, в том числе этногенезы, как некое сложное и многообразное единство, принцип материалистического монизма.

Может показаться, что с учетом приведенного объяснения гипотеза о роли вакуума остается экстравагантным предположением автора, но так как существуют мировые философские системы с миллионами поклонников, которые считают вакуум своим идеалом, то для охраны природы эти настроения небезразличны.

БИПОЛЯРНОСТЬ ЭТНОСФЕРЫ

Ложь как принцип

Слова многозначны. Смысл слова всецело зависит от контекста, так же как смысл фразы зависит от текста, интонации, ситуации, ради которой данный текст написан, и т.п., а смысл текста — от окружения, социального и природного. Даже такое простое слово, как «стол», само по се-

бе не имеет значения, ибо может фигурировать в сочетаниях: «письменный стол», «стол заказов», «золотой стол Киевский», «у этой хозяйки хороший стол» и т.д. Но эти семантические различия просты, и любой читатель текста понимает, о чем идет речь. Гораздо сложнее — с понятиями столь же многозначными, но смысл коих вуалируется. Например, «убийство». Всем очевидно, что убийство с целью ограбления — преступление; убийство ради садизма — гнусное преступление; но убийство на дуэли — деяние, хотя и наказуемое, но не преступное, ибо тот, кто остался жив, подвергал себя равному риску быть убитым и защищал свою честь; убийство противника на войне не преступление, а подвиг; казнь преступника палачом, т.е. тоже убийство, — выполнение долга, а казнь заведомо невиновного — хуже, чем преступление: это — грех. И бессмысленно философское резонерство графа Л.Н. Толстого, который трактовал смысл слов вне контекста, а значение евангельских текстов — вне исторической обстановки I в. н.э. Видимо, он был при этом искренним, но тем хуже — принципиальная ошибка анализа остается, а глупость — такой же источник людских несчастий, как и злая воля. Даже, может быть, иногда глупость хуже, потому что она требует для себя право на безответственность: «Я, мол, так **думал**, значит, я не виноват». И тут злая воля получает необходимый ей простор. Она может действовать не прямо, в чем всегда есть доля риска, а опосредованно, через обманутых дураков, которые уверены в своем праве не продумывать того, что они творят, а действовать по чужой указке. В Евангелии по этому поводу сказано: «передумывайте» (метаноите), что переводится словом «покайтесь», уже потерявшим первоначальный смысл.

Вернемся к понятию «ложь». Находится ли оно в живой природе? В какой-то мере — да! Мимикрия животных — это попытка обмануть хищника или добычу. Но как хищники, так и их жертвы имеют право спасать свою жизнь либо от голода, либо от съедения, так что мимикрия оправдана закономерностями биосферы, находящимися вне добра и зла.

Люди на войне часто дезинформируют противника. Ложь ли это? Формально — да, но война — состояние ис-

ключительное, и не следует верить любым сведениям. Нужно проверять информацию, ибо здесь обман входит в правила игры. Очевидно, и тут речь идет о другом понятии, но с тем же названием — «ложь». Пренебрежение оттенками семантики обесмысливает сам термин.

Древние люди в этой проблеме не путались. Они ввели понятие «клятва», т.е. юридически оформленное отречение от полезной, а подчас и спасительной лжи. Право на обман, на двусмысленность, уклончивость за человеком сохранялось, но только в повседневной жизни. Клятва же выделялась как экстраординарный акт, как отказ от следования законам природы, т.е. инстинкта самосохранения. Поэтому в свидетели, а точнее — охранители соблюдения клятвы призывались боги или духи стихий, которые должны были наказать клятвопреступника. Этим оттенялось супернатуральное значение клятвы.

В Евангелии для ставших на путь самосовершенствования или святости рекомендовано не клясться, а всегда говорить только правду. Но для всех прочих, обычных людей во всех христианских странах клятва названа присягой и еще сохранена как полуюридический, полурелигиозный акт, до сих пор имеющий значение и смысл. Ибо обман — это просто неблагоприятный поступок, а нарушение клятвы, т.е. обман доверившегося, — это преступление, противоестественное и противобожественное, это оскорбление мирового порядка — предательство.

Но нужно ли в географическом трактате заниматься историей забытых фантастических учений? Да, нужно, ибо в их постановке проблемы отношения к жизни на Земле содержится в неявном виде решение задачи, поставленной в начале главы: кто, как и зачем губит биосферы, в которых живет сам. По сути дела, мы нашли плюс и минус, которые, как в алгебре, можно поменять местами. От такой перемены изменится наша субъективная качественная оценка, но не само объективное противопоставление. Если мы примем за положительное начало утверждение биосферы с ее закономерностями, в число коих входит убийство живых существ, то обратная позиция будет отрицательной, хотя бы она и была связана с проповедью непротivления злу. Л.Н. Толстой в «Крейцеровой со-

нате» вполне последовательно указал, что поскольку человеческому роду для продолжения существования убивать необходимо, то лучше бы ему прекратиться. Французские манихеи XIII в. (катары) считали, что нельзя убивать теплокровных животных. Поэтому во время Альбигойской войны, чтобы отличить катара от католика, пленному предлагали зарезать курицу. Катары отказывались... и шли на костер.

Но если бы французы не резали кур, они бы их не разводили, а выгнали в лес, где кур переели бы совы и лисы. Курам стало бы, как видно, хуже, но ведь последовательная жизнеотрицающая система оценила бы это как достижение: еще один раздел животных избавлен от ужаса жизни.

А те, кто утверждает жизнь, убивают и гибнут сами, чтобы на их трупах проделали то же самое их потомки и чтобы жизнь, преображенная смертью, ширилась по лику планеты так же, как это происходило в минувшие геологические эпохи. И оба мировосприятия последовательны, но генезис пассионарности их различен, так же как и их цели, и следы их пребывания в ландшафтах Земли.

На индивидуальном уровне ложь — это не только не-симпатичный стереотип поведения, но и способ воздействия на окружающую среду, этническую и ландшафтную. На популяционном уровне это уже массивированная дезинформация в антисистемах, воздействующая на среду социальную и культурную. Но на биосферном уровне, происходят процессы упрощения, которые ведут к замене высших животных микроорганизмами (гниение трупов): превращения живого вещества в косное; распад косного вещества на молекулы, молекул — на атомы, внутриатомных реальных частиц — на виртуальные и перенос фотонов в «бездну», т.е. в вакуум. А ведь начиналось-то как будто с пустяков.

Но что такое истина, противостоящая лжи? Не надо мудрить и мистифицировать читателя, да и самого себя. Будем называть истиной суждение, адекватное заданной сумме наблюдаемых фактов, где погрешность не превышает законного допуска. При наложении на ось координат истинные суждения будут положительными значениями,

а лживые — отрицательными, причем в глобальных масштабах.

И генезис у позитивных и негативных значений разный: первые — прямое порождение энергии живого вещества биосферы, вторые — отражения от вакуума, т.е. мысли.

Третий параметр

Вспомним, что, стремясь описать соотношение пассионарности и сферы сознания в процессах этногенеза, мы ввели категорию аттрактивности, положив ее на ординату. Этим мы добились наглядности, необходимой для описания тех этногенезов, которые начинаются пассионарным толчком или генетическим дрейфом. Но когда происходит наложение друг на друга разнохарактерных этнических систем и связанных с ними «систем сознания», которые ныне принято называть «культурами», то возникают химеры, принципиально отличные от этносов, хотя внешне на них похожие.

Различие между этносом и химерой на глаз неуловимо. Но если этнос проходит все возрасты, если не гибнет насильственной смертью, то химера либо существует, либо распадается. Это значит, что соотношение между этносом и химерой такое же, как между организмом и раковой опухолью. Последняя может разрастаться до пределов организма, но не далее, и живет она только за счет вмещающего организма. Подобно опухолям, химерная анти-система (химеры бывают и безвредными, т.е. пассивными) высасывает из этноса или суперэтноса средства для поддержания существования, используя принцип лжи, описанный выше. Это не разновидность аттрактивности, потому что последняя всегда основана на искренности, а явление иного порядка, для описания которого нужна третья ось координат — аппликата. На положительную ее часть будут вынесены импульсы жизнеутверждающие, в том числе те, которые приносят в жертву жизнь индивида, часто и свою собственную, для поддержания существования вида, а на отрицательную — те, которые ведут к спасению индивида от тягот мира за счет отказа от горя и радости, заботы о близких и далеких, любви к истине и

отрицания лжи. Этот перечень, далеко не полный, характеризует антисистему. Может показаться, что образцовой антисистемой является буддизм, но это верно лишь отчасти. Направлений буддизма много. Там, где почитают бодисатву сострадания — Авалокиту, бодисатву мудрости — Маньчжушри и где есть учение об Ади-будде — создателе мира, мироощущение остается позитивным. Но в школах созерцания и неделания преобладает негативный импульс, подобно тому, как в гностических направлениях раннего христианства и в современном экзистенциализме К. Ясперса открыто выражено жизнеотрицающее мироощущение, хотя последний откровенно атеистичен. Но нас интересует не это.

Отмеченные параметры различны по значению и по характеру. Мощные импульсы пассионарных толчков, как правило, лишают отдельных людей возможности выбрать собственную линию поведения. Если такое желание у кого-либо и возникнет, то императив коллектива не даст персоне развернуться. То же самое бывает в инерционной фазе, где персону формирует традиция накопленной культуры. А в последних фазах субпассионарные особи не имеют поводов для пересмотра привычного мироощущения. Так что в потоке нормального этногенеза антисистема не может возникнуть.

Однако при совмещении двух суперэтносов, когда в зоне контакта возникает этническая химера, антисистемы развиваются со страшной силой. И ведь нельзя сказать, что к приятию негативного взгляда на мир побуждает ухудшение бытовых условий или экономические затруднения. Нет, их не больше, чем было до этого, а иной раз и меньше, ибо в зонах контактов обычно идет интенсивный обмен вещей (торговля), людей (работоторговля) и идей (торговля верой). Очевидно, причина в другом.

Губительный фантом

Поставим вопрос так: что общего между исмаилитством, карматством, маркионитским павликианством, манихейством, богумильством, альбигойством и другими аналогичными системами и, в частности, с экзистенциа-

лизмом К. Ясперса? По генезису верований, догматике, эсхатологии и экзегетике — ничего. Но есть одна черта, роднящая эти системы, — жизнеотрицание, выражающееся в том, что истина и ложь не противопоставляются, а приравниваются друг к другу. Из этого вырастает программа человекоубийства, ибо раз не существует реальной жизни, которая рассматривается либо как иллюзия (тантризм), либо как мираж в зеркальном отражении (исмаилизм), либо как творение Сатаны (манихейство), то некого жалеть — ведь объекта жалости нет; и незачем жалеть — Бога не признают, значит, не перед кем держать отчет, и нельзя жалеть, потому что это значит продлевать мнимые, но болезненные страдания существа, которое на самом деле призрачно. А если так, то при отсутствии объекта ложь равна истине, и можно в своих целях использовать ту и другую.

Надо отдать должное средневековым людям: они были последовательны, и потому их речи звучали очень убедительно. Действительность подчас была столь ужасна, что люди готовы были «броситься» в любую иллюзию, особенно в такую логичную, строгую и изящную. Ведь войдя в мир фантазмагорий и заклинаний, они становились хозяевами этого мира или, что точнее, были в этом искренне убеждены. А то, что им ради ощущения свободы и власти над окружающими надо было плюнуть на крест, как тамплиерам, или разбить на части метеорит Каабы, как карматам, их совершенно не смущало. Правда, встав на этот путь, они отнюдь не обретали личной свободы. Наоборот, они теряли даже ту, которую имели в весьма ограниченных пределах, находясь в той или иной позитивной системе. В ней закон и обычаи гарантировали им некоторые права, соразмерные с несомыми обязанностями. А здесь у них никаких прав не было. Строгая дисциплина подчиняла их невидимому вождю, старцу, учителю, но зато он давал им возможность приносить максимальный вред ближним. А это было так приятно, так радостно, что можно было и жизнью пожертвовать.

И ведь не только бедствия и обиды приводили неофитов в антисистемы. Люди часто жили плохо, но не везде и не всегда. Бурные периоды сменялись спокойными, но

обывательская затхлость мирной сельской жизни действовала диалектически и создавала последствия, противоположные предпосылкам. Когда пассионарного юношу кормили досыта, но запрещали ему что-либо делать или логично размышлять, он искал применения своим затаенным силам. И находил их в проповеди отрицания, не обращая внимания на то, что поставленная перед ним цель — фантазия. Сказка и миф рождались повседневно. Против них были бессильны строгие выводы науки и практические прогнозы действительности. В I тыс. н.э. они увлекали людей всех стран, кроме Руси и Сибири, где антисистемы не сложились.

Последнее легко объяснимо. Для появления устойчивой антисистемы необходимы два параметра: упадок, например момент перехода из фазы в фазу местного этногенеза, и внедрение чужого этноса. Пусть даже обе системы будут перед началом процесса положительными, творческими, как в плане экологии, так и в аспекте культуры. Совмещаясь, они порождают антисистему, явление побочное, возникающее помимо воли участников. Поскольку Сибирь и Древняя Русь были ограждены от посторонних, нежелательных воздействий до XIII в., то идеи, чуждые мировоззрению их обитателей, если и попадали в северные леса Евразии, то не могли там укорениться.

Нами была предложена концепция этноса как поля биофизических колебаний с определенной частотой или ритмом. Теперь она находит подтверждение. Когда два разных ритма накладываются друг на друга, возникает своего рода какофония, воспринимаемая людьми как нечто противоестественное, что в общем-то и правильно. Но тогда люди начинают не любить вмещающую их географическую среду, искать выхода при помощи строгой логики и оправдывать свою ненависть к миру, устроенному так неудобно.

Именно такая ситуация возникла в эллинистических государствах древности во II—I вв. до н.э. До походов Александра Македонского эллины не знали иудеев, а иудеи не обращали внимания на «явана» — ионян [232, стр. 135 и след.]. Зато в селевкидской Сирии и птолемеевском Египте они оказались соседями. Иудеи изучили Платона

и Аристотеля, эллины — Библию в переводе на греческий язык. Оба этноса были талантливы и пассионарны, но из контакта их мироощущений возник гностицизм — грандиозная увлекательная антисистема [190].

Столкновение эллинства с иранством породило в III в. манихейство, могучую антисистему, подвергавшуюся гонениям не только в Риме, Византии и Иране, но даже в веротерпимом Китае [86, стр.427—428, 432] и несколько позже во Франции [195].

В Индии, куда вторглись кушаны и саки, великий философ Нагарджуна во II в. н.э. создал мироотрицающее учение о пустоте (шуньята), причем дошел в отрицании до того, что даже собственное существование объявил иллюзией [238, стр.130—134].

Но самое страшное произошло в Китае, когда туда в III в. переселились хунны и сяньбийцы, вытесненные из родной степи вековой засухой. Систем и философом там не возникло, потому что три века шла жуткая резня. В этой постоянной войне погибли 27 этносов, в том числе древнекитайский (ханьский). Только пассионарный толчок, вызвавший к жизни средневековый китайский этнос (табгачский), спас погибавшую страну.

Равно пассионарный толчок рубежа нашей эры породил оригинальную позитивную систему — христианство, перекрывшую гностические фантазмагии, а новый толчок VI — VII вв., создавший ислам как мироощущение, прекратил существование антисистем Ирана — зиндиков.

Однако Халифат быстро превратился в химерную целостность, так как экзогамия, осуществлявшаяся через гаремы, внедрила в новый арабо-мусульманский этнос персов, грузин, армян, сирийцев, греков, турков, берберов и т.д. И уже в IX в. на этом фоне возникла антисистема — исмаилизм, сокрушенная только монголами в XIII в. Монголы были носителями пассионарности, но при столкновении с антисистемами растеряли свой пассионарный заряд и в XIV в. погасли.

В Византии антисистема развилась в Малой Азии в IX в. на границе с мусульманским миром. Отсюда она перекинулась на Балканы, где болгары и славяне, воспринявшие греческую образованность, создали собственную

химеру — Болгарское царство. Здесь антисистема называлась богумильством и исчезла после пассионарного толчка XIII в., вытесненная османами.

Но гораздо сложнее была судьба манихеев Прованса. Они погибли в XIII в., но заразили своими мироощущениями Западную Европу, где возник отвратительный социальный институт — инквизиция. Об этом стоит рассказать подробнее.

Древний дуализм

Манихейство и христианство равно признают в мире сочетание двух стихий: Света и Мрака. Но манихеи считают «мраком» материю и особенно плоть, а христиане видят в материальном мире творение Божие и благословляют чистые радости плоти, брак, веселие, любовь к родине... Несовместимость обоих мировоззрений очевидна, а борьба между ними не кончена и поныне.

Западное манихейство соперничало с христианством с конца III в. и подвергалось таким же, как христианство, гонениям при Диоклетиане. Христианские императоры продолжали эти преследования. Феодосий определил за принадлежность к манихейству смертную казнь. Гонорий квалифицировал исповедание манихейства как государственное преступление. Вandalский король Гуннерих истребил манихеев в Северной Африке; спаслись лишь те, кто успел убежать в Италию. В VI в. центром манихейства стала Равенна, ибо жители Ломбардии, ариане, вынужденные бороться против Рима, дали им приют. В X в. манихейство распространилось в Лангедоке и сомкнулось с аналогичными учениями Болгарии. Манихейские проповедники в Южной Франции и даже в Италии так наэлектризовывали массы, что подчас даже папа боялся покинуть укрепленный замок, чтобы на городских улицах не подвергнуться оскорблениям возбужденной толпы, среди которой были и рыцари, тем более, что затронутые пропагандой феодалы отказывались их усмирять.

Во второй половине XI в. манихейское учение охватило Ломбардию, где пороки высшего духовенства вызвали законное возмущение мирян. В 1062 г. священник Ари-

альд выступил в Милане против брака священников, но встретил сопротивление архиепископа Гвидо и был убит.

Борьба продолжалась, причем архиепископа и его наследника поддерживал император Генрих IV — тайный сатанист, а реформаторов — папы Александр II и Григорий VII. Видимо, и папы, и императоры не интересовались сущностью проблемы, а просто искали сторонников. За соперничество вождей заплатили жители Милана, который сгорел во время уличного боя в 1075 г. В XII в. манихеи, названные в Италии патаренами, распространились по всем городам вплоть до Рима, причем наименее склонными к ереси оказались крестьяне, а наиболее активными еретиками — дворяне и священники, т.е. самая пассионарная часть населения того времени.

В Лангедоке, находившемся под призрачным покровительством королей Германии, центром манихейства стал город Альби, из-за чего французских манихеев стали называть альбигойцами, наряду с их греческим наименованием — катары, что значит «чистые». Их община делилась на «совершенных», «верных» и мирян. «Совершенные» жили в безбрачии и посте, обучая «верных» и напутствуя умирающих, которые на одре смерти принимали посвящение в «совершенные», чтобы спастись от уз материального мира. Миряне, сочувствовавшие катарам, переводили на народные языки книги Ветхого завета как героические сказания, чем понемногу изменяли идеалы рыцарства, а тем самым и стереотип поведения своих читателей. Остальное довершила антипатия провансальцев к французам, как к чуждому и агрессивному этносу. К 1176 г. большая часть дворянства и духовенства Лангедока стали катарами, а меньшая часть и крестьяне предпочитали молчать и не протестовать.

Разочаровавшись в возможностях схоластики, которая в X в. переживала очередной упадок, средневековые богосискатели пытались найти решение проблемы вне школ и получали ответы от приходивших с Востока (с Балканского полуострова) манихеев, учение коих сводилось к следующему.

Зло вечно. Это материя, оживленная духом, но обволакивающая его собой. Зло мира — это мучение духа в тенетах

материи; следовательно, все материальное — источник зла. А раз так, то зло — это любые вещи, в том числе храмы и иконы, кресты и тела людей. И все это подлежит уничтожению.

Самым простым выходом для манихеев было бы самоубийство, но они ввели в свою доктрину учение о переселении душ. Это значит, что смерть ввергает самоубийцу в новое рождение, со всеми вытекающими отсюда неприятностями. Поэтому ради спасения душ предлагалось другое: изнурение плоти либо аскезой, либо неистовым разгулом, коллективным развратом, после чего ослабевшая материя должна выпустить душу из своих когтей. Только эта цель признавалась манихеями достойной, а что касается земных дел, то мораль, естественно, упразднилась. Ведь если материя — зло, то всякое истребление ее любой ценой — благо, будь то убийство, ложь, предательство... все не имело никакого значения. По отношению к предметам материального мира было все позволено.

Такая концепция испугала и разозлила средневековых французов. В 1022 г. в Орлеане были сожжены десять катаров, преданных своими учениками; среди них были духовник короля Роберта I Этьен, схоластик Лизой и капеллан Гериберт.

Как людей их очень жалко. Они были честны, искренни, любознательны. В ужасное время кризиса католицизма, когда наглые прелаты получали кафедры как феодалские лены, а полуграмотные священники не умели объяснить прихожанам элементарных основ христианской этики, эти люди искали непротиворечивого, логичного решения наболевших проблем, которые ставила перед ними действительность. Выводы, ими сделанные, были логически безупречны, но противоестественны. Поэтому-то здоровая интуиция средневековых французов взбунтовалась против логики. Система при переходе от фазы подъема к акматической фазе столкнулась с антисистемой и оставила на Земле пепел казненных.

Аналогичное отношение к манихейству наблюдается всегда и везде. Поэтому манихейские общины I тыс. были тайными, вследствие чего ложь стала их стереотипом поведения. Попав в Италию и Францию, манихейские эмис-

сары называли себя «ткачами», чтобы иметь возможность беспрепятственно переходить из города в город для пропаганды своего учения. На самом деле они были такими же «ткачами», как масоны «каменщиками».

Между тем лживое самоназвание вводило и продолжает вводить в заблуждение людей несведущих, стремящихся всюду увидеть классовую борьбу. Именно так воспринял альбигойцев поэт А.А. Блок в пьесе «Роза и крест». И вряд ли стоит обвинять его в этом.

По сути дела, Альбигойская война была отнюдь не побоем Жакерии и не феодальной стычкой между Тулузой и Парижем, и не национальной войной провансальцев с французами. И вот почему. В отличие от многих патриархальных и плебейских антицерковных движений катары были социально разнообразны, что способствовало успешному распространению учения, не стесненному социальными и этническими рамками.

Классовая борьба крестьян и горожан против господствовавших феодалов не прекращалась никогда. Однако шла она по двум линиям, не связанным друг с другом. Крепостные крестьяне негодовали на произвол баронов. Но их программа была сформулирована четко: «Наш добрый сеньор защищает нас от нечестивых врагов и злодеев». Резонно, но ведь она не имеет ничего общего с учением о том, что все материальное — проявление мирового зла и как таковое должно быть уничтожено. Напротив, классовая природа крестьян толкала их на то, чтобы, добившись свободы и прав, возделывать земли, строить дома, воспитывать детей, накапливать состояния, а не бросать все это ради иллюзий, пусть даже вполне логичных. Вторая линия — это борьба городских общин (коммун) в союзе с королевской властью против герцогов и графов. Опять-таки, зарождавшаяся буржуазия стремилась к богатству, роскоши, власти, а не к аскетизму и нищете. На западе города поддерживали то папу, то императора, на востоке — суннитского халифа, в Византии они были оплотом православия, ибо благополучие горожан зависело от укрепления порядка в мире, а не от истребления мира ради потусторонних идеалов, чуждых и невнятных.

И вряд ли проповедь спасительной бедности можно считать социальной программой. Ведь за бедность духовенства ратовали христианские монахи и мусульманские марабуты и суфии. Роскошь епископов, nepотизм и симонию клеймили с амвонов папы и Соборы, но подозрений в ереси они на себя не навлекали. Иной раз бывало, что слишком неугомонных обличителей убивали из-за угла или казнили по вымышленным обвинениям, однако в те жестокие времена и без этого легко было угодить на плаху, особенно когда увлеченный идеей человек не замечал, что он стоит на пути венценосца. Казни совершались и без идеологических нареканий. Да и в самом деле, как может мистическое учение отражать классовые интересы? Ведь для этого оно должно сделаться общедоступным, но тогда будет потерян руководящий принцип — тайное посвящение и слепое послушание.

Ну, а каково было поведение самих еретиков? Меньше всего они хотели мира. Феодалов они, конечно, убивали, но столь же беспощадно они расправлялись с крестьянами и горожанами, отнимая их достояние и продавая их жен и детей в рабство. Социальный состав манихейских и исмаилитских общин был крайне пестрым. В их числе были попы-расстриги, нищие ремесленники и богатые купцы, крестьяне и бродяги — искатели приключений и, наконец, профессиональные воины, т.е. феодалы, без которых длительная и удачная война была в те времена невозможна. В войске должны были быть люди, умеющие построить воинов в боевой порядок, укрепить замок, организовать осаду. А в X—XIII вв. это умели только феодалы.

Может возникнуть ложное мнение, что католики были лучше, добрее, честнее, благороднее катаров (альбигойцев). Это мнение столь же неверно, как и обратное. Люди остаются самими собою, какие бы этические доктрины им не проповедовались. Да и почему концепция, согласно которой можно купить отпущение грехов за деньги, пожертвованные на крестовый поход, лучше, чем призыв к борьбе с материальным миром? И если одно учение лучше другого, то для кого? Поэтому ставить вопрос о качественной оценке бессмысленно и столь же антинаучно, как, на-

пример, вопрос о том, что лучше: кислота или щелочь? Обе обжигают кожу!

Но если так, то почему именно этой вражде уделено столько внимания, когда одновременно обострялись социальные конфликты между классом феодалов и закрепощенными крестьянами, развивалось соперничество растущих королевств за территории и торговых городов за рынки? Чем же отличалась от них та полускрытая война, которая нами принята за исходную точку отсчета?

В отличие от борьбы за политическое преобразование внутри одной большой этносоциальной системы и даже столкновений между разными культурно-системными целостностями здесь имела место истребительная война. Французские манихеи были слишком похожи на французских католиков, для того чтобы ужиться в одном ареале, ибо высказывались те и другие за развитие системы в противоположных направлениях. Сталкиваясь, они вызвали аннигиляцию той самой материи, которую они считали не Божиим творением, а мировым злом. И так они вели себя *везде* в Византии, Иране, Центральной Азии и даже в веротерпимом Китае. Поэтому гонения на них были повсеместны, а их сопротивление, часто весьма активное, придало раннему средневековью ту окраску, которая просвечивает через видимую историю столкновений государств и становления этносов. Наличие двух несовместимых поведенческих и психологических структур в то время было явлением глобальным. Оттого так мало памятников искусства осталось от этой эпохи.

То, что манихеи к концу XIV в. исчезли с лица Земли, не удивительно, ибо они, собственно говоря, к этому и стремились. Ненавидя материальный мир и его радости, они должны были ненавидеть и саму жизнь; следовательно, утверждать они должны были даже не смерть, ибо смерть — только момент смены состояний, а антижизнь и антимир. Туда они и перебрались, очистив Землю для эпохи Возрождения. Неудача их состояла только в том, что они не смогли погубить всех людей, проведя их через мученичество, далеко не всегда добровольное. Как они старались! И не их вина, что жизнеутверждающее начало

человеческой психики устояло перед их натиском, благодаря чему история народов не прекратила своего течения.

На этом фоне возникла Первая инквизиция, основанная испанским монахом Домиником и направленная против еретиков-катаров, или альбигойцев. Конечно, никто не захочет одобрить или тем паче защищать принцип инквизиции: осуждение без предъявления обвинения, на основе личного признания. Признание бывает вынуждено пыткой, донос — ложен, судьи — пристрастны и бесконтрольны, но мотив введения такого судопроизводства ясен. Инквизиторы берегли своих агентов от мести катаров, проникших в XIII в. во все слои французского и итальянского общества. Война велась не только в Лангедоке. Она велась при всех дворах, во всех цехах, в церковных общинах и даже на базарах. Это была беспощадная резня без линии фронта, причем жертвами ее становились все оклеветанные катарами и агентами инквизиции беззащитные, ни в чем не повинные люди. Катары широко использовали право на ложь, каковое было позволено их исповеданием, рекомендовавшим предательство для борьбы с материей. Бывшие катары, перешедшие в лоно католицизма, Робер Ле Бугр, Петр из Вероны и Райнир Саккони были самыми грозными инквизиторами в XIII в. Их руками были сожжены сотни катаров и вальденсов» [172, стр.31], а также оклеветанных католиков, Робер Ле Вугр, бывший в течение 20 лет катаром в Милане и прекрасно знавший нравы и обычаи этой секты, в 1233 г. был назначен папою Григорием IX инквизитором, после чего применил свои обширные знания. Например, в 1239 г. в Монт-Эме, близ Шалона на Марне он сжег 182 катара. И позднее было то же: Жак Моле, гроссмейстер ордена тамплиеров, и другие рыцари были сожжены в Париже в 1214 г. после процесса, проведенного канцлером Гильомом Ногаре, внуком сожженного катара. Тайный суд — оружие обоюдоострое.

Умиравший дуализм нашел способ перевоплотиться в другую, на этот раз монистическую концепцию. Ведь для антисистемы такие мелочи, как верность принципам, несущественны, важна цель — избавление от материи и плоти. На вооружение было принято учение Блаженного

Августина, талантливого мыслителя V в., начавшего свой путь с членства в тайной манихейской общине, а кончившего дни епископом города **Гиппона** (в Африке) и после смерти признанного отцом церкви. Он был автором одного из трех направлений схоластики — учения о предвечном предопределении людей либо к раю, либо к аду. Были, конечно, оговорки, но суть не в этом.

Аргументация Блаженного Августина сводилась к тому, что Адам согрешил и передал грех всем потомкам генетически, как «первородный грех». Поэтому все люди — мерзавцы, и всем им место только в аду. Бог предвечно и безусловно постановил *некоторых* спасти, а прочие гибнут. И любые заслуги и подвиги грешников значения не имеют, равно как и злодеяния предызбранных. Для дьявола в такой системе места нет, ибо все за него творит Бог.

Надо отдать справедливость тогдашним теологам: они учения Августина не приняли. Сторонники концепции Августина подвергались осуждению: монах **Готшалк** даже был пожизненно заключен за проповедь идеи предопределения, т.е. ответственности Бога за грехи людей.

Но прошли средние века, наступила Реформация, и Жан Кальвин воскресил идеи Августина. На них же была построена теория Второй инквизиции. Примирение Бога с Сатаной устраивало всех злодеев Европы.

Конкордат с Сатаной

Вторая инквизиция, действовавшая в XVI—XVIII вв., была хуже Первой. Для оправдания, а также для регламентации совершенных преступлений инквизиторы создали теорию, опиравшуюся на идеи Блаженного Августина. По этой теории «Бог настолько сострадателен, что не допустил бы зла в своих творениях, если бы не был столь всемогущим и добрым, чтобы превращать зло в добро» [172, стр.147]. Из этого вытекало, что «преследованиями тиранов укреплялось терпение мучеников, а чародействами ведьм — совершенствование веры праведников. Поэтому Богу не нужно предупреждать зло» (Там же). Можно было бы возразить, что Бог несправедливо не милостив к тиранам и чародеям, заставляя их мучить праведников и

тем самым обрекая их на адские муки, но и на это есть ответ. Грешник хуже черта, ибо «Сатана отстранился от Бога, который допустил его согрешить и не опекал с любовью... Сатана пребывает в злобе, так как Бог отверг его и не дарит ему своей милости» (Там же, стр. 159). Больше того, Бог желает черту добра, а бедный «черт весьма мучится, видя, как зло, творимое через ведьм, переходит в добро» (Там же, стр. 161). Да и вообще черт не виноват, так как он «ничего не может без Божьего попущения», а «Бог не может хотеть зла, но может допускать зло» (Там же).

Предложенная инквизиторами теория является апологией не только их самих, но и дьявола, с которым они якобы вели борьбу. Во всех злодействах истории, по их мнению, повинен только Бог, и хуже того — злодейства надо приветствовать, ибо из зла получается добро. Эта дьявольская диалектика по существу обывательское подхалимство, возведенное на уровень метафизики. И подумать только, сколько крови пролилось из-за этого шизофренического бреда!

Да и как могло быть иначе? Учение о предопределении отняло у своих адептов только одну свободу: свободу выбора между Добром и Злом, но за это подарило им право на безответственность по отношению к собственной совести. Раз конечный исход предопределен, можно поступать, как вздумается. И тут вступила в силу обратная связь.

Полная безответственность индивида противопоставлена обществу, которое вводит в силу закон, основанный не на совести, а на приказе начальства. С таким законом выгоднее считаться, но обойти его отнюдь не аморально. Сумел и выиграл! Поэтому были вполне логичны и даже не бессовестны истребление индейцев в Северной Америке, работорговля, ограбление Индии, продажа опиума в Китае... Ведь запрещение этих предприятий не было предусмотрено, да и не могло быть, ибо Бог превращает зло в добро, а черт служит перед Его престолом.

Но если так, то почему бы не завести с дьяволом контакт, тем более, что он готов даже оплатить служение себе вполне реальными благами. Требуется он немногого: продажи бессмертной души, в существование которой еще надо верить, и участия в «черных мессах». Эти обеды

служились обязательно священником, отступившим от церкви, и заключались в прославлении Сатаны, доброго господина, который ничего не запрещает (ср. с тезисом Ивана Карамазова: «Все позволено»). Святые дары освящались на животе голой женщины и потом осквернялись. Иногда участникам этих мистерий казалось, что является сам Сатана и позволяет целовать себя в зад. Случалось, что ему приносили в жертву младенцев, которых крали у матерей. Мистерии совершались в полночь, тайно, но о них знали очень многие.

Вот наглядный пример. В 1089 г. русская княжна Евпраксия Всеволодовна вышла замуж за Генриха IV, императора Священной Римской империи германской нации. Сей венценосец привлек ее к участию в «черных мессах». Бедняжке стало так противно, что она сбежала от мужа к его врагам в Каноссу, где ее приняла графиня Матильда. В 1094 и 1095 гг. императрица выступала на церковных Соборах с разоблачениями своего мужа. Папа Урбан II отпустил ей невольный грех участия в «черной мессе» и с конвоем отправил на родину, где она кончила дни в монастыре в 1109 г.

А Генрих IV?.. Он остался на троне до 1105 г. и лишился власти отнюдь не за сатанизм, а за предательские убийства своих вассалов. Но и тогда его продолжали поддерживать горожане Льежа, Кельна, Бонна и еврейская община. Оказалось, что сатанизм шокировал очень многих.

«Черные мессы» служились в Париже еще в XIX в. Допускались к участию в них, кроме членов секты, только приглашенные, но получить приглашение было легко. Подробности можно прочесть в книге Гюисманса «Бездна», где автор колеблется между признанием серьезности наблюдавшейся им оргии и желанием оказаться обманутым. Для скептика-позитивиста персонификация любого принципа неприемлема; она ему просто претит.

Если же отказаться от персонификации, которая уже в XIII в. стала излишней, то останется теория Абсолюта, нравственного закона внутри себя. Молиться такому закону невозможно, равно как, например, закону Бойля — Мариотта. Это становится очевидным в XIX в., а при по-

следовательном развитии концепции возникает экзистенциализм — философская религия К. Ясперса. Последний был прав только в одном: такие системы возникали и до нашей эры, но он упускает из виду то, что они всегда гибли, унося с собой тысячи жизней людей, доверившихся философом.

И, наконец, последнее важное следствие теории строгого монизма — отношение к биосфере в целом, так же как к индивидуальным существам и их творениям, становится негативным. Для того чтобы уберечь беззащитную природу от бессовестных людей, нужно объяснить им пользу от биоценологии, а это сверхсложно. Учение о полезных и вредных животных и растениях гораздо ближе рассудку обывателя, нежели понятие о гармоничности жизни на планете Земля. Обыватель предпочитает ощущать себя царем природы, а не ее составной частью. Поэтому строгий монизм на практике смыкается с восточным дуализмом — манихейством, с той лишь разницей, что злом считается все неприятное, мешающее данному человеку, а не объективная стихия «Мрака». Это значит, что руководящим принципом для различия добра и зла, света и мрака, прогресса и регресса становится произвол. Различие хотя и несущественное, но с точки зрения логики — не в пользу монизма.

Но почему же монистические и дуалистические учения не смогли вытеснить христианства, особенно в средние века, когда папы воевали с императорами, а схоласты тратили силы на бесплодные споры друг с другом? Пожалуй, потому, что монизму и манихейству противостояло неосознанное мировоззрение, суть которого можно сформулировать следующим образом: Бог сотворил Землю, но дьявол — князь мира сего; на Земле дьявол сильнее Бога, но именно поэтому благородный рыцарь и монах-подвижник должны встать на защиту слабого и бороться с сильным врагом до последней капли крови. Ведь не в силе Бог, а в правде, и творение Его — Земля — прекрасна; а Зло приходит извне, от врат Ада, и самое простое и достойное — загнать его обратно. А что Бог не сотворил дьявола — ясно и без доказательств; предполагать такое — просто кощунство.

Эта концепция была непротиворечива, проста для восприятия и соответствовала если не нравам того времени, то его идеалам. А поскольку идеал — это далекий прогноз, воспринимаемый интуитивно, то он и оправдался. Биосфера продолжает существовать.

Выход из безысходности

Мы, люди XX века, знаем, что черта нет. И все же, когда окинешь взглядом историю антисистем — становится жутко. Есть концепции-вампиры, обладающие свойствами оборотней и целеустремленностью поистине дьявольской. Ни могучий интеллект, ни железная воля, ни чистая совесть людей не могут противостоять этим фантомам. Там, где слагается этническая химера — наложение этнических полей разного ритма, появляются антисистемы. А так как за время существования человека на Земле все этносы давным-давно вступили между собою в контакты, то, казалось бы, антисистемы должны были вытеснить этносы, заменить их собой, уничтожить все живое в своих ареалах и превратить свои реальные импульсы в виртуальные, дабы они могли взаимно аннигилироваться. А ведь подобного почему-то не произошло.

Значит, в мире есть какой-то могучий импульс, противодействующий распространению антисистем и, возможно, очищающий от них лик Земли. Однако, как мы видели, антисистемы появляются снова и снова, так что этот импульс должен действовать, если не постоянно, то достаточно часто. И он не должен находиться в сфере сознания людей, потому что эта сфера открыта для обмана или для неполноты понимания предмета, т.е. для заблуждений. И он не заповедан нам свыше, потому что антисистемы бывают теистичны, а идеалы этнических культур — атеистичны. И он не складывается в процессе эволюции, ибо за нужное для сложения время он бы погиб. Знаем ли мы импульс с такими свойствами? Да, знаем! Это пассионарный толчок.

Нет, не героизм отдельных пассионарных особей, личностей, жертвующих собой, а именно толчок, мутация, порождающая признак пассионарности и сообщающая зано-

во возникающим этносам оригинальный ритм биополя — вот что губит химеры и гнездящиеся в них антисистемы. Пассионарный импульс дает как бы высокий накал, в котором химеры «плаваются» (да простится автору метафора) и превращаются в этносы, гармонически сочетающиеся с ландшафтами, как звено геобиоценозов. При столь высоких накалах антисистемы существовать не могут. Но дальше идет уже описанный процесс этногенеза, при котором иногда, вследствие создавшихся условий, появляются импульсы с отрицательными значениями.

Итак, пассионарные толчки не только помехи в эволюции человечества, но и очистительная сила, без которой эволюция вообще не могла бы продолжаться. Этой силой природа поддерживает баланс биосферы, в том числе и тех самых людей, которые полагают, что их мысли, сколь бы ни были они фантастичны, представляют наибольшую ценность для планеты Земля. Теперь-то мы знаем, что все философские учения и пророческие речения — только биосферные импульсы, отраженные какой-либо гранью великого вакуума, подстерегающего Жизнь на каждом шагу. И ради этого из Бездны в Мир пробиты черные дыры, каждая из которых называется «личное сознание». Хорошо бы поставить на них заслонки, именуемые «совесть».

А сам пассионарный толчок, который был описан как эмпирическое обобщение, объясняющее колебания этносферы, явно неземного происхождения. Уже то, что оси зон толчков располагаются на поверхности планеты, как линии, концы которых ограничены кривизной планеты, а перпендикуляры к ним проходят через центр Земли, указывает на зависимость оси толчка от магнитного поля планеты. Предположение, что эти энергетические удары по Земле идут не от Солнца, а из рассеянной энергии Галактики, нашло уточнение. Американский астроном Джон Эдди обнаружил, что деятельность Солнца варьирует настолько, что даже 11-летний цикл активности солнечных пятен не прослеживается. На основе этих выводов Джон Эдди составил график солнечной активности за 5 тыс. лет [250, стр.315—329]. И оказалось, что все датированные пассионарные толчки хронологически совпадают с

минимумами солнечной активности либо с периодами ее спада. Это уже закономерность, позволяющая интерпретировать явление. При уменьшении солнечной активности защитные свойства ионосферы снижаются, и отдельные кванты или пучки излучения могут достигать земной поверхности. А жесткое излучение, как известно, вызывает мутации...

Мы не одиноки в мире! Близкий Космос принимает участие в охране природы, а наше дело — не портить ее. Она не только наш дом, она — мы сами.

Ради этого тезиса и был написан трактат, который теперь закончен. Посвящаю его великому делу охраны природной среды от антисистем.

ЗИГЗАГ ИСТОРИИ

Между двух океанов

Евразийский континент не монолитен. Его четко делят на части природные барьеры. Западный полуостров Евразийского континента, омываемый Средиземным и Северным морями, отделен от холодной Восточной Европы невидимой, но крепкой границей — положительной изотермой января.

Сухие и жаркие области Переднего Востока и Северной Африки тоже являются ландшафтной целостностью, ограниченной с юга Сахарой, а с востока пустынями Средней Азии. Особое, но вполне независимое положение занимает гористый район, тянущийся от Адриатического моря, через Малую Азию до Закавказья. На стыках этих трех больших регионов постоянно возникали этнические контакты. Таковыми были в XII в. Испания, Иллирия, Великая Армения, простиравшаяся до берегов Средиземного моря, где располагалась Малая Армения, Киликия.

Ограниченная высокими горами и жаркими пустынями, Индия справедливо рассматривается как континент. Однако области Пенджаба и Синда уже в XII в. стали зонами контактов между индусами, арабами, афганцами и

тюрками. Природные барьеры не спасли Индию от вторжений иноземцев.

Субтропический, обильно увлажненный Китай отделил себя от сухой, холодной Великой степи стеной, которая в XII в. лежала в развалинах, но считалась естественной границей между Китаем и Великой степью.

И наконец, внутренняя часть континента, Евразия в узком смысле слова, простиралась от Китайской стены до Карпат, включая степную, лесостепную и лесную зоны. Здесь районами контактов были: венгерская степь на западе и Западная Маньчжурия на востоке. На юге к этому региону можно причислить Тибетское нагорье и Семиречье, а Среднеазиатское Междуречье рассматривать как район контактов.

Центральная часть великого евразийского континента только на первый взгляд кажется бесплодной и дикой страной, неприспособленной для развития самостоятельной культуры. Соседствуя на востоке с древней цивилизацией Китая, а на западе с не менее древней культурой западно-европейского полуострова, Великая степь ограничена с севера непроходимой тайгой, а с юга горными хребтами. Эта географическая целостность, населенная разнообразными народами с разными хозяйственными навыками, религиями, социальными учреждениями и нравами, тем не менее всеми соседями ощущалась как некий монолит, хотя содержание доминирующего начала ни этнографы, ни историки, ни социологи не могли определить.

И это не случайно. Еще в первой половине XX в. само существование этнографических целостностей подвергалось сомнению, так как наука еще не нашла аспекта, позволяющего их воспринимать как реалии. Но и не замечать их было нельзя, и тогда сложились такие абстракции, как Запад и Восток, бессмысленность которых показал акад. Н.И. Конрад [158], или «Лес» и «Степь» [49] или «желтая» и «белая» расы [220].

Действительно, деление материала на два раздела всегда упрощает задачу, но далеко не всегда ведет к правильному решению. По сути дела классификатор неосознанно применяет первобытный этнический принцип:

«мы» и «не мы», лишь абстрагируя его в соответствии с требованиями академической подачи. Но мы обязаны оторваться от этого примитивного аспекта и исходить не из двоичной системы отсчета, а из реального наличия этно-географических регионов, которых на пространстве Евразии оказалось шесть, и из смены суперэтносов, которых еще больше. Поэтому мы изменили ракурс и рассматриваем евразийский континент не из того или иного угла, а сверху. Это позволяет установить соразмерность этно-географических регионов.

Люди, жившие на этих территориях, различались не только языками, обычаями и учреждениями, но отношением к природе и истории, к жизни и смерти, к добру и злу. Посмотрим, как. В многочисленных первоисточниках мы не найдем ответа на то, что интересует нас, ибо их авторы писали для других читателей. Однако наряду с разноречивыми и эмоционально насыщенными традициями мы имеем в поле зрения массу немых фактов, объяснение коих — наша обязанность. Отчасти это затрудняет исследователя, отказавшегося от оценок, подсказываемых ему предшественниками. Но разве наука — это пересказ чужих знаний? Разве в естественных науках, где нет словесных сообщений, а только немые факты, невозможны обобщения? И разве только углубление в предмет дает познание, а расширение диапазона ведет к поверхностности?

Системный подход, давая возможность широких обобщений, отнюдь не мешает точности изучения деталей. Так, на пейзажах старинных мастеров второстепенные фигуры только кажутся цветными пятнами. Будучи увеличены путем фотографии, они представляются перед зрителем как законченные, вырисованные до мелочей. Все на них верно, но в композицию они входят лишь настолько, насколько они нужны. Этим подходом мы и собираемся воспользоваться.

Описание хазарской страны

Ландшафты, как и этносы, имеют свою историю. Дельта Волги до III в. не была похожа на ту, которая существу-

ет ныне. Тогда по сухой степи среди высоких бэровских бугров струились чистые воды Волги, впадавшие в Каспийское море много южнее, чем впоследствии. Волга тогда была еще мелководна, протекала не по современному руслу, а восточнее: через Ахтубу и Бузан и, возможно, впадала в Уральскую западину, соединенную с Каспием узким протоком.

От этого периода остались памятники сармато-аланской культуры, т.е. туранцев. Хазары тогда еще ютились в низовьях Терека.

Во II—III вв. атлантические циклоны сместили свой путь к северу. Дожди перестали орошать степную зону, где на время воцарилась пустыня, а стали изливаться в Волго-Окском междуречье и на широтах водосбора Камы. Особенно значительным было зимнее увлажнение: сугробы мокрого снега и, как следствие, огромные весенние половодья.

Волга понесла все эти мутные воды, но русло ее в низовьях оказалось для таких потоков узким. Тогда образовалась дельта современного типа, простиравшаяся на юг почти до полуострова Бузачи (севернее Мангышлака). Опресненные мелководья стали кормить огромные косяки рыб. Берега протоков поросли густым лесом, а долины между буграми превратились в зеленые луга. Степные травы, оставшись лишь на вершинах бугров (вертикальная зональность), отступили на запад и восток (где ныне протоки Бахтемир и **Кигац**), а в ядре возникшего азонального ландшафта зацвел лотос, запели лягушки, стали гнездиться цапли и чайки. Страна изменила свое лицо.

Тогда изменился и населявший ее этнос. Степняки-сарматы покинули берега протоков, где комары не давали покоя скоту, а влажные травы были для него непривычны и даже вредны. Зато хазары распространились по тогдашней береговой линии, ныне находящейся на 6 м ниже уровня Каспия. Они обрели богатейшие рыбные угодья, места для охоты на водоплавающую птицу и выпасы для коней на склонах бэровских бугров. Хазары принесли с собой черенки винограда и развели его на новой родине, доставшейся им без кровопролития, по случайной мило-

сти природы. В очень суровые зимы виноград погибал, но пополнялся снова и снова дагестанскими сортами, ибо связь между Терской и Волжской Хазарией не прерывалась.

Воинственные аланы и гунны, господствовавшие в степях Прикаспия, были не опасны для хазар. Жизнь в дельте сосредоточена около протоков, а они представляют собой лабиринт, в котором заблудится любой чужеземец. Течение в протоках быстрое, по берегам стоят густые заросли тростника, и выбраться на сушу можно не везде. Любая конница, попытавшаяся проникнуть в Хазарию, не смогла бы быстро форсировать протоки, окруженные зарослями. Тем самым конница лишалась своего главного преимущества — маневренности, тогда как местные жители, умевшие разбираться в лабиринте протоков, могли легко перехватить инициативу и наносить врагам неожиданные удары, будучи сами неуловимыми.

Еще труднее было зимой. Лед на быстрых речках тонок и редко, в очень холодные зимы, может выдержать коня и латника. А провалиться зимой под лед, даже на мелком месте, значило обмерзнуть на ветру. Если же отряд останавливается и зажигает костры, чтобы обсохнуть, то преследуемый противник за это время успевает скрыться и ударить по преследователю снова.

Хазария была естественной крепостью, но, увы, окруженной врагами. Сильные у себя дома, хазары не рисковали выходить в степь, которая очень бы им пригодилась. Чем разнообразнее ландшафты территории, на которой создается хозяйственная система, тем больше перспектив для развития экономики. Дельта Волги отнюдь не однообразна, но не пригодна для кочевого скотоводства, хотя последнее, как форма экстенсивного хозяйства, весьма выгодно людям, потому что не трудоемко, и природе, ибо количество скота лимитируется количеством травы. Для природы кочевой быт безвреден.

Хазары в степях не жили и, следовательно, кочевниками не были. Но и они брали от природы только избыток, которым она могла смело поделиться: рыбу, виноград и плоды из садов. Короче говоря, этносы низовий Волги в то время находились в фазе гомеостаза — равновесия с при-

родой и друг с другом. При этой системе жизни этносы редко активно общаются между собой, потому что воевать не из-за чего, а брать в жены чужих девушек невыгодно: привыкшие к иному быту, они будут плохими хозяйками в доме мужа.

Чем крупнее цель, тем легче в нее попасть. Поэтому ааключим наш сюжет — трагедию хазарского этноса — в рамку истории сопредельных стран. Конечно, эта история будет изложена «суммарно», ибо для нашей темы она имеет только вспомогательное значение. Но зато можно будет проследить глобальные международные связи, пронизывавшие маленькую Хазарию насквозь, и уловить ритм природных явлений биосферы, вечно изменчивой праматери всего живого. Тогда и история культуры заиграет всеми красками.

Этнос «отраженного света»

Может показаться, что, утверждая невозможность существования активного этноса без пассионарного толчка, мы погрешили против собственного тезиса. Например, хазары стали известны византийским и персидским авторам в IV в., а армянским — в III в.¹, но ни меридианальный толчок II -в. (от Скандзы до Палестины), ни широтный толчок IV в. (от Аравии до Северного Китая) не должны были их задеть. Каким же образом объяснить особенности их этногенеза в течение тысячи лет и образование многочисленных реликтов: гребенских и нижнедонских казаков, астраханских татар и караимов Крыма? Короче говоря, хазары вели себя как «полноценный» этнос, прошедший все фазы развития, но за счет чего?

¹ Моисей Корейский в «Истории Армении» упоминает, что между 193 и 213 гг. «толпы хазар и баслов (барсиров), соединившись, прошли через ворота Джора (Дербентский проход)... перешли Куру и рассыпались на сю сторону ее» (цит. по: Артамонов М.И. История хазар. Стр.115). М.И. Артамонов полагает, что упоминание хазар в столь раннее время — анахронизм (Там же, стр. 131), однако оснований для сомнений не приводит. Принимая сведения источника, констатируем, что во II в. хазары обитали в низовьях Терека и Сулака. На Волгу они распространились позднее не через сухие степи, а по берегу Каспийского моря, стоявшего тогда на отметке минус 36 м, т.е. на 8 м ниже, нежели в XX в. (см.: 67, 68).

Русский летописец правильно сопоставляет хазар со скифами [170, ч. I, стр. 14], под которыми его источник, Георгий Амартол, подразумевал древнее, досарматское население южной части Восточной Европы [Там же, ч. II, стр. 223]. В то время, когда степные водораздельные пространства захватывались последовательно сарматами (III в. до н.э.), гуннами (IV в. н.э.), болгарами (V в.), аварами (VI в.), мадьярами и печенегами, хазары спокойно жили в густых прибрежных зарослях, недоступных для кочевников, с коими они всегда были врагами.

Благодаря столь благоприятным природным условиям хазары — потомки древнего европеоидного населения Западной Евразии — жили как этнос-персистент до конца VI в., когда ситуация изменилась крайне резко и неожиданно.

Самая важная роль в хазарском этногенезе выпала на долю новорожденного этноса древних тюрков — тюркютов, как принято их называть, чтобы избежать терминологической путаницы — смешения этого этноса с прочими **тюркоязычными** племенами¹. Возникли тюркюты так: в 439 г. небольшой отряд князя Ашина бежал из Северо-Западного Китая от победоносных и безжалостных табгачей. Состав этого отряда был пестрым, но преобладавшим этносом были сяньбийцы, т.е. древние монголы. Поселившись на склонах Алтая и **Хангая** и смешавшись с аборигенами, тюркюты сделали своей узкой специальностью плавку железа и выделывание оружия. В 552 г. их первый хан — Тумын — одержал победу над жужанями, господствовавшими в Степи в IV—V вв. Так был создан Великий **тюркютский** каганат.

Младший брат Тумына, хан Истеми, был поставлен во главе войска, имевшего задачей подчинение западных степей. Истеми дошел до Дона и берегов Черного моря.

¹ Термин «тюрк» имеет три значения. Для VI—VIII вв. это маленький этнос (**тюркют**), возглавивший огромное объединение в Великой степи (эль) и погибший в середине VIII в. Эти тюрки были монголоиды. От них произошла хазарская династия, но сами хазары были европеоиды дагестанского типа. Для IX—XII вв. тюрк — общее название воинственных северных народов, в том числе мадьяров, русов и славян. Это **культурно-историческое** значение термина не имеет касательства к происхождению. Для современных востоковедов «тюрк» — группа языков, на которых говорят этносы разного происхождения.

Некоторые племена бежали от него, другие подчинились силе оружия, а третьи сочли за благо помочь завоевателю, дабы разделить с ним плоды победы. В числе последних оказались хазары и болгарское племя **утургу**ров, жившее между Кубанью и Доном. Когда же в начале VII в. Великий каганат распался, то хазары и **утургу**ры оказались в составе Западного каганата. Те и другие искренне помогали своим новым правителям в войнах против Византии и Ирана. Однако в Западно-Тюркютском каганате два племенных союза образовали две партии, боровшиеся за власть над бессильным ханом. Утургуры примкнули к одной, а хазары, естественно, к другой партии, а после ее поражения приняли убежавшего царевича себе в ханы (650 г.) [Подробно см.: 18, стр.171; 86, стр.238].

Через 8 лет Западно-Тюркютский каганат был захвачен войсками империи Тан, что пошло на пользу хазарам, принявшим сторону ранее побежденного царевича, и во вред болгарам-утургурам, лишившимся поддержки верховного хана (658 г.). Вследствие этого хазары около 670 г. разгромили болгар, и те разбежались — кто на Каму, кто на Дунай, кто в Венгрию, а кто даже в Италию.

Одновременно хазарам пришлось отражать вторжение арабов, победоносных от Индии до Аквитании. Но на Кавказе, неожиданно для завоевателей Ирана и Испании, война шла с переменным успехом, причем хазарские вторжения в Закавказье чередовались с арабскими походами до Дербента (662—744 гг.), севернее которого арабам так и не удалось закрепиться. Откуда взялась у маленького реликтового этноса такая грандиозная пассионарность, позволившая хазарам при неравенстве сил свести вничью войну с самым сильным и агрессивным государством VIII в.? Численный перевес был на стороне арабов, потому что хазарских ханов тюркской династии не поддерживали ни аланы, ни мадьяры, ни буртасы, ни мордва, ни славяне, а уж меньше всего болгары. Особую позицию занимали горцы Дагестана — царства Серир, Туман, Зирих-Геран, Кайтаг, Табасаран, Лакз и Филан, уже в 739 г. подчинившиеся наместнику Азербайджана и Армении Мервану [136, т.I, стр.153], опиравшемуся на непри-

ступный Дербент¹. Но маленькая Хазария героически отстояла свою независимость. Почему?

Вспомним, что целых 100 лет (558—650) тюркют-ские ханы использовали территорию Хазарии как базу для своих военных операций. В Хазарии тюркютские богатыри отдыхали после перехода через сухие степи, а по возвращении из Крыма или Закавказья прогуливали награбленную добычу. И тут наверняка не обходилось без женщин, которые, как известно, не бывают равнодушны к победителям. Дети, появившиеся после военных походов, искренне считали себя хазарами. Отцов своих они не знали, воспитаны были в среде хазар и в ландшафте Волжской дельты. В наследство от тюркютов они получили только некоторые антропологические и физиологические черты, в том числе пассионарность. А поскольку такой симбиоз длился более ста лет, то естественно, что привнесенной чужаками пассионарности стало достаточно, чтобы превратить реликт в активно действующий этнос.

Но еще существеннее для хазарского этногенеза был следующий период, когда Хазарией управляли тюркские ханы династии Ашина (650—810), наследники правителей Великого тюркского каганата (552—745). Царевич-беглец и его соратники, принятые хазарами гостеприимно, не слились с массой народа и не противопоставили себя ей. Они продолжали жить кочевым бытом, только зиму проводя в домах в Итиле; они возглавили борьбу с арабами и, будучи мастерами степной маневренной войны, научили хазар отбивать натиск регулярных войск; оставаясь язычниками, почитавшими Синее Небо и Черную Землю, они были веротерпимы до полной неразборчивости. Это-то их и погубило. Но из-за чего и каким образом?

Хазары и фазы этногенеза

Внесение признака пассионарности со стороны по последствиям не отличается от возникновения ее путем мутации. Разница проявляется лишь в том, что при генети-

¹ Дербент был окончательно оккупирован арабами в 685—686 гг. и отделился от халифата в X в. вместе с Ширваном.

ческом дрейфе признак распространяется более быстро, а, следовательно, процесс идет более интенсивно. Поэтому инкубационный период хазарского этногенеза уложился в три поколения — около 70 лет, после чего с 627 г. становится уместным название «**тюрко-хазарь**», теряющее смысл после 650 г., когда хазарами называют именно метисов тюрко-хазарского происхождения. Почему-то Истахри и другие восточные географы делили хазар на два разряда: смуглых¹, черноволосых и «белых, красивых, совершенных по внешнему виду» [127, стр. 137]. Также они относили хазар то к тюркам, то к нетюркам, возводя их то к грузинам, то к армянам [Там же, стр. 135]. Хазарский язык, по замечанию Истахри, не походит ни на тюркский, ни на персидский, ни на какой другой известный язык, а схож с языком болгар [Там же, стр. 135]. Это последнее вызвало множество недоумений, ибо языком болгар считается тюркский. Однако так ли было в V—VI вв., когда тюрки впервые появились в Поволжье? Навряд ли!

Тюркский язык распространился как международный и общеупотребительный лишь в XI в. благодаря половцам, причем вытеснил из степи древнерусский, господствовавший в X—XI вв. [163, т.1, стр.54]. До этого этносы говорили дома на своих языках, которые до нас не дошли, а кроме того, знали древнетюркский язык воинского начальства.

Таким образом, в VII в. в Нижнем Поволжье создались оптимальные условия для этногенеза: разнохарактерные ландшафты в тесном сочетании, соответствующие им хозяйственные уклады, сосуществование этнических субстратов, относящихся к единому (евразийскому) суперэтносу, и импорт пассионарности, позволивший оформить этническое разнообразие в социальную систему. Эта последняя была достаточно эластичной, чтобы вошедшие в нее этносы стали субэтносами хазарского этноса, унаследовавшего название от предков.

Вот почему М.И. Артамонов сомневался в достоверности армянских хроник, упоминавших хазар в III в. н.э. [18, стр. 116]. Этноним был тот же, но этнос другой, а это бывает часто.

¹ У Захария названы «красные» (см.: 127, т.1, стр.138).

Фаза этнического подъема заняла около 150 лет — с середины VII до конца VIII в. За это время хазары шли от успеха к успеху и весьма удачно находили контакты с соседями. Однако характер этих контактов был различен, что и повело к смещению нормальной кривой этногенеза, вследствие чего акматическая фаза не наступила. Поэтому обратим внимание и на соседей хазар, но сначала напомним, что в III—V вв. хазарский этнос находился в фазе гомеостаза. Производительные силы его были стабильны, а общество пребывало в первобытнообщинной формации с устоявшимися производственными отношениями.

Зато соседи хазар развивались бурно. Византия и Древняя Русь росли мучительно, но неуклонно; сасанидский Иран терял потенцию роста за счет упрощения системы, что вело к усилению государственной власти в ущерб общественным группировкам.

Восточные народы — гунны, пришедшие в Европу, проиграли войну с аборигенами: германцами на западе и болгарами на востоке, после чего потеряли политическое и этническое значение. Судьба гуннов — яркий пример того, что любой этнический процесс может быть нарушен политическими коллизиями, которые невозможно предугадать. Гунны могли бы выиграть битву с гепидами при Недао в 453 г. и разгромить сарагуров (болгар) в 453 г. Тогда в Восточной Европе уже в V в. создалось бы сильное **государство**. Но так как этого не случилось, то многочисленные местные этносы вернули себе самостоятельность.

Второй азиатский этнос, попавший в Европу — авары (обры) — в 630 г. утратили свои позиции в Причерноморье вследствие конфликта с **болгарами-кутургурами**, населявшими степи от Дона до Карпат. Авары сосредоточили свои усилия на борьбе с греками и франками и угнетении славян-дулебов, населявших Волынь. В начале IX в. авары потерпели поражение от франков, но сохранили самостоятельность и удержали территорию восточнее Дуная до прихода венгров, которых встретили как родных и вскоре объединились с ними в один этнос. Аварский каганат, последний осколок древнего Турана, перестал существовать в начале X в.

Соседи хазар в VII—VIII вв.

Гуннская трагедия оставила след на этнической карте Восточной Европы. Болгар-сарагуров потеснил другой азиатский народ — сабиры или савиры, частью проникшие в Закавказье, а частью осевшие в Понтийской Скифии..., «до Рипейских гор, из которых вытекает Танаис» [18, стр.65]. Савиры были выходцами из Западной Сибири и, видимо, принадлежали к угорской или южной ветви самодийской группы. Западные племена их ославились, но сохранили древний этноним — северяне. С хазарами они не граничили и, кажется, не общались, как это делали другие соседние этносы.

Не только маленькая группа алтайских монголоидных тюркютов¹, но и вассалы, сопутствовавшие им в походах, вошли в состав хазарского этноса в течение VII—VIII вв. Одни из них ассимилировались, другие сохранили свой этнический облик. Так, барсилы авторы X в. перестали отличать от хазар, а печенеги, до IX в. приходившие в Хазарию с востока как друзья и союзники, с хазарами не смешались [69, 70, 92]. Очевидно, кочевой быт привлекал их больше, чем оседлая жизнь хазар. Но дружбе это не мешало. Хазар, барсилы, тюркютов, телесцев, печенегов связывала не общность быта, нравов, культуры и языка, а общность исторической судьбы: наличие общих врагов и единство политических задач, основной из коих было не погибнуть, а уцелеть. И до начала IX в. хазары справлялись с этой задачей блестяще именно потому, что они не были **одинокими**.

Хазария возглавила силы сопротивления и, благодаря этому, расширила сферу своего влияния до Крыма и Аральского моря, до Кубани и Оки, до Десны и Сакмары. Но в такой этнической пестроте для государственной системы часто таится опасность.

¹ Когда в 627 г. **тюркюты** и хазары совместно с византийцами осаждали Тбилиси, грузины вынесли на стену города тыкву и нарисовали на ней лицо джабгу-кагана: вместо бровей — тонкие черточки, подбородок голый, редкие волосы на усах, ноздри — шириной в локоть; и кричали: «Вот царь ваш!»

Гузы на востоке, мадьяры на севере, аланы и булгары (черные) на западе не всегда были друзьями хазар. Но поскольку эти этносы входили в систему единого евразийского суперэтноса, межплеменные столкновения не переходили ни в истребительные, ни в завоевательные войны. Все эти этносы жили натуральным хозяйством, которое всегда тесно связано с природными особенностями вмещающих ландшафтов. Гузы привыкли к сухим степям и полупустыням, где снежный покров тонок и не препятствует круглогодовому кочеванию. Но эти степи были не нужны уграм, населявшим лесостепную полосу западной Евразии, и аланам, обитавшим в роскошных злаковых степях между Кубанью и Доном. Там зимой выпадает много снега, следовательно, необходимы заготовки сена для скота; значит, кочевой быт невозможен; скотоводство должно быть отгонным.

Но никому из перечисленных этносов не были нужны поймы рек, заселенные хазарами, равно как и хазарам нечего было делать в степях и окаймляющих их лесах. Поэтому они спокойно смотрели на то, как в лесной полосе западной Евразии распространялся новый этнос — славяне: вятичи и радимичи, а в среднем Поднепровье другая группа славян постепенно ассимилировала россомонов и савиров, преобразовав их в полян и северян. Каждый из этих этносов обрел свою экологическую нишу, а потому и конфликты между ними могли определяться только колебаниями пассионарности.

К счастью для всех перечисленных этносов, в этом отношении и в VIII в. было благополучно. Аланы, потомки страшных своей жестокостью сарматов, которые в III в. до н.э. физически истребляли скифов, а парфянам подарили вождя с дружиной (250 г. до н.э.), за тысячу лет превратились в культурный, трудолюбивый и спокойный этнос, лишенный склонностей к агрессии. Этому превращению способствовало и то, что наиболее активная и неукротимая часть алан ушла после 371 г. в Испанию, чтобы избежать подчинения гуннам. А как мы знаем, пассионарность — признак наследственный. Следовательно, потомков пассионарных аланов следует искать в Кастилии, а не на Северном Кавказе.

Угры, в том числе мадьяры — этнос очень древний, получивший дополнительную инъекцию пассионарности во II—V вв. от хуннов¹. Наименее пассионарны были гузы, сумевшие уберечь независимость и от гуннов и от тюркютов.

Византийский этнос не имел предков. Это, конечно, не означает, что люди, его составлявшие, не произошли от питекантропов, но этнос — не поголовье людей, а динамическая система, возникающая в историческом времени, при наличии пассионарного толчка, как необходимого компонента при пусковом моменте этногенеза, процесса, ломающего старую культуру.

В Средиземноморье в древности существовала единая эллинистическая культура, включившая в себя в процессе развития Лациум и финикийские города. В этническом аспекте она напоминает западноевропейскую, потому что основное эллинское ядро не исчерпывает всех вариантов разносторонней эллинистической культуры. Конечно, Рим, Карфаген, Пелла имели свои локальные особенности и представляли собой самостоятельные этносы, но в суперэтническом смысле входили в широкий круг эллинистической культуры. Впрочем, это не ново, но для нас важно как отправная точка. Римское господство способствовало этнической нивеляции, а уравнивание греческого языка с латинским привело к тому, что почти все население Средиземноморья слилось в один этнос. Но в I в. н.э. в Римской империи появились новые люди, образовавшие в последующие два века новую целостность. Уже в начале своего появления они противопоставили себя «языцам», то есть всем остальным, и действительно выделились из их числа, конечно не по анатомическим или физиологическим признакам, но по характеру поведения. Они иначе развлекались, иначе относились друг к другу, иначе думали и ставили себе в жизни цели, казавшиеся их современникам бессмысленными. Эллинистическому миру был

¹ Хуннами принято называть **тюркоязычный** этнос центральной Азии, а гуннами — смесь группы хуннов, пришедших во II в. на берег Волги и Урала, и местных угров [63] (как название «хазары» унаследовали потомки хазар и **тюркютов**).

чужд аскетизм, новые люди создали Фиваиду; греки и сирийцы проводили вечера в театрах и любовались «пляской осы» (древний стриптиз), а эти собирались для бесед и тихо расходились по домам; своих богов эллины и римляне уже несколько веков считали литературными образами, сохранив культ как государственную традицию, а в быту ограничиваясь многочисленными приметами, новые же проповедники и неопиты с полной убежденностью считали реальностью инобытие и готовились к загробной жизни. Относясь лояльно к римскому правительству, они отказывались признавать его божественную природу и поклоняться статуям императоров, хотя это стоило им жизни. Эти ньюансы поведения структуры общества не ломали, но из этнической целостности новые люди выпадали и вызывали жгучую ненависть у городских низов, требовавших их уничтожения. Считать, что причиной возникшей неприязни была разница в убеждениях, неправильно, ибо у необразованных язычников в это время никаких стойких убеждений не было, а у людей нового склада они были многообразны. Но почему-то с Митрой, Исидой, Кибелой, Гелиосом эллины и римляне не ссорились, делая исключение только для Христа. Очевидно, что вынести за скобки следует не идеологический или политический признак, а этологический, т.е. поведенческий, который для эллинистической культуры был действительно новым и непривычным. Впрочем, он был также чужд иудеям, которые, отнюдь не сливаясь с римлянами и греками, гонениям за веру не подвергались.

Сквозь грани веков

В первом тысячелетии новой эры был еще один суперэтнос, без территории, без централизованной власти, без войска... но он был. Евреи, рассеянные от Германии до Ирана, жили, не теряя своего внутреннего единства, несмотря на внешнее разнообразие. Среди них были носители разных культурных традиций, разных идеалов, разных стереотипов поведения. Восточные евреи не были похожи на византийских или немецких, но мы ведь и называем их не этносом, а суперэтносом. И в IX в. настало

время им сказать свое слово. А так как это «слово» было произнесено в **Хазарии** и весьма значительно отразилось на судьбе хазар, то придется проследить, как и почему это могло произойти. А для этого нам придется углубиться в древность и проследить судьбу восточной ветви иудейской общины и ее связи с Ираном.

Этническая история евреев была извилиста и многообразна, но трансформации, возникавшие вследствие пассивных толчков, видоизменяли их не менее, чем все прочие этносы. При этом менялись даже облик культуры и догмы религии, феномены куда более устойчивые, чем этнические стереотипы, но сохранялся этноним, что и вводило в заблуждение и невежественных людей, и даже ученых.

Легендарные сведения первых книг Библии¹ туманно повествуют о неясных связях предков евреев с Шумером, а потом с Египтом, но к нашей теме это не имеет отношения. Исторически зафиксированные племена хабиру в XIV в. до н.э. начали завоевание, крайне жестокое, беззащитного и миролюбивого Ханаана, но натолкнулись на сопротивление филистимлян, одного из «народов моря», по-видимому древних ахейцев или хеттов. Война с ханаанянами и филистимлянами затянулась до X в. до н.э. (акматическая фаза этногенеза). Лишь царь Давид (1004—965) достиг решительных успехов и взял Иерусалим, где его сын Соломон соорудил храм. Но после смерти Соломона его царство распалось на два (надлом), а в 586 г. до н.э.

¹ Библия как исторический источник подвергалась критике, установившей, что даже Пятикнижие обращено к двум разным божествам: Элоим — «Единственные» (мн. ч. от «Элоа») — и Яхве — проявлявшемуся в огненных смерчах [203, стр.172]. Значит, и этнос был вначале сложносоставным. Евреи, став монолитным этносом, представляли собой антропологическое разнообразие. Выходцы из Ура халдейского — шумерийский тип: низкорослые, коренастые, с рыжеватыми волосами и тонкими губами. Негроидную примесь дало пребывание в Египте. Семиты — высокие, стройные, с прямым носом и узким лицом — это результат смешения с древними арабами — халдеями. Большинство же евреев — арменоидный тип, преобладавший в Ханаане, Сирии и Малой Азии, именно тот, который ныне считают еврейским. Это расовое разнообразие указывает лишь на сложность процесса еврейского этногенеза, но не имеет отношения к этнической диагностике, ибо этнос и раса — понятия разных систем отсчета.

Иерусалим был взят вавилонским царем Навуходоносором, который вывел пленных в Вавилон. Так началось знаменитое рассеяние (диаспора) — инерционная фаза этногенеза.

В Вавилоне евреи прижились, и, когда в 539 г. до н.э. Кир позволил им вернуться на родину, этим позволением воспользовались немногие. Вавилонская колония евреев оказалась богаче и многочисленнее палестинской.

Из Вавилона евреи распространились по всей Месопотамии и Сузиане [232, стр.63], где вошли в тесный контакт с персами. Есть даже предположение, что знаменитая антидэвовская надпись Ксеркса, запретившего почитание племенных богов — дэвов, нашла отражение в Библии, в книге «Эсфирь», содержащей описание того, как мудрый Мардохей благодаря очарованию своей племянницы Эсфири, пленившей царя, сумел организовать погром македонян¹ и других соперников евреев, боровшихся за влияние на персидского царя царей [Там же, стр.80].

Однако успех Мардохея оказался эфемерным. Персы охладели к евреям, и те радостно приветствовали Александра Македонского, пользуясь тем, что ни царь, ни его эллинские друзья никогда не сталкивались с евреями. Когда же греки и евреи оказались в пределах единой Селевкидской державы, между ними возникла кровопролитная война, закончившаяся победой евреев, основавших в Палестине царство с династией Хасмонеев. Постепенно **палестинские** евреи и евреи диаспоры стали обособляться друг от друга, «образуя как бы две нации» [232, стр.2 16]. И судьбы их были различны.

Судьба палестинских евреев была печальна. Они последовательно ссорились с персами, македонянами и римлянами. Последние так расправились с евреями в 70 и 132 гг. н.э., что Палестина обезлюдела и была заселена арабами. Но в крупных городах Римской империи, в греческих колониях — Пантикапее, Горгиппии и Танаисе, в Армении [33, стр. 10] и в оазисах Аравии еврейское насе-

¹ Македония входила в Персидскую державу в 490 — 465 гг. до н.э., и в этот краткий период ее уроженцы служили царю Артаксерксу.

ление сохранилось. Однако это были уже новые евреи, затронутые пассионарным толчком I в. и, следовательно, ровесники византийцев и славян. Они поддерживали активные связи со своими иранскими единоверцами, пользовавшимися покровительством врагов Рима — парфянских царей. Вследствие этого обе общины до конца V в. непрестанно обменивались идеями и людьми¹.

А как это было им нужно! Персия была страна бедная, но благоволившая к евреям; Восточная Римская империя была богата, но греки успешно конкурировали с евреями. В те века центр тяжести межэтнических конфликтов был перенесен в область идеологии. Библия была уже переведена на греческий язык и перестала быть тайной. Ее читали усердно, но реакция читателей была различной. Одни вступались за змея, побудившего Еву заполучить познание добра и зла, а того Бога, который хотел оставить людей в невежестве, именовали злым демоном (офиты). Другие объявили материю, а следовательно, весь видимый мир несуществующими, т.е. просто помехами на пути к совершенствованию души, реальность коей утверждалась (гностики). Третьи отрицали преемственность Нового и Ветхого заветов, считая древнюю еврейскую религию поклонением Сатане (Маркион и его школа). Четвертые — манихеи — рассматривали мир как область борьбы Света и Тьмы, но если христиане признавали мир и жизнь творением Божиим, то манихеи держались обратной точки зрения: мир — это Тьма, пленившая частицы Света (души).

На Западе дуализм не удержался. Язычник Плотин и христианин Ориген создали стройные монистические концепции, овладевшие умами мыслящих людей III в., а последователи гностиков замкнулись в своем пренебре-

¹ На этом фоне было создано обновленное иудейское вероучение. В I в. были составлены два варианта Талмуда: иерусалимский и вавилонский, а во II—III вв. возникла Каббала, т.е. «полученное по преданию учение». Согласно Каббале, Бог, «наскучив одиночеством», решил создать себе равных. Мир и люди — его эманация; назначение их — совершенствование до уровня Божества, причем идет перевоплощение душ. Бог им не помогает, ибо «помощь — это позорный хлеб» — подачка. Они сами должны достичь совершенства (см.: *Льоренте Х.А.* Критическая история испанской инквизиции. Т.П, М., 1936. Примеч. 3, стр. 535—536).

жении к черни, и их идеи перестали влиять на широкие слои римского общества и этносов, его составлявших. В Иране гностическое манихейство натолкнулось на стройную систему зороастризма, где жизнь благословлялась и утверждалась как творение Ормузда, а смерть и уничтожение (аннигиляция материи) считались делом Аримана. Мани заплатил жизнью за последовательность своего учения. Казалось бы, для жизнеотрицающих гностических систем нет места в мире, но оно нашлось.

На рубежах великих суперэтнотосов — эллинизма и Ирана, Ирана и Турана, Турана и Индии, где ютились небольшие, хотя и самостоятельные княжества арабов, кавказцев, эфталитов, — последователи гностических идей находили приют и безопасность. И евреи, променявшие Палестину на Месопотамию, были в их числе. Стесненные жесткими установлениями официальной религии, они чутко реагировали на развитие мировой творческой мысли и выдавали свои соображения за древние предания — Каббалу, тем самым давая им место рядом с жесткой системой Талмуда. В Каббале были и монистические системы, близкие к неоплатонизму, и дуалистические, унаследованные от ессеев, и тяга к новым идеям, то и дело возникавшим в Иране и Византии. А так как пассионарных людей в вавилонской общине было много, то с III по VI в. она бурлила идеями и принимала активное участие в событиях, имевших значение для нашей темы.

У персов V—VII вв.

Римляне, даже в период наибольшей военной мощи, не могли захватить Двуречье. Местное население активно помогало парфянам, а потом персам. За проявленную лояльность шахи Ирана благоволили к евреям, позволив им создать колонии в Ктезифоне и Испагани (Исфоган). Аналогичными льготами пользовались несториане Месопотамии и монофизиты Армении за то, что они были противниками православного византийского царя.

Зороастризм, подобно иудаизму, — генотеистическая религия, т.е. все персы должны были следовать учению

магов и поклоняться огню, но ни один иноземец к культу не должен быть допущен. Переход персов в христианство карался смертью, что иногда вызывало осложнения, коих не возникало с евреями, которые, так же как и персы, не допускали в свою среду инородцев. Поскольку при таком последовательном подходе ассимиляция исключалась, то в Западном Иране и Месопотамии возникла иудео-сиро-армяно-персидская химера с добавкой из парфянской знати и арабов Бахрейна, почитавших звездных богов и служивших за деньги иранскому шаху. Внутри этой причудливой мозаики мира не было. Вельможи и маги старались ограничить власть шаха, не покушаясь на престол, ибо центральная власть была нужна для защиты от внешних врагов. Шах норовил пресекать самовольство знати, но без кровопролития, так как знать составляла конное войско. Евреи были на стороне короны и, со свойственной этому этносу горячностью, превысили меру усердия, что им на пользу не пошло.

В 491 г. Иран постигли засуха, связанный с нею недород и налет саранчи. Шах Кавад открыл государственные амбары с зерном, но это не предотвратило народных волнений. И тогда один из вельмож, Маздак, предложил шаху свою концепцию спасения государства. Она была дуалистична, но в ней, в отличие от манихейства, «царство света» наделялось качествами воли и разума, а «царство тьмы» — качеством неразумной стихии. Отсюда вытекало, что существующая в мире несправедливость — следствие неразумности и исправить ее можно средствами разума: введением равенства, уравниванием благ (т.е. конфискацией имущества богатых и разделом его между маздакитами) и... казнями «сторонников зла», т.е. тех, кто был с Маздаком не согласен.

Система подкупала безукоризненной логикой, и шах поддержал Маздака. Но как было отличить сторонников света от защитников мрака? Только по их личному заявлению! И тут пошла в ход ложь¹. Маздакиты, взяв власть

¹ «Их внутреннее — да проклянет их Господь! — противоположно внешнему, слова противоположны делам» (*Низам ал-Мульк*. Сиасет намэ. Стр.188. Примеч. 339).

в свои руки, развернули **массовый** террор, а шах стал в их руках марионеткой. В 496 г. Кавад бежал от своих министров к эфталитам, вернулся с войском и занял престол, но маздакиты продолжали занимать должности вокруг престола и раправляться с неугодными людьми, как с чужими, так и друг с другом. Только в 529 г. царевич Хосрой собрал войско из людей, обиженных маздакитами, привлек на свою сторону саков и повесил Маздака, а его сторонников закапывал в землю живыми. Ожесточение партий было так велико, что уцелевшим маздакитам пришлось бежать на Кавказ, ибо ни эфталиты на востоке, ни византийцы на западе их не принимали.

Могли ли многочисленные евреи Двуречья и Исфагана остаться равнодушными к событиям, происходившим вокруг них? Конечно, они приняли в них живое участие, но, как всегда, разделились. Ортодоксам-талмудистам маздакиты были омерзительны, вольнодумцам-каббалистам — любезны. Внутри еврейской общины Ирана шла борьба столь же напряженная и даже кровавая, как и в самой великой державе [(220 а)]. Торжество маздакитов грозило евреям-ортодоксам гибелью, и они эмигрировали в Византию. Там их приняли кисло, но это было лучше, чем смерть.

Когда же в 529 г. в Иране пошла расправа с маздакитами, то и примкнувшим к ним евреям пришлось плохо. Экзарх еврейской общины Ирана Мар Зутра, сотрудничавший с маздакитами, был повешен, так же как и все, кто попал в руки Хосроя Нуширвана, принявшего власть еще при жизни своего отца, Кавада. Уцелевшие маздакиты бежали на Кавказ, чтобы затеряться среди христианского населения Мидии-Антропатены (совр. Азербайджан). Это им удалось, так как христиане относились к огнепоклонникам-персам крайне отрицательно и укрыли беглецов из Ирана.

Связанные с маздакитским движением евреи тоже удрали на Кавказ, но подальше от разъяренных персов. И очутились они на широкой равнине между Терекон и Сулаком, стали пасти там скот, избегая конфликтов с соседями и не слишком строго соблюдая традиционные обря-

ды. Однако они свято праздновали субботу и совершали обряд обрезания¹.

Вернемся к судьбе евреев-ортодоксов, так как в последующей эпохе главную роль будут играть именно они. Православная церковь Византии в эпоху Великих соборов (V в.) относилась к иудаизму благожелательно. Когда же эмиграция евреев из Ирана усилилась и активизировала византийскую еврейскую общину, то начался период не то чтобы гонений, а государственных ограничений свободы еврейского культа. Эдиктом 546 г. Юстиниан запретил евреям праздновать Пасху и есть в эти дни мацу, если еврейская Пасха приходилась на Страстную Неделю. В 553 г. евреям было запрещено «употреблять... устную традицию» [33, стр.76]. Короче, евреев стремились превратить в граждан второго порядка (*inferiores, quasi, infames, turpes*) [Там же], что повело к возрождению *иранофильских* настроений в еврействе Византии. Случай для отплаты за унижение представился им в начале VII в.

В 602 г. солдаты убили императора Маврикия и возвели на престол свирепого тирана Фоку. Шахиншах Хосрой Парвиз начал войну под предлогом мести за погибшего, который был его приемным отцом, фактически же эта война ставила целью изгнание греков из Азии и Египта, т.е. восстановление Ахеменидской империи. Евреи стали на сторону персов. Они вызывали беспорядки в тылу у греков, причем успевали заручиться покровительством греческого начальства и обратить его гнев против восточных христиан — монофизитов и несториан [197, стр. 183—185; 162 а)], что было на руку персам, так как симпатии местного населения, после карательных экспедиций из Константинополя, переходили на их сторону. Таким образом персы продвинулись до берегов Средиземного моря.

Самое страшное произошло в 615 г. в Иерусалиме, где после капитуляции города персы взяли в плен от 62 до 67 тыс. человек [197, стр.20]. Не имея возможности перегнать живой товар через Сирийскую пустыню без больших по-

¹ Описание быта этой ветви евреев см.: *Гаркави А.Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874. Стр.17; Кембриджский аноним считает их евреями колена Симона, забывшими веру предков; см.: 155, стр.25.

терь, персидские воины охотно распродавали рабов и рабынь. «Иудеи же, из-за своей вражды, покупали их по дешевой цене и убивали их» [Там же, стр.263], — пишет в 1234 г. Сирийский аноним, т.е. человек, не имеющий личной **заинтересованности**, а следовательно, и пристрастия. Там же он сообщает, что иудеи «были уведены из Иерусалима», т.е. просто вернулись на родину предков, в Месопотамию. Здесь они уже после заключения мира в 629 г. убедили персидский гарнизон оборонять от греков Эдессу, которая должна была быть возвращена Византии по условиям мирного договора. При этом они обеспечили себе безнаказанность, послав к императору Ираклию парламентаря, который вымолил своим соплеменникам прощение, а персидские воины погибли от рук византийцев [197, стр.270].

Византийское правительство то ли не видело, то ли не хотело видеть реального соотношения сил. Ираклий мечтал о воссоединении монофизитства с православием. Для этого он предложил компромисс — доктрину монофелитства, согласно которой у воплощенного Слова два тела — божественное и человеческое — и одна воля — божественная. Эту доктрину не приняли ни греки, ни сирийцы с египтянами, ни персидские несториане, ни папа. Сторонников это учение обрело только в горах Ливана, но и там их было очень мало, так как горцы Ливана, равно недоброжелательно относившиеся и к грекам, и к сирийцам, были реликтовым этносом.

На этом фоне общего отчуждения Ираклий сохранил свои симпатии к евреям и даже очень их выручил [232, стр.276]. Западные евреи, проникшие на берега Рейна в римскую эпоху, сильно пострадали от вторжений германцев в V в., но на берегах Роны и Гаронны они жили спокойно и богато. **Меровинги** относились к евреям без симпатии, и в 629 г. король Дагоберт решил изгнать их из своих владений. Но император Ираклий вмешался, и изгнание не состоялось [Там же, стр.241—243].

Чем руководствовался Ираклий — непонятно. Может быть, он обратил внимание на то, что в Аравии уже начались кровавые столкновения между еврейскими община-

ми и сторонниками нового пророка — Мухаммеда, а может быть, были мотивы, нам не известные. Однако в любом случае сделка проходила за счет христианских народов Ближнего Востока, причем проиграть могли либо греки, либо персы, а евреи только выигрывали.

Столь откровенная изменническая позиция вызвала озлобление против евреев сирийских и аравийских семитов, почему это трудно назвать антисемитизмом, Результатом была договоренность, достигнутая в 637 г. между епископом Софронием и халифом Омаром. Епископ сдал халифу Иерусалим, с тем «чтобы евреи не жили в Иерусалиме» [197, стр.285], после чего Омар велел построить на месте Соломонова храма мечеть.

У арабов VII в.

С мусульманами иудеи не ладили куда категоричнее, чем с христианами. Первые конфликты произошли еще в Медине, с самим пророком. Побежденные в уличных схватках иудеи покинули Аравию и поселились в Палестине, у Генисаретского озера, поскольку эта страна находилась тогда под властью персов. Потом некоторые из них ушли в Иран вместе с отступавшими персами, страшась возмездия сирийских христиан. Однако к 650 г. те и другие попали под арабское иго. Персы перенесли это довольно легко, так как приняли ислам, но евреям вероотступничество было противно. Они нашли другой выход — шиизм как способ раздробления мусульманской общины¹.

Некий Абдулла ибн-Саба, иудей, перешедший в ислам, выдвинул в 653 г. учение, на первый взгляд правомерное, что перед концом света пророк Мухаммед вернется в мир, а пока его должен замещать тот, кто при жизни был его помощником, т.е. Али и его потомки. Здесь таилось зерно не только тогдашнего раздора — претензии Али на престол, но и позднейшего шиизма [188, т.I, стр.332], прививавшегося у персов лучше, чем у арабов. Так была создана идеологическая основа гражданских войн, вызвавших относительно быстрое распадение халифата.

¹ Ши'ат Алий — партия Алия, или «пристрастные».

Нет, мы не будем здесь излагать историю многих восстаний и подавлений, убийств и предательств, игры ума и безумия страстей человеческих; жертвами этой войны стали Али (зарезан в 661 г.) и его сын Хуссейн (пал в бою в 680 г.), покинутые друзьями и сподвижниками. Однако те, «раскаявшись», снова восстали и снова были разбиты в 690 г., вслед за чем последовали очередные экзекуции.

Вот тогда и покинули злосчастную Персию евреи. Они прожили в этой стране 1200 лет, пользуясь покровительством законов и сочувственной поддержкой венценосцев. Но когда законы Ирана заменил шариат, а шахов — назначенные эмиры (уполномоченные), евреи вновь обратились к поискам «земли обетованной». Сами они представляли себе эту миграцию так: «И было в лето 4450 (т.е. в 690 г.), и усилилась борьба между исмаильтянами и персами в ту пору, и были поражены персы ими (арабами), и пали они под их ноги, и спаслись бегством многочисленные евреи из страны Парас, как от меча, и двигались они от племени к племени, от государства к другому народу и прибыли в страну Русию и землю Ашкеназ и Швецию и нашли там много евреев...» (33, стр. 78—79)¹.

Этот текст показывает многое. Страна Русия уже была в VII в.; в Германии (Ашкеназ) и Швеции, еще языческой, есть еврейские колонии, а вот **Хазарии** в списке нет, хотя в 737 г. арабский завоеватель будто бы принудил «персов-огнепоклонников, хазар, поклонявшихся тельцу, и некоторых исполнявших закон Мусы» принять ислам². На самом деле это было только пожелание Мервана II, оставшееся без последствий. А в 690 г. хазары под предводительством тюркютов по происхождению, принцев царственного рода Ашина, ставших ханами Хазарии, громили Закавказье и удерживали до 693 г. Дербент. Как же евреи могли не заметить такую сильную державу? — Только не видя ее!

¹ Авторство текста приписано известному хронисту и врачу Иосифу б. Иегошуа **Га-Когену**, жившему в XVI в., но имевшему в своем распоряжении более ранние рукописи.

² И. Берлин полагает, что именно это событие заставило евреев покинуть Хазарию и перебраться на Запад (см.: 33, стр. 79).

Значит, путь еврейских эмигрантов из Ирана пролегал не через северокавказские степи, в те годы обгаренные болгарской и аланской кровью, а только через Малую Азию и Черное море к устью Днепра и в Россию, а оттуда — в земли, где уже были колонии западной ветви евреев, оставшихся в Европе после распада Римской империи.

Но если так, то кто в **Хазарии** «исполнял закон Мусы»? Очевидно, те евреи, которые бежали на Кавказ вместе с маздакитами. Они в 690 г. очень хорошо помнили кровавые столкновения внутри еврейской общины Ирана, с полным на то основанием опасались своих соплеменников и отказали им в убежище. Зато их потомки в VIII в. поступили по-иному, хак как маздакитская трагедия была забыта потомками ее участников.

У хазар в VIII в.

Итак, сирийские Омейяды оказались врагами обеих ветвей иудеев: маздакитской и ортодоксальной. Первые были союзниками хазар, вторые обрели убежище среди христиан. Такая расстановка сил дает право заключить, что во время сражения за Константинополь в 717—718 гг., когда Лев Исавр сжег арабскую эскадру «греческим огнем» и отбросил изнуренную голодом сухопутную армию от стен столицы, евреи сражались на стороне христиан.

Силы арабов были скованы на всех фронтах. В Испании в 718 г. непокорившиеся христиане образовали королевство Астурию. В Средней Азии тюргеши договорились с Китаем, заключили мир с Тибетом, союзником халифата, и поддержали восстание согдийцев, только что завоеванных, но не смирившихся. Хазары же принудили арабскую армию к отступлению и перенесли военные действия сначала в Азербайджан, потом в Армению (721—722 гг.), им помогли уцелевшие огнепоклонники-персы и поклонники Мусы — евреи. Вождь евреев, носивший тюркское имя Булан (Лось), отличился в этом походе, вследствие чего повел себя самостоятельно: он восстановил еврейские обряды для своего народа¹.

¹ Основания для датировки, которые привел М.И. Артамонов, противоречивы. В описании набега хазар на Закавказье вод предводительств-

«Обращения хазар» в иудаизм не было, да и быть не могло, так как в средние века прозелитические религии — христианство и ислам — резко противопоставлялись древним религиям, где к исполнению культа допускались только члены рода, даже в том случае, если род вырос в этнос. Персом-огнепоклонником или индусом — членом высшей касты надо было родиться, но нельзя было стать. Если же возникала необходимость принять в свою среду чужого или приобщить к себе иное племя, то выдумывались фальшивые генеалогии, чтобы оправдать нарушение принципа. Так, шах Иездегерд, решив увеличить конное войско, предложил армянским нахрамам стать зороастрийцами на том основании, что эти знатные люди вели происхождение от парфян — Аршакидов. Когда же те отказались отречься от христианства, дело заглохло.

Иудаизм — это культ народа, «избранного Яхве», и потому редкие новообращенные считались «проказой Израиля». Евреи мирно соседствовали с хазарами, ходили вместе в походы, но молились отдельно, справедливо полагая, что для хороших отношений с соседями нет необходимости делать их похожими на себя или, наоборот, лицемерно подделываться под них. Даже забыв большую часть сложных предписаний Талмуда, что было неизбежно для пастушеского племени, где юношам негде и некогда учиться даже просто грамоте, потомки евреев-маздакитов не растворялись в среде окружавших их племен Дагестана. Они к этому не стремились, да и те бы их в свою среду не приняли. Заслуга Булана была в другом:

вом Булана упомянуты путь в Д-р алам, «под которым видят Дарьял», и город **Ард-вил**, т.е. **Ардебиль** (История хазар. Стр.269). М.И. Артамонов сопоставил этот набег с вторжением хазар в Азербайджан в 731 г., когда хазары, после некоторых успехов, были разбиты арабами. Это не соответствует рассказу об удаче Булана. Затем арабы захватили у хазар «знамя в виде медного изображения» (Там же, стр.215), чего не могло быть у иудеев. Наконец, предводителем хазар был сын кагана — **Барджиль**, а отнюдь не иудей, как и мать его — ханша Парсбит («тигриная морда» — см.: Древнетюркский словарь. Л., 1969). Видимо, следует предпочесть более раннюю дату — 718 г., что не противоречит известным и установленным фактам. Равно и путь Булана истолкован неточно. Дар алам — буквально «врата мира» (перс.-араб.) — это не Дарьял, а Дербент — буквально «запертая дверь» (перс.). В 718 г. эта крепость была освобождена хазарами от арабов.

он удалил из своей страны **идолослужителей** и убедил других князей и верховного князя евреев восстановить забытую веру; он соорудил шатер, ковчег, светильник, стол-жертвенник и священные сосуды [18, стр.269], т.е. восстановил еврейские обряды для своего народа. В сочинении Иехуды б. Барзилая, еврейского автора XI в., это сообщение переведено так: «Хазары стали прозелитами и имели царей прозелитов (иудаизма)» [264]. Однако С. Шишман указывает, что слово *гег* в Библии означает чужеземца, инкорпорированного другим народом и получившего права члена племени, которое его приютило [269, стр.327]. Значение «прозелит» это слово приобрело позже. Судя по общему ходу событий, древнее значение в данном случае предпочтительнее, ибо Булан принял не раввинизм, а караизм [268, стр.68 — 76].

И пусть не смущает читателя, что евреи, жившие в Хазарии, именуются хазарами. Это обычное для этнонимов обобщение, когда субэтнос на чужбине принимает название этноса. Так, бретонец в России назовет себя французом, а карел во Франции — русским. Для иноземцев хазары — это люди, живущие в **Хазарии** и подчиняющиеся власти Хазарского каганата. Но для самих обитателей страны, а равно и для ее исторической судьбы различия на субэтническом уровне заметны. Иногда они не имеют большого значения, но при некоторых обстоятельствах их роль возрастает. Так произошло в Хазарии во второй половине VIII в., когда туда стали приезжать еврей-раввинисты из Византии.

У греков в VIII в.

В 723 г. император Лев III Исавр издал указ о насильственном крещении всех евреев, находящихся в пределах Византийской империи¹. Этот указ был издан после победы над арабами и за год до начала борьбы против почитания икон. Зачем ему это понадобилось?

Ответа на этот вопрос в источниках нет, значит, следует искать смысл указа исходя из общей ситуации. Мало-

¹ Об этом указе упоминают хронографы Феофан (ed. Bonnae, I, 617) и Кедрен (ed. Bonnae, I, 793); см.: 33, стр.76.

азийские христиане, а также монофизиты и несториане были противниками иконопочитания и врагами арабов. Не хотел ли Лев Исавр увеличить число своих сторонников, зачислив иудеев в число христиан, дабы дать им право участвовать в будущей реформе? Это, пожалуй, наиболее вероятное толкование, так как последующие гонения обрушились не на иудеев, оставшихся в своей вере, а на православных. И наоборот, один из чиновников халифа, Иоанн Дамаскин-Мансур, писал обличение иконоборцев под покровительством Омейяда Хишама.

Считается, что этот указ вызвал эмиграцию евреев из Византии в Хазарию, но неизвестно, был ли он приведен в исполнение. Даже если так, то эмиграция шла в Хазарию, в то время союзницу Византии. И поскольку инициативу войны с арабами перехватил Булан, не исключено, что Лев Исавр создал условия для переброски боеспособного этноса на тот участок фронта, где он был необходим. Примерно так поступило византийское правительство с горцами Ливана — мардаитами: их вывели из Сирии и поместили в гарнизонах Малой Азии, чтобы использовать их опыт борьбы с мусульманами.

Реформа Булана имела еще то значение, что она порвала связи с маздакитскими традициями. Идеиные связи вольнодумных членов иудейской общины с группой вольнодумных персов оказались призрачными. Как только жизнь поставила иные проблемы, химера распалась. То, что для персов-маздакитов было органической частью сложившегося мироощущения, евреи сбросили как отсохшую шелуху. Впоследствии маздакиты, точнее, хуррамиты пытались блокироваться с христианами-иконоборцами¹, ибо в смертельной борьбе (815—837 гг.) с арабами и персами-мусульманами хазарские евреи не помогли своим бывшим соратникам и единомышленникам.

Зато внутриэтнические связи от идейных разногласий не пострадали. Наоборот, эмиграция византийских евреев в Хазарию была облегчена тем, что беглецов встречали

¹ Бабек, вождь хуррамитов, завязал союз с императором Феофилом около 830 г. (см.: 188, стр.199). Но попытка объединить маздакизм с иконоборческим православием, предпринятая тогда же, успеха не имела.

единоверцы и помогали им устроиться. А так как еврей-раввинисты VII—VIII вв. были горожане, то они и селились в городах: Итиле, Семендере, Самкерце, Беленджере — и занимались в них торговлей, к чему сами хазары способностей не проявляли.

Разные межэтнические коллизии дают в этнической истории разные результаты. Тюркюты, объединившись с хазарами, повели их к победам и подарили им гегемонию над соседними этносами. Булан, около 718 г. принявший имя «Сабриэль», в 737 г. был наголову разбит последним великим Омейядом — Мерваном, который взял с хазар обещание принять веру ислама. Хазары, конечно, обещания не сдержали, тем более что уже в 750 г. Мерван был разбит Аббасидами и погиб. В Хазарии все осталось по-прежнему, за исключением того, что столицу перенесли с Терека, из Семендера, подальше от арабов, на Волгу, в Итиль. Издавна хазары жили в низовьях Волги, в дельте и пойме ее. Они занимались не столько скотоводством, сколько виноградарством и рыбной ловлей. Прекрасные голубые протоки среди зелёных лугов и густых зарослей кормили многочисленное население и столицу Итиль, расположенную на острове, образуемом Волгой и ее восточным протоком Ахтубой. Имея роскошную экономическую базу, хазары господствовали над редким населением сухих степей, окружавших их оазис, простиравшийся в то время почти до полуострова Бузачи. Это были «прикаспийские Нидерланды», причем сходство дополнялось тем, что Итиль стал перевалочным пунктом на двух караванных путях: из Ирана в Биармию или Великую Пермь, и из Китая в Прованс.

В IX—X вв. в Итиле жили и играли главную роль евреи, но когда они туда попали? Очевидно, надо проследить историю Византии дальше.

Следующее свидетельство о разрыве между Византией и еврейской диаспорой недвусмысленно, а дата его примечательна, так как на фоне мировой истории оно наиболее весомо: «Владелец Константинополя во время Харуна ар-Рашида (786—809) изгнал из своих владений всех живущих там евреев, которые вследствие сего отправились в страну хазар, где они нашли людей разумных, но погру-

женных в заблуждение (язычников. — *Л.Г.*); посему евреи предложили им свою религию, которую хазары нашли лучшей, чем их прежняя, и приняли ее». Этот текст, во-первых, подтверждает нашу догадку, что императоры-иконоборцы гонений на евреев не осуществляли, иначе было бы некого изгонять, а во-вторых, что эти гонения совпали с седьмым Вселенским собором (787) и последующим преобладанием греков над малоазиатами и примыкавшими к последним евреями. Согласно логике событий именно в последние годы VIII в. у греков появился смысл в том, чтобы стремиться избавиться от евреев, так как антипатия последних к арабам сменилась симпатией после того как престол халифа перешел от Омейядов к Аббасидам, окруженным персидскими советниками и возобновившим традиции политики Сасанидского Ирана.

В истории повторение политической ситуации чаще всего влечет за собой восстановление расстановки сил, хотя буквальных совпадений не бывает никогда. За 250 лет самостоятельного существования Хазария выросла настолько, что из крошечного удела западно-тюркютских царевичей превратилась в сильную державу, выигравшую войну у Арабского халифата. И тут-то сплелись судьбы еврейского и хазарского этносов.

Рахдониты

В середине VIII в. на всем пространстве евразийского континента призошедшие события изменили мир таким образом, который никто не мог бы предугадать. Деморализованная франкская держава была зажата в стальной обруч Карлом Мартеллом, сын которого Пипин Короткий лишил престола «ленивых королей» династии Меровингов в 751 г.

В этом же году арабы встретились с китайцами в долине реки Талас и разбили их наголову. Две другие китайские армии: одна в Маньчжурии, другая в Юньнани, были разбиты ополчениями местных племен и мечта о гегемонии Китая над Азией, бывшая руководящей идеей политики империи Тан, испарилась.

За шесть лет перед этим, в 745 г., пал второй тюркютский каганат и его богатыри погибли в боях или были убиты во время бегства. На его месте возник уйгурский каганат, отнюдь не агрессивный и открытый культурным влияниям Ирана, но не Китая.

Но самым большим сдвигом было воцарение Аббасидов в Багдаде и начавшийся развал халифата, ибо это открыло дороги с Запада на Восток тем предприимчивым купцам, которые эти дороги изучали. Дорога по-персидски — *rah*; корень глагола знать — *don*; знающие дороги — *рахдониты*. Так называли еврейских купцов, захвативших в свои руки монополию караванной торговли между Китаем и Европой.

Торговля была баснословно выгодна, потому что торговали не товарами широкого потребления, нужными для населения, а предметами роскоши. В переводе на понятия XX в. эта торговля соответствовала валютным операциям и перепродаже наркотиков. Только подобные сверхприбыли покрывали расходы на перевозку и содержание в порядке трассы, на которой сооружались купола над источниками и прудами, ставились вешки, указывающие направление дороги, строились караван-сарай для ночевки или дневок в особо жаркие дни.

От Красного моря до Китая было около 200 дневных переходов, а вокруг северного берега Каспия еще больше. Но и северным путем пользовались, так как в Аббасидском халифате восстания были делом заурядным, а хазары строго следили за безопасностью на степных дорогах. Поэтому значение Итиля как перевалочного пункта на долгом пути, росло. Отдохнуть на Волге было не только удобно, но и приятно.

То, что путешествующие евреи VIII в. названы персидским словом *рахдониты*, показывает, что основу этой торговой компании составили выходцы из вавилонской, т.е. иранской общины, бежавшие от халифа Абд ал-Мелика в 690 г. В 723 г. к ним добавились евреи из Византии, но до тех пор, пока на границах Согда и Халифата, Китая и Тюркютского каганата шли постоянные войны, торговля встречала препятствия. Когда же эти войны прекратились, а Китай, после восстания Ань Лушаня (756—763),

лежал в развалинах и продавал шелк дешево, евреи-рахдониты развернулись. Они основали не только восточный путь, по которому шел шелк в обмен на золото, но и северный — из Ирана на Каму, по которому текли меха в обмен на серебро. Хазария лежала как раз на перекрестке этих путей. Сюда и устремились эмигранты из Ирана и Византии.

Тюркютские ханы из династии Ашина по свойственной степнякам религиозной терпимости и благодушию считали, что их держава приобретает работающих и интеллигентных подданных, которых легко использовать для дипломатических и экономических поручений. Богатые евреи подносили хазарским ханам и бекам роскошные подарки, а красавицы еврейки пополнили ханские гаремы. Так сложилась еврейско-хазарская химера.

Для евреев-рахдонитов было, вероятно, досадно лишь то, что попытка Булана добиться гегемонии в политической жизни Хазарии разбилась об арабское мужество, и военная власть осталась в руках тюрко-хазарской знати, ладить с которой было не всегда легко.

Описанный процесс занял вторую половину VIII в. За это время хазары перенесли военные действия против арабов в Закавказье и в отместку за разрушение Семендера и Беленджера опустошили Азербайджан. Об участии в этих операциях евреев, как старых, соратников Булана, так и новых — рахдонитов, сведений нет.

Не преуспев в военном деле, хазарские евреи навёрстали потери любовью. В конце VIII в. между Тереком и Волгой появилось множество детей от смешанных еврейско-хазарских браков. Однако судьба их была различна в зависимости от того, кто был отцом ребенка, а кто матерью. И вот почему.

Все евразийские племена считали ребенка членом рода отца. Законнорожденный ребенок имел долю в родовом имуществе, право на защиту, взаимопомощь и участие в родовых культах. Род был элементом этноса и культуры; следовательно, членство в роде определяло этническую принадлежность; происхождение матери в расчет не принималось.

У евреев этническая принадлежность совпадала с принадлежностью к общине. Право быть членом общины, а следовательно евреем, определялось происхождением от еврейки. Во II в. до н.э. это правило дало возможность включить в состав евреев родственные семитские племена, например, идумеев, амалекитян, моавитян, но в средние века оно вело к изоляции еврейских этносов, особенно в странах Европы и Евразии, где браки с еврейками возбранялись христианской и мусульманской религиями. В Хазарии таких ограничений не было.

Получалось, что сын хазарина и еврейки имел все права отца и возможности матери. Т.е. его обучали еврейские раввины, община помогала ему делать карьеру или участвовать в торговле, род отца защищал его от врагов и страховал в случае несчастий от бедности. А сын еврея и хазарки был всем чужой. Он не имел прав на наследование доли отца в родовом имуществе, не мог обучаться Талмуду в духовной еврейской школе, не получал поддержки ни у кого, кроме своих родителей, да и та была ограничена родовыми обычаями и религиозными еврейскими законами. Этим беднякам не было места в жизни. Поэтому они ютились на окраине Хазарии — в Крыму, и исповедовали караизм, не требовавший изучения Талмуда, а читать Пятикнижие их могли научить любящие, но бессильные против велений закона, отцы. Их потомки составили крошечный этнос крымских караимов, антропологические черты коих совмещают тюркский и ближневосточный типы [4, стр.184—285; ср. поправку интерпретации: 108]. Симпатии их были обращены к аборигенам: хазарам, болгарам, готам, аланам, а не к их двоюродным **братьям**, делавшим в богатом Итиле «карьеру и фортуну».

Иудейская община в Итиле не только накопила огромные богатства, но и включила в свой состав ханов тюркской династии Ашина. Тюрки сохранили обычай многоженства, женились на прекрасных еврейках, а дети их, оставаясь царевичами, становились членами иудейской общины. Они изучали Тору и Талмуд, общались с родственниками своих матерей и женились по их совету на соплеменницах из числа богатых невест. Так постепенно

произошло разделение хазарской знати и народа, тихо жившего в роскошном оазисе дельты Волги, не принимая участия в делах государства, которые перестали его касаться. Но оставалась старая племенная аристократия; с ней дело обстояло сложнее. Решение проблемы пришло **только** в IX в.

Можно было бы отметить, что для персистентного этноса хазар тюркские беги и тарханы были столь же чужды, как и иудейские купцы. Действительно, хазары получили от династии Ашина только одно благо — защиту от внешних врагов и безопасность, а это быстро забывается, так как становится привычным. Поэтому социальный момент — нелюбовь народа к аристократии, даже не своей, а пришедшей, имела место в хазарском обществе. Евреи же были вне этого антагонизма, потому что они жили замкнутыми колониями и с местными жителями общались мало.

Однако характер тюрко-хазарских и иудео-хазарских взаимоотношений был диаметрально противоположен. Тюрки награждали хазарок детьми, которые вырастали хазарами с повышенной пассионарностью. Евреи извлекали из хазарского этноса детей, либо как полноценных евреев (мать еврейка), либо как бастардов (отец еврей), чем оскудняли этническую систему, а тем самым вели ее к упрощению. При непосредственном наблюдении казалось, что здесь просто цепь случайностей, но на самом деле это был направленный процесс, который за 80 лет (считая от Булана) дал весьма ощутимые результаты: в стране появилась популяция людей, говоривших по-хазарски, имевших родственников из числа хазар и тюрков, адаптированных в ландшафте, но не бывших хазарами по этносу и культуре. Для иностранцев, писавших о **Хазарии** по внешним беглым впечатлениям, казалось, что эти люди — хазары иудейского вероисповедания, но ни евреи, ни настоящие хазары не заблуждались ни на минуту. Если в отношении хазар доказательства не требуются, то средневековые евреи зафиксировали, что считают своих хазарских единоверцев потомками колена Симонова и полуколена Манасиева, обитающими «в стране Козраим, в далеке от Иерусалима... Они бесчисленны и забирают они

дань от 25 государств, и со стороны исмаильтян платят им дань по причине внушаемого ими страха и храбрости их» [33, стр. 84].

Приведенный текст характеризует ситуацию не VIII в., а IX—X вв., причем весьма точно. В первое десятилетие IX в. произошли события, когда сочетание двух суперэтносов преобразило зону этнического контакта в социально-культурную, а не только этническую химеру.

И грянул гром...

В то десятилетие, когда патриций Никифор взошел на престол в Константинополе (31.X.802), а халиф Харун ар-Рашид казнил своих лучших помощников и верных друзей — Бармекидов (27.I.803), в Хазарском каганате некий влиятельный иудей Обадия взял власть в свои руки, превратил хана из династии **Ашина** (по отцу) в марионетку и сделал **раввинистский** иудаизм государственной религией **Хазарии**.

Обстоятельства, при которых произошел этот не столь религиозный, сколь государственный переворот, прикрыты множеством легенд¹, которые все без исключения представляются вымышленными с одной целью — утаить от народа и истории истинное положение дел. Неизвестно даже, кем был Обадия. Видимо, он не принадлежал к числу местных евреев, потомков соратников Маздака, безграмотных и храбрых воинов — караимов, вроде Булана. Об Обадии сказано: «Он был человек праведный и справедливый. Он поправил (обновил) царство и укрепил собрания (синагоги) и дома ученых (школы) и собрал множество мудрецов израильских, дав им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги (священного писания) Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, принятых у хаззанов. Он боялся Бога и любил закон и заповеди» [155, стр.80, 97]. Уже из этого одного видно, что Обадия не был ни караимом, ни хазарином².

¹ Критический разбор версий «обращения» хазар см.: *Артамонов М.И.* История хазар. Стр.268—273.

² Предположение М.И. Артамонова о принадлежности Обадии к хазарской знати иудейского исповедания находится в противоречии со

Нет, эта характеристика показывает, что Обадия был человек интеллигентный и имевший связи в еврейской диаспоре. Для «мудрецов израильских» он не пожалел хазарского «серебра и золота», чтобы только эти мудрецы согласились пожаловать в Итиль. А если сопоставить с этим фактом общеизвестное обстоятельство, что для политического переворота нужны деньги и организация, то видно, с какими кругами был связан Обадия. От смены власти выиграли не хазары и не хазарские евреи, а приезжие иудеи и еврейская община в целом. А коль скоро так, то, значит, они и организовали переворот, сохранив при этом легитимный принцип. Законный хан из рода Ашина стал иудеем, т.е. принял веру своей матери и был принят в общину. Все государственные должности были распределены между евреями, причем сам Обадия принял титул «пех» (бек), переведенное на арабский язык как «малик», т.е. царь. Это значит, что он возглавил правительство при номинальном хане (кагане), находившемся с этого времени под стражей и выпускаемом напоказ народу раз в год. А для народа хазарского значение переворота определил царь Иосиф, глава иудейской общины Итиля, написав: «И с того дня, как наши предки вступили под покров Шехины (присутствие божества)¹, он подчинил нам всех наших врагов и ниспроверг все народы и племена, жившие вокруг нас, так что никто до настоящего дня (около 960 г. — Л.Г.) не устоял перед нами. Все они служат и платят нам дань — цари Эдома (язычники) и цари исмаильтян (мусульмане)» [155, стр.80, 97]. Да, дело было выгодное.

А теперь отвлечемся на минуту от описания хода истории, чтобы попытаться понять ее смысл. Переворот Обадии — явление отнюдь не заурядное, более того — исключительное. Оно не укладывается в обычную зако-

всеми фактами, приведенными самим же М.И. Артамоновым (см.: 18, стр.280 и след.)

¹ Философская интерпретация термина восходит к Филону Александрийскому. В Талмуде Шехина отождествляется с божеством. Одета в темные одежды, она бродит по земле, оплакивая Иерусалимский храм и горе своих детей, рассеянных среди народов. Иосиф имел в виду скорее мифологическое, нежели философское значение слова «Шехина».

номерность этногенеза, ни тюрко-хазарского, ни еврейского. Тюрко-хазары находились в конце инерционной фазы хунно-сяньбийского степного суперэтнуса, вобравшего в себя угров, хионитов, динлинов, куманов и выработавшего определенный стереотип поведения и мировоззрение, т.е. культуру. Евреи были моложе. Они только что миновали фазу надлома и раскола этнического «поля». Будучи ровесниками византийцев и славяно-русов, евреи отличались от них тем, что освоили не природный, а антропогенный ландшафт — города от Чаньани до Тулузы и караванные пути. Неизбежная взаимосвязь ландшафта с этносом чуть-чуть деформировалась, и этого оказалось достаточно, чтобы этническая система превратилась в жесткую, точнее — полужесткую. Это означало, что этнос превратился в общественный слой, без чего были бы немыслимы и переворот Обадии, и последующее процветание Иудео-Хазарии.

Однако жесткие системы автоматически исключаются из природного саморазвития. Их активность растет за счет постоянных встреч с окружением, и она даже больше, чем у природных этносов, но «возраста» такие системы не имеют. Поэтому появление их среди природных (натуральных) этногенезов деформирует или, точнее, искажает обычный ход этногенезов региона, т.е. создает «зигзаги», не предусмотренные ни природой, ни наукой. Но это делает проблему заслуживающей особого внимания.

Не следует полагать, что соиздание химер — явление исключительное и что евреи здесь сыграли уникальную роль. Нет, аналогичные последствия возникают всюду, где возникают неорганичные контакты на суперэтническом уровне. Так, в III в. до н.э. потомки диадохов и эпигонов осели в городах Бактрии и Сирии, а наследники героев Турана — парфяне — стали господствующим классом в растерзанном Иране.

И македонские династы — Птолемеи и Селевкиды, и парфянские шахи — Аршакиды — в течение трех веков оставались для своих подданных чужаками. Антипатия к македонянам затем распространилась на римлян. Поэтому до пассионарного взрыва I—II вв. население Сирии и Египта было этнической химерой. Можно было бы привес-

ти еще несколько столь же ярких примеров, но некогда... Нам надо вернуться на Нижнюю Волгу.

Расправа

Обращать в иудаизм население **Хазарии** никто и не собирался. Иудейские мудрецы хранили завет Иеговы для избранного народа, которому теперь достались все накопленные блага, связанные с руководящими должностями.

Переворот, жертвой которого стала родовая аристократия всех этносов, входивших в Хазарский каганат и уживавшихся с тюркской династией, вызвал гражданскую войну, где на стороне повстанцев выступили мадьяры, а на стороне иудеев — нанятые за деньги печенег. Сведения об этой войне между народом и правительством содержатся у Константина Багрянородного: «Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая власть одержала верх, и одни из них (восставших) были перебиты, другие убежали и поселились с турками (здесь — венграми. — *Л.Г.*) в (нынешней) печенежской земле (в низовьях Днепра. — *Л.Г.*), заключили взаимную дружбу и получили название кабаров»¹.

Эта война была беспощадной, так как, согласно вавилонскому Талмуду, «неиудей, делающий зло иудею, причиняет его самому Господу и, совершая таким образом оскорбление Величества, заслуживает смерти» (из трактата «Санхедрин», без указания листа и колонки).

Для раннего средневековья тотальная война была непривычным новшеством. Полагалось, сломив сопротивление противника, обложить побежденных налогом и повинностями, часто военной службой во вспомогательных частях. Но поголовное истребление всех людей, находившихся по ту сторону фронта, было отголоском глубокой древности. Например, при завоевании Ханаана Иисусом Навином запрещалось брать в плен женщин и детей и оставлять им тем самым жизнь. Даже предписывалось

¹ Цит. по: *Артамонов М.И.* История хазар. Стр.324, так как здесь приведен сравнительный анализ смысловых оттенков трех параллельных переводов.

убивать домашних животных, принадлежавших противнику. Обадия возродил забытую древность.

После этой войны, начало и конец которой не поддаются точной датировке, Хазария изменила свой облик. Из системной целостности она превратилась в противоестественное сочетание аморфной массы подданных с господствующим классом, чуждым народу по крови и религии. Называть сложившуюся ситуацию феодализмом нет оснований. Да и может ли этносоциальная химера принадлежать к какой-либо формации? А то, что Обадия выступал как представитель хазарского правительства, отнюдь не говорит о том, что его волновала судьба народа и государства. Просто он использовал право на дезинформацию, что, впрочем, предписывалось его религией, по отношению к которой он был честен.

Иудеям, видимо, весьма помог принцип легитимизма. Их власть названа «первой», а следовательно, она считалась законной, как в случае с Маздаком. Так или иначе в 20-х годах IX в. новый порядок в **Хазарии** одержал полную победу, с небольшими утратами территорий, подчинявшихся языческому каганам.

Крымская Готия — православная страна — отпала от Хазарии и присоединилась к Византии. Сильно пострадали хазарские мусульмане, которым не мог подать помощи багдадский халиф, так как его силы были скованы восстанием Бабека, т.е. **хуррамитов**, последних маздакитов. Хазарские иудеи покинули своих былых союзников в беде, но благодаря этому установили дипломатический контакт с Багдадским халифатом, чем обеспечили себе сверхвыгодную торговлю на берегах Каспийского моря.

Решающее слово в этой беспощадной войне должно было сказать собственно хазарское население долин Терека, Дона и Волжской дельты, но оно промолчало. Инертность персистентного этноса обрекла на гибель его беков, **тарханов** и эльтеберов и на поражение его союзников — мадьяр, бежавших за Днепр, в страну Леведию [18, стр.341]. Там, по соседству с другим каганатом, языческим и могучим, беглецы обрели некоторую безопасность. Зато иудеи построили в 834 г. крепость Саркел для защиты от западных врагов, которыми были не только степные

мадьяры, но и Русский каганат в Киеве [110]. Гарнизон крепости состоял из печенегов или, может быть, гузов [18, стр.328].

Пассивность хазар спасла их от жестоких экзекуций, но больно отозвалась на судьбе их детей и внуков. В VIII в. ханы **Ашина** руководствовались в политике, внешней и внутренней, интересами своих подданных. Еврейские цари таких целей себе не ставили. Они подавляли внутренних врагов иудаизма, а не **Хазарии**. Ликвидировав церковную организацию хазарских христиан, они запретили ее восстанавливать. В 854 г. хазары-мусульмане были вынуждены эмигрировать в Закавказье [18, стр.329].

Увеличение числа подданных, плательщиков дани, было в интересах нового правительства. Поэтому во второй половине IX в. западной границей Хазарии стал Днепр. Славянские племена — северяне, вятичи и радимичи — стали хазарскими данниками; тиверцы и уличи, обитавшие в низовьях Буга и Днестра до устьев Дуная, видимо, были союзниками хазарского царя в непрекращавшейся войне с мадьярами; это видно из того, что, по летописи, Олег без боя подчинил себе северян и радимичей в 884—885 гг., а «с уличами и тиверцами воевал». А коль скоро так, то естественными союзниками уличей были хазары, как враги киевского князя. Но поляне, вопреки прямому показанию летописца, в IX в. дани хазарскому царю не платили [110]. В Киеве сидели русские каганы **Дир** и **Аскольд**, прямые потомки **Кия**, а вовсе не сбежавшие от **Рюрика** конунги [37, стр.172]. В этом случае, как и в большинстве других случаев, данные исторического анализа предпочтительнее сведений из аутентичного источника.

Химера на Волге

Если Хазарию VIII в. можно было назвать этнической химерой, то в IX—X вв. она превратилась в химеру социально-политическую. Христиане не принимали участия в гражданской войне, избегали расправы и продолжали пользоваться покровительством заморских единоверцев. Но язычникам-аборигенам не на кого было надеяться.

Они, правда, умели ходить в походы под чужими знаменами, но новым правителям их помощь была не нужна

Боевую силу хазарские иудеи нанимали. Сначала они использовали печенегов против мадьяр, но во второй половине IX в. поссорились с ними и заключили союз с гузами. Около 889 г. гузы потеснили печенегов, и те передвинулись на берега Днепра, где продолжили войну с мадьярами, не забывая хазар. В 915 г. печенеги впервые появились на границе Руси, но об этом речь впереди. Гузы тоже недолго оставались в дружбе с хазарскими иудеями, и тем пришлось искать очередной источник военной силы. Он нашелся на юго-восточном берегу Каспия. Тамошние мусульмане охотно нанимались на службу в Хазарию, оговорив только, что их не пошлют воевать против мусульман. Постоянный корпус наемной гвардии в Итиле в X в. состоял из 7 тыс. воинов [181, стр.194]. Этого было довольно для удержания в покорности и окраин каганата, и собственного народа, и даже для внешних войн малого масштаба. Завоевательных войн в Закавказье иудейская Хазария в IX в. не вела, но, несмотря на это, описанная здесь система управления стоила дорого, куда дороже, чем тюркская. И за все приходилось платить самим хазарам, превратившимся в собственной стране в покоренных бесправных подданных правительства, чуждого им этнически, чуждого по религии и задачам.

Можно было бы возразить, что бюджет Хазарского каганата неизвестен. Так-то оно так, но известен бюджет Багдадского халифата, где в 869 г. на годовое жалованье и рационы 70 тыс. наемных тюрок и берберов [188, т.П, стр.213] шло 2 млн. золотых динариев, что равнялось двухлетней сумме хараджа¹ [Там же, стр.216]. Таковы были цены на воинов в IX в., а Хазария была меньше и беднее халифата.

Платя воинам большое жалованье, хазарское правительство предъявляло им оригинальное требование: войскам запрещалось терпеть поражение. Невыполнение боевого задания, т.е. бегство от противника, каралось смертью. Исключение делалось только для предводителя

¹ Харадж — государственный налог.

и его заместителя, которые были не наемники, а иудеи. Но зато подлежали конфискации их имущество, жены и дети, которых у них на глазах царь раздаривал своим приближенным. Если же у них не было смягчающих обстоятельств, то их тоже казнили [150, стр.147].

Очевидно, что воины, особенно рядовые, далеко не всегда могут быть виноваты в неудаче операции. Поэтому лишать их возможности доказать свою невиновность — несправедливо. Но если подойти к делу по-иному, то появится жесткая логика: воины не свои, им платят, и за эти деньги они предоставляют хозяевам свою жизнь; следовательно, хозяин может распорядиться запроданной жизнью как купленной вещью, а поскольку предложение превышало спрос, то практичнее было использовать «покупку» до предела, с максимальной выгодой для себя. Значит, мусульманские наемники рассматривались не как люди, точнее — не как личности, а только как капиталовложение, которое должно было принести прибыль. С точки зрения евразийских кочевников, славян, византийцев, арабов и даже германцев, такое отношение было недопустимо даже к боевым лошадям и охотничьим собакам. Тем не менее охотники зарабатывать находились, и иногда «хазарская» армия увеличивалась до 12 тыс. всадников. Ясно, что средства на оплату воинов правительство Хазарии получало не с рахдонитов, ехавших из Китая в Испанию и из Ирана в Великую Пермь. При увеличении пошлин купцы сменили бы маршруты караванов. Следовательно, расходы покрывались данью с «Эдома и исмаильтян», т.е. хазары оплачивали свое закабаление сами. Именно потому, что транзитная торговля была смыслом жизни для еврейской общины в Хазарии, а в соответствии с этим принципом мусульманские купцы и сопровождавшие их географы встречали в Итиле исключительно вежливое обращение, возникло одностороннее суждение, сформулированное в юношеской работе В.В. Григорьева: «Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную, цветущую торговлю и постоянное войско. Когда безначалие, фанатизм и глубокое невежество

оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду. Как яркий пример блистала она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов своего существования» [54, стр.66].

В самом деле, город Итиль поражал путешественников своими размерами. Расположенный на обоих берегах Ахтубы, Итиль раскинулся на 8—10 км вдоль левого берега и на прекрасном зеленом острове в пойме, где помещался дворец царя. Иудейское население города исчислялось в 4 тыс. мужей, а кроме того, там были хазары, исповедовавшие иудаизм, очевидно дети от смешанных браков. Прочие хазары были христианами, мусульманами или исповедовали веру отцов [127, стр.140—143].

Синагоги, мечети, церкви, огромные базары, полные дешевой баранины, разнообразной рыбы, прекрасных арбузов, детей обоих полов, продаваемых в рабство, корабли, спускающиеся по Волге, и караваны, подходящие к городу с востока и запада, — все это производило сильное впечатление на очевидцев, а их описания умиляли историков XIX в.

И тем не менее Истахри и Ибн-Хаукаль сообщают: «Хазары не производят ничего и не вывозят ничего, кроме рыбьего клея» [Там же, стр.141], но для народа такая торговля приносила мало дохода из-за поразительной дешевизны рыбы. Тяжелый труд хазарских рыбаков оплачивался минимально.

Веротерпимость Хазарского каганата была вынужденной, ибо обеспечивала доходы от транзитной торговли. Но как только кто-либо задевал интересы зарубежных иудейских общин, хазарский царь (не каган) отвечал репрессиями. В 922—923 гг. мусульмане разрушили синагогу в городе Дар-ал-Бабунадж¹. За это хазарский царь разрушил минарет в Итиле и казнил ни в чем не повинных муэдзинов, заявив: «Если бы я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы и мечеть» [127].

¹ Место этого города не установлено. См.: 127, стр.161.

Но мусульманские купцы покупали у него рабов — печенежских и славянских юношей, платили ему пошлины, переплачивали за продукты на базаре и служили посредниками при найме свирепых и хорошо обученных всадников и стрелков. Мир с ними был доходнее войны, даже победоносной.

Среди восторженных отзывов современников о хазарских порядках есть и охлаждающие пыл восторга. Хазары в апреле выезжали на свои поля и бахчи, а осенью привозили урожай в Итиль для уплаты налогов на содержание кагана, а следовательно, и его приближенных. Для них же ловили в Волге красную рыбу «вкуснее мяса жирного ягненка и мяса курицы». Перед начальниками хазары были обязаны падать ниц, а самое печальное, что дети хазар-идолопоклонников продавались на невольничьих базарах в странах ислама, причем ни иудеи, ни христиане не продавали в рабство своих единоверцев [127, стр.148]. Видимо, местное население Хазарии, лишенное даже той организации, которую дает конфессиональная община, было полностью беззащитно перед грозными сборщиками налогов, чужими по крови и религии.

Вот откуда добывались средства для оплаты хорезмийских и гурганских воинов, державших в подчинении тех, кто их кормил. А жили они в гостеприимном Итиле вместе с женами и детьми [Там же, стр.156].

Кроме мусульманской гвардии, номинально охранявшей кагана, царь-иудей имел 4 тыс. мужей [Там же, стр. 164] в своей свите. У тех были тоже жены и дети, которые рыбу не ловили и на полях, раскаленных летним солнцем, не работали.

Б.Н. Заходер считает, что «эксплуатируемое хазарское население находилось в значительно более тяжелом положении, чем крестьянство на мусульманском Востоке» [Там же, стр.144]. К тому же мусульманские крестьяне частыми возмущениями умеряли произвол чиновников, а в Хазарии не было ни одного мятежа! И отнюдь не потому, что хазары были так счастливы.

Хазар нельзя винить, так как их положение было не только тяжелым, но и безнадежным. Любое восстание их против правительства, располагавшего регулярной арми-

ей, было обречено. В протоках и зарослях дельты легко было прятаться от чужих, но не от своих, знающих расположение деревень и рыбных угодий. Потенциальные вожди хазар либо погибли в войне с Обадией, либо бежали к венграм. Как памятник безжалостной расправы правительства с собственными подданными стоят развалины хазарского замка на правом берегу Дона у станицы Цимлянской. Этот замок, по мнению первооткрывателя, был уничтожен за то, что его владелец принял участие в борьбе против иудаизации Хазарии [197 а), стр.63]. Репрессии итильского правительства против мятежников были в первой половине IX в. столь радикальны, что соотношение сил пришлого правительства и побежденного народа стало очевидным для тех и других.

Эта ситуация укрылась от поверхностных взоров арабских путешественников тем более легко, что дети от смешанных еврейско-хазарских браков и даже сами евреи в X в. стали называть себя хазарами. Потому-то арабские географы различали «черных» и «белых» хазар как два разных этноса, живущих совместно в одном государстве (см. выше). Поэтому-то и нужно ввести два термина: «иудео-хазары» и «тюрко-хазары».

Забегая вперед, скажем, что в XI в. потомки тюрко-хазар (аборигенов) отказались от своего этнического имени и стали называть себя сначала по-славянски бродниками, а потом по-тюркски казаками. Тогда этноним «хазар» сохранился за потомками евреев, но лишь до конца XI в., когда этнос исчез с исторической сцены.

Обычно памятники переживают людей. Однако от хазар-язычников остались лишь бедные погребения в дельте Волги, а от хазар-христиан и мусульман не осталось ничего. Это странно!

А где же искусство?

В самом деле, почему ничего не осталось от хазар, тогда как хуннские курганы полны шедевров [208 а)], тюркские и половецкие «каменные бабы» обнаружены в огромном числе, уйгурские фрески украшают галереи Эрмитажа и Берлинского музея, и даже от древних угров

сохранились барельефы с изображениями воинов и пленников¹? Хазарские сосуды лишены орнамента [71], обнаруженные крепости хазарского времени построены небрежно [34 а), стр. 12—13], а изображений людей вообще нет. Закономерно это или просто археологические поиски были неудачны?

Нет, археологи работали добросовестно. Но предметов изобразительного искусства из стойких материалов в Хазарии IX—X вв. не было, да и быть не могло, хотя хазары по способностям отнюдь не уступали своим степным и горным соседям. Ведь производить памятники культуры можно лишь тогда, когда есть заказчик, способный оплатить работу художника. В Хазарии могло платить правительство, а оно состояло из людей, принципиально отрицавших изобразительное искусство.

Древние евреи, современники Моисея, ценили изобразительное искусство не менее своих соседей. Они отливали золотого тельца (Аписа) или медного змея как образ божества, которому они хотели молиться. Моисей их жестоко карал за это, ибо на горе Синай ему было сказано: «Не делай богов литых» (Исход 34, 17). Его последователи поступали так же и наконец отучили иудеев изображать что-либо. Искусство у них сохранилось, ибо скинию, а потом храм надо было украшать, но оно стало беспредметным, перейдя к символам и геометрическим орнаментам. Короче говоря, древнее еврейское искусство стало прообразом абстракционизма.

Абстрактное искусство даже у самих евреев прививалось туго. Они нет-нет да и изображали Ваалов и Астарт и норовили поклоняться понятным и красивым образам божества. Но к началу новой эры вкус их установился. Любые картины и статуи их шокировали. Поэтому они своих художников не имели, а если те появлялись, то занимались только каллиграфией.

Хазары по простоте душевной абстрактного искусства не понимали, и интересоваться сложными проблемами абстракционизма в описанном выше положении у них не было ни возможности, ни желания. Собственное же искус-

¹ Ваза из Сентмиклошского клада. Музей истории искусства. Вена.

ство не могло найти покупателя, потому что хазары были бедны, а для украшения требуется некоторое изобилие. Могильных памятников они не ставили; они просто клали покойников на вершины бэровских бугров, где их присыпала степная пыль; культ они совершали в священных рощах, а не в храмах¹. А те хазары, которые приняли христианство или ислам, были вынуждены молиться в таких же халупах, в каких они жили. Правда, в Итиле была каменная мечеть, но она предназначалась для иностранцев. Когда же византийский инженер Петрова Кама-тир, строя в 834 г. крепость Саркел, хотел возвести там каменную церковь для донских хазар, то это не было ему дозволено. Привезенные им каменные колонны и капители были брошены в степи, где их нашел М.И. Артамонов в 1935 г.

Но ведь тогда должны были строиться синагоги, хотя бы в крупных поселениях. Да, конечно! Почему они не сохранились, читатель поймет, когда перевернет еще несколько страниц.

Итак, примененная нами методика широкого территориального охвата оправдала себя. Пока исследовали только сам предмет — Хазарию, можно было строить любые гипотезы, чтобы объяснить отсутствие памятников. Но когда в синхроничном обозрении обозначились границы «белого пятна», то резонно отпали предположения о дикости хазар и об их процветании, хотя последний вывод сделал на основании многих восточных источников блестящий востоковед В.В. Григорьев.

В.В. Григорьев работал на уровне своего времени: он изучал источники, т.е. слова, а не деяния, имеющие свою внутреннюю логику становления. Поэтому ему даже в голову не пришло, что у самих хазар могут быть суждения более обстоятельные, нежели те, которые могли сообщить арабы и персы при крайне поверхностном наблюде-

¹ «Верховный глава их исповедует веру еврейскую; той же веры равным образом как Иша (царь), так и военачальники и вельможи, которые состоят при нем; прочие же хазары исповедуют религию, сходную с религией турок (мадьяр. — Л.Г.)». — *Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен-Омар Ибн-Дастан (Ибн-Руста. — Л.Г.) СПб., 1869, стр.17.

нии Хазарии. Правда, хазарские мнения не сохранились в письменных источниках, потому что хазары не умели писать. Однако своим поведением они ясно показали свое отношение к пресловутому «двоевластию», но для того, чтобы это понять, надо исследовать не источники, а историю событий. В государстве, именовавшемся Хазарским каганатом, в IX—X вв. хазары составляли наиболее угнетенное меньшинство. Сравнительно с хазарами аланы, бургасы, савиры и гузы были почти свободными племенами, хорезмийские наемники — привилегированной прослойкой, а члены иудейской общины — господствующим классом, хотя среди последних было немало бедняков.

И самое главное, для мусульман «своими» были арабы, для христиан — греки, для иудеев — евреи всех больших городов — от Кантона до Гренады и от Багдада до Лиона и Майнца, а у хазар — никого. За них никто не считал нужным заступаться, и они чувствовали себя относительно спокойно только на буграх и в тростниковых зарослях дельты.

Итиль был действительно роскошным городом. Хотя его дворцы были сделаны из дерева, войлока и глины, но наполнены шелком и соболями, вином, бараниной и осетриной, красивыми танцовщицами и услужливыми отроками. Но это все было не для хазар, а для торгующих рахдонитов, отдохавших на Волге после долгого пути по пустыне, из Китая, или через горы, из Прованса. А то, что бессильный и безвластный каган был дальним родственником ханов Ашина, некогда женившихся на еврейских красавицах, это не имело никакого значения, ибо государством правил «пех» или, точнее, малик. Он и его советники были родовитыми иудеями, хозяевами многоэтажного государства и сочленами самых выгодных торговых предприятий. Но он представлял не столько Хазарию, сколько свой рассеянный по миру и баснословно разбогатевший суперэтнос.

«Двоевластие» в Хазарии было грандиозным обманом народа, которому раз в год показывали законного хана, уже ставшего иудеем, для того чтобы остальное время глава иудейской общины выжимал из хазар и окрестных

народов средства на наемников, которые должны были этих хазар подавлять. И хазары платили... а выхода не было.

Хазарская трагедия описана нами, но не объяснена. Неясными остаются причины того, что немногочисленная еврейская община, лишенная искренних друзей, ненавидимая соседями, не поддержанная подданными, полтораста лет господствовала в международной торговле и возглавляла добрую половину разрозненных иудейских общин. Без искренних попутчиков и союзников такое дело неосуществимо. Значит, у иудейской Хазарии такие союзники были.

Друзья обновленной Хазарии

Правительство Обадии и Ханукки вместе с престолом получило в наследство опасную традицию международных отношений и влияний. Тюркские ханы династии Ашина и их караимский союзник Булан в сложных экономических проблемах не разбирались. Они просто защищали свой народ от мусульман, наступавших с юга, и печенегов, нападавших с востока, из Зауралья. Естественным союзником Хазарии в VIII в. была Византия, также воевавшая с арабами и бежавшими от хазар болгарами Аспаруха. Поэтому распространение православия среди алан и хазар не встречало сопротивления. В середине VIII в. существовала хазарско-хорезмийская (Доросская) митрополия, которой были подчинены семь епископских кафедр [229, стр.229]. Культурные контакты были следствием политического союза¹.

С Дальним Востоком и крайним Западом тюрко-хазары отношений не поддерживали. На границах Китая до 745 г. шли упорные, кровопролитные войны между Тюркским каганатом и империей Тан. Затем восстание Ань Лушаня в 756—763 гг. обескровило Китай, а вслед за

¹ Якут свидетельствует, что хазары были христианами и мусульманами, а частично язычниками; только немногие исповедовали иудаизм (см.: *Артамонов М.И.* История хазар. Стр.280). Димашки указывает, что хазарские воины были мусульманами, а горожане — иудеями (см. там же), но, по-видимому, он имеет в виду только население столицы.

тем в войну вступили Тибет и Уйгурия. Ничего привлекательного на Дальнем Востоке в это время не было.

Не лучше было и на Западе, где разлагались заживо франкская держава Меровингов и Лангобардское королевство, а в Британии англ и саксы резали кельтов. Но там положение изменилось к 800 г., ибо Карл Великий, покорив саксов и лангобардов, возложил на себя императорскую корону. Последние годы его правления совпали с переворотом Обадии, и тогда две возникшие империи вступили в дружественный контакт, выразившийся в том, что Карл особым указом позволил иудеям жить по их обычаям [44, Т.V, стр.342]. И в дальнейшем иудеи поддерживали союз с Каролингами вплоть до их падения в X в.

Наибольшую активность проявили в это время южные этносы. Рост пассионарности потомков арабских завоевателей взорвал Аббасидский халифат изнутри, но осколки его оказались более страшными для соседей, чем громоздкая централизованная социально-политическая система. Для берберов и туарегов Африки, тюрков Средней Азии, горцев Памира и Гиндукуша ислам перестал быть символом угнетения и ограбления, потому что появилась возможность использовать разнообразные шиитские течения как знамена для борьбы против суннитского Багдада.

Отложившиеся от халифата африканцы захватили Сицилию и вторглись в Италию, где потеснили лангобардов и разбили войско франков Людовика II, а в 840 г. африканский флот вошел в устье Тибра и чуть было не овладел Римом. В том же году омусульманенные персы — Саманиды — завоевали Исфиджаб (совр. Сайрам, около Чимкента), а багдадские халифы тратили силы и средства на подавление восстаний своих подданных, единоверцев и соплеменников, и на бесконечную войну с Византией.

Как из тектонических разломов земной коры через трещины вытекает подземная магма, так на рубеже двух суперэтносов и двух великих культур возникли движения, которые казались забытыми и похороненными: хуррами-тов в Азербайджане и павликиан в Малой Азии. Между теми и другими не было ни организованной связи, ни общей политической направленности. Одни были просто стойкими маздакитами, другие пытались воскресить не-

которые принципы маркионитов — гностиков. Но те и другие по принципам идеологии и конечным целям восходили к древнему учению манихеев: делению мира на черное и белое и стремлению путем кровавых экзекуций добиться победы светлого начала, которым они считали себя.

Как следовало бы реагировать на это хазарскому правительству? Хуррамиты были потомками маздакитов, союзников хазарских евреев в 494—529 гг., а арабы — гонителями иудеев в 690 г.; греки принуждали евреев к отречению от веры еще в 723 г. Казалось бы, наступило время расплаты. Но правительство Обадии и Ханукки предпочло торговлю с Багдадом и помощь византийских инженеров при постройке Саркела верности историческим традициям и былой дружбе, от которой никогда не отказались бы тюрко-хазары. Теперь же система ценностей изменилась: выгода встала на место верности и доблести. А самой выгодной ситуацией для евреев была война греков против их врагов — болгар и арабов. Феофилу удалось вернуть город Самосату в 837 г., но халиф Мутасим разбил византийскую армию у Дазимона, в 838 г. взял крупнейший после Константинополя город империи — Аморий (в центре Анатолии). Война протекала с невероятным ожесточением, причем хуррамиты были союзниками греков, а павликиане¹ помогали арабам. Болгары

¹ Если говорить о религиозной доктрине павликиан, то бросается в глаза их различие с манихеями, сходство с древними гностиками и крайне отрицательное отношение к маздакизму и иудаизму. Но теологические тонкости, которые волновали умы богословов, были чужды и непонятны массам, задачей которых была война против Византии. Для противопоставления себя православию было достаточно общепонятного признания материи не творением Божиим, а извечным злым началом. Этот тезис роднит павликиан с манихеями и катарами, однако происхождение доктрины от утраченного трактата Маркиона наложило на их идеологию неизгладимый отпечаток. Павликиан, как и манихеев, нельзя считать христианами, несмотря на то что они не отвергали Евангелия. Павликиане называли крест символом проклятия, ибо на нем распят Христос, не принимали икон и обрядов, не признавали таинства крещения и причащения и все материальное почитали злом. Будучи последовательными, павликиане активно боролись против церкви и власти, прихожан и подданных, сделав промыслом продажу плененных юношей и девушек арабам. Вместе с тем в числе павликиан встречалось

хана Персиана ударили по тылам Византии, ворвавшись в Македонию, а хазары, некогда враги болгар и друзья греков, бездействовали. Ханы Ашина никогда не покинули бы своих друзей в беде.

Перейдем к Византии. Там в 843 г. кончился пассионарный надлом, приведший к трагедии иконоборчества. Она дорого стоила Византии. Болгарский хан Крум в 813 г. дошел до стен Константинополя. Испанские арабско-берберские пираты в 826 г. захватили Крит и сделали из этого острова базу набегов на острова и побережья Эгейского моря. В 827 г. берберы Атласа вторглись в Сицилию, а потом перенесли свои завоевания на Южную Италию. Болгары опустошили Македонию. А в Константинополе император занимался уничтожением икон и преследованием монахов. Но все кончается, и к 843 г. страсти стали угасать.

Снижение пассионарного напряжения пошло Византии на пользу. Установление мира светской власти с церковью, достигнутое на Константинопольском соборе 843 г., дало возможность направить огромные силы системы по определенному руслу. В 860 г. св. Кирилл обратил в православие группу хазар, в 864 г. он и его брат Мефодий приобщили к православию Моравию. В 864—865 гг. крестился болгарский царь Борис, и наконец длительная и жестокая война с павликианами в 872 г. закончилась победой византийцев. Но за все надо платить, даже за спасение собственной страны. И плата была очень велика.

До середины IX в. Византия была общепризнанным центром христианской культуры. Это признание не означало политического господства над другими христианскими государствами Запада и Востока, но давало уверенность в том, что они свои и в случае опасности обязаны

множество попов и монахов-расстриг, а также профессиональных военных, руководивших их сплоченными, дисциплинированными отрядами. Удержать этих сектантов от зверств не могли даже духовные руководители. Жизнь брала свое в том случае, если лозунгом борьбы было отрицание жизни. И не стоит в этих убийствах винить Маркиона, который в богословии был филологом, показавшим принципиальное различие между Ветхим и Новым заветом. В идеологическую основу антисистем могла быть положена и другая концепция.

помогать против иноверцев-мусульман. Пусть эти обязанности не всегда выполнялись, но все же они имели значение, особенно для тех областей Южной Италии, куда вторглись африканские мусульмане — воинственные берберы, занимавшиеся работорговлей и грабежом.

Даже в жестокие годы иконоборчества римские папы участвовали в церковных делах Византии, по мере сил поддерживая защитников икон. Фактически независимость от Константинополя, подаренная римскому престолу Каролингами, не мешала существованию суперэтнического единства: греки были дома в Риме и Париже, а франки — в Фессалониках и Эфесе. Теология там и тут была одна — полупелагианство, т.е. православие.

Но в 858 г. константинопольским патриархом стал Фотий, которого не признал папа Николай I. За спором последовало отлучение Фотия в 863 г., не признанное на Востоке. В 867 г. Константинопольский собор предал папу анафеме, объявив его вмешательство в дела восточной церкви незаконными. Так возник раскол церквей.

Не нужно полагать, что неуступчивость Фотия и Николая, или спор о *filioque*, или притязания пап на юрисдикцию в Иллирии и Сицилии были причиной раскола. Все эти мелочи были быстро улажены. Узурпатор Василий I Македонянин низложил Фотия, а строптивый папа Николай I умер в том же 867 г. Богословский спор был отложен и на время забыт. Сицилию захватили берберы, Иллирию — венгры. Официальное примирение византийской церкви с папским престолом около 900 г. уже ничего не изменило.

Церковный раскол был важен не только сам по себе. Он превратился в символ отделения Запада, где в IX в. произошел взрыв этногенеза, от ортодоксального Востока. Франки и латины стали чужими для греков. Они пошли по новому, оригинальному пути развития. Этноты, возникшие в это столетие на берегах Северного моря и Бискайского залива, открыли небывалые формы общежития и восприятия природы и истории и предпочли их прежним не за то, что они были лучше, а потому, что они были свои. Инерция общей христианской культуры еще долго

обольщала души современников, упорно не хотевших замечать грустную действительность.

Итак, Византия превратилась из империи с претензиями на ведущую роль в наследии Рима в небольшое малоазийское царство, где императором сделался армянин, привлечший на службу своих земляков. А поскольку армяне привыкли героически отстаивать свободу и веру против мусульман, то друзья последних, иудеи, стали недругами Византии.

Теперь можно обобщить наблюдения. Иудео-Хазария была в дружбе со всеми имперскими режимами: поздней Тан, Каролингами и их преемниками в Германии — саксонскими Отгонами, Аббасидами — и во вражде со всеми средневековыми народностями: армянами, грузинами, шиитами халифата, поскольку они представляли интересы завоеванных племен, печенегами, турфанскими уйгурами и славянами, т.е. Киевским каганатом.

И это не случайно. Здесь имеет место социальная близость деспотических режимов, противопоставленных ходом истории природным процессам образования этнического многообразия. Борьба этих двух принципов была ведущим антагонистическим противоречием эпохи VIII—X вв. И тут иудео-хазарам опять повезло. В игру вступил новый партнер — варяги, набранные из скандинавских викингов.

Четыре каганата

В начале IX в. на берегах Северного моря появились страшные разбойники из Скандинавии — викинги, внутри Западной Европы начали выщеляться новые народы, а в Астурии произошла первая, неудачная попытка реконкисты — обратного завоевания Пиринейского полуострова. Если соединить эти области с синхронным появлением возникшей активности воображаемой линией (или лучше полосой), то мы получим ось нового пассионарного толчка, полностью проявившегося в течение IX в.

В этот век состояние восточной Европы характеризовалось Людовиком Немецким в письме к Василию Македо-

нянину (871) как сосуществование четырех каганатов¹: Аварского², Нормандского (т.е. Русского), Хазарского и Болгарского (на Дунае, ибо камского Великого Булгара Людовик не знал). Эти каганаты, как и три империи (включая халифат), были наследием минувших пассионарных толчков. Им предстояло выдержать удар от новой вспышки этногенеза. Поэтому, прежде чем перейти к рассказу о главной трагедии начавшейся эпохи, рассмотрим физиономию ее действующих лиц и взвесим их возможности и стремления.

Значение Аварского каганата, ограбленного франками и стесненного славянами, было минимально. Но все-таки это был барьер, сдерживавший агрессию немецких феодалов на рубеже среднего Дуная.

Неизмеримо лучше было положение Болгарского каганата, потому что первые болгарские ханы Аспарух и Крум не обострили отношений со своими славянскими подданными, а наоборот, объединились с ними против греков. Постепенно болгары вовлеклись в европейскую политику, то поддерживая моравских славян против немцев (863), то посылая вспомогательные войска Людовику Немецкому против феодалов (863). Болгарскому князю Борису мешала лишь его языческая религия, и он сменил ее на православную (864). Это сделало Болгарию противником папства и немецкого королевства, но и союз с Византийской империей был скоро нарушен. В 894 г. наследник Бориса Симеон начал войну с греками, которая измотала обе стороны, без ощутимых результатов для Болгарии.

Большие неприятности причинили болгарам мадьяры, отступившие от хазар и нанятых теми печенегов в низовья Днестра в 822—826 гг. Однако печенеги оказались неудобными для хазар союзниками и около 890 г. хазарское правительство заключило мир с мадьярами и греками против печенегов и болгар. Последние одержали победу

¹ Каган (— тюрк) — суверенный государь. Буквально: «великий» на сиу-дакотском языке (wakan) [См.: 138, стр.16; 112, стр.123—125].

² Людовик имел в виду остатки этноса подлинных аваров (обров), уцелевшие после поражения, нанесенного им франками в 795 г. Эти авары продолжали жить в Паннонии под властью собственного кагана еще в середине IX в. [44, Т.V, стр.432].

над хазарами, но потерпели большой урон от мадьяр, переправившихся в 893 г. через Дунай и захвативших множество пленных. Симеон, царь болгарский, ответил на это таким ударом, что мадьяры покинули свою страну и ушли за Карпаты, в верховья Тисы, где вобрали в свою орду остаток аваров. Низовья Днепра достались печенегам, а низовья Днестра — славянским племенам — тиверцам и уличам.

При создавшейся расстановке политических сил выиграли хазары. Они помирились с мадьярами, направив их воинственную энергию против народов Западной Европы, где последние Каролинги меньше всего беспокоились о безопасности своих крестьян и феодалов, как правило, недовольных имперским режимом. Хазарское правительство сумело сделать своими союзниками тиверцев и уличей, обеспечив тем самым важный для еврейских купцов торговый путь из Итиля в Тулузу. Наконец, в 913 г. хазары при помощи гузов разгромили тех печенегов, которые жили на Яике и Эмбе и контролировали отрезок караванного пути из Итиля в Китай.

Последней нерешенной задачей для хазарского правительства оставался Русский каганат с центром в Киеве. Война с русами была неизбежна, а полная победа сулила неисчислимые выгоды для итильского сеттельмента, но, разумеется, не для порабощенных хазар.

О происхождении и древнейшей истории этого четвертого, Русского каганата, известно значительно меньше. Литература вопроса необъятна, но, к счастью, недавно была сделана критическая сводка фактов, наблюдений, текстов и мнений, покрывающая историю вопроса, отражающая современную научную точку зрения и исключая фантастическую концепцию норманизма Руси [37].

Выводы этого исследования, в котором использованы 623 работы, сводятся к следующему.

В начале н.э. на берегах Среднего Днепра, в лесной и лесостепной зонах жили венеды — предки славян. К ГУ в. они разделились на склавинов и антов. Анты — греческое название союза племен на Правобережье Днепра, но сами себя эти племена называли — поляне, а потом их стали

называть «русь»¹. В IX в. власть в русском городе Киеве захватил пришелец — варяжский конунг Хельги (Олег), не имевший отношения к местным русам. «Варяги» — не этническое, а профессиональное название; так в IX—X вв. назывались банды пиратов разного этнического состава. Русы же, хотя и не славяне, но давние обитатели правобережья Днепра, распространившиеся в VI—VIII вв. на Левобережье, где ими были построены Чернигов и Переяславль. Эта территория в удельный период называлась «Русь» или «русская земля» (в узком смысле), в отличие от русского государства (в широком смысле), включавшего Новгород, Суздаль, Рязань, Полоцк, Смоленск, Галичину, Волынь, Тмутаракань, низовья Днестра и Буга и некоторые неславянские земли с балтским и финским населением.

Это обобщение антинорманистских концепций представляется наибольшим приближением к исторической действительности и принято нами за основу дальнейшего анализа. Возражения вызывают лишь некоторые частности, из коих следует отметить две.

Первое: сопоставление росомонов IV в., описанных Иорданом [134], с роксоланами — дань традиционному автохтонизму [37, стр.161]. Этноним «рос» и префикс «*гох*» не идентичны. «*Рох*» греческая передача персидского слова «равш/рауш» — блеск (жена Александра — Роксана носила персидское имя Раушанак — «блестящая»). Никакого касательства к аланам росомоны — предки русов не имели, равно как и к норманнам — викингам. И вот почему.

Знаменитое место летописи: «Сие бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свие (шведы), друзии же урмане (норманны, т.е. норвежцы), ангыляне (ютландцы), друзии гьте (готы), тако и си.» [170, т.1, стр. 18] прекрасно прокомментировано Д.С. Лихачевым, но в подтверждение его вывода можно добавить, что под готами летописец XII в. не мог подразумевать остров Готланд, населенный в его время шведами и покинутый готами в середине II в., т.е.

¹ «...поляне, яже ныне зовомая Русь» [170, т.1, стр.21]. Автор поясняет, что Русь — новое историческое явление, сменившее распавшийся племенной союз полян [37, стр.163 — 164].

за тысячу лет до того, как он писал этот текст. Готы здесь — это крымские или причерноморские готы — тетракситы, хорошо известные русскому читателю XII—XIII вв., упомянутые в «Слове о полку Игореве». А раз так, то причисление Руси к данной этнической группе имеет лишь палеоэтнографический смысл: россомоны, как и готы — осколки Великого переселения народов, застрявшие в Восточной Европе, а наименование их «варягами» показывает профессию Рюрика, который происходил из племени русов приднепровских, уже отчасти смешавшихся со славянами, но еще хранивших в IX в. некоторые черты древней северной культуры.

Около 800—809 гг. произошло второе переселение славян с берегов Эльбы на Восток. А.А. Шахматов предположил, что славяне бежали от франков Карла Великого. Эту версию трудно принять. Успехи Карла и его баронов крайне преувеличены хронистами и последующими историками. Франкам не удалось закрепиться ни на Эбро, ни на Тисе, ни на правом берегу Эльбы. Поэтому для переселения славян в страну с совсем иным климатом, туда, где господствует зимний мороз и летний зной (изотерма января ниже нуля), надо искать иные мотивы.

Пассионарный толчок, проявившийся в Скандинавии в начале IX в., а в Западной Европе около 841 г., имел инкубационный период. В ареале этого толчка была северная часть Германии и, значит, берега Эльбы. Если это так, то перед нами обычная пассионарная миграция, из-за которой вятичи и радимичи сменили место обитания.

Обе ветви восточных славян в VIII в. были на подъеме пассионарного напряжения. Скудость источников заставляет прибегать к хронологической интерполяции, но этот метод дает результаты. Потомки антов IV в., победивших совместно с россомонами и гуннами готов, к началу IX в. имеют свой «каганат», т.е. суверенное государство с центром в Киеве и царя по имени Дир. Если мы учтем, что подъем этой ветви славян сопоставим с пассионарным толчком, вызвавшим Великое переселение народов и созданием из конфессиональных общин Малой Азии Византии, то на VIII в. падает акматическая фаза, а на IX в. — надлом, как оно и произошло.

Высокий уровень пассионарности дал славянам преимущество над восточными балтами (ятвяги, голядь) и финно-уграми (меря, мурома, весь) и повлек слияние славянских племен в единый древнерусский этнос, осуществившееся в конце X в. Но славяне и хазары в VIII в. еще не сталкивались друг с другом и опасности друг для друга не представляли.

Второе: бесспорно, что взаимоотношения русского и хазарского каганатов не были «идиллическими», но гибель ряда Полянских поселений в VIII в. не была делом рук хазар. В VIII в. хазары увязали в войне с арабами, а на рубеже Дона они закрепились только в 834 г., и тогда, действительно, война началась.

Если датировки гибели Пастырского поселения и других покинутых населением укреплений [37, стр. 172] правильна, то противниками славян и русов могли быть только авары, контролировавшие земли кутургуров (западной ветви болгар), от Карпат до Дона. В 631 г. авары подавили восстание кутургуров, остатки коих объединились с утургурами в 633 г. Когда же последние в 656 г. потерпели поражение от хазар, то болгары разбежались кто на Каму, кто на Дунай, кто в Италию, а бывшие земли кутургуров были заселены тиверцами и уличами.

Все эти события никак не уменьшили мощи аваров, которые «примучивали дулебов», т.е. господствовали в степях восточнее Карпат. Упадок Аварского каганата наступил в 800—809 гг. после того, как они проиграли войну с франками, а после этого рокового десятилетия началась хазарская агрессия на запад.

Такова «связь времен» или «логика событий». Антский или Полянский племенной союз, включивший в себя россомонов, возник как восточно-славянский этнос вследствие пассионарного толчка II в. одновременно с Византией, и вместе с ней вступил в акматическую фазу, закончившуюся победой над жестоким врагом аварами, после чего славяне распространились до берегов Черного моря. В отличие от Византии, Полянский этнос пережил кризис перехода из фазы в фазу благополучно, так как он получил неожиданное, но весьма полезное подкрепление.

Надо учитывать, что Русский каганат был изолирован от стран, имевших письменную географию: Хазарский каганат отделял его от мусульманского Востока, Болгарский — от Византии, Аварский — от Германии. Вот почему сведения о русах IX в. были столь неполны и отрывочны. И вот почему немецкие авторы IX в. могли спутать забытых россомонов со шведами: те и другие были скандинавы, хотя предки россомонов еще в I—II вв. покинули свою родину.

Еще в X в. современники описывали русов и славян как два разных этноса, выступающих, как правило, совместно. Значит, здесь была ситуация, похожая на ту, которая сложилась у тюрков и хазар, за одним, весьма важным, различием. Тюркюты принесли пассионарность хазарам, а россомоны и славяне были при встрече и контакте равно пассионарны, ибо сложились в ареале единого пассионарного толчка.

Теперь несколько слов о викингах, о коих есть столько превратных суждений, что надо избежать недоразумений. В IX в. в Скандинавии перенаселения не было, так как свободных фиордов и теперь много, хотя людей стало больше. Формация там была общинно-первобытная, и конунги являлись выборными племенными вождями. До IX в. скандинавы еле-еле отстояли свою землю от натиска лопарей, пока не загнали их на крайний север, в тундру. Викингами называли тех людей, которые не желали жить в племени и подчиняться его законам. Слово «викинг» носило тогда оскорбительный оттенок, вроде современного «пират, бандит». Когда юноша покидал семью и уходил в дружину викингов, его оплакивали как погибшего. И действительно, уцелеть в далеких походах и постоянных боях было нелегко. При этом викинги не обладали большей физической храбростью, чем остававшиеся дома. Физическая смелость южных народов часто превышает мужество народов северных, но это не пассионарность, а другой поведенческий признак: не агрессивность, а способность к адекватной реакции, обычно проявляющийся при самозащите.

Викинги боялись смерти, как все люди, но скрывали этот страх друг от друга, наедааясь перед битвой опьяняю-

щими мухоморами. Современные им арабы бросались атаку трезвыми, но неукротимые в опьянении викинги сминали и арабов, и франков, и кельтов. Особенно ценили они берсерков (подобных медведю), т.е. людей, способных перед боем впасть в истерическое состояние и с огромной силой крушить врага. После припадков берсерки впадали в глубокую депрессию, до следующего нервного срыва. В нормальных условиях берсерков не терпели. Их заставляли покидать села и удаляться в горные пещеры, куда остререгались ходить. Но в отрядах викингов берсерки находили себе применение. Иными словами, пассионарность делает яростными даже не очень храбрых людей. Значит, викинги были людьми несколько отличным от прочих скандинавов склада. Обладая высокой степенью пассионарности, они были нетерпимы для малопассионарных норвежцев, которые предпочитали сидеть дома и ловить селедку. Поэтому пассионарная часть популяции отпочковывалась от основной массы народа и погибала на чужбине. Зато норвежские, датские и шведские воины-пассионарии разнесли славу своей ярости по всей Европе и вынудили ее обладателей защищаться.

Хазары и норманны

Хотя викинги по рождению были скандинавы или прибалты, но они не были представителями своих народов. Пассионарный толчок вызвал этническую дивергенцию. Юноши, покидавшие родную страну ради Гренландии или Нормандии, зеленого острова Эрин или берегов лазурного Средиземного моря, образовывали самостоятельные этнические консорции, иногда погибавшие, но иногда торжествовавшие победу. И поскольку они были рассеяны по всей Европе, встреча их с иудео-хазарами была предпринята. А характер ее был определен тем историческим фоном, на котором она произошла. Источников, освещающих эту страницу истории, нет; следовательно, опять нужно окинуть взглядом расстановку сил, чтобы уловить хотя бы общее направление развития событий.

Как было показано, уже в IX в., после фактического раскола церкви, Византия стала восточным царством,

изолированным от всех соседей, превратившихся сначала в соперников, а потом во врагов. Связанная постоянной войной с Болгарией и безуспешными попытками удержать Южную Италию от натисков арабов, Византия не могла активно противодействовать усилению хазарских царей, вследствие чего православие потеряло свои позиции в Дагестане и на Северном Кавказе, с трудом удержавшись на Южном берегу Крыма.

Попытка Карла Великого создать суперэтническую христианскую империю германцев на Западе, подобно тому как на Востоке существовала аналогичная империя греков, была небесперспективна, но растущая пассионарность в IX в. опрокинула это грандиозное сооружение, как если бы это был картонный домик. К 888 г. осуществилась «территориальная революция» [231а), стр.247], т.е. появились этносы, называемые О.Тьерри «нациями»: бретонский, аквитанский, провансальский, французский, бургундский, итальянский и немецкий, причем последний состоял из субэтнических «племен» саксов, франконцев, баварцев, швабов (алеманы) и тюрингов. Все они тратили силы на борьбу друг с другом и поэтому очень плохо сопротивлялись нападениям арабов и норманнов. Для хазар они не были опасны.

Зато хазарские иудеи были опасны для Франции, так как, приезжая с большими деньгами в Прованс, они покупали покровительство короля и вельмож и защиту от преследований со стороны духовенства и народа. Ожесточение с обеих сторон росло. Иудеи сохранили больше остатков древней образованности, нежели французы, и поэтому побеждали христиан в диспутах, возникавших по поводу Ветхого завета. Пропаганда их имела успех. Молодой монах из Алемании принял в 847 г. иудаизм, женился на еврейке, уехал в Испанию и там возбуждал арабов к преследованию христиан. Галльские епископы жаловались, что иудеи покупают рабов-христиан и заставляют их исполнять иудейские обряды, что они похищают христианских детей и продают их мусульманам, что иудеи, по ненависти к своим соперникам, помогают мусульманам и норманнам, открывая им ворота осажденных городов, и

что они называют свинину «христианским мясом», на что христиане очень обижаются [44, Т.V, стр.487 — 488].

Трудно сказать, что в этих обвинениях было справедливо, но для нас важно другое: взаимные ожесточение и неприязнь между аборигенами и иудеями на Роне грозили французам теми же последствиями, которые имело еврейское проникновение на Волгу. Прованс легко мог превратиться в подобие Хазарии, тем более что воинская сила берберов, охотно нанимавшихся в войска соседних стран, была не меньше, чем у хорезмийцев. Но для этого кроме больших денег нужно было время, а его-то и не хватило иудеям. Почему? Это мы увидим ниже.

А пока обратим внимание на то, что договоренность между хазарскими иудеями и язычниками норманнами имела место. «Повесть временных лет» сообщает, что в 859 г. «варяги из заморья» взимали дань с чуди, славян, мери и кривичей, а хазары — с полян, северян и вятичей. Если учесть общеевропейскую расстановку сил, то текст наводит на размышления.

В 860 г. киевские русы напали на Константинополь и чуть было не взяли его. Если бы они действительно были подданными хазар, то это не могло бы не вызвать хазаро-византийского конфликта, а вместо этого хазарский каган в этом самом году принял миссию св. Кирилла и позволил ему крестить язычников у себя в столице. Кирилл совершил путешествие в самой мирной обстановке, из чего следует, что Русь, воевавшая с греками, никак не была связана с хазарами и их правительством.

В Швеции около 859 г. было несколько королей: Бьёрн Прихольмный, его соправитель Эмунд и Олаф. Сын Эмунда, Эрик, в 854 г. совершил поход на восток и обложил данью куров, эстов и финнов, но, как видно из перечня, он действовал только по берегам Балтийского моря, а кривичи, меря (черемисы) и весь (вепсы) жили в лесных массах Восточной Европы. Если бы кто-либо из шведских королей подчинил себе столь обширные земли, это было бы отмечено, хотя бы в сагах. Не упоминает об этом и католический миссионер св. Ангар, проповедовавший в Швеции в 849—852 гг. и поддерживавший отношения со шве-

дами до своей кончины в 865 г. [236, стр. 165—173]. Значит, здесь кроется нечто иное.

Сопоставим факты. В 848 г. язычники норманны разграбили и сожгли Бордо благодаря измене тамошних иудеев [44, Т.V, стр.489]. Так как последние не пострадали от викингов, следует полагать, что между теми и другими была налажена связь. И текст «Повести временных лет» поясняет, какова она была. Это договор о разделе сфер влияния, не стран завоеванных, а тех, которые предстояло завоевать. Потому и опущены данные о существовании самостоятельного Русского каганата, намеченного стать жертвой двух хищников. И действительно, последующее столетие было богато событиями, как на Западе, так и на Востоке.

История варяжского проникновения в славянские земли достаточно темна.

Согласно летописной традиции, варяжский конунг Рюрик в 862 г. стал правителем Новгорода. Этот вопрос мы обсуждать не будем, так как придерживаемся общепринятой точки зрения. Для нас достаточно того, что задолго до этого русы, жившие вокруг Киева, совершали походы, зафиксированные иноземными историками. До 842 г. «скифский народ росов» разорил Амастраду (в Пафлагонии, на берегу Черного моря), а в 860 г. флот росов чуть было не взял Константинополь. К Рюрику и его варягам эти росы отношения не имели.

В 864 г. русы воевали с болгарами, в 865 г. — с полочанами, в 867 г. — с печенегами, в 869 г. — с кривичами. Однако при столь активной внешней политике столкновений с хазарами не было: миссия св. Кирилла в Хазарию в 860 г., повторяю, проходила в мирной обстановке. Это говорит не о миролюбии правительства Хазарии, а о могуществе Киева, союзе русов с мадьярами и сложности обстановки на Каспии, о чем ниже.

Но все изменилось в 882 г., когда власть в Киеве захватил варяжский конунг, именуемый в летописи Олегом (Хельги). С этого времени до 944 г., т.е. убийства конунга, именуемого Игорем (Ингвар), русская земля перенесла много страданий, вызываемых — по нашему глубокому

убеждению — постоянными неудачами бездарных чужеземных правителей.

Смена власти в Киеве повлекла за собой смену политики. Олег подчинил древлян в 883 г., северян в 884 г. и радимичей в 885 г., причем последние до этого платили дань хазарам. Это не могло не вызвать войны с Хазарией... и летопись замолкает на целые 80 лет. Это не может быть случайным.

Лакуну отчасти восполняет краткая справка Масуди, что «русы и славяне составляют прислугу хазарского царя» [18, стр.383]. И, как вскоре мы увидим, так оно и было.

Нет! Полного завоевания Киева хазарскими евреями не произошло. В «Кембриджском анониме» перечислены враги хазарской иудейской общины: «Асия (асы-осетины), Баб-ал-Абваб (Дербент), Зибух (зихи-черкесы), турки (венгры), Луз-ния — ладожане, т.е. варяжские дружины Олега, которые быстро проиграли войну с хазарскими евреями [110], но удержались в Киеве, так как их прикрывали со стороны степи мадьяры. Однако вскоре мадьярам пришлось туго, потому что против них и варягов хазарские иудеи подняли славянские племена тиверцев и уличей. Когда же в 895 г. на мадьяр напали болгары и печенеги, вырезавшие их жен и детей, мадьяры покинули Леведию и ушли в Паннонию, а покинутые ими степи заняли победоносные печенеги. И Византия не могла вмешаться в эту войну, потому что ее силы были связаны болгарами царя Симеона, шедшими по Балканскому полуострову от победы к победе. Тогда изолированное княжество киевских варягов стало вассалом общины хазарских иудеев, которая использовала русов и славян в войнах с христианами и мусульманами-шиитами, подавляя возмущения язычников руками наемников — мусульман-суннитов.

Гнев стихий

Жесткая система потому и бывает крепка, что она при создании своем приноровлена к локальным условиям наилучшим образом. Когда же окружение меняется, перестройка системы трудна.

И наоборот, дискретная система эластична, но не позволяет полностью координировать силы для решения внешнеполитических задач. Поэтому жесткие системы побеждают в стабильных условиях, а дискретные выживают даже при постоянно меняющейся среде обитания и этнического окружения.

Иудейская Хазария — образец жесткой системы, окружающие Хазарию евразийские этносы — дискретные системы. В IX—X вв. изменения географической среды (вследствие переноса пути циклонов на север, в лесную зону Евразии) могли быть для этнохозяйственных систем либо полезны, либо вредны, но не нейтральны. А поскольку интересы евреев и хазар в химерной целостности каганата были противоположны, то климатические колебания отражались на истории Восточной Европы и Великой степи.

До тех пор пока увлажнялись степи и высыхали в Волго-Окском междуречье болота, Каспийское море вело себя тихо. Оно стояло на абсолютной отметке — 36 м, благодаря чему обширные площади плодородной земли в низовьях Волги были заселены земледельцами. К началу X в., когда Волга превратилась из тихой реки в бурный поток, собравший влагу дождей, выпавших на огромной площади от Валдая до Урала, уровень Каспия поднялся до отметки — 29 м [73, 75, 77].

Для обитателей южной окраины Каспийского моря это существование не имело. Берега там крутые, кругом горы, поднялось море, залило прибрежную крепость... ну и пусть. Но для пологого северного берега подъем уровня моря имел огромное значение. Поля, сады и виноградники оказались под водой Волги, стоявшей на подпоре. Использовать залитые земли было невозможно, люди стали селиться на вершинах бэровских бугров, ожидая времени, когда уйдет вода. А вода все поднималась. Приходилось подаваться в степь.

Но и в прибрежных урочищах не было спасения хааварам. Лишенная дождей степь превращалась в полупустыню, а эта последняя — в пустыню, в которой не могли жить даже кочевники. В X в. карлуки покинули берега Балхаша, чтобы поселиться в оазисах Средней Азии, где

ченеги ушли с берегов Аральского моря на берега Черного, а гузы сдвинулись к Уралу и Эмбе. Только куманы (половцы), населявшие западные склоны Алтая и южную полосу Западной Сибири, где в то время стояли сосновые боры, не пострадали от засухи. Их спасли многоводные реки, окружавшие с востока и запада Барабинскую степь.

Легче было на западной окраине Великой степи, на берегах Днепра, Донца и Дона, так как меридианальные токи в атмосфере способствовали нормальному увлажнению этой области. Поэтому печенеги, прорвавшись в Поднепровье, восстановили там поголовье скота, в том числе лошадей, а тем самым и воинскую мощь, благодаря чему могли держать себя независимо.

Поскольку восточные степи оказались весьма негостеприимными, хазары устремились на северо-запад и начиная со второй половины IX в. заселили террасы нижнего Дона, куда принесли с собой культуру терского винограда. Четыре надпойменные террасы Дона плавно переходят в водораздельные степи, но уже на второй террасе проявляются черты аazonальности — колки леса, заросли ивняка и т.п., что обусловило образ жизни алан, хазар и казаков. Автору удалось в 1965 г. найти на среднем Дону небольшое поселение, содержащее керамику всех эпох — от X до XII в., что указывает на культурную преемственность населения долины Дона независимо от внедрения в нее инородных этнических элементов.

Разумеется, этой ветви хазар сравнительно с другими повезло. В 860 г. они приняли православие от св. Кирилла и благодаря этому вошли в состав христианской общины, вследствие чего установили дружбу с крымскими готами, греками и аланами. А прочие продолжали нести тяготы налогов, снизить которые хазарское правительство не могло, даже если бы оно этого хотело.

Но от засухи и наводнений совершенно не пострадали хазарские иудеи. Они жили в городах, в комфортабельных деревянных домах, теплых зимой и прохладных летом. Пищу они покупали на базаре. Караванщики, проходившие через Итиль, платили за все не торгуясь, так как перекладывали растущие расходы на покупателей в Ките и Провансе. Поэтому на социальные отношения внут-

ри иудейской общины природные явления не оказывали никакого влияния: их воздействие амортизировалось в хазарском этносе, вмещавшем общину. Ослабление кочевников, стада которых мерли от бескормицы, было иудеям только на руку: и мясо можно было купить дешево, и слабый враг не опасен. Поэтому в X в. активность хазарского правительства не снизилась, а возросла. Следовательно, должны были начаться жестокие войны... и они действительно вспыхнули на юге и западе.

Но не на севере! Перенос пути атлантических циклонов в лесную зону был сопряжен с обильными снегопадами, затяжными летними и осенними дождями и соответственно заболачиванием лесных полей, т.е. мест наиболее перспективных для примитивного земледелия. Хозяйство этносов Волго-Окского междуречья было подорвано. А значит, и сила их сопротивления иноземным захватчикам ослабла. Если в середине IX в. хазарские евреи договаривались с норманнами о разделе Восточной Европы, то к началу X в. они захватили ее почти всю. В состав Хазарии вошли: бургасы (на Средней Волге), болгары¹ (на Нижней Каме), сувазы (чуваши на Верхней Волге) [Там же, стр.139 и примеч. 599], арису (мордва эрзя), черемисы (мари, в Заволжье), вятичи (на Оке), северяне (на Десне) и славяне, «под которыми подразумеваются другие славянские племена» [18, стр.385].

Рубеж IX—X вв. — это кульминация иудео-хазарского могущества и катастрофа для аборигенов Восточной Европы, перед которыми стояла альтернатива: рабство или гибель?

Вокруг Каспийского моря

Торговые пути были нервами иудейской Хазарии, но Каспийское море слишком часто бывает беспокойно, протоки Волжской дельты в устьях мелеют и непроходимы для крупных морских кораблей, а восточные берега безводны и безлюдны. Поэтому правительство не завело соб-

¹ Сын болгарского эльтебера был заложником у хазар, а «дочерей хазарский царь требовал себе в гарем» [150, стр.141].

ственного флота, предпочитая пользоваться караванными путями в обход Каспийского моря.

Наиболее удобным был путь из Багдада через Кавказ, где, миновав Дербент, купцы сразу попадали в Хазарию и оттуда в Булгар и Великую Пермь. Второй путь шел через Мерв, Бухару и Хорезм по берегу Амударьи, через плоскогорье Устюрт — ворота в страну тюрков, затем пересекал реки Эмбу, Яик, Сакмару и дальше шел по левому берегу Волги в Булгар. Недостатком этого маршрута было то, что он пролегал через кочевья гузов, печенегов и башкир, причем последние считались жуткими головорезами, а первые при проходе Ибн-Фадлана через их земли решали: разрезать ли послов халифа пополам, или, раздев догола, отпустить назад, или выдать послов хазарам в обмен на своих находившихся в плену; но потом Ибн-Фадлана пропустили дальше [150, стр. 129].

Другая дорога из мусульманских стран Средней Азии шла через нижнюю Эмбу и низовья Яика прямо на Волгу, в Итиль. Этот путь был оборудован великолепными караван-сараями из тесаного камня и колодцами, облицованными камнем, на расстоянии друг от друга примерно в 25 км (нормальный переход каравана). Но, несмотря на все принятые меры, восточный путь был длиннее и труднее западного, кавказского. И использовался он только тогда, когда не было другого выхода.

Но море тоже не оставалось пустым: по нему плавали корабли русов из Итиля в Гурган, где перегружали товары на верблюдов для отправки в Багдад. Разумеется, и этот путь был под контролем хазарского царя, который был кровно заинтересован в том, чтобы купцы по этим путям проходили беспрепятственно и чтобы доходы поступали в его казну регулярно.

Торговым операциям не мешал даже развал халифата, когда эмиры переставали подчиняться халифу и оставляли собранные налоги себе. В 866 г. тюркские наемники взяли Багдад и сменили халифа на своего ставленника. Это был конец господства арабов в государстве, созданном их предками [188, т.П, стр.223].

Перемены коснулись и Кавказа. В 859 г. была восстановлена Ганджа, где укрепились арабские правители из

племени шайбан. В 869 г. в Дербенте пришли к власти Хашимида, арабы из племени сулайм. Но те и другие, будучи правоверными суннитами, не порывали отношений с Багдадом и наместниками Азербайджана — Саджидами [181, стр.40]. Поэтому у хазарского царя не было повода для беспокойства.

Но совсем по-иному пришлось реагировать на шиитское движение иранских народов, живших на южном берегу Каспийского моря. В 867 г. горцы Табаристана, поднявшие восстание под знаменем Алидов, отделились от халифата.

Области Южного Прикаспия, защищенные с севера морем, а с юга — могучим хребтом Эльбурса, были надежным убежищем для древних этносов, сохранявших фактическую независимость и при Селевкидах, и даже при Сасанидах. Арабское завоевание тоже не нарушило течения жизни горцев Эльбурса, так же как горцев Астурии, Басконии и Киликии, хотя и вызвало ненависть к арабам. Влияние ислама, принятого лишь в 842 г., было ничтожно, а потому шиитская пропаганда², по сути дела антиарабская, нашла в Дейлеме и Табаристане подходящую почву. Эти горцы охотно шли сражаться не за Алидов, а против Аббасидов. И чем более слабел Багдадский халифат, тем грознее становилась сила дейлемитов, реликта, не растратившего своих сил, как арабы и персы, и достойного противника степных тюрков, единственной боеспособной армии суннитских владык.

Областью, поставлявшей хазарским царям наемников, был Гурган¹ — «волчья страна», расположенная на юго-восточном берегу Каспия. Воинственные обитатели этой бедной земли охотно оправдывали свое прозвание — «волки» — и продавали свою доблесть тем, кто за нее платил. Официально Гурган подчинялся наместнику Хорасана, где правили потомки персидских аристократов Тахириды, правоверные сунниты.

В 872 г. вождь восставших шиитов Табаристана Хасан вторгся в Гурган и завоевал его, а потом захватил богатые

¹ Гурган — от персидского слова «гург» — волк; это древняя Гиркания, по-арабски — Джурджан.

города Казвин и Рей (Тегеран). Хазарские иудеи сразу лишились и удобного караванного пути, и храбрых наемников, переставших поступать в Итиль. Эпоха миролюбия кончилась. Война с шиитами стала для хазарских евреев насущной необходимостью.

Для войны с мусульманами нужны были воины-язычники, т.е. скандинавские варяги. Хазарский царь пригласил дружину Хельги (Олега), посулив варягам раздел Восточной Европы и поддержку за уничтожение Русского каганата и Аскольда.

Конунг Олег в 882 г. овладел Смоленском и Киевом, а к 885 г. подчинил себе северян и радимичей, до того бывших данниками Хазарии.

Молчание летописца Нестора показывает, что в последующие годы Олег не побеждал, а уже в начале X в. русский флот оперирует на Каспии против врагов хазарского царя. Очевидно, киевские варяги стали поставлять хазарскому царю «дань кровью». Они посылали подчиненных им славяно-русов умирать за торговые пути рахдонитов.

Благоприятно для хазарского царя сложились дела в Средней Азии, где власть попала в руки просвещенных Саманидов, покровителей городов, а тем самым и международной торговли.

В 900 г. Исмаил Самани разгромил шиитское государство Алидов в Южном Прикаспии. Но местное население Гиляна, Дейлема и Мазандерана, никогда не подчинявшееся чужеземцам, укрылось в горных замках, и власть Саманидов в Табаристане была призрачной. До тех пор пока дейлемитов с юга прикрывали горы Эльбурса, а с севера — Каспийское море, они могли держаться, так как «ни Саманиды, ни хазары не имели флота» [Масуди, цит. по: 181, стр.198 — 201]. Но в 909 г. на море появились ладьи русов, разгромивших остров Абаскун. На следующий год русы напали на Мазандеран, но потерпели поражение и ушли. В 913 г. огромный флот — 500 кораблей — с разрешения хазарского царя Вениамина вошел в Каспийское море и подверг грабежу побережья Гиляна, Табаристана и Ширвана. Естественно предположить, что русов просто пригласил царь Вениамин для расправы с разбойниками-

горцами¹. Русы сразились с гилянцами и дейлемцами, видимо, без больших успехов, а затем напали на Ширван и Баку, где сидели Саджиды, правители, поставленные халифом, сунниты и, следовательно, друзья хазар, и здесь развернулись со свирепостью, свойственной их скандинавским вождям.

Набрав много добычи, русы вернулись в Итиль, послали хазарскому царю условленную долю и остановились на отдых. Тогда мусульманская гвардия хазарского царя потребовала от него разрешения отомстить русам за кровь мусульман и за полон женщин и детей. Царь разрешил, и в трехдневной битве утомленные походом русы потерпели поражение. Число погибших исчислено в 30 тыс. человек. В плен не брали. Остатки русов бежали по Волге на север, но были истреблены буртасами и булгарами. Очевидно, варяжская неуместная инициатива вызвала расправу со стороны хазарских мусульман, тем более что разгром врагов Дейлема настолько облегчил положение шиитов, что в 913 г. они освободились от власти Саманидов и вытеснили последних из Гиляна и Табаристана [196, стр.249].

Всю первую половину X в. дейлемиты развивали успех. Часть их двинулась на юг, захватила Фарс, Кирман, Хузистан и наконец в 945 г. Багдад, где их вожди в течение 110 лет держали под своей опекой халифов. Другая часть подчинила в 914 г. Азербайджан и дошла до Дербента [181, стр.215]. Каспийская торговля оказалась под контролем недругов Хазарии, точнее — врагов хазарской торговли.

Ущерб был большой, но поправимый, потому что оставалась караванная дорога восточнее Каспия. В 913 г. хазары в союзе с гузами разбили восточных печенегов, кочевавших между Волгой и Яиком [259, р.238]. Это отчасти компенсировало им потерю союзников в Закавказье — Саджидов, но господство грубых и свирепых дейлемитов в Иране и Азербайджане отравляло жизнь хазарским евреям.

И самое досадное, что против них нельзя было послать верных наемников-суннитов из Гургана, ибо повелитель

¹ Они названы «аджам». т.е. «не-мусульмане». См.: [181, стр.199].

правоверных — багдадский халиф отдавал приказания через дейлемских эмиров, а те не допускали, чтобы он приказал убивать их братьев руками мусульман. Следовательно, надо было опять поднимать русов на войну за торговые интересы еврейской общины, а русы после предательства 913 г. не стремились повторять походы на Каспий.

Конечно, можно было бы мобилизовать самих хазар, хотя бы ту их часть, которая была обращена в православие еще в VIII в., но на это правительство не решилось, надо думать, не без оснований. Хазары никаких выгод от торговли не имели, и воевать им было не за что. Поэтому события потекли по иному руслу.

Враги обновленной Хазарии

Всегда было известно, что война — дело тяжелое и неприятное. Но есть вещи хуже войны: обращение в рабство, оскорбление чтимых святынь, разграбление имущества и, наконец, оскорбительное пренебрежение.

Все это выпало на долю народов Восточной Европы после того, как они оказались в сфере влияния иудейской Хазарии. Но этнические различия между ними не давали им возможности объединиться. Зато итильское правительство легко могло натравливать их друг на друга, используя старые, но не забытые межплеменные счеты. Еще в IX в. царь Вениамин вел войну против асов (осетин), «турок» (мадьяр), «пайнилов» (печенегов) и «македона» (византийцев). Вениамин победил коалицию противников при помощи алан. Затем царь Аарон победил алан при помощи торков (гузов) в начале X в. М.И. Артамонов датирует это событие 932 г. и связывает с ним гонения на христианство, от которого Аарон принудил отречься побежденных алан.

В 922 г. глава камских болгар Альмуш принял ислам и отделил свое государство от Хазарии, рассчитывая на помощь багдадского халифа, который должен был запретить мусульманским наемникам воевать против единоверцев. Кроме того, он просил у халифа денег для постройки крепости против «иудеев, поработивших его».

Халиф приказал продать конфискованное имение казенного визиря и вручить деньги послу Ибн-Фадлану, но покупатель «не смог» догнать караван посольства [150, стр.133], и крепость в Булгаре построена не была, а хорезмийцы в X в. уже не обращали внимания на приказы ослабевших багдадских халифов, поскольку они касались не духовных, а мирских дел.

Вероотступничество не укрепило, а ослабило Великий Булгар. Одно из трех болгарских племен — суваз (предки чувашей) — отказалось принять ислам и укрепилось в лесах Заволжья. Расколотая болгарская держава не могла соперничать с иудейской Хазарией [Там же, стр. 139].

Похожим было положение у гузов. В 921 г. один из их вождей принял ислам, но соплеменники предложили ему отречение либо от новой веры, либо от власти [Там же, стр.127]. Гуз вернулся к древним богам.

Итак, попытки освободиться от иудеев при помощи мусульман оказались обреченными на неуспех. Это учли русы и славяне (поляне), поставленные варяжскими захватчиками в положение отнюдь не благоприятное, что старательно затушевывал летописец Нестор. К счастью, у нас есть возможность восполнить опущенные им сведения.

Хазары собственной монеты не имели, используя арабские диргемы. Какая-то часть этих денег, естественно, оставалась у подданных хазарского царя. Ареал диргемов с куфическими надписями в 883—900 гг. доходил до восточной границы Русской земли, т.е. ими пользовались северяне, находившиеся в сфере влияния Хазарии [246, стр.203—206]. После 900 г. диргемы появляются вкладах Русской земли, что показывает на включение ее в экономическую систему Хазарии. Эти диргемы не военная добыча, потому что победы всегда бывают отражены в летописях. Это оплата за услуги на Каспийском море в 909—910 гг., т.е. за кровь славяно-русских богатырей, пролитую ради чужих интересов, за подавление древлян в 914 г., за войну с печенегами в 920 г., за предательство, совершенное царем Вениамином в 913 г., которое осталось безнаказанным, и за многое такое, что современники постарались не заметить, а потомки забыть. Поводов для восхваления Олега Вещего нет.

Само собой понятно, что варяжское правительство не могло быть популярным среди славянского населения Поднепровья. Это подметил СМ. Соловьев, хотя он и не располагал сведениями, ныне вошедшими в арсенал науки. Олег рассматривается им не как храбрый воитель, а как хитрый политик и сборщик дани с незащитных славянских племен [*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен]. Так оно и было.

Если верить летописи, не отмечающей с 920 по 941 г. ни одного события отечественной истории, то надо признать русичей трусами и обывателями, не способными ни отомстить за преданных и убитых соотечественников, ни отстоять свое добро от сборщиков дани, переправлявших награбленное имущество в Итиль. Но верить надо не летописи, а совокупности сведений: последние же показывают, что хазарским евреям приходилось все время подавлять народные движения и русы доставляли им немало хлопот. Кроме того, менялось международное положение, и это весьма сказывалось на судьбе евреев, не только хазарских, но и соседних. А это в свою очередь оказывало воздействие на внешнюю политику Хазарии.

Хазарские иудеи могли не опасаться раздробленных на партии и султанаты мусульман, но им приходилось считаться с растущей силой Византии, где пришла к власти Македонская династия. Все православные христиане были потенциальными союзниками Византии, а число их благодаря деятельности Кирилла и Мефодия росло. В 867 г. произошло первое крещение Руси [135 а), т.П, стр.229], и вряд ли будет ошибочным предположение, что варяжское завоевание остановило приобщение Руси к православию. А кому это было на руку? Только хазарским евреям!

Разумеется, греки не могли ликовать по такому поводу, тем более что хазарская торговля питала Багдад, а хазарская дипломатия натравливала болгар на Константинополь. С другой стороны, византийские евреи не проявляли привязанности к странам, где их не любили и обижали. Поэтому «ряд евреев примкнул к нему (хазарскому царю) из мусульманских стран и из Византийской империи». Согласно Масуди, «причина в том, что император, правящий ныне (в 943 г.) и носящий имя Арманус (Роман), об-

рашал евреев своей страны в христианство силой и не любил их... и большое число евреев бежало из Рума в страну хазар» [Цит. по: 181, стр.193].

Вполне понятно, что отношения между христианами и иудеями обострились, и... потекла кровь.

Подвиги полководца Песаха

Греко-хазарский конфликт, в котором отразилось армяно-еврейское соперничество¹, не мог пройти незамеченным на Руси². В Киеве должна была появиться надежда избавиться от обременительного союза с Хазарией путем союза с далекой Византией. Поэтому эмиссары Романа Лекапина смогли «подстрекнуть» [155, стр. 117] киевского князя на участие в войне Византии против Хазарии, начавшейся в 939 г.³

Войну развязал хазарский царь Иосиф, который «низверг множество необрезанных», т.е. убил много христиан. К сожалению, источник умалчивает, где производились экзекуции, но, видимо, пострадали христиане, жившие внутри Хазарии, так как нет упоминания о походе. Казни эти рассматривались как ответ на гонения на евреев в Византии, но нельзя не заметить, что хазарские христиане в действиях византийского императора повинны не были.

Затем выступили русы. Вождь их в источнике назван Х-л-гу (Хельгу, т.е. Олег), хотя по «Повести временных лет» в это время правил Игорь Старый. Если Хельгу — имя собственное, то это был тезка Вещего Олега, но скорее это титул скандинавского вождя, т.е. имеется в виду сам Игорь, ибо Хельгу назван «царем России» [155, стр.117].

В 939 г. (или в начале 940 г.) Хельгу внезапным ночным нападением взял город С-м-к-рай (Самкерц, на бере-

¹ Василий Македонянин был армянин, переселившийся в Македонию. Эпоха Македонской династии была временем преобладания армян при дворе и в управлении.

² Русь в узком смысле включала три города. Киев, Чернигов и Переяславль.

³ Об этой войне подробно рассказывает Кембриджский аноним, еврейский автор XII в. Несмотря на аморфность повествования, достоверность событий подтверждается историческим анализом [см. • 110, стр.168].

гу Керченского пролива), «потому что не было там начальника, раб Хашмоная». Видимо, нападение русов было для хазарского царя неожиданностью.

В то же время другая русская рать, предводительствуемая воеводой Свенельдом, покорила племя уличей, обитавшее в низовьях Днестра и Буга. Уличи воевали против киевского князя еще в 885 г. [170, т.П, стр.254] и, естественно, находились в союзе с хазарами. Тогда им удалось отстоять свою независимость от Киева. Наконец войска русов после трехлетней осады, закончившейся в 940 г., взяли оплот уличей — город Пересечен и обложили их данью в пользу воеводы Свеиельда [243, стр.102—103].

Отсюда видно, что война велась на обширной территории, весьма продуманно и целеустремленно. Это отнюдь не похоже на случайный пограничный инцидент или на грабительский набег варяжских дружинников.

Хазарский царь ответил на удар ударом. Полководец <'досточтимый Песах» освободил Самкерц, отбросил русов от берегов Азовского моря, вторгся в Крым, взял там три греческих города, где «избил мужчин и женщин», но был остановлен стенами Херсонеса, куда спаслось уцелевшее христианское население Крыма.

Затем Песах пошел на Хельгу, т.е. подступил к Киеву, опустошил страну и принудил Хельгу, против его воли, воевать с бывшими союзниками-византийцами за торжество купеческой иудейской общины Итиля.

Все эти события в русской летописи опущены, за исключением последовавшего за ними похода на Византию. Это понятно: грустно писать о разгроме своей страны, но разгром этот подтверждается новыми косвенными данными.

Около 940 г. от Киевского княжества отпало днепровское левобережье (северян и радимичей впоследствии пришлось покорять заново) [128, стр.67—68]. Русы выдали победителю свое лучшее оружие — мечи [110] и, видимо, обязались платить дань, собираемую с племен правобережья, т.е. с древлян (см. ниже). Завоеванные земли уличей и тиверцев — в низовьях Днестра и Дуная — попали в руки печенегов [33, стр.147—149]. Кривичи освободились и создали независимое Полоцкое княжество. Осколок ва-

ряжской Руси из неравноправного союзника Хазарского каганата превратился в вассала, вынужденного платить дань кровью своих богатырей.

Русам абсолютно не из-за чего было воевать с греками. Нестор не мог придумать подходящий мотив для похода и ограничился голой констатацией фактов. Зато Еврейский аноним раскрыл причины происшедшей трагедии. Не без гордости он приписал ее давлению «досточтимого Песаха» на русского князя Хельгу (грекам имя Игоря тоже неизвестно), который «воевал против Кустантины на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили его огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, и пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти хазар» [155, стр.120].

Эта война протекала в 941 г. Ужасные последствия ее для русских богатырей описаны в «Повести временных лет», несмотря на усилия летописца представить события более приглядно. Десять тысяч кораблей высадили десант на северном побережье Малой Азии, и начались такие зверства, которые были непривычны даже в те времена. Русы пленных распинали (sic), расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа; жгли монастыри и церкви [170, т.I, стр.33, 230], несмотря на то, что многие русы приняли православие еще в 867 г. Все это указывает на войну совсем иного характера, нежели прочие войны X в. Видимо, русские воины имели опытных и влиятельных инструкторов, и не только скандинавов.

Греки подтянули силы, сбросили десант в море и сожгли русские лодки греческим огнем. Кто из русов не сгорел, тот утонул. Хазарские евреи избавились от обоих возможных противников.

Согласно «Повести временных лет», поход на Византию был повторен в 944 г. А.А. Шахматов считает рассказ об этом походе выдумкой, но, по-видимому, он не прав¹.

¹ См.: Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники. Стр.72; Д.С. Лихачев оспаривает это мнение, опираясь на заключение в 945 г. договора, выгодного для Руси. Однако, по его же уточнению, Игорь был убит осенью 944 г. (см.: 170, т.I, с.288, 295), следовательно, договор

В 943—944 гг. уцелевших русских воинов хазарские иудеи бросили в Арран (Азербайджан), где засели дейлемские шииты.

Русы при высадке разбили войска правителя Аррана Марзубана ибн-Мухаммеда и взяли город Бердаа на берегу Куры. Марзубан блокировал крепость, и в постоянных стычках обе стороны несли большие потери. Однако страшнее дейлемских стрел и сабель оказалась дизентерия. Эпидемия вспыхнула в стане русов. После того как в одной из стычек был убит предводитель русов, они пробились к берегу и уплыли обратно в Хазарию¹.

Итак, за три года союза с царем Иосифом русы потерпели два тяжелых поражения и потеряли много храбрых воинов. Но даже если бы они победили, то победа ничего бы им не дала, потому что укрепиться в Малой Азии или в Закавказье было невозможно, да и не нужно. Обе войны были проведены исключительно в интересах купеческой общины Итиля. Казалось, что славяно-русы должны разделить горькую участь тюрко-хазар.

Кто виноват?

Может показаться, что агрессия в интересах купеческой верхушки иудейской общины, произведенная руками хорезмийских наемников и воинственных русов, была плодом злой воли хазарских царей Вениамина, Аарона и Иосифа при попустительстве хазарских каганов, имена коих история не сохранила. Действительно, крови было пролито немало, погибли ни в чем не повинные обитатели побережий Черного и Каспийского морей, сложили голову за чужое дело русские богатыри, были обобраны и ежедневно оскорбляемы хазары, аланы потеряли свои христианские святыни, славяне платили дань по белке от дыма, лишь бы их не трогали печенеги, гузы не смыкали глаз, охраняя свои палатки от внезапного нападения. Это

был заключен уже с правительством Ольги, после крутого поворота в политической ориентации.

¹ Разбор гипотез о походах русов на Каспий см.: *Артамонов М.И.* История хазар. Стр.374—380. Критику предложенных гипотез см.: *Гумилев Л.Н.* Сказание о хазарской дани.

перманентное безобразие было тяжело для всех народов, кроме купеческой верхушки Итиля и обслуживавших ее наемников, но последние за приличное содержание платили своей кровью.

Но если мы попытаемся осудить за создавшуюся ситуацию иудейскую общину Хазарии, то немедленно встанет вопрос: а чего было ждать? Евреи попали в Хазарию вследствие гонений, которым они подвергались в Иране за близость к маздакитам, а в Византии — за сотрудничество с арабами, вызванное торговым соперничеством с греками и армянами. Те и другие в торговых операциях были не менее искусны, чем евреи, а к тому же пользовались поддержкой своего правительства. Евреи, чтобы обойти конкурентов, воспользовались поддержкой чужого правительства, арабского, но халифы требовали от них помощи и в военных операциях, например, сдачи христианских крепостей, что влекло пролажу в рабство всех христиан, не убитых при захвате города, и осквернение христианских святынь. Естественно, что родственники и единоверцы погибших в восторге не были.

Точно так же поступали языческие союзники хазар с мусульманскими городами, за тем лишь исключением, что в жертву войне хазарские иудеи приносили дейлемских шиитов — горцев, не умевших торговать. Но в 945 г. вождь дейлемитов вступил в Багдад и стал править от имени халифа, имея титул «амир ал-умара» (эмир эмиров — главнокомандующий). Это означало, что хазарские иудеи войну за Каспий проиграли. Им оставалось ориентироваться на союзную Среднюю Азию и только что завоеванную Восточную Европу.

Иудейская община получала необходимую ей военную силу из Средней Азии и оплачивала ее данью из Восточной Европы. Но могла ли она поступать иначе? Ведь, выпустив из рук власть, она теряла и накопленные богатства, и контроль над транзитной торговлей, а следовательно, все средства к существованию. Горожане и купцы не могли вернуться к земледелию и скотоводству, потому что они не имели навыков, необходимых для этих занятий. Потеряв власть, они теряли богатство, а вслед за тем и жизнь. Поэтому им надо было держаться и побеждать.

Но победы и расширение державы не всегда ведут к процветанию и устойчивости. Покорение сильного этноса иной раз стоит дороже, чем доходы, которые можно получить. Это показали первыми камские болгары, освободившиеся от хазарской гегемонии. После болгар, при неясных обстоятельствах, добились независимости гузы и печенеги. Все они стали врагами иудео-хазар.

Победы Песаха позволили хазарскому царю перенести налоговый гнет на русское население Поднепровья, ибо варяжские конунги готовы были оплачивать свой покой данью, собираемой со славян, менее организованных и потому менее опасных. А из этого проистекли дальнейшие события.

Итак, если уж применять к историческому процессу человеческие этические нормы, то винить в бедах Русской земли можно варягов, конечно, не за то, что они путем обмана захватили Киев, ибо обман на войне — это не предательство доверившегося, и не за то, что они обирали покоренные славянские племена, поскольку те не отстаивали свободу, предпочитая платить дань, а за то, что, возглавив племя полян, называемых тогда русью, эти конунги «блестяще проиграли» все войны: с греками, печенегами, дейлемитами и хазарскими евреями. Омерзительно, что они, перехватив у русов инициативу, довели страну до полного развала и превратили ее в вассала хазарских царей. Но еще хуже, что, выдав хазарским евреям мечи как дань, т.е. по существу обезоружив свое войско, эти узурпаторы бросили своих богатырей на противников, вооруженных греческим огнем или легкими кривыми саблями. Это такая безответственность, такое пренебрежение к обязанностям правителя, что любые оправдания неуместны.

Однако малочисленные варяжские дружины не могли бы держаться в чужой стане без поддержки каких-то групп местного населения. Эти проваряжские «гостомыслы»¹, пожалуй, виноваты больше всех других, так как они жертвовали своей родиной и жизнью своих соплеменни-

¹ В поздних летописях это слово персонифицируется в имя собственное — «старейшина Гостомысл» (см.: 170, т.И, стр.214), значение термина — симпатизирующий иноземцам.

ков ради своих корыстных интересов. А сопротивление варягам было даже в Новгороде, хотя сведение о нем сохранилось только в поздней, Никоновской летописи¹.

Но помимо эмоционального отношения к давно минувшим фактам необходим их объективный анализ. Друзья варягов, хотели они того или нет, способствовали включению Русской земли в мировой рынок, который в то время находился под контролем иудейской Хазарии. Русь поставляла на мировой рынок меха, олово и рабов, но не получала взамен ничего, так как поставляла эти товары как дань.

Вот почему князь Игорь Старый, собирая дань в стране древлян, вынужден был отпустить часть своей дружины, после чего был убит древлянами². Дружину надо было оплачивать той же добытой данью, но из нее же надо было послать дань в Хазарию, чтобы полководец Песах не повторил поход. Игорь больше страшился хазар и решил собрать требуемую сумму с наименьшими затратами. Поэтому он стал экономить на «технике безопасности» и погубил не только себя, но и своих сторонников. Но жалеть его не стоит. Благодаря оплошности Игоря Русь вернула себе свободу и славу.

Переворот в Киеве

До тех пор, пока хазарское правительство подчиняло себе народы многочисленные, как черные болгары, куль-

¹ «...Оскорбишася новгородци, глаголюще, яко быти нам рабом и многа зла всяческа пострадати от Рюрика и ради его... Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев съветников его». Однако оно заслуживает доверия. «Западнику» Нестору было бы незачем сочинять «норманнскую теорию» происхождения Руси и замалчивать древний, свободный, славный период истории Русского каганата, если бы не необходимость переубедить тех, кто скептически относился к рассказам о подвигах варяжских конунгов. А таких людей в Древней Руси было, видимо, немало.

² По сухому сообщению Нестора, «древляне убиша Игоря и дружину его». Лев Диакон сообщает, что Игорь, захваченный в плен, «был привязан к двум деревьям и разорван на две части» [*Лев Диакон. История в десяти книгах* /Перевод М.М. Копыленко. Кн. ГУ. Гл. 10. СПб., 1820, стр.66]. Год гибели Игоря спутан летописцем: вместо 945 г. надо 944 г. [см.: 170, т.П, стр. 295].

гурные, как аланы, храбрые, как печенеги, и вольнолюбивые, как гузы, оно умело управлять ими. Всегда можно было подкупить вождя, или нанять на службу удальцов из народа, или обольстить влиятельных женщин, или завербовать предателей. Важно было то, что этнопсихологическую реакцию можно было рассчитать, так как творческие элементы в психологии были вытеснены традиционными, поддающимися изучению.

Но древние славяно-русы в X в. в отличие от перечисленных народностей были пассионарным этносом. Надлом, т.е. переход из акматической фазы в инерционную, связанный с варяжской узурпацией, унес много жертв и принес немало позора, но не полностью уничтожил пассионарный генофонд в стране.

В благодатном ландшафте, в устойчивом быте, не нарушенном ни техническими усовершенствованиями, ни европейскими методами воспитания, росли сироты, дети богатырей, погибших на Черном море от греческого огня и на Каспийском — от эпидемий. Они знали, кто послал их отцов на гибель, отобрав предварительно заветные мечи. Они видели, куда уходили шкуры белок и куниц и отчего мерзли их матери и сестры. Они слышали грозные окрики из Киева, где сидел князь, надежно защищенный от народа союзом с хазарским царем, войско которого было всегда наготове.

В этой обстановке росли... ровесники князя Святослава.

По аутентичному источнику — летописанию — князь Святослав родился в 942 г. Его официальный отец Игорь в 879 г. был «дѣтескъ вельми», но даже в этом случае в 942г. ему было более 66 лет, а его жене Ольге — 49—50. Святослав был их первенец, и он действительно был сын Ольги, а что касается Игоря Рюриковича, то это на совести автора аутентичного источника, так же как и возраст Ольги, которая вплоть до кончины в 969 г. вела себя куда более деятельно, чем это может старуха в 76 лет¹.

¹ Нестор погрешил против истины. В 946 г. князь Мал сватается к Ольге, которой 54 года. Нелепость, но это не описание династического брака, а вставная дидактическая новелла. В 955 г. на приеме у Константина Багрянородного она была, согласно Нестору, столь «красива лицом», что базилевс влюбился... в старуху 62 лет? Одно из двух: неверен

Интересно, что Ольга с сыном жили не в Киеве, а в Вышгороде, где «кормильцем» Святослава, т.е. учителем, был некто Асмуд, а воеводой его отца — Свенельд.

Свенельд имел на прокорм своей дружины дань с древлян и уличей. Игорева дружина считала, что это для него слишком роскошно. Игорю приходилось платить дань хазарам и кормить свою дружину. В 941 и 943 гг. киевский князь откупался от хазарского царя, участвуя в его походах, но в 944 г. «Игорь, побуждаемый дружиной, идет походом на Деревскую землю (чтобы собрать себе дань, причитающуюся Свенельду и его дружине), но Свенельд не отказывается от данных ему прав — происходит столкновение Игоревой дружины со Свенельдовой и с древлянами — подданными Свенельда; в этом столкновении Игорь убит Мстиславом Лютом, сыном Свенельда» [243, стр.365].

Версия А.А. Шахматова устраняет одну из нелепостей версии Нестора, согласно которой корыстолюбие Игоря было сопряжено с легкомыслием. В самом деле, как отпустить дружину, оставаясь в разграбленной стране?! Другое дело, если Игорь и его советники были уверены в бессилии древлян и пали жертвой заговора, организованного в Вышгороде. Но и тогда остается неясным, почему киевская дружина не отомстила Мстиславу Лютому за измену и гибель пусть не князя, но своих соратников? И как на это решились в Вышгороде, когда силы Киева превосходили их силу вдвое? И наконец, почему заговор удался, а месть Мстиславу Лютому совершилась лишь в 975 г., когда его убил Олег Святославич, точнее, его свита?

В обеих версиях чего-то не хватает: по нашему мнению, не учтено влияние хазарского царя Иосифа.

После похода Песаха киевский князь стал вассалом хазарского царя, а следовательно, был уверен в его поддержке. Поэтому он перестал считаться с договорами и условиями, которые он заключил со своими подданными, полагая, что они ценят свои жизни больше своего имущества. Это типично еврейская постановка вопроса, где не

или возраст Ольги, или все остальное (см.: *Гумилев Л.Н.* Сказание о хазарской дани).

учитываются чужие эмоции. Свенельдичем и его дружиной овладела обида: они восприняли лишение их доли дани, без которой вполне можно было обойтись, как оскорбительное пренебрежение, на которое ответили убийством князя. Но так как Игорь и окружавшие его варяги после двух тяжелых поражений были на Руси непопулярны, то заговорщиков поддержали широкие массы древлян, благодаря чему переворот удался, ибо княжеская дружина оказалась в изоляции.

Затем наступило короткое междукняжие [243, стр.109], после которого князем стал малолетний Святослав, регентшей — его мать, псковитянка Ольга, а главой правительства — воевода Свенельд, отец Мстислава Лютого. Состав нового правительства говорит сам за себя. Отметим лишь, что старшее поколение носит скандинавские, а младшее — славянские имена. Короче говоря, вся фактическая власть сосредоточилась в руках либо славян, либо ослабленных россов.

Не ясен и, вероятно, неразрешим только один вопрос: был ли Святослав сыном Игоря Старого? Летопись в этом не сомневается¹, у нас нет уверенности в этом². Но в плане этнологическом это не так уж важно. Ольга и Свенельд восстановили славяно-русскую традицию и вернули Русь на тот путь, по которому она двигалась до варяжской узурпации. И последствия оказались самыми благоприятными для Русской земли и весьма тяжелыми для еврейской общины в Хазарии.

Славянский элемент восторжествовал и над норманнским, и над россомонским, сохранив от последнего только само название: «поляне, яже ныне рекомая русь». Смена веры в 988 г. позволила покончить с северными заморскими традициями, и Русь вступила в инерционный период этногенеза, при котором условия для накопления культурных ценностей оптимальны.

¹ См.: Тексты Киевского свода 1039 г. и Новгородского свода 1050 г., восстановленные А.А. Шахматовым (243, стр.543, 613).

² Вымышленные генеалогии — слишком частое явление, чтобы придавать им большое значение. Например, подлинная фамилия русского царя Павла I — Готорп.

Лицом к лицу

Русь, избавившись от варяжского руководства, восставливалась быстро, хотя и не без некоторых трудностей.

В 946 г. Свенельд усмирил древлян и возложил на них «дань тяжку», две трети которой шли в Киев, а остальное — в Вышгород, город, принадлежавший Ольге [170, т. I, стр. 143].

В 947 г. Ольга отправилась на север и обложила данью погосты по Мсте и Луге. Но левобережье Днепра осталось независимым от Киева¹ и, по-видимому, в союзе с хазарским правительством [244, стр. 51—54].

Вряд ли хазарский царь Иосиф был доволен переходом власти в Киеве из рук варяжского конунга к русскому князю, но похода Песаха он не повторил. За истекшие пять лет внешнее положение еврейской общины Итиля осложнилось. Прекратилась не только торговля с Багдадом вследствие победы Бундов, но и китайская торговля потерпела урон. В 946 г. кидани взяли Кайфын, столицу Китая и узел караванной торговли, потом отдали его тюркам-шато, а те оказались во вражде и с киданями, и с китайцами [См.: 98, стр. 78—79]. Торговля от этих неурядиц пострадала сильно. А во Франции тоже шла ожесточенная война — между последними Каролингами и герцогами Иль-де-Франс. Как уже было сказано, Каролинги за деньги давали защиту французским евреям; поэтому их поражение и неминуемость падения Западной империи не сулили евреям ничего доброго.

Исходя из этих обстоятельств, хазарский царь Иосиф считал за благо воздержаться от похода на Русь, но отсрочка не пошла ему на пользу. Ольга отправилась в Константинополь и 9 сентября 957 г. приняла там крещение, что означало заключение тесного союза с Византией, естественным врагом иудейской Хазарии. Попытка перетянуть Ольгу в католичество, т.е. на сторону Германии, предпринятая епископом Адальбертом, по заданию императора Отгона I прибывшим в Киев в 961 г., успеха не имела [53 а), стр. 458—459]. С этого момента царь Иосиф потерял

¹ Это видно из того, что радимичей заново покорил воевода Владимира Волчий Хвост в 984 г.

надежду на мир с Русью, и это было естественно. Война началась, видимо, сразу после крещения Ольги.

То, что война Хазарии с Русью шла в 50-х годах X в., определенно подтверждает письмо царя Иосифа к Хасдаи ибн-Шафруту, министру Абдаррахмана III — омейядского халифа Испании, написанное до 960 г.: «Я живу у входа в реку и не пускаю русов, прибывающих на кораблях, проникнуть к ним (мусульманам). Точно так же я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними (врагами мусульман. — *Л.Г.*) упорную войну. Если бы я оставил их (в покое. — *Л.Г.*), они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада» [155, стр.83—84].

Это, конечно, преувеличение. Бунды в Иране, Багдаде и Азербайджане держались крепко. По-видимому, Иосиф хотел расположить к себе халифа Испании, чтобы попытаться создать антивизантийский блок на Средиземном море, где как раз в это время греки при поддержке русов отвоевывали Крит, базу арабо-испанских пиратов. В 960 г. Никифор Фока одержал победу. Надежды царя Иосифа на помощь западных мусульман разбились вдребезги.

Тем не менее Византия не могла активно помочь обновленной Руси. Силы греков были скованы наступлением на Киликию и Сирию. В решающие 965—966 гг. Никифор Фока взял Мопсуестию, Тарс, завоевал Кипр и дошел до стен «великого града Божьего» — Антиохии.

Эти победы стоили дорого. В Константинополе в 965—969 гг. царил голод, так как цена хлеба поднялась в 8 раз. Популярность правительства падала.

Однако дружба с Византией обеспечила Руси союз с печенегами, важный при войне с Хазарией. Печенеги, придя на западную окраину Степи, оказались в очень сложном положении: между греками, болгарами и русскими. Чтобы не быть раздавленными, печенеги заключили союзные договоры с русскими и греками, обеспечивали безопасность торговли между Киевом и Херсонесом, снабжали русов саблями взамен тяжелых мечей. Этот союз продолжался до 968 г. [170, т.П, стр.312; 135 а), т.П, стр.231—233], т.е. до очередного русско-византийского

конфликта. Но в решающий момент войны с Хазарией печенег были на стороне киевского князя.

Сторонниками хазарского царя в это время были ясы (осетины) и касоги (черкесы), занимавшие в X в. степи Северного Кавказа. Однако преданность их иудейскому правительству была сомнительна, а усердие приближалось к нулю. Во время войны они вели себя очень вяло. Примерно так же держали себя вятичи — данники хазар, а болгары вообще отказали хазарам в помощи и дружили с гузами, врагами хазарского царя. Последний мог надеяться только на помощь среднеазиатских мусульман.

Искренность и выгода

Казалось бы, естественно, что на востоке союзником иудейской Хазарии было таджикское государство Саманидов, известное благодаря активной внешней торговле и блестящей культуре. Однако положение в этой державе было сложным. За 150 лет господства Аббасидов в Средней Азии и Иране потомки арабов, персов, согдийцев и части парфян сумели приспособиться к новым условиям и к X в. слились в монолитный таджикский этнос. Именно таджиков возглавила местная династия Саманидов, и созданная ими культура блистала, как алмаз, по сравнению с которой все прочие — оправа.

Здесь, в кратком очерке, нет возможности описать эту богатую эпоху, но... кристаллы появляются при остывании магмы. За одно только столетие доблесть дехкан, вознесших трон Исмаила Самани, растаяла в очаровании садов, веселом шуме базаров и благолепии суннитских мечетей. Потомки воинов стали веселыми и образованными обывателями.

Вскоре Саманиды, чтобы сохранить свою державу, стали покупать тюркских рабов (гулямов) и составлять из них войско. Те, оставаясь де-юре рабами, могли делать карьеру (порой головокружительную — вплоть до наместников провинций), поскольку фактически гулямы были куда сильнее свободных дехкан и купцов. Ведь в их руках были сабли, и все они были профессиональными воителями. Таким любое ополчение не страшно.

И за границей были тюрки, ставшие мусульманами. В 960 г. приняли ислам карлуки, эслед за ними — воинственные чигили и храбрые ягма. Это снискало им симпатии могущественной суннитской церкви, опасавшейся вольномыслия Саманидов. Шииты казались мусульманскому духовенству большими врагами, чем иноплеменники. К 999 г. Саманиды были преданы буквально всеми: тюркскими наемниками, духовенством, горожанами Бухары, но и до этого помочь хазарским евреям они не могли. В ином положении был одинокий оазис Хорезм, неподалеку от Аральского моря.

Хорезм подобен зеленому острову среди желтой пустыни, и древнее население его — хорасмии, или хвалисы, — избежало арабского погрома, преобразившего города Согдианы. Хорезмшах покорился арабам еще в 712 г., согласился на уплату дани и обязался оказывать военную помощь. Этим он спас свой народ, состарившийся и уставший¹.

В X в. в Хорезмском оазисе было два государства: старжилами в Кяте правил хорезмшах; осевшими в Ургенче тюрками — эмир. Они объединились в 996 г., и тогда Хорезм стал тюркоязычным оседлым самостоятельным этническим образованием.

Необходимую для этого традицию сберегли потомки хорасмиев, а пассионарность привнесли тюрки, главным образом туркмены. За X в. благодаря исключительно благоприятным условиям симбиоз превратился в системную целостность — этнос в мусульманском суперэтнотесе.

Можно задуматься над тем, откуда взялась пассионарность у приаральских кочевников. Эти потомки сарматов должны были растратить ее одновременно с хорасмиями, согдийцами и парфянами. Да, так, но в VI—VII вв., в эпоху Западно-Тюркютского каганата, с берегов Орхона шел

¹ Хорасмии — близкие родственники парфян; следовательно, начальная дата их этногенеза — IV—III вв. до н.э., но ему еще предшествовал инкубационный период, длительность коего определить пока трудно. Значит, к X в. н.э. хорасмии прошли все фазы этногенеза и находились в гомеостазе, что позволило им без сопротивления принять в свою среду пассионарных тюрков, стремившихся с ними ужиться. А это сделало возможной полную ассимиляцию на мирной основе.

генетический дрейф, разносящий признак на окраины ареала популяции¹. Попросту говоря, степные богатыри во время походов на запад награждали местных красавиц своей благосклонностью, а появлявшиеся потомки наследовали пассионарность отцов.

Современники характеризовали хорезмийцев так: «Они храбро воюют с гузами и недоступны для них» (Истахри); «они люди гостеприимные, любители поесть, храбрые и крепкие в бою» (Макдиси); «люди его (города Кята) — борцы за веру и воинственны», «население его (Ургенча) славится воинственностью и искусством метать стрелы» (Худуд ал-Алям); «каждой осенью с наступлением холодов царь Хорезма выступал в поход против гузов» (Бируни) [Цит. по: 229, стр.244].

А так как гузы в X в. стали врагами Хазарского царства," то у царя Иосифа были все основания надеяться на помощь Хорезма. Ведь экономическое благополучие Ургенча и Кята в первой половине X в. было основано на торговле с Хазарией, шедшей через Устюрт и Мангышлак, в обход кочевий гузов [Там же, стр.242]. Будь царь Иосиф или другой еврей владыкой Ургенча, он поддержал бы хазарскую иудейскую общину, потому что это было выгодно не только ему, но и его стране. Но в Ургенче правил тюрк, который ради веры пошел на менее выгодный союз с освободившимся от Хазарии Булгаром. Гузы, воюя с хорезмийцами, купцов через свои земли пропускали, взимая пошлину. Эта торговля была менее выгодна Хорезму, зато совесть тюрка была чиста.

Понятие «выгода» у разных этносов и в разные эпохи различно. Для эмира Ургенча деньги значили много, но не все. Он не мог на них купить расположение мулл и улемов, энтузиазм своих конных стрелков, симпатии соседних кочевников и даже любовь своих жен. В Азии не все продается, а многое дается даром, ради искренней симпатии, которую эмир должен приобрести, если не хочет сменить трон на могилу. Поскольку общественное

¹ Н.И. Вавилов доказал, что рецессивные мутации постепенно оттесняются на окраины видовых и расовых ареалов (письмо к акад. В.И. Вернадскому; цит. по: 240, стр.147—148).

мнение хорезмийцев X в. формировалось в постоянной войне за ислам, то и правитель их должен был поступать в согласии с установленным стереотипом поведения. Он так и делал.

Макдиси сообщает: «Городами Хазарии иногда завладевает владетель Джурджании». И в другом месте: «Слышал я, что ал-Мамун нашествовал на них (хазар) из Джурджании, победил их и обратил к исламу. Затем слышал я, что племя из Рума, которое зовется Рус, нашествовало на них и овладело их страной» [Цит. по: 229, стр.252—253]. И Ибн-Мискавейх и Ибн ал-Асир сообщают о нападении в 965 г. на кагана Хазарии какого-то тюркского народа. Хорезм дал помощь при условии обращения хазар в ислам, а потом «обратился и сам каган» [Там же]. Сопоставим эти сведения с тем, что мы уже знаем.

В 943 г. хазарские иудеи и хорезмийцы, по свидетельству Масуди, были в союзе. В 965 г. Хазарская держава пала. Следовательно, колебания политики Хорезма имели место в промежутке между этими датами. Логично думать, что шансы царя Иосифа упали после поездки Ольги в Константинополь в 957 г. Значит, в эти годы (957—964) хорезмийцы под предлогом защиты хазар от гузов и русов обратили языческое население дельты Волги в ислам. Те пошли на это охотно, потому что не видели от своих правителей ничего доброго. Таким образом, Святославу была открыта дорога на Итиль, а подготовка к войне закончена¹.

Пятый акт трагедии

964 год застал Святослава на Оке, в земле вятичей. Война русов с хазарскими иудеями уже была в полном разгаре, но вести наступление через Донские степи, контролируемые хазарской конницей, киевский князь не решился². Сила русов X в. была в ладьях, а Волга широка. Без излишних столкновений с вятичами русы срубили и

¹ С.П. Толстов вопреки Макдиси полагает, что завоевание Хазарии русами предшествовало вступлению в Хазарию хорезмийцев; он пытается сопоставить вторжение русов с походом Владимира на Булгар в 985 г. [см.: 229, стр.255]. Для такого мнения оснований нет.

² Это ответ на сомнения А.А. Шахматова [см.: 243, стр.118—119].

наладили ладьи, а весной 965 г. спустились по Оке и Волге к Итилю [См.: 18, стр.426—429], в тыл хазарским регулярным войскам, ожидавшим врага между Доном и Днепром¹.

Поход был продуман безукоризненно. Русы, выбирая удобный момент, выходили на берег, пополняли запасы пищи, не брезгуя грабежами, возвращались на свои ладьи и плыли по Волге, не опасаясь внезапного нападения болгар, бургасов и хазар. Как было дальше, можно только догадываться.

При впадении р. Сарысу Волга образует два протока: западный — собственно Волга и восточный — Ахтуба. Между ними лежит зеленый остров, на котором стоял Итиль, сердце иудейской Хазарии [См.: 75, стр.26]. Правый берег Волги — суглинистая равнина; возможно, туда подошли печенеги. Левый берег Ахтубы — песчаные барханы, где хозяевами были гузы. Если часть русских ладей спустилась по Волге и Ахтубе ниже Итиля, то столица Хазарии превратилась в ловушку для обороняющихся без надежды на спасение.

Продвижение русов вниз по Волге шло самосплавом и поэтому настолько медленно, что местные жители (хазары) имели время убежать в непроходимые заросли дельты, где русы не смогли бы их найти, даже если бы вздумали искать. Но потомки иудеев и тюрков проявили древнюю храбрость. Сопротивление русам возглавил не царь Иосиф, а безымянный каган. Летописец лаконичен: «И бывши брани, одолъ Святославъ козаромъ и градъ ихъ... взя»². Вряд ли кто из побежденных остался в живых. А куда убежали еврейский царь и его приближенные-соплеменники — неизвестно.

Эта победа решила судьбу войны и судьбу Хазарии.

¹ С.П.Толстов [229, стр.256] полагает, что русы встретились с гузами около Верхнедонского волока (т.е. выше Итиля) и двинулись вверх по Волге. Однако течение на Волге настолько сильное, что подняться против течения можно было только при помощи бурлаков. В военных условиях это слишком опасно. Поэтому надо считать, что русы спускались по Оке и Волге самосплавом, при котором воины не устают и могут быть готовы к бою с противником.

² [170, т.I, стр 47]. Там сказано: «И градъ их и Бьлу Вежю взя». Значит, «градъ» не Белая Вежа [см.: 18, стр.427. Примеч. 9]

Центр сложной системы исчез, и система распалась. Многочисленные хазары не стали подставлять головы под русские мечи. Это им было совсем не нужно. Они знали, что русам нечего делать в дельте Волги, а то, что русы избавили их от гнетущей власти, им было только приятно. Поэтому дальнейший поход Святослава — по наезженной дороге ежегодных перекочевков тюрко-хазарского хана, через «черные земли» к среднему Тереку, т.е. к Семендеру, затем через кубанские степи к Дону и, после взятия Саркела, в Киев — прошел беспрепятственно.

Русские ратники, изголодавшиеся за долгий переход по полупустыне, разграбили роскошные сады и виноградники вокруг Семендера, но обитатели этих незащищенных поселений могли легко укрыться в густом лесу на берегу Терека. Жители Саркела, вероятно, разбежались заблаговременно, ибо сражаться стало не за что и не для чего. Гибель иудейской общины Итиля дала свободу хазарам и всем окрестным народам. Зигзаг сгладился, и история потекла по нормальному руслу.

Хазарские евреи, уцелевшие в 965 г., рассеялись по окраинам своей бывшей державы. Некоторые из них осели в Дагестане (горские евреи), другие — в Крыму (караимы). Потеряв связь с ведущей общиной, эти маленькие этносы превратились в реликты, уживавшиеся с многочисленными соседями. Распад иудео-хазарской химеры принес им, как и хазарам, покой.

Поклонники плененного света

Хазарская трагедия описана нами, но не объяснена. Неясными остаются причины того, почему многочисленная еврейская община, лишенная искренних друзей, ненавидимая соседями, не поддержанная подданными, полтора столетия господствовала над международной торговлей и возглавляла добрую половину разрозненных иудейских общин. Без искренних попутчиков и союзников такое дело неосуществимо. Значит у иудейской Хазарии такие союзники были.

«Враги наших врагов — наши друзья», — гласит старинная пословица. Даже если они нас не любят, и ничего

от нас не получают, они, борясь со своими, а тем самым нашими врагами, помогают нам. В IX—XI вв. непримиримыми по отношению к христианству, исламу и хинаяническому буддизму были сторонники учения пророка и философа Мани, казненного в Иране в 276 г. Учение его распространилось на восток до Желтого моря, а на запад до Бискайского залива, но нигде не могло укрепиться из-за своей непримиримости. К IX в. манихейская община, как таковая, исчезла, но она дала начало множеству учений и толкований, породивших несколько сильных движений, резко враждебных христианству и исламу. Повсюду, где только ни появлялись манихейские проповедники, они находили искренних сторонников, и всюду текла кровь в таких масштабах, которые шокировали даже привыкших ко многому людей раннего средневековья. А собственно говоря, почему надо было из-за поэтических взглядов на мир жертвовать собой и убивать других? Но ведь убивали же!

Манихейские проповедники в южной Франции и даже в Италии так наэлектризовывали массы, что подчас даже папа боялся покинуть укрепленный замок, чтобы на городских улицах не подвергнуться оскорблениям возбужденной толпы, среди которой были и рыцари, тем более что затронутые пропагандой феодалы отказывались их усмирять.

Во второй половине XI в. манихейское учение охватило Ломбардию, где пороки высшего духовенства вызывали законное возмущение мирян. В 1062 г. священник Ариальд выступил в Милане против брака священников, но встретил сопротивление архиепископа Гвидо, и был убит. Борьба продолжалась, причем архиепископа и его наследника поддерживал император Генрих IV — тайный сатанист, а реформаторов — папы Александр II и Григорий VII. Видимо, и папы и император не интересовались сущностью проблемы, а просто искали сторонников. За соперничество вождей заплатили жители Милана, который сгорел во время уличного боя в 1075 г. В XII в. манихеи, названные в Италии патаренами, распространились по всем городам вплоть до Рима, причем наименее склонными к ереси оказались крестьяне, а наиболее активными

еретиками — дворяне и священники, т.е. самая пассионарная часть населения.

В Лангедоке, находившемся под призрачным покровительством королей Германии, центром манихейства стал город Альби, из-за чего французских манихеев стали называть альбигойцами, наряду с их греческим наименованием — катары, что значит «чистые». Их община делилась на «совершенных», «верных» и мирян. «Совершенные» жили в безбрачии и посте, обучая «верных» и напутствуя умирающих, которые на одре смерти принимали посвящение в «совершенные», чтобы спастись от уз материального мира. Миряне, сочувствующие катарам, переводили на народные языки книги Ветхого завета как героические сказания, чем понемногу изменяли идеалы рыцарства, а тем самым и стереотип поведения своих читателей. Остальное довершила антипатия провансальцев к французам как к чуждому и агрессивному этносу. К 1176 г. большая часть дворянства и духовенства Лангедока стали катарами, а меньшая часть и крестьяне предпочитали молчать и не протестовать.

Религиозные воззрения и разногласия сами по себе не повод для раздоров и истребительных войн, но часто являются индикатором глубоких причин, порождающих грандиозные исторические явления. Распространенное мнение, что пламенная религиозность средневековья породила католический фанатизм, от которого запылали костры первой инквизиции, — вполне ошибочно. К концу XI в. духовное и светское общество Европы находилось в полном нравственном упадке. Многие священники были безграмотны, прелаты получали назначения благодаря родственным связям, богословская мысль была задавлена буквальными толкованиями Библии, соответствовавшими уровню невежественных теологов, а духовная жизнь была скована уставами клюнийских монахов, настойчиво подменявших вольномыслие добронравием. В ту эпоху все энергичные натуры делались или мистиками или развратниками [Подробно см.: 195, стр.170—173]. А энергичных и пассионарных людей в то время было много больше, чем требовалось для повседневной жизни. Поэтому-то их и старались сплавить в Палестину, освобождать Гроб

Господень от мусульман, с надеждой, что они не вернуться.

Но ехали на Восток не все. Многие искали разгадок бытия, не покидая родных городов, потому что восточная мудрость сама текла на Запад. Она несла ответ на самый больной вопрос теологии: Бог, создавший мир, благ; откуда же появились зло и Сатана?

Принятая в католичестве легенда о восстании обуянного гордыней ангела, не удовлетворяла пытливые умы. Бог всеведущ и всемогущ! Значит, он должен был предусмотреть это восстание и подавить его. А раз он этого не сделал, то он повинен во всех последствиях и, следовательно, является источником зла.

Для подавляющего большинства людей, входивших в христианские этносы средневековья, сложные теологические проблемы были непонятны и ненужны. Однако потребность в органичном, непротиворечивом мировоззрении была почти у всех христиан, даже у тех, кто практически не верил в догматы религии и, уж во всяком случае, не думал о них.

Характер и система мировоззрения имели практический смысл — отделение добра от зла и объяснение того, что есть зло. Для средневекового обывателя эта проблема решалась просто — противопоставлением Бога дьяволу, т.е. путем элементарного дуализма. Но против этого выступили ученые теологи, монасты, утверждавшие, что Бог вездесущ. Но коль скоро так, то Бог присутствует в дьяволе и значит несет моральную ответственность за все проделки Сатаны.

На это мыслящие люди возражали, что если Бог — источник зла и греха, пусть даже через посредство черта, то нет смысла почитать Его. И они приводили тексты из Нового Завета, где Христос отказался вступить в компромисс с искушавшим Его дьяволом.

На это сторонники монизма возражали теорией, согласно которой Сатана был создан чистым ангелом, но возмутился и стал творить зло по самоволию и гордости. Но эта концепция несовместима с принципом всеведения Бога, который должен был предусмотреть нюансы поведения своего творения, и всемогущества, ибо, имея возможность прекратить безобразия Сатаны, Он этого не делает.

Поэтому теологи выдвинули новую концепцию: дьявол нужен и выполняет положенную ему задачу, а это, по сути дела, означало компромисс Бога и Сатаны, что для людей безразличных к вере было удобно, а для искренне верующих — неприемлемо. Тогда возникли поиски нового решения, а значит, и ереси.

В 847 г. ученый монах Готшалк, развивая концепцию бл. Августина, выступил с учением о предопределении одних людей к спасению в раю, а других — к осуждению в аду, вне зависимости от их поступков, а по предвидению Божию в силу его всеведения. Это мнение было вполне логично, но абсурдно, ибо тогда отпадала необходимость что-либо делать ради своего спасения и, наоборот, можно было творить любые преступления, ссылаясь на то, что и они предвидены Богом при сотворении мира. Проповедь Готшалка вызвала резкое возмущение. В 849 г. по поводу ее возникла полемика, в которой принял участие Иоанн Скот Эригена, заявивший, что зла в мире вообще нет, что зло — это отсутствие бытия, следовательно проблема Добра и Зла вообще устранялась из теологии, а тем самым упразднялась не только теоретическая, но и практическая мораль.

Мнение Эригены было осуждено на поместном соборе в Валенсе в 855 г. [16, стр.62—65]. Собор высказался в пользу учения Готшалка и с презрением отверг «шотландскую кашу», т.е. учение Эригены, которое квалифицировали как тезисы дьявола, а не истинной веры [Там же]. Но ведь в обоих вариантах зло, как метафизическое (Сатана), так и практическое (преступления), реабилитировалось. Готшалк считал источником зла божественное предвидение, а Эригена предлагал принимать очевидное зло за добро, так как «Бог зла не творит».

Итак, теоретически проблема Добра и Зла зашла в тупик, а практически Римская церковь вернулась к учению Пелагия о спасении путем свершения добрых дел. Такое решение было отнюдь не сознательным отходом от взглядов бл. Августина, а скорее инстинктивным, воспринимаемым интуитивно, и дававшим практические результаты — естественную мораль. Но если пелагианство удовлетворяло запросам массы, то не снимало вопроса о природе и

происхождении зла и Сатаны, упомянутого в Новом Завете неоднократно. Неопределенность тревожила пытливые умы молодых людей всех наций и сословий.

Не то, чтобы они искали в философии и теологии способ обогащения или социального переустройства; нет, им требовалось непротиворечивое мировоззрение, которое объединило бы их жизненный опыт с традицией и уровнем знаний того времени.

В самом деле, годилось ли для людей IX в., одаренных пылким воображением при привычке к конкретному мировосприятию, описание Бога, как «непостижимости», которая не знает, что она есть. По отношению к предметам мира — Бог обозначается как «небытие», или как монада, не имеющая в себе ни различия, ни противоположения; в отношении к бытию идеальному — как причина всех вещей, обретающих форму; по отношению к своей непостижимости — как «божественный мрак».

А как могли монахи обители Мальмсбери, где Эригена был настоятелем, молиться «мраку», который их и услышать-то не может? Они не могли не усмотреть в учении своего игумена кошунство и в 890 г., по вполне недостоверной, но весьма показательной версии, убили его собственной чернильницей. Но и после этого большие вопросы не были сняты. Разочаровавшись в возможностях схоластики, которая в X в. переживала очередной упадок, средневековые богоискатели искали решения проблемы вне школ и получали ответы от приходивших с Востока (с Балканского полуострова) манихеев, или, как их называли, катаров (чистые)¹. Зло вечно. Это материя, оживлен-

¹ Западное манихейство соперничало с христианством с конца III в. и подвергалось аналогичным гонениям при Диоклетиане. Христианские императоры продолжали эти преследования. Феодосий определил за принадлежность к манихейству смертную казнь. Гонорий квалифицировал исповедание манихейства как государственное преступление. Вандальский король Гуннерих истребил манихеев в Северной Африке; спаслись лишь те, кто успел убежать в Италию. В VI в. центром манихейства стала Равенна, ибо жители Ломбардии, ариане, вынужденные бороться против Рима, дали им приют. В X в. манихейство распространилось в Лангедоке и сомкнулось с аналогичными учениями Болгарии. В 1022 г. в Орлеане были сожжены десять катаров, среди которых были духовник короля Роберта I Этьен, схоластик Ливой и капеллан Гери-

ная духом, но обволокая его собой. Зло мира — это мучение духа в тенетах материй; следовательно, все материальное — источник зла. А раз так, то зло — это любые вещи, в том числе храмы и иконы, кресты и тела людей. И все это подлежит уничтожению. Самым простым выходом для манихеев было бы самоубийство, но они ввели в свою доктрину учение о переселении душ. Это значит, что смерть ввергает самоубийцу в новое рождение, со всеми вытекающими отсюда неприятностями. Поэтому ради спасения души предлагалось другое: изнурение плоти либо аскезой, либо неистовым развратом, после чего ослабевшая материя должна выпустить душу из своих когтей. Только эта цель признавалась манихеями достойной, а что касается земных дел, то мораль, естественно, упразднялась. Ведь если материя — зло, то любое истребление ее — благо, будь то убийство, ложь, предательство... все не имеет никакого значения. По отношению к предметам материального мира было все позволено.

В учении о предопределении, т.е. об ответственности за свои грехи, наиболее актуальном для того времени, катары совмещали августинизм Готшалка и космологию Эригены. Они отрицали свободу воли у человека и делили людей на сотворенных добрым и злым богами. Первые могут сделать зло лишь против воли, и, следовательно, грех не вменяется им в вину, а может только отсрочить их «возвращение домой». При этом они постулировали пре-
существование душ и метампсихозис. Этим «возвращением» они смыкаются с космологией Эригены, с той лишь разницей, что последний отрицал злое начало; зато он называл Бога — «божественный мрак», так что неясно, кому он поклонялся: Богу или Сатане? С точки зрения его учеников — монахов логичнее было второе решение, так как «божественный мрак» (несотворенное и творящее) принимал в себя обратно не свою эманацию, т.е. идеи (сотворенное и творящее), и невидимые вещи, наполняющие мир (сотворенное и не творящее), а неуспокоенные души

берт. В отличие от многих патриархальных и плебейских антицерковных движений, катары были социально разнообразны, что способствовало успехам их учения.

мертвецов (не сотворенное и не творящее), т.е. попросту «нежить», вампиров, которых люди боятся и которые имеют псевдосуществование при злой (для людей) активности. Переводя эту дилемму на язык современных понятий, можно сказать, что в возникшей системе представлений роль дьявола играл вакуум, который, как известно, при столкновении с материей весьма активен, хотя без нее лишен существования. Но поскольку живое воображение людей того времени требовало персонификации и доброго и злого начала, то катары объединили злого бога с богом Ветхого завета — Яхве, переменчивым, жестоким и лживым, создавшим материальный мир для издевательства над людьми.

Но тут средневековый христианин сразу задавал вопрос: а как же Христос, который был и человеком? На это были приготовлены два ответа: явный для новообращенных, и тайный для посвященных. Явно объяснялось, что «Христос имел небесное, эфирное тело, когда вселился в Марию. Он вышел из нее столь же чуждым материи, каким был прежде... Он не имел надобности ни в чем земном, и если он видимо ел и пил, то делал это для людей, чтобы не заподозрить себя перед Сатаной, который искал случая погубить „Избавителя“». Однако для «верных» (так назывались члены общины) предлагалось другое объяснение: «Христос — творение демона: он пришел в мир, чтобы обмануть людей и помешать их спасению. Настоящий же не приходил, а жил в особом мире, в „небесном Иерусалиме“» [195, стр.194—195].

Довольно деталей. Нет, и не может быть сомнений в том, что манихейство в Провансе и Ломбардии не ересь, а просто антихристианство и что оно дальше от христианства, нежели ислам и даже теистический буддизм. Однако если перейти от теологии к истории культуры, то вывод будет иным. Бог и дьявол в манихейской концепции сохранились, но поменялись местами. Именно поэтому новое исповедание имело в XII в. такой грандиозный успех. Экзотической была сама концепция; а детали ее привычны, и замена плюса на минус для восприятия богоискателей оказалась легка. Следовательно, в смене знака мог найти выражение любой протест, любое неприятие дейст-

вительности, в самом деле весьма непривлекательной. Кроме того, манихейское учение распадалось на множество направлений, мироощущений, мировоззрений и степеней концентрации, чему способствовали в разной мере пассионарность новообращенных, позволявшая им не бояться костра, и оправдание лжи, с помощью которой они не только иногда спасали себя, но наносили своим противникам неотразимые губительные удары.

Ради успеха пропаганды своего учения катары часто меняли одежду, проникая в города и села, то как пилигримы, то как купцы, но чаще всего как ремесленники-ткачи, потому что ткачу было легко попасть на работу и завязать нужные связи, самому оставаясь незамеченным. Отсюда видно, что здесь не классовое антифеодалное движение масс, а маскировка членов организации, объединенной властью манихейского «папы», жившего, как говорили, в Болгарии.

Но почему же манихейские ученые не смогли вытеснить христианства, особенно когда папы воевали с императорами, а схоласты тратили силы на бесплодные споры друг с другом? Пожалуй, потому, что манихейству противостояло неосознанное мировоззрение, которое мы попробуем сформулировать здесь. Бог сотворил Землю, но дьявол — князь мира сего; на Земле дьявол сильнее Бога, но именно поэтому благородный рыцарь и монах-подвижник должны встать на защиту слабого и бороться с сильным врагом до последней капли крови. Ведь не в силе Бог, а в правде, и творение Его — Земля — прекрасна, а Зло приходит извне, от врат Ада, и самое простое и достойное — загнать его обратно.

Эта концепция была непротиворечива, проста для восприятия и соответствовала если не нравам того времени, то его идеалам. А поскольку идеал — это далекий прогноз, воспринимаемый интуитивно, то он и оправдался, хотя трагедия, сопутствовавшая его осуществлению, постигла Европу и Азию лишь в XIII в., т.е. за хронологическими рамками нашего сюжета. Поэтому обратимся пока к Византии, которая пострадала от аналогичных учений не менее Франции.

Наследники тайного знания

Как было уже кратко сказано, византийский суперэтнос вылупился из яйца христианской общины, социальным обрамлением которой была церковная организация. Но был в этом яйце и второй зародыш — так называемый гностицизм. Гностиками становились мечтатели, богоискатели, почти фантасты, стремившиеся, подобно античным философам, придумать связную и непротиворечивую концепцию мироздания, включая в него добро и зло. Гностицизм — это не познание мира, а поэзия понятий, в которой главное место занимало неприятие действительности. Среди множества гностических школ и направлений общим было учение о Демииурге, т.е. ремесленнике, сотворившем мир, чтобы забавляться муками людей. Этим Демииургом они считали еврейского ветхозаветного Яхве, которого они противопоставляли истинному Богу, творившему души, но не материю. Вместе с тем они все признавали Христа, но считали его человеческий облик призрачным, т.е. нематериальным. Наиболее распространено было учение офитов, т.е. поклонников Змея, научившего мудрости Адама и Еву.

По этой логико-этической системе в основе мира находится Божественный Свет и его Премудрость, а злой и бездарный демон Ялдаваоф, которого евреи называют Яхве, создал Адама и Еву. Но он хотел, чтобы они остались невежественными, не понимающими разницу между Добром и Злом. Лишь благодаря помощи великодушного Змея, посланца божественной Премудрости, люди сбросили иго незнания сущности божественного начала. Ялдаваоф мстит им за освобождение и борется со Змеем — символом знания и свободы. Он посылает потоп (под этим символом понимаются низменные эмоции), но Премудрость «оросив светом» Ноя и его род, спасает их. После этого Ялдаваофу удастся подчинить себе группу людей, заключив договор с Авраамом и дав его потомкам закон через Моисея. Себя он называет Богом Единым, но он лжет; на самом деле он просто второстепенный огненный демон, через которого говорили *некоторые* еврейские пророки. Другие же говорили от лица других демонов, не

столь злых. Христа Ялдаваоф хотел погубить, но смог устроить только казнь человека Иисуса, который затем воскрес и соединился с божественным Христом.

С более изящными и крайне усложненными системами выступили во II в. антиохиец Саторнил, александриец Василид и его соотечественник, переехавший в Рим, — Валентин.

Большинство гностиков не стремились распространять свое учение, ибо они считали его слишком сложным для восприятия невежественных людей. Поэтому их концепции гасли вместе с ними. Но в середине II в. христианский мыслитель Маркион, опираясь на речь апостола Павла в Афинах о «Неведомом Боге», развил гностическую концепцию до той степени, что она стала доступной широким массам христиан. И это учение не исчезло. Через сотни передач оно сохранилось на родине Маркиона — в Малой Азии, и в IX в., преобразованное, но еще узнаваемое, стало исповеданием павликиан (от имени апостола Павла), выступивших на борьбу с византийским православием, причем они даже заключили политический союз с мусульманами.

Если говорить о религиозной доктрине павликиан, то бросается в глаза их различие с манихеями, сходство с древними гностиками и крайне отрицательное отношение к мадакизму и иудаизму.

Но теологические тонкости, которые волновали умы богословов, были чужды и непонятны массам, задачей которых была война против Византии. Для противопоставления себя православию было достаточно общепонятного признания материи не творением Божиим, а извечным злым началом. Этот тезис роднит павликиан с манихеями и катарами, однако происхождение доктрины от утраченного трактата Маркиона наложило на их идеологию неизгладимый отпечаток.

Сочинение Маркиона о несоответствии Ветхого и Нового заветов не сохранилось, потому что оно во II в. не было ни принято, ни опровергнуто. Оно подверглось осторожному замалчиванию, а потом забвению. Этот способ научной полемики во все века действует безотказно. Но противники Маркиона не могли предвидеть, что к концу XIX в.

удастся восстановить содержание его концепции путем применения неизвестной им методики — широкого сопоставления фрагментов с общим направлением мысли, достаточно оригинальной, чтобы выделить ее из числа прочих. Эту работу проделал Дёллингер и получил результат, если не идентичный тексту Маркиона, то достаточно к нему близкий. Различие между Богом Ветхого завета и Богом Евангелия формулировалось катарами, павликианами и христианскими гностиками так: «Первый запрещает людям вкушать от древа жизни, а второй обещает дать побеждающему вкусить „сокровенную манну“ (Апок. 2, 17). Первый увещевает к смешению полов и к размножению до пределов ойкумены, а второй запрещает даже одно греховное взирание на женщину. Первый обещает в награду землю, второй — небо. Первый предписывает обрезание и убийство побежденных, а второй — запрещает то и другое. Первый проклинает землю, а второй ее благословляет. Первый раскаивается в том, что создал человека, а второй не меняет своих симпатий. Первый предписывает месть, второй — прощение кающегося. Первый требует жертв животных, второй от них отвращается. Первый обещает иудеям господство над всем миром, а второй запрещает господство над другими. Первый позволяет евреям ростовщичество (т.е. капитализм), а второй запрещает присваивать не заработанные деньги (военная добыча в то время рассматривалась как оплата доблести и риска). В Ветхом завете — облако темное и огненный смерч, в Новом — неприступный свет. Ветхий завет запрещает касаться ковчега завета и даже приближаться к нему, т.е. принципы религии — тайна для массы верующих, в Новом завете — призыв к себе всех. В Ветхом завете — проклятие висящему на дереве, т.е. казнимому, в Новом — крестная смерть Христа и воскресение; в Ветхом завете невыносимое иго закона, а в Новом — благое и легкое бремя Христово» [258, s.146—147, цит. по: 16, стр.37].

Павликиан, как и манихеев, нельзя считать христианами, несмотря на то, что они не отвергали Евангелия. Павликиане называли крест символом проклятия, ибо на нем был распят Христос, не принимали икон и обрядов, не

признавали таинства крещения и причащения и все активно боролись против церкви и власти, прихожан и подданных, сделав промыслом продажу плененных юношей и девушек арабам. Вместе с тем в числе павликиан встречалось множество попов и монахов-расстриг, а также профессиональных военных, руководивших их сплоченными, дисциплинированными отрядами. Удержать этих сектантов от зверств не могли даже их духовные руководители. Жизнь брала свое, даже если лозунгом борьбы было отрицание жизни. И не стоит в этих убийствах винить Маркиона, который в богословии был филологом, показавшим принципиальное различие между Ветхим и Новым заветом¹. В идеологическую основу антисистемы византийского суперэтнуса могла быть положена и другая концепция, как мы сейчас и покажем.

Павликианство было разгромлено военной силой в 872 г., после чего пленных павликиан не казнили, а поместили на границе с Болгарией для несения пограничной службы. Так смешанная манихейско-маркионитская доктрина проникла к балканским славянам и породила богумильство, вариант дуализма, весьма отличающийся от манихейского прототипа, укрепившегося в те же годы в Македонии (община в Дроговичах).

Вместо извечного противостояния Света и Мрака, богумилы учили, что глава созданных Богом ангелов, Сатаниил, из гордости восстал и был низвергнут в воды, ибо суши еще не было. Сатаниил создал сушу и людей, но не мог их одушевить, для чего обратился к Богу, обещая стать послушным. Бог вдунул в людей душу, и тогда Сатаниил его надул и сделал Каина. Бог в ответ на это отрыгнул Иисуса, бесплотного духа, для руководства ангелами, тоже бесплотными. Иисус вошел в одно ухо Марии, вышел через другое и обрел образ человека, оставаясь

¹ Взгляд Маркиона на Космос разъяснил его ученик Апеллес (ум. ок. 180 г.). Единое начало — нерожденный Бог — сотворило двух главных ангелов. Один, «знаменитый и славный» сотворил мир; другой, «огненный», враждебен Богу и миру. Следовательно, мир как творение доброго ангела, благостен, но подвержен ударам злого «огненного», отождествленного с Яхве Ветхого завета [16, стр. 117]. Различие древнего маркионизма с учениями, от него отпочковавшимися, очевидно.

призрачным. Ангелы скрутили Сатаниила, отняли у него суффикс «ил» — «единый», в котором таилась его сила, разумеется мистическая, и загнали его в Ад. Теперь он не Сатаниил, а Сатана. А Иисус вернулся в чрево Отца, покинув материальный, созданный Сатаниилом, мир. Вывод из концепции был неожидан, но прост: «бей византийцев».

Теперь можно остановиться, чтобы сделать первое обобщение, предваряющее вывод. Катары, патарены, богумилы, павликиане, маздакиты, строгие манихеи и их разновидности, несмотря на догматические различия и различный генезис философем, обладали одной общей чертой — антиматериализмом, выражавшимся в ненависти к материальному миру, или, как сказали бы в наше время, к окружающей среде. Представители полярной им идеологии рассматривали окружающую среду, с присущими ей стихийными процессами, как творение Божие, т.е. как благо. Они были стихийными материалистами, независимо от присутствия в мировоззрении принципа монотеизма. Таким образом, приняв нейтральную систему отсчета, мы можем ввести в исследование деление на два разряда *мироощущений* (отнюдь не философских или теологических доктрин): жизнеутверждающее, т.е. сопричастное биосфере планеты, и жизнеотрицающее, ставящее целью и идеалом аннигиляцию материального мира. Соотношение между этими мировоззрениями отнюдь не зеркальное, вследствие чего присвоить социальным образованиям негативного типа название «антисистем» можно только условно. Решающей здесь является асимметрия, ибо негативные образования существуют только за счет позитивных этнических систем, которые они разъедают изнутри, как раковые опухоли — организм, вмещающий их.

Может возникнуть сомнение в том, что описанное явление было в средние века универсально, а не характерно только для христианской культуры. В этом случае можно было бы обойтись без поисков естественного объяснения феномена. Поэтому продолжим описание и рассмотрим, как обстояло дело на Ближнем Востоке, в мире иных культурных традиций и иных этнических соотношений, т.е. в арабском халифате при династии Аббасидов.

Поборники антимира

Мусульманское право, шариат, позволяло христианам и евреям, за дополнительный налог — хардж, спокойно исповедовать свои религии. Идолопоклонники подлежали обращению в ислам, что тоже было сносно. Но «зиндикам», представителям нигилистических учений, грозила мучительная смерть. Против них была учреждена целая инквизиция, глава которой носил титул «палача зиндиков»¹. Естественно, что при таких условиях свободная мысль была погребена в подполье, и вышла из него преобразенной до неузнаваемости во второй половине IX в. И даже основатель новой концепции известен. Звали его Абдулла ибн-Маймун, родом из Мидии, по профессии — глазной врач, умер в 874—875 гг.

Догматику и принципы нового учения можно лишь описать, но не сформулировать, так как основным его принципом была ложь. Сторонники новой доктрины даже называли себя в разных местах по-разному: исмаилиты, карматы, батиниты, равендиты, бурканты, джанниты, саидиты, мухаммире, мубанзе и талими... Цель же их была одна — во что бы то ни стало разрушить ислам. Можно было бы усомниться в этой характеристике, исходящей из уст противника, если бы фактический ход исторических событий не подтверждал ее.

Видимая сторона учения была проста: безобразия этого мира исправит махди, т.е. спаситель человечества и восстановитель справедливости. Эта проповедь почти всегда находит отклик в массах народа, особенно в тяжелые времена. А IX век был очень жестоким. Мятежи и отпадения эмиров, восстания племен на окраинах и рабов-зинджей в сердце страны, бесчинства наемных войск и произвол администрации, поражения в войнах с Византией и растущий фанатизм мулл... все это ложилось на плечи крестьян и городской бедноты, в том числе и образованных, но

¹ Зиндик от персидского слова «зэнд» — смысл, что было эквивалентом греческого «гнозис» — знание. Следовательно, зиндики — это гностики, но в арабскую эпоху это название приобрело новый оттенок — «колдуны» [188, стр.136].

нищих персов и сирийцев. Горючего скопилось много: надо было уметь поднести к нему факел.

Свободная пропаганда любых идей была в халифате неосуществима. Поэтому эмиссары доктрины — дай (глашатаи) выдавали себя за набожных шиитов. Они толковали тексты Корана, попутно вызывая в собеседниках сомнения и намекая, что им что-то известно, но вот-де истинный закон забыт, отчего все бедствия и проистекают, а вот если его восстановить, то... Но тут он, как бы спохватившись, замолкал, чем конечно, разжигал любопытство. Собеседник, крайне заинтересованный, просит продолжать, но проповедник, опять-таки ссылаясь на Коран, берет с него клятву соблюдения молчания, а затем, как испытание доброй воли прозелита, сумму денег на общее дело, сообразно средствам обращаемого. Затем идет обучение новообращенного учению об «истинных имамах», потомках Али, и семи пророках, равных Мухаммеду. Усвоив это, прозелит перестает быть мусульманином, так как утверждение, что последним и наивысшим пророком является махди, противоречит коренному догмату ислама. Затем идут четыре степени познания для массы и еще пять для избранных. Коран, обрядность, философия ислама — все принимается, но в аллегорическом смысле, позволяющем перетолковывать их как угодно. Наконец, посвященному объясняется, что и пришествие махди — только аллегория познания и распространение истины. Все же пророки всех религий были люди заблуждавшиеся, и их законы для посвященного не обязательны. Бога на небе нет, а есть только второй мир, где все наоборот нашему миру. Свят лишь имам, как вместилище духа, истинный владыка исмаилитов. Ему надо подчиниться и платить золотом, которое можно легко добыть у иноверцев путем грабежа и торговли захваченными в плен соседями, не вступившими в тайную общину. Все мусульмане — враги, против которых дозволены ложь, предательство, убийства, насилия. И вступившему на «путь», даже в первую степень, возврата нет, кроме как в смерть.

Община, исповедовавшая и проповедовавшая это страшное учение, бывшее бесспорно мистическим и вместе с тем антирелигиозным, очень быстро завоевала твердые пози-

ции в самых разных областях распадавшегося халифата. Наибольший успех имела карматская община Бахрейна, разорившая в 929 г. Мекку. Карматы перебили паломников и похитили черный камень Каабы, который вернули лишь в 961 г. Губительными набегами карматы обескровили Сирию и Ирак, им удалось даже овладеть Мультаном в Индии, где они варварски перебили население и разрушили дивное произведение искусства — храм Адити.

Не меньшее значение имело обращение в исмаилизм части берберов Атласа. Эти воинственные племена использовали проповедь псевдоислама для того, чтобы расправиться с завоевателями-арабами. Вождь вставших Убейдулла в 907 г. короновался халифом, основав династию Фатимидов, потомков сестры пророка Али.

Это ему удалось потому, что официально он объявлял себя шиитом, используя тайное право на дезинформацию¹, даваемое высокой степенью посвящения. В 969 г. его потомки овладели Египтом и ворвались в Сирию, но жестокость берберов вызвала возмущение среди местного населения, а попытки халифа Фатимида подчинить себе карматскую республику Бахрейна вызвала сопротивление вольнолюбивых арабов. Жестокая война, возникшая между арабами и берберами, так ослабила обе стороны, что напор карматов и исмаилитов на суннитов ослабел. Однако Фатимиды держались в Египте до 1171 г., опираясь уже не на берберов, которые отпали от халифа, а на наемные войска из негров и тюрок. Негры поддерживали исмаилитов, тюрки были сунниты, подобно большинству населения Египта. Резня этих войск так ослабила правительство, что в 1171 г. был осуществлен суннитский переворот, упразднивший династию Фатимидов. Власть в Египте, а потом и в Сирии перешла в руки знаменитого

¹ «Основа их веры внешне состоит в исповеди шиитской догмы и любви к повелителю правоверных Али, внутренне же они — неверные» (Кигаб ал-байан». 158. Цит. по: Низам-ал-Мульк. Сиа-сет-намэ. М.-Л., 1949. Примеч. 339, стр.336). К аналогичному заключению пришел И.П. Петрушевский, рассматривающий учения «галийя» и «исмаилиа» как самостоятельные религии, лишь внешне прикрытые шиитскими формами» [196, стр. 242].

Салах ад-Дина ибн Аюба, основавшего династию Аюбидов, распавшуюся на множество мелких владений.

Исмаилиты пытались также утвердиться в Иране и Средней Азии, но натолкнулись на противодействие тюрков, сначала Махмуда Газневи, а потом сельджукских султанов. Несмотря на понесенные поражения, исмаилиты в конце XII в. держались в Иране и Сирии. Честолюбивый Хасан Саббах, чиновник канцелярии сельджукского султана Мелик-шаха, выгнанный за интриги, стал исмаилитским имамом. В 1090 г. ему удалось овладеть горной крепостью Аламут в Дейлеме и еще многими замками в разных местах Ирана и Сирии, а в 1126 г. сирийские исмаилиты приобрели крепость Баниас и десять других в горах Ливана и Антиливана.

Однако не крепости были главной опорой этих фанатиков. Большая часть подданных «старца горы» жила в городах и селах, выдавая себя за мусульман или христиан. Но по ночам они, послушные приказам своих даи, совершали тайные убийства или собирались в отряды, нападавшие даже на укрепленные замки. Мусульмане не считали их за единоверцев, и поэт XII в. рассказывает, что во время приступа его замка мать увела свою дочь на балкон над пропастью, чтобы столкнуть девушку в бездну, лишь бы она не попала в плен к исмаилитам [233, стр.201]. Попытки уничтожить этот орден были неудачны, ибо каждого везира или эмира, неудобного для исмаилитов, подстерегал неотразимый кинжал явного убийцы, жертвовавшего жизнью по велению своего старца. А может быть этого довольно?

Провансальские катары, ломбардские патерены, болгарские богумилы, малоазиатские павликиане, аравийские карматы, берберийские и иранские исмаилиты, имея множество этнографических и догматических различий, обладали одной общей чертой — неприятием действительности. Подобно тому как тени разных людей непохожи друг на друга не по внутреннему наполнению, которого у теней вообще нет, а лишь по контурам, так различались эти исповедания. Сходство их было сильнее различий, несмотря на то, что основой его было отрицание. В отрицании была их сила, но так же и слабость: от-

рицание помогало илл побеждать, но не давало победить. Эта их особенность так бросалась в глаза всем исследователям, что возник соблазн усмотреть в ней проявление классовой борьбы, которая в эпоху расцвета феодализма безусловно имела место. Однако это завлекательное упрощение при переходе на почву фактов наталкивается на непреодолимые затруднения.

Классовая борьба против господствовавших феодалов не прекращалась ни на минуту, но она шла по двум линиям, не связанным друг с другом. Крепостные негодовали на произвол баронов, но их программа была сформулирована четко: «Когда Адам пахал землю, а Ева пряла — кто тогда был джентльменом?» Вопрос резонный, но ведь он не имеет ничего общего с учением о том, что все материальное — проявление мирового зла, и, как таковое, должно быть уничтожено. Напротив, классовая природа крестьян толкала их на то, чтобы, добившись свободы и прав, возделывать земли, строить дома, воспитывать детей, накапливать состояния, а не бросать все это ради иллюзий, пусть даже вполне логичных. Вторая линия — это борьба городских общин (коммун) в союзе с королевской властью против герцогов и графов. Опять-таки нарождавшаяся буржуазия стремилась к богатству, роскоши, власти, а не к аскетизму и нищете. На западе города поддерживали то папу, то императора, на востоке — суннитского халифа, в Византии они были оплотом православия, ибо благополучие горожан зависело от укрепления порядка в мире, а не от истребления мира, ради потусторонних идеалов, чуждых и невнятных.

И вряд ли проповедь спасительной бедности можно считать социальной программой. Ведь за бедность духовенства ратовали христианские монахи и мусульманские марабуты и суфии. Роскошь епископов, nepотизм и симонию клеймили с амвонов папы и соборы, но подозрений в ереси они на себя не навлекали. Иной раз бывало, что слишком неугомонных обличителей убивали из-за угла, или казнили по вымышленным обвинениям, однако в те жестокие времена и без этого легко было угодить на плаху, особенно когда увлеченный идеей человек не замечал, что он стоит на пути венценосца. Казни совершались и без

идеологических нареканий. Да и в самом деле: как может мистическое учение отражать классовые интересы? Ведь для этого оно должно сделаться общедоступным, но тогда будет потерян руководящий принцип — тайное посвящение и слепое послушание.

Ну а каково было поведение самих еретиков? Меньше всего они хотели мира. Феодалов они, конечно, убивали, но столь же беспощадно они расправлялись с крестьянами и горожанами, отнимая их достояние и продавая их жен и детей в рабство. Социальный состав манихейских и исмаилитских общин был крайне пестрым. В их числе были попы-расстриги, нищие ремесленники и богатые купцы, крестьяне и бродяги — искатели приключений, и, наконец, профессиональные воины, т.е. феодалы, без которых длительная и удачная война была в те времена невозможна. В войске должны были быть люди, умеющие построить воинов в боевой порядок, укрепить замок, организовать осаду. А в X—XIII вв. это умели только феодалы.

Когда же исмаилитам удавалось одержать победу и захватить страну, например, Египет, то они отнюдь не меняли социального строя. Просто вожди исмаилитов становились на места суннитских эмиров и также собирали подати с феллахов и пошлины с купцов. А превратившись в феодалов, они стали проводить религиозные преследования не хуже, чем сунниты. В 1210 г. «старцы горы» в Аламуте жгли «еретические» (по их мнению) книги. Фатимидский халиф Хаким повелел христианам носить на одежде кресты, а евреям — бубенчики; мусульманам было разрешено торговать на базаре только ночью, а собак, обнаруженных на улицах, было велено убивать.

И даже карматы Бахрейна, учредившие республику, казалось бы, свободную от феодальных институтов, сочетали социальное равенство членов своей общины с государственным рабовладением. Как отметил Е.А. Беляев, «напряженная борьба, которую вели карматы против халифата и суннитского ислама, приняла с самого начала и форму сектантского движения. Поэтому карматы, будучи нетерпимыми фанатиками, направляли свое оружие не только против суннитского халифата и его правителей, но и против всех тех, кто не воспринимал их учения и не

входил в их организацию... Нападения карматских вооруженных отрядов на мирных городских и сельских жителей сопровождалось убийствами, грабежами и насилиями... Уцелевших карматы брали в плен, обращали в рабство и продавали на своих оживленных рынках наравне с другой добычей [27, стр.60]. Теоретическим основанием такой политики было «внутреннее» (батин) учение. Божественная субстанция — «вышний свет», произвела эманацию — «сверкающий свет», а тот в свою очередь произвел материю — «темный свет», инертный, нереальный, обреченный на гибель. Эта материя — небытие, но в нее брошены искры «сверкающего света». Это души пророков, имамов, посвященных, и только они, умирая, переселяются из тела в тело. Все прочие люди, не принадлежащие к избранным, — призраки небытия, с которыми можно поступать как угодно, поскольку их бытие нереально. Естественно, что сложившийся на этой идеологической основе стереотип поведения оттолкнул от карматов широкие слои крестьян, горожан и даже бедуинов, которые всегда были готовы пограбить под любыми знаменами, но считали излишним убивать женщин и детей.

Ну какая тут «классовая борьба»!

Но, может быть, это все клевета врагов «свободной мысли» на вольнодумцев, осуждавших правителей за произвол, а духовенство — за невежество. Допустим, но почему тогда эти «клеветники» не возражали на критику своих порядков? Негативная сторона еретических учений не оспаривалась, а о позитивной французы и персы, греки и китайцы XI—XIII вв. отзывались с единодушным омерзением, причем явно без сговора. Но выслушаем и другую сторону — знаменитого Насир-и-Хосрова, прятавшегося от туркмен-суннитов в местности Йомган (территория Афганистана) и скончавшегося там около 1088 г.

Мыслитель считал, что «если убивать змей для нас обязательно по согласному мнению людей, то убивать неверных для нас обязательно по приказу бога всевышнего, и неверный более змея, чем змея...» [Цит. по: Бертельс А.Е. Насир-и-Хосров и исмаилизм. М., 1959, стр.262]. Высшая цель его веры — постижение людьми сокровенно-

го знания и достижение «ангелоподобия». Средство достижения — установление власти Фатимидов, которое он мыслит следующим образом:

*«Узнавши, что заняли Мекку потомки Фатьмы,
Жар в теле и радость на сердце почувствуем мы.
Прибудут одетые в белое¹ Божьи войска;
Мсть Бога над полчищем черных², надеюсь, близка.*

*Пусть саблею солнце из рода пророка³ взмахнет,
Чтоб вымер потомков Аббаса безжалостный род,
Чтоб стала земля бело-красною, словно хулла⁴
И истинной вере дошла до Багдада хвала.*

*Обитель пророка — его золотые слова.
А только наследник имеет на царство права⁵
И если на западе солнце взошло⁶, не страшись
Из тьмы подземелий поднять свою голову ввысь.*

Стихи недвусмысленны. Это призыв к религиозной войне без какой бы то ни было социальной программы. Следовательно, движение исмаилитов не было классовым, равно как и движения катаров, богумилов и павликиан. Последние отличались от исмаилитства лишь тем, что не достигли политических успехов, после которых их перерождение в феодальные государства было бы неизбежно. И если бы имели значение лишь социально-политические мотивы, то зачем бы фатимидский халиф Египта Хаким (996—1021), находясь в суннитской стране и опираясь на суннитское, тюркское войско, стал утверждать, что он находится в постоянном общении с Сатаной, и молиться, обращаясь к планете Сатурну? [188] Выгоды ему от этого не было никакой; напротив, он потерял трон и пропал без

¹ Цвет Фатимидов.

² Цвет Аббасидов.

³ Мустансир, халиф Египта, Фатимид (1036—1094).

⁴ Плащи бедуинов — белые с красными полосами.

⁵ Подразумевается происхождение Мустансира от Али и Фатьмы, сестры Мухаммеда. На самом деле родоначальником Фатимидов был Убейдулла — пасынок Абдуллы ибн Мафмуна, еврей, обращенный в исмаилизм.

⁶ Имеются в виду успехи войск Мустансира. См.. Бертельс А.Е. Указ, соч., стр 263. Стихотворный перевод Л.Н. Гумилева.

вести. Вряд ли это было в его практических интересах. Видимо, Хаким поступал в согласии с совестью.

В свете этих соображений ведущие советские историки отказались от определения исмаилизма как социального протеста. Е.А. Беляев указал, что исмаилиты не возглавляли антифеодальную борьбу крестьян, а использовали ее в своих целях [27, стр.70—72]. А.Ю. Якубовский и И.П. Петрушевский, отмечая сложность проблемы, считали ее решение преждевременным [196, стр.295]. Но может быть мы пытаемся найти решение не там, где его безуспешно искали?

В самом деле, если бы манихеи достигли полной победы, то для удержания ее им пришлось бы отказаться от разрушения плоти и материи, т.е. преступить тот самый принцип, ради которого они стремились к победе. Совершив эту измену самим себе, они должны были бы установить систему взаимоотношений с соседями и с ландшафтами, среди которых они жили, т.е. принять тот самый феодальный порядок, который был естественным при тогдашнем уровне техники и культуры. Следовательно, они перестали бы быть самими собой, а превратились бы в собственную противоположность. Но это положение в данном случае было исключено необратимостью эволюции. Став на позицию проклятия жизни и приняв за канон ненависть к миру, нельзя исключить из этого свое собственное тело. Поэтому собственная гибель была неизбежным следствием отрицания материи. И все равно происходила ли она в бою с христианами, или от аскетизма, или от распутства, конец был один. Странная это концепция, но последовательная.

Может возникнуть ложное мнение, что католики были лучше, честнее, добрее, благороднее катаров (альбигойцев). Оно столь же неверно, как и обратное. Люди остаются самими собою, какие бы этические доктрины им не проповедовались. Да и почему концепция, что можно купить отпущение грехов за деньги, пожертвованные на крестовый поход, лучше, чем призыв к борьбе с материальным миром? И если одно учение лучше другого, то для кого? Поэтому ставить вопрос о качественной оценке бессмысленно и столь же антинаучно, как, например, вопрос о

том, что лучше: кислота или щелочь? Обе обжигают кожу!

Но если так, то почему именно этой вражде уделено столько внимания, когда одновременно шли острые социальные конфликты между классом феодалов и закрепощенными крестьянами; развивалось соперничество растущих королевств за территории, и торговых городов — за рынки? Чем же отличалась от них та полускрытая война, которая нами принята за исходную точку отсчета?

Губительный фантом

Поставим вопрос так: что общего между исмаилитством, карматством, маркионитским павликианством, манихейским богумильством, альбигойством и некоторыми вывихами тамплиеров? По генезису верований, догматике, эсхатологии и экзотике — ничего. Но есть одна черта, роднящая эти системы — жизнеотрицание, выражающееся в том, что истина и ложь не противопоставляются, а приравниваются друг к другу. Из этого вырастает программа человекоубийства, ибо раз не существует реальной жизни, которая рассматривается либо как иллюзия (тантризм), либо как мираж в зеркальном отражении (исмаилизм), либо как творение Сатаны (манихейство), то некого жалеть — ведь объекта жалости нет, и незачем жалеть — Бога не признают, значит, не перед кем держать ответа — и нельзя жалеть, потому что это значит продлевать мнимые, но болезненные страдания существа, которое на самом деле призрачно. А если так, то при отсутствии объекта ложь равна истине, и можно в своих целях использовать ту и другую.

Надо отдать должное средневековым людям: они были последовательны и потому их речи звучали очень убедительно. Действительность подчас была столь ужасна, что люди готовы были броситься в любую иллюзию, особенно в такую логичную, строгую и изящную. Ведь войдя в мир фантазмагорий и заклинаний, они становились хозяевами этого мира или, что точнее, были в этом искренне убеждены. А то, что им ради этого ощущения свободы и власти над окружающими надо было плюнуть на крест, как тамплиерам, или разбить на части метеорит Каабы, как

караматам, их это совершенно не смущало. Правда, встав на этот путь, они отнюдь не обретали личной свободы. Наоборот, они теряли даже ту, которую они имели в весьма ограниченных пределах, находясь в той или иной позитивной системе. Там закон и обычаи гарантировали им некоторые права, соразмерные с несомыми обязанностями. А здесь у них никаких прав не было. Строгая дисциплина подчиняла их невидимому вождю, старцу, учителю. Но зато он давал им возможность приносить максимальный вред ближним. А это было так приятно, так радостно, что можно было и жизнью пожертвовать.

И ведь не только бедствия и обиды приводили неофитов в негативные системы. В средние века люди часто жили плохо, но не везде и не всегда. Бурные периоды сменялись спокойными, но обывательская затхлость мирной сельской жизни действовала диалектическим путем и создавала последствия, противоположные предпосылкам. Когда пассионарного юношу кормили досыта, но запрещали ему что-либо делать, он искал применения своим затаенным силам; и находил их в проповеди отрицания, не обращая внимания на то, что поставленная перед ним цель — фантазия. Сказка и миф рождались повседневно. Против них были бессильны строгие выводы науки и практические прогнозы действительности: в I тысячелетии они увлекали людей всех стран, кроме Руси и Сибири, где антисистемы не сложились.

В отличие от борьбы за политическое преобладание внутри одной большой системы, и даже столкновений между разными системными целостями, здесь имела место истребительная война. Французские манихеи были слишком похожи на французских католиков для того, чтобы они могли ужиться в одном ареале, ибо развивались те и другие в противоположных направлениях. Сталкиваясь, они вызывали аннигиляцию той самой материи, которую они считали не Божиим творением, а мировым злом. И так они вели себя везде: в Византии, Иране, Центральной Азии и даже в веротерпимом Китае. Поэтому гонения на них были повсеместны, а их сопротивление, часто весьма активное, придало раннему средневековью ту окраску, которая просвечивается через ви-

димую историю столкновений государств и становления этносов. Наличие двух несовместимых психологических структур в то время было явлением глобальным. Оттого так мало памятников искусства осталось от этой эпохи.

То, что манихеи к концу XIV в. исчезли с лица Земли, не удивительно, ибо они, собственно говоря, к этому и стремились. Ненавидя материальный мир и его радости, они должны были ненавидеть и саму жизнь; следовательно, они должны были даже не смерть, ибо смерть — только момент смены состояний, а анти-жизнь и антимир. Туда они и перебрались, очистив Землю для эпохи Возрождения. Неудача их была только в том, что они не смогли забрать с собою всех людей, проведя их через мученичество, далеко не всегда добровольное. Правда, они старались, и не их вина, что жизнеутверждающее начало человеческой психики устояло против их натиска, благодаря чему история народов не прекратила своего течения.

Отсюда видно, что манихейские общины могли существовать лишь при наличии позитивной творческой культуры и за счет создаваемых ею ценностей. Эта антисистема как бы паразитировала в телах тех этносов, куда она проникла, разрушала их и гибла вместе с ними.

В Хазарии антисистема продержалась 150 лет, но гибель ее едва ли была случайной. Никто не живет одиноко, а развития природных этносов, связанных с ландшафтами своей страны, никакая антисистема не остановит. То, перед чем любая антисистема пасует — это жизнь с выделением свободной энергии, способной производить работу.

Иранская ветвь иудеев принесла хазарам принципы маздакизма, согласно которым злом была объявлена вся неразумная, т.е. стихийная природа, включая эмоции самого человека. Добром был объявлен разум, хотя именно разуму свойственны заблуждения. Византийская ветвь привнесла навыки экстерриториальности, т.е. отсутствия прямых контактов с природными ландшафтами. И обе они проявили нетерпимость к своему этническому окружению, с которым считались лишь постольку, поскольку это было практически необходимо. И тогда против них поднялись и люди, и природа.

Судьбу господствовавшего класса Хазарии, совпадавшего с господствовавшим этносом, разделили аборигены страны, за исключением тех, которые успели выселиться на Дон или укрыться на «гребне» — горном хребте Дагестана, за Терекон. Волжские хазары оказались в наихудшем положении, так как кормивший их ландшафт опустился под волны Каспийского моря. Если в III в. уровень Каспия стоял на абсолютной отметке минус 36 м, то в конце XIII в. он достиг абсолютной отметки минус 19м, т.е. поднялся на 17м. Для крутых берегов Кавказа и Ирана это большого значения не имело, но для пологого северного берега, где помещалась Хазария, эта трансгрессия стала катастрофой. «Нидерланды» превратились в «Атлантиду». Цветущие сады, пастбища, деревни — все было залито водой, из которой торчали только сухие вершины бэровских бугров, где ранее находились хазарские кладбища.

Хазарам пришлось покинуть затопленную страну, а без привычного, родного ландшафта этнос рассыпается розно. Так и рассыпались хазары в великом городе Сарает, столице всей Западной Евразии. Но зато они там избавились от темного света антисистемы.

Однако не только этническую целостность потеряли хазары. Темный свет унес у них в межгалактические бездны то, что кажется неотъемлемым — память, или, говоря строго научно, этническую традицию. Потомки хазар забыли о том, что они были хазарами, а потомки хазарских евреев забыли о той стране, где жили и действовали их предки. Последнее понятно: для иудеев низовья Волги были не родиной, а стадионом для пробы сил; поэтому вспоминать о трагической неудаче для них не имело практического смысла. Вот по этим-то причинам Хазария стала страной без исторических источников: письменных, вещественных и этнографических, т.е. зафиксированных в обрядах и верованиях. А поскольку до XX в. любая история основывалась на сборе и критике источников, то история Хазарии и не могла быть написана.

Наше время ознаменовалось могучим сдвигом в области научной методики: появился системный подход, при

котором внимание исследователя перенесено с элементов исследования на связи между ними. Эта методика позволила привлечь данные, казалось бы, далекие от темы изучения и тем самым заполнить пробелы истории Восточной Европы. Благодаря системному методу появилась возможность избавиться от мифотворчества — болезни науки, возникающей при недостаточности сведений о сюжете, когда не изученные разделы темы заполняются измышлениями историка. Хазарскую историю эта болезнь не раз постигала и продолжает постигать.

Недавно вышла книга, в которой хазары названы «тринадцатым коленом (племенем) Израиля» [265]. Историю столь удивительного феномена автор преподносит так, что комментарии уместны по ходу изложения содержания книги. Дадим их в сносках.

Автор упоминаемой книги полагает, что примерно с VII по XII в. от Черного моря до Урала и от Кавказа до сближения Дона с Волгой распространилась полукочевая империя, в которой обитали хазары — народ тюркского происхождения¹.

К сведению автора: древние евреи, будучи монолитным этносом, представляли собой антропологическое разнообразие. Выходцы из Ура Халдейского имели шумерийский тип: низкорослые, коренастые с рыжеватыми волосами и тонкими губами. Негроидную примесь дало пребывание в Египте. Семиты — высокие, стройные, с прямым носом и узким лицом — это примесь древних арабов — халдеев. Большинство же евреев — арменоидный тип, преобладавший в Ханаане, Сирии и Малой Азии, именно тот, ко-

¹ Термин «тюрк» имеет три значения. Для VI — VIII вв. — это маленкий этнос (тюркют), возглавивший огромное объединение в Великой степи (эль) и погибший в середине VIII в. Эти тюрки были монголоиды. От них произошла хазарская ханская династия, но сами хазары были европеоиды дагестанского типа. Для IX — XII вв. тюрк — общее название воинственных северных народов, в том числе мадьяров, русов и славян. Это культурно-историческое значение термина не имеет касательства к происхождению. Для современных востоковедов — «тюрк» — лингвистическая группа. На тюркских языках говорят этносы разного происхождения. Следовательно, дефиниция автора может относиться только к древним тюркам, что, как мы показали, неверно.

торый ныне считают еврейским. Это расовое разнообразие указывает лишь на сложность процесса еврейского этногенеза, но не имеет отношения к этнической диагностике, ибо этнос и раса — понятия разных систем отсчета [См. *Л.Н.Гумилев. Этногенез и биосфера Земли.*]. Занимая жизненно важный стратегический проход между Черным и Каспийским морями, они играли важную роль в кровавых событиях Восточно-Римской империи¹. Они были буфером между грабителями-степняками и Византией². Они отбили арабов и тем предотвратили завоевание исламом Восточной Европы. Они пытались сдержать вторжение викингов в Южную Русь и к византийским границам³.

Где-то около 740 г.⁴ царский двор и правящий военный класс обратились в иудаизм⁵. О мотивах этого необычного события ничего не известно⁶. Вероятно, это давало преимущество для маневрирования между соперничавшим христианским и мусульманским «мирами»⁷ (т.е. культурно-политическими целостностями или суперэтносами).

¹ Хазария с VII в. граничила на Кавказе с арабским халифатом, а не с Византией.

² Авары, болгары и мадьяры воевали с Византией на Дунае, куда хазары никогда не достигали.

³ Викинги двигались на Русь по Днепру, который был вне контроля Хазарии.

⁴ Дата взята из апокрифа и ошибочна. Компетентный автор X в. — Масуди указывает, что это произошло в царствование Гаруна ар-Рашида, а точнее — в IX в. (см.: 18, стр. 262—282).

⁵ Иудаизм не прозелитическая религия. Если бы действительно военный класс Хазарии просто сменил религию, не понадобилось бы заменять своих воинов наемными мусульманами, дорогостоящими и не очень надежными.

⁶ А. Кестлер в числе использованной литературы домечает книгу М И Аргамонова, но из текста видно, что он ее не читал. Однако он сам приводит свидетельство караимского автора XI в. Яфета ибн-Али, который называет хазар иудейской веры бастардами (мамцер), показывая тем самым, каким путем эта вера распространялась в Хазарии (см. стр 80) При наличии естественного хода метисации нет нужды искать мотивы политического характера. Бастарды возникают не по инструкциям правительства.

⁷ Какие преимущества может дать исповедание религии одиозной для обоих соперников? И странно, что автор традицию и природное мировоззрение ставит в связь с требованиями политической конъюнктуры. Почему надо предполагать в хазарах такую беспринципность?

К X в. появился новый враг: викинги, скоро ставшие известными как русы¹. Хазарский бастион Саркел был разрушен в 965 г., но центральная Хазария осталась нетронутой², однако государство хазар пришло в упадок³.

Насчитав 12 принципиальных и недиспутательных ошибок, скорее сознательных заблуждений, можно прекратить дальнейшее изложение содержания книги. Да ведь не тайны историографии темных и давних времен интересовали автора. Главное — это связь истории хазар с последующей судьбой иудаизма.

¹ Норманнская теория происхождения Руси устарела полвека тому назад.

² Центральная, а точнее — волжская Хазария была оккупирована сначала Хорезмом, а потом — гузами.

³ Да, если бы оно продолжало существовать, то сохранились бы договоры и сведения о его политике. А ведь ничего нет!

АПОКРИФ

Это странное учение сводилось к следующему.

1. Бог, сотворивший мир, — личность, но отнюдь не Абсолют.

2. Создав пространство вне себя, он ограничил себя, ибо сам находится вне созданного им пространства. Следовательно, он не вездесущ.

3. Создав время, явление самостоятельное, он ограничил себя, ибо он не может сделать бывшего небывшим. Следовательно, он не всемогущ.

4. Создав души, наделенные свободной волей, он не может предугадать их поступки. Следовательно, он не всеведущ.

5. Это так, потому что он добр, ибо если бы он был вездесущ, то он был бы и в зле и грехе, а этого нет.

6. Это так, потому что он милостив, ибо если бы он был всемогущ и не исправил бы зла мира, то это было бы не сострадание, а лицемерие.

7. Это так, потому что если бы он был всеведущ, то он знал бы и злые помыслы людей, которые тем самым не могли бы поступить иначе, дабы не нарушить волю его. Но тогда за все преступления должен отвечать он, а не люди, которые всего лишь исполнители.

8. Бог — добр, следовательно, неповинен в зле мира сего, а источник зла — Сатана. Но если Сатана сотворен Богом, то вина за его дела — на Боге. Так как этого не может быть (это противоречит первому принципу), то значит — Сатана не тварь, а порождение небытия и сам небытие.

9. Но Сатана действует, значит, небытие может быть активным, но, конечно, не само по себе, а через влияние на свободную волю людей, через необратимость времени и через разрывы в пространстве.

10. Те люди, животные, демоны, которые свободным волеизъявлением принимали закон Сатаны, превращались в нежить и теряли высшее благо — смерть и воскресение, ибо тот, кто не живет, не может ни умереть, ни воскреснуть.

11. Смерть сама по себе не зло, ибо за нею идет новая жизнь или полный распад и забвение. Зло и ужас — вечная неудовлетворенность без надежды на конец. Это и есть царство Сатаны.

12. Сила зла во лжи. Ложью можно преодолеть ход времени (имеется в виду не космическое, а биолого-психологическое время как ощущение мыслящего существа), доказав, что прошлое было не таким, каким оно воспринималось и каким оно сохранилось в памяти. Ложью легко превратить свободную волю в несвободную, подчиненную иллюзиям. Ложь ломает пространство, создавая облики (или призраки) далеких вблизи, а близких отдаляя от общения. Ложь делает бывшее небывшим, небывшее облакает в призрачное бытие на пагубу всем живым существам.

13. Лучший друг Сатаны — огненный демон Яхве, говоривший с Моисеем на горе Синай; наивысший святой Сатаны — Иуда, предавший Учителя; тот, кто следует принципу Иуды, — свободен от греха, ибо все, что он творит, надо звать благом. Эти люди по ту сторону добра и зла. Им позволено все, кроме правдивости и милосердия.

14. Христос единый отверг зло, сказав: «Отыди от меня, Сатана». Только силою пречестного креста спасена Земля от уничтожения злом (может быть, психической аннигиляции) и ныне готовится к встрече Параклета (Утешителя), который преодолевает пространство, время и злобность душ людских. Он вечно приходит и вечно с нами и все же мы чаем его повседневно. Это тайна, не открытая скудному разуму людей.

СЛОВАРЬ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА Л.Н. ГУМИЛЕВА

*Составитель В.А. Мичурин
Под редакцией Л.Н. Гумилева*

А

АБЕРРАЦИЯ БЛИЗОСТИ — искаженное восприятие историком недавних событий. Так как все последствия того или иного явления еще не ясны полностью, исследователь, воспринимающий обширный поток сведений, не способен отличить в нем главное от второстепенного; события теряют масштабность. Некоторые процессы, кажущиеся современникам ничтожными, проявят себя лишь в будущем (так, например, значение появления первых христианских общин в Римской империи I в. н.э. не могло быть оценено современниками в полном объеме). С другой стороны, значение многих недавних событий раздувается пропагандой или общественным мнением, которые влияют и на историка¹.

АБЕРРАЦИЯ ДАЛЬНОСТИ — трудность, возникающая при изучении событий древнейшей истории из-за недостатка информации о них. Может привести исследователя к ложному выводу о незначительности этих событий. Иногда встречается более широкое толкование термина, в который вкладывается также географический смысл: А. д. понимается и как искажение или недооценка событий, происходящих в отдаленных странах и регионах. Частным случаем такой аберрации является европоцентризм, абсолютизирующий ценность истории Западной цивилизации и считающий остальные народы «отсталыми». А. д. во времени — трудность практически неустранимая, тогда

¹ Словарь терминов составлен на основе главного теоретического труда Л.Н. Гумилева — «Этногенез и биосфера Земли».

как в географическом плане современные историческая и этнологическая науки могут ее успешно преодолевать.

АБЕРРАЦИЯ «СОСТОЯНИЯ» возникает у исследователя, пронаблюдавшего отдельный фрагмент долгоидущего процесса, например, изучившего короткий период истории какой-либо страны. Многие важные составляющие данного исторического процесса (например, этнический состав, географические условия) будут представляться этому исследователю как извечные, раз и навсегда данные состояния, так как они не успели заметно измениться на его глазах. Такого рода аберрация устранима: достаточно рассмотреть процесс в широкой исторической перспективе, чтобы стала видна изменчивость всех его параметров.

АДАПТАЦИЯ (в этнологии) — приспособление этноса к этно-ландшафтной среде, происходящее путем выработки у людей новых поведенческих навыков. Эти навыки закрепляются, передаваясь из поколения в поколение при помощи механизма *сигнальной наследственности*. В результате у этноса складывается оригинальный *стереотип поведения*, обеспечивающий, несмотря на изменчивость условий, устойчивость системы, необходимую для ее существования и развития. Особенно активно процесс А. происходит при освоении этносом новых территорий. Так, освоение русскими Сибири и Дальнего Востока потребовало выработки навыков жизни в непривычных, зачастую весьма суровых ландшафтно-климатических условиях.

АКТУАЛИЗМ КАК ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ — см. *Ощущение времени*.

АКТУАЛИЗМ КАК ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПРИНЦИП — принцип, согласно которому законы природы, наблюдаемые сейчас, так же действовали и в прошлом.

АНТИСИСТЕМА — системная целостность людей с *негативным, мироощущением*, выработавшая общее для своих членов мировоззрение. Все антисистемные идеологии и учения объединяются одной центральной установкой: они отрицают реальный мир в его сложности и многообразии во имя тех или иных абстрактных целей. Вывод из этого двояк: либо подобные учения призывают в корне изменить мир, на деле разрушая его, либо требуют от че-

ловека вырваться из оков реальности, разрушая самого себя. И то и другое в пределе дает один результат — небытие. Для А. характерны известная скрытность действий и такой прием борьбы, как ложь. Среди адептов А. преобладают люди с футуристическим *ощущением времени*. А. всегда складываются в зонах контакта несовместимых *суперэтносов* — *химерах*, в силу чего их идеологии противопоставляют себя любой этнической *традиции*. Распространяются А. иногда далеко за пределы тех контактных зон, где они появляются. Примеры А.: гностицизм (офиты, александрийские гностики Василид и Валентин и т.д.; гностики проповедовали, что мир сотворен Демиургом, т.е. крайне несовершенен), манихейство (живший в III в. н.э. Мани учил, что мир состоит из двух стихий: Света и Мрака, причем материальный мир он относил к стихии Мрака), в мусульманском мире — исмаилизм, в Византии и Болгарии — богумильство. К А. относятся также некоторые направления буддизма.

АТТРАКТИВНОСТЬ (в этнологии) — бескорыстное влечение к истине, красоте и справедливости. Данное понятие является синонимом психологического термина «идеальные потребности». «...Группу исходных потребностей составляют идеальные потребности познания в самом широком смысле: познания окружающего мира в целом, в его отдельных частях и своего места в нем, познания смысла и назначения своего существования на земле... Так называемая эстетическая потребность, побуждающая людей создавать произведения искусства и обращаться к ним, безусловно, относится к данной группе... Потребность познания не является производной от биологических и социальных, хотя, разумеется, вторично связана с ними самым тесным образом. Потребность познания ведет свое происхождение от универсальной потребности в информации, изначально присущей всему живому, наряду с потребностью в притоке вещества и энергии»¹. Выраженность идеальных потребностей значительно варьирует у разных людей, различны и способы их удовлетворения.

¹ Симонов П.Б., Ершов П.М. Темперамент, характер, личность. М.: Наука, 1984, с.28—29.

Так, *пассионариев* идеальные потребности толкают к творчеству, к активной защите справедливости, к проповедованию своих взглядов и т.д. *Гармоничные люди* при наличии у них выраженных идеальных потребностей чаще ограничиваются пассивными формами познания и созерцания. Полное отсутствие идеальных потребностей — патологический случай, хотя крайне слабая их выраженность встречается у людей с любыми степенями *пассионарности*, чаще всего — у *субпассионариев* (следует заметить, что однозначной связи между А. и пассионарностью не прослеживается).

Б

БЕЗДНА (пустота, вакуум) — термины, применяемые Л.Н. Гумилевым для обозначения категории небытия (см. *Биполярность*).

БИОСФЕРА — оболочка Земли, состав, структура и энергетика которой в существенных чертах обусловлены прошлой или современной деятельностью живых организмов. Состоит не только из живого вещества, но и из продуктов его жизнедеятельности за геологическое время: почв, осадочных и метаморфических пород, свободного кислорода воздуха. Основные свойства биосферы были исследованы и описаны В.И. Вернадским¹. Учение о Б. является фундаментом этнологии, так как законы этногенеза являются частным случаем более общих законов, описывающих движение и энергетику живого вещества, а этнические системы органично входят в состав биосферы, являясь верхними звеньями *геобиоценозов*.

БИОХИМИЧЕСКАЯ ЭНЕРГИЯ ЖИВОГО ВЕЩЕСТВА — см. Энергия живого вещества биосферы.

БИПОЛЯРНОСТЬ — понятие, во многом отражающее сущность философских воззрений Л.Н. Гумилева. Означает наличие в мире двух полюсов: творческого начала, создающего Бытие в его многообразии, и небытия, проявляющегося через *антисистемы*, стремящиеся к упрощению Бытия вплоть до его уничтожения. Б. мира отражается в двух разновидностях *мироощущения* людей —

¹Вернадский В.И. Живое вещество. М.: Наука, 1978.

позитивном и негативном — и соответствующих им типам мировоззрения и поведения. Учение о Б. нельзя путать с дуализмом, так как автор не утверждает, что в мире существуют два независимых начала, а говорит о полюсах — полноте Бытия и его отсутствии.

В

ВРЕМЯ ИСТОРИЧЕСКОЕ (в понимании Л.Н. Гумилева) — энтропийный исторический процесс стремления этнических систем к состоянию этнического гомеостаза за счет растраты энергии (*пассионарности*), нарушаемый негэнтропийными *пассионарными толчками*, вызывающими к активной исторической жизни новые *этнотыпы*. Историческое время обнаруживает себя через насыщенность деяниями и событиями, являющимися проявлением *пассионарности* этнических коллективов и отдельных людей. В.и. неоднородно: в нем есть эпохи, богатые событиями, и эпохи «безвременья» (в данном понимании термина «В. и.» это слово приобретает буквальный смысл). В.и. дискретно — оно состоит из автономных процессов *этногенеза*, не вытекающих друг из друга, а имеющих независимые причины — различные *пассионарные толчки*.

Г

ГАРМОНИЧНЫЕ ЛЮДИ (особи энергоуравновешенного типа) — люди, производящие столько работы (см. *пассионарность как энергия*), сколько требуется для личного и видового самосохранения (поддержания своей жизни и жизни потомства). Характеризуются способностью к полноценной адаптации в среде, но не проявляют при этом повышенной целенаправленной активности, характерной для *пассионариев*. В структуре *этноса* Г.л. играют исключительно важную роль стабилизирующего фактора, поддерживающего *этническую традицию*. Они имеют решающее значение для обеспечения связи уже сложившегося этноса и кормящего ландшафта. Достаточное количество Г.л. в составе этноса — залог его внутренней устойчивости, но не активности. Г.л. господствуют в этническом *гомеостазе*.

Часто при описании исторических процессов Л.Н. Гумилев включал в число Г.л. также пассионариев с низкими степенями пассионарности, выражающимися в стремлении к успеху и благоустройству без риска для жизни. Кроме того, в огромном числе случаев Г.л. проявляют активность, иногда весьма значительную, находясь под влиянием пассионариев, но не по собственной инициативе (это явление называется *пассионарной индукцией*).

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ «ДРЕЙФ» (в этнологии) — явление распространения *пассионарного признака* в популяции и за ее пределы. Это распространение происходит следующими способами:

а) Путем миграции *пассионариев* на края ареала популяции или за ее пределы, где они создают семьи или рассеивают свой генофонд иным способом.

б) Путем случайных внебрачных связей во время военных походов, торговых экспедиций и т.п.

Пассионарный признак может распространяться довольно быстро вследствие высокой миграционной и демографической активности пассионариев. Следствием Г. «д», который направлен из центра этнической популяции к ее краям, является выявленная Л.Н. Гумилевым закономерность — в суперэтнической системе окраинные относительно зоны первоначального *пассионарного толчка этносы* и *субэтносы* сохраняют активность относительно дольше. Так, за счет окраинной пассионарности в конце срока *жизни суперэтноса* возможна непродолжительная *фаза регенерации*.

ГЕОБИОЦЕНОЗ (биоценоз данного ареала) — законченный комплекс форм, исторически, экологически и физиологически связанный в одно целое общностью условий существования¹.

ГОМЕОСТАЗ — см. *Этнический гомеостаз*.

Д

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ШКАЛА — система отсчета времени от пусковых моментов различных этногенетических

¹ Колесник С.Л. Основы общего земледования. М., 1961, с.359.

процессов, служащая для сопоставления этих процессов по *фазам этногенеза*. Цель составления такой шкалы — понимание этнической истории как ряда автономных биосферных процессов, имеющих четкую внутреннюю закономерность, инвариантную для всех известных исторических эпох. Такие Д.ш. имеются в книгах Л.Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли», вып. 4, часть 2 («Тысячелетие вокруг Каспия»), Л.: деп. изд. ВИНТИ, г.Люберцы, 1987, с. 137—147, и «Древняя Русь и Великая степь», М.: Мысль, 1989, с.756—757.

ДИВЕРГЕНЦИЯ ЭТНИЧЕСКАЯ — деление этнической системной целостности с появлением новых систем такого типа. Может происходить путем отделения от *этнoсa* какой-либо его части, которая затем складывается в независимый этнос. Ряд таких этносов породили выезжавшие в свое время в колонии европейцы: так появились янки в США, буры в ЮАР, австралийцы и т.д. Д.э. может происходить также путем дробления этноса на несколько новых систем. Так, после толчка XIII в. в ходе Российского *этногенеза* образовались три крупных этноса: великороссы, малороссы (украинцы) и белорусы, а также *субэтнoсы* казаков, поморов и т.д. Причем ощущение единства системы в целом у этих этнических групп потеряно не было — образовался Российский *суперэтнос*. Критерий Э.д. — появление новых групп, противопоставляющих себя окружению и отличных по *стереотипу поведения*.

ДИНАМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (противоположно статическому состоянию, или этническому *гомеостазу*) — состояние, характеризующееся в целом:

а) повышенной демографической и миграционной активностью, стремлением к расширению территории;

б) изменчивостью *стереотипа поведения* (каждое последующее поколение в той или иной степени не походит на предыдущее, так называемый «конфликт отцов и детей»);

в) преобразованием ландшафтной среды, приспособлением ее к своим нуждам;

г) сменой общественных *императивов поведения*;

д) созданием социально-политических институтов;

е) активным усвоением чужих идей и пропагандой своих;

ж) наличием линейного отсчета времени от какого-либо реального или мифического события.

Д.с.э.с. порождается наличием в ней активных особей — *пассионариев*, появившихся в результате *пассионарного толчка* и устраняемых из популяции естественным отбором.

ДИСКРЕТНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ — понятие, отражающее коренную идею Л.Н. Гумилева о независимости энергетических процессов, детерминирующих возникновение и развитие различных *суперэтносов*. Л.Н. Гумилев видит в этнической истории не восхождение от низших форм ко все более высоким (прогресс) и не бесконечное повторение с определенным ритмом одних и тех же циклов (ритмичность), а появление в результате внешних толчков и последующий распад диссипативных (неравновесных) структур — этнических систем. Идею дискретности хорошо выразил китайский историк I в. до н.э. Сыма Цянь, сказавший: «Путь трех царств кончился и вновь начался»¹. Эта идея также прослеживается в работах Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера, А. Тойнби, говоривших о закономерностях развития отдельных культур и цивилизаций. Л.Н. Гумилев поставил концепцию дискретности этнической истории на естественнонаучную основу в своем трактате «Этногенез и биосфера Земли» и в других работах.

И

ИЗОЛЯТ — небольшой *этнос-персистент*, ограниченный в силу ландшафтных условий от других этносов и не вступающий с ними в этнические контакты в течение значительного периода времени. Этносы-изоляты существуют на Памире, в Южной Америке, Африке, на Тибете и т.д.

ИМПЕРАТИВ ПОВЕДЕНИЯ — идеальный принцип поведения индивида в этническом коллективе, который

¹ Цит. по: Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1966, с. 76.

диктует ему этот коллектив. Подсознательно воспринимается всеми людьми как негласная норма поведения, выход за пределы которой не позволяет индивиду удовлетворять свои социальные потребности¹ (занимать в коллективе определенное место, пользоваться вниманием и уважением окружающих). И.п. является одной из важнейших характеристик *фазы этногенеза*, так как он определяется *уровнем пассионарного напряжения* этнической системы, соотношением в составе *этноса* количеств *пассионариев* разных уровней, а также *субпассионариев*. В своих трудах Л.Н. Гумилев дает обобщенные, условные наименования императивов поведения в различных фазах в форме «Будь таким-то» (см. *Фаза этногенеза*).

ИНКУБАЦИОННЫЙ ПЕРИОД — часть *фазы подъема* от момента *пассионарного толчка* или начала генетического «*дрейфа*» до появления *этноса* и связанных с ним социально-политических институтов. Характеризуется выделением из *этнического субстрата* пассионарных особей, которые начинают создавать первоначальные *консорции*. Эти люди рвут с традиционным бытом, не удовлетворяющим их жажду деятельности, становятся изгоями общества и тянутся к себе подобным. Впоследствии они создают общую *этническую доминанту* и приступают к строительству быстро усложняющейся этнической системы, что знаменует окончание И.п. И.п. подразделяется на скрытую и явную части. В скрытой части появление первых пассионариев еще не приводит к событиям, фиксируемым современниками, так как *пассионарии* пока разрозненны и не способны преодолеть инерцию *этнического субстрата*. В явной части И.п. пассионариев делается больше, и исторические источники уже доносят до нас результаты их деятельности.

ИСТИННОСТЬ — свойство суждения, адекватного заданной сумме наблюдаемых фактов, где погрешность не превышает заданного допуска.

¹ Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент, характер, личность. М. 1984, с.25.

К

КОМПЛИМЕНТАРНОСТЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ (ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ) — ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) членов этнических коллективов, определяющее деление на «своих» и «чужих». Явление комплиментарности лежит в основе этнического разделения людей, так как появлению любого этноса предшествует образование групп людей (*консорций*), объединенных взаимной симпатией, позволяющей этим людям поддерживать постоянные тесные взаимоотношения и вырабатывать общую линию поведения. На уровне *этнoса* и *суперэтнoса* явление К. проявляется еще более четко: хотя отдельные представители чужого этноса могут вызывать личную симпатию, весь этот этнос ощущается как-то чуждое. Так как в большинстве случаев браки заключаются исходя из взаимной симпатии будущих супругов, К. в этнической системе порождает явление эндогамии, служащее важнейшим фактором стабильности любого этноса (вероятность заключения брака с членом своей этнической общности всегда выше, чем с членом другой общности, даже в крайне полиэтнической среде; в противном случае этнос растворится среди других за несколько поколений). При *этнических контактах* положительная К. этнических систем может привести их к *симбиозу* или слиянию с образованием новой целостности, а отрицательная К. — к *химере* со всеми негативными последствиями такого контакта. На глубокие психические корни К. указывает явление ностальгии.

Подобно другим этническим явлениям, К. предстает перед нами как явление статистическое и вероятностное (то есть на индивидуальном уровне возможны любые случаи и отклонения от закономерности, но при повышении ранга рассматриваемой системы закономерность действует все более четко). К. связана с другим этнопсихологическим явлением — ментальностью.

КОНВИКСИЯ — небольшая группа людей с однохарактерным бытом и общим местом обитания, существующая в течение нескольких поколений; наряду с *консорцией* — низший таксон *этнической иерархии*. Примеры кон-

виксий — сельские общины, средневековые кварталы ремесленников, мелкие племена. К. отличаются невысокими степенями активности и *резистентности*.

КОНСОРЦИЯ — комплиментарное объединение небольшой группы людей, связанных, часто эфемерно, единой целью и исторической судьбой. К К. относятся «кружки», политические группировки, секты, банды, артели и тому подобные объединения (всегда добровольные, а не искусственно созданные). Роль консорций в этногенезе очень существенна, так как из них вырастают этнические системы более высоких рангов: так, из первых К. христиан возник впоследствии Византийский *суперэтнос*, из К., собравшейся на реке Тибр, — Римская империя, из группы соратников Чингисхана — империя монголов. Это, конечно, наиболее яркие примеры, но и в других случаях процесс имеет тот же механизм: прежде чем та или иная этническая целостность является на исторической арене как активная сила, источники фиксируют появление ряда *пассионариев*, которые сколачивают вокруг себя группы единомышленников (К.). Особенно активен процесс образования К. в *фазе подъема* после *пассионарного толчка*. Однако в любые исторические периоды большинство К. распадается еще при жизни их основателей или же переходит в *конвексии*, и лишь немногие вырастают в этнические системы высоких рангов.

КСЕНИЯ — форма нейтрального сосуществования этносов в одном регионе, при которой они сохраняют своеобразие и не сливаются, но и не вступают в отношения, характерные для симбиоза. Между этносами не возникает острых конфликтов, но и не происходит разделения функций при адаптации в ландшафте. Такая форма контакта часто встречается между этносами одной суперэтнической системы (как, например, между англо- и франко-канадцами в Канаде, между финнами и шведами в Финляндии). Нейтральный этнический контакт возможен и между разными суперэтносами, если комплиментарность между ними не резко отрицательна, а правительство не ведет политики искусственного смешения народов (так, украинцы спокойно живут в Канаде, а немцы прекрасно уживались с народами Российской империи).

М

МЕНТАЛЬНОСТЬ — особенности психического склада и мировоззрения людей, входящих в ту или иную этническую целостность. М. предстает перед нами в виде иерархии идей, воззрений, представлений о мире, оценок, вкусов, культурных канонов, способов выражения мысли, являясь существеннейшей частью *этнической традиции*. Формируется М. в ходе *этногенеза* (в том числе под влиянием *этнических контактов*). С повышением ранга рассматриваемой этнической системы М. проявляется все более ярко: если на уровне *консорции* (*конвексии*) специфика М. не всегда заметна, то в суперэтнической целостности она выступает на первый план. Более того, в суперэтнотипе, где наблюдается разнообразие *стереотипов поведения*, М. является основным консолидирующим фактором. Так, чрезвычайно пестрый Византийский *суперэтнос* объединяло православие (не только как религия, но и как М.) — так же, как и возникший значительно позднее Российский *суперэтнос*. Запад, именовавшийся некогда «христианский мир», теперь объединен «цивилизацией» и «прогрессом», что соответствует психическому облику современного западного человека. Однако в общей суперэтнической М. внимательный взгляд всегда может выделить этнические различия — «острый галльский смысл» и «сумрачный германский гений». Более подробное рассмотрение позволяет также выявить субэтнические нюансы М.: например, в России XIX в. их можно было пронаблюдать между дворянами, разночинными интеллигентами, старообрядцами, православным духовенством, различавшимися не только своими стереотипами поведения (как субэтнотипы), но и М. (см. «Древняя Русь и Великая степь», с.357).

МЕСТОРАЗВИТИЕ (или родина) *этноса* — неповторимое сочетание ландшафтов, где данный этнос сложился как система. Характер этих ландшафтов оказывает глубокое влияние на облик этноса, определяя его *адаптацию* в среде. Так, степные ландшафты определили образ жизни кочевых народов, а долины Хуанхэ и Янцзы — мелиоративные навыки китайцев. Особо Л.Н. Гумилев подчерки-

вает тот факт, что новые этносы всегда складываются в зонах сочетания двух и более ландшафтов, а монотонные ландшафты обычно не служат месторазвитиями этносов (см. *Пассионарный толчок*).

МИРООЩУЩЕНИЕ — подсознательная реакция человека на окружающую его реальность; весь комплекс психических процессов и явлений, вызываемых внешними воздействиями на индивида, но не переработанных его сознанием. Не следует путать с мировоззрением — сознательным отношением к окружающему миру. М. определяется как генетически обусловленными свойствами данного человека (его конституцией, *пассионарностью* и т.д.), так и влиянием среды. Л.Н. Гумилев на историческом материале показал, что для формирования мироощущения людей исключительно важен этнический состав среды, в которой они живут, причем решающую роль здесь играет характер контактов на суперэтническом уровне.

МИРООЩУЩЕНИЕ НЕГАТИВНОЕ. В зоне контактов несовместимых *суперэтносов* с взаимно отрицательной *комплиментарностью*, с резко различными *стереотипами поведения* и *ментальностью* (*химерах*) у людей может складываться особое мироощущение, выражающееся в негативном отношении к объективным законам бытия и в стремлении к упрощению окружающего мира. При наличии *пассионариев* среди таких людей складываются целостности соответствующего типа — *антисистемы*.

МИРООЩУЩЕНИЕ ПОЗИТИВНОЕ — нормальное мироощущение людей в здоровом *этнотипе*, выражающееся в принятии человеком объективных законов жизни и в стремлении к поддержанию (или усложнению) своей этнической системы и окружающей природной среды. В здоровом (не искаженном *химерой*) этносе отклонения от М.п. встречаются редко и не оказывают существенного влияния на развитие системы.

МОЗАИЧНОСТЬ ЭТНОСА — неоднородность этноса, определяемая наличием этнических систем более низкого ранга (*субэтносов, консорций, конвексий*). Способствует адаптации этноса в этно-ландшафтной среде, не нарушая его единства. Внутреннее неантагонистическое соперни-

чество подсистем этноса повышает его *резистентность*, делая его более гибким и способным к восстановлению после потрясений, а наличие в подсистемах различных *стереотипов поведения* позволяет этносу распространяться в разнообразных ландшафтах и налаживать контакты с непохожими друг на друга соседями. Мозаичность этнических систем является одной из сторон их иерархичности (см. *Этническая иерархия*).

Н

НОСТАЛЬГИЯ — комплекс негативных психических явлений, вызванный отрывом человека от своей этноландшафтной среды. Л.Н. Гумилев объясняет данное состояние психики, исходя из представлений об этническом поле (см. *Поле в этнологии*).

О

ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ (восприятие времени). Восприятие человеком текущего времени (прошлого, настоящего и будущего) является частью его *мироощущения*, порождает определенные ценностные ориентации, влияет на его поведение. На уровне *этноса* О.в. подчиняется закономерностям, вытекающим из общих законов *этногенеза*. На основе исторического материала Л.Н. Гумилев установил, что в любом этносе всегда преобладает одно из четырех выделенных им О.в. О.в. могут быть описаны в следующих качественных характеристиках:

1) Статическое (или циклическое) ощущение времени характерно для статических этносов (*персистентов*). При статическом О.в. время фактически игнорируется как реальность и воспринимается только в связи с простейшими природными циклами. Это О.в. вполне органично для этнического *гомеостаза*, где отсутствует направленное развитие системы и господствует периодическое повторение жизненных циклов, что выражается также в отсутствии линейного летоисчисления.

2) Пассеизм. Это О.в. характерно для молодых этнических систем, находящихся в стадии роста и становления.

Каждая прожитая минута воспринимается человеком как приращение к существующему прошлому, к делам его предков и предшественников. Таким образом, прошлое ощущается как реальность, которая, накапливаясь, продвигается вперед. Люди с таким О.в. чувствуют себя частицами великой традиции и способны на бескорыстную деятельность ради нее. Преобладает этот тип в *фазе подъема*, встречаясь затем во всех последующих фазах и выполняя наиболее конструктивную работу. Типичные примеры пассеистов: спартанец Леонид в Фермопилах, Роланд в Ронсельванском ущелье, русские воины на Куликовом поле.

3) Актуализм — О.в., при котором за реальность человек признает только настоящее, а за главную жизненную ценность — собственное состояние (удовольствие, славу, успех и т.д.) в данный момент времени. Является частью эгоистического (хотя и позитивного) мироощущения. Люди такого типа появляются в *акматической фазе*, когда на смену бескорыстным, самоотверженным борцам начинают приходиться честолюбцы, стремящиеся к личному успеху, подобные Гаю Марию и Сулле (Рим), Людовику XIV (Франция), Ивану Грозному (Россия). На смену подвижничеству постепенно приходит гедонизм, на смену накоплению ценностей — их растрата. В последующих фазах это О.в. широко распространено и господствует в финальной фазе — *обскурации*.

4) Футуризм — О.в., при котором человек считает будущее единственно реальным, прошлое — ушедшим в небытие, а настоящее расценивает как преддверие будущего. При крайних степенях футуризма иллюзией представляется также настоящее. Футуризм — часть *негативного мироощущения*, О.в., господствующее в *антисистемах*. В них футуризм отражается на содержании идеологии, которая объявляет существующий мир злом, прошлое — «проклятым», а настоящее — подлежащим полному исправлению либо иллюзией, от которой надо избавляться. Реализация целей антисистемы (торжество «справедливости», избавление от «зла» и т.п.) всегда отнесена к будущему. Таким образом, идейные установки антисистемы

соответствуют психическому складу их адептов. В здоровом этносе футуризм встречается редко и воспринимается окружающими как чудочество.

Все описанные типы ощущения времени редко встречаются в чистом виде как на этническом, так и на индивидуальном уровне. Точнее говорить о преобладании одного из них [96].

П

ПАССИОНАРИИ (особи энергоизбыточного типа) — особи, обладающие врожденной способностью абсорбировать из внешней среды энергии больше, чем это требуется только для личного и видового самосохранения, и выдавать эту энергию в виде целенаправленной работы по видоизменению окружающей их среды. Судят о повышенной пассионарности того или иного человека по характеристике его поведения и психики (см. *Пассионарность как характеристика поведения и психики*). Так как Л.Н. Гумилевым на этническом уровне было показано, что массовое изменение поведения людей в сторону повышения их активности является эффектом *энергии живого вещества биосферы*, то мы можем говорить и о причинах повышенной активности отдельного индивида. При этом следует исходить из того, что психическая и интеллектуальная активность требует затрат энергии точно так же, как и физическая, только эта энергия пребывает в иной форме и ее труднее регистрировать и измерять.

Другой стороной энергоизбыточной конструкции П. является способность активно влиять на поведение и психические состояния *окружающих* лиц — так называемое явление *пассионарной индукции*, причем эта черта неразрывно связана с высоким уровнем общей поведенческой активности.

Л.Н. Гумилевым было сделано историческое описание изменения активности человеческих коллективов по фазам *этногенеза*, причем автор неоднократно обращался к характеристикам личностей отдельных выдающихся П., показывая, что частота появления таких людей в разные эпохи закономерно связана с общей активностью этниче-

ской системы (ее *пассионарным напряжением*). Проанализировав биографии таких деятелей, как Наполеон, Александр Македонский, Сулла, Ян Гус, Жанна д'Арк, протопоп Аввакум, Ганнибал, Чингисхан, и многих других, Л.Н. Гумилев обнаружил, что всех их объединяет устойчивый комплекс черт, стержнем которого является непреодолимое внутреннее стремление к активной деятельности, изменяющей окружение. Это стремление не диктовалось ни условиями среды, ни материальными благами — наоборот, непомерная активность многих П. вызвала непонимание и осуждение окружающих и приводила П. к лишениям и гибели. Более того, истории известны многие случаи, когда люди жертвовали жизнью ради идеи или общего дела, и не под влиянием минуты, а обдуманно. Все эти факты заставили автора теории выделить *пассионарность* в качестве отдельного поведенческого импульса, несводимого ни к каким известным биологическим инстинктам или психическим свойствам человека. Описав пассионарность на популяционном уровне (как активность этнических коллективов) и на индивидуальном (как поведенческий импульс), Л.Н. Гумилев предложил единственно непротиворечивое объяснение этого феномена — теорию пассионарности как эффекта *энергии живого вещества биосферы*, описанной В.И. Вернадским. Так как иных объяснений пока не предложено, мы исходим в наших определениях из этой теории.

ПАССИОНАРНАЯ ИНДУКЦИЯ — изменение настроений и поведения людей в присутствии более пассионарных личностей. *Пассионариям* удается навязывать окружающим свои поведенческие установки, сообщать им повышенную активность и энтузиазм, которые от природы этим людям не присущи. Они начинают вести себя так, как если бы они были пассионарны, но, как только достаточное расстояние отделяет их от *пассионариев*, они обретают свой природный поведенческий и психический облик. Наиболее заметно явление П.и. во время войн, когда пассионарным полководцам удается вести за собой войска, состоящие в основном из *гармоничных людей*. Так, Наполеону и Суворову в Италии' удавалось одерживать

блестящие победы, но, как только войска оставались без их руководства, успехи сменялись поражениями. Одним полководческим талантом это нельзя объяснить — во время битвы очень важен эффект личного присутствия пассионария, поднимающего войска в атаку (как Наполеон на Аркольском мосту). Следует заметить, что пассионарная индукция не всегда исходит от полководцев — часто ее источником являются рядовые, но пассионарные воины. П.и. лежит в основе успехов многих знаменитых ораторов, чьи речи потрясали слушателей или приводили их в неистовство. Однако при прочтении текстов этих речей они отнюдь не производят подобного впечатления.

Перечисленные примеры — лишь наиболее яркие проявления П.и. В целом же она пронизывает все этнические процессы, будучи основой всех массовых движений людей, инициаторами которых являются пассионарии, увлекающие за собой менее пассионарных людей. Таковы политические движения, крупные миграции, религиозные ереси и т.д.

На ряде примеров Л.Н. Гумилев пронаблюдал, что П.и. гораздо сильнее действует на людей той же этнической принадлежности, что и пассионарии — источники индукции. Все это указывает на тот факт, что П.и. является одним из основных факторов, благодаря которому *этнос* действует как единое целое. Для объяснения явления П.и. Л.Н. Гумилевым была предложена гипотеза пассионарного поля (см. *Поле в этнологии*).

ПАССИОНАРНОЕ ПОЛЕ — см. *Поле в этнологии*.

ПАССИОНАРНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ПОВЕДЕНИЯ И ПСИХИКИ — активность, проявляющаяся в стремлении индивида к цели (часто — иллюзорной) и в способности к сверхнапряжениям и жертвенности ради достижения этой цели. Жертвенность понимается здесь широко — как отказ от удовлетворения ближайших потребностей, иногда жизненно важных, ради доминирующей социальной или идеальной потребности, осознаваемой как цель. При высоких степенях пассионарности эта цель представляется индивиду достойной того, чтобы отдать за нее жизнь. В целом *пассионарии* характеризуются значительным доминированием социальных (прежде все-

го — потребности в лидерстве) и идеальных потребностей над биологическими (витальными), хотя последние могут быть ярко выражены. В соотношении потребностей развития и сохранения резко преобладают потребности развития¹.

Пользуясь историко-биографическим методом, Л.Н. Гумилев описал пассионарность как устойчивый, инвариантный для разных эпох и *этносов* комплекс поведенческих и психических черт. Если не брать случаи болезни и патологии, все приведенные выше черты пассионариев встречаются в целостной взаимосвязи: так, жертвенность всегда связана со способностью индивида к сверхнапряжениям, а способность к *пассионарной индукции* (к влиянию на окружающих) — с общей поведенческой активностью.

В результате мы можем констатировать — пассионарность как потребность и способность изменять окружающую среду (общественную и природную) является самостоятельным поведенческим и психическим феноменом, требующим объяснения (см. *Пассионарность как энергия*).

ПАССИОНАРНОСТЬ КАК ЭНЕРГИЯ — биохимическая *энергия живого вещества* биосферы, определяющая способность этнических коллективов совершать работу, наблюдаемую историками как их активность (миграционная, природопреобразовательная, военная, экономическая и т.д.). Эта активность определяется количеством энергии в системе (*пассионарным напряжением*) — то есть количеством *пассионариев* различных уровней. Следовательно, пассионарность, описанная как поведенческий феномен, имеет энергетическую природу: способность индивида совершать целенаправленную работу по изменению окружения (что требует длительного эмоционального, волевого, интеллектуального и зачастую физического напряжения) объясняется повышенным количеством энергии, которую данная особь захватывает (абсорбирует) из

¹ Мы пользуемся данными терминами в их понимании, принятом в книге: *Симонов П.В., Ершов П.М.* Темперамент, характер, личность. М.: Наука, 1984.

окружающей среды. Этот вывод есть следствие из закона сохранения энергии, согласно которому энергия, потребная для совершения той или иной работы, не может появляться ниоткуда. При этом закономерно встает вопрос о форме рассматриваемой энергии, механизме ее абсорбции.

Ответ на этот вопрос был найден Л.Н. Гумилевым в трудах В.И. Вернадского, открывшего и описавшего тот вид энергии, за счет которого живые организмы растут, размножаются и совершают работу всех типов. В.И. Вернадский назвал эту энергию биохимической *энергией живого вещества*. Распределена данная энергия в биосфере неравномерно, что порождает в животном и растительном мире так называемые «волны жизни», массовые миграции животных (вроде отмечавшихся В.И. Вернадским перемещений гигантских масс саранчи, птиц, грызунов-леммингов и т.д.¹). В человеческих же коллективах (этнусах) избыток энергии порождает всплески целенаправленной активности, описанные на историческом материале как *пассионарные толчки*. Выдвигавшиеся часто против Л.Н. Гумилева обвинения в биологизаторстве неосновательны, так как ученый неоднократно подчеркивал, что человек в отличие от животного выдает энергию в виде осмысленных, социально значимых действий.

ПАССИОНАРНЫЙ ПРИЗНАК — рецессивный генетический признак, передаваемый по наследству и лежащий, согласно гипотезе Л.Н. Гумилева, в основе феномена *пассионарности* как черты конституции человека. Необходимость привлечь генетику для объяснения причин этнических процессов возникла как следствие ряда эмпирических обобщений:

1) Л.Н. Гумилевым было установлено, что целенаправленная поведенческая активность порождается не воздействием социальной среды, а определенной конституционной чертой человека (а такие черты, как известно, контролируются генетически).

2) Массовое появление на некоторой территории сверхактивных людей, начинающих ломать существующие тра-

¹ Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М.: Наука, 1965, с 309.

диции и создавать новую *этническую систему* (это явление описано как *пассионарный толчок*), не находило никаких других объяснений, кроме генетической микромутации. Все традиционные (главным образом социально-экономические) теории объясняли лишь отдельные стороны подобных явлений и оказывались неспособны выявить общую их первопричину.

3) Был обнаружен процесс, определяющий ход любого *этногенеза*: сначала число *пассионариев* быстро растет, что сопровождается созданием новых социальных структур и экспансией, затем их число колеблется возле своего предельного уровня (см. *Фаза акматическая*), потом наступает резкий спад и выход на определенный, далее плавно снижающийся уровень, пока пассионарные личности не перестают фиксироваться историческими источниками. Кроме того, были отмечены колебания пассионарности с периодом примерно 100 лет в ходе всего этногенеза, а также процесс вытеснения пассионарности на края ареала этнической системы, что соответствует закону вытеснения рецессивных признаков (открытому Н.И. Вавиловым).

Все эти факты и закономерности позволили с достаточной уверенностью говорить о генетическом признаке, контролирующем пассионарность людей, и назвать его пассионарным признаком.

ПАССИОНАРНЫЙ ТОЛЧОК — микромутация, вызывающая появление *пассионарного признака* в популяции и приводящая к возникновению новых этнических систем в затронутых ею регионах. Наблюдается на поверхности Земли в виде полос шириной порядка 200—400 км и длиной примерно 0,5 окружности планеты, пролегающих под различными углами к меридиану и широте (см. в этой книге рис. на стр.311). Вывод о существовании таких микромутаций был сделан Л.Н. Гумилевым на основе выявленной им исторической закономерности, согласно которой новые *суперэтноты*, возникают одновременно и по одной линии, вытянутой по поверхности Земли на многие тысячи километров через любые ландшафтные препятствия (например, толчок I в. н.э.: готы — славяне — даки — христиане — иудеи — абиссинцы (аксумиты), или толчок

VI в. н.э.: арабы (мусульмане) — раджпуты — боты (Южный Тибет) — табгачи — средневековые китайцы — корейцы (Силла) — японцы (Ямато)). Очевидно, что на таких гигантских по размаху и геодезически правильных полосах не могла начинаться одновременно «классовая борьба» или происходить мгновенное распространение генетического признака из одной точки (наличие такого препятствия, как Тибет, исключало в VI в. всякое быстрое взаимодействие между людьми). При этом Л.Н. Гумилевым было установлено, что в период непосредственно после П.т. во всех затронутых им регионах происходил быстрый рост активности новых этнических образований (а также их численности), изменялись *стереотипы поведения*, возникали новые идеологические и религиозные течения. Единственной гипотезой, объясняющей удивительную синхронность этих явлений в различных частях света, стало учение Л.Н. Гумилева о *пассионарных толчках* как генетических микромутациях. Закономерно встал вопрос о происхождении мутагенного фактора, порождающего толчки. Из всех предположений после их подробного анализа было выбрано одно: толчки имеют космическое происхождение (излучение из космоса), так как никакими земными причинами не удастся объяснить их линейную форму и огромную протяженность на поверхности Земли¹.

Однако следует заметить, что зарождение новых этносов происходит не в каждой точке на линии П.т.: подвергшиеся мутации особи активно передвигаются и начинают образовывать этнические системы только в особо благоприятных регионах. Обычно это бывают места стыка различных ландшафтов, где собираются выделившиеся из окружающих этносов *пассионарии*. Монотонный же ландшафт связан, как правило, с устойчивой традицией живущего там *этноса*, который не терпит в своей структуре совершенно чуждых ему по своим стремлениям и крайне активных пассионариев. Первые после П.т. поколения

¹ Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этносфера и космос. — В кн.: Космическая антропозология: техника и методы исследований. Материалы Второго Всесоюзного совещания по косм. антропозологии. Л., 1984.

этих людей либо гибнут, либо бегут на край ареала этноса (то есть на место стыка с другими этносами и, как правило, с другими ландшафтами), где образуют новые системы.

ПЕРЕГРЕВ ПАССИОНАРНЫЙ — избыток *пассионарности* в этносе, приводящий к внутренним катаклизмам и снижению *резистентности* системы. Возникает обычно в *акматической фазе этногенеза*. При П.п. соподчиненность элементов этнической структуры нарушается, возникает огромное количество различных направлений и группировок, которые интенсивно борются между собой, даже в момент опасности внешнего вторжения. Кроме того, для П.п. характерны фигуры *пассионариев-честолюбцев*, которые стремятся к личному успеху любой ценой и приносят интересы этнической целостности в жертву своим собственным. В этих условиях бывает трудно наладить централизованное руководство крайне сложной и разнообразной системой. Примеры пассионарных перегревов: IV—V в. н.э. в Византии, «смутное время» в России. Избыток пассионарности в Западной Европе в XI—XII веках потребовал организации крестовых походов, в которых нашли применение своим силам многочисленные *пассионарии*. П.п. сопровождается также активной борьбой в идеологической и религиозной сферах.

ПЕРСИСТЕНТЫ (статические этносы, реликты) — этнические системы, прошедшие все фазы *этногенеза* и устойчиво находящиеся в состоянии *этнического гомеостаза*. Такая система, прочно связанная с вмещающим ландшафтом (*этноценозом*), может существовать очень долго, практически не изменяясь, и легко погибнуть от внешнего воздействия. Воздействие может быть направлено на сам этнос или на ландшафт и казаться незначительным. Однако в реликтовых этносах любое изменение укоренившегося уклада жизни может привести к необратимым последствиям, так как система лишена гибкости, способности к приспособлению к новым условиям. Статические этносы часто называют «дикими», «первобытными» или «отсталыми», хотя на самом деле они находятся в состоянии глубокой этнической старости и требуют бережливого отношения к себе. Примеры персистентов: совре-

менные племена индейцев, исландцы, коренные народы Крайнего Севера, отдельные этносы в горах Кавказа, на Тибете и т.д. Подробнее о персистентах — см. *Этнический гомеостаз*.

ПОЛЕ В ЭТНОЛОГИИ. Гипотеза этнического поля была предложена Л.Н. Гумилевым с целью объяснения феномена единства *этнических систем*, координированного действия составляющих их элементов. *Этносы* лишь в некоторых случаях совпадают с едиными организациями, управляемыми централизованно, а определенное единство поведения и реакций на окружающую среду для членов одной этнической системы наблюдается всегда (см. *Стереотип поведения*).

Создавая гипотезу этнического поля, Л.Н. Гумилев опирался на более общие представления о биологических полях, сформулированные доктором биологических наук Б.С. Кузиным. Этот ученый утверждал, что надындивидуальное координированное поведение живых организмов, а также развитие систем, составленных этими организмами (стаи, колоний, видов) регулируется биологическими полями. Причем единство любых групп манифестируется не только через форму организмов, но и через их поведение. Этнические же системы являются частным случаем групп живых организмов, развивающихся естественно и во взаимодействии с окружающей средой.

Серьезным аргументом в пользу гипотезы об этническом поле является феномен *комплиментарности* (подсознательного ощущения этнической близости или чуждости), труднообъяснимый с иных позиций. Л.Н. Гумилев предположил, что этнические поля, подобно другим видам полей, имеют определенный ритм колебаний. Близость этих ритмов у определенной группы людей порождает у них чувство взаимной близости и противопоставления себя всем прочим («мы» и «не мы»). Столкновение с носителями другого ритма вызывает ощущение чуждости, несходства, иногда доходящее до резкой антипатии. Известно, что у людей, находящихся на чужбине, возникает особое психическое состояние — ностальгия. Для него характерны чувства тоски, тревоги, подавленности и т.д. С позиций гипо-

тезы об этническом поле это вполне объяснимо: ностальгия вызывается воздействием на человека среды с чуждым ритмом этнического поля, а также отрывом от своей среды, где имел место резонанс с полями окружающих.

Другим явлением, заставившим Л.Н. Гумилева включить в науку об этносе понятие поля, оказалась *пассионарная индукция*. Принцип поля проявляется в данном случае весьма четко — *пассионарии*, служащие источником индукции, побуждают окружающих людей действовать направленно и координированно, причем решающим является момент личного присутствия пассионария-индуктора. По мере удаления от него действие индукции понижается. На основе этих фактов Л.Н. Гумилев предположил, что проявление *пассионарной индукции* регулируется соответствующим видом биологического поля — пассионарным полем. Тот факт, что пассионарии-индукторы сильнее воздействуют на лиц одинаковой с ними этнической принадлежности, указывает на то, что в случае с пассионарным полем мы сталкиваемся с иным проявлением все того же этнического поля, осуществляющего свою регулирующую функцию в этносе.

Гипотеза Л.Н. Гумилева о пассионарном и этническом полях, покуда она не подтверждена экспериментально, не может служить столь же эффективным средством исследования этнических процессов, как и теория пассионарности. Но при этом она не противоречит ни одному из известных фактов и весьма наглядно поясняет суть взглядов Л.Н. Гумилева на *этнос* и *этногенез*.

ПУСКОВОЙ МОМЕНТ ЭТНОГЕНЕЗА — исторически установленный момент *пассионарного толчка*, после которого возникает данная этническая система (см. *Пассионарный толчок*). П.м.э. выбирается за нулевую точку отсчета при составлении диахронических шкал.

Р

РАСКОЛ ЭТНИЧЕСКОГО ПОЛЯ. Данное понятие основано на общих представлениях об этническом поле со своим ритмом (частотой колебаний) (см. *Поле в этноло-*

гии). Служит для обозначения исторического феномена резкого расхождения *стереотипов поведения* и *ментальности* в рамках какой-либо этнической системы, сопровождающегося потерей ощущения комплиментарности между вновь возникшими целостностями. На уровне *суперэтнуса* данное явление особенно ярко проявляется в *фазе надлома*. Так, западноевропейский мир за время Реформации разделился на две части: католическую и протестантскую. Раскол был довольно глубоким: в дальнейшем протестантские и католические народы весьма различно вели себя в колониях и четко отделялись друг от друга. Однако чувство общей принадлежности к суперэтносу («Цивилизованному миру») не было потеряно. Если же Р.э.п. сопровождается вторжением чуждых влияний и идей, то подвергаясь этому явлению система оказывается в серьёзной опасности.

Исходя из представлений об этническом поле раскол его означает возникновение на месте единой частоты колебаний (ритма) двух новых, отличных друг от друга частот, что и порождает потерю комплиментарности.

РЕЗИСТЕНТНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ — ее способность сопротивляться внешним воздействиям: вторжениям иноземцев, разлагающему действию антисистем, экологическим катастрофам и т.д. Р.э.с. зависит в первую очередь от *уровня ее пассионарного напряжения*, который определяет способность системы энергично реагировать на воздействия извне, эффективно перестраивать внутреннюю структуру в зависимости от условий окружения. При потере *пассионарности* (в *фазе обскурации*) система делается крайне уязвимой, неспособной к активному сопротивлению (как поздний Рим, захваченный вандалами, или Константинополь эпохи обскурации, взятый крестоносцами в 1204 году). В *фазе пассионарного подъема* система отличается, наоборот, повышенной резистентностью: так, христианские общины в Римской империи, несмотря на все гонения, не только не исчезли, но и образовали впоследствии целый *суперэтнос*.

Однако *пассионарность* — отнюдь не единственный фактор, определяющий Р.э.с. Не менее важна его внутренняя монолитность, то есть наличие единой, ненару-

шенной этнической традиции. При расколе этнического поля энергия этноса гасится во внутренних конфликтах, а потеря единой ментальности делает возможным проникновение антисистемных учений, которые представляют смертельную опасность, так как действуют подобно раковой опухоли. Все это особенно характерно для фазы надлома. Так было во время развала Арабского халифата в X в., в Китае в эпоху «Войны царств» (IV в. до н.э.).

В целом можно констатировать, что наиболее резистентен монолитный, пассионарно напряженный (однако не до степени *пассионарного перегрева*) этнос с сильным централизованным руководством в виде правящего *субэтноса*. Такие этносы встречаются в фазах подъема, *акматической* и *инерционной* фазах. Наиболее уязвимы этносы, расколотые внутренними конфликтами и противоречиями, а также ослабленные энергетически (примеры этого дают нам фазы надлома и обскурации). Низкой резистентностью обладают *персистенты*, полностью утратившие *пассионарность*.

С

СВЕРХНАПРЯЖЕНИЕ — длительное крайнее напряжение всех сил индивида, необходимое для достижения значимой для него цели и ведущее к изменению окружающей его среды или самого индивида. Понятие С. введено Л.Н. Гумилевым для обозначения особых, крайне напряженных психических состояний, причиной которых у *пассионариев* является внутренний энергетический импульс. С. осознается окружающими как аномальное явление, выходящее за рамки обычных человеческих возможностей (например, способность некоторых полководцев несколько суток не спать, непрерывно руководя боем; напряжение спортивных мастеров во время соревнований и т.п.). С. необходимо для удовлетворения доминирующей социальной или идеальной потребности, когда все остальные потребности отходят на второй план или вообще игнорируются, причем индивид совершает за относительно краткий промежуток времени значительный объем работы (невьполнимый для обычного *гармоничного человека*).

Конечно, гармоничные люди тоже способны на аномальные усилия. Но такие усилия либо кратковременны (например, мать, спасающая свое дитя), либо вызваны воздействием *пассионарной индукции* (классический пример — переход русской армии под командованием Суворова через Альпы. Армия состояла не из одних пассионариев, но под влиянием *пассионарной индукции* С. совершили все участники похода). Если же человек способен на С. вследствие внутренней целевой установки — это является отличительной чертой *пассионария*.

СИГНАЛЬНАЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ — передача поведенческих навыков потомству путем научения через условный рефлекс подражания. Существует как в животном мире, так и у людей. Явление С.н. было впервые описано М.Е. Лобашевым¹, который обратил внимание на то, что у животных потомство, отделенное в раннем возрасте от родителей, не приобретает многих жизненно важных навыков. Затем ученый пронаблюдал и описал процесс заимствования потомством этих навыков от родителей. Л.Н. Гумилев отметил, что тот же процесс имеет место и у человека. Действительно, базовые навыки адаптации в среде ребенок приобретает в раннем возрасте от старшего поколения. Если же он с колыбели оторван от общения с людьми, то у него наблюдаются серьезные дефекты адаптации и психического развития. Таким образом, сигнальная наследственность есть тот механизм, при помощи которого формируются неповторимые комплексы поведенческих навыков — *стереотипы поведения этносов*.

СИМБИОЗ — форма взаимополезного сосуществования этнических систем в одном регионе, при котором симбионты сохраняют свое своеобразие. При такой форме контакта этнические коллективы имеют различные наборы приспособительных навыков, используя различные части ландшафта или разные ландшафты. Так, великороссы селились в основном по долинам рек, оставляя степные просторы казахам и калмыкам, а лесные водоразделы — угорским народам. К С. можно отнести также

¹ Лобашев М.Е. Сигнальная наследственность. — В кн.: Исследования по генетике. Л., 1961 (под ред. М.Е. Лобашева).

контакт между *субэтнoсами* одного этноса: они делят функции, но не сливаются между собой (как, например, крестьяне, дворяне, казаки внутри русского этноса).

СМЕЩЕНИЕ (или результат контакта) — нарушение естественного процесса смены *фаз этногенеза* в результате неблагоприятного *этнического контакта*. С. может возникнуть в момент, когда этническая система переходит из одной фазы в другую. При этом ее внутренняя структура перестраивается, делаясь неустойчивой. Если в такой период жизни этнос подвергается агрессии извне или же власть захватывает антисистема, то может произойти разрушение этнической традиции и оригинального стереотипа поведения. Особенно чреват смещениями переход от *акматической фазы* к *фазе надлома*, хотя этногенез может быть оборван и при других фазовых переходах. Примеры С: подавление восстания даков Траяном в 103г. н.э., разгром зулусов в XIX в., уничтожение индейских племен в Северной Америке. Все это случаи обрывов этногенеза путем крайне жестокого завоевания и истребления народов.

К случаям С. следует отнести также распад Арабского халифата в X в. н.э., гибель восточных хуннов в IV в. н.э. в Китае.

СТАРЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ — процесс потери инерции *пассионарного толчка* в этнической системе, заключающийся в постепенном устранении *пассионарного признака* из популяции путем естественного отбора. После того как система прошла фазы высокого пассионарного накала, начинается процесс длительного и неравномерного снижения пассионарного напряжения. При этом может сохраняться богатая культурная традиция, огромная территория и государственная структура, но потеря действенной энергии приводит систему в состояние этнической старости — обскурации, после чего она сходит с исторической сцены. Так произошло и с Римской империей, и с Византией, и с Древним Китаем (Хань), и с другими цивилизациями, что позволило сделать обобщение: всякая этническая система, подобно живому организму, проходит стадии юности (роста и экспансии), зрелости (максимальной активности) и старости

(упадка и разложения). Подробное исследование процесса старения этносов привело Л.Н. Гумилева к созданию более детальной схемы — описанию *фаз этногенеза*.

СТЕРЕОТИП ПОВЕДЕНИЯ — система поведенческих навыков, передаваемых из поколения в поколение путем сигнальной *наследственности*, специфичная для каждого этнического коллектива. С.п. складывается в процессе адаптации этнической системы к окружающей ее среде. Эта среда (ландшафтная и этническая) определяет неповторимый облик каждого *этноса*. Собственный С.п. воспринимается членами этнического коллектива как единственно возможный, нормальный стандарт взаимоотношений, образа жизни и действий людей. Если данный коллектив находится в здоровом (не деформированном или переломном) состоянии, принятые нормы поведения совершенно нетягостны для его членов (хотя соседям могут казаться противоестественными или жесткими). Чужие С.п. на общенном уровне воспринимаются как чужачества или дикость, вызывают удивление, насмешку или злобу. Причем некоторым этносам удается достаточно легко найти общий язык (если другой С.п. не кажется опасным или омерзительным), но часто встречаются также случаи полного взаимного неприятия. Особенно острую реакцию, как правило, вызывают чужие стереотипы в сфере взаимоотношения полов, отношения к умершим, к правилам чести и т.д.

С.п. этноса имеет внутреннюю структуру, включающую строго определенные нормы отношений: а) между коллективом и индивидом, б) индивидов между собой, в) внутриэтнических групп между собой, г) между этносом и внутриэтническими группами. С.п. также включает навыки адаптации в ландшафте и нормы отношения к иноплеменникам.

В динамическом этносе С.п. крайне изменчив. В каждой новой *фазе этногенеза* этнос делается непохожим на самого себя, хотя преемственность традиции сохраняется (если не происходит смещений). Как клерк лондонского Сити XIX в. не похож на корсара Френсиса Дрейка, так современники Достоевского отличны от соратников Алек-

сандра Невского или Дмитрия Донского. Только в гомеостатических этносах (*персистентах*) С.п. стабилен и передается из поколения в поколение почти без изменений, но в случае сильного внешнего воздействия может быстро разрушиться (так, распространение европейской цивилизации привело к ассимиляции и исчезновению многих малых народов, живших в *этническом гомеостазе*).

В условиях неблагоприятного этнического контакта (*химеры*) стереотипы поведения людей утрачивают внутреннюю структуру. На место сложных систем адаптивных навыков, позволявших монолитным этносам существовать и развиваться в изменчивой среде, приходит хаос несогласованных между собой поведенческих черт. Адаптированность в ландшафте снижается, что приводит часто к его хищническому использованию и разрушению, взаимопонимание между различными группами населения теряется, люди лишаются ценностных ориентации, культурных традиций, возникают и растут антисистемы.

В случаях плодотворного этнического контакта может, наоборот, произойти образование нового, оригинального стереотипа поведения, что позволяет говорить о зарождении новой этнической общности. Характерный пример — Латинская Америка, где потомки перемешавшихся испанцев и индейцев образовали новые этносы.

СУБПАССИОНАРИИ (особи энергодефицитного типа) — люди, которые в силу неспособности абсорбировать из окружающей среды достаточное количество энергии не могут полноценно адаптироваться в среде. Субпассионарность (недостаток энергии) проявляется в неспособности сдерживать инстинктивные вожеления, асоциальном поведении, паразитизме, недостаточной заботе о потомстве. Люди такого типа хорошо известны во все эпохи и встречаются практически во всех этносах. Их называют бродягами, люмпен-пролетариями, чернью, отбросами общества, босяками, «бомжами» и т.д. Обычно они скапливаются в крупных городах, где есть возможность жить не работая, а паразитируя, и развлекаться. Такое сосредоточение С. приводит к громадному росту алкоголизма, ситуативной преступности, наркомании, стихийных беспо-

рядков. Все это следствия основной черты С. — неспособности контролировать свои вожделения, даже если их удовлетворение идет во вред себе и окружающим.

Что же заставило Л.Н. Гумилева связать поведенческую характеристику данной категории лиц с дефицитом энергии? Дело в том, что относительная доля С. в составе этносов закономерно меняется по *фазам этногенеза*, резко возрастая в фазе надлома и достигая максимума в *обскурации*, то есть эта доля напрямую связана со снижением общей активности *этноса*. Следовательно, колебания числа субпассионариев — часть *этногенеза*, описанного Л.Н. Гумилевым как энергетический процесс, причем С. играют в этногенезе, по сути дела, энтропийную роль, увеличивая хаос и почти не производя полезной работы. В этническом *гомеостазе* число С. незначительно, так как тесно связанный с ландшафтом *персистент* выбрасывает из своей среды людей, неспособных к полноценной адаптации и склонных к паразитизму.

Яркие примеры обилия С. — поздний Рим (эпоха солдатских императоров), поздняя Византия (при династии Ангелов).

СУБЭТНОС — этническая система, выделяющаяся внутри *этноса* своим *стереотипом поведения* и противопоставляющая себя окружению на основе взаимной комплиментарности составляющих ее членов. С. — этнический таксон рангом ниже, чем этнос. Наличие разнообразных С. — важный признак устойчивости этноса, так как С. делят между собой функции, находясь в отношениях симбиоза. Путем неантагонистического соперничества С. делают внутреннюю структуру этноса наиболее гибкой, не нарушая его единства.

В процессе этногенеза С. возникают и рассасываются (в той или иной степени безболезненно), сменяясь другими. Так, в ходе Российского этногенеза выделялись С. казаков, поморов, сибиряков («челдонов»), старообрядцев и др. В этносе, как правило, выделяется С, играющий ведущую роль: в России, например, возник и лидировал до начала XX в. С. дворян. Некоторые С. являются реликтовой формой ранее существовавших самостоятельных этносов —

так, оригинальный романский этнос провансальцев превратился в ходе этногенеза в С. французского этноса.

Как мы видим, С. могут выступать в весьма различной форме — как этнографические группы, живущие на определенной территории, как сословия, как конфессиональные общины и т.д., но критерием их выделения всегда служат поведенческие особенности и противопоставление окружению при сохранении принадлежности субэтнических групп к тому или иному этносу.

СУКЦЕССИЯ АНТРОПОГЕННАЯ (или **АНТРОПОСУКЦЕССИЯ**) — распространение этнической системы в новых ландшафтах, приводящее к их изменению; смена этнического состава на данной территории. Термин пришел в этнологию из геоботаники, где сукцессия означает смену видового состава растений в том или ином районе.

История человечества показывает, что С.а. происходили во все времена и во всех частях Земли. Что же их вызывает, почему этносы вытесняют друг друга? Л.Н. Гумилев показал, что единственным непротиворечивым объяснением стремления этносов к экспансии, к освоению новых ландшафтов, служит концепция *пассионарности*. Молодой, агрессивный этнос, появившийся в результате *пассионарного толчка*, обязательно начинает бурно расширять ареал своего проживания, осваивая новые ландшафты (и изменяя их). При этом он изгоняет, подчиняет себе, ассимилирует или же истребляет проживающие там более старые этносы, потерявшие (частично или полностью) свою активность. Но в дальнейшем может произойти новый *пассионарный толчок*, и тогда этнос, игравший прежде роль агрессора, будет вытеснен новыми, еще более молодыми соседями, появившимися на исторической сцене и потребовавшими себе «места под солнцем». Так, Испания, бывшая некогда провинцией Римской империи, была захвачена варварами (свевами, аланами, вандалами, а затем готами). В VII в. н.э. она была завоевана арабами, возникшими от толчка VI в. н.э.; однако в VIII в. н.э. произошел новый *пассионарный толчок*, породивший Западный суперэтнос. В результате арабы были в свою оче-

редь вытеснены испанцами (реконкиста). Это лишь один пример С.а. — их можно проследить фактически для любой заселенной людьми территории, если мы располагаем необходимыми историческими данными. При этом природные ландшафты также повсеместно изменяются, подвергаясь воздействию адаптирующихся *этносов*, иногда деградируя, но затем восстанавливаясь.

СУПЕРЭТНОС — этническая система, состоящая из нескольких *этносов* и противопоставляющая себя всем подобным целостностям; высший таксон *этнической иерархии*. До появления термина «суперэтнос», введенного Л.Н. Гумилевым, целостности такого рода именовались «цивилизациями», «культурами» или «мирами» (например: «Исламский мир», «Западная цивилизация»). Единство С. манифестируется в наличии общей *ментальности*, консолидирующей зачастую весьма разнообразные этносы. Поэтому С. предстает перед нами прежде всего как идейно-религиозная и культурная целостность, суть которой, однако, лежит гораздо глубже. Народы внутри этой целостности отнюдь не обязательно объединены политически; наоборот, они часто вступают в острые конфликты. Здесь мы видим другую отличительную черту С: конфликты между этносами, его составляющими, обычно носят характер борьбы за преобладание, а не войны на полное истребление противника, причем эти конфликты не исключают экономического, политического и идеологического общения внутри С. (войны гвельфов и гибеллинов в средневековой Европе, усобицы древнерусских князей). Наоборот, столкновения между разными С. часто приобретают черты геноцида и порабощения (войны Древнего Китая со степными народами, истребление аборигенов Северной Америки европейцами и т.д.).

Ядром С. всегда является группа этносов, возникшая в одном регионе в результате *пассионарного толчка*, объединенная вокруг этнической доминанты (так, Арабский С. образовался в VII в. на основе ислама, в Византии роль объединяющего начала играло православное христианство). В дальнейшем в орбиту уже сложившегося С. могут быть включены народы иного генезиса (например, в со-

став Российского суперэтнуса вошли многие сибирские и степные этносы, возникшие вполне независимо).

С. не способен к дивергенции (то есть к делению на несколько С); раз возникнув, он проживает за 1200—1500-летний срок все фазы своего развития (если только он не распадется в надломе). Однако инерция идейно-культурной традиции может сохраняться и в дальнейшем, передаваясь другим, молодым народам и принимая новые формы (так, традиции римского права перешли к Западному С, а православие из шедшей к своему закату Византии перешло к России).

Суперэтнические контакты (совместное проживание и тесное общение представителей разных С.) иногда приводит к нейтральным последствиям, но чаще всего их результаты крайне негативны: возникают химеры и анти-системы, что приводит к упрощению или даже разрушению контактирующих целостностей.

Чем же объяснить внутреннее единство и устойчивость такого грандиозного образования, как С? Как показал Л.Н. Гумилев, попытки свести это объяснение к языковым, расовым, экономическим или чисто идейно-политическим факторам не приносят успеха. Разгадку дает только концепция пассионарного толчка, формирующего в определенном ландшафтном регионе активно усложняющуюся и растущую целостность с новым *стереотипом поведения и ментальностью*. Все существовавшие С. восходят к такому «зародышу», сохраняя заданные им основные черты. Причем Л.Н. Гумилев выдвигает гипотезу, что рост и развитие С. регулируются единым этническим полем (подобно биополю, определяющему развитие организма; см. *Поле в этнологии*).

Таким образом, выявленные Л.Н. Гумилевым закономерности позволяют говорить о возрасте того или иного С, причем точкой отсчета является момент *пассионарного толчка*, от которого возник С. Этот возраст характеризует энергетический заряд (*уровень пассионарного напряжения*) С.; развитие последнего в основных чертах детерминруется внутренней энергетической закономерностью и характером контактов с другими С.

У

УПРОЩЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ — снижение плотности системных связей в *этнической системе*, снижение ее внутреннего разнообразия. За критерий сложности этнической системы принято количество подсистем данной системы по сравнению с их исходным числом (например, число субэтносов в *этнотопосе* по сравнению с данным числом в этническом *субстрате*, не затронутом *пассионарным толчком* и находящемся в гомеостазе). На историческом материале эмпирически установлено, что У.э.с. (имеется в виду ненарушенный, ортогенный процесс) всегда связано со спадом *пассионарности*, и, соответственно, наоборот — усложнение связано с подъемом *пассионарности*. У.э.с. может иметь искусственный, навешенный характер — если имеет место интенсивное внешнее воздействие на систему (геноцид, образование *анти-системы*).

Упрощение связано не только со снижением числа подсистем в данной этнической системе, но и с разрывом системных связей, которые регистрируются современниками как отход от нормы, как неординарные события; времена, изобилующие событиями, описываются историками как «смутные», «переломные» и т.д. Действительно, тяжелые потрясения приводят этническую систему к упрощению: так, после надлома никогда не восстанавливается в полном объеме расцвет и разнообразие *акматической фазы*.

Предельное У.э.с. знаменует завершение ее жизненного цикла. Так, потомки исконных римлян в Римской империи IV в. н.э. существовали в виде небольшого *субэтноса*. То же можно сказать о Византийских греках накануне падения Константинополя в 1453 г. В предельно упрощенном виде система может продолжать существовать как *персистент* или же гибнет от воздействия извне.

УРОВЕНЬ ПАССИОНАРНОГО НАПРЯЖЕНИЯ СИСТЕМЫ (пассионарное напряжение) — количество *пассионарности* в этнической системе, отнесенное к числу персон, входящих в эту систему. Определяется соотношением количеств *пассионариев* различных уровней, *гармонич-*

ных и субпассионарных людей в этнической системе. Изменением У.п.н.с. обуславливается процесс смены *фаз этногенеза*, что показывает кривая (см. рис. на стр.31 I), явившаяся обобщением 40 индивидуальных кривых этногенеза.

По оси абсцисс на схеме отложено время в годах. Исходная точка кривой — момент *пассионарного толчка*, явившегося причиной возникновения этнической системы. Пассионарное напряжение отложено на оси ординат в двух шкалах: «количество *субэтносов* по сравнению с гомеостатическим этносом» (индексы п-1, п-2 и т.д.) и «господствующий пассионарный тип» (от уровня P_2 до P_6). Как же оценивается У.п.н.с.?

1) Количество субэтносов по сравнению с исходным состоянием отражает усложнение (упрощение) этнической системы, причем исторически доказано, что рост разнообразия и сложности системы отражает повышение количества энергии в ней (и, соответственно, наоборот: упрощение системы связано со спадом пассионарности).

2) Господствующие пассионарные типы (от уровня «неспособности удовлетворять вожеления» до уровня «жертвенность») определялись путем исторических оценок этносов в разные эпохи. Так, *акматические фазы* всегда связаны с частым упоминанием в источниках ярких, жертвенных личностей, приводящих этносы в крайне динамичное состояние. Наоборот, для *обскурации* типично господство *субпассионариев*, создающих хаос и разлагающих структуру этноса. Следует заметить, что помимо господствующего типа в этносе присутствуют все типы более низких пассионарных уровней.

3) При построении кривой был применен, но на существующих шкалах не отражен третий критерий оценки У.п.н.с. — «частота событий этнической истории». Эта шкала, предложенная К.П. Ивановым, дает независимый результат, подтверждающий правильность построения кривой. Событие понимается как разрыв этнической системной связи. Для построения кривой выделяются события этнического масштаба: столкновения двух и более субэтносов.

Пунктирной кривой в нижней части схемы отмечен качественный ход изменения плотности субпассионариев в этносе.

Если же обратиться к сути пассионарного напряжения, то ее выражает закон, сформулированный Л.Н. Гумилевым: «Работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения»¹. Автор формулировки исходит из того факта, что в отличие от этнического *гомеостаза*, где этнос тратит минимум энергии для поддержания жизни, в историческом состоянии он расходует энергетический избыток на экспансию, создание культуры и идеологии, преобразование ландшафта, внутреннюю борьбу и т.д. Вся эта деятельность совершается по инициативе *пассионариев*, и ее размах и интенсивность зависят от процента пассионариев в этносе; здесь важно учитывать *пассионарную индукцию*, за счет которой пассионарии передают свой деятельный настрой другим, малоактивным людям. Таким образом, каждый этнос проявляет вполне определенный уровень активности, детерминируемый уровнем его пассионарного напряжения.

УСЛОЖНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ — увеличение плотности системных связей в этнической системе, рост ее внутреннего разнообразия. (Критерии сложности системы — см. *Упрощение этнической системы*.) Ярким примером усложнения системы является *фаза подъема*. Проходя эту фазу, этническая система превращается из простой, первичной *консорции* в грандиозную и разнообразную этническую «галактику» — *суперэтнос*. Так произошло, например, с арабами-мусульманами в VI—VIII вв. н.э., с христианами в I—IV вв. н.э. Аналогичен процесс и для систем более низких рангов — и *субэтноты*, и *консорции* (*конвиксии*) всегда возникают из простейшего «зародыша», затем усложняются и впоследствии распадаются (упрощаются и исчезают либо же делятся на несколько систем того же ранга).

¹ «Этногенез и биосфера Земли», с.265.

ФАЗА ЭТНОГЕНЕЗА¹ — имеющая временные рамки стадия процесса *этногенеза*, определяемая направлением, скоростью и пределами изменения *уровня пассионарного напряжения* в этнической системе. Ф.э. характеризуется:

а) направлением изменения и уровнем активности этнической системы в целом (миграционной, демографической, хозяйственной, идейно-политической, военной, природопреобразовательной);

б) господствующими в данной фазе типами *пассионариев* определенного уровня (эти уровни колеблются от обычного стремления к благоустройству до жертвенности, см. рис. на стр.311), а также количеством и ролью *субпассионариев*;

в) единым для данной фазы общественным *императивом поведения*;

г) степенью внутренней сложности системы, характеризваемой пределами и направлением изменения количества подсистем (*субэтносов*);

г) направлением изменения и уровнем *резистентности* этнической системы.

Кроме того, все Ф.э. имеют особые, присущие только им отличительные признаки. Так, *фаза надлома* знаменуется расколом единого этнического поля, *фаза обскурации* — разложением всех общественных структур и т.д. См. определения фаз.

ФАЗА ПОДЪЕМА — фаза интенсивного роста пассионарного напряжения в этнической системе вследствие *пассионарного толчка*, приведшего к появлению этой системы. Характеризуется энергичной экспансией вновь возникшего *этноса*, резким ростом всех видов его активности, демографическим взрывом, быстрым повышением числа подсистем этнической системы. В Ф.п. формируются новая *этническая доминанта* и социальные институты. Для данной фазы характерно *пассеистическое ощущение времени*, а также общественный императив «Будь тем,

¹ Для удобства читателя термины в разделе «Фаза этногенеза» даны не в алфавитном порядке, а исходя из их логической последовательности.

кем ты должен быть». Эта формула отражает высокую дисциплину во вновь возникшей системе, где жесткой регламентации подвергается поведение членов коллектива, брачные отношения, использование ландшафта. Однако благодаря формирующемуся в Ф.п. новому *стереотипу поведения* все эти ограничения воспринимаются людьми не как тягостная обуза, а как необходимое условие достойного образа жизни. Ф.п. начинается с инкубационного *периода*, сначала скрытого, а затем явного. Окружающие этносы воспринимают Ф.п. как образование общности крайне активных людей, отстаивающих непривычные идеалы и завоевывающих себе место под солнцем, часто за счет соседей. После Ф.п. наступает *акматическая фаза*. Характерные примеры Ф.п. — рост численности и влияния христианских общин в I—III вв. н.э., приведший к созданию Византийского *суперэтноса*; Древний Рим периода первых царей и завоевания Италии (VIII—VI вв. до н.э.); арабы-мусульмане периода создания Халифата и распространения ислама (VI—VIII вв. н.э., включая инкубационный период); монголы XI—XIII вв. н.э., чья агрессия распространилась почти на все пространство Евразии; в России подъем связан с политикой Александра Невского, победой на Куликовом поле, возвышением Москвы, созданием единого Российского государства и его расширением (XIII—XV вв.).

ФАЗА АКМАТИЧЕСКАЯ — *фаза этногенеза*, в которой пассионарное напряжение достигает наивысших для данной системы уровней. Наступает после *фазы подъема*. Этническая система в данной фазе характеризуется господством *пассионариев* жертвенного типа, наивысшим числом подсистем (*субэтносов*), предельной частотой событий этнической истории. Жертвенные пассионарии встречаются и в *фазе подъема*, но в Ф.а. у них появляется новый настрой — стремление к максимальному утверждению себя как личности, а не только к победе своего этнического коллектива в целом. Это означает, что в акматической фазе начинает меняться *ощущение времени* — появляются актуалисты. Все это определяет общественный императив Ф.а. — «Будь самим собой». Рост индивидуализма в сочетании с избытком *пассионарности* часто

приводит этнос в состояние, именуемое *пассионарным перегревом*. При пассионарном перегреве избыточная энергия, которая в фазе подъема тратилась на бурный рост и экспансию, начинает погашаться на внутренние конфликты. Так, Ф.а. в Европейском *суперэтносе* ознаменовалась войной гвельфов с гибеллинами и провалом политики крестовых походов из-за распрей между вождями крестоносцев; в Византии (IV—VII вв.) — внутренними раздорами на религиозной почве. Ф.а. в России — «смутное время», у монголов — распад единого улуса, созданного Чингисханом; в средневековом Китае Ф.а. — эпоха Тан (658—907 гг. н.э.), ознаменованная восстанием Ань Лушаня (756—763 гг.), за время которого население Китая сократилось втрое.

ФАЗА НАДЛОМА — фаза резкого снижения пассионарного напряжения после *акматической фазы*, сопровождающегося *расколом этнического поля*, ростом числа *субпассионариев*, острыми конфликтами внутри этнической системы. Все это приводит к существенному снижению *резистентности* системы в целом и повышению вероятности ее распада и гибели в результате *смещения* (негативного этнического *контакта* и действия *антисистем*). Так, тяжело проходила Ф.н. в арабо-мусульманском *суперэтносе*, где власть в 945 г. захватил Ахмед Буид — вождь *этнуса* дейлемитов, возникли антисистемы (карматы) и Арабский халифат распался. Кризисной фазой явился надлом и для других известных нам суперэтносов: в Риме это период гражданских войн 100—30 гг. до н.э. и восстаний Спартака и Каталины; в Византии — иконоборчество (типичный пример раскола единой *ментальности*) и антисистема павликиан (630—843 гг. н.э.). В Древнем Китае Ф.н. — эпоха семи «Воюющих царств» (IV в. до н.э.), а в средневековом Китае аналогичная фаза наступила после низвержения империи Тан (907 г. н.э.) с началом периода, известного как время «пяти династий и десяти царств». В Западноевропейском суперэтносе надлом связан прежде всего с Реформацией и Контрреформацией, расколовшими Западный мир на две части — протестантскую и католическую. Рост числа субпассионариев позволял кондотьерам создавать целые армии, что

привело к огромным жертвам среди населения. Так, Тридцатилетняя война унесла в Германии до трех четвертей населения. Надлом продолжался до XVII в., когда начался переход в *инерционную фазу*. В России надлом начался в XIX в. — ярчайшим его проявлением стали кровавые катаклизмы начала XX в. (в особенности гражданская война). Таким образом, можно констатировать, что надлом — очень характерный этап в любом *этногенезе*, наступающий приблизительно через 600 лет после его начала. Его можно рассматривать как «возрастную болезнь» этнической системы.

ФАЗА ИНЕРЦИОННАЯ (фаза инерции) — *фаза этногенеза*, в которой после *фазы надлома* наступает некоторое повышение и затем плавное снижение *уровня пассивного напряжения*. Характеризуется укреплением государственной власти и социальных институтов, интенсивным накоплением материальных и культурных ценностей, активным преобразованием вмещающего ландшафта. Господствует общественный императив «Будь таким, как я», что означает ориентацию на общепринятый эталон для подражания (часто это обобщенный образ, отклонение от которого осуждается общественным мнением, — подобно образу «джентльмена» в XVII—XIX веках в Англии; иногда же этот императив выливается в обожествление правителя, преклонение перед которым — пусть даже чисто внешнее — обязательное условие вхождения индивида в систему). Переход к инерционной фазе обычно выглядит как успокоение и начало созидательной деятельности после катаклизмов фазы надлома. Соответственно, господствующим в Ф.и. становится характерный тип «золотой посредственности» — законопослушный, работоспособный человек. Это означает доминирование в этносе *людей гармоничных* и с низкими степенями *пассивности*. Однако в силу наличия мощного централизованного руководства, умиряющего внутренние конфликты, *этнос* в Ф.и. производит грандиозную работу, что бывает полезно для культуры, но губительно для природы. Примеры Ф.и.: Рим эпохи принципата (от Августа, установившего в империи очень характерный для Ф.и. порядок, до Коммоды, при котором уже началось вползание в *обскуранцию*);

объединение Великой степи Тюркским каганатом (545—747 гг. н.э.); в Иране Ф.и. — это Сасанидская империя (224—499 гг. н.э.), в средневековом Китае — империя Сун (960—1127 гг.). В Западной Европе Ф.и. началась в XVII в. и продолжается по сей день. Она ознаменовалась созданием сильных национальных государств, колониальной экспансией, зарождением и торжеством капитализма, интенсивным развитием техники, крайне сильным и губительным воздействием на природную среду. Изменился психологический облик типичного жителя Запада: на смену рыцарям акматической фазы, непримиримым борцам за обновление Церкви эпохи надлома пришли расчетливые бизнесмены, исполнительные чиновники, трудолюбивые обыватели. В эту же эпоху в Европе родилась «религия прогресса», постулирующая, что западная цивилизация есть осевая линия развития человечества, которое неуклонно восходит от низшего к высшему. Подобные мифические представления характерны и для других суперэтнотетосов в Ф.и.: так, и древнекитайская империя Хань, и императорский Рим считали свою цивилизацию единственной и вечной, а все остальные народы — варварской периферией. Это вполне объяснимо: культура и порядок в Ф.и. бывают столь совершенны, что кажутся современникам непреходящими — люди не знают, что следом за «золотой осенью» наступают «сумерки» — *фаза обскурации*.

ФАЗА ОБСКУРАЦИИ — *фаза этногенеза*, в которой пассионарное напряжение убывает до уровня ниже гомеостатического («нулевого», см. *Уровень пассионарного напряжения системы*) за счет значительного увеличения числа *субпассионариев*. Этнос существует за счет материальных ценностей и навыков, накопленных в предыдущую *инерционную фазу*. Расплодившиеся *субпассионарии* делают невозможной любую конструктивную деятельность, требуя только одного — удовлетворения своих ненасытных потребностей. Начинает господствовать императив «Будь таким, как мы» — то есть осуждается (а при возможности — уничтожается) любой человек, сохранивший чувство долга, трудолюбие и совесть. Собственный императив субпассионариев — «День, да мой», что отражает их полную неспособность к прогнозу. В результате

общественный организм начинает разлагаться: фактически узаконивается коррупция, распространяется преступность, армия теряет боеспособность, к власти приходят циничные авантюристы, играющие на настроениях толпы. Наступает депопуляция, численность населения к концу Ф.о. значительно сокращается; частично этот процесс тормозится за счет притока представителей окраинных и чужих этносов, которые зачастую начинают доминировать в общественной жизни. Этническая система утрачивает *резистентность* и может стать легкой добычей более пассионарных соседей. Ф.о. предшествует гибели этнической системы или ее переходу в состояние *этнического гомеостаза*, причем гомеостаза может достичь лишь незначительная здоровая часть этноса, сохранившаяся в «кровавом мраке» эпохи обскурации.

В Древнем Риме Ф.о. началась в конце II в. н.э. и закончилась гибелью Западной Римской империи; в Византии обскурация охватила суперэтнос в период правления династии Ангелов и привела к падению Константинополя в 1204 г. (и окончательной гибели в 1453 г.). В Китае Ф.о. воцарилась в XVII в., и он был захвачен маньчжурами (маньчжурская династия правила в стране до Синьхайской революции 1911 г., которая была проявлением уже нового этногенеза). Обскурация в Древнем Китае связана с упадком империи Хань и взятием в 312 г. столицы Поднебесной хуннами.

ФАЗА РЕГЕНЕРАЦИИ — возможное восстановление этнической системы после *фазы обскурации* за счет сохранившейся на окраинах ареала *пассионарности*. В Византии таким временным восстановлением была Никейская империя, возникшая уже после падения Константинополя в 1204 г. Однако Ф.р. — лишь короткий всплеск активности накануне завершения процесса *этногенеза*. Она переходит затем в *мемориальную фазу*. Действительно, в 1453 г. турки-османы окончательно уничтожили Византийское государство, а византийские греки сохранялись в дальнейшем как небольшой реликт.

Иногда под термином «регенерация» понимается любое восстановление этнических структур после внутренних катаклизмов и вторжений извне.

ФАЗА МЕМОРИАЛЬНАЯ — близкая к *этническому гомеостазу фаза этногенеза*, знаменующая завершение этого процесса. В Ф.м. этническая система уже утратила *пассионарность*, но отдельные ее члены еще продолжают сохранять культурную традицию прошлого. Память о героических деяниях предков продолжает жить в виде фольклорных произведений, легенд. Так, в долинах Горного Алтая живут потомки некогда могучих степных этносов (древних тюрок, найманов). Ныне они утратили активность, но богатый былинный эпос говорит нам о былой славе этих народов.

Понятие «Ф.м.» применимо также к отдельным *субэтносам*, выпавшим из основного потока этногенеза и изолировавшим себя с целью законсервировать свой образ жизни и взгляд на мир. Таковы старообрядцы — субэтносы, сложившийся в XVII в.

Переход от Ф.м. к законченной форме этнического гомеостаза имеет очень плавный характер и выглядит как постепенное забвение традиций прошлого. Само понятие «прошлое» теряет свое наполнение, так как воцаряется статическое *ощущение времени*.

Х

ХИМЕРА — форма контакта несовместимых *этносов* разных суперэтнических систем, при которой исчезает их своеобразие. Выросшие в зоне контакта люди не принадлежат ни к одному из контактирующих *суперэтносов*, каждый из которых отличается оригинальными этническими традициями и *ментальностью*. В Х. же господствует бессистемное сочетание несовместимых между собой поведенческих черт, на место единой *ментальности* приходит полный хаос царящих в обществе вкусов, взглядов и представлений. В такой среде расцветают антисистемные идеологии. Потеря своеобразных для каждого этноса адаптивных навыков (см. Адаптация) приводит к отрыву населения от кормящего ландшафта. Таким образом, Х. можно охарактеризовать как общность деэтнизированных, выпавших из этносов людей. В отличие от этноса Х. не может развиваться, а способна лишь некоторое время су-

ществовать, впоследствии распадаясь — происходит своего рода этническая «аннигиляция». Возникшие в недрах *Х. антисистемы* выступают, как правило, инициаторами кровопролитных конфликтов, либо *Х.* делается жертвой соседних этносов.

С позиций предложенной Л.Н. Гумилевым концепции *этнического поля*, колеблющегося с определенной частотой, или ритмом, *Х.* представляет собой наложение двух различных ритмов, создающее какофонию. Эта какофония воспринимается людьми на уровне подсознания и создает характерную для *Х.* обстановку всеобщей извращенности и неприкаянности, а также порождает антисистемные умонастроения.

Х. может существовать в теле здорового этноса, подобно раковой опухоли, существуя за его счет и не выполняя никакой конструктивной работы. При этом она может быть относительно безвредной (пассивной) либо же становится рассадником агрессивных *антисистем*.

Примеры *Х.*: контакт хуннов и китайцев в III в. н.э. (после захвата большей части Ханьского Китая хуннами). Контакт привел к гибели почти всех включенных в него этносов; Арабский халифат в X в. н.э., где арабы путем создания гаремов смешались с другими *суперэтносами* (на этом фоне возникла антисистема исмаилитов). Аналогичные процессы протекали в Османской Порте, но *Х.* была безвредной (антисистем до XIX в. не возникало). Химерой было Болгарское царство (созданное болгарами на славянских землях в 660 г. н.э.). Здесь распространилась антисистема богумилов. Существовали *Х.* также в доколумбовой Америке (государства инков и муисков). Они были разрушены испанскими конкистадорами.

Большинство перечисленных химер сложилось за счет вторжения представителей одного суперэтноса в области проживания другого, после чего агрессор пытается жить не за счет использования ландшафта, а за счет побежденных. Результатом в конечном итоге всегда бывает распад и гибель *Х.*, так как победители деградируют не в меньшей степени, чем их жертвы.

ЭНЕРГИЯ ЖИВОГО ВЕЩЕСТВА БИОХИМИЧЕСКАЯ — свободная энергия, поглощаемая организмами из окружающей среды. За счет этой энергии живые организмы способны производить работу, расти и размножаться, а живое вещество биосферы Земли выступает как активная геологическая сила.

«Эта энергия есть активная, действенная, меняющая окружающую организм среду и проявляющая давление, напор в окружающей среде, если можно и нужно, разрушающая препятствия»¹.

Л.Н. Гумилевым было выявлено и описано одно из проявлений Э.ж.в.б. — повышенная активность и территориальная экспансия человеческих коллективов (*этносов*) в определенные эпохи. Эти всплески активности начинаются в регионах особой (линейной) конфигурации — зонах *пассионарных толчков*. Таким образом, предложенный В.И. Вернадским энергетический взгляд на биосферные процессы послужил основой для нового понимания истории человечества — пассионарной теории *этногенеза* Л.Н. Гумилева (см. *Пассионарность как энергия*).

ЭНТРОПИЙНЫЙ ПРОЦЕСС — необратимый процесс рассеивания энергии. Л.Н. Гумилев считает этногенез энтропийным процессом.

ЭТНИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА — различение представителей *этносов* (*субэтносов, консорций, конвексий*) по *стереотипу поведения* и принадлежности к той или иной *этнической традиции*. Существен также момент самоопределения данной этнической группы и ее представителей. Так, проживавшие на Тереке в XIX в. казаки по многим особенностям быта были близки к кавказским народностям, но ощущали себя тем не менее частью русского этноса. Э.д. осуществляется этнопсихологическими, культурологическими, описательно-этнографическими методами.

¹ *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965, с.287.

ЭТНИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА — система политических, идеологических или религиозных ценностей, создающаяся при появлении любой этнической целостности и служащая для нее объединяющим началом. Э.д. складывается в своей основе еще в *инкубационном периоде*, который предшествует возникновению этнической системы. Э.д. является необходимым условием объединения *пассионариев*, порвавших с традициями *этнического субстрата*. Проповедь новых идей, отстаивание новых политических идеалов (в том числе и с оружием в руках) удовлетворяет характерную для пассионариев жажду деятельности. Обычно Э.д. достаточно резко противопоставлена господствующим в этническом субстрате представлениям и нормам. Так, строгие правила первых христианских общин, содержание христианских проповедей представлялись язычникам-римлянам чудовищным извращением, что толкало их на борьбу с новой религией. Но законы *этногенеза* оказались сильнее: после *пассионарного толчка* I в. н.э. все повышенно активные люди стремились примкнуть к новым доминантам, главным образом к христианству, а одряхлевшее вместе с Римом язычество никого не интересовало. Результатом была полная победа христиан в IV в.: на них был вынужден опереться император Константин, так как другой серьезной силы в империи к этому времени уже не было.

Роль Э.д. для арабов в VII в. сыграла также новая религия — ислам. Под знаменем пророка собрались все появившиеся на Аравийском полуострове в результате пассионарного толчка VI в. пассионарии. Следствие вполне закономерно: был создан Арабский халифат от Памира до Испании.

Приведенные примеры Э.д. относятся к периодам появления новых суперэтносов. Однако вполне правомерно говорить об Э.д. при складывании различных целостностей (*этносов, субэтносов*) уже в ходе этногенеза. Так, для возникшего в России в XVII в. субэтнуса старообрядцев доминантой послужило противодействие реформе Никона.

Конечно, Э.д. не всегда носит обостренный идейный или религиозный характер. Иногда для образования новой целостности достаточно просто резкого политического

размежевания с существующими традициями (пример — викинги, пассионарный толчок VIII в. н.э.). Но в целом Э.д. может быть охарактеризована как совокупность явлений в общественном сознании людей, объединяющихся в новую этническую систему. Положительной взаимной *комплиментарности* этих людей соответствует близкий образ мыслей.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ — соподчиненность этнических систем, при которой каждая этническая система более высокого ранга включает в себя несколько этнических систем более низкого ранга. Л.Н. Гумилевым предложена четырехуровневая таксономическая система, описывающая все исторически зафиксированные виды Э.и.: «консорция (конвиксия) — субэтнос — этнос — суперэтнос». Соподчиненность этнических систем не есть раз и навсегда заданная жесткая структура, наоборот, этнические системы динамично изменяются в процессе *этногенеза*. Так, из первоначальной консорции вырастает субэтнос, в котором растет внутреннее разнообразие — в результате складывается этнос, в свою очередь состоящий из субэтносов. Так шел процесс при образовании Византийского суперэтноса: I в. н.э. — первоначальные консорции христиан, II в. — субэтнос (уже имела место преемственность традиции в ряду поколений), IV в. — этнос в составе Римского суперэтноса, начало VI в. — Византийский суперэтнос. В финальных *фазах этногенеза* можно пронаблюдать обратный процесс: после взятия Константинополя османами Византийский этнос упростился до небольшого субэтноса, жившего в квартале Фанар в Стамбуле до 1821 г. (речь идет об этнической системе, а не о византийской культурно-религиозной традиции). Аналогичную динамику можно пронаблюдать для других суперэтносов: Древний Рим возник из консорции, собравшейся на Тибре, Монгольский улус — из группы соратников Чингисхана и т.д. Крайне подвижны этнические структуры в ходе всего этногенеза — многие субэтносы возникают и исчезают, сменяясь другими.

Иерархичность этнических систем воспринимается непосредственно: если на родине противопоставление субэтносов играет важную роль, то в иноэтнической среде люди

сразу делаются «земляками». При попадании в чуждый суперэтнос представители даже совсем разных этносов (например, англичане и французы в Африке) ощущают близость (в данном случае — принадлежность к «цивилизованному миру»).

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ — история возникновения, развития и распада этнических систем разных иерархических уровней в их взаимодействии и взаимовлиянии.

ЭТНИЧЕСКАЯ СИСТЕМА — см. *Этнос*.

ЭТНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ — иерархия стереотипов и правил поведения, культурных канонов, политических и хозяйственных форм, мировоззренческих установок, характерных для данного *этноса* и передаваемых из поколения в поколение. Накопленной этнической традицией, по сути дела, и определяется своеобразие каждого этноса, его место в ряду других народов. Э.т. закладывается в период молодости этноса, когда он активно вырабатывает навыки приспособления к окружающей среде (этнической и природной). Э.т. может быть нарушена в случае, если этнос становится жертвой *химеры*, то есть при негативном *этническом контакте*. При нормальном развитии этноса Э.т., достигнув наибольшего расцвета и своеобразия, затем начинает упрощаться и исчезает синхронно с упадком и исчезновением самого этноса. Однако многие ее элементы могут переходить к другим, молодым этносам, которые активно усваивают и перерабатывают эти элементы. Так, каноны искусства эпохи эллинизма перешли после гибели самой античной цивилизации ко множеству новых этносов и живы по сей день. Богатейшие культурные традиции древнеславянского и византийского миров были восприняты и развиты Российским суперэтносом. Таким образом, Э.т. любого этноса не создается на пустом месте, а является органическим сочетанием заимствованных от предшественников элементов и принципиально новых черт.

ЭТНИЧЕСКИЙ ГОМЕОСТАЗ (статическое, или персистентное, состояние этноса) — состояние этнической системы, при котором ее жизненный цикл повторяется из поколения в поколение без существенных изменений и система сохраняет равновесие с ландшафтом и всеми подобными (то есть статическими) этническими системами,

не проявляя при этом каких-либо форм целенаправленной активности, изменяющей окружение. Все это позволяет судить о крайне низком *уровне пассионарного напряжения* в системе и принять этот уровень за нулевую точку при построении шкалы пассионарного напряжения (см. рис. на с.311). Этнос в состоянии Э.г. состоит почти целиком из *гармоничных людей* — достаточно трудолюбивых, чтобы обеспечить всем необходимым себя и свое потомство, но лишенных потребности и способности что-либо менять в жизни. *Пассионарии* в статических этносах встречаются в виде исключения и, как правило, эмигрируют, не найдя применения своим силам на родине. *Субпассионарии* тоже относительно редки: они лишены способности к полноценной адаптации и трудолюбия, а эти качества жизненно необходимы при Э.г.

Э.г. имеет следующие характерные черты:

а) Каждое новое поколение стремится повторить *стереотипы поведения* предшествующего (то есть отсутствует проблема «отцов и детей»).

б) Господствует статическое (или циклическое) *ощущение времени*.

в) Границы ареала проживания этноса стабильны, если на них не покушаются соседи.

г) Численность населения стабильна, что обеспечивается ограничением его прироста.

д) Государственные структуры не развиты, господствует авторитет старших по возрасту, формы социальной жизни неизменны.

е) Религия и мировоззрение не развиваются и не изменяются из поколения в поколение, чужие идеи не вызывают интереса.

ж) Хозяйство полностью приспособлено к ландшафту, природопреобразовательная деятельность отсутствует.

Этнос переходит в Э.г. после прохождения всех *фаз этногенеза* и может находиться в этом состоянии неограниченно долго, если только он не станет жертвой агрессии, геноцида, стихийного бедствия или не будет ассимилирован. Примеры статических этносов: аборигены Австралии, современные североамериканские индейцы и отдельные племена в Амазонской сельве, коренные народы Крайнего

Севера (чукчи, эскимосы, алеуты и др.), пигмеи (Центральная Африка), онгхи (Андаманские острова).

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНТАКТ — процесс взаимодействия двух и более этнических систем, при котором ни одна из взаимодействующих систем не является подсистемой другой взаимодействующей системы. Л.Н. Гумилевым выделены четыре принципиально различных варианта этнических контактов:

а) негативный — *химера*;

б) нейтральный — *ксения*;

в) взаимополезный — *симбиоз*;

г) слияние представителей различных этносов *этнического субстрата* в новую общность в результате *пассионарного толчка*.

Этническим контактам в той или иной форме и степени подвержены все этнические системы, за исключением *изолятов*.

ЭТНИЧЕСКИЙ СУБСТРАТ — совокупность *этносов*, послуживших исходным материалом для образования нового этноса. Люди, предки которых входили в различные, зачастую весьма далекие друг от друга этносы, в результате *пассионарного толчка* создают новую этническую целостность, которая начинает четко отграничивать себя от всех существующих этносов, вырабатывая оригинальный стереотип *поведения*. Новая общность создает *этническую доминанту*, четко противопоставленную нравам и воззрениям, царящим в этносах Э.с.; в то же время традиции Э.с. накладывают на нее свой отпечаток. Впоследствии в ходе *этногенеза* этносы, составлявшие некогда Э.с., исчезают; их потомки либо вымирают, либо включаются в состав новой общности.

Почти все известные истории этносы появились из этнически неоднородного субстрата. Так, англичане сложились из англов, саксов, кельтов, датчан, норвежцев и западных французов. Испанцы образовались из иберов, кельтов, германских племен свевов и вестготов, потомков римских колонистов и арабских завоевателей, а также ряда других этносов. Из весьма разнообразных компонентов (испанцев, индейцев, негров) сложились современные

этноты Южной Америки (в данном случае мы говорим не о расовом, а именно об этническом разнообразии).

Особенности Э.с. зачастую сохраняются в виде традиций отдельных местностей и субэтнических групп, но в ходе этногенеза они никогда не имеют существенного значения.

ЭТНИЧЕСКОЕ ПОЛЕ — см. *Поле в этнологии*.

ЭТНОГЕНЕЗ — процесс прохождения *суперэтносом* всех стадий своего развития (*фаз этногенеза*), протекающий от момента возникновения этнической системы в результате пассионарного толчка до ее перехода в этнический гомеостаз или исчезновения. Процессами Э. охвачены все этноты, находящиеся в динамическом состоянии. Э. может быть оборван в одной из фаз или при смене одной фазы на другую в результате смещения.

Л.Н. Гумилевым на основе исторического материала было показано, что все процессы Э. разворачиваются единообразно, то есть смена фаз Э. в различные эпохи подчинялась четкой внутренней закономерности, а длительность каждого из этих процессов составляла 1200—1500 лет. Для объяснения этого феномена Л.Н. Гумилевым была предложена и всесторонне обоснована концепция *пассионарности*, связывающая смену фаз Э. с изменением *уровня пассионарного напряжения системы*. Пассионарность является эффектом энергии живого вещества *биосферы*, проявляющимся в повышенной активности этнических коллективов. Следовательно, правомерно говорить об Э. как о процессе, движущими силами которого являются природные, биосферные факторы. Эти же факторы опосредованно определяют социальные формы жизни, которые создаются людьми разных этносов, так как эти формы связаны с фазами этногенеза и господствующими в них *императивами поведения*. Не отрицая роли экономических факторов, следует отметить, что экономическая активность тоже есть форма проявления пассионарности.

Вскрытие внутренних закономерностей этногенеза послужило основой для создания нового взгляда на *этническую историю*, так как была выявлена ее *дискретность*: становление этносферы является результатом ряда неза-

висимых процессов Э., развернувшихся вследствие различных по времени и месту *пассионарных толчков*.

ЭТНОЛОГИЯ — наука, изучающая закономерности возникновения, функционирования и взаимодействия этнических систем. Э. как естественнонаучная дисциплина была создана Л.Н. Гумилевым, который, обобщив факты этнической истории, обнаружил, что движут эту историю природные процессы, а сам этнос является естественно сложившейся формой коллективного существования людей, органически входящей в биосферу. Вскрыв энергетический (пассионарный) механизм *этногенеза*, Л.Н. Гумилев заложил основу исследования этнических процессов и явлений при помощи методов естественных наук (географии и биологии).

ЭТНОС — устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем другим аналогичным коллективам, что определяется ощущением *комплиментарности*, и отличающийся своеобразным *стереотипом поведения*, который закономерно меняется в историческом времени. Каждый Э. в той или иной степени внутренне неоднороден: внутри него выделяются *субэтноты*, *консорции* и *конвексии*, которые могут возникать и распадаться, причем ощущение единства этноса как целого у их членов не теряется (см. *Этническая иерархия*). Группа близких между собой этносов составляет *суперэтнос*.

Л.Н. Гумилев ввел в учение об этносе системный подход¹, без которого оно зашло в тупик: попытки определять этнос через ряд признаков (язык, культура, территориальное единство, общность экономической жизни, самоназвание и т.д.) постоянно терпели неудачу, так как выявить основной, непеременимый для всех случаев этнодифференцирующий признак (к которому, таким образом, свелся бы феномен этноса) оказалось невозможным², а совокупность признаков не определяет ничего, кроме рассматриваемого в данный момент объекта. Л.Н. Гумилев показал, что

¹ *Берталанфи Л. фон*. Общая теория систем — критический обзор. — В кн.: Исследования по общей теории систем. Под ред. В.Н. Садовского. М., 1969, с.28.

² Это признают и оппоненты Л.Н. Гумилева; см.: *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., Наука, 1973, с.31.

«вынести за скобки» можно лишь само признание этническим коллективом своего единства: «мы такие-то, а все прочие другие (не мы)». Это отождествление является отражением в сознании людей этноса как объективно существующей целостности и является разновидностью системной связи между объектами (людьми), а не их свойством (признаком). Дальнейшие исследования выявили, что рассматриваемые коллективы, выделяющие сами себя из окружающего мира, всегда обладают общностью поведенческих черт, передаваемых из поколения в поколение с помощью механизма условно-рефлекторной сигнальной наследственности. Эти черты не случайны, они вырабатываются в процессе адаптации людей в этнической и ландшафтной среде и образуют собой *стереотип поведения этноса*.

Стереотип поведения служит фундаментом *этнической традиции*, включающей в себя культурные и мировоззренческие устои, формы общежития и хозяйства, имеющие в каждом этносе неповторимые особенности.

Чрезвычайно важно для понимания сущности Э. учение Л.Н. Гумилева о *пассионарности*. Оно дает возможность выявить и объяснить закономерности этногенеза, то есть вскрыть механизм возникновения, развития и распада этносов.

Таким образом, сформулированная Л.Н. Гумилевым концепция этноса существенно отличается от существовавших ранее представлений. Автор данной концепции рассматривает этнос как природную общность, несводимую ни к каким другим типам объединения людей. Этим он решительно порывает с социологизаторской школой, рассматривавшей этнос как социальное явление, подчиняющееся законам общественного развития. Неверно также отождествление этноса с биологической популяцией: феномен этноса лежит в поведенческой сфере, хотя с каждым этносом связана популяция, изолированность которой обеспечивается эндогамией. В то же время скрещивание внутри данной популяции регулируется этнической традицией и не является в силу этого полностью свободным.

Следующей ступенью в изучении Э. является гипотеза Л.Н. Гумилева об этническом поле (см. *Поле в этнологии*). Эта гипотеза не противоречит накопленным наукой фактам и нуждается в дальнейшей проработке.

ЭТНОСФЕРА — сочетание всех существующих этноландшафтных целостностей — *этносов* и их *этноценозов*. Структура и энергетика Э. обусловлены ходом прошлых и современных процессов *этногенеза*. Э. является подсистемой биосферы Земли.

ЭТНОЦЕНОЗ — геобиоценоз, к жизни в пределах которого адаптировалась этническая система, выступая в качестве его верхнего, завершающего звена. Человек участвует в циклических потоках вещества и энергии наряду с другими биологическими видами, составляющими геобиоценоз. При этом для *этносов*, находящихся в динамическом состоянии, характерно активное воздействие на Э. (истребляются различные виды животных, вырубаются леса, вводятся domestikаты и т.д.), что заставляет природу перестраиваться. В условиях *этнического гомеостаза* человек утрачивает свою преобразующую роль и занимает определенную экологическую нишу, неизменную при отсутствии внешних воздействий на Э.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя (Н.В. Гумилева)</i>	5
<i>Вместо предисловия</i>	
Биография научной теории, или Автонекролог.....	8
Проблема жанра.....	8
Жизнь и мысль.....	9
Неудовлетворенность.....	13
Этнос.....	16
Новая наука.....	19
Системный подход.....	21
Начала и концы.....	25
Сомнения и недоумения.....	29
Пассионарность.....	30
Практическое значение теории.....	33
Перед лицом науки.....	35
 ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНОСФЕРА.....	38
О термине «этнос».....	38
Этнос как явление.....	56
Этнос и категория времени.....	79
Этногенез и этносфера.....	97
Что такое этнос?.....	97
Этносы и этносфера.....	104
Четыре фазы этногенеза.....	114
Пассионарность.....	122
Природа пассионарности.....	130
По поводу предмета исторической географии	
(<i>Ландшафт и этнос</i>). III.....	133
Язык.....	136
Обычаи или культура.....	136
Идеология.....	137
Происхождение.....	137
По поводу «единой» географии	
(<i>Ландшафт и этнос</i>). VI.....	145
Об антропогенном факторе ландшафтообразования	
(<i>Ландшафт и этнос</i>). VII.....	160

Этногенез в аспекте географии	
(Ландшафт и этнос). IX.....	177
Постановка проблемы.....	177
Новые данные.....	181
Поиск решения.....	182
Новый путь.....	184
Статика и динамика.....	188

О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии	
(Ландшафт и этнос). X.....	194

Этнос — состояние или процесс?	
(Ландшафт и этнос). XI.....	210

Сущность этнической целостности	
(Ландшафт и этнос). XII.....	225

Этнология и историческая география	
(Ландшафт и этнос). XIII.....	239

Внутренняя закономерность этногенеза	
(Ландшафт и этнос). XIV.....	257

Этно-ландшафтные регионы Евразии	
за исторический период.....	272

Биосфера и импульсы сознания.....	292
-----------------------------------	-----

Л.Н. Гумилев, К.П. Иванов. Этносфера и космос.....	306
Кратко об этносе.....	307

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АНТИСИСТЕМЫ В ЭТНОГЕНЕЗЕ.....	324
-------------------------------	-----

Помни о Вавилоне.....	324
-----------------------	-----

Отрицательные значения в этногенезе.....	335
--	-----

Кристаллизованная пассионарность.....	335
---------------------------------------	-----

Последовательность.....	338
-------------------------	-----

Нет!.....	339
-----------	-----

«Бездна» (вакуум).....	342
------------------------	-----

Деяния и явления.....	344
-----------------------	-----

В «полосе свободы».....	350
-------------------------	-----

Прозрение В.И. Вернадского.....	353
---------------------------------	-----

Биполярность этносферы.....	354
-----------------------------	-----

Ложь как принцип.....	354
-----------------------	-----

Третий параметр.....	358
----------------------	-----

Губительный фантом.....	359
Древний дуализм.....	363
Конкордат с Сатаной.....	370
Выход из безысходности.....	374
Зигзаг истории.....	376
Между двух океанов.....	376
Описание хазарской страны.....	378
Этнос «отраженного света».....	381
Хазары и фазы этногенеза.....	384
Соседи хазар в VII—VIII вв.....	387
Сквозь грани веков.....	390
У персов V—VII вв.....	394
У арабов VII в.....	399
У хазар в VIII п.....	401
У греков в VIII в.....	403
Рахдониты.....	406
И грянул гром.....	411
Расправа.....	414
Химера на Волге.....	416
А где же искусство?.....	421
Друзья обновленной Хазарии.....	425
Четыре каганата.....	430
Хазары и норманны.....	437
Гнев стихий.....	441
Вокруг Каспийского моря.....	444
Враги обновленной Хазарии.....	449
Подвиги полководца Песаха.....	452
Кто виноват?.....	455
Переворот в Киеве.....	458
Лицом к лицу.....	462
Искренность и выгода.....	464
Пятый акт трагедии.....	467
Поклонники плененного света.....	469
Наследники тайного знания.....	478
Поборники антимира.....	483
Губительный фантом.....	492
Апокриф.....	499
Библиография.....	501
Словарь понятий и терминов теории этногенеза	
Л. Н. Гумилева.....	517